

Уэсли
Льюис
Бенджамин
Шеффер

Уильям Дж. Петерсен

25

УДИВИТЕЛЬНЫХ
браков

Истории
из жизни известных христиан

Эдвардс
Трэн
Мооди
Кальвин
Амтер
Сперджер
Флокен

Искусный рассказчик Уильям Петерсен приглашает вас в мир семьи тех людей, жизнь и деятельность которых оказала огромное влияние на современное христианство.

Эта увлекательная книга показывает, что браки многих христианских лидеров были отнюдь не идеальными. Энергия этих ярких религиозных деятелей, а также трудные обстоятельства, связанные с их служением, и жертвы, на которые им приходилось идти ради великого дела, — все это порождало множество неожиданных проблем в семейной жизни.

Уильям Петерсен описывает силу духа Полли Ньютон, Эммы Моуди и Сьюзи Сперджен, женщин, которые многое сделали для того, чтобы сформировать характер своих мужей. Он рассказывает о замечательной истории любви Уильяма и Марри Брайен, о взаимном уважении, которое царило между Билли и Нелл Санди, но также проливает свет и на браки, которые зачастую складывались очень непросто. Но самое главное — во всех этих историях есть множество уроков, касающихся таких извечных семейных проблем, как финансовые затруднения, разлуки и несходство характеров.

Если вы стремитесь к разрешению проблем в вашей собственной семье, то вы непременно найдете богатый материал для размышлений в книге «25 удивительных браков».

ISBN 5-85869-104-6

9 785869 891045

Уильям Дж. Петерсен

25

удивительных браков

Истории

из жизни известных христиан

Санкт-Петербург
Издательство «Мирт»

2001

Originally published in English under the title 25 SURPRISING MARRIAGES by Baker Books a division of Baker Book House Company P.O. Box 6287, Grand Rapids, MI 49516-6287 All rights reserved

Перевод с английского

Петерсен У. Дж.

25 удивительных браков: Истории из жизни известных христиан: Пер. с англ. — СПб.: Мирт, 2001. — 486 с.

ISBN 5-88869-104-6.

Читая эту книгу, вы, возможно, многое узнаете об истории церкви. И все же церковная история в этой книге не главное. Книга эта о супружеских отношениях. Вам, вероятно, браки этих духовных вождей представлялись идеальными, но вы обнаружите, что на самом деле они слагались из такой же повседневности, какая лежит в основе и всех прочих браков, что их семейные проблемы в точности таковы, как те, с которыми приходится сталкиваться и вам самим, а у многих из них были отнюдь не столь счастливые семьи, как ваша...

© 1997 by William J. Petersen © Издательство «Мирт», 2001

ISBN 5-88869-104-6

Введение

Читая эти страницы, вы, возможно, много узнаете об истории церкви. И все же церковная история в этой книге не главное. Книга эта о супружеских отношениях.

Когда мы читаем о чьем-нибудь браке, то видим обычных людей — мужчин и женщин, — а не каких-то выдающихся деятелей. Я ни в коем случае не стремлюсь принизить их значимость. В ярких свершениях этих людей Бог действительно явил Свою волю. Но люди эти — простые смертные, были у них и свои слабости, и свои недостатки. Мы увидим, как Фрэнсис Шеффер кидается цветочными горшками, а Полли Ньютон кусает ногти в ожидании допоздна задержавшегося мужа. Мы услышим, как Кэтрин Маршалл говорит, что не понимает, зачем ее мужу проводить столько времени в поездках, а Руфь Грэм жалуется на то, что ее муж не обращает на нее внимания, и обнаружим Кати Лютер взламывающей двери кабинета, в котором заперся ее супруг.

Читая эту книгу, вы обнаружите, что браки этих выдающихся христианских руководителей слагались из такой же повседневности, какая лежит в основе и всех прочих браков. Их семейные проблемы в точности таковы, как те, с которыми приходится сталкиваться и вам самим. И у многих из них были отнюдь не столь счастливые семьи, как ваша.

Вам, вероятно, браки этих духовных вождей представлялись идеальными. Думалось, Господь избрал их потому, что в семье они представляли собой пример величайшей добродетели. Но дело также и в том, что они боролись за то, чтобы брак их стал таким, каким браку быть надлежит.

И в самом деле, браки известных христианских руководителей полны гораздо более серьезных проблем, чем «средний» брак обычного христианина. Если

вдуматься — не так уж это и удивительно. Выдающиеся способности часто порождают трудности в семейной жизни. Ведь руководители всегда находятся под пристальным вниманием. Кроме того, те же самые качества, которые превращают человека в руководителя, могут сделать его очень тяжелым в общении, когда он выступает в роли мужа или жены.

Я не задавался целью подробно рассказать о духовных достижениях этих людей. Это прекрасно описано их многочисленными биографами. Но я надеюсь, что рассказанное мной об этих избранных служителях Божьих подвигнет читателей к тому, чтобы узнать о них больше. Краткая библиография в конце каждой главы поможет вам в этом.

Мне были особенно интересны именно те составляющие, из которых слагались все эти браки. Потому я и уделил большое внимание родителям этих людей, их отношениям в период ухаживания, изменению взаимоотношений в их семьях, тому, как пересекались, сталкивались и сливались воедино столь недюжинные характеры. Возможно, у вас создастся впечатление, будто я не воздал должного духовному величию того или иного христианского руководителя, — заранее приношу свои извинения. Во многом это обусловлено недостатком места. Возможно, покажется, что мною несколько однобоко описана жизнь таких столпов веры, как, например, Джон Уэсли, чей брак был крайне непрост. Но я писал прежде всего о семье, а не об общественном служении.

Бог, безусловно, знает, что делает, ставя нас перед решением проблем, связанных с жизнью в браке и воспитанием детей. Ибо, понуждая нас преодолевать эти трудности, Он делает нас такими, какими хочет видеть.

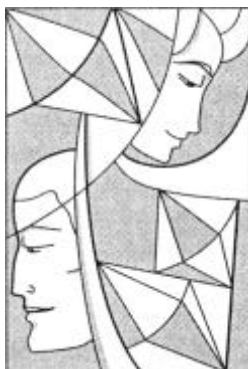
И отнюдь не всегда это происходит легко и просто.

Кэтрин Маршалл написала однажды: «Мужья и жены принципиально несовместимы». И все же эта несовместимость далеко не всегда заграждает путь к

счастливному браку. Увидите вы и то, что нет готовых рецептов, гарантирующих семейное счастье. Надеюсь, вы многое лучше поймете и в вашем собственном браке, сумеете легче определить и проанализировать трудности вашей семьи, глядя на то, как проблемы, подобные вашим, и возникали, и разрешались в жизни других людей.

Я молюсь о том, чтобы знакомство с семейной жизнью героев этой книги помогло укрепить ваш собственный брак.

Любовь и неограниченные алмазы

В мюзикле «Моя прекрасная леди» профессор Генри Хиггинс утверждает, что может из любой уличной девчонки сделать настоящую леди. Затем он встречается продавщицу цветов по имени Элиза Дулиттл. Мисс Дулиттл становится для профессора «Иггинса» — как она его называет — весьма нелегким испытанием. Но, конечно же, мюзикл стал так популярен именно потому, что профессор успешно справляется со своей задачей. И потому, что он (к своему прискорбию и изумлению) в Элизу без памяти влюбляется.

Несомненно, Элиза Дулиттл была алмазом, требовавшим огранки.

Многие браки выросли из желания юноши или девушки произвести такое же чудесное превращение в человеке, которого они полюбили. И обычно им это не удавалось.

Огранка алмазов ради получения великолепных бриллиантов — занятие рискованное. Особенно в браке.

Порой само отсутствие такой огранки и есть именно то, что привлекает в человеке. «Огранив», человека лишают самых обаятельных его черт. И любовь уходит. Иногда полировка или, что чаще случается, грубая сточка острых углов и вовсе разрушает взаимоотношения.

Но иногда, и в особенности если полирование происходит подспудно и ненавязчиво, результат получается замечательный. Прямо как в этом бродвейском мюзикле.

Описанные в этом разделе истории трех браков — хрестоматийные примеры полировки необработанных алмазов. На страницах этой книги вы найдете и другие похожие случаи. Мартин Лютер во многом был грубым камнем, но со временем Кати выровняла его. Билли Санди и Билли Грэм — оба женились на девушках из гораздо более утонченной среды, чем та, из которой вышли сами они. И это пошло им на пользу.

Но все же три главных действующих лица именно этого раздела заслуживают особого внимания. Это Джон Ньютон, вечно сквернословящий моряк; Дуайт Моуди, малообразованный сын каменщика-пьяницы; и Чарлз Сперджен, неотесанный деревенский парень, не умевший даже одеться как следует.

Читая эти главы, задумайтесь над тем, почему браки этих людей оказались счастливыми. Почему этих мужчин не возмущало то обстоятельство, что жены их были гораздо утонченнее и образованнее их самих. Однажды Д. Л. Моуди сказал: «Я никогда не устану удивляться тому, что сумел завоевать любовь женщины, превосходящей меня во всем, женщины с совершенно другим

темпераментом и происхождением». Эмма Моуди, подобно Генри Хиггинсу, полюбила алмаз, требовавший огранки. И добилась успеха.

1

Мой рассудительный советник

Джон и Полли Ньютон

Можно ли предположить, чтобы работорговец был идеальным мужем?

Он не является домой месяцами, а иногда и годами. Он обращается с рабами, как с животными. Единственное, что его интересует — это останется ли большинство из них в живых во время переправки через Атлантику.

Другое дело священник, особенно добросердечный священник, который дает добрые советы и пишет трогательные гимны, такие, как «Удивительная милость Бога».

Полли была замужем как за работорговцем, так и за священником, и оба они были Джоном Ньютоном. Некогда неразборчивый в связях, вечно сквернословящий неверующий моряк, Джон стал чутким пастором, очень любившим писать письма, и близким другом одного из самых известных поэтов Англии.

История брака Джона и Полли — одна из самых нежных историй любви. Но также и одна из самых неожиданных: ведь они были такими разными.

Внешне Джон казался мирским человеком, повидавшим в этой жизни все, но в присутствии представительниц аристократических кругов он терялся. Полли, напротив, чувствовала себя с ними совершенно естественно. В отличие от Джона, она всегда точно знала, что и когда именно нужно сказать.

Внешне Полли казалась спокойной, хладнокровной и собранной, однако внутренне она была робкой и не очень уверенной в себе.

Он очень любил ее, и их брак был счастливым.

Голливуд пока не открыл для себя историю жизни Джона Нью-тона. Но это великая история любви, полная изумительных поворотов и неожиданностей, а также удивительной милости Бога.

Джону было семнадцать, и он мечтал о блестящем будущем. Отец его был капитаном. Он продумал всю дальнейшую жизнь Джона, и если бы тот следовал планам отца, то к тридцати неизбежно превратился бы в состоятельного человека, а к сорока стал членом парламента.

Джон не возражал.

План был таков. Предполагалось, что Джон отправится из Англии на Ямайку и устроится работать на плантации надсмотрщиком. Через несколько лет он заработал бы на приобретение собственной плантации. Впоследствии можно было бы вернуться в Англию, купить поместье и войти в парламент.

Все выглядело просто.

Однако всего за несколько дней до отплытия Джон неожиданно получил письмо от одной из подруг его матери. Поскольку мать умерла за десять лет до того, а подруга эта никогда ранее не присылала писем, — событие было явно неординарным.

В своем письме Элизабет Кэтлетт приглашала Джона в гости, если он когда-либо окажется неподалеку от той местности, где они жили. Но поскольку семья Кэтлетт жила в Эссексе, а Джон собирался отбыть в противоположном направлении — на Ливерпуль, а затем на Ямайку, маловероятным казалось, что он воспользуется приглашением миссис Кэтлетт, даже если бы ему и захотелось этого. Ему и не хотелось. Поездка на Ямайку

привлекала его гораздо больше, чем визит к старой подруге матери.

Но вот отец попросил его съездить по одному поручению. По странному совпадению, Джон оказался в полумиле от дома семьи Кэтлетт и решил ненадолго к ним заглянуть. В семье Кэтлетт было шестеро детей, начиная с тринадцатилетней Мэри (которую все называли Полли) и кончая младенцем в колыбели. Джон сразу почувствовал себя как дома. Семейство было очаровательным. И Полли показалась ему самой очаровательной из всех.

Она выглядела старше своих тринадцати, может быть, потому, что была старшей среди детей и нередко занималась домашним хозяйством. Ее отличала то ли застенчивость, то ли сдержанность — Джону трудно было решить что именно, — но она, несомненно, была уже леди. Ее нельзя было назвать красавицей, но когда она улыбалась — а это случалось довольно часто, — ямочки на ее щеках были на удивление привлекательными.

Джон влюбился без памяти. Прежде с ним ничего подобного не случалось. Он едва понимал, что с ним происходит. В ее присутствии Джон терял дар речи. Невероятно, чтобы тринадцатилетняя девочка могла так ошеломить юношу семнадцати лет, собиравшегося сколотить состояние на другом краю света.

В доме Кэтлеттов он так и не сказал, что готовится отплыть на Ямайку. Они же предложили ему погостить еще несколько дней. Находясь в состоянии почти гипнотическом, Джон с радостью согласился.

Девять лет спустя в письме к Полли он вспоминал эту первую их встречу: «Сперва я не понял, что меня так окрылило. Я мучился, когда тебя не было рядом. А в твоём присутствии едва решался поднять глаза. Когда я пытался говорить, меня охватывала дрожь, и я совершенно терялся. Любовь оглушила меня. Мысль об отъезде казалась невыносимой».

Домой Джон отправился лишь спустя три недели. Его отец и мачеха очень волновались: Джон не сообщил им ни о том, где находится, ни о причине своей задержки. Да и сам он вряд ли знал, почему так поступил.

Корабль на Ямайку давно отплыл, и отец Джона был в сильном гневе. Он и представить себе не мог, до чего безответственным может быть его сын, который будто и не собирался думать о будущем, увязнув в нелепом щенячьем романе. А Джон не мог забыть Полли. Он писал ей: «После того как я впервые увидел и полюбил тебя, ты три месяца снилась мне каждую ночь».

Когда Джон в первый раз встретил Полли, мало что в его жизни предвещало их будущую совместную жизнь. К тому времени он уже испытал гораздо большее, чем большинство семнадцатилетних парней.

Джон, единственный ребенок капитана Джона Ньютона и Элизабет Ньютон, родился в 1725 году. Капитан Ньютон был моряком старой школы. Его уважали в своем кругу и боялись в кругу его подчиненных, к которому относились и его жена с сыном. Ему нравился стиль жизни морского волка, и он всецело отдавался этой роли. Временами его солидность переходила в напыщенность, поскольку ему казалось, что морской волк должен быть слегка чванлив и развязен. Он не проявлял и намека на эмоции — ни на борту судна, ни в семье. Безусловно, капитан Ньютон любил и жену, и сына, хотя совершенно явно не хотел, чтобы они знали об этом.

Он чувствовал себя несколько виноватым в связи со своими длительными поездками, в особенности из-за плохого здоровья жены.

Из года в год капитан Джон Ньютон вместе с грузом специй и шелков привозил из путешествий также и безделушки для семьи. Хотя религиозные убеждения и не были ему свойственны, он все же был человеком, имевшим твердые принципы. Элизабет была набожной, ласковой и неглупой женщиной. Друзья отзывались о ней как о

«благочестивой, сведущей христианке». Но она была больна туберкулезом и большую часть дня проводила на кушетке, кашляя в испанскую шаль — подарок мужа.

В эмоциональном же плане такой шалью был для нее сын. «Почти единственным ее занятием, — писал Джон позже, — была забота о моем воспитании». Джон вспоминал: «Когда мне было четыре года, я уже хорошо читал почти любую книгу. Она вложила в мою память... множество ценных пассажей, глав и отрывков из Писания и катехизиса, а также стихов и гимнов».

Когда Джону исполнилось шесть лет, мать решила, что пора ему браться за латинский язык. Она хотела, чтобы сын ее стал проповедником. Хотела этого так же горячо, как ее муж хотел, чтобы Джон стал моряком, капитаном — как он сам.

Весной 1732 года состояние здоровья Элизабет ухудшилось. Капитан Ньютон был в море, и не было никакой возможности отправить ему весточку. Поэтому соседи взяли на себя заботы о шестилетнем Джоне, а Элизабет, которой было тогда только тридцать, отправилась к супругам Кэтлетт, у которых был загородный дом.

Джон так больше и не увидел свою мать. Через несколько недель она умерла.

Капитан Ньютон вскоре снова женился, а сына отослал в частную школу, директор которой был «тираном трости и розги».

Формальное образование Джона длилось недолго. Едва ему исполнилось одиннадцать, отец забрал его на борт судна, чтобы преподать другое образование — научить жизни в море. За шесть последующих лет тот побывал с отцом в шести морских походах по Средиземному морю. Отец выковывал из него первоклассного моряка.

Несмотря на то что капитан Ньютон прилагал большие усилия к его воспитанию и ждал от него очень

многого, Джон все же не был старательным учеником. Когда ему исполнилось шестнадцать, отец отправил его в море под командой другого капитана. И опасения капитана Ньютона подтвердились: для того чтобы стать хорошим моряком, Джон был слишком мечтателен. Он очень любил читать, любил делиться с другими своими мыслями. Сам Джон писал: «Мне нравилась жизнь созерцательная, полная грез. Я питал отвращение к упорству и озабоченности делового мира». Отец полагал, что это либо рассеянность, либо лень, а может быть, и то, и другое вместе.

Тогда он решил, что лучшим путем для сына, раз уж он непригоден для моря, будет борьба за место в парламенте. Этот путь лежал через ямайские плантации.

И вот отцовские планы вновь расстроены. Джон, забыв о деле, пробыл в семье Кэтлетт три недели вместо предполагавшихся трех дней.

Отец наказал Джона тем, что отправил в рейс на Средиземное море простым матросом. На этот раз Джон взялся за дело всерьез. И когда они с отцом встретились вновь, тот наконец поверил, что сын его повзрослел. Капитан Ньютон добился для Джона офицерской должности на корабле, уходящем в дальнейшее плавание.

До отплытия оставалось достаточно времени для того, чтобы позволить себе повидаться с Полли. Но, как и в прошлый раз, Джон не нашел в себе сил расстаться с любимой. Полли была ему много милее офицерской фуражки.

Когда Джон вернулся, отец был близок к тому, чтобы отречься от него. Для него было очевидно, что сын решил растоптать свое будущее. Джону грозило нечто гораздо более серьезное, чем потеря офицерской должности на корабле. На сей раз он вынужден был отправиться не на Средиземноморье, а матросом в британский военноморской флот. Англия была в состоянии войны с

Францией, а морские сражения — вещь по-настоящему опасная.

Благодаря своему опыту через несколько месяцев Джон получил звание корабельного гардемарина. Но его душевное состояние было, видимо, очень тяжелым. Он как-то заметил: «Тогда единственным времяпрепровождением, в котором я находил удовольствие, были злые выходки». Постепенно он отошел от религиозных убеждений, воспринятых им в свое время от матери, и вскоре совершенно перестал скрывать, что он атеист, сознательно подталкивающий других к неверию.

Джон принял участие только в одном сражении и к Рождеству снова был в одном из английских портов. Это была хорошая новость. Плохая новость заключалась в том, что через несколько дней его корабль уходил в Вест-Индию. Это означало пять лет вдали от дома. Для Джона это значило — пять лет вдали от Полли, а у него еще не было подходящего случая объяснить ей, как она ему дорога.

Итак, Джон отпросился на берег на один день. Естественно, когда он приезжал к Полли, день его «растягивался» до недели. Но даже если бы он вдруг и отнесся с полной ответственностью к своим обязанностям военного моряка, добраться до дома Кэтлеттов и возвратиться обратно в течение двадцати четырех часов было просто невозможно.

На этот раз семейство Кэтлетт не могло не заметить и не принять близко к сердцу серьезных намерений Джона относительно их старшей дочери. Джону было тогда девятнадцать, Полли — пятнадцать. Не то чтобы Джон не нравился Кэтлеттам, но они дважды оказались свидетелями его безответственности. В нем не было той зрелости, которую им хотелось бы видеть в своем зяте. Кроме того, он был моряком, и с каждым визитом его отрицательное отношение к религии проявлялось все ярче, хотя он,

конечно же, старался вести себя в этом доме как подобает христианину.

Джон знал, что, если он уйдет в море на пять лет, Полли до его возвращения безусловно выйдет замуж. Потому этот его визит был для него решающим.

Но для Джона он оказался полным разочарования. «Ни малейшей ясности», — писал Джон об этом визите позже. Ему никак не удавалось высказаться, объяснить Полли, как горячо он любит ее. Полли, казалось, все время держала его на дистанции. Когда же он намекал на то, что влюблен, она не реагировала на его намеки и не позволяла ему объясниться прямо. Джон не встретил в тот раз «ни одобрения, ни отказа».

В конечном счете все это привело к тому, что Джордж Кэтлетт, отец Полли, отказал ему от дома и настоятельно порекомендовал более не пытаться увидеться с его доверью, пока он не даст ему на то разрешения. Элизабет Кэтлетт, хотя и была согласна с решением мужа, сказала, что если Джон возьмется за ум и они будут твердо уверены в будущем дочери, то она не станет препятствовать их помолвке. Но до тех пор ему нельзя будет даже писать Полли. Тогда Джон и Полли договорились о тайных встречах.

Двадцатичетырехчасовая увольнительная Джона обернулась недельным отсутствием, что было неудивительно. Удивительным было то, что со стороны капитана судна не последовало сурового наказания.

Возможно, Джон надеялся, что корабль отплывет в Вест-Индию без него. Но шторм задержал корабль в порту еще на много недель.

Ежедневно Джон думал о Полли и о мрачной перспективе пятилетней разлуки с ней.

Наконец, когда судно готовилось к отплытию из Англии, Джон ушел. Если быть точным — дезертировал. Он был не в силах расстаться с Полли на такой долгий срок. Возможно, если бы он сумел добраться до отцовского

дома, то отец нашел бы какой-нибудь выход из сложившейся ситуации. Капитан Ньютон был человеком, способным разрешать самые трудные вопросы.

Но спустя два дня Джон, так и не успевший повидаться с отцом, был арестован в пригороде Девона. Он дезертировал, а обычным наказанием за дезертирство в военное время тогда была смерть.

И тем не менее его не приговорили к смертной казни. «Я провел два дня на гауптвахте, — вспоминал Джон позднее, — потом меня отправили на борт моего корабля. Какое-то время я провел в кандалах, затем меня раздели и публично высекли, после чего я был разжалован. Всем сослуживцам запретили давать мне хоть малейшее послабление и даже просто разговаривать со мной».

Джону казалось, что в его положении смерть была бы лучшей участью. Он всерьез задумывался о самоубийстве. «Несчастья угнетали меня с каждым днем все больше и больше». Теперь речь шла уже не о пяти годах разлуки с Полли. Теперь он был уверен в том, что никогда больше ее не увидит.

«Как вне, так и внутри себя я видел только мрак и страдание... Не могу передать, с какой горечью и отчаянием я смотрел на берега Англии. Я не отрывал от них взгляда, пока они не скрылись за горизонтом. Когда не было возможности видеть их, я с трудом сдерживал себя, чтобы не броситься в море».

Самоубийство казалось ему единственным выходом. «Это разом положило бы конец всем моим мытарствам».

Джон не знал, почему так и не покончил с собой. Позднее он размышлял: «Рука Бога удержала меня от этого».

Примерно через месяц корабль, на котором находился Джон, встретился в море с работорговым судном, направлявшимся в Африку. Капитан, как представитель военно-морского флота, потребовал у работорговца двух человек. Однако тот был согласен лишь

на обмен. Услышав об этом, Джон взмолился, чтобы его обменяли. И через полчаса из военного моряка он превратился в работоторговца.

Такие корабли отправлялись из Англии с грузом тканей, огнестрельного оружия и безделушек, которые на западном побережье Африки обменивались на рабов. Затем рабов отвозили в Вест-Индию для продажи на невольничьих рынках. На вырученные деньги корабль загружался сахаром и ромом для продажи в Англии.

Джон Ньютон, которому тогда еще не было и двадцати, погрузился в новые глубины порока. Он издевался над чернокожими. Приблизительно треть рабов обычно составляли женщины, и вот что пишет Джон Поллок, биограф: «Джон Ньютон пребывал во власти похоти». Сам Джон так описал тот период своей жизни: «Мне доставляло наслаждение то, что я мог теперь быть настолько развращенным, насколько мне только вздумалось бы, без каких-либо ограничений... Я не только сам погряз в грехе, но упорно совращал и других при малейшей возможности».

Джон начал склонять других матросов к неподчинению и вновь оказался в довольно шатком положении. И при встрече с каким-нибудь военным кораблем его бы, скорее всего, вновь обменяли. Такой вариант Джона совершенно не устраивал.

И Джон сошел на африканский берег. Устроился он управляющим к одному из крупных работоторговцев в Сьерра-Леоне. На бумаге это сулило большие выгоды. Однако то, что Джону казалось большой удачей, привело его к новым, еще большим несчастьям.

Хозяин торгового дома жил с чернокожей женщиной. Та возненавидела белого чужака, поскольку заподозрила Джона в том, что он собирается разбогатеть за их счет. Едва только муж уезжал куда-либо, она всячески старалась навредить Джону. И когда тот заболел тропической лихорадкой, она решила, что получила наконец-то шанс

навсегда избавиться от него. Его отнесли в хижину раба и надолго оставили без воды и пищи. По ночам Джон выползал наружу и ел сырые корни, от которых ему становилось еще хуже.

Но Джон все-таки выздоровел. И когда работорговец вернулся из поездки, Джон рассказал ему о случившемся. Но тот не поверил. Напротив, он во всем обвинил самого Джона. Вскоре Джон оказался в кандалах и стал прислугой у рабов.

Сперва он попал в «плавающее рабство». Прикованный к палубе корабля, он «находился под непрерывным дождем с резкими порывами ветра в течение двадцати, тридцати и даже сорока часов, пока хозяин находился на берегу». Впоследствии он работал на лимонной плантации под наблюдением раба.

Поначалу рабы издевались над ним, потом стали жалеть. Один из домашних рабов даже раздобыл для него письменные принадлежности. Благодаря этому Джон смог написать письма отцу (фактически это был сигнал бедствия) и Полли, которую он так и не смог забыть. Раб, давший ему бумагу, вложил его письма в стопку почтовых отправлений своего хозяина.

В лучшем случае помощь могла прийти к Джону лишь через несколько месяцев. Он понимал это. Но понимал он также и то, что надежда на спасение была крайне слабой.

Но прежде чем помощь пришла из Англии, она вдруг явилась в лице работорговца, жившего по соседству. Тому показалось, что Джон ему может пригодиться. И вновь люди с легкостью избавились от Джона.

Но на этот раз он очень постарался сдружиться с работорговцем, на которого стал работать. Располагаясь в сотне миль от основной базы, «мы жили как нам хотелось, дело процветало и хозяин был мною доволен», — писал он позднее. Джон спал с африканками сколько и когда хотел и начал понемногу воспринимать местный образ жизни как

вполне естественный. Через три месяца у него уже не было ни малейшего желания возвращаться в Англию.

Корабль, посланный отцом ему на выручку, курсировал вдоль побережья. Джона искали. А он тем временем собирался в поездку вглубь страны. Лишь случайность задержала его на несколько дней. Капитан посланного отцом корабля также собирался взять обратный курс. Лишь позже Джон осознал, что рука Бога помогла этой их встрече.

Но тогда он вовсе не был уверен в том, что хочет вернуться в Англию. «Появись у меня возможность возвратиться домой, когда я был болен и голодал, — вспоминал он, — я бы радовался этому, как возможности вернуться в мир живых из мира мертвых, но теперь мне было все равно».

Чтобы убедить его вернуться, капитан корабля выдумал историю о том, что якобы некий дальний родственник Джона оставил ему в наследство огромное состояние.

Несмотря на это, Джон все-таки сомневался в том, что хочет назад в Англию. Жизнь в Африке пришлась ему по вкусу. Он жил как князь. У него была любовница. И делал он все, что хотел.

И вдруг он вспомнил о Полли. Ведь если история о наследстве оказалась бы правдой хотя бы отчасти — он смог бы жениться и жить с ней в достатке.

Воспоминания о Полли убедили его принять предложение капитана. Позже Джон писал ей: «Если б я не встретил тебя, то, вероятно, никогда не увидел бы берегов Гвинеи. Но я более чем уверен, что если бы я не встретил тебя, то никогда бы оттуда и не вернулся».

Хотя Джон и возвращался в Англию, к Полли, это был все тот же Джон. «Я изменился не более, чем тигр, который стал смиренным из-за сильного голода».

Корабль, на котором Джон находился, скупал золото, слоновую кость, воск и ценные породы дерева. Он

продолжал свой путь вдоль берегов Африки еще почти год, прежде чем был взят обратный курс на Британские острова. Присутствие Джона на борту угнетало всех. Его грязные ругательства шокировали даже самых грубых матросов. Если кто-то из команды проявлял хотя бы какое-то стремление к вере, Джон не оставлял от этих усилий камня на камне. Он высмеивал Евангелие и издевался над Иисусом Христом. Когда в пьяном угаре он чуть было не свалился за борт в воды Атлантики, капитан всерьез задумался над вопросом — не был ли Джон Ионой, которого следовало швырнуть китам, чтобы спасти жизнь всему экипажу.

Однажды вечером, когда корабль уже взял курс на север, Джону попал в руки перевод Фомы Кемпийского «Подражание Христу». Он прочитал там следующие слова: «Жизнь коротка, и неведомо, когда ей будет положен предел... Сегодня человек силен... завтра же его срубят, вынесут, и он будет выброшен вон».

Как Джон ни старался избавиться от этих слов, они вновь и вновь звучали в его ушах. В ту ночь разразился свирепый шторм. Джон услышал крики моряков. «Корабль тонет!» — кричали повсюду. Джон бросился вместе с другими к помпам. Много часов подряд они работали, выкачивая воду, затыкая пробойны в трещавших бортах, стремясь спасти и собственные жизни, и ту часть груза, которую еще не смыло за борт.

Изможденный работой и уже потерявший надежду на спасение корабля, Джон в отчаянии воскликнул: «Ничего не помогает! Смилуйся, Господи, над нами!» Когда он осознал, что, собственно, он произнес, это поразило его. Не осталось никакой другой надежды, и он призвал Бога и просил Его о милости.

На следующий день никто не мог понять, что происходит с Джоном. Весь день он простоял за штурвалом и старался как можно лучше править кораблем. После работы за помпой он чувствовал себя разбитым. Но

его терзала мысль о том, может ли столь низко падший грешник, каким он был, получить милость у Бога. Он пытался припомнить стихи Писания, говорившие о прощении и мире, но вместо этого ему в голову приходили отрывки, в которых шла речь о суде. «Я со страхом и нетерпением ожидал проклятия и осуждения».

Однако постепенно его мысли обратились к Иисусу Христу и распятию. Он вспомнил, что Иисус Христос умер не за свои грехи, что Иисус умер за грехи других. Единственный вопрос, который мучил теперь Джона, — не зашел ли он слишком далеко, чтобы все еще входить в число этих «других».

Эти двенадцать часов за штурвалом стали решающими часами для Джона. Позже он писал: «Двадцать первое мая — это день, который мне всегда следует помнить. Я отмечаю эту дату, начиная с 1748 года». Ему тогда не исполнилось еще и двадцати трех лет. Пока корабль пробивался по бурному морю обратно в Англию, Джон начал читать Новый Завет. Его особенно растрогала история о блудном сыне. «Никто и никогда не был лучшей иллюстрацией этой притчи, чем я».

По возвращении Джон не ощутил ни восторга, ни даже радости. Он переживал внутреннюю борьбу, пытался понять и увидеть милость Бога по отношению к нему. Но он уже не сомневался в том, что Бог призвал его. «Я не вижу причину, по которой Господь решил явить мне милость Свою... разве только Он хотел показать на еще одном поразительном примере, что для Него „ничего невозможного“ нет».

Сбившийся с курса и практически лишенный управления корабль наконец причалил в Северной Ирландии. Сойдя на берег, Джон хотел сразу же написать Полли, но заколебался. Его жизнь в Африке была до такой степени развратной, что он сомневался, сможет ли он когда-либо стать достойным девушки, о которой мечтал столько лет.

Сперва он написал письмо отцу, прося у него прощения. Ответ пришел быстро. Капитан Ньютон радовался и тому, что Джон остался в живых, и тому, что он наконец одумался.

Тогда Джон написал письмо не Полли, а ее тетушке, бывшей всегда посредником в их тайной переписке. В письме он спрашивал тетушку, возможна ли его встреча с любимой девушкой.

Ожидая окончания ремонта корабля, Джон получил второе письмо от отца. Капитан Ньютон, назначенный губернатором Форта Йорк в Хадсон Бэй, должен был вскоре отплыть из Лондона, чтобы вступить в новую должность. Зная, что не вернется в Англию ранее чем через три года, он решил помочь сыну. И потому он заехал к Кэтлеттам, чтобы поговорить о возможном союзе между его сыном и их дочерью. Он поспешил обрадовать Джона, сообщив, что с их стороны возражений нет.

Конечно же, Джон был рад узнать об этом. Ведь в последний раз, когда он виделся с семьей Кэтлетт, ему запретили даже переписку.

Это действительно была хорошая новость. Тем не менее Джон пишет в своей автобиографии: «Тогда я понял, что мне осталось получить согласие лишь одного человека. И относительно этого согласия я пребывал в такой же неуверенности, как и в первый день, когда я увидел ее».

Он ожидал новостей от тетушки Полли, но ответа все не было. Согласие родителей мало что значило, если сама Полли оказалась бы против. Молчание тетушки он мог истолковать только как отсутствие малейшего интереса к нему со стороны Полли. Он старался отвлечь свои мысли от нее настолько, насколько это было возможным. Джон пишет тетушке: «Поскольку я прекрасно понимаю, что никогда не добьюсь внимания со стороны предмета моего обожания, я приложу все усилия... к тому, чтобы никогда более не беспокоить ни вас, ни ее».

Позже он написал: «Я полагал, что разрыв — это лучший выход для нас обоих».

Но вскоре он получил ответ. Семья Кэтлетт некоторое время будет находиться в Лондоне, и Полли будет рада увидеть его там, если он сам этого хочет.

Корабль Джона отплывал в свой родной порт — Ливерпуль, поэтому Джон без колебаний принял приглашение.

Встреча в Лондоне была удивительной во многих отношениях. Полли почти не изменилась за те четыре года, которые он не виделся с ней. Как пишет Поллок, она была все такой же «очаровательной, доброй и уравновешенной молодой женщиной, такой же непринужденной, как и тогда, когда она овладела его сердцем». Внешне Джон тоже очень мало изменился. Он все так же краснел и терял дар речи при ней, как и прежде.

Безусловно, он очень многое повидал в Африке. Он перенес очень тяжелую болезнь, голодал и предавался разврату. Смерть там была обычным явлением, а жизнь ценилась крайне дешево — жестокость, зверство и насилие случались ежедневно. И он прошел от глубины отчаяния и мыслей о самоубийстве к возрождению в Боге через Иисуса Христа.

Но при Полли он терялся. Джон не просто был молчалив, но — несмотря на все его приключения — довольно-таки скупен. Ему даже как-то сказали: «Полли всегда веселая и оживленная, а ты так зануден и мрачен».

Несмотря на свою веселость и оживленность, Полли была довольно-таки сдержанна, и Джону очень трудно было понять, что она на самом деле думает. Она была в хорошем расположении духа, но было ли это обусловлено его присутствием? Он просто не знал, как понимать ее настроение. «Я был крайне неуклюж, пытаюсь добиться ее расположения», — писал он. Когда срок его малоутешительного визита пришел к концу, он спросил ее, не будет ли она против, если он продолжит писать ей.

Она дала согласие, но и ничего более.

Несколько дней спустя он написал ей трогательное письмо. Он напомнил, как часто писал ей, будучи на флоте и в Африке, а она никогда ему не отвечала. Он просил прислать хоть какие-нибудь «крохи». Он умолял дать ему «хотя бы немного милости, хоть чуть-чуть, ради Бога, пока я совсем не погиб от голода».

Не имея ни гроша в кармане, Джон не мог позволить себе ехать в экипаже и прошел пешком сто пятьдесят миль, размышляя о том, любит его Полли или нет.

Он уже принял предложение стать первым помощником капитана на работоторговом судне (поскольку полагал, что не был пригоден ни для какой иной работы) и решил, что, если до его отплытия от Полли не будет никаких вестей, он постарается забыть ее.

Но вести от нее пришли. «Ее ответ, хоть и очень осторожный, был для меня достаточным». Вообще говоря, что касается Полли, то она вовсе не хотела, чтобы этот ответ оказался достаточным для Джона. Это были именно «крохи». Но чем больше Джон перечитывал эту короткую, сдержанную записку, тем больше эти крохи превращались для него в целый хлеб.

Несколько недель спустя, когда его корабль отплыл из Ливерпуля, Джон почувствовал, что жизнь налаживается. Он определенно был всем доволен. Он чувствовал себя близким Богу. Был первым помощником капитана судна, занимавшегося работоторговлей, и ему было обещано, что в следующее плавание он пойдет уже капитаном своего корабля. О чем еще мог мечтать юноша, которому было едва за двадцать? Он не чувствовал ни малейшего отвращения к такому явлению, как рабство, и будущее казалось ему чарующе счастливым.

Однако он пробыл в таком умиротворенном, благодушном состоянии всего несколько недель. К тому времени, когда корабль прибыл к западному побережью Африки, он, по его словам, «был почти так же скверен, как

и прежде». Джон перестал читать Библию, мало внимания уделял молитве и практически не общался с христианами. «Враг приготовил для меня целый ряд соблазнов, и я легко стал его добычей. В течение месяца он так убаюкал мою совесть, что я оказался втянут в такие дела, о которых еще несколько месяцев назад и подумать не мог».

В трюме корабля везли обнаженных девушек-рабынь. Для офицеров доступ к ним был открыт. Какое-то время Джон боролся с соблазном, но затем вновь оказался в цепях. У него не было никаких сил сопротивляться. И он спустился в трюм и изнасиловал одну из девушек.

Вне корабля к его услугам всегда были «темнокожие девушки для удовольствий». Его образ жизни быстро стал прежним. «Если я и пытался бороться, то безрезультатно».

И вновь его свалила болезнь. Он вспомнил о своей прежней болезни в Сьерра-Леоне и о пороках, в которых он тогда погряз. Не повторялось ли прошлое?

Сперва он отчаялся получить у Бога прощение; «дверь надежды», казалось, была закрыта. Потом он напишет, что тогда, почти в бреду, испытывая страшную слабость, он не рассуждал более, а положился на Господа и предоставил Ему себя, чтобы Он свершил с ним все, что пожелает. И прощение пришло. Возвратился и мир. «Хоть я и часто огорчал Его Дух и в безумии отрекался от Него (увы, когда же я буду мудр?), Его благодать отвратила меня от мерзких наклонностей, которым я предавался».

Это был еще один поворотный момент в жизни Джона Ньютона.

Отплыв из Африки и доставив рабов на невольничий рынок в Чарльстон (Южная Каролина), Джон вернулся в Англию, к Полли, после чуть более чем годичного отсутствия.

Он был хорошим первым помощником, и потому владелец корабля подтвердил свое предложение Джону занять должность капитана, как только тот будет снова готов выйти в море. Хоть Джон и начинал осознавать

жестокость, сопровождавшую торговлю рабами, он все еще не видел, что зло в самой ее сути. Он видел только работу, которая могла гарантировать доход, достаточный для того, чтобы они с Полли могли пожениться и вести такой образ жизни, который был для Полли привычным.

Теперь ему было двадцать четыре. Ей двадцать. Во время второй половины последнего его путешествия он регулярно писал ей. В разлуке любовь его стала еще сильнее. Поллок так пишет об этом: «В Полли он видел невинность и мягкость. В мире, который для него, как работоторговца, был полон жестокости и лжи, она была чиста. Только ради Полли он был в состоянии побороть в себе похоть. Ее любовь была для него той тихой гаванью, в которой могла бросить якорь его беспокойная, бездомная душа».

Во время этой встречи с Полли он наконец сумел, пересиливая в себе робость, с огромным трудом, но все же сделать ей предложение. Он намекал на это в своих письмах, но все еще не знал, что она ответит.

И все же он был ошеломлен, когда она сказала: «Нет, и никогда более не просите меня об этом».

Сохранилось мало писем Полли. Поэтому трудно сказать, что творилось в ее душе, но, вероятно, очень многое повлияло на ее решение.

Он очень нравился ей, но быть женой капитана... это была вовсе не та жизнь, о которой можно мечтать. Жизнь Джона была полна опасностей. Полли очень переживала за него, когда он уходил в море. Знала она и о том, какая жизнь была у матери Джона.

Друзья советовали ей порвать с ним отношения. Все видели, что Джон был ее противоположностью, и, хотя они могли испытывать друг к другу влечение, их брак не мог быть счастливым.

Но было и другое. Она понимала, что Джон наделен блестящим умом. Он читал взахлеб. Хотя его образование было и недостаточным, он самостоятельно выучил древние

языки. Джон не просто читал — он находил огромное удовольствие в чтении греческих и римских философов. Полли не писала ему часто потому, что чувствовала его превосходство в интеллектуальном плане. Она могла прекрасно вести поверхностную беседу, но написать серьезное письмо было для нее довольно сложным делом.

Хотя Джон и был ошеломлен отказом, он, странным образом, вовсе не чувствовал отчаяния. Отступив, он перестроился и решил попробовать вновь. Джон посоветовался со своим ближайшим союзником — тетужкой Полли. Затем поговорил с матерью Полли. И заручился поддержкой обеих.

И тогда он еще раз попытался добиться победы.

Она опять отказала, но Джон почувствовал, что Полли уже не была столь непреклонной.

И он взялся за дело в третий раз. Она выслушала его, затем стала спорить, а потом заговорила спокойнее. Она сказала, что привыкла к счастливой жизни в семье, что друзья называют ее «счастливой Полли Кэтлетт». Не будет ли союз с моряком означать конец ее счастья?

Джон постарался уверить ее, что они смогут быть счастливы вместе. Они говорили и говорили. Наконец она позволила ему взять ее за руку. Для него это было ответом. Позже он так вспоминал этот момент: «Я сидел ошеломленный и безмолвный несколько минут, и, думаю, моя неуклюжесть поставила тебя в неловкое положение. Мое сердце было так переполнено, что я просто не находил слов».

Вскоре после помолвки они поженились, накануне двадцать первого дня рождения Полли.

Медовый месяц не был наполнен романтикой. «Жили они в доме ее родителей, — пишет Поллок, — и Полли была так осторожна и сдержанна, что едва ли походила на ту возлюбленную, о которой он мечтал». Что же касается Джона, то он также не ощущал большого эмоционального подъема. Но любовь их все же крепла. И когда Полли

начала проявлять свои нежные чувства к нему, Джон тоже перестал быть неуклюжим в выражении своих чувств.

Но в их взаимоотношениях было одно затруднение, с которым Джон едва ли предполагал столкнуться. Иисус Христос и общение с Ним стало для него жизненной необходимостью, а вера Полли была довольно-таки формальной. Хотя Джон и понимал, что в духовном смысле он был еще младенцем, он сомневался — достигла ли Полли хотя бы даже и этого.

Джон тревожился. Он не знал, как это скажется на их будущем. Он боялся полюбить ее более, чем самого Бога. «Я наслаждался обретенным даром и забывал Того, Кто дал мне этот дар».

Джон хотел бы найти иную возможность содержать семью, нежели работа капитаном работоргового судна. Но у него не было никакой другой профессии. Сначала он рассчитывал получить наследство от какого-нибудь родственника, но из этого ничего не вышло. Затем у него появились долги, поскольку он занимал деньги, чтобы купить билеты национальной лотереи. Он надеялся на то, что в случае выигрыша ему не придется разлучаться с Поли. Он пишет: «Мысль о расставании была страшна для меня, как смерть».

Но другого пути не было. Джону пришлось возвращаться в Ливерпуль и принимать командование предложенным ему работорговым судном.

Это был тяжелый отъезд. Джон не хотел уезжать, а Полли не хотела, чтобы он уезжал. Оба боялись, что он уже не вернется. «Трудно, очень трудно было уезжать, особенно сознавая, насколько я заслуживал того, чтобы мы снова увиделись».

Неделю спустя в письме он просил ее описать свой день. «Когда будешь отвечать, напиши, в котором часу ты обычно встаешь, завтракаешь, обедаешь, ужинаешь, ложишься спать, чтобы я мог согласовывать мой день с твоим, по крайней мере мысленно».

В письме она заверила его в своей любви, и он признался ей: «Теперь я столь же уверен в том, что ты любишь меня, как и в том, что я люблю тебя».

В этой поездке Джон не развратничал, как это бывало с ним раньше. «Когда-то я стремился к подобным удовольствиям ничуть не меньше, чем они (его товарищи по команде), — писал он Полли, — но теперь, благодаря тебе, мой вкус стал настолько утонченным, что никто кроме тебя не может доставить мне удовольствия». Хотя у него и была возможность вступать в связи с рабынями, мысль о Полли удерживала его от этого.

Он писал ей два-три письма в неделю. В основном он писал о том, как любит ее и какое это счастье для него — быть любимым ею. После четырнадцати месяцев в море он вернулся к Полли, в дом Кэтлеттов, на шесть месяцев, которые у него оставались до следующей поездки.

В ее день рождения он писал ей: «Я встал до рассвета, чтобы молиться и благодарить Бога, который даровал мне тебя».

Характерным замечанием в другом письме было следующее: «Я нашел новую причину любить тебя еще сильнее».

У него был с собой карандаш, который она ему подарила: «Я часто смотрю на него и разговариваю с ним».

Джон продолжал надеяться на то, что его следующее путешествие станет последним, но ни одна из его поездок не обеспечила финансового успеха. Он писал Полли: «Возможно, мы не будем богаты — ну и пусть. Мы богаты нашей любовью. Мы действительно богаты, если обещания Бога и Его провидение — наше наследие».

Джону было двадцать девять, Полли — двадцать четыре, когда он вернулся из своего третьего путешествия. Каждая новая разлука с Полли казалась еще более тяжелой, чем предыдущая; и каждый раз, когда рабов загоняли в трюм его корабля, Джон впадал во все большее уныние. «Меня угнетала работа, связанная с цепями, засовами и

кандалами». И он молился о том, чтобы Господь, когда это будет Ему угодно, дал ему более человеческое занятие.

Джон был готов отплыть в новое путешествие. По крайней мере, внешне он казался готовым. Команда набрана, груз находился на борту. Корабль должен был отплыть через два дня.

Джон и Полли беседовали за чаем. Все было как будто в порядке. И вдруг Джон, потеряв сознание, упал к ногам Полли. Она закричала, призывая на помощь. Вбежала хозяйка комнат; вызвали врача.

Джон находился без сознания около часа. Затем он открыл глаза и очнулся.

Его мучили продолжительные головные боли. Иногда без видимой причины начинало шатать. Врачи не рекомендовали отплывать в море до полного исчезновения этих симптомов, и Джону пришлось распустить команду. (Кстати, следующее путешествие этого корабля оказалось трагическим. Человек, заместивший Джона, большинство офицеров и многие набранные Джоном люди погибли в море.)

Причина этого приступа так никогда и не выяснилась. Некоторые из его биографов предполагают, что это было результатом накопившихся переживаний.

На время болезни Джона супруги Ньютон поселились в доме родителей Полли. Но вскоре после их приезда заболела и она. Врачи не понимали, в чем дело. Джон думал, что, вероятнее всего, это было реакцией на шок. Беспокойство, которое мучило ее во время поездок Джона, достигло пика, когда ее муж потерял сознание у нее на глазах. Она держалась, пока не привезла его под надежный кров родительского дома. Но тогда силы и оставили ее. «Она сла-бела буквально на глазах. Она была настолько слаба, что едва могла вынести чье-либо присутствие в своей комнате». Полли была прикована к постели одиннадцать месяцев.

Для Джона это по многим причинам было страшное время. Он был не только обеспокоен здоровьем жены, но и не знал, как сможет содержать ее. Он не имел ни малейшего представления о том, что предназначал ему Бог в будущем, но не терял надежды и молился, чтобы Господь не разлучил его с Полли. Чтобы быть готовым к чему бы то ни было, он изучал латинский, французский, математику и погрузился в Библию.

Особенно загадочным в состоянии здоровья было то, что временами Полли казалась почти совершенно здоровой, и он был уже почти уверен в ее выздоровлении. Но через несколько дней ей вновь становилось очень плохо, и казалось, что она вот-вот умрет.

Джон чувствовал себя достаточно выздоровевшим для того, чтобы снова отправиться в море. Но он не знал, как ему поступить. Он молился о разрешении своих колебаний и наконец получил письмо от ливерпульского судовладельца, на которого раньше работал. Тот сообщал, что вскоре освобождается должность инспектора таможенного департамента в Ливерпуле. Судовладелец рекомендовал Джону как можно скорее туда прибыть.

Он получил эту работу. В качестве таможенного инспектора Джон контролировал торговлю. Он принимал прибывавшие в Ливерпуль корабли, искал спрятанные товары, устанавливал размер акциза. На время болезни Полли ему пришлось оставить ее дома, с родителями, но теперь он был всего лишь на другом конце Англии, а не на другом конце света.

Едва появлялись время и деньги, как Джон отправлялся к ней через всю страну. «Я выехал из Лондона в субботу около десяти, — писал он Полли, — но вскоре обнаружил, что моей лошади все безразлично. И хотя я объяснил ей, с каким нетерпением стремлюсь к моей милой, она и не подумала передвигать ноги быстрее».

В Ливерпуле на Джона огромное впечатление произвели проповеди Джорджа Уайтфилда. В одном из

писем он делится с Полли своим воодушевлением. Вскоре Джон получил ответ. Полли писала не только о том, что чувствует себя намного лучше, но также и о том, что впервые в жизни молилась от всего сердца и почувствовала, что Бог услышал ее молитву.

Для Джона не могло быть новости лучше этой.

Растущую веру Полли, несмотря на ее сомнения, можно проследить по ее письмам. Когда она пишет, что боится обнаружить в себе лицемерие, Джон отвечает: «Это лучший признак отсутствия лицемерия». А она отвечает ему: «Я наслаждаюсь и восхищаюсь каждым словом и каждым делом моего возлюбленного Джона, но как же я холодна к Тому, Кто так много сделан для нас и Которому мы обязаны друг другом».

Наконец Полли почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы отправиться к Джону в Ливерпуль. Впервые за шесть лет брака у них был свой дом, где они жили вместе. Тем не менее ее многое беспокоило. Привычной для нее была состоятельная жизнь, и она боялась, что в Ливерпуле ей придется общаться с посудомойками. Мало того что Ливерпуль не славился ни культурой, ни людьми высокого социального статуса, прошел слух, будто Джон сдружился с методистами, а тетюшка Полли методистов презирала.

И все же Полли была готова ехать в Ливерпуль даже под угрозой встречи с кем-нибудь из методистов. А вот посудомойки ее решительно пугали.

Джону было уже за тридцать, а он до сих пор все не мог определиться с карьерой. Ничего отталкивающего в работе таможенного инспектора не было. В округе это была вполне уважаемая должность. Но он чувствовал, что Бог не хочет, чтобы он всю жизнь был таможенным инспектором. Джон помнил, что его мать видела в нем будущего священника. Но он ни разу в жизни не читал проповеди, хотя однажды и попробовал свидетельствовать. После этой единственной попытки он пришел к выводу,

что, вероятнее всего, Бог не хочет, чтобы из него вышел проповедник.

Но однажды, когда они с Полли путешествовали по деревушкам Йоркшира и люди просили его рассказать им историю своей жизни, он не смог отказать. И чем чаще он рассказывал, тем больше чувствовал, что может проповедовать.

Проведя свой тридцать третий день рождения в молитве и посте, он принял решение стать священником. Решение это было трудным. Оно было связано с выбором между диссентерами (к которым принадлежала его мать) и официальной англиканской церковью (с которой была тесно связана семья Кэтлетт).

Джон склонялся к диссентерам. На него произвели большое впечатление те независимые церкви, в которых он побывал, и, как ему казалось, получить там рукоположение было бы для него много проще. Но, с другой стороны, если он хотел оказывать влияние на большие массы людей, то гораздо лучшим путем была бы англиканская церковь. И вот, после длительной внутренней борьбы, он подал прошение о рукоположении архиепископу Йоркширскому. Ему отказали, поскольку у него не было ни оксфордского, ни кембриджского диплома.

Независимая церковь в Йоркшире пригласила его стать пастором. Джон отказался. Джон Уэсли хотел, чтобы Ньютон стал проповедником в методистской церкви, но у него и к этому не было склонности. И когда друзья стали советовать Джону основать в Ливерпуле собственную независимую церковь, тот был близок к тому, чтобы пойти на это.

Джон и Полли уже проводили дома воскресные вечерние службы. Реорганизовать такое служение в независимую церковь не представляло большого труда. Джону нравилась эта идея, а Полли — нет. А поскольку Полли она не нравилась, он и не воплощал эту идею в жизнь. Позже он писал: «Я думаю, никто, кроме Полли, не

смог бы в течение двух лет удерживать меня от шага, в котором я, вероятнее всего, вскоре бы раскаялся». Он писал также: «Она сдерживала меня, пока не пришло назначенное Господом время дать волю стремлению сердца. Время Господа — это как прилив, ни один человек не может ни ускорить, ни задержать его. Пока оно не пришло, его нужно терпеливо ждать».

И он ждал. Ждал до 1764 года, более пяти лет после того, как принял решение стать священником, пока англиканская церковь не согласилась наконец на его рукоположение. Ему было около тридцати девяти лет, когда его направили в церковь маленького торгового городка Олни.

Возможно, другие священники и вовсе не сочли бы такое назначение почетным. Прихожане в Олни были бедны. Многие из них страдали легочными заболеваниями. Расположенный на пол-пути из Ливерпуля в Лондон, этот городок выделялся лишь тем, что служил удобным остановочным пунктом.

Но Джон и Полли были счастливы.

Для Джона это было начало нового поприща. И в течение последующих шестнадцати лет, возможно лучших лет их совместной жизни, Ньютоны служили в этом приходе. Джон приходил к больным и старым и разделял с ними все их горести. Священническое одеяние он надевал только по воскресеньям. В другие же дни Джон носил свой старый капитанский китель, который и стал для него чем-то вроде отличительной «марки».

Во времена, когда в общем-то никто не занимался молодежным служением, Джон учредил еженедельные детские собрания. Он говорил, что все, чего он хотел, это «проповедовать, рассуждать, беседовать с ними и объяснять Писание на доступном им языке».

Примерно тогда, когда он принял это служение, его убедили изложить на бумаге историю его молодости. Когда книгу под заголовком «Из глубин» опубликовали,

Джон стал знаменит. «Люди с изумлением смотрят на меня, и, наверное, не зря. Я и сам себя изумляю; и больше всего меня изумляет то, что во мне ничего не осталось от того прежнего человека».

На его книгу приходили отклики со всей страны, но самым примечательным стало письмо тридцатидвухлетнего поэта Уильяма Купера, пережившего последствия двух сильнейших нервных расстройств и трижды пытавшегося покончить с собой. Пребывая в глубочайшей депрессии, он убедил себя, что спасение, обещанное Богом, никогда не будет ему даровано. Однако, читая свидетельство Джона, он обрел надежду. Джон и Полли пригласили его в Олни, и он жил у них пять месяцев. Затем он купил собственный дом неподалеку от них.

Как и Джон, Купер обожал поэзию, длительные прогулки и веселые шутки. Как и Полли, он обожал цветы. Сад Купера почти примыкал к участку Полли, и они довольно часто делились своими садоводческими находками.

Джон полагал, что лучшим душевным лекарством для его друга будет написание гимнов. Давно уже они подталкивали к этому друг друга, хотя Джон никогда и не предполагал, что его поэтические пробы могут хоть в чем-то сравниться со стихами Купера.

Вскоре Олни стал знаменит гимнами, которые писали друзья, и, конечно же, прихожане были счастливы от того, что у них есть возможность спеть эти гимны первыми.

Уильям Купер написал такие гимны, как «Источник крови Твоей святой», «О, ради хождения в Боге моем», «Иисус, где бы народ Твой ни встречался» и «Бог движет всем неведомо для нас», а Джон — «Как сладко имя Христа звучит», «Душа моя, ходатайствуй», «Как утомительны, скучны часы», «Еще одна неделя прожита», «Твое величие все славят, о Господь» и, конечно, «Удивительная милость Бога».

Позже, опубликовав сборник песен, озаглавленный «Гимны Олни», Джон говорил, что этот сборник стал «памятником, увековечившим крепкую и теплую дружбу».

Однако, несмотря на все усилия Джона, нервные расстройства Купера вновь дали о себе знать. Джон и Полли подолгу бывали у него, опасаясь новых попыток самоубийства. Затем он переехал в дом Джона, и тот всячески старался приободрить его шутливыми стихами, но ничего не помогало.

Это было тяжким бременем для Джона и Полли. Джон не мог писать, когда его друг был в таком состоянии. «Моя скорбь была очень велика. Я повесил мою арфу на ветви ивы и долгое время полагал, что без него я не стану ничего сочинять». Спустя примерно год тяжелейшей депрессии Купер улыбнулся одной из шуток Джона; и вскоре он почувствовал себя значительно лучше.

Хоть годы и шли, взаимная любовь Джона и Полли не убывала. Иногда Полли нужно было ездить к стареющему больному отцу, и в это время Джон очень часто писал ей.

В его письмах было много мыслей о Библии, юмора, новостей, преданной любви и теплого участия. Вот несколько выдержек из разных писем:

«Любовь — это ребенок, который крепнет с возрастом».

«Я ощущаю на расстоянии твою головную боль».

«Дом пуст без тебя, в каждой комнате я скучаю по тебе».

«Без тебя я всегда немного неуклюж. И это говорит не смиренный раб, а муж. И говорит он это не в медовый месяц, а на двадцать третьем году брака».

«Я вовсе не хочу, чтобы ты меньше меня любила, но мне часто хочется, чтобы ты меньше за меня переживала».

«Ты всегда была для меня божеством, и, боюсь, это и сейчас так. Как трудно избежать недооценки и переоценки даров Божьих».

«Благословение Господне обратило за тридцать пять лет пылкость любви в надежную и очень нежную дружбу. Я никогда не смогу выразить, до какой степени я тебе обязан, как сильно я люблю тебя, ни даже половины того, о чем трепещет мое сердце, когда я ставлю здесь мою подпись.

Твой преданный и нежно привязанный к тебе муж".

Здоровье Полли — как физическое, так и эмоциональное — всегда было непрочным. С того самого времени, когда она слегла после обморока Джона, она часто чувствовала себя нездоровой. Много раз она «была прикована к постели по пять-шесть месяцев», и порой казалось, что Полли вот-вот умрет. Джон говорил, что примерно четверть всего времени она была больна, но когда она чувствовала себя хорошо, то вела вполне естественный образ жизни.

Джон и Полли думали, что до конца дней своих будут жить в Олни. Он отказывался от предложений других церквей и даже не захотел возглавить колледж в Саванне (Джорджия).

Однако, как отмечает живший неподалеку священник, «он был слишком близок к людям, чтобы они уважали его». Церковь раздирали противоречия нескольких соперничавших групп, и Джон был бессилен остановить их. После страшного пожара, уничтожившего несколько кварталов Олни, Джон предложил городским властям отменить праздничные фейерверки. Хотя отцы города и одобрили это решение, толпа пьяных гуляк решила, что Ньютоны испортили им праздники. С шумом прокатившись по Мэйн Стрит, они повалили к дому Джона. Один из его друзей, увидев происходящее, бросился к нему, чтобы предупредить, — там было около сорокапятидесяти человек, «одурманенных злобой и винными парами». Если бы они ворвались в дом, это могло закончиться очень плохо.

Полли была в ужасе. Джон не хотел уступать толпе, но еще менее хотел подвергать Полли опасности. Тогда он вышел навстречу заводиле и дал ему денег, чтобы тот увел дебоширов. Позже Джон говорил: «Мне стыдно за то, что там произошло».

Вскоре после этого церковь Св. Марии в Лондоне пригласила его к себе, и он согласился. «Лондон — это то место, куда я менее всего хотел бы отправиться, если бы мог выбирать», — заметил он. Но он понимал, что его служению в Олни пришел конец. В Лондоне, как и в Олни, дом Ньютонов превратился в пасторский центр. «Мое время делится на то, чтобы ходить смотреть на других, — писал он своему другу Куперу, — и на то, чтобы другие приходили и смотрели на меня, как на ручного слона».

В 1788 году, когда Полли исполнилось пятьдесят девять лет, ее стали мучить странные боли. Без ведома Джона она обратилась к врачу, который поставил диагноз: рак груди. Это не стало для нее неожиданностью. Главной ее заботой был Джон. Такая новость стала бы для него катастрофой. Поэтому Полли решила прооперироваться втайне, когда Джон будет в отъезде. Но врач отказался. Раковая опухоль уже дала метастазы. Правда была такова, что Полли оставалось жить менее двух лет.

Поначалу Джон воспринимал происходящее гораздо тяжелее, чем Полли. Стараясь смириться с волей Бога, он «метался как бешеный бык, на которого набросили сеть», как сам он признался позже. Некоторое время Полли, напротив, переносила все стоически.

Но только некоторое время.

Когда болезнь стала прогрессировать и боли усилились, Джон мог только в бессилии наблюдать. А Полли, всякий раз, почувствовав себя немного лучше, старательно изучала Библию. Позднее Джон писал: «Ее Библия всегда со мной (я не обменял бы ее и на половину ватиканского собрания манускриптов), и в ней практически все важные места, от начала и до конца книги, отмечены ее

собственноручными карандашными пометками на полях». Джон гордился Полли.

Но потом «рассудок Полли затуманился, мысли стали путаться; и постепенно она потеряла всякий интерес не только к поискам истин, заключенных в Библии, но и к самой Истине. И, кроме того, она испытывала невероятное отвращение к смерти... Видеть это было очень и очень тяжело».

Вместе с тем и ее привязанность к Джону утратила свою силу. «Она, разговаривая со мной, была полна безразличия».

Хотя Джон и переносил эти перемены с огромным трудом, он все же не усомнился ни в ее любви к Богу, ни в любви к нему самому. «Утверждать, будто Полли утратила веру, — значит утверждать, что она не любила мужа все последние сорок лет».

Пробыв в таком «страхе и смятении» примерно две недели, Полли вновь обрела свое прежнее душевное состояние. Но ее здоровье быстро ухудшалось.

Незадолго до рождества 1790 года Полли умерла. Ей был шестьдесят один год.

Джон писал: «Когда моя жена умерла, весь мир умер вместе с ней». Но еще до ее смерти Джон начал бороться с отчаянием и психологической агонией. Он рассказывает об этом так: «За два или три месяца до ее кончины, когда я ходил взад и вперед по комнате, произнося обрывки молитв, а сердце мое разрывалось от тоски, меня неожиданно поразила одна мысль: „Вне всякого сомнения Господь поможет мне, если только я сам захочу принять эту помощь“». Он не хотел погрузиться в длительные, «не имеющие смысла переживания».

После ее смерти у него появилось больше дел, чем когда-либо. Он уплотнил свой день. «Я боялся, что запру себя дома, погрузившись в размышления о своей утрате. Поэтому уже на следующий день я встретился с несколькими друзьями». — «У меня не было права

жаловаться. Я относился к Полли как к займу, который в любой момент мог быть востребован Тем, Кто дал мне его». Джон продолжал проповедовать в своей лондонской церкви более чем до восьмидесятилетнего возраста. Один из друзей, советовавший ему уйти на покой, услышал в ответ: «Я не могу остановиться! Вы думаете, старый африканский богохульник умолкнет? Он будет говорить до тех пор, пока не лишится дара речи!»

Спустя семнадцать лет после смерти Полли, в 1807 году, Джон умер. Он сам написал себе эпитафию: «Джон Ньютон... бывший атеист и распутник, прислуга рабов в Африке, был милостью Господа и Спасителя Иисуса Христа возрожден, прощен и направлен проповедовать истину, которую он долго пытался сокрушить».

Бывший атеист и распутник получил великое благословение в своем браке. После смерти Полли Джон опубликовал книгу «Письма к жене». В этой книге он пишет: «Она была приятным собеседником, самым близким другом и моим рассудительным советником. Я очень редко, если и вообще когда-либо, раскаивался в поступках, совершенных по ее совету. И редко бывало так, что, не послушав ее, я впоследствии не осознавал своей неправоты».

Библиография

Newton, John. *Cardiphonia*. Philadelphia: Presbyterian Board of Education, n. d. Newton, John. *Letters of John Newton*. Edinburgh: Banner of Truth, 1960.

Newton, John. *Letters to a Wife*. London: W. Oliver, 1793.

Newton, John. *Out of the Depths*. Reprint. New Canaan, Conn.: Keats, 1981.

Newton, John. *The Works of John Newton*. New Haven: Nathan Whiting, 1826. Pollock, John. *Amazing Grace*. San Francisco: Harper and Row, 1981.

Превосходившая меня во всем

Дуайт и Эмма Моуди

Многие знают Дуайта Л. Моуди, которого можно назвать Билли Грэмом девятнадцатого века. Удивительный, неутомимый проповедник, он избородил Атлантику, приводя сотни тысяч людей к Иисусу Христу.

Да, вы, вероятно, знаете Дуайта Л. Моуди. Но я все же думаю, вы вряд ли когда-нибудь слышали об Эмме Моуди, его жене, которая всегда предпочитала оставаться в тени.

Мне кажется, вам стоило бы узнать о них обоих несколько больше. Возможно, вас удивит то, каким Дуайт был дома. Возможно, многое вас удивит и в Эмме. Именно в тот момент, когда вам покажется, что вы поняли ее, вы обнаружите нечто, что откровенно изумит вас.

Но каким же был брак между мужчиной, по темпераменту напоминавшим Лютера, и этой «скромной и сдержанной» женщиной? Многое в этом союзе вам покажется удивительным.

«Единственным человеком в мире, который действительно знал Д. Л. Моуди, была его жена», — пишет биограф Дж. К. Поллок. Может быть, это и так, но вряд ли кто-нибудь — даже сам Д. Л. Моуди — действительно знал Эмму Моуди.

Д. Л. (он редко пользовался именем Дуайт Лаймен) и Эмма были противоположностями. Их сын Пол сказал: «Вряд ли можно найти двух других людей, которые представляли бы собой более яркий контраст... Когда они познакомились, он был импульсивным, несдержанным, авторитарным оппозиционером и не слишком образованным человеком. Она же была консервативна и

свято соблюдала все условности, была гораздо лучше образованна, очень начитанна, с безупречным вкусом, но держалась при этом исключительно скромно».

И очень хорошо, что они были такими разными. Ни один дом не был бы достаточно велик, чтобы вместить двух таких людей, как Д. Л. Моуди.

Но не подумайте, будто бы Эмма Моуди была в этой семье малозначашим дополнением. Она была яркой самостоятельной личностью. Д. Л. Моуди никогда не оценивал ее качества и не определял ее роли. Эмма оценивала свои качества и определяла свою роль сама. И эта роль всегда была за сценой, вдали от огней рампы. Она, например, отказывалась появляться рядом с мужем во время его проповедей перед огромными аудиториями, и ее осуждали за это. Но в начале его карьеры она была замечательным помощником в его работе. «Когда я сталкиваюсь с особенно трудной задачей, — сказал однажды Д. Л., — я поручаю ее моей жене. Она способна обратить человека к Христу, воздействуя на такие струны его души, которые мне просто недоступны». Один из самых известных обращенных Моуди, Э. П. Браун, издатель журнала и воинствующий атеист, стал христианином благодаря усилиям «скромной и сдержанной» Эммы Моуди.

Достижения Моуди как проповедника по обеим сторонам Атлантики стали легендой. Он проехал миллион миль, проповедовал ста миллионам людей и был свидетелем обращения семисот пятидесяти тысяч человек. Он совершил революцию в подходах к проповеди Евангелия и основал то, что сегодня мы знаем как Библейский Институт Моуди — первую библейскую школу такого рода.

Большой человек, ростом пять футов десять дюймов и весом в двести пятьдесят фунтов, он стал больше и шире за годы своего служения, как внешне, так и в характере и

масштабе своего служения. И все это очень во многом благодаря именно Эмме.

Дуайт Моуди родился в 1837 году в Нортфилде, Массачусетс. Отец его, по профессии каменщик, пил и умер банкротом, когда Дуайту было всего четыре года. Бетси Моуди осталась с девятью детьми, включая Дуайта.

В Нортфилде Дуайт мало учился, мало читал Библию, зато много и тяжело работал. Когда Дуайту исполнилось семнадцать, ему опротивел захолустный Нортфилд и он отправился в Бостон, где устроился на работу к дяде в обувной магазин. Он ночевал на третьем этаже, над магазином. В то время он писал так: «У меня ком-нота на третьем этаже и кагда я аткрываю акно там три больших дома и там такие красивые девушки и они там раятся как папу-гаи». В письме он также рассказывает и о столовой, где он кормился: «Там двадцать пять чилавек прислухи и много деvушик и нам весило». Очевидно, что у Дуайта с девушками отношения были гораздо лучше, чем с орфографией.

В течение нескольких месяцев он посещал воскресную школу в бостонской церкви конгрегационалистов Маунт Вернон. Там преподавал тридцатилетний галантерейщик Эдвард Кимбелл. Однажды Кимбелл зашел к Моуди в обувной магазин и призвал парня обратиться к Христу. Моуди был не против. Но когда через пару недель он захотел стать членом церкви, ему отказали. «Ты плохо понимаешь, в чем заключается суть спасения», — сказали ему.

Год спустя, поссорившись с дядей и испытывая сильное недовольство своей церковью, он потратил пять долларов на железнодорожный билет и отправился искать счастья в Чикаго. Чикагские возможности вскружили ему голову. Матери он пишет: «Тут я могу заработать гораздо больше, чем в Б". (то есть в Бостоне). И своему брату Джорджу: «Вот где деньги делать надо».

Хотя он и был принят чикагской конгрегационалистской церковью, он посещал также баптистскую и методистскую церкви. Его никогда особенно не волновали ярлыки деноминаций. Как-то раз в баптистской миссии он обратил внимание на Эмму Рэвелл — ей тогда было около пятнадцати. Эмма вела занятия в Миссии Уэлс-Стрит. На Моуди произвело большое впечатление и то, как она преподавала, и то, как она выглядела. У нее были черные волосы и темные глаза. Она выглядела очень необычно и женственно. В ее манере держаться было столько изысканности, что двадцатилетний Моуди просто не мог оторвать от нее глаз, тем более что у него самого с изысканностью дела обстояли не блестяще. Лично сам Моуди не преподавал. Баптисты хотели, чтобы он стал учителем воскресной школы, но он сказал, что учить — это не по его части. Тогда ему дали поручение ходить по улицам и «зывать учеников», с чем Д. Л. справлялся блестяще.

Неплохо он справился и с другой задачей — сумел попасть к Эмме в гости. Там он познакомился с отцом Эммы, Флемингом Рэвеллом, кораблестроителем. Его предки были гугенотами, и он перебрался из Лондона в Чикаго всего за восемь лет до этого, поскольку шел слух, что Чикаго скоро станет крупнейшим центром кораблестроения.

Д. Л. нравилась Эмма, но не ее воскресная школа. В ней было слишком много формального. И вот в 1858 году Дуайт открывает свою школу. Сначала ее собрания проходили в кузове старого грузовика, а потом в заброшенном баре. В течение года, благодаря «ззыванию», которым занимался Д. Л. на улицах, количество учеников достигло шестисот, а еще через год — полутора тысяч.

Преподавать оборванцам, собранным Моуди, было, понятное дело, не сахар, но юная Эмма стала одним из первых учителей-добровольцев. Д. Л. не оставлял без

внимания ни одну из своих преподавательниц, но к Эмме он всегда относился особо. Причем в ухаживаниях старался придерживаться приличий, разумеется, как он их понимал. В дом Рэвеллов он всегда приходил, взяв с собой двоих парней. Отчасти из-за того, что у Эммы было две сестры. Отчасти же потому, что так он чувствовал себя гораздо свободнее в этом довольно-таки консервативном доме.

В 1860 году состоялась помолвка. Д. Л. объявил об этом на собрании преподавателей воскресной школы. Сделал он это примерно в следующей форме: «Ну, все, хорош. Надоело шляться к девчонкам в гости. Нечего. Я обручился с Эммой Рэвелл». Вот тогда для Д. Л. и настало время больших решений. В 1859 году ему было двадцать два года; его комиссионные торгового агента составляли около пяти тысяч долларов. А это было время, когда механик зарабатывал полтора доллара в день. Целью Д. Л. было зарабатывать сто тысяч долларов в год. И он, безусловно, добился бы этого. Генри Драммонд говорил: «Я практически не сомневаюсь, что он мог бы стать одним из самых богатых людей в Соединенных Штатах». Но Д. Л. начал терять интерес к деньгам. Его воскресная школа требовала все больше времени и внимания. Он часто сотрудничал с ХАМЛ¹. Но вскоре стало очевидно, что он не может эффективно работать в бизнесе, продолжая заниматься воскресной школой и ХАМЛ.

Три месяца он мучительно размышлял над выбором. «Это была борьба», — говорил он. Этот выбор означал: откладывать или не откладывать свадьбу. Это значило — спать ли ему где-нибудь на скамеечке и питаться сыром и крекерами где-нибудь в дешевом ресторанчике. (А покушать Моуди любил.) Но он все-таки решил бросить работу. Он стал секретарем в приемной ХАМЛ за

¹ ХАМЛ — Христианская ассоциация молодых людей (англ. YMCA — Young Men's Christian Association). — *Примеч. пер.*

грошовое жалованье. Свадьба может и подождать, решил он.

Когда разразилась Гражданская война, ХАМЛ учредил комитет, и Моуди направили к солдатам. Он раздавал сборники гимнов — и раздал их более ста двадцати пяти тысяч, хотя у него самого совершенно не было слуха. Он ходил от барака к бараку, проводя по десять собраний за ночь, и вот что это были за собрания. «Я видел умиравших людей, раненые беспрерывно стонали», — вспоминает он. Сторонники запрещения продажи спиртных напитков критиковали его за то, что он давал умиравшим бренди, чтобы они пришли в себя и чтобы он мог рассказать им о Христе.

Иногда его называли «сумасшедший Моуди», потому что он вечно куда-то торопился. Его дядя говорил: «Мой племянник Дуайт совершенно ненормальный, просто чокнутый». Его брат был с этим согласен: «Дуайт носится с раннего утра до позднего вечера. У него даже поесть времени нет».

У него и в самом деле почти ни на что не было времени. «На учебу у меня нет и пяти минут в день, — признавался Моуди, — и поэтому я разговариваю так, как умею».

На свадьбу у него тоже не было времени. Но Эмма, девятнадцатилетняя учительница, продолжала его ждать. В жизнеописании Моуди его биограф Дж. К. Поллок пишет: «Эмма Рэвелл, полюбившая преуспевающего торгового агента, обрученная с проповедником, занимавшимся с подростками, которой предстояло выйти замуж за ветрогона, раздумывала над тем, что будет дальше».

Они поженились в четверг, 28 августа 1862 года. Дуайту Моуди было тогда двадцать пять лет. Его мать была категорически против брака с девушкой, родившейся в Англии и принадлежавшей к баптистской церкви. Она даже не знала, что из этого было хуже. Д. Л., конечно, сообщил ей о помолвке: «Дорогая мама, я думаю, что ты

полюбишь Эмму, если ты получше узнаешь ее. Я уверен, что так оно и будет. Она — добрая христианка». Но поскольку мать так плохо отнеслась к его помолвке с баптисткой из Англии, он не очень торопился сообщать ей о свадьбе. Он сделал это лишь спустя два месяца. Дальше же все пошло так, как он и предполагал. Эмма отреагировала на сложившуюся ситуацию с присущим ей хладнокровием. Она написала свекрови: «Неважно, к какой деноминации мы принадлежим, если наши сердца открыты Богу». Еще несколько писем и личных встреч — и Эмма со свекровью стали добрыми друзьями.

Эмма умела разрешать трудные вопросы. Д. Л. часто просто не замечал всего того, что она делает. Она была практична и любила порядок. Она заставила мужа регулярно есть, выбросила его «особые» рубашки, которые, как он утверждал, можно было не стирать неделями. Она предпочитала оставаться в тени, хотя ее считали талантливым учителем. В воскресной школе Моуди ее группа состояла примерно из сорока человек средних лет.

Однажды Моуди сопровождал важного посетителя, осматривающего школу, и тот обратил внимание на необычный класс: «А эта леди не слишком молода, чтобы учить этих людей?» — спросил посетитель. Моуди ответил, что учитель прекрасно справляется со своими обязанностями. Его собеседник согласился, но добавил, что все-таки выглядит это немного странно.

В конце концов Моуди сказал не без гордости: «Сэр, это моя жена».

В середине 1860-х годов воскресная школа Моуди стала церковью. Она была связана с конгрегационалистами, но была независимой. По настоянию Эммы он устроил при церкви баптистерий, где крестили погружением в воду, а также купель для крещения младенцев. Моуди не был рукоположен, поэтому служение в его церкви вели другие. Тем не менее это не

мешало ему регулярно читать там проповеди, так что ни у кого не возникало сомнений в том, чья это церковь.

В своих ранних проповедях Д. Л. делал акцент на Божьем гневе. Эмма говорила, что она порой вздрагивала, когда он повышал голос. Но затем характер проповедей Дуайта изменился, и во многом благодаря Эмме. Большое влияние оказал на него и английский проповедник Гарри Мурхауз, обращенный вор-карманник. Мурхауз проповедовал в церкви Моуди, когда тот был в отъезде, и по возвращении Дуайт спросил Эмму, как он справился со своей задачей. Она ответила: «Он проповедует не так, как ты. Он проповедует о том, что Бог любит грешников». Моуди не понимал, к чему клонит Эмма. Но она продолжала настаивать на том, чтобы он послушал проповеди Мурхауза. «Я думаю, он убедит тебя. Все, что он говорит, основано на Библии».

С тех пор Моуди не только стал больше говорить о любви Бога, но и начал гораздо внимательнее изучать Библию, а это сразу сказалось на его проповедях. Эмма была также ответственна и за служение Д. Л. на Британских островах. Однажды, когда зима выдалась особенно суровой и Эмма почувствовала себя значительно хуже чем обычно из-за приступов астмы, врачи посоветовали ей покинуть Чикаго. Ей было всего двадцать четыре года. Дуайт хотел, чтобы она ехала в Англию, где жила ее старшая сестра. Эмма была человеком весьма хрупким и, помимо астмы, страдала еще от головных болей. У нее также было больное сердце. Моуди, напротив, обладал очень крепким здоровьем и казался неутомимым. Его регент, Айра Сэнки, молилась: «Боже, сделай так, чтобы Моуди устал или же даруй всем нам сверхчеловеческие силы».

Моуди был рад отвезти жену в Англию. Ему и самому требовалась смена обстановки. Кроме того, он жаждал встретиться там с тремя людьми, которыми заочно восхищался. Это были Джордж Уильямс, возглавлявший

ХАМЛ, Чарлз Сперджен, проповедник Лондонской церкви «Скинния», и Джордж Мюллер, занимавшийся Бристольским детским приютом. Было ли путешествие в Англию благотворным для состояния здоровья Эммы — трудно сказать, но оно, вне всякого сомнения, сыграло важную роль в открытии нового континента для проповеднической работы Дуайта.

Со временем Д. Л. начал осознавать, какую жену дал ему Господь. В одной из своих проповедей Моуди сказал: «Думаю, моя жена удивилась бы, если бы я сказал ей, как сильно я любил ее в первый год нашего брака и как я счастлив был тогда». Он говорил также: «Я никогда не устаю удивляться двум вещам: тому, что Бог решил использовать меня, несмотря на все мои недостатки, и тому, что я сумел завоевать любовь женщины, превосходящей меня во всем, с совершенно другим темпераментом и происхождением».

К 1871 году тридцатитрехлетний Моуди был уже настоящим семьянином. В их чикагском доме родилось двое детей, и Эмма сумела сгладить многие острые углы характера мужа. Иногда ему даже удавалось быть обходительным. Он уже научился сдерживать свой гнев, хотя временами ему все еще приходилось публично извиняться. В это время он находился на распутье. В Чикаго у него была церковь, он работал в ХАМЛ, а проповедническая деятельность требовала от него все больше времени и усилий. Требовала она и длительных поездок. Моуди чувствовал, что Бог направляет его именно проповедовать, но он сопротивлялся.

Пожар в Чикаго решил все.

Ночью 8 октября 1871 года полицейские постучали в дверь дома Моуди и сообщили, что нужно немедленно уходить. Город пылал. Эмма спокойно разбудила детей и сказала: «Если вы обещаете не хныкать, я вам покажу кое-что такое, чего вы никогда не забудете». Пока она одевала их, они смотрели на бушевавшее за окном пламя.

Чикаго сгорел практически дотла. Сгорела и церковь Моуди. Сгорело и отделение ХАМЛ. В Чикаго не было человека, готового дать деньги на то, чтобы Моуди заново все отстроил. Итак, он отправился в Нью-Йорк, а затем в Филадельфию в качестве миссионера. Денег на жизнь не хватало. Проблемы с постройкой новой церкви убедили его всецело отдаться проповеднической деятельности. И он вновь отправился в Англию с Эммой, сыном Уилли, которому было тогда четыре года, и с восьмилетней дочерью, которую называли Эммой, как мать. Один из биографов пишет об этом периоде его жизни: «Когда трудности стали почти непреодолимыми, он все бросил и начал с нуля».

Никто в Англии не знал о его приезде, кроме главы Лондонского отделения ХАМЛ. Но за двадцать месяцев чета Моуди взбудоражила всю Англию. В Шотландии они остановились в доме Питера Маккиннона. Миссис Маккиннон, близко сдружившаяся с Эммой, восхищалась обоими супругами. Она пишет: «Мне очень нравилось в мистере Моуди сочетание серьезности и бесшабашности... Он так прост в общении, так любит детей и так весело шутит со всеми, кто готов разделить его радость! Он очень веселый человек».

Об Эмме Джейн Маккиннон пишет: «Одного дня было достаточно, чтобы понять, сколько она делает для мужа. Чем больше я общалась с ней, тем больше я понимала, сколько она делает для служения мужа; и не только благодаря той работе, которую она брала на себя, освобождая его от забот о корреспонденции, но и благодаря своему характеру. Независимость ее мышления, спокойствие, с которым она все воспринимала, были поразительны. Она была так невозмутима, терпелива, умна, сдержанна... Редко можно встретить столько достоинств в одном человеке».

Кампания Моуди на Британских островах началась очень скромно, а завершилась взрывом триумфа. От

Северной Ирландии и до Корнуолла все говорили только о Моуди.

Возвратившись в Америку, Моуди обосновался в Нортфилде (Массачусетс), где жила его мать, которой тогда уже было около семидесяти. Д. Л. ждали в Нортфилде. В воскресенье он читал в церкви проповедь и увидел, что его мать встала и молится. Тогда он сошел с кафедры, сел на переднюю скамью и разрыдался.

Их дом в Массачусетсе располагался в очень живописной местности. Джеймс Финдли пишет: «Поблизости была дорога на Нортфилд, и оттуда открывался прекрасный вид на реку Коннектикут». Это был просторный фермерский дом, и впоследствии задняя его часть стала приютом для слушателей Нортфилдской школы Моуди. Дома Д. Л. расслабился. Он отпустил бороду, носил потрепанную одежду, занимался огородом и наслаждался ролью сельского жителя. Он обожал лошадей и держал их четырнадцать штук. Он не любил спорт, зато обожал прогулки в кабриолете, причем гнал лошадей с такой бешеной скоростью, что пассажиры едва не теряли рассудок от страха. Только когда рядом была Эмма, он ездил сравнительно медленно.

Дома Эмма занималась консервированием, делала запасы, ходила в гости к соседям и принимала у себя старых друзей. Она также работала с корреспонденцией и занималась финансами. Однажды Д. Л. заявил: «Я никому никогда не дам повода говорить, будто мы делаем деньги на проповеди Евангелия». И бухгалтерские книги перешли к Эмме. Эмма также занималась домом и детьми. Чувствуя себя ответственной за духовное воспитание сына и дочери, она изучала с ними Писание и беседовала об основах христианской веры. Хотя она и посещала вместе с мужем церковь конгрегационалистов, ее религиозные убеждения остались баптистскими до конца жизни.

В отличие от мужа, который читал только по необходимости, она обожала чтение. Когда дети стали

подрастать, она взялась вместе с ними за латинскую грамматику, а потом вновь принялась и за французский, который учила в молодости. Единственное, что по-настоящему выводило Эмму из себя, так это когда кто-нибудь пытался обмануть ее мужа. Сын вспоминает: «Попытка нечестно использовать его была в ее глазах непростительным грехом. О таких вещах она никогда не забывала, но никогда и не упоминала. В этом она была непреклонна».

Д. Л. и Эмма часто выезжали в кабриолете на прогулки в леса и на холмы, лежавшие вокруг. «Они были веселы, будто это был их второй медовый месяц», — вспоминает их сын.

Моуди часто отказывался от предложений отправиться в путешествие, поскольку «не хотел уезжать от жены». Но он не отказывался от предложений поехать куда-либо с проповедями. Часто такие поездки длились месяцами, и обычно Эмма с детьми сопровождала его. Вот как Эмма пишет Джейн Маккиннон о своих ежедневных заботах во время шестимесячной кампании мужа в Балтиморе: «Муж занят подготовкой к лекциям и встречам, дети в школе, а я занимаюсь всем понемногу: отвечаю за Дуайта на письма, принимаю посетителей, помогаю ему всем, чем могу. Дел вроде бы немного, но к ночи я чувствую себя очень усталой». Она сильно уставала еще и потому, что была беременна. Следующей весной родился их третий ребенок, Пол Дуайт Моуди. Он был на десять лет младше старшего сына, Уилла.

Дети подросли, у Дуайта и Эммы появились новые причины для беспокойства. Например, когда Уилл уехал учиться в колледж при Йельском университете, Д. Л. запрещал ему играть в футбол. «Мне кажется, полчаса веселого бега не стоят риска на всю жизнь остаться калекой». Но больше всего их беспокоила духовная жизнь детей. Эмма писала: «Если Бог сделает наших детей Своими чадами, это будет самое лучшее, о чем мы только

можем просить Его». Моуди очень тревожило, что Уилл, старший сын, был равнодушен к духовным вопросам. Однажды он написал Уиллу большое письмо: «Я мало говорил с тобой о вере, поскольку боялся, что ты отдалишься от Того, Кого я люблю больше, чем этот мир. И если я когда-либо сделал что-то неподобающее отцу и христианину, я прошу у тебя прощения... Я всегда полагал, что если мать и отец — христиане, а их дети — нет, то что-то со всеми нами не так. Я и сейчас так думаю... Если я плохо заботился о моих троих детях, то лучше бы мне умереть». Эмма тоже говорила Уиллу о своих опасениях, ее беспокоило, что он «остался вне жизни во Христе, будучи в колледже..". Она написала: «Я знаю, что папа молится о том, чтобы Дух Господень привел тебя к Христу. Я тоже молюсь об этом». Спустя год Уилл открыто исповедал свою веру в Христа. Когда Дуайт узнал об этом, он написал ему: «Я думаю, когда у тебя будет собственный сын, ты поймешь, до какой степени я счастлив теперь».

Младший сын, Пол, гораздо больше общался с матерью, чем с отцом. Пол считал, что именно Эмма была в их доме тем человеком, на котором держалось все: «Если наша семья и казалась идеальной, то исключительно благодаря матери». Эмма сыграла значительную роль также и в основании Библейского института Моуди в Чикаго. Дуайт был президентом Чикагского евангелического общества, которое собиралось открыть школу. Однако между советом директоров и молодыми специалистами возник конфликт. Моуди, который долго оставался нейтральной стороной, наконец решил, что с него достаточно. Он сложил с себя президентские полномочия, и это было воспринято как довольно-таки резкий жест с его стороны. Кроме того, это могло помешать открытию школы. «Мне все это надоело, я устал», — написал Дуайт.

Когда Эмма узнала об этом, она написала письмо на девятнадцати страницах, обращаясь ко всем, кто был

связан с проектом. Вскоре она переубедила и Д. Л., и тот послал телеграмму, в которой отменял свое решение об отставке.

Вскоре Чикагский Библейский институт был открыт.

Моуди работал очень много, как и прежде, несмотря на возраст и избыточный вес. Однажды в течение трех месяцев он посетил девяносто девять мест, часто проповедуя по три-четыре раза за день. Ничто не угнетало Дуайта больше, чем безделье.

1899 год стал трудным годом для семьи Моуди. Д. Л. было тогда шестьдесят два, а его рабочий график был все таким же плотным. Внезапно умерли два его внука, и их родители были убиты горем. Тяжело переживали это и Дуайт с Эммой.

Д. Л. очень хотел поехать в Филадельфию. «Если Богу будет угодно, я обращаю этот город за зиму. Как бы я хотел это сделать перед смертью!» — говорил он.

По дороге в Канзас Сити, где он организовал евангелизационную кампанию, Дуайт заехал в Филадельфию. Там он собирался навестить Джона Ванамакера и подготовиться к проповедям, которые ему предстояло произнести. Он был потрясен, когда узнал, что его старый друг Джон Ванамакер живет с любовницей.

Он отправился дальше, но две недели спустя сильные боли в груди вынудили его оставить служение и вернуться домой, в Нортфилд.

Через месяц, в декабре 1899 года, он умер.

После того как Дуайта похоронили, Эмма потеряла интерес к жизни. Это отразилось и на ее здоровье. Она страдала от нефрита и не могла больше писать правой рукой. Два последних года своей жизни она училась писать левой. Это очень хорошо показывает, как Эмма Моуди преодолевала трудности. Однажды Д. Л. Моуди сказал репортерам: «Никого не переоценивают в Америке больше, чем меня». И он мог бы добавить, что никого не недооценивали больше, чем его жену. Уилл Моуди писал:

«Для Дуайта Моуди его жена всегда была надежной опорой. Советом, сочувствием и верой эта женщина поддерживала его во всех его трудах, и каждое его усилие удесятерилось ее рассудительностью, тактом и самопожертвованием».

Эмма восполняла то, чего не хватало Дуайту, и он знал это и ценил. Она не любила огней рампы, она предпочитала оставаться в тени. Но это вовсе не значит, будто она ничего собою не представляла. Вовсе нет. Она сформировала Дуайта и как личность, и как служителя.

Библиография

Bratford, Gamaleiel. *D. L. Moody, A Worker in Souls*. New York: Doran, 1927.

Curtis, Richard K. *They Called Him Mr. Moody*. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1962. Findlay, James J., Jr. *D. L. Moody, American Evangelist*. Chicago: University of Chicago Press, 1969.

Moody, Paul D. *My Father*. Boston: Little, Brown, 1938.

Moody, William R. *The Life of D. L. Moody*. Old Tappan. N. J.: Fleming H. Revell, 1900. Pollock J. C. *Moody*. New York: Macmillan, 1963.

Она называла его «Тиршата»

Чарлз и Сьюзи Сперджен

Что нашла Сьюзи Томпсон в этом невысоком, полном и неуклюжем молодом человеке?

Она отличалась образованием и происхождением, а этот деревенский увалень не умел ни одеться должным образом, ни подобающе держаться в обществе.

Назначая свидание, он приглашал ее послушать его проповедь. А однажды он и вовсе забыл о ее присутствии. Из-за этого их помолвка едва не была расторгнута. Но все обошлось.

Вне всякого сомнения, все это подготовило ее к испытаниям, которые начались после свадьбы. Чарлз был настолько погружен в свои пасторские обязанности, что нетрудно было представить, как однажды утром в воскресенье он протянет ей руку и скажет: «Доброе утро, мадам, как вы поживаете?» — будто впервые в жизни видит ее.

Чарлз Хэддон Сперджен — князь среди проповедников, куривший сигары кальвинист, яркий и дерзкий характер, сделавший Библию истинно живой для своей паствы, вовсе не был «находкой», по лондонским меркам. Но Сьюзи любила его и сделала все, чтобы брак ее стал прекрасным и прочным союзом.

Он называл ее Сьюзи, а она в шутку называла его «Тиршата», персидским словом из Писания, означающим «почитаемый». Сьюзи решила, что «Тиршата» будет самым лучшим обращением, раз уж Чарлз так не любил, когда его называли «преподобный».

«Тиршата» стал величайшим проповедником века. Он основал колледж, сиротский приют, дом престарелых, издавал журнал и написал сто сорок книг.

Кое-что получилось и у Сьюзи. Она организовала международный Фонд книги, через который ежегодно рассылались тысячи изданий, Фонд помощи пасторам, помогавший нуждавшимся священнослужителям, и столовую для бедных. Еще она вырастила двоих сыновей и помогала Чарлзу в его исследованиях. И каким-то образом брак этих двух выдающихся и в общем-то весьма разных людей оказался очень счастливым. Каким же образом?

Чарлз Сперджен подумал, что это какая-то ошибка, когда лондонская церковь на Нью Парк-Стрит вдруг предложила ему стать пастором. Чарлзу было всего девятнадцать, и он никогда не учился в семинарии. А церковь эта была одной из самых влиятельных среди независимых (не англиканских) церквей в Лондоне. По крайней мере, раньше была. Но в последние несколько лет дела в церкви шли все хуже и хуже. Церковь могла вместить тысячу двести человек, но по воскресеньям туда приходило не более восьмидесяти-ста. Двое дьяконов церкви поняли, что им нужен энергичный молодой человек, способный изменить ситуацию. Тогда и пришла им в голову мысль написать Чарлзу.

Юность Сперджена не была радужной, но тягу к служению он испытывал давно. Он родился в очень маленьком городке, в семидесяти пяти милях к северо-востоку от Лондона. Его отец был мелким служащим, а по выходным исполнял обязанности священника в церкви конгрегационалистов. Его мать, которой было девятнадцать лет, когда родился Чарлз, родила потом еще шестнадцать детей, девять из которых умерли в детстве. Поскольку родители жили очень бедно, Чарлз провел первые шесть лет своей жизни у бабушки с дедушкой.

Поскольку дед тоже был священником-конгрегационалистом, он оказал сильное влияние на

Чарлза. Бабушка пообещала ему давать по пенни за каждый выученный им гимн Айзека Уоттса. И он их выучил столько, что бабушке пришлось снизить вознаграждение до полпенни.

Когда Чарлз вернулся в родительский дом, ему дали лучшее образование, какое только могли. Он был способным учеником. Его брат говорил: «Чарлз постоянно занимался. Я держал кроликов, цыплят, поросят и жеребенка, а он все время держал в руках книгу».

Те серьезные книги, которые он читал — «Увещевание нераскаявшихся грешников» Джозефа Аллена и «Призыв к нераскаявшимся» Ричарда Бакстера, — произвели на него огромное впечатление. Почти пять лет он терзался, размышляя о том, спасена его душа или нет. Проповеди, которые он слышал, и молитвы только усугубляли эту внутреннюю борьбу. Позже он говорил: «Дети часто многое скрывают от родителей... Так было и со мной. В периоды духовных переживаний я обратился бы с вопросами о вере к кому угодно, только не к родителям». А потому, как он вспоминает, его «печальной участью было глубокое осознание своей греховности без понимания величия милосердия Божьего».

И вот в первое воскресенье января 1850 года он пошел в церковь, но в это время началась снежная буря. Он укрылся в маленькой скромной методистской часовне. Там было не более двенадцати-пятнадцати человек. Даже священник не явился. Тогда «то ли сапожник, то ли портной поднялся на кафедру и начал проповедь». — «Человек этот был глуп, — вспоминает Чарлз, — он говорил что-то вроде: „Взгляните на меня и спаситесь, все концы земли“. Он страшно коверкал слова».

Непрерывно повторяясь в течение десяти минут, проповедник осознал, наконец, что больше сказать ему нечего, когда вдруг заметил подростка, вошедшего в часовню. Тогда он сказал: «Молодой человек, вы выглядите очень несчастным, и всю жизнь вы будете

несчастливым, если не примете то, что я говорю. А если примете прямо сейчас, в этот момент, то спасетесь». Именно в таком неожиданном толчке Чарлз и нуждался. Его сердце открылось для Христа-Спасителя. «Именно в тот момент тучи развеялись и тьма расступилась. Четыре месяца спустя баптистский священник, служивший в церкви, располагавшейся неподалеку от школы Чарлза, крестил его.

Через полтора года, когда Чарлзу исполнилось семнадцать, он принял приглашение на пасторское служение в общину городка Уотербич, насчитывающую около сорока человек. Уотербич был известен пьяницами и богохульниками. И вот, два года спустя, Чарлз получил приглашение в Лондон.

Накануне своей первой проповеди на Нью Парк-Стрит он ночевал в пансионе округа Блумсбери. Его соседи по пансиону не поверили Чарлзу, когда он сказал, где будет проповедовать. Он узнал о выдающихся проповедниках других лондонских кафедр и о тех, кто прежде проповедовал на Нью Парк-Стрит. Глядя на Чарлза, его собеседники едва сдерживали смех. На шее он носил огромный черный сатиновый шарф, а в нагрудном кармане у него красовался не меньших размеров синий платок в белый горошек. Он был непричесан, и его манеры выдавали в нем сельского жителя.

Чарлз не спал всю ночь. Как он сам пишет: «Я был в таком состоянии, которое очень мало располагает к спокойному сну». Угнетающим показался ему и город. «Безжалостен был грохот кэбов на улице, безжалостна теснота комнаты, в которой едва хватало места, чтобы преклонить колени, безжалостны были даже моргавшие в декабрьской тьме газовые фонари. В этом городе, полном живых существ, я был совершенно одинок». Ничего не желал он в тот день сильнее, чем немедленно уехать из этого города. Он чувствовал себя здесь совершенно чужим.

На следующее утро Чарлз впервые увидел церковь. Он описывает ее так: «Это было огромное и величественное сооружение, казавшееся выстроенным для состоятельных и уверенных в себе людей, совсем не таких, какими были мои простые прихожане, которым мое служение казалось Светом и Истиной». Утреннюю службу посетило всего около восьмидесяти человек, а на вечерней народу было уже гораздо больше.

Именно тогда Сьюзи Томпсон впервые увидела Чарлза. Хотя вся ее семья отправилась на утреннюю службу, Сьюзи с ними не пошла. Но днем к ним зашел дьякон церкви и посетовал на то, что утром было столько незанятых мест. «К вечеру надо собрать побольше прихожан, иначе нам его не заполучить». Без сомнения, дьякон относился к делу очень серьезно, и ему удалось организовать приличную аудиторию. «Малышке Сьюзи тоже надо пойти», — добавил он на прощанье. Малышка Сьюзи, которая и в самом деле выглядела скорее подростком, чем двадцатидвухлетней девушкой, не очень-то была рада тому, что ее называли «малышкой». И ей не очень понравилось то, что она успела услышать о новом молодом проповеднике. Ей нравились представительные священники, и она вряд ли стала бы относиться уважительно к служителю, который был моложе ее. Тем не менее «ради друзей», как она вспоминала позже, она отправилась в церковь вместе со всеми.

Ее первое впечатление не было благоприятным. «Красноречие молодого оратора мало меня тронуло... Его провинциальные манеры и речь вызывали скорее сожаление, чем почтение». Запомнилась ей вовсе не проповедь, а «огромный черный сатиновый шарф, нечесанные волосы и синий носовой платок в белый горошек, торчавший из нагрудного кармана». Как она деликатно выразилась: «Все это выглядело довольно забавно». Синий платок был плох сам по себе, но когда он вытащил его посреди проповеди и взмахнул им в воздухе,

это уже было откровенно нелепо. Но несмотря на все это молодой проповедник произвел впечатление на аудиторию.

Вскоре церковь на Нью Парк-Стрит официально обратилась к Чарлзу с предложением стать пастором. «Мне не требуется долгих раздумий, — ответил Чарлз, — Я СОГЛАСЕН».

Тогда же дьяконы подарили Чарлзу дюжину белоснежных носовых платков, чтобы он никогда больше не появлялся на людях с синим в белый горошек.

Но эти платки не сделали Чарлза Хэддона Сперджена изысканнее. Чарлз всегда одевался небрежно и заботился более об удобстве, чем о внешнем виде. Вещи, которые он носил, очень подчеркивали его телосложение. А телосложением он напоминал цистерну. Голова его казалась непропорционально большой. Если он не улыбался, то лицо его казалось невыразимо мрачным. Но когда его солнечная улыбка озаряла все вокруг (а улыбка никогда не исчезала надолго), то под влиянием ее тепла и света все таяло.

Его коллега-священник сказал: «У него необычная голова и необычное лицо. Голова очень ярко иллюстрирует упрямство: большая, массивная и крепкая. Лицо широкое и грубое, но освещенное ясными, веселыми глазами, а обаятельная и очень любезная улыбка смягчает его выражение». Через несколько лет Чарлз отпустил бороду, которая значительно скрадывала грубые черты его лица.

Но Сьюзи привлекла в Чарлзе не внешность. Основной причиной их сближения было духовное состояние Сьюзи. Примерно за год до встречи с Чарлзом Сьюзи совершила обряд покаяния, но после этого она стала «холодна и безразлична ко всему, что связано с Богом». Когда же девятнадцатилетнего сельского проповедника в январе снова пригласили на три недели, Сьюзи все же пришла послушать его.

Она была дочерью состоятельного торговца, в ней были воспитаны сдержанность и достоинство. Одним из

принципов ее воспитания было то, что ей запрещали читать газеты и участвовать в разговорах о мирских происшествиях. А среди таких людей о некоторых вещах говорить не принято, и в частности — о своих духовных переживаниях.

А Сьюзи все больше и больше беспокоило то, что она отдаляется от церкви. В это же время Чарлз Сперджен, молодой священник, дарит ей книгу «Путешествие пилигрима». Она была удивлена этим. На форзаце книги было написано: «Мисс Томпсон, с пожеланиями прогресса в благословенном деле пилигримов». Так начались их отношения, которые продолжались до конца жизни.

Поначалу Сьюзи опасалась беседовать с Чарлзом. Вероятно, здесь было больше сдержанности, чем страха. Сьюзи было трудно выносить на обсуждение свои духовные проблемы. Но ее тронули участие и заинтересованность, которые проявил Чарлз. Его наставления принесли свои плоды. Сьюзи так описывает это: «Он деликатно привел меня... к животворящему кресту, к миру и прощению, в котором так нуждалась моя душа».

В июне 1854 года, спустя шесть недель после того, как Чарлз подарил ей «Путешествие пилигрима», они со Сьюзи и с несколькими другими прихожанами отправились на открытие нового выставочного зала. Все шутили, смеялись и были слишком увлечены беседой, чтобы заметить, как серьезно Чарлз беседовал со Сьюзи. Он показывал ей какую-то книгу. Это была «Философия в притчах» Мартина Таппера.

«Я недавно прочел эту книгу», — тихо сказал Чарлз. Сьюзи, казалось, это было неинтересно. Для разговора о философии место было малоподходящим.

Чарлз открыл книгу в том месте, которое заранее отметил. «Что вы думаете об этом рассуждении писателя?» Она взглянула на отмеченный отрывок. Глава называлась «О браке». Она прочла: «Ищи себе добрую жену в Боге,

ибо жена — лучший дар Его провидения... Думай о ней и молись о ней». Сьюзи была так смущена, что даже не могла взглянуть на Чарлза. Потом она услышала, как он сказал ей на ухо: «А вы молитесь о том человеке, который станет вашим мужем?» Она покраснела и ничего не ответила, опасаясь сказать что-нибудь неподобающее леди. Вскоре началась торжественная программа открытия зала, но она «почти не обращала внимания на шумное и бессмысленное представление». Действительно ли он имел в виду то, что он, по всей видимости, имел в виду? Или она истолковала его слова неверно?

После торжественной части Чарлз предложил ей пройтись по выставке. «И с этого момента, — пишет Сьюзи, — наша дружба стала перерастать в самую нежную любовь».

Два месяца спустя «в маленьком старомодном парке» Чарлзу уже не нужно было прибегать к помощи книг, чтобы объясниться в любви. «Я уже знала об этом, — вспоминает Сьюзи, — но совсем другое дело — услышать от него».

Вечером она написала в своем дневнике: «Невозможно описать все, что случилось сегодня утром. Я могу лишь в молчании преклониться перед милостью Бога и славить Его за все Его дары».

В январе 1855 года, спустя год после их первой встречи, она приняла крещение от своего жениха. Для Сьюзи, которой трудно было раскрыть перед людьми свой духовный мир, это было очень тяжелым испытанием. Ей пришлось пройти собеседование перед исповеданием веры, а также изложить свои взгляды письменно. Чарлз гордился тем, как она держалась, а ее письменная работа содержала в себе много неожиданного; Чарлз увидел в ней глубину мысли, о чем раньше мог только догадываться.

С того времени по утрам в понедельник Чарлз обычно приходил к Сьюзи домой, «принося с собой текст проповеди, чтобы готовить его к печати». А Сьюзи

«приходилось привыкать к тому, что, когда он занят, его нельзя беспокоить».

Воскресные проповеди Чарлза стенографировались; затем рано утром в понедельник их отдавали в набор, после чего гранки передавались Чарлзу на редактирование. Он обладал редким умением полностью сосредоточиться на своем деле, не обращая внимания на окружающее, даже если Сьюзи была частью этого окружающего. И иногда это очень сильно задевало ее. Особенно ярко это проявлялось перед его утренней воскресной службой, когда он был полностью погружен в предстоящую проповедь. Когда Сьюзи входила в церковь, он мог встать и пожать ей руку, сказав «доброе утро» с таким видом, точно она была совершенно посторонним человеком... И это происходило постоянно. После службы он подшучивал за это над собой. Сьюзи тоже училась относиться к таким вещам с юмором. Когда Чарлз понимал, что допустил бестактность или проявил невнимание к Сьюзи, он обычно говорил, что дело Бога для него важнее всего. К счастью, Сьюзи была очень терпеливым человеком.

Их помолвка длилась довольно долго, во-первых, потому, что отец Сьюзи раздумывал, давать ли дочери благословение на брак с Чарлзом. Чарлз имел фантастическую славу проповедника, но ему было всего двадцать. Во-вторых, в церкви на Нью Парк-Стрит происходило столько всего, что трудно было найти время для брачной церемонии.

С каждой неделей церковь все больше наполнялась людьми, летом там стало невыносимо душно. Чарлз убеждал людей остаться дома из-за сильной жары, но люди приходили. А поскольку окна открыть было невозможно и дьяконы ничего не могли с этим поделать, то как-то раз Чарлз просто взял палку и выбил стекла. Он знал, что предстоящий ремонт позволит еще до холодов сделать новые окна, которые можно будет открывать.

А когда реконструкция здания началась, община арендовала для своих собраний Эксетер Холл. Этот зал вмещал четыре с половиной тысячи человек.

Общественность Лондона была шокирована. Аренда такого здания для богослужений была неслыханным делом. На молодого проповедника с критикой обрушились все газеты. В одной из них писали: «Пока в его церкви идет ремонт, он каждое воскресенье проповедует в Эксетер Холле. В зале теснота, люди задыхаются. Его речи являются образчиком дурного вкуса, вульгарны и фальшивотеатральны. И тем не менее сюда стекается столько народу, что, если вы не явитесь за полчаса до начала, то вообще не сможете попасть внутрь».

В другой статье проповеди Чарлза характеризуют следующим образом: «Его речь напыщенна и вульгарна... Он с невероятной грубостью, невежеством и неуважением обращается со всеми наиболее важными таинствами нашей религии».

Чарлз делал вид, будто не замечает этих нападок. Он пишет отцу: «Что ж, я рад. Сатана торжествует, церковь ослаблена, а я рад, что мне выпала честь пострадать за Христа». В тот период он неделями не мог заснуть. По воскресеньям на проповеди ему не хватало силы голоса, поскольку аудитория была огромна. Напряжение было страшным. Сьюзи пишет: «Его голос, казалось, вот-вот сорвется». У него сильно болело горло, и он всегда держал стакан уксусной настойки на кафедре. Спустя годы Чарлз шутил: «У меня горло вымощено щебнем».

Реконструкция церкви на Нью Парк-Стрит не решила всех трудностей. Количество прихожан быстро увеличивалось, и здание было не в состоянии вместить всех приходящих. Однажды пришлось провести собрание за городом, на открытом воздухе. Пришло около десяти тысяч человек.

Тем летом Чарлз отправился проповедовать в Шотландию. Ему нужна была смена обстановки, и он

хотел, чтобы эта поездка стала своеобразным «рабочим отпуском». Это была его первая разлука со Сьюзи, и он очень тосковал по ней, хотя его проповеди встретили горячий отклик шотландцев. Он пишет ей: «Любовь моя, я и раньше знал, что люблю тебя, но теперь я начинаю осознавать, до какой степени ты мне необходима. Когда я вернусь, я буду более внимателен к твоим чувствам и так же нежен, как прежде».

Тысячи людей стремились услышать проповеди Чарлза и не могли попасть на собрания из-за нехватки места. Но сам он не чувствовал себя счастливым. Он пишет Сьюзи: «Молись за меня. Боюсь, я уже не так полон любви к Богу, как прежде. Моя духовная жизнь оскудела. Возможно, другим это незаметно, но сам я слишком ясно осознаю это... Что значит слава... и даже любовь такой удивительной девушки, как ты, если я отпаду от Бога и от путей Его? Головокружительные высоты, на которые я оказался вознесен, заставляют меня трепетать. Я жажду снова стать никому не известным».

Спустя несколько месяцев из печати вышел первый том проповедей Чарлза. Он подарил Сьюзи экземпляр с дарственной надписью: «Через несколько дней я уже ничего не смогу подарить мисс Томпсон». Он имел в виду, что через несколько дней мисс Сюзанна Томпсон станет миссис Чарлз Сперджен.

Их бракосочетание состоялось 8 января 1856 года. Чарлзу был двадцать один год, а Сьюзи почти двадцать четыре. Церковь была переполнена. Тысячи людей толпились на улицах, все хотели взглянуть на новобрачных. Полиция с трудом поддерживала нормальное уличное движение в близлежащих кварталах. Церемония была очень скромной, как того хотели жених и невеста.

Медовый месяц они провели в Париже. Раньше Сьюзи часто там бывала и жила по много месяцев, изучая французский язык. И во время их совместного путешествия

она была его гидом. Они посетили Версаль, Лувр, побывали в Соборе Парижской Богоматери.

Рассел Конуэлл, биограф, пишет: «Для такого человека, как мистер Сперджен, который осознавал пробелы в своем образовании и знал, что его манеры оставляют желать лучшего, такая образованная и терпеливая жена была огромным благом... Она удерживала его от поступков и слов, которые могли быть восприняты как проявление дурного тона, исправляла его ошибки в речи и пробелы в знаниях и вообще всегда старалась мягко критиковать мужа, если была уверена, что это пойдет ему на благо. Он ценил это и всегда просил ее наблюдать за ним, чтобы впоследствии он мог что-нибудь исправить в своем поведении. Она была весьма и весьма здравомыслящей и начитанной, так что никто другой, кроме нее, не справился бы с такой трудной задачей».

Возможно, Конуэлл немного преувеличивает, но Сьюзи, безусловно, очень много делала в этом направлении. Конечно же, Чарлз не был неучем, но ему не хватало изысканности, той утонченности, которой ожидали от священнослужителя одной из крупнейших церквей столицы Англии. Сьюзи оказывала на мужа серьезное влияние, однако для окружающих это было совершенно незаметно.

Несмотря на занятость Чарлза, супруги все-таки находили время друг для друга. Одной из таких возможностей были воскресные вечера, когда Чарлз возвращался с богослужения. Обычно он приходил очень усталым, опускался в кресло у камина, а Сьюзи садилась на низкую мягкую скамеечку у его ног и читала ему стихи. Иногда Чарлз просил почитать ему богословские книги. Вообще в их доме было что почитать. Библиотека Спердженов насчитывала около тысячи двухсот томов.

Чарлз редко готовил утренние воскресные проповеди в субботу до поздней ночи. Субботними вечерами они со Сьюзи обычно приглашали друзей на чай. После чая

выделялось время на совместную молитву. Было принято, чтобы к семи гости расходились. В это время Чарлз садился за работу. Иногда дело шло с трудом. Чарлз признавался: «Я сижу часами и молюсь, ожидая, что в голову мне придет тема для проповеди». Свои вечерние воскресные проповеди он готовил в воскресенье днем. Как-то он составил конспект для вечерней службы уже по дороге в церковь.

Однажды в субботу вечером Чарлз просидел несколько часов над чистым листом бумаги, молился, просматривал богословские комментарии, начинал делать записи и понимал, что начатая мысль не ведет никуда. Он отчаивался все больше и больше. «Мне было так же плохо, как и ему, — вспоминает Сьюзи, — но я не могла ему помочь... По крайней мере, я не знала, чем бы я могла помочь».

В конце концов Сьюзи посоветовала ему лечь спать и встать на следующий день рано утром. Она пообещала разбудить его на рассвете. На свежую голову будет легче что-то написать, решила она.

Однако рано утром следующего дня Сьюзи услышала, что Чарлз разговаривает во сне. Она прислушалась и поняла, что это не было бессвязным бормотанием. «Вскоре я уловила тему... Она была изложена внятно, с большой силой и свежестью... Если бы я запомнила основные моменты, он без труда смог бы развить и расширить их». Лежа в постели, она «повторяла снова и снова необходимые отправные точки рассуждения». И в конце концов она заснула, как раз около того времени, когда должна была разбудить Чарлза.

Он проснулся, узнал, который час, и очень рассердился на Сьюзи. «Ты обещала разбудить меня на рассвете. Взгляни на часы! Я проспал все на свете. Не представляю, что теперь делать». Перспектива провести богослужение без проповеди в присутствии огромного

количества прихожан вовсе не представлялась Чарлзу заманчивой.

Тогда Сьюзи рассказала ему, что она слышала ночью. «Ты хочешь сказать, что я проповедовал во сне? — он просто не мог поверить в это. — Но ведь это именно то, что нужно!» Набросав план со слов Сьюзи, Чарлз произнес в этот день одну из самых сильных проповедей в своей жизни.

Сьюзи — помощник пастора — была также и образцовой матерью. Спустя девять с половиной месяцев после свадьбы в семье появились близнецы, которых называли Чарлз и Томас. Для Сьюзи это было трудное время. Роды прошли тяжело, и несколько недель она не находила сил подняться с постели.

Тяжелым временем это было и для Чарлза. Он не мог найти подходящего помещения для своего растущего прихода.

Три тысячи человек набивалось в здание церкви на Нью Парк-Стрит, которое было рассчитано не более чем на полторы тысячи. Биограф Эрнест Бэкон свидетельствует: «Извозчики конок на том берегу Темзы зазывали пассажиров криком: „Едем за реку, к Чарли“».

В июне вечерние службы снова стали проводиться в Эксетер Холле, вмещающем четыре тысячи пятьсот человек, но и это здание было слишком мало. Единственным подходящим вариантом оставался Мюзик-холл Сэррей, вмещавший двенадцать тысяч человек, в котором устраивались выставки, концерты, цирковые программы. Но если пресса так обрушилась на Сперджена, когда он арендовал для богослужений Эксетер Холл, что будет в случае с Мюзик-холлом Сэррей?

Вечер 19 октября 1856 года Чарлз помнил до конца своих дней. Это была его первая служба в Сэррей. Там присутствовало двенадцать тысяч человек; еще десять тысяч толпилось у входов.

Посреди службы, во время молитвы, кто-то крикнул: «ПОЖАР!» На другом конце зала раздалось: «Хоры рушатся! Разбегайтесь!» Часть людей была охвачена паникой и бросилась к дверям. Несколько человек упало на лестнице. Семеро погибло, двадцать было искалечено, множество ранено.

Но никакого пожара не было. Хоры не рушились. Провокаторов так и не нашли, но они сделали свое дело.

Чарлз попытался успокоить присутствующих. С кафедры он прекрасно видел, что все было в порядке. Двадцатидвухлетний священник добился тишины, люди расселись по местам, и он начал проповедовать. Но кто-то снова стал кричать о пожаре, поднялся шум, и собрание было сорвано. Отойдя от кафедры, Чарлз потерял сознание. Его перенесли в служебное помещение.

Сьюзи была дома, с близнецами, которым не было еще и месяца. Она молилась о собрании и особенно о муже. Вдруг она услышала, что к дому подъезжает кэб. Она взглянула на часы. Было слишком рано, это не мог быть Чарлз.

На пороге появился дьякон церкви. Он рассказал о случившемся в Мюзик-холле. Вскоре привезли и Чарлза. По словам Сьюзи, «выглядел он ужасно. Один час невыносимых душевных страданий резко изменил его».

Чарлз был на грани нервного срыва. «Его гнев был так силен, что мы думали — он никогда больше не будет проповедовать».

На следующий день по настоянию дьякона он перебрался в его дом. Там был большой тихий сад. Ему нужно было восстановить душевное равновесие и «порвать оковы, державшие в глубокой тьме его дух». Но ничего не помогало. Днем он все время плакал, а ночью его непрерывно мучили кошмары.

Для Сьюзи это было тяжкое испытание. Сможет ли Чарлз пережить это потрясение? Если да, то вернется ли он на кафедру? Вместе они неторопливо гуляли по парку.

Вдруг он остановился и посмотрел на нее. «Как же я глуп! Если Господь прославлен, что мне во всем остальном? Он велик, и пусть Его воля свершится надо мной. Милая, теперь я вижу, как все обстоит на самом деле».

После всего лишь недельного отсутствия Чарлз снова вернулся в церковь.

Пресса обвиняла в случившемся его. Его обливали грязью, обзывали напыщенным шарлатаном, кричали, что он совращает с пути истинного легковверных простаков. Не обращая ни малейшего внимания на газеты, толпы людей продолжали приходить на его проповеди. Вышло так, что благодаря происшедшей трагедии имя Сперджена стало известно всей Англии.

Строительство новой церкви «Скиния» продвигалось медленно, и Чарлз продолжал служить в здании Мюзик-холла, приняв меры против провокаторов. Людей впускали по билетам. Достать такой билет считалось великой удачей. (Билеты распространялись бесплатно и были мерой безопасности, так как предотвращали давку из-за слишком большого количества пришедших). Вскоре весь Лондон, включая лордов, графов, мэра, шерифов и даже членов королевской семьи, приходил слушать молодого проповедника.

Ему не исполнилось еще и двадцати пяти, когда он стал центром огромной империи. Помимо огромной церкви «Скиния» Чарлз основал еще и Школу проповедников, которая разрасталась с каждым годом. Большинство его слушателей были бедны и не могли платить за обучение, так что финансовое бремя Сперджена было очень тяжелым.

В семье деньгами управляла Сьюзи. Помимо жалования Чарлза, продажа сборников его проповедей стала приносить значительные доходы. Благодаря Сьюзи, Сперджены сумели покрыть все расходы на содержание Школы проповедников. На строительство новой церкви Чарлз и Сьюзи сумели выделить пять тысяч фунтов

стерлингов. Организовав благотворительную ярмарку, Сьюзи смогла добавить к этой сумме еще тысячу двести фунтов. Вместе это составляло около двадцати процентов от всех расходов на строительство.

Вскоре был основан также и сиротский приют на пятьсот детей. Была организована служба распространения книг, и около ста книгонош разошлись по дорогам Англии, стучась в каждую дверь, предлагая приобрести религиозную литературу или Библию.

Чарлз проповедовал в очень многих лондонских аудиториях. Но часто он отправлялся и в другие города. Сьюзи всегда старалась сопровождать его. Она тяжело переносила разлуки. Но в 1868 году, когда Сьюзи было тридцать шесть, «дни ее путешествий закончились». Она, по ее выражению, «стала пленницей больничной палаты».

Чарлз продолжал уезжать из дома и подолгу проповедовать. Расставания были тяжелы для обоих. Собираясь в очередную поездку, он обычно спрашивал ее: «Что тебе привезти, милая?» Она отвечала: «Ничего. У меня все есть, кроме здоровья».

Здоровье к ней так и не вернулось. Это были тяжелые дни для Чарлза и Сьюзи. Она пишет: «Для мужа и жены это было мрачное время, я тяжело болела, и ничто не помогало мне от постоянной изматывающей боли». Она отправилась на морской курорт в Брайтон, но там ей стало еще хуже. Требовалась операция, и сэр Джеймс Симпсон, изобретатель хлороформа, безвозмездно предложил свои услуги. Операция была успешной в том смысле, что боли уже не мучили Сьюзи так сильно. Но она осталась инвалидом.

Пока она была в Брайтоне, состоятельные друзья Чарлза предложили ему полностью перестроить дом, в котором они жили со Сьюзи. Дом был переделан от подвала до чердака. Чарлз очень ждал возвращения больной жены. Он пишет ей:

«Моя милая, дорогая страдальца!

Сегодня весь день я верчусь как белка в колесе. Сперва к Фенсбери, за шкафом — это просто чудо... Потом к Хьюлетту, за подсвечником для столовой. Нашел вполне в моем и твоем вкусе. Потом к Негретти и Замбра, купить барометр. Но это уже моя собственная причуда. По дороге удалось раздобыть пресбургского печенья, а в коробке отсылаю тебе и эту записку, и, надеюсь, она очень скоро к тебе попадет. Печенье очень-очень сладкое от моей любви и молитв о тебе».

Хотя Чарлз и был крайне занят, он все же очень скучал по Сьюзи. Он заметил однажды: «И я, и кот (старина Дик) бродим вверх и вниз по лестнице, мяукая и тоскуя по хозяйке». Чарлз был перегружен работой. Церковь, Школа проповедников, приют, организация новых приходов, журнал, книги, которые он писал, — это отнимало все больше и больше сил. Он писал: «Иногда мне кажется, что я создал огромную машину, которая все мелет и мелет и вот-вот перемелет меня самого».

Возможно, так оно и случилось. Год спустя, когда Сьюзи уже была дома, здоровье Чарлза резко ухудшилось. Он был болен подагрой, очень тяжелой формой ревматического артрита. Чарлзу было тогда тридцать пять, и остаток жизни он сильно страдал из-за этой болезни. Иногда ему становилось легче, но сырость и холод зимы провоцировали новые тяжелые приступы. Он писал своим прихожанам: «Я все еще пылаю, точно в топке. С тех пор как я в последний раз проповедовал вам, мне стало значительно хуже. Боль разрывает мою плоть, а отчаяние охватывает мой разум... Я с трудом пишу эти строки, лежа в постели, перемежая стоны с песнями надежды».

Для человека, у которого всегда было очень много обязанностей, бездействие означало глубокую депрессию. Но физическая боль была страшнее. Врачи советовали зимой почаще уезжать к теплу и солнцу средиземного моря. Сьюзи, не имевшая возможности ехать с ним, понимала, что другого решения нет, даже если это

означало разлуку на долгие недели и даже месяцы. Она пишет: «Эти расставания были очень болезненны для наших нежно любящих сердец».

Проведя довольно долгое время на юге Франции, Чарлз почувствовал себя достаточно окрепшим для того, чтобы вернуться к своим пасторским обязанностям в Лондоне. Дел там не становилось меньше. «Никто не знает, какой груз забот мне приходится нести, — однажды написал он, — нужно заботиться о приюте, о церкви в четыре тысячи прихожан, о еженедельной проповеди, об издании журнала „Меч и мастерок“, и о том, как ответить на пятьсот писем в неделю».

Но на курение Чарлз время находил. Несмотря на сложности со здоровьем, всю свою жизнь Чарлз много курил. Он говорил газетчикам, что «курение ослабляет боль, проясняет разум и помогает заснуть». Одна лондонская газета так описала его, направляющегося в своем экипаже в церковь «Скиния»: «Завернувшись в грубый синий плащ, в мягкой фетровой шляпе, с черным шарфом, повязанным на мощной шее, раскуривая сигару, он выглядит самым неклерикальным из всех людей, проповедующих Евангелие».

Этот «неклерикальный проповедник» всеми силами старался уделять семье как можно больше внимания, и все же основная часть забот о детях лежала на Сьюзи. Именно она изучала с ними Писание.

Их сын Томас вспоминает: «Мои самые первые духовные переживания отчетливо связаны в моем сознании с ее наставлениями и безукоризненным личным примером». Воскресными вечерами она проводила дома богослужения для мальчиков, когда ее муж проповедовал в «Скинии» шести-семи тысячам человек. Оба их сына стали впоследствии священниками.

Чарлз обладал прекрасным чувством юмора и очень любил каламбуры. Верхние полки в его библиотеке были забиты муляжами книг с шутивными названиями. Там

были такие труды, как «Проветривание окон» Стоуна, «Понимание» Пэдлока, «Голова» Каффа, «Зелень» Крикета, «Через поток» Бриджа и «Только попробуй» Даннета².

Однако в целом Чарлз, конечно, относился к книгам очень серьезно. Предложив Сьюзи прочитать гранки своей новой книги, которую он назвал «Лекции моим студентам», он спросил, что она думает о книге. Та ответила: «Хотела бы отослать по экземпляру каждому священнику в Англии». Чарлз сказал: «А почему бы и нет?» Сьюзи приняла вызов. Она поднялась наверх, поискала в ящиках секретера и вернулась, держа в руках сумму, достаточную для оплаты рассылки ста экземпляров книги. Она действительно разослала их, но когда об этом стало известно, люди стали присылать ей деньги. Так был основан Фонд книги и у Сьюзи появилось свое собственное служение.

Чарлз был рад, что у Сьюзи появилось интересное и важное занятие теперь, когда дети выросли. «Так Господь отвлек ее от ее собственных бед, наполнил ее жизнь смыслом и постоянным общением с Ним». В течение многих лет Сьюзи рассылала по десять тысяч книг ежегодно, прилагая к ним такое же количество изданий проповедей мужа. Но чем значительнее становился объем работы, тем больше Чарлз начинал беспокоиться. Фонд

² В английских книгах, если фамилия автора стоит перед заглавием, то после него ставится предлог *on*, а если заглавие идет прежде фамилии, то перед ней ставится предлог *by*. На этом здесь и основана игра слов, поскольку придуманные Спердженом фамилии более чем «говорящие»: *Windows Ventilated by Stone* можно понять как «окна проветрены с помощью камней», *Padlock on The Understanding* — «запор на понимании», *Cuff on The Head* — «удар кулаком по голове». *Cricket on The Green* — «крикет на лужайке». *Over the Stream by Bridge* — «через реку по мосту». Выражение *Do It Again by Dunnet* не вполне понятно. Возможно, здесь аллюзия на глагол *to dun* — «настойчиво требовать уплаты долга», и существительного *net* — «чистый доход».

— *Примеч. пер.*

книги становился для жены слишком большой нагрузкой. Кроме сложностей со здоровьем, Сьюзи начали посещать страхи. Когда Чарлз уезжал на зиму, а иногда также и летом на лечение или с проповедями, ей оставалось полагаться только на Бога, ведь мужа рядом не было. На стене их спальни висела надпись: «Испытал тебя в горниле страдания» (Ис.48:10). Оба они пребывали в этом горниле много лет. У обоих случались депрессии. Чарлз сказал как-то: «В Твердыне Страдания есть подземные тюрьмы».

В январе 1892 года Чарлз снова поехал на юг Франции. Но в этом году все было иначе. Врачи разрешили Сьюзи поехать вместе с ним. Ему было пятьдесят семь лет, хотя из-за болезни он выглядел гораздо старше. Чувствовал он себя очень плохо. Сьюзи сидела у изголовья его постели. Он прошептал: «Сьюзи». — «Да, Тиршата», — ответила она, склоняясь к нему и беря его за руку. И тогда он произнес свои последние слова: «Милая, как много благословенных минут я провел с моим Господом!»

Вся Англия, включая принца Уэльского и премьер-министра, носила по нему траур. На его похоронах присутствовало около ста тысяч человек.

Сьюзи продолжала заниматься Фондом книги еще двенадцать лет. Она также отредактировала автобиографию Чарлза. Она умерла в 1903 году, когда ей был семьдесят один год.

На одной свадьбе, где Чарлз произносил проповедь, он сказал: «Идеальный брак основан на чистой любви и скрепляется взаимным уважением». Его собственный брак был именно таким. «Цель супругов — жить вместе. Бывают моменты, когда они становятся настолько близкими, что никто уже не может сказать, кто здесь первый, а кто второй... Их желания совпадают, в них бьется одно сердце. Постепенно и мысли их становятся очень сходными. Они так близки друг другу, что стали друг на друга похожи. Причем до такой степени близки и схожи, что порою одни и те же слова в одно и то же время слетали

с их губ. Если бы рай был возможен на земле — они были бы там».

Библиография

Bacon, Ernest W. *Spurgeon: Heir of the Puritans*. Grand Rapids: Baker, 1967.

Conwell, Russell H. *Life of Charles H. Spurgeon*. New York: Edgewood, 1892. Dallimore, Arnold. *Spurgeon*. Chicago: Moody, 1984.

Fullerton, W. Y. *Charles Haddon Spurgeon*. Chicago: Moody, 1966.

Ray, Charles. *Mrs. C. H. Spurgeon*. Pasadena, Tex.: Pilgrim Publications, 1979. Spurgeon, Charles H. *Autobiography*. 2 Vols. Carlisle, Penn.: Banner of Truth, 1975, 1976.

Вместе жить, преодолевать невзгоды, работать

«Поймите меня правильно. Я люблю свою жену. Но, проведя с ней вместе две недели в отпуске, я начинаю созреть для развода» — вот что обычно говорят мужья.

«Просто не знаю — что будет, когда Джон выйдет в отставку и будет целыми днями дома. У нас прекрасная семья, нам нравится проводить время вместе, у нас очень много общего. Но слишком хорошо — это уже плохо. Нельзя быть вместе постоянно» — вот что говорят в свою очередь жены.

Но некоторые супруги не устают быть вместе. Они вместе даже работают.

Другие пары — и среди них множество пасторов, миссионеров и проповедников — осознают однажды, что семья — это жизнь вместе, и тогда приходится либо учиться быть вместе, либо менять профессию.

Четыре брака, о которых пойдет речь в этом разделе, не единственные, столкнувшиеся с подобного рода трудностями. Лютер, например, заперся от семьи в своем кабинете, и кончилось это тем, что Кати просто сорвала дверь с петель. Кэльвин Стоу был недоволен тем, как его жена ведет хозяйство. Он возмущался: «Ты способна

довести человека до истерики. Ты берешь мои газеты и, вместо того чтобы нормально сложить их и вернуть на место, разбрасываешь их по полу либо сгребашь в одну лохматую грудку и кладешь мне на рабочий стол, который после этого приобретает такой же вид идеального порядка, как растоптанные кишки дохлой курицы».

Супруги Бут и Санди день за днем работали бок о бок и проводили вместе гораздо больше времени, чем другие. Как это им удавалось? Как они могли быть все время рядом и не уставать от этого? Или их семейное счастье — только видимость?

Как жили супруги Брайены, ведь Мэри была и помощником в исследованиях мужа, и соавтором его речей, и его политическим советником? А Тэйлоры, работавшие вместе в Китае? Мария была счастлива, хотя Хадсон очень много работал.

Билли и «Ма» Санди были совершенно разными людьми, но их таланты дополняли друг друга, А вот супруги Бут, как муж, так и жена, были очень энергичными проповедниками.

Читая следующие главы, вы узнаете, что значит для супругов быть все время вместе, постоянно вместе работать; о том, как это может быть прекрасно и как трудно.

Не следует утверждать, будто все люди одинаковы

Уильям и Кэтрин Бут

С проповедью, обращенной к людям, которых никто не рассматривал иначе, как отбросы общества, Уильям Бут спустился на самое дно Лондона и организовал там Армию Спасения. Эта армия прошла по всему миру, служа делу милосердия и Евангелия.

Его жена, Кэтрин Бут, почти столь же известна, как и сам Уильям. Кто из них был более блестящим проповедником — решить весьма трудно.

Каким был брак этих двух людей, каждый из которых — яркий общественный деятель? В данном конкретном случае и муж и жена были, кроме того, очень энергичны и часто бескомпромиссны. Как такой брак вообще не распался, можете сказать вы. Но посмотрите, сколько Уильям и Кэтрин сделали для укрепления своей семьи. Думаю, вы согласитесь с тем, что они — исключительные люди. Вам будет интересно познакомиться с ними поближе.

Для Уильяма это был великий день. Но день этот был гораздо значительнее, чем Уильям мог предположить. 10 апреля 1852 года было его двадцать третьим днем рождения. На этот день пришлась Страстная пятница. Но величие этого дня заключалась в ином. В этот день Уильям Бут принял решение целиком посвятить себя проповеди Слова Божьего. Прежде он семьдесят восемь часов в неделю посвящал другому делу — Уильям был ростовщиком и проповедовал только по воскресеньям. И

вот он оставил работу в ломбарде одного из южных кварталов Лондона, в котором он три года фактически и жил, оставаясь там на ночь.

Один состоятельный коммерсант предложил Уильяму четыре доллара в неделю, если тот станет проповедником и будет заниматься только этим. Решение далось весьма непросто, Уильям обдумывал его не один месяц. Ему было бы крайне трудно поддерживать одинокую мать, располагая всего четырьмя долларами в неделю. И все же он решился. Он собрал чемодан и вышел на улицу в поисках нового жилья.

Неожиданно он встретился с тем самым коммерсантом, и тот пригласил его пойти в церковь на богослужение. Если бы Уильяма пригласил кто-нибудь другой, он, вероятнее всего, отказался бы. В конце концов у него хватало и других дел. Но он все же пошел. И был рад, что все сложилось именно таким образом.

Кэтрин Мамфорд тоже пришла туда. Они несколько раз встречались и прежде. Их нельзя было назвать подходящей парой. Он был высокого роста (примерно шесть футов), носил черную бороду, темный сюртук, и своей неуклюжестью немного напоминал Линкольна. У Кэтрин были темные волосы, красивые карие глаза, изящная фигура, и держалась она подчеркнуто изысканно. Она была прихожанкой методистской часовни на Уолуорт Роуд, где он часто проповедовал. Один из биографов пишет: «Несмотря на непродолжительность их знакомства, между высоким, худощавым Бутом и маленькой, темноволосой Кэтрин установились довольно тесные дружеские отношения».

Вечером той Страстной пятницы, которая стала такой значительной в жизни Уильяма Бута, он вызвался проводить Кэтрин домой. Она согласилась. Раньше ее восхищали его проповеди (она говорила, что в них был «настоящий огонь»), теперь же она начала восхищаться и им самим. «Его манера говорить показалась мне странной

и неординарной». На нее также произвело впечатление и то, что «во всем, о чем он говорил, проявлялась редкая гармония мысли, чувств и воли». Кэтрин вспоминала потом: «Нам показалось, что мы давным-давно знаем и любим друг друга... Когда мы подошли к моему дому, то оба уже были уверены в том, что созданы друг для друга и что должны жить вместе». Мать Кэтрин пригласила Уильяма остаться у них на ночь. На следующее утро, покидая дом Мамфордов, он сказал, что «поражен в самое сердце». Уильям Бут был влюблен.

К сожалению, время для влюбленности было не самое подходящее. Если бы эта их встреча произошла днем раньше, когда у него еще была работа, вся их дальнейшая жизнь могла бы сложиться иначе. Но он уже стал проповедником, а четырех долларов в неделю едва хватало на пропитание лишь ему одному. Жениться в такой ситуации было просто невыносимо.

Было ли решение, которое он принял в ту Страстную пятницу, ошибочным?

И Уильям, и Кэтрин были людьми волевыми, упрямыми, настойчивыми и решительными. Оба они легко поддавались и плохому настроению, и депрессиям. Как такой брак мог быть удачным? И все же удачным он был.

Делом всей жизни Бута стала Армия Спасения, деятельность которой началась в отвратительных лондонских трущобах, а впоследствии распространилась на пятьдесят стран. Привлечение всеобщего внимания к социальным проблемам и настойчивая проповедь во всех слоях населения стали обновляющим, принципиально новаторским делом и оказали огромное влияние на состояние современного христианства. Ни одно из религиозных движений не было столь ярким примером совместной работы двух супругов, как Армия Спасения. И ни одна семья не распространяла Евангелие настойчивее и эффективнее, чем Уильям и Кэтрин Бут и их восемь детей.

Вероятно, самые серьезные разногласия накануне свадьбы возникли, когда речь зашла о роли и правах женщины. В этом споре она выиграла, но десять лет спустя именно муж подтолкнул ее к тому, чтобы стать проповедником. И очень скоро Кэтрин как проповедник стала намного популярнее своего мужа-проповедника.

Уильям и Кэтрин были очень разными людьми, но оба они происходили из несчастливых семей.

Биограф пишет: «Очень сомнительно, чтобы Мэри (мать Уильяма Бута) сильно любила Самьюэля Бута (его отца), и трудно сказать, любила ли она его вообще. Его безразличие к ней, амбициозность, крайне вульгарная речь и поведение гасили любые теплые чувства жены». Его отец, которого сам Уильям характеризовал как «жадного до наживы скрягу», был мелким подрядчиком по строительству в Ноттингеме. Он кое-как сводил концы с концами в течение долгого времени, но в 1842 году, когда Уильяму было всего тринадцать, все-таки разорился. Для Уильяма это означало конец учебы. Отец отдал его учеником в ломбард в квартале Гуз Гейт, в ноттингемские трущобы. Через год отец умер и оставил без единого гроша вдову, четырнадцатилетнего Уильяма и трех младших дочерей, одна из которых была инвалидом. Мать едва зарабатывала на жизнь, торгуя игрушками, иголками, нитками и ватой, а Уильям ничего не приносил в дом, поскольку ему самому практически не платили.

В течение нескольких последующих лет Уильям увидел такую нищету, какую многие другие не видят и за всю свою жизнь. Его семья была бедна, но, работая в ломбарде, он видел множество гораздо более бедных людей. Он был свидетелем того, как голодная толпа рвалась в здание пекарни, избивая охранявших ее солдат, чтобы добыть хоть немного хлеба. Он чувствовал на себе бремя высоких налогов и несправедливость законодательства, стоявшего на страже интересов землевладельцев. Он даже присоединился к политическому

движению, стремившемуся оказать давление на британское правительство.

Но наряду с этим он стал также посещать и методистскую церковь. Однажды вечером, бредя домой после затянувшегося собрания, мучимый тяжкими раздумьями, он решил посвятить свою жизнь Иисусу Христу. Так, без сложных драм, Уильям Бут стал христианином.

Спустя шесть лет, завершив свою учебу в ломбарде, Уильям попытался найти работу, желательно не связанную с ростовщичеством. Но тщетно. Через год, не имея средств к существованию в Ноттингеме, он решил отправиться в Лондон. «Эти двенадцать месяцев стали самыми мрачными в моей жизни, — вспоминал Уильям позже. — Никому на свете я не был нужен».

Лондон не показался ему привлекательнее ноттингемского квартала Гуз Гейт. Нищета здесь была еще более ужасающей. Найти работу было делом почти безнадежным. Сам же город, как вскоре обнаружил Уильям, вонял в самом прямом смысле этого слова. Дым трех миллионов каминных труб смешивался со зловонием джина, лука, кала, жидкой грязи и сточных вод. Темзу все называли (и заслуженно) «Великой вонючкой».

Не найдя никакой другой работы, он стал ростовщиком, чего стыдился всю свою остальную жизнь. Единственной радостью в его жизни была возможность проповедовать по воскресеньям, иногда в каком-нибудь парке, а иногда — в маленькой часовне, в восьми милях от дома. Путь был неблизким.

Он хотел бы проповедовать чаще, но это было невозможно. «Проповедовать было просто негде, никто не проявлял ко мне интереса», — вспоминал он. В конце концов методисты пригласили другого проповедника (Уильям упорно не хотел прекращать свои проповеди в парке); и ему отказали даже в месте капеллана на корабле с каторжниками, отплывавшем в Австралию. Кроме того,

врач сказал ему, что он представляет собой комок нервов и вряд ли проживет долго. Его начали мучить боли в желудке. Это была быстро развивающаяся язва.

И вот, в тот момент, когда он уже почти оставил все свои попытки, в его жизни возник тот самый коммерсант. Он хотел, чтобы Уильям стал священником в небольшой общине, отколовшейся от методистского движения. Вскоре после этого он и встретил Кэтрин.

Мать Кэтрин была человеком косным, ограниченным и немного истеричным. Отец был отпавшим от веры методистским священником, сменившим свое призвание на ремонт телег; за него молились и мать, и дочь. Какое-то время он принимал участие в движении за трезвый образ жизни, но в конечном счете запил сам.

Уильям Бут однажды сказал, что мать Кэтрин была «женщиной самых строгих принципов... Если она что-либо считала правильным, то так оно и должно было быть, какие бы последствия ни следовали за этим». Она запретила дочери изучать французский язык, чтобы та никогда не читала французских романов и прочей безбожной литературы. Большую часть образования Кэтрин получила дома, поскольку миссис Мамфорд опасалась, что ее дочь попадет в школе в дурную компанию. Чтобы исключить любое мирское влияние на Кэтрин, ей было запрещено иметь подруг. Поэтому со своими куклами та играла в церковь и часто проповедовала им. Разговоры за столом в их доме были всегда очень серьезными и взрослыми. Брат Кэтрин сбежал из дома, как только у него появилась такая возможность (ему тогда было шестнадцать), и отправился в Америку. После этого Кэтрин общалась исключительно с матерью.

Нервная и хрупкая, Кэтрин часто болела в детстве. В четырнадцать лет она несколько месяцев провела без движения из-за искривления позвоночника. В восемнадцать она заболела туберкулезом и провела на курорте в Брайтоне почти полтора года. Поправив

здоровье, она вернулась в Лондон примерно тогда же, когда Уильям приехал туда в поисках заработка.

О Кэтрин говорили: «Две самые яркие черты ее характера — это религиозность и неутолимая жажда к спорам». Но именно это и привлекло в ней Уильяма. Раньше он не встречал людей, похожих на Кэтрин. У нее обо всем были совершенно четкие представления.

В том числе и о том, каким должен быть человек, за которого она выйдет замуж. Его религиозные взгляды должны были быть сходными с ее собственными. Он должен был быть человеком умным и волевым («Я никогда не смогу уважать идиота»). Их вкусы не должны были значительно различаться. Наконец, он должен был быть совершенно непьющим. Кроме того, ей бы хотелось, чтобы он был священником. Уильям Бут подходил по всем параметрам, кроме полного и абсолютного отказа от алкоголя. Но вскоре она убедила его в том, что это крайне важно, и, таким образом, он стал для нее идеальной парой.

В течение месяца после их встречи в Страстную пятницу Бут много размышлял о своей жизни. Как проповедник он не пользовался особенным успехом; руководители различных деноминаций относились к нему с крайней холодностью; рядовые члены церкви в большинстве своем были значительно лучше его образованны. Уильям думал было пойти работать обратно в ломбард. И посоветовался об этом с Кэтрин.

В письме она ответила ему: «Какая разница — кто хмурится, если Бог улыбается? Слова „мрачность, меланхолия и отчаяние" разрывают мне сердце. Не поддавайтесь минутному настроению. Бог любит Вас. Он поддержит Вас... Мысль о том, что я могу причинить Вам душевную боль и усилить ваше отчаяние, невыносима для меня. Мне бы хотелось, чтобы мы никогда не встретились. Постарайтесь забыть меня». Уильям подумал, что она отталкивает его. В ответ он написал неистовое письмо, полное эмоций. Она ответила: «Боюсь, Вы неправильно

меня поняли. Если на то есть воля Божья, нам нужно соединиться — какие бы трудности это за собою не повлекло». Через несколько дней они обручились.

Обручение действительно состоялось быстро, чего не скажешь о свадьбе, до которой оставалось еще три года. В день обручения Кэтрин написала: «Вечер чудно тих и ясен, как и моя душа. Буря прошла, и наступившая тишь глубока и прозрачна. Все чудесно... Чем ближе ты подведешь меня ко Христу своими делами, тем большим будет мое уважение к тебе; и если возможно любить тебя сильнее, чем я люблю сейчас, я буду любить тебя сильнее».

Их переписка продолжалась, потому что в течение следующих трех лет Уильям много путешествовал. Его письма были короткими, а ее послания насчитывали по две с половиной — три тысячи слов. Один из биографов охарактеризовал их как «письма пуританской любви». Может быть это и так, но, тем не менее, в них очень много чувства.

Он пишет ей о своих тяготах: «Вчера я прошел пешком восемь миль. Надо было ехать. Сегодня утром я чувствую себя очень усталым. Болит голова, и я, кажется, совсем болен». Отвечая, она иногда бранит его: «Не вздумай засиживаться до полуночи после тяжелого трудового дня. Ни Богу, ни людям это не угодно, и не забывай, что ты себе не принадлежишь». Иногда ее тон становится поучающим: «Старайся отбросить человеческие слабости», но вскоре опять обретает мягкость: «Ты будешь прав, если решишь, что не мне давать тебе советы в духовных вопросах, ведь сама я так далеко от Бога».

Она знала, что ей не стоило за него волноваться, и все же волновалась. «Любовь сопровождают тысячи причин для беспокойства, но они бы просто не существовали, если бы не было любви. По крайней мере, я так считаю».

Уильям Нельсон, биограф, пишет: «Менее решительный человек вряд ли бы женился на Кэтрин Мамфорд. Некоторые ее письма, пожалуй, действительно

смущали их читателя. Однажды она написала: «Мне следовало бы сдерживать поток чувств, когда я пишу тебе», — но все же она не хотела, как сказано далее, «охлаждать или сдерживать чувства, чтобы ты лучше узнал, какой у меня характер».

Она не боялась давать ему и пасторские советы: «Я хочу, чтобы ты был настоящим человеком и христианином. Тогда я буду довольна... Мои представления о человеке, с которым я соединюсь, таковы, что я, пожалуй, буду горше желчи, если увижу, что тот, с кем я связала свою жизнь, — человек недостойный». Вероятно, она много думала о браке родителей и о своем отце, потерявшем малейший интерес к вопросам духовности. «Бога не прославишь ни проповедью, ни поучением так, как Он прославляется святостью жизни».

Их свадьба была отложена по финансовым причинам, но были и другие сложности. Бут не мог найти деноминацию, к которой он считал бы возможным присоединиться. Незадолго до их помолвки они оба покинули методистскую церковь (вернее, их попросили ее покинуть) и присоединились к методистам-реформаторам. Но в среде реформаторов было очень много конфликтов, а их лидеры жестоко соперничали. Поэтому молодая пара покинула и эту общину. Кэтрин стала посещать церковь конгрегационалистов и побуждала Уильяма стать там пастором. Однако книги, которые ему дали, несли слишком сильный отпечаток кальвинизма и имели слишком мало общего с его собственными взглядами. Уильям и Кэтрин уже и не знали, куда податься, когда другая маленькая независимая методистская община пригласила Уильяма поехать с проповедями по нескольким церквям примерно в сотне миль от Лондона. Хотя это и означало разлуку с Кэтрин, он не мог упустить такую возможность. В одном из писем к Кэтрин он описывает свои чувства: «Я все езжу из города в город. Сегодня вечером отправляюсь обратно в Сполдинг; во вторник еду в Ринчбек; в среду — в

Саттлтон; в четверг — очень важное собрание в Бостоне... Мне бы хотелось, чтобы я не писал тебе, а чтобы ты была здесь рядом, в моих объятиях. И все же меня мучат страхи. Что ждет нас? Как бы я хотел, чтобы реформаты вошли в союз „Новое Единство" или в ассоциацию и вся эта суета окончилась бы... Но я всегда много переживаю из-за неприятностей, которые еще не случились. Я всегда был человеком беспокойным и неудовлетворенным жизнью, и, боюсь, так оно и будет до тех пор, пока я с миром не отправлюсь на небеса».

Пока Уильям тревожился, Кэтрин готовилась стать женой священнослужителя. «Я расширила круг своего чтения, делаю заметки и конспектирую все мало-мальски достойные проповеди. Начала изучать стенографию..."

Гораздо легче Кэтрин было писать проповеди самой. И предназначались они для ее будущего мужа. Он был так занят, переезжая с места на место, что часто отправлял ей торопливые записки, вроде следующей: «Мне нужна проповедь о потопе, одна об Ионе и одна о Страшном суде. Пришли основные мысли. Сюжет должен быть сильным и пугающим. Ничто так не волнует людей, как ужасное. Пока перед их лицами не взвоятся языки адского пламени, они и с места не сдвинутся».

Кэтрин эти его просьбы исполняла, хотя время от времени и напоминала, чтобы он «старался избегать чрезмерных эмоциональных порывов во время служения... Я никогда не любила шум и суету, если только не была твердо уверена, что они являются выражением глубокой взволнованности, как плода воздействия Духа Святого; однако, любовь моя, шум в церкви ни к чему хорошему не ведет. Не думаю, что Евангелие требует столько суматохи для его проповеди. А ведь многим это покажется смешным, и тогда бесполезно будет ожидать каких-либо результатов от евангелизации».

Кэтрин выработала четыре правила их будущей совместной жизни: 1) никогда не иметь секретов друг от

друга; 2) сделать общими доходы и расходы; 3) всегда высказывать свое несогласие, чтобы сохранить гармонию, и никогда не утверждать, что все люди одинаковы; 4) никогда не ссориться при детях.

То, что они собирались высказывать свои несогласия, говорит о том, что несогласия такие несомненно были, и нередко.

Одна из тем, по поводу которой они с самого начала были принципиально не согласны друг с другом, касалась женщин. Он считал, что женщины чувственнее мужчин, а мужчины — более рациональны. Она горячо спорила, утверждая, что никогда не выйдет замуж за человека, не отдающего женщине должного. Она признавала, что из-за «неправильного образования» большинство женщин «интеллектуально слабее мужчин... Но нет никаких оснований утверждать, будто они таковы от природы».

Уильям и отправлял, и получал письма с радостью. Он пишет: «Я хочу, чтобы ты слушала, критиковала и подгоняла меня. Я чувствую себя безнадежно одиноким, и это весьма меня угнетает. Я говорю, действую, проповедую, но когда день позади, я могу обсудить это только с тобой; с другими людьми я не могу говорить из опасения показаться эгоистичным или ищущим похвал; если я все же обсуждаю эти темы, то мои собеседники говорят мало, либо совсем ничего». А Кэтрин, похоже, никогда не ограничивала себя в желании высказаться.

Когда они были еще только помолвлены, порою казалось, что Кэтрин вовсе не хочет брака. Возможно, их интеллектуальная близость была для нее гораздо важнее их будущей близости физической. Однако, когда он начинал замечать это, — что его, конечно, расстраивало, — она с огромным воодушевлением писала ему об их предстоящей совместной жизни: «Мы сделаем наш дом наилучшим местом на земле друг для друга, полным света и радости. Мы будем нежными, внимательными, любящими и терпеливыми... Как это будет прекрасно!»

Проведя год в поездках по окрестностям Сполдинга, расположенного в ста милях к северу от Лондона, Уильям присоединился к другому методистскому движению, союзу «Новое Единство», и на полгода вернулся в Лондон, чтобы учиться. Кэтрин поддерживала его решение, хотя и знала, что методистским священникам вступать в брак было разрешено лишь по истечении четырех лет служения. Уильям же вовсе не был рад перспективе провести шесть месяцев за книгами, в то время как тысячи людей умирали и попадали в ад. Не особенно ему нравилась и перспектива четырехлетнего испытания безбрачием. К счастью, куратор Уильяма был человеком терпимым и позволил ему во время обучения больше проповедовать, нежели сидеть в классе. Кроме того, союз «Новое Единство» сделал для Уильяма персональное исключение и позволил ему жениться по истечении всего одного года испытательного срока.

В начале 1855 года Уильям стал проповедником «Нового Единства». Ему было тогда двадцать пять лет. И снова ему пришлось часто и надолго уезжать от Кэтрин. Он чувствовал себя одиноким и несчастным. Он писал ей: «Ты знаешь меня, я человек порывистый. Я печалюсь из-за этого и ненавижу себя за это. Но вот в чем беда: в моей душе клубится мрак. Ты знаешь об этом». И все же, несмотря на депрессию, за четыре месяца проповеднической деятельности он увидел обращение ко Христу одной тысячи семисот тридцати девяти человек.

В июне, когда Уильяму и Кэтрин исполнилось по двадцать шесть, они наконец поженились. Церемония была очень скромной. Присутствовали только ее отец, его сестра и священник. Их медовый месяц длился всего неделю, после чего они снова отправились в путь, на этот раз уже вместе.

Она хотела сопровождать его всюду, но здоровье не позволяло. Когда Бут уехал, оставив ее в Лондоне, она написала ему: «Я чувствую себя так, будто отсутствует

часть моего существа». Несколько месяцев спустя она пишет родителям: «Он добрее и нежнее, чем когда-либо. Молитесь о нем! Он достойнее множества посредственных людей».

Через девять месяцев такого «передвижного брака» она пишет другу семьи, превозносящему проповеднический талант Уильяма: «Мой дорогой муж действительно превзошел сам себя. Он просто электризует людей. Если бы Вы видели и слышали то, что вижу и слышу я, Вы бы так же радовались и гордились им. Благослови, душа моя, Господа!»

Следующий за этим абзац написан разборчивым и крупным почерком. «Я только что вошел в комнату и увидел, что моя дорогая жена составляет сей важный документ. Завладев им, я прочел вышеизложенные восхваления. По этому поводу могу сказать только то, что буквально вчера вечером она прочитала мне длинную лекцию о том, как я туп, скудоумен и т. д., и, — батюшки! — вот что она, оказывается, пишет Вам. И тем не менее она — мое сокровище, все более и более ценное для меня, несмотря на взбучки, которые она мне устраивает».

Нимало не обескураженная Кэтрин заканчивает письмо следующими словами: «Мы немного подрались из-за того, что он тут написал, но придется отправить в таком виде, потому что у меня, к сожалению, нет времени переписать письмо. В два у меня встреча, а сейчас уже почти час. Но в свое оправдание я должна сказать, что упомянутая «длинная лекция» не касалась ни его проповедей, ни вообще чего-либо мало-мальски серьезного. Речь шла о вещах, которые нисколько не противоречат моим похвалам».

Уильям любил свою работу, но его коллеги по «Новому Единству» по разным причинам не разделяли его энтузиазма. Поэтому в 1858 году, после трех лет напряженной и очень успешной евангелизационной работы супругов Бут направили в очень скромный приход,

состоящий из девяноста человек. Но в такой маленькой общине у Кэтрин появилась возможность самой выступить в качестве проповедника.

Несмотря на то что Уильям уже давно подталкивал ее к этому, Кэтрин очень боялась выступать перед людьми. Но в 1860 году, после рождения дочери Эммы, она почувствовала «Господне призвание» сказать несколько слов на богослужении в церкви. Она говорила, что дьявол шептал ей: «Ты будешь выглядеть как последняя дура». И она отвечала: «Раньше у меня не было такой возможности, но ради Христа я готова выглядеть как угодно».

Ее речь, произнесенная в конце утренней службы, была так хорошо принята, что ее попросили выступить также и вечером. Так началось ее собственное служение, которое порой встречало даже более горячую поддержку, чем служение Уильяма.

В газете «Путь Евангелия» так описывали ее стиль: «Она крайне опрятна в одежде. Черная соломенная шляпка украшена лишь парой синих тесемок. Черный вельветовый жакет с обтягивающими рукавами, который очень идет ей, и черное шелковое платье составляют скромную и подобающую привлекательность этой женщины-проповедника... Ее речь точна, спокойна и очень внятна, без малейшего намека на скучный формализм».

В течение четырех лет на ежегодных конференциях «Нового Единства» Уильям с надеждой ожидал нового назначения на проповедническую работу. Он ощущал призвание надеть евангелизации, и ему казалось, что деноминация противостоит воле Божьей. Он не мог понять, почему его не допускают к проповеди.

Кэтрин хотела, чтобы он вышел из деноминации; Уильям не был настроен столь решительно. Ему вообще был свойствен определенный консерватизм. Кэтрин говорила: «Я не вижу никакого другого выхода, кроме как порвать с прошлым и рискнуть всем. Но Уильям в нерешительности. Он думает обо мне и о детях. Я ценю его

заботу, но верю, что Господь не оставит нас». На конференции 1861 года супруги Бут вышли из деноминации. Имея четырех детей и без каких-либо ощутимых перспектив, они положились на Бога и сделали этот шаг. Кэтрин продала пианино. И в течение следующих четырех лет она и Уильям объездили с проповедями всю Англию.

Частенько Кэтрин требовался отдых. Это было обусловлено либо родами, либо состоянием здоровья, либо необходимостью больше внимания уделять детям. Уильям также переживал периоды взлетов и падений. Однажды, когда Кэтрин была дома, в Лондоне, он написал ей: «Сегодня весь день у меня скверное настроение. Я занят темной стороной своей личности. И я уже не вижу никакой другой стороны. Я весь во тьме — умственно, физически и духовно. Господь, смилуйся надо мной! Я чувствую себя как человек, недостойный внимания ни Бога, ни людей». Он легко поддавался депрессиям. «В неудачные дни он становился резок и раздражителен, — пишет биограф, — и его дети знали, что в такие дни ему лучше не попадаться на глаза. Только с Кэтрин Бут бывал неизменно нежен».

Родив шестерых детей за девять лет, борясь с трудностями существования без собственного дома, сталкиваясь с проблемами, обусловленными ухудшающимся здоровьем, и непрерывно поддерживая Уильяма морально, Кэтрин и сама психологически надломилась. В то время она пишет: «Я знаю, что мне нельзя впадать в депрессию. Я знаю, что это означает утрату надежды на Бога. Но я ничего не могу поделать с собой. Я слишком долго боролась с этим. Слишком часто я, стиснув зубы, преодолевала накатывающие волны потопа. А вот теперь я все глубже, глубже».

Младший из детей страдал судорогами. Ей было очень трудно оплачивать счета, которые приходили все чаще. У нее на руках была куча неугомонных детей. Ее вновь начал беспокоить позвоночник.

Тем временем Уильям радовался успеху евангелизационной кампании в Северной Англии. Он пишет ей: «Ободришь. Все будет хорошо. Что бы ни случилось, не волнуйся». Он посоветовал ей отвлечься от навалившихся проблем. Вскоре после этого она получила приглашение провести в южном районе Лондона евангелизационную акцию самостоятельно, вне всякой связи с работой мужа. Она согласилась. Собрания прошли с таким успехом, что вскоре последовали новые приглашения из других районов Лондона. Вскоре и Уильям присоединился к этому служению. Однажды на собрании «Полуночного движения падших женщин» Кэтрин проповедовала нескольким сотням проституток. Уильям в это время трудился в самых страшных трущобах города. И вот в жизни Бутов наступил решительный поворот.

«Я хорошо помню тот день, — вспоминает Кэтрин, — когда Уильям пришел домой особенно усталым и бессильно опустился в кресло. Это было между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. Он сказал мне: „Кэйт, проходя по этим залитым джином улицам, я словно бы слышу голос: «Где еще найти больших язычников, чем эти, где твой труд может быть более нужным, чем здесь?»“»

«Я помню, — добавляет она, — какое огромное впечатление произвели на меня его слова. Они означали, что в нашей жизни начинается нечто принципиально новое». Но это означало также и новые финансовые затруднения. С другой стороны, у Кэтрин наконец появилась возможность постоянно жить дома. И, самое важное, это означало основание Восточно-лондонской миссии, которая впоследствии была реорганизована в Армию Спасения. Но это было не так-то просто.

Один исследователь пишет: «Этот худощавый, плохо образованный человек, женатый на тяжелобольной женщине, стоял на углах самых грязных улиц и проповедовал пьяницам, которые обрушивали на него

потоки оскорблений, разбредаясь по кабакам и притонам». Уильям как-то взял своего старшего сына, Брэмуэлла, в одну из пивных в Ист-Энде и показал ему мир злых мужчин и пьяных женщин. Он сказал сыну: «Это наш народ. Это народ, который я хочу спасти и привести к Христу».

Дома Уильям был очень тяжелым человеком. Его, видимо, сильно раздражало то, что ему негде было побыть с Кэтрин наедине, без детей. Боли в желудке не делали его характер мягче. Несомненно, он любил своих детей, но эта его любовь чаще проявлялась на расстоянии. Дети его раздражали. Исследователь пишет: «Его поцелуи чаще были запечатлены на бумаге, нежели на их щеках».

Биограф Бэгби полагает, что Уильям был нежен к детям, но «слишком погружен в работу, слишком терзаем тревогами и физической болью, чтобы быть в состоянии сполна делиться с ними совершенной любовью отцовского сердца».

В 1868 году Кэтрин родила их восьмого ребенка, последнего в многочисленном семействе Бутов. Со временем все их дети покалялись и принимали участие в служении. Когда Брэмуэлли исполнилось шестнадцать, его назначили ответственным за пять магазинов «Еда для миллионов», где у бедных была возможность недорого купить продукты питания. Когда ему исполнилось двадцать, он стал менеджером по персоналу в организации отца. Их второй сын, Боллингтон, в возрасте двадцати лет возглавил мужскую вечернюю школу. Их старшая дочь, Кэтти, начала проповедовать на городских улицах в шестнадцатилетнем возрасте.

Работы становилось все больше. К 1870 году было основано более десяти проповеднических центров и, кроме того, вечерние курсы для бедных, читальные залы, кассы взаимопомощи, бесплатные столовые, организации, занимавшиеся лечением нуждающихся и престарелых, и, наконец, журнал (где часто появлялись статьи Кэтрин и

Уильяма), который впоследствии стал известен под названием «Боевой клич».

И тем не менее Кэтрин, которая, борясь с недугами, много преподавала и проповедовала, была также и прекрасной хозяйкой. «Она не просто латала нашу одежду. Она научила нас гордиться нашими заплатами». Один посетитель, заглянувший к ним на чай, был поражен, застав Кэтрин за штопаньем мужниных носков.

Когда боли в желудке свалили Уильяма с ног, дочь заболела оспой, а сама Кэтрин почувствовала себя хуже, чем когда-либо, депрессия снова вернулась к ней. «Моя душа онемела. Временами меня охватывает тьма отчаяния. Но среди всех несчастий я верю: Господь все устроит лучшим образом».

В 1888 году, когда супругам Бут было по шестьдесят, когда Армия Спасения стала международной организацией, а их дети понесли знамя их идеи по разным странам мира, Кэтрин узнала, что у нее рак груди. Врачи сказали, что жить ей осталось не более полутора лет. И вот что она сказала мужу: «Ты знаешь, что первое мне пришлось в голову? Я поняла, что в твой последний час я не смогу ухаживать за тобой».

Для Уильяма это был страшный удар. Он писал в своем дневнике: «Мне шестьдесят лет, и вот впервые за эти долгие годы, насколько я могу охватить их взглядом, Господь в своем бесконечном милосердии посылает мне скорбь, с которой я не могу обратиться к Нему». Он не мог осознать, что происходит. Позже он напишет: «Стоять у постели любимого человека и наблюдать, как рвется тоненькая ниточка жизни, и при этом не иметь возможности ни прекратить, ни даже облегчить его мучения, когда в его глазах пылает боль, а каждый его нерв натянут страданием, которое исторгает вопли отчаяния из храброй души, — это такая мука, которую лишь очень приблизительно можно передать словами».

В те месяцы, когда Кэтрин болела, она говорила, что чувствует себя «человеком, умирающим на вокзале». Ее слова очень верно отражали реальную ситуацию. Срочные телеграммы приходили в любое время дня и ночи. Лейтенанты непрерывно приходили в дом с донесениями генералу Уильяму или менеджеру по персоналу Брэмуэллу. И Уильям, и Брэмуэлл непрерывно выходили и заходили, спеша по делам Армии. Да и сама Кэтрин продолжала активно участвовать в делах. В течение многих месяцев она продолжала проповедовать. Когда она стала слабеть, события начали разворачиваться там, где она находилась. Ричард Коллиер пишет: «Ее спальня была залом заседаний, где обсуждались и формировались все основные направления расширяющейся социальной работы Армии».

Конечно же, Уильям был очень занят. Но время шло, болезнь брала свое, и он стал стараться больше бывать дома. Он попытался сосредоточиться на работе над книгой, но это было нелегко. Иногда он просто рыдал, восклицая: «Как же так? Как же так?» Но он продолжал подниматься в шесть утра, принимал холодный душ и работал два часа, которые оставались у него до завтрака. Часто завтрак состоял из вареного яйца и горячего чая без сахара.

Поразительно, с какой скоростью росла Армия Спасения. К 1890 году было организовано две тысячи девятьсот ее отделений. Были оказаны самые различные виды помощи на сумму около пятидесяти миллионов долларов. Десять тысяч офицеров армии проводили пятьдесят тысяч собраний еженедельно. А Кэтрин к 1890 году стало совсем плохо. Она уже не могла говорить и лишь показывала на надпись над камином: «Моей благодати да будет довольно для тебя».

После смерти Кэтрин Армия продолжала бурно развиваться. Но сплоченная семья Бут распалась. У всех Бутов были непростые характеры, и именно Кэтрин всегда удерживала их вместе. «Прежде всего я твой генерал, а уж потом — отец», — говорил Уильям дочери. Хотя все они

впоследствии трудились для христианства и их вера была все так же сильна, шестеро из восьми детей супругов Бут покинули ряды Армии Спасения и перестали общаться с отцом.

Единственным сыном, оставшимся верным Армии и Уильяму, был Брэмуэлл, менеджер по персоналу. Именно ему Уильям однажды адресовал высшую похвалу: «Брэмуэлл, ты во всем как она, ты очень похож на мать».

Обычно от брака между людьми, чьи родители очень плохо ладили, не ждут такой любви и сотрудничества во всем, как это было у супругов Бут. Они были нужны друг другу. Иногда они спорили, но чаще поддерживали друг друга. Все дело в том, что они любили друг друга.

Армия, основанная на любви, — необычная армия. И Армия Спасения — организация воистину беспрецедентная.

Библиография

Beardsley, Frank G. *Heralds of Salvation*. New York: American Tract Society, 1939. Begbie, Harold. *The Life of General William Booth*. New York: Macmillan, 1920. Booth-Tucker, F. de L. *The Life of Catherine Booth*. Old Tappan, N. J.: Fleming H. Revel, 1892.

Collier, Richard. *The General Next to God*. Cleveland: Collins-World, 1976.

Nelson, William. *General William Booth*. New York: Doran, 1929.

Он зависел от нее

Билли и Нелл Санди

Остался ли Билли Санди на всю жизнь ребенком?

Почему он всегда называл свою жену, Нелл, «Ма»?

В какой степени Нелл, управлявшая его делами, контролировала его жизнь?

Билли нравились «крутые» ковбойские типы. Ведь это была эпоха Тэдди Рузвельта. Но он нуждался в жестком руководстве Нелл. Он сказал однажды: «Моя жена не получила бы первый приз на конкурсе красоты, но у нее гораздо больше крепкого здравого смысла, чем у любой другой женщины». А единственное, к чему Билли относился с уважением, было здравомыслие.

Хотя Билли все время был на виду, а Нелл оставалась за кадром, они были одной командой. На первый взгляд, Билли Санди, невероятно популярный проповедник, был очень самоуверенным человеком. Но за этой вызывающе независимой внешностью скрывались робость и неуверенность. Билли был очень живым и подвижным. Нелл была практична и настойчива. Все, кто работал с ними, любили Билли, несмотря даже на то, что его частенько заносило. Но когда начинала говорить Нелл, ей подчинялись беспрекословно.

Евангелизация в стиле Билли Санди рассматривается как бизнес, где Билли возглавляет совет директоров, а Нелл руководит исполнительным органом.

Но брак — это нечто большее, чем бизнес.

Невозможно было оставаться безразличным к Билли Санди, бейсболисту, который стал проповедником. Кое-кто

называл его самым великим проповедником со времен апостола Павла. Кое-кто называл его шарлатаном.

Некоторые сравнивали его с Савонаролой, реформатором эпохи Возрождения. Другие говорили, что, если бы он сосредоточил усилия на спасении душ, а не на шумной антиалкогольной кампании, его служение стало бы намного эффективнее. Некоторые говорили, что его собрания по эффективности превосходили все когда-либо имевшие место со времен Пятидесятницы. Другие говорили, что его развязные манеры, его карьеризм и стремление к тому, чтобы все финансовые затраты были с лихвой покрыты, дискредитировали дело Христа.

Сам Санди сказал однажды: «Я бы встал на голову в луже грязи, будь я твердо уверен, что это поможет мне обратить людей к Богу». И если бы он это действительно сделал, Нелл, безусловно, была бы рядом, собирая аудиторию.

Когда они впервые встретились, Билли был методистом (по семейной традиции, а вовсе не по убеждению). Нелл была верным членом Шотландской Пресвитерианской церкви. У Билли никогда не было настоящего отца; отец Нелл, состоятельный чикагский производитель мороженого, очень заботился о дочери.

В 1862 году, когда родился Уильям Эшли Санди, его отец записался рядовым в армию Соединенных Штатов. Он так и не вернулся. Его вдова осталась с тремя детьми, ни одному из которых не исполнилось еще и пяти лет. Она вновь вышла замуж, и у нее родилось еще двое детей. Но в следующие десять лет беды сыпались на нее одна за другой. Когда Билли исполнилось шесть лет, он уехал жить к деду, за несколько миль от дома матери, поскольку совсем не ладил с отчимом. Один из его братьев стал слабоумным — его ударила копытом лошадь, и травма головы оказалась очень серьезной, так что его практически перестали выпускать из дома. Обгорела и умерла его сестра — на ней вспыхнуло платье, когда она разводила

костер за городом. И наконец, в самый разгар депрессии 1874 года второй муж миссис Санди бросил ее. У него явно сдали нервы.

Когда Билли исполнилось двенадцать, его вместе со старшим братом отдали в солдатский сиротский приют, где они провели два года. В приюте он получил кое-какое образование и выяснил, что он отнюдь не силен в математике, но может прекрасно драться и бегать.

В возрасте четырнадцати лет он снова поселился у деда. Но и у Билли, и у его деда были очень непростые характеры, так что вместе они представляли собой в высшей степени взрывоопасную смесь. Билли вскоре сбежал. В Неваде и Айове он приобрел три профессии: конюха, посыльного и дворника. Заработков хватало на то, чтобы оплатить учебу. В 1883 году, когда ему было двадцать, он работал в похоронном бюро в Маршаллтауне (Айова) и выступал за местную бейсбольную команду. Когда они выиграли чемпионат штата, Билли привлек внимание «Попа» Энсона, менеджера команды «Белые чулки», принадлежавшей А. Дж. Сполдингу.

Билли попал из Маршаллтауна сразу в высшую лигу. Игрок из маленького городка был потрясен этим до такой степени, что сумел отбить тринадцать мячей подряд. Со временем он стал прекрасным полевым игроком. За все время его спортивной карьеры его средний личный счет составляет двести пятьдесят девять мячей, что, в принципе, немного (хотя однажды он за один сезон отбил триста пятьдесят девять мячей), но его скорость стала в бейсболе легендой. Он был способен обежать все базы за четырнадцать секунд. Как-то за один сезон он сумел взять девяносто баз. Этот рекорд до 1962 года сумел побить только один игрок — Тай Кобб.

Спортивный комментатор писал: «Санди совершил, пожалуй, самые великие броски за всю историю игры, и это благодаря тому, что он способен достигать первой базы со скоростью молнии». Специалисты нередко критиковали

его манеру игры, зато фанаты обожали его. Каждый день, возвращаясь в отель с бейсбольного поля «Белых чулок», Билли проходил мимо пресвитерианской церкви. Эту церковь посещал один из его товарищей по команде. Он пообещал Билли познакомить его со своей сестрой, если тот хоть раз появится на богослужении.

Итак, однажды воскресным вечером Билли Санди отправился на молодежное служение в пресвитерианскую церковь в Джефферсон-парке. И первое, на что он обратил внимание, была Нелл Томпсон, которая вела это собрание. (Оказалось, что Нелл и есть сестра того самого приятеля Билли.) А поскольку она была за старшего, то решила, что именно ей и следует пригласить новичка на намечавшуюся вечеринку для молодых прихожан. Так все и началось. Шел 1885 год. Нелл было семнадцать, Билли двадцать два, и жизнь обещала быть прекрасной.

Хелен «Нелл» Томпсон исповедала Христа в двенадцатилетнем возрасте и теперь была преподавателем воскресной школы, а также лидером молодежного объединения, и ее отцу вовсе не нравилось, что она общается с неверующим, к тому же профессиональным бейсболистом, устроившимся на время отпуска работать кочегаром.

Конечно же, самой отрицательной чертой Билли было то, что он не был христианином. Но, помимо этого, он был и совершенно необразован. И трудно было предположить, что он способен заняться чем бы то ни было, кроме бейсбола. Билли понимал, что для дальнейших серьезных отношений с дочерью молочного магната шансов у него очень мало. Но он не сдавался.

Первая большая перемена произошла годом позже, в 1886 году. Как-то воскресным вечером, порядком «нагрузившись», Билли и его товарищи по команде утомились и присели на бордюр. В это время по улице проходила группа музыкантов — там были трубачи, флейтисты и тромбонисты, которые играли мелодии

христианских гимнов. Музыка показалась Билли знакомой. Что-то пела ему в детстве мать, другие мелодии он слышал в церкви Нелл.

К бейсболистам подошел молодой человек и пригласил их в миссию Пасифик Гарден послушать о том, как бывшие воры, пьяницы и проститутки стали верующими.

Никого это не заинтересовало. А Билли пошел. В этот вечер он вышел вперед, чтобы принять Иисуса Христа как своего Спасителя. Несомненно, что Билли думал тогда о Нелл. «Она была пресвитерианкой, что ж, я тоже пошел в пресвитерианскую церковь. Будь она католичкой, я бы обратился в католицизм». Но нет никакого сомнения и в том, что обращение Билли было искренним. Всем в команде было ясно, что с Билли что-то не так. Он бросил пить, перестал сквернословить, не хотел играть в азартные игры. Вскоре он добился изменения в контракте, которое позволило ему не выходить на поле по воскресеньям. Путешествуя с командой по разным городам, он часто приходил в отделения ХАМЛ и рассказывал о своем обращении. Он стал членом церкви, которую посещала Нелл.

Тем не менее отец Нелл все еще сильно сомневался в том, что Билли Санди был человеком, достойным его дочери. У Нелл был и другой поклонник, юноша из хорошей семьи, который знал, чего хочет в жизни и у которого были все шансы добиться этого.

Когда отношения Билли и Нелл стали более серьезными, он решил рассказать ей о своем прошлом. В течение трех предыдущих зим он встречался с дочерью инженера на чикагской и северо-западной железной дороге, где Билли время от времени подрабатывал.

Нелл была шокирована. Она сразу сказала ему: «Надевай шапку, пальто, убирайся за дверь, на ближайшем же поезде поезжай в Айову и, прежде чем между нами что-

нибудь будет, разберись с Кларой». Билли оделся и убрался за дверь.

Но неделей позже он опять стоял на пороге ее дома. Прежде чем впустить его, Нелл спросила: «Ну и что она ответила тебе, когда ты ей все объяснил?»

«Ну, — промямлил Билли, — я, в общем-то, ей пока ничего и не объяснял. Уж лучше я напишу ей». Билли и в самом деле написал письмо Кларе, но отца Нелл такое решение проблемы не удовлетворило. «Моя дочь, — сказал мистер Томпсон, — никогда не будет общаться с парнем, который три года морочил девушке голову, а потом ее бросил». Но Билли не дрогнул.

В 1887 году, когда Нелл уже поступила в бизнес-колледж, Билли почувствовал, что если у него появится какое-то образование выше среднего, то уж очень сильно оно ему вряд ли навредит, а отца Нелл, быть может, даже отчасти и впечатлит. Он попытался поступить в Северо-западный университет, но его школьный аттестат произвел на приемную комиссию угнетающее впечатление. Его пригласили стать университетским тренером по бейсболу. В результате переговоров он сумел все же добиться зачисления на подготовительные курсы. Поднатаскавшись на курсах, он смог бы, пожалуй, сдать вступительные экзамены.

Но в университет он так и не поступил. В этом отпала необходимость. Уильям Томпсон-старший сдался. Его сумели убедить в том, что Билли — добрый христианин и даже отчасти реформат, после чего мистер Томпсон с большой неохотой признал, что Билли кое-чего стоит. Кроме того, он был в курсе, что Нелл твердо намерена выйти замуж именно за этого человека, а твердые намерения Нелл были вещью, с которой обычно приходилось считаться.

В первое воскресенье сентября 1888 года, в День труда, Билли и Нелл сочетались браком в

пресвитерианской церкви. Ей было двадцать, ему — двадцать пять.

Они провели медовый месяц в последнем турне годового чемпионата чикагских «Белых чулок». К тому времени Билли начал хорошо зарабатывать. Нелл часто сопровождала его и в следующем сезоне. Но с рождением ребенка она, конечно, прекратила эти поездки.

Словно бы нарочно, чтобы усложнить их семейную жизнь, Билли продали в другую команду. Большую часть лета ему пришлось теперь проводить в Питтсбурге и Филадельфии. Но на всю зиму он возвращался обратно в Чикаго и работал в ХАМЛ. И чем большее участие он принимал в христианском служении, тем отчетливее осознавал, какой жизненный путь предназначал ему Господь.

Было очевидно, что оратор он весьма посредственный. Сам же он говорил: «Когда я только-только стал христианином, на молитвенном собрании я не мог связать и двух слов». Гораздо лучше у него получалось говорить об Иисусе Христе, когда это происходило не на публике, а в частной беседе. Они обсуждали с Нелл, стоит ли ему бросить бейсбол и пойти работать в ХАМЛ. Проблема была в том, что он только что подписал очень выгодный контракт с Филадельфией. Раньше он высылал деньги матери и брату, а теперь надо было содержать и жену, и маленькую дочь. Действительно ли Господь хотел, чтобы он бросил бейсбол и пошел работать в ХАМЛ за одну шестую часть того, что получал раньше, и к тому же с задержкой на полгода? Билли колебался. Он попросил Господа дать ему ясный знак. Не особенно рассчитывая на успех, он направил в Филадельфию запрос с просьбой о расторжении подписанного контракта. Он молился: «Господи, если мне не ответят до двадцать пятого марта (в это время должны были начаться тренировки), то я решу, что ты хочешь, чтобы я продолжал заниматься бейсболом».

17 марта он получил по почте подтверждение о расторжении контракта. И в тот же день «Краснокожие» из Цинциннати предложили ему очень выгодный контракт на год. Билли был мрачен, он снова не знал, что делать. Почему Господь не дал ему предельно четких указаний? Он пошел к Нелл и спросил, что она думает по этому поводу. Она всегда хорошо справлялась с решением трудных задач. И в этом деле у нее не было ни малейших сомнений. Она ответила: «Тут не о чем и думать. Ты пообещал Богу бросить бейсбол».

В течение следующих двух лет Билли и Нелл жили на нищенскую зарплату, а еще чаще на пустые обещания. Билли изучал литературу, проводил молитвенные собрания и помогал опустившимся людям обрести «спасение и рабочие места». Это было нелегким испытанием для молодого человека, прошедшего восемь лет на пике популярности.

Когда разразился финансовый кризис 1893 года, ХАМЛ перестала даже давать обещания, и Билли снова не знал, что ему делать. И тут он получил предложение войти в команду Дж. Уилбура Чэпмэна, одного из самых выдающихся проповедников того времени. Билли с радостью согласился.

Перед началом евангелизационной кампании Чэпмэна Билли приезжал в город, создавал комитеты, собирал средства на аренду зала и на рекламу, а также организовывал работу добровольцев. Это был очень ценный опыт.

Но в 1895 году на семью Санди обрушилось новое испытание. В рождественские праздники от Чэпмэна пришла телеграмма. В ней сухо сообщалось, что он оставляет проповедническую деятельность и вновь возвращается к пасторскому служению. Это означало, что Билли и Нелл снова оказались без средств к существованию. Теперь у них было уже двое детей и никаких сбережений. Билли вспоминает: «Мы были в

ужасе, молились и спорили о том, не начать ли мне снова играть в бейсбол».

Через несколько дней, когда никаких решений они еще не приняли, Билли предложили самому провести евангелизационную кампанию. Ехать нужно было в небольшой городок в Айове, с населением в одну тысячу человек. Но величина городка не имела значения. «Мы поняли, что это прямой ответ на наши молитвы», — говорил Билли. Но собрания должны были начаться через десять дней, а у Билли не было приготовлено ни одной проповеди. Кроме того, приехав в город, он обнаружил, что там невозможно найти человека, который мог бы руководить пением. Ему пришлось заняться этим самому, хотя, как он говорил, «медведь мне наступил на ухо задолго до этого». Результатом этой семидневной акции было обращение ста человек, и это стало началом карьеры Билли как проповедника.

В течение следующих пяти лет он провел более шестидесяти евангелизационных акций в маленьких городках Среднего Запада. Пожертвования, собиравшиеся в последний день кампании, были очень ненадежным обеспечением его существования. С каждым годом Нелл принимала все большее участие в его работе. Она занималась организационными вопросами, и вскоре все стали воспринимать ее как бизнес-менеджера Билли. Да и потом, она ведь закончила бизнес-колледж. «Он терпеть не мог заниматься финансами, а я всегда любила цифры», — просто объясняла она.

В 1901 и 1907 годах у них родилось еще двое детей, но Нелл не оставляла работу в команде мужа. Будучи бизнес-менеджером, она также проводила молитвенные собрания, преподавала в библейской школе, выступала на женских собраниях, а иногда даже руководила хором. «Детей оставляли с бабушкой, — пишет Уильям Дж. Маклафлин-младший, автор книги „Его действительно

звали Билли Санди“, — а потом отправляли в частную школу».

В газете «Гражданин» в Колумбусе (Огайо) описывают такой пример: «Воскресным вечером, когда Билли Санди завершил вдохновенную проповедь в Мемориал Холле, а присутствовавшие колебались относительно принятия решения, Нелл взяла инициативу в свои руки, отдала распоряжения хору, и вот несколько сотен кающихся людей открыто признали Бога». И в этом не было никакого честолюбия: она действительно просто хотела быть хорошим помощником Билли.

Официальный биограф Санди Уильям Т. Эллис пишет: «Влияние миссис Санди на мужа было огромным. Они были дружной парой... и он полностью доверял ее мнению. Она была его главным консультантом. Он не принимал никаких важных решений, не посоветовавшись с ней. Она почти непрерывно сопровождала его, присутствовала на всех собраниях, была в курсе всех его дел и присматривала за ним самим, как любящая мать».

Через несколько лет стиль проповедей Санди начал меняться. Сначала он подражал величественности Дж. Уилбура Чэпмэна, но постепенно его манера стала более живой, драматичной и близкой слушателям, которым было намного интереснее слушать такого оратора. Он не был величественным ученым мужем. Он был спортсменом. Его биограф называет его «акробатом во имя Христа». Бостонская газета «Геральд» писала о нем: «Это сильный, гибкий человек, иногда клоун, иногда болтун, иногда бродячий актер, иногда проповедник».

Одна из его самых известных проповедей обычно была обращена к мужчинам. Он заканчивал ее собственной версией стихотворения «Катайся, Келли». На последних словах он совершал прыжок через всю сцену и падал на колени.

Маклафлин пишет: «Подсчитано, что на каждой проповеди он проходил целую милю по сцене длиной в

тридцать футов, то есть сто пятьдесят миль за одну кампанию. Собственно, это не была ходьба: он бегал, прыгал, падал, скользил, кружился и метался по всей сцене. Он не оставался на одном месте или водной позе дольше тридцати секунд».

Отсутствие образования и скромное происхождение часто заставляли Билли чувствовать себя неуверенно. У него не было никакой богословской подготовки, и, судя по всему, это Нелл подтолкнула его добиваться рукоположения в пресвитерианской церкви. Хотя с годами он гораздо лучше стал разбираться в Писании, в его познаниях богословия и церковной истории имелись громадные пробелы. На экзамене самыми частыми его ответами были: «Это слишком сложно для меня» и «Этот вопрос я, пожалуй, пропущу».

Экзамен прекратили. Один из друзей Билли, присутствовавший в комиссии, сказал: «Бог избрал его обращать души, и он обратил их больше, чем все мы вместе взятые».

Хотя он и был рукоположен как священник пресвитерианской церкви, едва ли его называли «преподобный мистер Санди» хотя бы раз в жизни. Свои ранние собрания он проводил в церквях; к 1898 году он стал отдавать явное предпочтение собранию под навесом, возведенному где-нибудь неподалеку от центра города. Но в начале 1900-х годов он построил деревянный молитвенный дом, который и заменил навес. С тех пор он настаивал на том, чтобы в каждом городе, в который он направлялся с проповедями, возводили молитвенный дом.

Много лет Нелл удерживала мужа от поездок в большие города. Она вела статистику, которая говорила, что, если население города превышало тридцать тысяч человек, кампания проходила с гораздо меньшим успехом, чем обычно. «Если жителей так много, — говорила она, — то невозможно достучаться до каждого из них». Они

стремились к тому, чтобы обратить двадцать процентов населения каждого города, в который приезжали.

За первые десять лет евангелизационной работы Билли девяносто процентов собраний было им проведено в городах с населением, не превышающим десять тысяч человек, но постепенно они стали принимать приглашения и в более крупные города. К 1914 году Билли уже выступал в таких городах, как Денвер, Питтсбург, Филадельфия, Канзас-Сити, Детройт, Бостон, Нью-Йорк, Чикаго, Вашингтон, Атланта и Лос-Анджелес. Наряду с размахом евангелизационных кампаний росла и команда. К 1917 году штат насчитывал множество сотрудников, среди которых был и Гомер Роудхивер, известный музыкант. Кроме жены Билли с ним сотрудничало еще шестеро женщин. У него был и личный массажист, бывший боксер-профессионал, который ставил его на ноги после каждого из изматывающих его выступлений.

Хотя их старший сын Джордж в 1917 году и был назначен бизнес-менеджером, все решения принимала Нелл. Без ее одобрения не принималось ни одно серьезное решение. Она определяла маршрут кампании и разрабатывала график. Позже она говорила о муже: «Будучи непревзойденным в деле проповеди, во всем остальном он зависел от меня. Его трясло, если меня не было рядом. Без меня он был совершенно беспомощным».

Накануне начала кампании Билли становился непредсказуем. Иногда он в гнев набрасывался на кого-нибудь. Если он чувствовал хоть тень пренебрежения к себе, то переживал это как тяжелейшее оскорбление, запирался в комнате и дулся, как маленький мальчик. В таких случаях Нелл всегда выступала миротворцем. Как она сама выражалась: «Моя работа — быть буфером». Когда он отдыхал, никому не позволялось тревожить его. Нелл действительно была своего рода посредником между Билли и остальным миром. Биограф Ли Томас пишет, что

Нелл «присматривала за ним, как курица за своими цыплятами».

С 1908 года Билли и Нелл отдавали распоряжение местным комитетам арендовать частный дом (или несколько домов) к приезду команды, где все могли бы разместиться вместе. За еду обычно садились как большая семья, и общая атмосфера за столом напоминала совещание. Билли и Нелл сидели во главе стола, слушая доклады присутствующих. Билли все называли «босс». К Нелл обычно обращались как к миссис Санди, хотя некоторые называли ее, как Билли — «Ма».

Они оба молились очень неформально. Нелл это делала примерно так: «Отец, это Ма. Ты знаешь, что мистер Смит пригласил нас в Питтсбург. Что нам делать?» В ее молитвах, как и в молитвах ее мужа, никогда не появлялось слов вроде «еси» или «аз».

Все в команде обожали Билли. И он искренне наслаждался этим, относясь к сотрудникам примерно так же, как известный спортсмен к своим фанатам. Кроме того, он очень любил розыгрыши. Если иногда он и срывал на ком-нибудь раздражение, испытывая большие психологические нагрузки, то все это быстро забывалось и все друг друга прощали. К Нелл, напротив, относились очень уважительно, но без особенной теплоты. Она хотела, чтобы ей подчинялись, и добилась этого. Будучи очень работоспособной, она требовала того же и от других.

Куда бы Билли ни приезжал, его везде встречали как знаменитость. Когда ему было пятьдесят пять, он отправился на завоевание Нью-Йорка. Он оставался все таким же крепким, стройным и гибким человеком. Его манера проповедовать не претерпела изменений. Ростом в пять футов восемь дюймов, он очень изящно носил безупречный деловой костюм. Едва ли он был похож теперь на деревенского парня из Айовы.

Когда наступал день открытия кампании, становилось понятно, почему Билли часто бывал накануне нервным и

раздражительным. Толпы народа приходили к дверям за восемь-десять часов до начала. Чтобы спокойно пройти внутрь, Билли и Нелл часто приходилось прибегать к помощи полиции. Во время кампании в Филадельфии в первый же день на его проповедь пришли семьдесят тысяч человек. Еще тридцать пять тысяч не смогли попасть в зал.

В больших городах Билли оставался по восемь — десять недель. Обычно пик интереса к его выступлениям приходился на последние дни. В Нью-Йорке, например, в день закрытия пришло на семь тысяч человек больше, чем обычно.

Каждый вечер накануне служения Билли репетировал проповедь, даже если он уже и произносил ее сотни раз в других городах.

А в начале собрания он всегда представлял аудитории свою команду. После представления ассистентов, директора, руководителя хора и солиста он обычно подзывал Нелл. «А это Ма», — говорил он. И говорил он это очень тепло, с явным обожанием.

Спорным моментом в служении Билли были добровольные пожертвования, из которых выплачивалась зарплата персоналу, равно как и самим Билли и Нелл. Суммы собранных пожертвований ими не скрывались. Никогда прежде размеры собранных пожертвований проповедниками не разглашались. Так что пресса получила уникальный шанс. На заре карьеры Санди пожертвований едва хватало на пеленки его детям. Но когда он перенес свою деятельность в крупные города, пожертвования достигли сумм, которые и сегодня кажутся астрономическими.

У Билли было разумное объяснение этому феномену. Он рассуждал так: «Многие деноминации тратят несколько сотен долларов на обращение ко Христу одного человека. То, что я получаю за свою работу, составляет около двух долларов за душу, и мои доходы в пропорции на

количество обращенных меньше, чем у любого другого из нынешних проповедников».

В начале своего служения, летом, когда не было евангелизационных собраний. Билли отправлялся в поездки по маленьким городкам Среднего Запада. Маклафлин пишет: «Проповедники, подобные Санди, выступали в перерывах между чревовещателями, лекторами, гипнотизерами, оперными певцами, акробатами, виолончелистами, менестрелями, актерами и колдунами. Такие представления организовывались через агентства и обеспечивали постоянную работу на все три летних месяца».

В одной из таких летних поездок Билли написал свою знаменитую «Проповедь о выпивке». Движение за принятие сухого закона тогда как раз начало набирать силу, и эта проповедь стала самой известной. Соответственно, Билли на долгие годы стал одной из значительных фигур этого движения. Трудно сказать, оказал ли он какое-либо влияние на принятие сухого закона и какова роль этой «Проповеди о выпивке» в его служении. Однако несомненно, что многие из тех, кто принял тогда решение бросить пить, не имели никакого интереса к Иисусу Христу как к Господу и Спасителю.

В 1910 году Билли и Нелл купили дом в Вайнона-Лейк (Индиана) и переехали туда жить всей семьей. Они были там в хорошем окружении. Там жил уже вышедший на пенсию проповедник Дж. Уилбур Чэпмэн, там же каждое лето собиралась на конференции Международная ассоциация проповедников.

Дом в Вайнона-Лейк был десятикомнатной виллой на берегу озера. Это было большое, но не вычурное здание. Билли говорил, что его постройка обошлась ему в 3800 долларов. Внутри на стенах висели портреты членов семьи Санди и картины, которые Нелл писала в молодости. Билли старался проводить как можно больше времени на воздухе, работая в саду. Кроме того, семейству Санди принадлежала

плодовая ферма в Худ-Ривьер (Орегон), где они тоже часто бывали летом.

Репортер из «Трибьюн» как-то брал интервью у супругов Санди в их доме в Вайнона-Лейк. Он записал также и неформальную часть разговора между супругами. Посреди интервью Нелл повернулась к Билли и сказала:

— Папа, нам бы надо заняться рассадой, как раз дождь собирается.

— Да, пожалуй.

— Ты ее не пересаживал? (Билли молчит). Там стоит ведро. Может, стоит использовать его?

— Хорошо.

Спустя минуту умиротворенный Билли Санди пересекает газон с огромным ведром рассады. Жена показывает ему, где сажать, а сама подзывает маленького Билли (их младшего десятилетнего сына) и отправляет его на урок музыки.

Один из сыновей написал ей в письме: «Дорогая Мама, Главный Менеджер, Главный специалист по решению проблем, Главный целитель скорбей мира..». Так относились к ней близкие.

Билли любил Нелл. В этом нет сомнений. Его частные письма полны теплых фраз: «Любимая, я едва могу дождаться встречи с тобой».

Пиком карьеры Билли и Нелл стали годы с 1914-го по 1918-й. Когда окончилась Первая мировая война, успех Билли пошел на спад. Он провел евангелизационные кампании практически во всех крупных городах Америки. А теперь он снова сосредоточился на небольших городках. Пришли и печали. Лучший друг Билли, Уилбур Чэпмэн («Почти член моей семьи, — вспоминал Билли, — я очень любил его»), умер в 1918 году.

Потом начались проблемы и в семье. Проблемы, которые «Ма», хотя ее и считали главным специалистом по их решению, решить все же не смогла.

Старший сын, Джордж, менеджер нью-йоркской компании, в 1923 году совершил попытку самоубийства. В 1923 году его арестовали, затем выпустили на поруки, затем снова арестовали за неявку в суд и кражу автомобиля. В 1930 году он развелся с женой, а в 1933-м — выпрыгнул из окна шестого этажа, остался калекой и спустя несколько лет умер от полученных тогда травм.

Второй их сын, Билли-младший, в 1927 году развелся с женой, в 1928-м — женился вновь, а в 1929-м опять развелся. Причиной было его крайне жестокое обращение с женщинами. В возрасте тридцати семи лет он погиб в автомобильной катастрофе недалеко от Палли Спрингз (Калифорния).

Самый младший из сыновей, Пол, бежал в Европу от преследовавших его кредиторов (с которыми впоследствии расплатились его родители) и в возрасте тридцати трех лет погиб в авиакатастрофе.

Но смерть их единственной дочери Хелен стала, пожалуй, самой большой трагедией. Хелен всю жизнь отличалась слабым здоровьем. И вот, в возрасте сорока двух лет, она заболела пневмонией и умерла. Нелл говорила, что Билли был «просто раздавлен».

В тот год у Билли на нервной почве случился сердечный приступ. Он проповедовал в небольшой церкви в штате Айова. Внезапно он покачнулся, и руководитель хора бросился к нему, чтобы не дать ему упасть. Но Билли отказался остановить службу. Он попросил руководителя хора вместо него призвать людей к покаянию, а сам оперся на кафедру, чтобы не потерять равновесия. Он сказал: «Я лучше умру прямо здесь, чем уйду отсюда». Многие из присутствующих покаяться и открыто исповедовали Христа как Спасителя.

Билли оправился от этого приступа, но через два года скончался. Ему было тогда семьдесят три. Он отдал «Ма» распоряжения о своих похоронах: «В моем присутствии ни о каком трауре и речи быть не может».

Билли писал незадолго до смерти: «Мне безразлично, что обо мне пишут... Я есть и всегда был просто Билли Санди, который старался и старается исполнить волю Божью, проповедуя Иисуса распятого и воскресшего ради наших грехов».

За свою жизнь Билли проповедовал более чем ста миллионам людей и около миллиона обратил к вере. Нелл прожила почти на двадцать лет дольше мужа, почти не покидая своего дома в Вайнона-Лейк, Индиана. Брюс Локерби в своей книге о Билли Санди пишет: «Пожалуй, ни одна другая женщина в истории христианства в Америке не сыграла такой громадной роли в жизни мужа... Он зависел от нее».

Билли был звездой сцены, и его имя сияло огнями рампы. Но режиссером и продюсером была «Ма».

Библиография

Ellis, William T. *Billy Sunday: The Man and His Message*. Philadelphia: John C. Winston, 1936.

Lockerbie, D. Bruce. *Billy Sunday*. Waco, Tex.: Word, 1965.

McLaughlin, W. G., Jr. *Billy Sunday Was His Real Name*. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

Я не променяла бы тебя ни на что на свете

Уильям и Мэри Брайен

На обручальном кольце своей жены он сделал надпись: «Убедил — 1880/ Победил — 1884». Первая дата — год их помолвки, вторая — год их свадьбы.

Но сегодня Уильям Дженнингс Брайен не известен какими-либо победами. Трижды он участвовал в президентских выборах от демократической партии и трижды проиграл. При президенте Уилсоне он был Государственным секретарем и вышел в отставку перед самым началом Первой мировой войны. Он участвовал в «Обезьяньем процессе» на стороне Скоупса против Кларенса Дэрроу, и хотя суд признал его победу, он, несомненно, проиграл, ибо таков вердикт общества.

Брайена-оратора высмеивают как напыщенного пустозвона, самодовольного и ограниченного. Его язвительный современник Г. Л. Менкен назвал Брайена «шарлатаном, фигляр, шут, шут без малейшего чувства собственного достоинства, человеком от сохи». Очевидно, что Уилл не был всеобщим любимцем. Но почитатели называли его величайшим из нерукоположенных проповедников в американской истории.

А его жена Мэри? Каково это — быть женой политика, который проигрывал гораздо чаще, чем побеждал, и которого освистала его собственная партия?

Мэри всегда «была в его углу», как тренер боксера-профессионала, ободряла его, давала советы, как действовать в следующем раунде, и «обрабатывала его раны».

Мэри принимала его таким, каким он был: прогрессивным в политике и консервативным в религии. Большинству людей было трудно постигнуть этого человека. Но Мэри, конечно, не была в составе этого большинства. Она не только прекрасно его понимала. Она помогла ему стать тем, кем он стал. И они вместе старались сохранить романтическую любовь, которая возникла между ними еще в те времена, когда они учились в колледже.

Познакомились они еще студентами. Это было в 1879 году, в день открытых дверей женской Джексонвиллской академии, которую парни из Иллинойского колледжа (ныне это Иллинойский государственный университет), располагавшегося по соседству, называли не иначе как «жуткая дыра для ангелов».

На одной стороне зала собрались девушки с высокими прическами, в кринолинах. На другой стороне — юноши. Они пожирали глазами друг друга. Между ними стоял огромный стол, на котором красовалось множество видов выпечки и огромный спиртовой чайник. Когда молодежь стала постепенно подтягиваться к центру зала, Уилл Брайен обратил внимание на красивую сероглазую девушку. Между ними оказался большой поднос с домашним печеньем (а Уилл очень любил печенье), и так завязалась беседа. Он сразу же оценил ее чувство юмора. И оценил ее внешность. Короче говоря, ему понравилось в ней абсолютно все. Уилл почувствовал, что влюблен.

Однако этого нельзя было сказать о Мэри. Об Уилле она отзывалась как о «симпатичном, высоком, широкоплечем парне». Но у него был слишком большой нос, а волосы уложены с пробором, «наводящим тоску своей безупречностью». Однако такой широкой улыбки, как у него, она никогда раньше не встречала. Кто-то заметил: «Этот парень в состоянии сам себе что-нибудь прошептать на ухо».

Но что не понравилось Мэри больше всего, так это то, что Уилл был «слишком правильным». Один биограф написал, что он «буквально светился честностью». Мэри тоже так показалось. Но потом она решила, что лучше встречаться с излишне честным парнем, нежели с таким, у которого явные сложности по этой части.

Уилл снимал комнату в доме местного врача, чья жена полагала, что ее главное жизненное призвание — быть свахой. Решив, что Мэри Бэйрд и Уилл Брайен — идеальная пара, она заочно расхвалила их друг другу и устроила им свидание в доме преподавателя, обучавшего Уилла латыни.

Когда мать Мэри заболела и отправилась в джексонвиллский санаторий, у Уилла появился достойный предлог для встреч с Мэри. Они вместе ездили навещать ее маму. И все же это обернулось неприятностями. Хотя разрешение матери у Мэри на это было, в школе, где она училась, отнеслись к этим совместным прогулкам крайне неодобрительно. Мэри временно исключили из школы.

После этого директор, считавший своим долгом лично убедиться, что никаких тайных randevu с Уиллом Брайеном больше нет, проводил Мэри на поезд и не уходил с вокзала до тех пор, пока поезд не скрылся из виду. Чего он никак не мог предположить, так это того, что Уилл прячется в багажном вагоне. Когда поезд тронулся, юноша сразу же отправился на поиски Мэри.

Поездка эта стала для Мэри решающей в ее отношениях с Уиллом. Он любил шутить, но никогда не был к ней невнимателен. Он чрезвычайно серьезно относился к жизни. Был крайне целеустремленным. И он задавал ей очень серьезные вопросы. Спрашивал, кем она хочет стать в будущем, насколько важен для нее Христос и часто ли она молится. Никогда раньше ей не задавали таких вопросов. Сначала это казалось ей бесцеремонным вмешательством в ее частную жизнь. Но вскоре она оценила интерес Уильяма к вещам, которые действительно

были важны в жизни, и его интерес к ней лично. В поезде Мэри поняла, что у них с Уильямом одна дорога.

Следующей осенью, когда Мэри позволили вернуться в школу, Уилл не терял времени понапрасну. На пятьдесят долларов, выплаченных ему в качестве премии на конкурсе ораторов, он купил кольцо, и в День Благодарения отправился в дом Бэйрдов просить у отца Мэри ее руки.

Ее отец, как говорила Мэри, «был джентльменом старой школы. Высоким, сдержанным и величественным». Он легко мог сбить спесь с любого двадцатилетнего юноши.

«Надеюсь, что он тебя не испугает, — пишет Мэри Уиллу накануне его похода, — хотя мне кажется, что говорить с ним будет очень тяжело». Отец ее — человек упрямый, предупреждает она, но даже если он откажет, то есть вероятность, что он еще изменит свое решение. «Есть партия, которая может его переубедить и, безусловно, займется этим», — сообщает она по секрету.

Уилл подумал, что лучше всего обосновать свои доводы каким-нибудь отрывком из Писания. «Мистер Бэйрд, — обратился он к своему будущему тестю, — последнее время я много читал притчи, и вот что говорит Соломон: „Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа“».

Бэйрд знал, к чему клонит этот молодой человек, и после некоторого раздумья медленно проговорил: «Да. Соломон так говорил.

Но Павел считает, что тот, кто вступает в брак, делает хорошо, а тот, кто остается безбрачен, делает лучше».

Брайен не напрасно учился в колледже ораторскому искусству. Дебаты вести он умел. Он прокашлялся и возразил: «Да. Павел так говорил. Но если имеется разногласие, касающееся какого-либо вопроса, то должно отдавать предпочтение мнению более сведущего человека. И мне кажется, сэр, что в данном случае более

авторитетным следует признать мнение Соломона. Ведь Павел не был женат, а у Соломона было несколько жен».

Уилл покорила мистера Бэйрда. Но пройдет еще четыре года, прежде чем они с Мэри поженятся.

В период ухаживания общались они в основном через почту. Мэри совсем не была в восторге от эпистолярного стиля Уилла. Его тон часто звучал поучительно, слишком величаво и был далеким от обыденных проблем. Часто создавалось впечатление, что пишет священник или адвокат, но уж никак не ее жених. Мэри писала ему с гораздо большей прямоотой. Если она злилась на него, то так и говорила. Если считала, что он слишком холоден с ней, — не стеснялась заявить ему об этом. К счастью, Уилл был способен принимать такой стиль общения и умел посмеяться над собой.

Иногда его письма свидетельствуют о чувстве юмора. Он пишет: «Как, ты думаешь, я выгляжу без усов? Я так долго холил и лелеял это внешнее проявление мужественности, а тут вдруг взял и сбрил. На меня произвела огромное впечатление страшная истина, гласящая: „Ломать — не строить, душа не болит“. Неделями я наблюдал за их ростом, напрягая зрение. И вот в минуту уничтожен итог всех моих усилий».

Но у Уилла были и более важные заботы, чем усы. Помолвка стала одним из трех важнейших моментов в его студенческой жизни. Двумя другими были деноминация и профессия. Поскольку отец его был баптистом, а мать — верным членом методистской церкви, Уилл, будучи еще ребенком, решил для себя, что по воскресеньям с утра будет ходить в баптистскую церковь, а вечером — к методистам. Но когда в городе проводилась евангелизационная кампания пресвитерианской церкви, он стал ходить к пресвитерианам, где и произошло его обращение. Хотя он и расценивал это событие как принятие на себя обязательств перед Иисусом Христом, оно не внесло существенных изменений в его образ жизни.

«Я вырос в христианской семье. Поэтому мое обращение не изменило ни моих привычек, ни течения моих мыслей. Вряд ли я мог стать добродетельнее... Мои родители воспитывали во мне добродетель с детства».

Однако в колледже Уилл столкнулся с некоторыми трудными вопросами, касавшимися веры: с теорией эволюции, с мнением ученых о рассказе о потопе, об исторической достоверности событий, излагаемых в Библии, и прочее. Однажды он даже написал Роберту Ингерсоллу, известному философу-агностику, стремясь добиться от него ответов на эти вопросы. Но внутренняя борьба продолжалась недолго, и Уилл, веря, что «раз есть Творение, то есть и Творец», положился на авторитет Библии.

В том, что касается его призвания, Уилл тоже некоторое время колебался. Когда ему было восемь лет, он хотел стать баптистским проповедником. Но он передумал, когда осознал, что сначала ему нужно будет принять крещение погружением. Когда ему исполнилось десять, он решил, что станет фермером, но сельское хозяйство тоже вскоре перестало его привлекать. А когда ему исполнилось двенадцать, его отец принял участие в выборах в Палату представителей и не добрал всего двести сорок голосов. Захватывающая выборная кампания произвела на Уилла такое сильное впечатление, что он решил стать политиком. Предав свою жизнь Иисусу Христу в возрасте четырнадцати лет, он не оставил и своей преданности политике. Просто теперь он твердо решил стать *христианским* политиком.

В колледже Уилл зарекомендовал себя тем, что прыгал в длину лучше всех в округе. И тем, что произнес от своего класса прощальную речь на выпускном вечере. Уилл становился хорошим оратором.

После колледжа он поступил в юридическую школу в Чикаго, разлучившись с Мэри на два года. Он много писал ей и просил набраться терпения в ожидании их брака. До

свадьбы он хотел окончить школу и устроиться на адвокатскую работу. Уилл писал, что сможет жениться не раньше, чем начнет зарабатывать пятьсот долларов в год.

Еще учась в юридической школе, он стал нотариусом. На обороте своего первого официального документа он написал: «Я, У. Дж. Брайен, нотариус округа Кук, штат Иллинойс, сим удостоверяю, что этого дня сего года, должным образом принеся присягу, торжественно заявил, что я действительно люблю Мэри Э. Бэйрд больше чем кого-либо другого на этом свете и что я всегда буду любить ее, буду добр к ней и приложу все усилия к тому, чтобы сделать ее счастливой». Надпись, конечно, шуточная, но Уилл вкладывал в нее свои истинные чувства.

Окончив школу, Уильям вернулся в Джексонвилл и поступил на работу в юридическую фирму. 4 июля 1883 года он прикрепил на входе в офис соответствующую вывеску. Уилл всегда предпочитал совершать значительные вещи в особые, памятные дни.

За первый месяц практики он заработал девять долларов шестьдесят центов. Позже он вспоминал об этом времени так: «С каким чувством тревоги и надежды я приколачивал свою скромную табличку „У. Дж. Брайен, адвокат“ у главного входа! Я ожидал наплыва клиентов... Дни шли, и я прислушивался к шагам людей, спешивших по лестнице на второй этаж. Услыхав, как поворачивается ручка двери, я весь напрягался лишь для того, чтобы узнать, что посетитель направлялся к мистеру Брауну, мистеру Керби или мистеру Расселлу».

Уилл начинал уже подумывать о том, чтобы переехать в Канзас или Нью-Мехико, где было меньше юристов и больше шансов зарабатывать достаточно для содержания семьи. Но Мэри была терпелива и полна уверенности в успехе, «как и во все последующие черные дни», — пишет биограф. «Не отчаивайся, — пишет она ему

на исходе третьего года их помолвки, — ведь сейчас ты идешь по самой теснине».

Следующий, 1884 год принес несколько большие доходы, и они стали строить планы на свадьбу. «Я репетирую „И наделю тебя всеми дарами земными, которые имею“, — так, чтобы это звучало внушительно, пишет Уилл. — И только попробуй засмеяться, когда я это произнесу. В решающий момент я просто откажусь тебя поцеловать».

1 октября 1884 года, спустя четыре года после помолвки, они поженились. На обручальном кольце Мэри Уилл написал: «Убедил — 1880/ Победил — 1884».

Хотя Уилл начал строить дом в Джексонвилле для своей невесты, но закончить строительство к свадьбе он не успел, хотя с момента помолвки и прошло четыре года. И вот, после медового месяца, жить им было негде. Решение Уилла? Ему следовало вернуться к своей практике в Джексонвилле, а Мэри пожила бы пока в доме родителей, в ста сорока милях к югу от города. Поскольку оба они гордились своей практичностью, то твердо решили именно это и осуществить.

Как бы не так.

Мэри выдержала четыре года разлуки с человеком, с которым была обручена, но после свадьбы — это уже было для нее слишком. Через пару недель она просто-напросто упаковала свои вещи и отправилась в Джексонвилл, к мужу. Дом все еще не был достроен, и до окончания работ они жили у друзей. Мэри была самостоятельным человеком. Курс прокладывал Уилл, но если корабль шел на рифы, она брала управление на себя, как опытный штурман. Уилл не возражал. У его матери был очень похожий характер. Мэри не просто ассистировала, она была полноправным партнером. Планы вырабатывались совместно. Кстати, одна из первых тем, которую они всерьез обсуждали, касалась свободного времени. Друзья звали их в теннисный клуб. Но Уильям и Мэри решили

учиться. Уилл посвятил себя книгам по экономике. Романтическим подарком от Мэри на день его рождения стала книга «Управление железными дорогами». Мэри начала ходить на курсы немецкого, всерьез изучала древнеанглийский, а потом взялась и за книги мужа.

По словам одного из биографов, «домашним хозяйством Мэри заниматься не любила». Зато она любила учиться и дискутировать с мужем. Но обстановка в доме Брайенов не походила на клуб интеллектуалов. По крайней мере после рождения их первого ребенка, который появился на свет за день до первой годовщины свадьбы. Вскоре к ним переехали и родители Мэри. Они нуждались в ее помощи. Мать была хронически больна, а отцу грозила слепота.

Со стороны казалось, что Уилл и Мэри Брайен обосновались в Джексонвилле всерьез и надолго. Ничуть не бывало. Уилл был неугомоним. Он чувствовал, что способен на нечто большее, нежели частная юридическая практика и тихая семейная жизнь в маленьком городке на Среднем Западе. Хотя он был президентом местного отделения ХАМЛ и преподавал в воскресной школе, ему было здесь тесно. Он рвался в политику. А боссы штата Иллинойс не ждали таких, как Брайен, с распростертыми объятиями.

И вот в 1887 году, вернувшись из деловой поездки в Линкольн (Небраска), Уилл спросил Мэри, не будет ли она возражать против переезда туда. «Ты знаешь Джексонвилл, — ответила она, — ты видел Линкольн. Если ты думаешь, что такая перемена будет к лучшему, то я с удовольствием поеду». То же сказали и ее родители. Их одобрение было очень важно, поскольку Уиллу и Мэри нужны были деньги на постройку нового дома в Линкольне, а отец Мэри мог дать займы без процентов.

1 октября, в очередную годовщину их свадьбы, Уилл отправился в Линкольн, оставив на время Мэри, двухлетнюю дочь и тестя с тещей. Он пообещал прислать

за ними сразу же, как построит дом. Со временем такие разлуки с женой стали привычной вещью, поскольку переездов им еще предстояло очень много. В Линкольне он ночевал в офисе, на кушетке для посетителей, а питался в основном яблоками.

Вновь собравшись все вместе в Линкольне, они восстановили свои джексонвиллские занятия. Он снова стал преподавать в воскресной школе и возглавил отделение ХАМЛ. Мэри была недовольна его активным участием в деятельности этой организации. Соборания ХАМЛ проводились каждое воскресенье в 16 часов, а Мэри считала, что муж должен быть в это время дома, с семьей. «Эти собрания ломают весь выходной, — жаловалась Мэри, — мы, конечно, кладем эту жертву на алтарь, но с такой неохотой, что ангел, ведущий учет, вряд ли ставит галочку в своем списке». Тем не менее Уилл всегда находил время и на семейные молитвы, чтение Писания и пение гимнов.

Мэри и Уильям, которым еще не было тридцати, образовали женский и мужской дискуссионные клубы и скоро стали заметными фигурами в городе. Через несколько месяцев Уилл стал председателем местного комитета демократической партии. Его публичные политические речи делали Уилла все более и более популярным в обществе.

Он порой удивлял сам себя. Как-то утром, после произнесенной накануне речи, он сказал жене: «Ты знаешь, я очень странно себя чувствую. Вчера вечером я обнаружил, что обладаю властью над аудиторией. Я могу вести этих людей туда, куда захочу. Я знаю это. Дай-то Бог, чтобы я сумел этим воспользоваться мудро». И, стоя на коленях, они вместе молились, благодаря Бога за этот талант.

Мэри продолжала внимательно изучать книги мужа по юриспруденции. Поступив в юридическую школу, она

оказалась единственной женщиной в группе из семнадцати человек. И на экзамене ее результат стал третьим.

Зачем ей понадобилось изучать право? Она хотела как можно больше принимать участие в том, чем занимался ее муж. «Если жена не проявляет ни малейшего интереса к работе мужа и не следует за ним, когда он зовет ее, вполне может случиться, что он перестанет ее звать». Изучая право, она старалась разделять интересы мужа.

В 1890 году, когда Уиллу было тридцать, он принял решение участвовать в выборах в Конгресс Соединенных Штатов. Поскольку большинство местных жителей были за республиканцев, Мэри решила, что баллотироваться от демократической партии — пустая трата времени. Кроме того, оппоненты высмеивали Уилла, утверждая, что он «кипуч, как бутылка с содовой» и «пророчит все мыслимые беды». И тем не менее он развернул очень эффективную выборную кампанию и легко выиграл.

Но победа была лишь самым первым этапом этого пути. Иногда Мэри очень огорчалась, слыша о нападках на Уилла. Но она знала его гораздо лучше, чем критики, и понимала, что девяносто девять процентов из того, что о нем говорили, было ложью. Его прозвали «широкоротым красноречивым мальчиком». Кто-то поддакнул: «Да, в этом рту шесть миль ширины, да вот глубины на шесть дюймов». Поначалу Мэри это задевало, но по опыту нескольких политических кампаний она поняла, что принимать всерьез эти злобные нападки просто не стоит.

Их следующий переезд опять на время разлучил Мэри с Уиллом, который отправился подыскивать дом. Переезжали они в Вашингтон, округ Колумбия. И вот Уилл, Мэри, их трое детей и отец Мэри (ее мать умерла незадолго до выборов) отправились на восток на два срока, в течение которых Уилл занимал должность конгрессмена.

Луис Кениг пишет: «Брайен-политик придерживался джефферсоновских принципов, ревностно отстаивал свободу, с доверием относился к местным властям,

подозрительно — к далекому Вашингтону и с уважением — к добродетелям мелкого фермера». И его убежденность делала его очень решительным. Несмотря на молодость и тот факт, что в политике его воспринимали как новичка, он вовсе не держался в Конгрессе как застенчивый студент. Он быстро обрел репутацию талантливого оратора. Когда Уилл выступал, часто можно было видеть, как Мэри, стоя на балконе, кивает, хмурится и подает Уиллу различные знаки. Мэри выучила наизусть первую большую речь, которую Уилл должен был произнести с трибуны перед всем Конгрессом, и ее губы шевелились в такт словам, которые произносил ее муж.

Мэри много помогала Уиллу в качестве ассистента по исследовательской работе. Когда утверждался график дебатов и тот или иной вопрос ставился на повестку дня, Мэри отправлялась в библиотеку Конгресса, чтобы раздобыть как можно больше сведений, которые были бы полезны мужу. Они вместе работали с корреспонденцией и часто вместе писали его речи. Что же касается домашнего хозяйства, то Мэри старалась как можно большую часть работы по дому перепоручить дочерям. Она и в самом деле была гораздо лучшим исполнительным секретарем, чем домохозяйкой. Они с Уиллом сторонились суматохи вашингтонского света, но их молодость и успех делали их популярными.

Репортеры часто донимали расспросами их старшую дочь, Руфь, не по годам рассудительную и смышленную девочку. Один из них во время общенациональной избирательной кампании спросил ее, уверена ли она, что ее отца снова изберут в Конгресс. Руфь ответила: «Не знаю, как вся остальная нация, а вот на нашей улице он точно получит много голосов».

Их вторым ребенком был Уильям-младший. Отец называл его «славным малым». Еще он говорил: «Как подобные дети остаются в живых — для меня загадка». Однажды Мэри выглянула в окно и увидела, как сын

прокладывает себе дорогу по телефонному кабелю, крепко цепляясь за него руками. Когда Уилл и Мэри ходили в гости, размеренные беседы часто прерывались воплем какого-нибудь прохожего, заприметившего мальчишку, разгуливающего по крыше, или мирно устроившегося на тоненькой веточке где-нибудь у самой вершины дерева. Их третий ребенок, Грэйс, была тихой трудолюбивой девочкой, она часто болела.

Мэри, у которой была масса хлопот, как с детьми, так и с делами мужа, быстро привыкла к жизни в Вашингтоне. Линкольн и Джексонвилл нравились ей больше, но она всегда любила трудности. А жизнь вашингтонского политика, несомненно, была проверкой семьи на прочность. Кениг пишет: «Она была умной женщиной, хорошо разбиралась в текущих политических интригах, знала всех политиков, с которыми сталкивался Брайен, и была гораздо жестче и практичнее в их оценке. Она мало вращалась среди жен политических деятелей и, появляясь на людях, не очень заботилась о нарядах, за что ее и критиковали».

Уилл не был склонен завязывать с кем бы то ни было тесные дружеские отношения. Он любил людей «собираательно». А вот в каждом конкретном случае предпочитал держать их на приличной дистанции. Ему было всего тридцать с небольшим, но он никогда не боялся критиковать партийных боссов и даже президента Гровера Кливленда, если был уверен, что это необходимо, хотя и принадлежал к одной с ними политической партии.

Пробыв два срока в палате представителей, в 1894 году Уилл выставил свою кандидатуру в Сенат и легко набрал в штате Небраска семьдесят пять процентов голосов. Но в 1890-х годах сенаторов избирала законодательная власть. Кандидатуру Брайена отвергли и продвинули человека, набравшего всего два процента голосов.

Такой удар Мэри было перенести гораздо труднее, чем Уиллу. После того как назначение в Сенат было обнародовано, Мэри подошла к мужу и сказала:

— Уилл, сделай мне одолжение.

— Если ты не попросишь невозможного.

Она попросила его оставить политику и вернуться к частной юридической практике.

— Мэри, — ответил Уильям, — ты попросила невозможного.

Мэри не поняла тогда, что Уилл готовился к новому витку политической карьеры — президентским выборам.

Депрессия 1893 года сделала экономику ведущей темой дня. Уилл знал, что именно необходимо нации для того, чтобы была утверждена свободная чеканка серебряной монеты и чтобы было изменено налоговое законодательство. Его приглашали выступить с освещением как этих, так и некоторых других вопросов по всему югу и западу Соединенных Штатов. Он также был назначен главным редактором газеты «Омаха Уорлд-Геральд», где он писал передовые статьи и задавал курс издания в целом.

Демократическая партия была сбита с толку и не могла принять никакого решения по кандидатуре, способной прийти на смену Гроверу Кливленду. И вот Уилл пишет письмо руководству партии, в котором заявляет, что готов выступить в качестве кандидата на высший государственный пост, если другой подходящей кандидатуры не будет найдено. Такое заявление всем показалось откровенно смешным. Тогда говорили: «Да ему нет и тридцати шести, он живет к западу от Миссисипи, и он хочет быть президентом... Абсурд!»

Уилл действительно был темнейшей из темных лошадок на национальном конвенте 1896 года в Чикаго. Но в разгар дебатов он выходит на трибуну и произносит свою знаменитую речь «Золотой Крест». Он даже не был внесен в официальный список кандидатов, но пламенное

красноречие сразу же выдвинуло его на передний план. В пятом туре жеребьевки молодой «никто и ничто» из Небраски получил право на выдвижение своей кандидатуры.

Но это раскололо партию. Нью-йоркские воротилы от демократов отказались его поддерживать и в течение всей кампании демонстративно бездействовали.

У него был шанс привлечь их на свою сторону, когда он начал кампанию на западе Штатов с выступления в нью-йоркском Мэдисон Сквэр Гарден. Лишь немногие из партийных боссов появились на этом выступлении, а вот двадцать тысяч жителей города сочли для себя необходимым поприсутствовать. Осознавая всю важность этого выступления и очень опасаясь, что репортеры с востока исказят смысл его речи, он решил попросту прочесть ее с листа, не прибегая к своей обычной эмоциональной манере. Уилл был уверен, что ему важно произвести внушительное впечатление серьезным и объемистым докладом. Когда Мэри узнала об этом его намерении, то пришла в ужас. Она умоляла его не допускать этого безумия. Но Уилл принял твердое решение. Вечер был душным. Речь Уилла длилась полтора часа, и утомленные слушатели начали пробираться к выходу задолго до ее окончания. Мэри оказалась права. И шанс Уилла стать президентом Соединенных Штатов был потерян из-за того, что он не захотел послушать совета жены.

Дальше его кампания шла все хуже и хуже. Мэри все время была рядом, помогала писать речи, поддерживала его физическое состояние, старалась сориентировать его, как вести себя с репортерами, и налаживала контакты с местными комитетами, организовывавшими его визиты. Уилл прекрасно знал, что проигрывает, но не сдавался. За четыре месяца избирательной кампании он произнес три тысячи речей и проехал восемнадцать тысяч миль. Когда бюллетени были подсчитаны, выяснилось, что он проиграл

Уильяму Маккинли пятьсот тысяч голосов. Завоюй он на двадцать тысяч голосов больше в основных штатах — стал бы победителем.

Едва ли представитель демократической партии смог бы победить на выборах после окончания президентского срока Кливленда, поскольку многочисленные обедневшие и потерявшие работу избирателя решительно выступали за республиканцев. Но кампания Брайена показала, что такая победа не была уж слишком далекой от реальности.

Вернувшись домой, в Линкольн, Уилл начал писать книгу. Она называлась «Первая битва». Но этих битв тридцатишестилетнему политику впереди предстояло немало. И в этих битвах Мэри стояла с ним плечом к плечу. В пять часов утра она начинала работать с корреспонденцией, а в день приходило порой до двух с половиной тысяч писем. В семь она поднимала детей и мужа. Поскольку Уилл любил с утра плотно покушать, она готовила яичницу, сосиски и вафли. Особенно Уиллу были по вкусу вафли. Но самым его излюбленным лакомством все же был редис. Уилл мог поесть его и днем и ночью. Когда он отправлялся в поездку, то обязательно брал с собой в поезд объемистый пакет с редисом. Фигура Уилла всегда выглядела как-то странно и угловато, поскольку карманы его костюма были неизменно набиты все тем же редисом.

Тем не менее редис — не единственное, чем были полны его карманы. Частенько он запихивал все туда же и скомканные пачки писем и телеграмм. По возвращении мужа домой Мэри всегда приходилось производить разгрузку его одежды. «Ну и что из того, что он рассовывает по карманам мятые телеграммы, — защищала она Уилла, — зато он ни разу не потерял ни одной». Поездки вообще представляли для Уилла массу трудностей. Ему, например, никогда не хватало чемоданов. Биограф Дж. К. Лонг пишет: «Какими бы большими ни были его чемоданы, он никогда не мог уложить в них все

необходимое. Если миссис Брайен не брала упаковку вещей в дорогу на себя, то он швырял вещи кучей и прыгал на чемодане до тех пор, пока не представлялось возможным защелкнуть замки».

В сорок лет он продолжал одеваться так же, как и прежде. Он носил черный пиджак из шерсти альпака, узкий черный галстук и широкополую шляпу. Это был его фирменный стиль. Другой особой достопримечательностью был его письменный стол, вечно пребывавший в диком беспорядке. Мэри говорила, что у Уилла много общего с белками — он любил припрятать множество мелких предметов в самых разных местах на своем рабочем столе. Бумаги на нем могли представлять собою самый жуткий и беспорядочный ворох, но если ему что-либо было нужно, «он всегда точно знал — где рыться. Он окидывал взглядом имеющиеся в наличии груды, потом точным движением запускал руку в одну из них и практически всегда выуживал нужный документ».

Мэри говорила, что насколько беспорядочно все было разбросано у него на столе, настолько идеально все было уложено и распределено у него в голове. Он мог годами держать в уме какой-нибудь факт, чтобы однажды с блеском выставить его в качестве аргумента в какой-нибудь дискуссии. Но подбор этих фактов полностью лежал на Мэри. У Уилла редко находилось время для самостоятельного исследования или хотя бы чтения. В этом он полностью зависел от Мэри. Она «продиралась через толстенные фолианты в поисках необходимой информации — материалов, которые могли бы служить основанием и подкреплением его позиции. Он был вечно занят и был не в состоянии заниматься этим сам»

За все эти годы активной политической деятельности супруги Брайен никогда не жалели средств на помощь нуждающимся. Однажды вечером, когда они жили в своем доме в Линкольне, у их двери раздался звонок. Уилл открыл дверь и с удивлением обнаружил на пороге

подростка-японца. Когда они спросили его, чего он хочет, тот ответил, что хочет учиться. Прочтя одну из зажигательных речей Брайена, он отправился в Линкольн, чтобы стать помощником Брайена.

Уилл и Мэри позволили подростку остаться у них до тех пор, пока они не свяжутся с японским консулом. Но в итоге юноша прожил в их доме пять лет и закончил Небраскский университет на средства, внесенные за него Уиллом и Мэри.

Мэри говорила, что люди нередко обманывали Уилла, что он был несколько излишне доверчив. Она писала: «Его дружелюбие иногда распространялось на людей, совершенно этого недостойных, а его терпение было причиной того, что многие из тех, кого надо было гнать, продолжали быть рядом с ним». Но Мэри при этом подчеркивала, что если Уилл не всегда верно оценивал качества отдельных личностей, то крайне редко ошибался, имея дело с группами людей. Один редактор крупного издания однажды сказал жене Уилла: «Я часто вижу, как люди кружат и кружат на одном месте. Другое дело Брайен. Он встает впереди, и люди без колебаний идут за ним следом».

Уилл обсуждал с Мэри все основные пункты своей программы. Далеко не всегда они были согласны друг с другом. Иногда Мэри удавалось смягчить его позицию. Иногда Уилл продолжал твердо стоять на своем. «Тебе не кажется, что это уже крайность? — спрашивала Мэри. — Если ты будешь настаивать на этом, люди назовут тебя фанатиком или экстремистом». «Но я обязан настаивать на этом, — отвечал Уилл. — Любой прогресс достигается за счет компромисса, не компромисса вообще, но достижения некоей средней величины между наиболее и наименее радикальной позицией. Если мои взгляды будут резко крайними, то, достигнув компромисса, мы продвинемся гораздо дальше, чем было бы возможно, выскажи я более умеренную точку зрения».

Многое в его взглядах для того времени было действительно радикальным. Он высказывался за налоговую реформу, за антимонопольные меры, за право избирательного голоса для женщин, за Лигу Наций, за установление минимального размера оплаты труда и за общенациональные выборы в Сенат задолго до того, как соответствующие законы были все-таки приняты. Уилл часто цитировал то место в Евангелии от Марка, где говорится, что простой народ слушал Христа с радостью. Он и себя считал человеком из простонародья, отстаивающим права людей труда. Один из его биографов пишет: «Брайен пришел в политический лес как первопроходец: свалил деревья, выкорчевал пни, вспахал и засеял почву. Но урожай собрали другие... Брайен редко побеждал, но каждое его поражение, спустя много лет, становилось триумфом». Франклин Рузвельт говорил, что Брайен — воплощение человека, который скорее останется прав, чем станет президентом. «Он никогда не колебался — говорить ли ему то, в чем он убежден, — сказал Рузвельт. — И иначе он просто не мог».

Когда разразилась испано-американская война, Уилл пошел в армию и получил звание полковника. Он командовал полком из Небраски. С точки зрения политики это был очень рискованный шаг, но Уилл пошел на войну не из политических соображений. Просто он считал, что если мужчине тридцать восемь лет и идет война, то этот человек должен носить форму. По окончании боевых действий Уилл вернулся, чтобы вновь стать кандидатом в президенты от демократической партии. Шел 1900 год. И вновь он проиграл Уильяму Маккинли.

Политическое влияние Мэри стало со временем ощутимее. Она часто писала передовые статьи для газеты в Омахе. Во время предвыборной кампании она отвечала за связи со средствами массовой информации, управляясь с журналистами со свойственным ей чувством юмора и невозмутимостью.

В 1905 году, через год после смерти отца Мэри, они с Уиллом отправились в кругосветное путешествие. Это путешествие полностью оплатила газетная корпорация Херста.

Их очень тепло встретили в Японии, во многом из-за того, что там слышали о том, как они «усыновили» японского студента. Пока они находились в стране, к ним пришли письма еще от тридцати двух подростков, также пожелавших быть «усыновленными». Тем не менее в Японии они несколько раз оказывались и в неловких ситуациях. Однажды, на банкете в честь победы адмирала Того над русскими, Уилл произнес в его честь тост, держа в руках бокал с водой. Японец был оскорблен. Но Уилл, никогда не терявшийся в подобных ситуациях, тут же добавил: «Адмирал Того, вы одержали великую победу на воде, и я в Вашу честь пью воду. Когда вы одержите великую победу на шампанском, я выпью шампанского». Входя в дом, Уилл и Мэри всегда разувались по японскому обычаю. Но ни в одном доме не находилось тапочек подходящего размера. Уилл довольно долго ходил в носках, пока не купил самые большие тапочки, какие сумел найти. Но у тапочек все же пришлось отрезать переднюю часть.

В России супруги Брайен встречались с царем и с писателем Львом Толстым. С Толстым у них завязались дружеские отношения, которые они поддерживали несколько лет.

Когда они вернулись в Америку, для Уилла настало время участвовать в третьей президентской кампании. Его соперником стал Уильям Говард Тафт. Шел 1908 год. И в третий раз Уилл проиграл, набрав значительно меньше голосов, чем на предыдущих выборах. «Единственное, о чем я жалею, — сказал он своей дочери Грэйс, — так это о том, что твоя мать уже никогда не станет первой леди для этой страны. А ведь для меня она всегда была первой леди».

Четыре года спустя у него вновь появилась возможность выставить свою кандидатуру на выборах. Мэри всячески убеждала его сделать это, и у нее на то были серьезные основания. В республиканской партии произошел раскол, и это давало прекрасный шанс демократической партии. «Я хотела, чтобы он участвовал, — говорила Мэри впоследствии. — Я хотела, чтобы он стал президентом. Я хотела, чтобы он победил своих врагов. Ведь он так долго и так напряженно трудился».

Но Уилл, которому было уже пятьдесят два года, решил, что на этот раз в качестве кандидата в президенты должен выступить кто-то другой. И поддержал Вудро Вильсона. Его поддержка обеспечила Вильсону получение кандидатского мандата. Уилл боролся за победу Вильсона столь же яростно, как прежде боролся за свою собственную победу. Вильсон набрал больше голосов, чем его соперники — Тафт и Рузвельт, но меньше, чем набрал Брайен на предыдущих выборах.

Вскоре после этого Брайену был предложен портфель Государственного секретаря. Он согласился, но с условием, что во время отправления государственных дел, совещаний и консультаций на столе не будет появляться спиртное. Хотя Уилл и Мэри никогда особенно не ратовали за принятие сухого закона, сами они были людьми совершенно непьющими. Задачей Уилла как Государственного секретаря было препятствовать началу войны — задача нелегкая для кого угодно. Хотя Уилл и не был убежденным пацифистом, он все же был твердо уверен в том, что разрешать споры между странами путем военных столкновений — безумие. И, став Государственным секретарем, он энергично взялся за работу. При его непосредственном участии за два года его пребывания на этом посту было подписано тридцать мирных договоров.

Уилл был не согласен с мнением, что лучшим путем противодействия милитаризму является наращивание

собственного потенциала. Однажды он сказал: «Те, кто утверждают, что „с дьяволом лучше бороться с помощью огня“, не принимают во внимание два очень важных фактора: 1) дьявол гораздо лучше умеет обращаться с огнем, чем любой из его противников; 2) в силу того, что он ничего не тратит на горючее, дьявол обладает экономическим превосходством в любом продолжительном столкновении».

Европа встала на путь конфронтации. Уилл выступал посредником между Англией и Германией, стараясь удержать эти страны от столкновения. Но результаты его усилий с негодованием отметались, часто в президентском кабинете, а иногда немецкими и британскими дипломатами. На его глазах эти нации сползали в войну, и он с ужасом осознал, что Соединенные Штаты тоже могут оказаться втянутыми в военный конфликт. В тот период Уиллу пришлось выдерживать невероятные нагрузки. Ночью он не мог заснуть, и к утру готовился выдержать наступающий день. Ночь за ночью Мэри тоже не ложилась спать, готовила ему чай, успокаивала его и пыталась уговорить хотя бы немного вздремнуть.

И вот «Лузитания» потоплена немецкой подводной лодкой. Президент Вильсон направляет германскому правительству ноту протеста. И Уилл понимает, что в результате Америка неизбежно будет втянута в войну. Письмо это должен был отправить Уилл. И он предпочел немедленно выйти в отставку. Вскоре Америка начала военные действия — чего и боялся Брайен больше всего. Но мир был не единственным, за что боролся Уилл. Выйдя из состава правительства, он принял участие в кампании за две поправки к Конституции. Вместе с проповедником Билли Санди он выступал за сухой закон так же настойчиво, как и за избирательное право женщин. Уилл сказал: «Я не буду выступать ни за какие привилегии, которые получу я, но не получит моя жена». Он говорил, что не может понять, почему мужчины запрещают

женщинам голосовать, в то время как большую часть того, что они знают о правительстве, им известно от женщин, которые их учили в школе».

Дети выросли, отца Мэри уже не было в живых, политические баталии остались позади, и у Мэри наконец, в возрасте пятидесяти пяти лет, появилось время заняться тем, о чем она мечтала всю жизнь. Из своего дома в Небраске она пишет: «25 июня я начала брать уроки музыки. Я давно хотела научиться играть на фисгармонии, и вот наконец получила такую возможность. Люди в любом возрасте могут научиться тому, что они действительно хотят уметь. Вопрос в том, чтобы сохранить юношеский порыв до того времени, когда представится возможность дать ему волю». Вскоре и у нее, и у Уилла начались проблемы со здоровьем. Уилл заболел диабетом — он всегда отличался неумным аппетитом и часто ел что попало. Мэри страдала от артрита. На шестом десятке они решили переехать во Флориду. Там они наконец почувствовали, что живут спокойно, чего никогда не удавалось им прежде. Свой день они начинали с чтения какого-нибудь поэта или писателя. Затем вместе читали отрывок из Писания и вместе молились.

И вновь Уилл стал преподавателем воскресной школы. Он начал с того, что подменял заболевших или отсутствовавших. Занятия проходили в крохотной комнатухе в боковом крыле церкви. Но вскоре к нему стало приходить столько народа, что занятия пришлось перенести в церковь. А затем слушателей стало столько, что они начали собираться на располагавшемся неподалеку стадионе. Туда приходило от двух до пяти тысяч человек. Когда те из них, что приезжали во Флориду только на лето, попросили у него рукописные варианты его уроков за весь год, то эти копии стали расходиться сотнями печатных изданий по всей стране.

Уилл не терял популярности и как оратор. Каждое лето его приглашали приехать с выступлением в различные

города. Он был способен произнести речь где угодно и почти на любую тему практически без подготовки. Мэри говорила, что был лишь один случай в жизни, когда Уилл не смог выступить, поскольку не нашел о чем говорить. Это было тогда, когда его попросили произнести слово о спасательной миссии в нью-йоркском порту. Он наклонился к Мэри и прошептал: «Тут идет речь о спасении утопающих. И все ради чего? Чтобы они потом снова жили среди вот этого народа. Нет, я не могу об этом говорить».

На президентской кампании 1920 года Уилл все еще был значительной фигурой в демократической партии. В 1924 году он присутствовал на ее съезде, но Мэри с ним не было. Она болела. Уиллу очень не хватало ее совета, поддержки и ласки. Когда какой-то репортер обратил внимание на то, что Уилл прибыл на съезд без жены и спросил его о ней, Брайен заплакал. И после этого долго говорил о том, что она значила для него как жена, друг и советник. Он боялся, что она скоро оставит его, и очень не хотел ее пережить.

Для Уилла выступления в Нью-Йорке всегда оказывались крайне неудачными. И в 1924 году съезд демократической партии стал для него политической катастрофой. Когда он поднялся на трибуну, на балконах, а потом и в зале начали свистеть. Уилл сказал: «Вероятно, это последний съезд моей партии, на котором я присутствую». В толпе раздались аплодисменты. Чтобы не терять лица, Уилл добавил: «Не хлопайте. Я еще могу передумать». Его политическая карьера была окончена, и он понимал это. Он понимал и то, что его земная жизнь также близится к концу. Его отец и дед умерли, не дожив и до шестидесяти лет. Уиллу было тогда шестьдесят четыре, и он чувствовал, что эти годы дарованы ему лишь как щедрый заем.

Он все больше тревожился о здоровье Мэри. Иногда казалось, что она полна сил, но приступы артрита мучили

ее все чаще. В это время она страдала от сильных болей и могла передвигаться только в инвалидной коляске. Уилл все реже принимал приглашения выступить где-нибудь с речью. Когда его пригласили поучаствовать в разворачивающейся кампании против теории эволюции, Уилл сказал, что не хочет оставлять Мэри одну. «Я обязан быть с ней и помогать ей во всем». Их любовь не остывала с годами. Когда Уиллу исполнилось шестьдесят пять, Мэри в его день рождения написала ему: «С каждым годом я люблю тебя все больше и больше. Я хочу сделать все, что только возможно для твоего счастья. Я не променяла бы тебя ни на что на свете».

Последним ярким событием на закате жизненного пути Брайена стало дело Скоупса по поводу теории эволюции, и в основном в связи с этим скандалом имя Брайена известно сегодня. Молодой преподаватель из Дэйтона, Теннесси, по имени Джон Скоупс был арестован за нарушение закона, запрещающего преподавание теории эволюции в учебных заведениях Соединенных Штатов. Известный адвокат Клэрэнс Дэрроу выступил в качестве защитника, а Брайена пригласили выступить в качестве консультанта на стороне обвинения. Он с радостью согласился, поскольку к эволюционной теории относился резко отрицательно. Он считал, что она является угрозой для веры и морали нации, и был убежден в том, что суд поможет общественности это осознать.

«Обезьяний процесс», как его позже называли, длился около двух недель. Был июль, и стояла очень жаркая погода. В разбирательстве участвовали две общественно значимые фигуры, и средства массовой информации проявляли к нему огромное внимание. Суд превратился в схватку либерализма, за который стоял Дэрроу, и христианского фундаментализма, который представлял Брайен. Журналисты сделали все для создания стереотипа христианина-фундаменталиста как фанатика, изувера, невежды и деревенщины.

Критическим моментом судебного разбирательства стал вызов Брайена на свидетельское место. Дэрроу вызвал Уилла для того, чтобы опросить его по поводу буквального понимания Священного Писания. Будучи убежденным в том, что сумеет ответить на любой вопрос, Уилл дал согласие. Это было его ошибкой. Хотя он прекрасно знал Писание, он все же не был ученым. Многие ответы Уилла были просто блестящи, но Дэрроу приготовил свои ловушки. За два часа опроса он сумел выставить Брайена ограниченным, выжившим из ума буквалистом. Фундаментализм не был уничтожен, но в глазах многих американцев он был раз и навсегда дискредитирован.

Поразительно, но некоторые ответы Уилла восстановили против него и самих фундаменталистов. Например, он говорил, что творение не произошло непременно буквально в течение шести дней; «дни» могли быть, по его мнению, шестью неопределенными периодами времени. С другой стороны, многие его ответы с научной точки зрения выглядели наивными.

Скоупс был признан виновным и приговорен к штрафу в сто долларов. Так что можно сказать, что Уилл выиграл дело. Но тем не менее сам Уилл и те идеалы, которые он отстаивал, потерпели поражение.

После суда Мэри и Уилл часто обсуждали эти события и в целом проблему отделения церкви от государства. Он говорил, что религиозное рвение не должно вторгаться в право личности на свободу совести. Он как-то спросил Мэри, не кажется ли ей, что с годами его вера ослабла.

— По-моему, нет, — ответила она, — но сможешь ли ты и впредь идти лишь узким путем?

— Думаю, да.

— Но сможешь ли ты быть уверенным в своих последователях?

На этот раз Уилл задумался.

— Думаю, да, — ответил он.

Спустя пять дней Уилл умер.

Причина смерти? Его последователи говорили, что он умер, поскольку его сердце было разбито. Клэрэнс Дэрроу парировал: «Разбитое сердце? Ничего подобного. У него разорвалось брюхо». Доктор Дж. Томас Келли считает, что Уильям Дженнингс Брайен умер от осложнений, которые повлек за собой диабет.

Мэри, до конца жизни прикованная к инвалидной коляске, вернулась во Флориду и продолжила работу над мемуарами мужа. Они начали этот проект еще вместе с Уиллом. В книге, вышедшей из печати, более половины текста было написано Мэри. И, возможно, это не случайно, поскольку Уилл, вероятно, совершил бы без нее меньше половины того, что ему удалось совершить в жизни.

Нет никакого сомнения в том, что Мэри была выдающейся женщиной. Дочь состоятельного торговца из маленького городка, она получила образование в лучшем учебном заведении штата Иллинойс. Она получила научную степень в области права, хотя у нее были маленькие дети и ей приходилось заботиться о престарелых родителях, в то время как ее муж был занят политической карьерой.

Хотя Уилл был любящим, заботливым мужем и действительно хотел, чтобы Мэри была счастлива и преуспевала в жизни, довольно часто он был невнимателен к семье и полностью погружался в свои проблемы. Он был энтузиастом, оптимистично смотрящим в будущее, и был очень похож на игрушечный самолет с пропеллером на резинке. С порывом ветра он взлетал на удивительные высоты, и полет его бывал на редкость стремительным и изящным. И неожиданно, безо всяких видимых причин, он просто падал к Мэри на колени. Затем, забыв о предыдущем падении и полный отваги, он вновь взмывал ввысь, уже в другом направлении. Мэри прекрасно понимала и ценила его гениальность. Просто иногда она возвращала Уилла с небес на твердую почву.

Примерно за два года до смерти Уилла один влиятельный и известный политик посетил их семью во Флориде. Он выразил Уиллу свое преклонение перед талантом и трудолюбием его жены.

— Ваш брак был изумительной любовной историей, — сказал посетитель.

— Почему был? — возразил ему Уилл.

Библиография

Bryan, Mary Baird. *The Memoirs of William Jennings Bryan*. Philadelphia: John C. Winston, 1925.

Koenig, Louis W. *A Political Biography*. New York: Putnam's, 1971.

Macartney, Clarence Edward. *Six Kings of the American Pulpit*. Philadelphia: Westminster, 1943.

Russel, C. Allyn. *Voice of American Fundamentalism*. Philadelphia: Westminster, 1976.

Она незаметно совершенствовала его

Хадсон и Мария Тэйлор

Хадсон Тэйлор был йоркширским пареньком, сыном аптекаря из маленького города.

А на другом конце мира, в Малайе, жила девочка по имени Мария Дайер. Она была сиротой.

С того самого дня, как Хадсон появился на свет, его отец не уставал говорить об удивительной стране — Китае. Но, конечно же, он и не помышлял когда-нибудь поехать туда. И уж тем более не предполагал, что его сын когда-нибудь отправится в страну, о которой они оба упоенно мечтали.

Когда Мария была совсем маленькой девочкой, ее отец тоже рассказывал о Китае. Она, хоть и смутно, но помнила эти разговоры. Но однажды отец ушел и больше уже никогда и не вернулся.

К двадцати трем годам Хадсон был уже дважды помолвлен и дважды утрачивал свою любовь. В то время он написал домой: «Во мне есть нечто, что, казалось бы, должно вызывать любовь и сострадание». Примерно тогда же он пишет: «К чему бы ни привязалась моя душа — в итоге она оказывается лишенной этого».

Мария жила под надзором эксцентричной школьной учительницы, которую частенько называли ведьмой. Когда Хадсон начал проявлять интерес к Марии, та заставила воспитанницу написать ему письмо и отвергнуть его чувства.

Казалось, Хадсона вновь лишали его привязанности.

Хадсон Тэйлор, миссионер-новатор, основатель Китайской внутренней миссии, этот крепкий человек, бывший ярчайшим примером воплощения в жизнь своего

девиза «Жить верой», вряд ли мог показаться подходящей кандидатурой на роль в романтической драме, связанной с Марией Дайер. От Марии, которая выросла словно в коконе, все ждали, что она станет молью. А она вдруг оказалась прекрасной бабочкой. Да, Хадсон и Мария удивили всех.

Он был задиристым, увлекающимся человеком с богатым воображением. Кроме того, он коллекционировал насекомых. С трудом верится в то, что проповедь этого человека коснулась в Китае четырехсот миллионов человеческих душ.

Да, он был человеком веры. Но в душе он все же оставался романтиком. У Мартина Лютера самой любимой книгой в Библии было Послание к Римлянам. У Джона Нокса — скорее всего, Книга Пророка Иеремии. А вот у Хадсона Тэйлора почти наверняка любимой книгой была Песни Песней Соломона.

Вместе Тэйлор и Мария были замечательной командой миссионеров, хотя поначалу казалось, что это практически несовместимые люди. Впервые они почувствовали серьезное влечение друг к другу на Рождество 1856 года. Ему было двадцать четыре. Ей — девятнадцать. Тогда всех английских миссионеров, живших в резиденции Нинпо, пригласили на праздничный обед.

В общем-то, и Хадсон, и Мария были там людьми случайными. В строгом смысле слова миссионером Мария не была. Это ее сестра работала в школе мисс Олдерсли при миссии Нинпо, а Мария просто приехала вместе с ней. Сестры-сироты не хотели расставаться друг с другом. Что же касается Хадсона, то он тоже плохо подпадал под критерии, в соответствии с которыми гостей приглашали на торжество. Резиденция Нинпо была островком викторианских приличий, затерявшимся на китайском побережье. А Хадсон Тэйлор, скажем прямо, с викторианскими приличиями дружен не был.

Он прибыл в Китай по направлению организации, которая не поддерживала его ничем, кроме пустых обещаний. Не имея никакой готовой миссионерской стратегии, он вынужден был выработать собственную. И он решил, что его проповедь будет гораздо эффективнее, если он не будет выглядеть в Китае как иностранец. Поэтому он ходил в китайской одежде и отпустил косу, что прямо-таки шокировало остальных миссионеров. Биограф Дж. К. Поллок пишет, что о Хадсоне говорили, будто он «бродил по Китаю, не принадлежа к какой бы то ни было деноминации и не имея какой-либо определенной цели». Один из его друзей-миссионеров писал о нем, что «это мистик, погруженный в мечты. Он не ленив. Просто у него нет четко определенной задачи». Можете себе представить, какого мнения о нем была мисс Олдерсли.

Для Хадсона это был очень тяжелый год, причем последние месяцы были просто ужасны. Он работал в Шанхае, но все его медицинское оборудование сгорело. А вскоре после того слуга украл у него практически все его имущество.

В поисках убежища он приковывался в резиденцию Нинпо. Именно приковывался, поскольку носил китайские миткалевые чулки и в высшей степени неудобные черные сатиновые тапочки без задников с загнутыми сверху носами. Он писал сестре, что «обычно пальцы на ногах решительно протестуют против того, чтобы их расплющивали, словно в тисках, а пятки и вовсе не приходят в восторг от отсутствия задников». Он писал это в то время, когда еще был способен шутить. Но по дороге из Шанхая в Нинпо он полностью утратил чувство юмора.

В Нинпо Тэйлор впал в отчаяние. Он был влюблен в девушку, находившуюся в десяти тысячах миль от него. Он сделал ей предложение, и ей потребовалось очень долгое время, чтобы ему ответить. Трудно судить о том, любила ли она его. Но она явно была не в восторге от перспективы провести всю оставшуюся жизнь в тени Великой

Китайской стены, замужем за человеком, ходившим в диком платье и носившим косичку. Что же касается отца той девушки, то его мнение по этому поводу было куда как более определенным. Хадсон написал домой: «Иногда я впадаю в такое тягостное душевное состояние, что даже подумываю о том, чтобы оставить миссионерскую службу, поскольку ее отец сказал, что не имел бы ничего против свадьбы, если бы я жил в Англии».

Пока Хадсон был погружен в раздумья о своей безответной любви, Мария, на которую он раньше не обращал никакого внимания, поняла, что в ее жизни возможен новый поворот к лучшему. В Нинпо было не так-то много невест. А поскольку сестра Марии, Бурелла, только что обручилась, то и сама Мария поняла, что теперь очередь за ней.

Мария, о которой Хадсон отзывался как о «весьма привлекательной, несмотря на легкое косоглазие, девушке», бегло говорила по-китайски, что произвело большое впечатление на сотрудника британского консульства.

Но когда он предложил Марии руку и сердце, та отказала ему. Кроме того, некий миссионер из Шанхая также проявлял к ней самый живой интерес. Однако сама она была к нему безразлична.

Другое дело — Хадсон. Было в этом йоркширце с косичкой нечто такое, что заинтриговало Марию. Она пишет: «Я встретила одного джентльмена. И хотя не могу сказать, что сразу же полюбила его, он мне очень симпатичен. Я не могу его забыть. Иногда я его вижу и испытываю все больший интерес к нему. Ничто не говорит мне о том, что он также небезразлично относится ко мне. Он очень не навязчив и никогда не затрагивает в разговорах никаких тем, кроме самых общих».

Она решила молиться о нем.

Наступило Рождество. Марию с сестрой попросили сыграть что-нибудь на фортепиано в четыре руки. Хадсон,

казалось, был гораздо более впечатлен музыкой, нежели исполнительницами. И все же что-то изменилось. Хадсон писал: «Я понял, что мое отношение к мисс М. Дайер стало чем-то вроде привязанности. И, едва заметив это, я вовсе не дал воли своим чувствам. Напротив, я стремился как можно тщательнее их скрывать». И скрывал он свои чувства весьма успешно. Спустя пару недель Мария рассказала подруге о своих чувствах. Подруга заметила тогда, что «не было никаких оснований полагать, будто бы Хадсон проявлял к Марии хоть какой-нибудь интерес». Она сказала, что «любить и не быть любимой — это просто ужасно».

Биограф Дж. К. Поллок многозначительно замечает: «Хадсон пытался усидеть одновременно на двух стульях». Постепенно он терял интерес к своей невесте, жившей в Англии. Но он уже предложил ей руку и сердце и понимал, что долг чести велит ему скрывать свои чувства к Марии как можно дольше. Затем он начал мысленно сравнивать этих двух девушек. И пришел к выводу, что Мария была «милым, нежным существом, ни в чем не уступающим мисс С. и даже превосходящим ее. Она просто сокровище. И редчайшее. Кроме того, она готова сделать все для блага этого бедного народа. И она такая же леди».

В марте Хадсон на некоторое время отлучился в другой город. Он все еще не получил ответа на свое предложение руки и сердца, которое он отправил в Англию несколько месяцев назад. Но он больше не мог сдерживать в себе желание объясниться с Марией. И он решил написать ей письмо. Для Хадсона не было тогда ничего важнее.

Мария рассказывает об этом письме так: «Хотя у меня и мелькнула слабая надежда на то, что письмо пришло от мистера Тэйлора, я и подумать не могла, что это действительно так и есть... Затем я распечатала конверт и прочла о его привязанности ко мне и о том, что он верит в то, что Бог даровал ему любовь ко мне. Он просил меня о

помолвке. Он умолял меня не посылать поспешного отказа, который причинил бы ему сильную душевную боль».

Как-то на прогулке Мария рассказала об этом письме своей опекунше и работодателю мисс Олдерсли. Та сухо ответила: «Я надеюсь, вы не собираетесь дать ему согласие?» Затем мисс Олдерсли перечислила множество причин, по которым Мария должна была немедленно отказать Хадсону. «Прежде всего, — сказала она, — он никто. И за душой у него ничего нет». Кроме того, он не был джентльменом, он не получил образования, не имел никакого общественного положения, носил китайское платье, был низкорослым (а Мария была высокой девушкой) и был связан с Плимутскими братьями (а она принадлежала к англиканской церкви).

Мисс Олдерсли не оставила Марии никакого выбора. И той пришлось немедленно отказать Хадсону. Под пристальным взглядом опекуна Мария написала следующее: «Дорогой сэръ! Ваше письмо стало предметом моей серьезнейшей молитвы Богу. Я искренне желала узнать Его волю и поступить в соответствии с ней. И, хотя мне очень тяжело причинять Вам боль, я должна ответить Вам в соответствии с Божьим водительством. Мне совершенно ясно, что мой долг — отклонить Ваше предложение... Я прошу впредь не возвращаться к этой теме, поскольку буду вынуждена вновь дать все тот же ответ». Казалось, что «никто» из Йоркшира и сирота из Малайи никогда не будут вместе.

Джеймс Хадсон Тэйлор родился в 1832 году в йоркширском шахтерском городке Барнсли. Он обратился к Христу в возрасте семнадцати лет, прочтя религиозный трактат. Через полгода он решил поехать в Китай миссионером. Вскоре в жизни Хадсона возник и другой интерес: он влюбился в учительницу музыки, которая, однако, категорически отказалась ехать в Китай. «Я знаю, что люблю ее. Если я поеду без нее, то мир для меня

опустеет. Но я не в силах заставить ее захотеть туда поехать», — писал он.

Хадсон полагал, что учительница рано или поздно передумает, а сам тем временем готовился к суровым испытаниям Востока.

«Вскоре я обнаружил, что могу ограничивать себя во всем до такой степени, которая раньше мне казалась просто невозможной». Он раздавал большую часть своего скромного жалования и питался в основном овсянкой и рисом. «Нужно развивать в себе духовные мускулы», — говорил он. Кроме того, Хадсон упражнялся в молитве. «Когда я отправлюсь в Китай, мне не на кого будет положиться, кроме Бога. Поэтому, прежде чем покинуть Англию, очень важно научиться добиваться своего именно через молитву».

Другой важной проблемой было найти миссию, которая направила бы его проповедовать. Его родители были методистами, но методисты не работали в Китае. Он написал по этому поводу в Лондонское Миссионерское общество, но ему и не подумали ответить.

В 1852 году, когда Хадсону исполнилось двадцать лет, он услышал о создании новой миссии — Китайского евангелизационного общества, которое состояло в основном из Плимутских братьев. Дж. К. Поллок пишет, что основатели этого общества «были очень искренни, но совершенно непрактичны. У них были очень скудные фонды. Одного из своих миссионеров они несколько позже отстранили от работы за то, что он занялся какими-то делами, связанными с наймом носильщиков-кули. Еще они издавали журнал». Журнал Хадсону понравился, и он не позаботился о том, чтобы порасспросить об этой организации поподробнее.

Несколько месяцев он находился на практике в одной из лондонских больниц, чтобы стать врачом-миссионером. Полагая, что в Китай ему нужно ехать непременно с женой, он возобновил свои ухаживания за учительницей

музыки, и через несколько недель состоялась их помолвка. Но этой помолвке не суждено было быть долгой. Девушку одолевали сомнения. Одолевали сомнения и Хадсона. «Я знаю, что любил ее. И она говорит, что любила меня. Но я знаю, что она уже не любит меня так, как прежде. Боюсь, между нами скоро все будет кончено». Ее отец дал согласие на этот брак. Хадсон был бы хорошим мужем для его дочери, полагал он, если бы остался в Англии и стал врачом. Но если он собирался ехать в Китай, то о браке не могло быть и речи.

Спустя год, не окончив своего медицинского образования, Хадсон отплыл в Китай. Ему был двадцать один год. Он был единственным пассажиром на корабле. После полного приключений пятимесячного путешествия Хадсон высадился в Шанхае. Он многое узнал за первые две недели, проведенные в Китае. Среди прочего и то, что его миссия понятия не имела, чем она, собственно, собирается заниматься. Но Хадсон не желал поддаваться обстоятельствам. Он твердо решил стать миссионером.

Начав изучать китайский, он ощутил острую ностальгию по родине. Он писал в Англию длинные письма. «Как же я люблю вас всех! Я просто не могу передать этого словами... Прежде я не знал — до чего же я люблю вас». В своей комнате в Шанхае он вырастил три цветка, фиалку и две незабудки. «Я люблюсь ими. Они очень дороги мне. Я даже дал им имена. Одну я назвал Амелия, а другую — Луиза (так звали его сестер). Как я назвал третий цветок, писать не буду. Вы же понимаете — всем надо кого-то любить».

Третий цветок он назвал либо именем учительницы музыки, либо именем Элизабет Сиссонс, которая написала ему утешительное письмо после того, как его помолвка с учительницей была расторгнута. Он не долго думая предложил руку и сердце Элизабет. А она, не раздумывая долго, написала, что согласна выйти за него замуж, хотя ее

отец и хочет, чтобы она подождала немного. Хадсон тоже был готов подождать, но не до бесконечности.

В течение года он изучал язык и осуществлял довольно необычные миссионерские путешествия. Ему писали: «Пока мы не видим плодов вашего труда, и вам необходима вера, дабы удержать вашу душу от падения». В это время Хадсон принимает решение носить китайское платье. Другие миссионеры были в ужасе. Британское консульство просто смеялось над ним. Но Хадсон полагал, что это необходимо, если хочешь нести служение среди китайцев. Он пишет домой: «Если бы вы встретили меня на улице, вы бы меня не узнали». Его принципом было: «Находясь в Риме, выгляди как римлянин».

Хадсон решил основать миссию подальше от Шанхая, в глубине китайской территории. В течение нескольких недель он, казалось, был на вершине счастья. Но затем он получил два чудовищных известия. Во-первых, британские власти уведомили его о том, что не могут основать центр вдали от британского консульства. И во-вторых, Элизабет написала ему, что она, вообще-то говоря, его не любит.

Хадсон никогда не сдавался с легкостью. Это касалось как рискованных путешествий вглубь Китая, так и его желания жениться. В соответствии с распоряжением властей Хадсон покинул свою предыдущую базу и продолжал проповедовать в таких краях, куда мало кто из миссионеров рискнул бы вообще поехать. «Теперь я знаю, что обожаю китайский язык», — пишет он домой. Младшей сестре он написал, что писать письма стало для него весьма трудным занятием. «Иногда приходится остановиться посреди предложения для того, чтобы убить три-четыре блохи, а затем уж продолжать писать письмо».

Но Элизабет доставляла ему гораздо больше тревог, чем все блохи и тараканы вместе взятые. «Просто не знаю, что буду делать, если с этой почтой придет тяжелое письмо». Это было всего за несколько месяцев до его печального переезда в Нинпо.

Мария Дайер, хотя и была моложе Хадсона на пять лет, успела повидать в своей жизни немало. Ее отец, умерший, когда ей исполнилось всего шесть лет, был одним из первых британских миссионеров, проповедовавших китайцам в Малайе. Он мечтал о евангелизации самого Китая, но так и не добрался туда. Он умер в 1843 году. Четыре года спустя умерла и его жена. Троих сирот — Марию, Буреллу и их брата Самьюэла — отправили в Англию в школу-интернат, на попечение их дяди. Дж. К. Поллок пишет: «Мария была высокой, темноволосой, темноглазой и очень живой девочкой. Она слегка косила, что не делало ее менее привлекательной. Эта обязательная младшая сестренка была очень сдержанна, и мало кто догадывался о том, что творится в ее душе». В 1855 году, когда ее сестра приняла приглашение миссии стать учительницей в Нинпо, никому не показалось странным то, что и Мария решила поехать туда вместе с ней. Мария знала, что ее родители были бы рады, если бы она стала миссионером в Китае. И она поехала.

Находясь на борту корабля, Мария пережила трудную душевную борьбу. Она и сама не понимала, в чем дело. Она была не замужем, и потому было совершенно естественно, что она решила не расставаться с сестрой. Она была обязательным человеком, и потому было естественно делать то, что доставило бы радость ее родителям. Но всю жизнь она тяжело переживала те мрачные события, что с ней происходили. И какой бы обязательной она ни была, Мария никогда не чувствовала, что ее принимают всем сердцем. Иногда ее даже мучили приступы ощущения какой-то неясной вины. Ей казалось, будто все трудности в своей жизни она каким-то образом спровоцировала сама. Какой бы обязательной она ни была, Мария никогда не ощущала уверенности в том, что Бог принял ее.

По дороге в Китай она обрела душевный покой. Джералдайн Тэйлор пишет об этом так: «До этого она старалась быть христианкой, опираясь лишь на свои

собственные силы... И постепенно она поняла, что возрождена... потому что Он пострадал за нее. Бог принял Христа как жертву и за нее тоже, как Спасителя... Для тех, кто в Иисусе Христе, больше нет проклятия». Она поехала в Китай, уже не из страха и не по обязанности. Она ехала свободной и полной любви. На пути к тому, чтобы стать миссионером, она стала новым творением.

Под строгим наблюдением мисс Олдерсли Мария стала прекрасной учительницей китайским ребятишкам в школе Нинпо. Другой заслугой мисс Олдерсли было то, что она помогала Марии отвергать неподходящих для нее женихов. Возможно, в глазах мисс Олдерсли все они были неподходящими. И особенно Хадсон Тэйлор. Но Мария не могла и подумать плохо о мисс Олдерсли. Позже она писала своему брату: «Дорогой Самьюэл, это было просто невыносимо... Все говорило мне о том, что на то Его воля, чтобы мы с мистером Тэйлором любили друг друга. И все же мисс Олдерсли была так непоколебимо против. Казалось, воля Бога и желание мисс Олдерсли противоречили друг другу».

Мария никак не могла понять, как такое безупречное существо, как мисс Олдерсли, могло ошибаться. «И мне все-таки кажется, что мистер Тэйлор как раз такой человек, который весьма бы понравился моему отцу, если б тот был сейчас жив». И тем не менее она задает самой себе вопрос: «Да кто я такая, чтобы противоречить мисс Олдерсли и другим верующим людям?»

Сначала Хадсон почувствовал себя просто раздавленным, получив формальное, без малейшего намека на какие бы то ни было чувства письмо Марии. Поскольку сестре он подробно не писал о том, что с ним происходило, можно сослаться на слова, сказанные им. А сказал он, что подвергся «тяжелейшему испытанию и едва нашел в себе силы, чтобы перенести его». Он на несколько месяцев погрузился в миссионерскую работу в Шанхае, помогая жертвам разразившегося тогда голода. Хадсон

проповедовал при малейшей возможности. Но забыть Марию он был не в силах. Он подозревал, что поспешный ответ Марии мог быть обусловлен чувством долга по отношению к мисс Олдерсли и к школе. Он догадывался и о том, что мисс Олдерсли, возможно, имела к этому письму самое непосредственное отношение.

Когда Хадсон возвратился в Нинпо, его подозрения по этому поводу подтвердились. «Мисс Олдерсли впала в сильное беспокойство, когда я приехал», — написал он домой. Вне всякого сомнения, он понял, кто был его противником. И как только он обнаружил, что Мария питает к нему те же чувства, что и он к ней, то сразу же решил действовать в обход мисс Олдерсли и написал письмо официальному опекуну Марии — ее дяде, в Англию, с просьбой о разрешении на его брак с Марией.

Однако Хадсон был не единственным, кто писал письма ее дяде. За две недели до этого мисс Олдерсли уже сообщила ему, что некий выскочка, этот «никто», нагло играет чувствами Марии. Мария тоже написала дяде: «Самым огромным счастьем на этой земле для меня было бы разрешение любить того человека, о котором я так страстно пишу в этом письме». Письмо Хадсона было третьим. Ответ можно было ожидать не раньше, чем через четыре месяца.

Мисс Олдерсли и многие другие в миссии решили, что Хадсон не должен пытаться увидеться с Марией, покуда не будет ответа из Англии. Большинство миссионеров было на стороне мисс Олдерсли. Один из проповедников, обычно очень мягкий человек, заявил, что Хадсона следует «высечь кнутом» за то, что он разговаривает с Марией вопреки запрету мисс Олдерсли. Другие называли их связь порочной. О Хадсоне говорили, что он «фанатичный, безответственный, умственно и физически больной человек». Кроме того, он и «гроша ломаного не стоил». Один из лидеров миссии так и сказал ему: «Я не могу считать вас ни христианином, ни

джентльменом». Хадсон не понимал, отчего вдруг все вокруг так на него ополчились. Он пишет матери: «Почему? Только потому, что я считаю, что старой деве незачем вмешиваться в дела любви?»

Хадсон задумывался и еще над одной проблемой — не отправиться ли ему в Англию, чтобы получить диплом врача. Конечно же, для такой поездки у него были и другие мотивы помимо профессиональных. Мария сказала по этому поводу: «Если бы он оставил дело Господа ради славы мира, между нами все было бы кончено».

Но не все нападки были направлены против Хадсона. Он писал матери: «Марию обвиняют в маниакальном фанатизме, бесчестии, слабоумии, упрямстве и во всем скверном, что только можно придумать». Когда Мария попыталась восстановить свои прежние добрые отношения с мисс Олдерсли, она только ухудшила свое положение. «Я претерпела гонения ради правды», — пишет она брату. Но она по-прежнему не могла поверить, что такая святая женщина, как мисс Олдерсли, может оказаться неправой. «Как может быть, чтобы я была на стороне правды, а она — заблуждалась?»

Разлученный с Марией, Хадсон снова полностью отдался миссионерской работе. Он столько работал, что подорвал свое здоровье. Оправляясь от болезни, он взял себе жизненным лозунгом два еврейских слова: «Эбенезер» и «Иегова-ире». «Эбенезер» значит «до сих пор Господь помогал нам». «Иегова-ире» означает «Господь усмотрит». Эти два слова станут основой миссии, работу которой Хадсон возглавит несколько позже.

В ноябре, приблизительно в то время, когда он рассчитывал получить ответ из Англии, Хадсон устроил тайное свидание с Марией. Официальный биограф Хадсона пишет: «Они сидели рядом на диване». Вот что говорит по этому поводу Поллок: «По понятиям того времени это было неприлично». А вот что пишет по этому поводу сам Хадсон: «Я просто старался наверстать огромное

количество поцелуев, которые упустил за последние несколько месяцев». При расставании они решили, что помолвлены и пожениются независимо от того, каким бы ни было решение по этому поводу ее дяди. Через несколько месяцев Марии исполнился двадцать один год. Объявление о помолвке шокировало всех в миссии. Хадсона обвинили в «полном игнорировании морали и приличий».

Спустя две недели пришел ответ и от опекуна Марии. В письме говорилось, что дядя не видит никаких причин для того, чтобы препятствовать ей выйти замуж за Хадсона. Но ему казалось, что было бы лучше, если б они подождали ее дня рождения. Молодые были на вершине счастья.

Они жили в век викторианской этики, но сами они вовсе не были типичными представителями той эпохи. Один из миссионеров писал: «Когда он (Хадсон) влюбился, то бросился в свои чувства с головой. И это была настоящая страсть. Что же касается его невесты, то, обладая сильным характером и будучи человеком чувственным, она повела себя так же».

Все нужное для свадьбы было подготовлено очень быстро. Они поженились через четыре дня после ее дня рождения. Однако еще за две недели до свадьбы Хадсон разорился. Он и еще один проповедник каждый день кормили завтраком по шестьдесят — восемьдесят голодающих за свой счет. «Как Господь позаботится о нас в воскресенье — мы не знали. Но на камине у нас висело два свитка, где китайскими иероглифами было написано: „Эбenezер“ и „Иегова-ире“. И Он изгонял из наших сердец отчаяние».

Но тут Хадсон подумал о Марии. Сможет ли она вести такой образ жизни? Не требовал ли он слишком многого? Он спросил ее, не изменила ли она своего решения, и просил ее еще раз все взвесить: «Я не могу вынуждать тебя, пользуясь данным тобой обещанием, если тебе кажется, что ты дала его необдуманно. Ты видишь,

какой тяжелой временами будет наша жизнь». И она ответила не задумываясь: «Не забывай, что я сирота и что я выросла в чужой стране. Все это время Бог был моим отцом. Ты думаешь, я испугаюсь положиться на Него и теперь?»»

Через две недели они поженились. Мария была в шелковом платье с фатой. Хадсон одел простой хлопчатобумажный костюм. Весь свой гардероб он распродал, чтобы помочь голодающим. На свадьбе Хадсон светился счастьем. Шесть недель спустя он писал: «О, жениться на женщине, которую любишь, любишь нежно и преданно, — это блаженство, которое невозможно передать словами».

За несколько лет совместной жизни Мария помогла Хадсону стать более зрелым и здравомыслящим человеком. Поллок пишет: «Она заставила его устраивать себе выходные... Он перестал быть таким погруженным в меланхолию, в свои переживания... Он стал гораздо более уверенным в себе и перестал быть педантом, занимавшим круговую оборону против всего мира. Она незаметно совершенствовала его».

Через два года, в 1860 году, они возвратились в Англию. Здоровье Хадсона было серьезно подорвано, и ему пришлось отправиться домой вместе с женой и их годовалой дочерью. В Англии Хадсон вновь начал носить европейскую одежду и закончил свое медицинское образование. Но гораздо более важной была его работа над новой редакцией китайского перевода Нового Завета, набор новых миссионеров для работы в Китае и основание миссионерского общества нового типа — Китайской внутренней миссии.

Ведомый духовной жаждой проповеди в Китае, он изъездил всю Англию со словами: «Каждый месяц в Китае умирает миллион человек, не знающих Бога». Половина нехристиан всего мира проживала в Китае, а количество миссионеров там постоянно уменьшалось вместо того,

чтобы увеличиваться. Хадсон хотел набрать двадцать четыре миссионера и горячо молился об этом. В отсутствии образования у добровольцев он не видел помехи. Неслышанным до сих пор был основополагающий принцип новой миссии. У нее не было (и не планировалось) никакого финансирования. Она должна была основываться исключительно только на вере. Если бы Хадсон начал добиваться каких-либо фондов для своей деятельности, он неизбежно столкнулся бы с интересами уже существующих миссий.

Через несколько месяцев в доме Тэйлоров собрались миссионеры-добровольцы. Среди них были кузнец, плотник, каменщик, гувернантка, книгоноша и эксцентричная дочь состоятельного коммерсанта. Но в этой группе были представители не только разных профессий, но также и разных деноминаций. Там были баптисты, методисты, пресвитерианцы и англикане.

Хадсон Тэйлор обладал какой-то странной притягательностью. Болезнь сильно истощила его, но все же в нем был некий внутренний магнетизм. Один из добровольцев вспоминал: «Сперва я отнесся к нему чуть ли не с презрением. Болезненный, какой-то неуверенный в себе молодой человек. Его внешность была совершенно непривлекательной». Позже сам Хадсон говорил о себе: «Бог избрал меня именно из-за моей слабости. Бог не свершает Своих великих дел через многолюдные комитеты. Он научает кого-либо быть малым и смиренным, а затем использует его так, как Сам того хочет».

И Хадсон, безусловно, был послан Богом в должное время. За шесть лет до того Дейвид Ливингстон взбудоражил всю Великобританию рассказами о нуждах и страданиях Африки. Теперь Хадсон Тэйлор делал то же самое для Китая. «„Китай, Китай, Китай", — звенит у нас в ушах, — рассказывает великий лондонский проповедник того времени Чарлз Хэддон Сперджен, — так необычно,

странно, музыкально, веско и убедительно говорит нам о Китае мистер Тэйлор». Обычно выступления Хадсона длились два часа. Иногда он показывал, как китайцы пользуются палочками для еды и как они пишут чернилами. И, хотя он никогда не просил денег, средства начали стекаться к нему».

Итак, в 1866 году Хадсон и Мария Тэйлор, их четверо детей и пятнадцать миссионеров-добровольцев отплыли в Китай. Хадсону было тогда тридцать четыре года, Марии — двадцать девять, но они были ветеранами проповеди в Китае. Один из добровольцев позже писал: «Хадсон был очень живой и подвижный. Миссис Тэйлор была намного более уравновешенным и в чем-то более зрелым человеком. Она была очень рассудительна. На ее лице всегда читались спокойствие и доброта. Она всегда была задумчива и уделяла много времени изучению Писания и молитве. Много времени уделяла она и детям. Она часто собирала их в каюте и читала им».

В Китае все добровольцы Хадсона побрили головы, отпустили косички и оделись так, как одевались в те времена учителя-китайцы. Другие миссионеры, находившиеся в Китае, были этим шокированы. Шестью годами ранее Хадсон был единственным европейцем, носившим косу, и все тогда потешались над ним. Но теперь с косичками ходили и все его ученики. Мария не была уверена в том, что женщинам тоже нужно носить китайское платье. Она говорила, что «китайцы неуважительно относятся к своим женщинам, но к иностранным леди они относятся совершенно иначе. Будут ли они относиться к нам с прежним уважением, если мы переменим платье?» Хадсон уговорил ее поносить китайскую одежду хотя бы некоторое время. Она так и сделала. И вскоре убедилась в том, что подход Хадсона был верным.

Миссионерская философия Хадсона, включавшая в себя ношение местной одежды, не была простой причудой.

Он писал: «Почему христианство должно выглядеть как иностранная религия? Слово Божье не требует этого. Здесь идет речь не о денационализации, мы стремимся к христианизации этого народа. Мы хотим видеть этих мужчин и этих женщин настоящими христианами, чтобы в церквях этих христиан несли пасторское служение их соотечественники, чтобы они служили Богу, используя свой родной язык, и в зданиях, построенных в духе национальных традиций». Для того времени это было неслыханно.

В первые годы своего существования Китайская внутренняя миссия столкнулась с целым рядом острых проблем. Хадсона и Марию резко критиковали другие миссионеры, из ранее основанных миссий, твердо стоявших на сугубо европейских традициях. Были нападки и со стороны китайцев. Кроме того, в самой группе Хадсона начались раздоры. Однако костяк команды остался верен Тэйлорам. Один из молодых проповедников сказал о Хадсоне: «Если бы он не верил столь непоколебимо в то, что Господь поддержит его в любых испытаниях, он просто не выдержал бы всех обрушившихся на него бедствий».

Мария была вторым человеком в организации. Люди видели, что «она была тогда волевым стержнем миссии. Хадсон Тэйлор так высоко ценил ее мнение, что не предпринимал никаких важных шагов, не посоветовавшись с ней». Она была тогда еще совсем молода, но здоровье ее уже было серьезно подорвано. Она болела туберкулезом. Силы постепенно покидали ее, и ей все труднее было противостоять трудностям, возникавшим в общине миссионеров. О ней говорили как о «женщине неукротимой настойчивости и храбрости, способной превозмочь любые невзгоды». Один из современников писал: «Она была очень добра ко всем». А вот другое свидетельство: «Она была очень скромной, немного замкнутой, почти застенчивой».

Хадсон и Мария любили друг друга так же сильно, как и прежде. Однажды, поехав вглубь страны с проповедью, он написал ей: «Дорогая! Теперь я могу обнять тебя лишь мысленно... Ради меня и ради Господа, береги себя... О, если бы я мог поцеловать тебя хотя бы раз!»

Вскоре после возвращения Хадсона и Марии в Китай у них родился пятый ребенок. А в 1867 году их старшая дочь, Грэйси, серьезно заболела. Хадсон пишет домой: «Я пытаюсь написать хоть несколько строк, сидя на краю кушетки, на которой умирает моя дорогая маленькая Грэйси. У нее водянка мозга... Господь — сила сердец наших и наше наследие... И ныне Он не оставляет нас». Спустя несколько недель он пишет матери в Англию: «Просто не знаю, как написать об этом. Наша дорогая малышка Грэйси! Как мы тоскуем о ней! Когда я прогуливаюсь по тропкам, где мы с ней вместе ходили, меня словно бы охватывает агония. Неужели я уже никогда не почувствую в своей руке ее маленькую ладошку! И все же я понимаю, что там она гораздо более счастлива, чем это возможно здесь, с нами».

Смерть Грэйси, возможно, стала поворотным пунктом в истории Китайской внутренней миссии. Сочувствие к Тэйлорам вновь сплотило миссионеров.

Хадсон и Мария придавали огромное значение той роли, которую играли женщины в миссионерской работе. Впервые на проповедь вышли женщины, одетые, конечно же, в китайское платье, без сопровождения мужчин. За такое новаторство Хадсон и Мария подверглись нападкам. Но результаты оказались поразительными. Одна из женщин-проповедников писала: «Каждый раз, когда я иду проповедовать, меня слушает около двухсот человек в день. Никто никогда не обращается со мной грубо. Наоборот, все относится ко мне с величайшим почтением». Когда Мария узнала, что критика дошла и до Англии, она написала: «Думаю, десяток мисс Фолдинг и десяток мисс

Бауэр с легкостью нашли бы себе применение в Ханчжоу завтра же».

Хадсон призывал на миссионерское служение как мужчин, так и женщин: «Разве нет слугителей нашего Господа, прозябающих дома, не делая ничего или делая такую работу, которую смогут выполнять и другие, если они оставят ее? Разве некому приехать сюда, в эти бесчисленные города и села?»

В июне 1868 года Хадсон и Мария перенесли свою штаб-квартиру в Янчжоу. Ранее они располагались сначала в Шанхае, а затем в Ханчжоу. Их переезд в Янчжоу стал новым этапом в их смелом продвижении вглубь китайской территории. Со времен Марко Поло очень мало кто из европейцев побывал в этих местах. Янчжоу встретил их очень недружелюбно. Сначала кто-то начал распространять слухи, будто бы врачи-иностранцы делают пилюли из глаз своих пациентов. Говорили, что будто бы миссионеры солят мясо китайских детей. Затем по городу стали разбрасывать листовки, в которых утверждалось, будто бы иностранцы собираются разорить страну, занявшись торговлей опиумом. Но самое худшее было еще впереди.

Вскоре в их окна полетели камни. И это было лишь предупреждением. Хадсон получил анонимное письмо, в котором говорилось, что если миссионеры немедленно не покинут Янчжоу, то с ними произойдут гораздо более страшные вещи. Хадсон поговорил с Марией. Он считал, что мужчины должны остаться, а женщинам и детям следует уйти. Она не согласилась с ним. «Если мы уйдем, — сказала она, — то этим лишь усугубим и без того тяжелое положение мужчин». Женщины и дети остались.

И вот в один «прекрасный» день перед зданием штаб-квартиры миссии собралось около двухсот разгневанных китайцев. Они угрожали взломать двери, если им не откроют. Многие из них были пьяны. Многие были полуголы. Миссионеры молились. Хадсон напомнил им

стих «Я всегда с вами» и просил не прекращать молитву. Небо потемнело. Ударила молния. Один из миссионеров в это время писал в письме: «Когда я пишу эти строки, Он посылает нам в помощь дождь, гром и молнию. Мистер Тэйлор говорит, что они помогут нам лучше, нежели целая армия. Китайцы дождя боятся». Толпа постепенно рассеялась.

Через несколько дней толпа собралась вновь. Это случилось ночью. В руках осаждающие держали факелы. В окна, закрытые ставнями, полетели кирпичи. Мария, не теряя своего обычного хладнокровия, спокойно уложила детей спать. Другие миссионеры были поражены ее невозмутимостью. «Она была так спокойна, будто находилась в своей лондонской квартире». Хадсон понимал, что ему необходимо обратиться за помощью к китайским военным властям. И как можно скорее. Он поцеловал Марию, выскользнул за дверь и бросился в темноту. «Когда я выбежал на главную улицу, — вспоминал он позже, — толпа стала забрасывать меня камнями... я задыхался. Я почти терял сознание от боли, которую причиняли попадавшие в меня камни и кирпичи».

А в это время в здании миссии двое миссионеров вместе с китайцами, обычно помогавшими им по дому, пытались сдержать рвущуюся в двери толпу. Наверху женщины молились. Мария была на седьмом месяце беременности. Ее младший ребенок болел дизентерией. Еще одна женщина была на девятом месяце беременности.

С каждой минутой крики на улице становились все громче. Время шло. Полчаса. Час. Полтора. Хадсона все не было. Не было и солдат, за которыми он отправился. И вот снизу раздался голос: «Миссис Тэйлор, они поджигают дом». Миссионеры начали связывать простыни и одеяла и спускаться по ним из окна на задний двор, откуда можно было бы пробраться в соседний дом. Но прежде чем Мария успела выбраться, в комнату ворвался один из осаждавших. Он был совершенно голым. Схватив ее за запястье, он

потребовал денег. «Иначе я отрежу тебе голову», — кричал он. Увидев на ее руке обручальное кольцо, он грубо сорвал его. «Прыгайте!» — кричали снизу другие миссионеры. Высота была двенадцать-пятнадцать футов, но иного выбора не было. Мария вырвалась из рук китайца и бросилась вниз. Один из миссионеров подхватил ее, но не смог удержать, и она ударилась боком о землю. В этот момент подоспели солдаты. Бунтовщиков разогнали.

Миссионерам пришлось на время покинуть Янчжоу, но они молились о возможности возвратиться туда. Марию спросили, хочет ли она, чтобы нападавших подвергли наказанию. Она ответила: «Единственное, чего я хочу, так это получить возможность работать по всей стране». Когда британские власти узнали о случившемся, они отправили военные корабли вверх по Янцзы в Янчжоу. Британский консул сказал Хадсону: «Иностранцы, путешествующие по территории этой страны, имеют законное право получить защиту». Но Хадсон и Мария хотели вовсе не этого. Происшествие перерастало в дипломатический конфликт. Мария очень хотела вернуться в Янчжоу и родить своего ребенка именно там. Она писала: «Бог вложил мне в сердце это желание». Она хотела, чтобы ребенок родился «в этом городе, в этом доме, в той самой комнате». И ее молитва получила ответ.

Но вскоре вести о событиях в Янчжоу достигли Лондона. Имя Хадсона Тэйлора стало нарицательным, но далеко не в положительном смысле. Лондонская «Таймс» писала: «Апостолы и первые миссионеры уж точно не проповедовали свою веру под прикрытием армий и флотов». Американский консул в Китае назвал действия британцев в Янчжоу «своевольными и вызывающими». Само британское правительство, попавшее в неловкое положение из-за создавшегося вокруг инцидента общественного мнения, всерьез рассматривало вопрос о «разумности и целесообразности поддержки этих миссионеров». Другие миссионеры в Китае были злы на

Тэйлоров за то, что те поставили под удар всю миссионерскую деятельность.

Казалось, что Хадсон относился очень спокойно к оценкам его действий, которые все дальше и дальше удалялись от истины. Но в душе ему было «бесконечно больно». Его старые друзья и союзники теперь больше верили его обвинителям, чем ему самому.

В тот период у Хадсона было множество и других проблем. Он очень беспокоился о миссионерах-добровольцах. «Многие и в самом деле кажутся вполне разумными, но делают правильные вещи самым наихудшим образом или же в самое неподходящее время, — писал он домой. — Ведь действительно глупый или грубый человек вряд ли сможет выбраться из Китая живым». Кроме этих чисто внешних трудностей Хадсона раздирали и внутренние противоречия. Помимо того, нагрузки, которые он переносил, были огромными.

Он писал матери: «Я и раньше просил тебя не забывать обо мне в твоих молитвах. Но сейчас я нуждаюсь в этом как никогда прежде». Позже он так описывал то время: «Я начинал свой день с молитвы, с твердым намерением ни на минуту не отрывать от Него моих глаз. Но многочисленные обязанности, которые я исполнял, иногда вводили меня в искушения, и я забывал о Нем. В этом климате становишься очень нервным, раздражительным. Тебя одолевают мрачные мысли, и становится очень трудно удержать грубые слова, готовые слететь с твоих губ. Каждый день приносил с собою грех, падение, неспособность справиться с собой... Вместо того чтобы становиться сильнее, я, казалось, все более слабел и все менее контролировал грех. Неудивительно, что моя вера и даже надежда становились слабее. Я ненавидел себя». Хадсон пребывал в глубокой депрессии и даже «перенес тяжелейшее искушение покончить с жизнью».

Единственное, что оставалось прочным в этом мире, — это любовь Марии. И его любовь к ней оставалась все

такой же сильной. Биограф Дж. К. Поллок пишет, что именно Мария стояла между Хадсоном и его мыслями о самоубийстве. Уезжая куда-либо, он писал ей теплые письма. «Прошлой ночью мне приснилось, что ты рядом... Когда я проснулся, мне стало так тяжело. Когда же я снова увижу тебя и смогу обнять?» Мария посылала ему продукты и писала в ответ: «Мое бесценное сокровище... Я буду с тобой, что бы ни случилось». Хадсон опасался, что они слишком сильно любят друг друга. «О, если бы Он даровал нам более сильную любовь к Нему, постоянную и непреходящую. Тогда мы не боялись бы, что слишком любим друг друга».

В этих поездках Хадсон часто беседовал со спутниками о своих духовных исканиях. Многие миссионеры так же, как и он, ощущали сильную неудовлетворенность своей духовной жизнью. Но о Марии один из них писал: «Что касается миссис Тэйлор, то она не понимает, чего мы все так исступленно ищем». Несколькими неделями позже Хадсон получил письмо от одного из своих проповедников по имени Маккарти, очень энергичного ирландца. Маккарти писал, что открыл секрет покоя в вере. Он считал, что христианин должен «все переносить терпеливо, оставаться верным, а не бороться и не метаться». Для Хадсона это стало решением, которого он так долго искал. «Вот в чем покой, — написал он, — я столько метался, добиваясь того, чтобы успокоиться в Нем. Но метания больше не будет. Не обещал ли Он сам быть верным, никогда не покидать меня... И Он никогда этого не делает».

Тогда же Хадсон открыл для себя секрет душевного спокойствия, которое дает полное слияние с Христом: «Может ли быть так, что Христос обладает всем, а я — беден?» Мария очень коротко подытожила эти его искания: «Это значит просто пребывать в Иисусе и доверять Ему все труды, которые свершаешь».

Но трудностей, связанных с деятельностью миссии, не становилось меньше. К 1870 году, когда Хадсон и Мария праздновали двенадцатую годовщину свадьбы, в Китайской внутренней миссии работало тридцать три миссионера в двенадцати центрах в трех провинциях. Но это был, как позднее писал Хадсон, «период великих испытаний, самых больших трудностей за все время, что мы работали в Китае. От Пекина до Кантона страна была охвачена волнениями. Мы не знали, чего ожидать от наступающего дня. В наших центрах могло произойти все что угодно. Но в моей душе царил невыразимый покой».

В феврале умер их третий ребенок, пятилетний Самьюэл, который всегда был очень хрупок. Хадсон и Мария поняли, что остальных детей — девятилетнюю Берти, семилетнего Фредди и трехлетнюю Марию — они должны отправить в Англию. Им трудно было видеть, как их дети уезжают. Хадсон писал матери: «Особенно молись за Марию. Когда суматоха сборов и эмоции прощания минуют, ей станет очень тяжело. Но Господь, Чье дело велит нам разлучиться, может поддержать, и обязательно поддержит ее».

Мария снова была беременна. Это была ее восьмая беременность за двенадцать лет брака. Она продолжала преподавать, хотя туберкулез буквально валил ее с ног. Но она была счастлива, что смогла закончить составление китайско-английского словаря, который вскоре после этого должен был быть напечатан. Хадсон тревожился за нее более чем когда-либо. «У меня разрывается сердце, — говорил он, — когда я вижу, как она истощена».

Ребенок родился в середине июля. Роды прошли благополучно, намного легче, чем все предыдущие. Но спустя несколько дней у нее началось внутреннее кровотечение. Она быстро слабела. Через две недели ребенок умер. У Марии уже не оставалось сил для борьбы.

Хадсон подошел к ней и спросил:

— Дорогая, знаешь ли ты, что умираешь?

— Умираю? Ты так думаешь? Почему?

— Я вижу это, дорогая. Силы покидают тебя.

— Разве? Я совсем не чувствую боли. Только сильную слабость.

— Ты отправляешься домой. Скоро ты будешь с Иисусом.

Мария помолчала немного, а затем прошептала:

— Как жаль.

Хадсон нежно взглянул на нее и ответил:

— Разве можно жалеть о том, что идешь к Иисусу?

— Нет, не в этом дело... Жаль, что я оставляю тебя одного в такое тяжелое время. Но Он будет с тобою и во всем поддержит тебя.

Она целовала его снова и снова. По поцелую за каждого ребенка. Один миссионер, присутствовавший при этой сцене, говорил позже: «То, что я видел, оставило в моей душе глубочайший след. При последнем вздохе милой миссис Тэйлор мистер Тэйлор встал на колени... и вверил ее Богу, благодаря Его зато, что Он даровал ее ему, и за двенадцать с половиной лет счастья их совместной жизни».

Стояла сильная жара. Нужно было немедленно купить гроб, что и было сделано. Хадсон долго глядел на лежащую в горбу жену, а затем быстрыми шагами поднялся наверх, в свою комнату. Ему необходимо было побыть одному.

Спустя несколько дней Хадсон писал: «Я не могу описать вам мои чувства. Я сам не понимаю, что чувствую. А чувствую я себя как человек, оглушенный порывом штормового ветра, или так, будто я перенес тяжелейшую болезнь. Я пребываю в каком-то полубытьи. Мой Отец распорядился так... и, поскольку я твердо знаю это, значит — так лучше всего. И я благодарен Ему за то, что Он так распорядился. Я ощущаю себя раздавленным. Иногда мне кажется, что мое сердце вот-вот разорвется. И вместе с тем

никогда раньше не было в моей душе такого мира и счастья. В самом горе есть некая удивительная радость».

Эти месяцы стали для Хадсона огромным испытанием. Он потерял жену, потерял ребенка, а троих других детей отправил на корабле в Англию. Через несколько дней он написал детям: «Наша мама так счастлива, что она теперь с Ним. И я с радостью отправлюсь к ней, когда Иисус решит, что для этого настало наилучшее время. Но я надеюсь, что Он укрепит меня так же и в радостном стремлении жить с Ним здесь. Жить с Ним так долго, пока у Него еще есть для меня работа, которую я должен выполнить ради Него и ради страдающего Китая».

У Господа было еще много работы для Хадсона ради страдающего Китая. Очень много работы. Год спустя он снова отправился в Англию. Отпуск был ему просто необходим. Ему нужно было оправиться, как физически, так и морально, от тех двенадцати месяцев, за которые он потерял жену и двоих детей. Кроме того, он очень хотел повидаться с теми детьми, которые находились в Англии.

По случайному стечению обстоятельств на том же корабле оказалась Дженни Фолдинг, одна из миссионерок Китайской внутренней миссии. Она забронировала билет на другой корабль, но рейс отложили, и она оказалась на борту того же судна, что и руководитель ее миссии, Хадсон Тэйлор. Длительное совместное путешествие оказало на них обоих благотворное влияние. Дженни всегда нравилась Хадсону и была его верным учеником и последователем.

Дочь лондонского торговца, убежденная баптистка, Дженни была хорошо образованна, изящна и очень приветлива. Когда у всех опускались руки, Дженни оставалась неизменно веселой и не теряла присутствия духа. Она была одним из самых первых добровольцев Хадсона, еще с 1866 года. В первый день своего путешествия на корабле, отплывавшем в Китай, она написала домой: «Как мне хорошо! Море такое дивное,

небо просто чудное. Никогда бы не подумала, что путешествие может быть таким праздником души. У меня от счастья даже звенит в ушах». Когда некоторые миссионеры начали выражать свое недовольство по поводу ношения китайского платья, Дженни сказала, что вся ее группа, одевшись по китайскому обычаю, «как-то очень изменилась к лучшему». Путешествуя по Китаю, Дженни описывала эту страну так: «Каналы здесь — словно реки, они очень красивые. Земляника почти не имеет вкуса, а вот малина — просто замечательная. (Мы только что ели малиновый пирог.) Птицы поют — заслушаешься». Хадсон говорил о ней: «Она всегда считает, что лучшего и быть не может».

Когда Дженни отправилась в Китай, ей было двадцать три года, и тогда Хадсон относился к ней скорее по-отечески. Она же отзывалась о нем как о «святом». «Я наблюдаю его в самых разных ситуациях, — писала она отцу, — и если бы у тебя была возможность ежедневно видеть его, ты, безусловно, восхищался бы его самопожертвованием, скромностью и серьезностью». Но, помимо приветливости, у Дженни были и другие замечательные качества. Так, когда в миссии начинали ставить под сомнение авторитет Хадсона, она всегда оставалась верна ему. И Хадсон очень ценил это. Он часто делился с ней своими мыслями. Поэтому в том, что, оказавшись вместе на борту корабля, Хадсон Тэйлор, погруженный в депрессию, и всегда такая приветливая Дженни Фолдинг полюбили друг друга, нет ничего удивительного. На следующий год они поженились. Ей было двадцать девять лет, а ему — сорок.

Этот брак Хадсона не был похожим на его брак с Марией. Жизнь с Марией была непрекращающимся любовным романом. С Дженни все обстояло иначе, но были они не менее счастливы. Они часто расставались. Дженни оставалась в Лондоне и заботилась о своих приемных детях. Хадсон путешествовал по Китаю.

В 1878 году, едва Хадсон возвратился после шестнадцати месяцев отсутствия, он получил известие о чудовищном, небывалом голоде в Северном Китае. Шесть миллионов человек остались без пропитания. Китайцы умирали десятками тысяч. Тысячи детей оставались бездомными сиротами. Хадсон считал, что во главе группы, отправлявшейся в эту удаленную часть Китая с целью нести людям евангелие, любовь и продовольствие, должна быть женщина. Но кто мог взять на себя такую ответственность? Только Дженни. Она была единственной из женщин-миссионеров, кто говорил по-китайски. Другие миссионеры уважали ее. Хадсон ей доверял.

Поначалу она не хотела ехать. Она считала, что должна остаться в Лондоне. Ради Хадсона, ради детей, ради миссии. Но Хадсон убедил ее ехать — ради Иисуса. Дело было не в том, что она боялась. Просто она не была уверена, что на то есть воля Господа. «Я чувствую себя, как Гедеон, — писала она, — моей вере нужно какое-нибудь внешнее подтверждение». На эту поездку ей требовалось пятьдесят фунтов стерлингов. И они нашлись буквально за несколько дней. Затем, в тот день, когда Дженни должна была отплыть, она неожиданно получила анонимный чек на тысячу фунтов. Деньги были выделены на основание сиротского приюта в Северном Китае.

Прежде ни одна европейская женщина не отваживалась побывать в этой части Китая. Дженни возглавила группу, состоящую из одного мужчины и двух женщин. Узнав, что миссия Дженни осуществляется весьма успешно, Хадсон написал ей: «Я благодарю Бога за то, что Он дал мне такую жену... Каждый день я смотрю на закладку для Библии, которую ты мне подарила, с надписью „Ради Иисуса“, и благодарю тебя за напоминание». Дженни основала приют и новый миссионерский центр. Через год они вновь увиделись с Хадсоном. Он возвратился в Китай. Для Хадсона слова «Ради Иисуса» стали очень важными. Он говорил, что

истинная радость жизни в том, чтобы все делать ради Иисуса. Так, как это делала Дженни. Когда Хадсон и Дженни стали старше и уже не могли часто ездить в Китай, они передали руководство миссией другим людям. Хадсон тяжело переживал это обстоятельство. «Тяжелее всего ничего не делать ради Иисуса», — сказал он.

Дженни умерла в 1904 году. Ей был тогда шестьдесят один год. Хадсон умер годом позже, в возрасте семидесяти трех лет. Ко времени его кончины Китайская внутренняя миссия, которую он основал практически на поколение раньше, насчитывала восемьсот двадцать пять миссионеров.

За день до смерти Хадсон беседовал с несколькими миссионерами о том, как важно доверять Богу в молитве. Один из его собеседников сказал, что иногда ему трудно молиться Богу о мелочах. Хадсон ответил: «Нет ничего ни мелкого, ни великого. Один Бог велик. И мы должны полностью доверять Ему».

Библиография

Pollock, J. C. *Hudson Taylor and Maria*. New York: McGraw Hill, 1962

Taylor, Dr. And Mrs. Howard. *Hudson Taylor's Spiritual Secret*. Chicago: Moody, 1950.

Taylor, Dr. And Mrs. Howard. *Hudson Taylor and the China Inland Mission*. Philadelphia: China Inland Mission, 1918.

Что там — за подарочной оберткой?

Хороший брак — это как день рождения, когда один за другим разворачиваешь подарки, и каждый из них — приятная неожиданность. Чем дольше муж и жена живут вместе, тем больше они открывают друг в друге прекрасных качеств.

— А я и не знал, что ты так замечательно рисуешь.

— А я и не знала, что ты так любишь детей.

— Я и представления не имел — до чего же ловко ты умеешь разделять индейку.

Неважно, хорошо ли знали супруги о жизни друг друга до их встречи. Они непрерывно открывают друг в друге новое. Иногда и через десять, двадцать, тридцать лет после свадьбы. Пять браков, о которых идет речь в этом разделе, — браки Лютеров, Стоу, Льюисов, Ноксов и Мюллеров, — были полны приятных сюрпризов.

Мартин Лютер не имел представления о том, на что он пошел, когда женился на Кати. Женился он скорее по долгу, чем по любви. Но спустя годы он говорил: «Я не поменял бы Кати ни на Францию, ни на Венецию». Но Кати была достойна большего, гораздо большего, чем то, с чем он ее здесь сравнивает.

Закоренелого холостяка К.С. Льюиса жениться волокли чуть ли не на аркане. Он, как и Лютер, женился скорее из соображений целесообразности. Его привязанность к Джой была, пожалуй, исключительно интеллектуального плана. Но затем начались удивительные сюрпризы, и Льюис позже писал так: «Я никогда бы не подумал, что на седьмом десятке лет обрету то счастье, которого был лишен, когда мне было двадцать». Когда он женился на Джой, он и в самом деле вряд ли мог себе представить, что в 1989 году пьеса о их любви вызовет неистовую бурю восторга во всех рецензиях лондонского Уэст-Энда.

Трудности, с которыми пришлось столкнуться Гарриет Бичер-Стоу, и в двадцатом веке могли бы стать причиной развода. Но ее искренность и чувство юмора не позволяли никаким проблемам превращаться в непреодолимые. Джон Нокс, когда женился на Марджери, свою тещу знал гораздо лучше, чем невесту. Марджери и впрямь оказалась для него сюрпризом. Джордж Мюллер очень долгое время не знал толком — что же там, за оберткой.

Мужья и жены меняются со временем. Ведь преодолевая внешние трудности, они оказывают друг на друга огромное влияние. И прекрасно, когда эти изменения — к лучшему. Мартин Лютер, Гарриет Бичер-Стоу, К.С. Льюис, Джон Нокс и Джордж Мюллер — все они могли бы сказать: «Никогда бы не подумал (не подумала), что буду счастлив (счастлива) в браке с этим человеком». Эти люди менялись. И они обнаружили, что изменения могут как угрожать прочности брака, так и укреплять его. Как же это им удалось? Как получилось так, что браки эти оказались столь успешны, тогда как в наши дни многие похожие браки заходят в тупик?

Читая эти главы, вы сможете открыть для себя кое-какие из их секретов.

В браке приходится ко многому привыкать

Мартин и Кати Лютер

Вы, конечно, знаете, кто такой Мартин Лютер, тот, кто начал дело протестантской Реформации, приколов свои девяносто пять тезисов на дверях церкви в Виттенберге. Но знаете ли вы, кто такая Кати, его жена, беглая монахиня? Она была остра на язык, да и покладистой ее никак нельзя было назвать. Сочетание, скажем прямо, не самое лучшее для семейной жизни. Так какая же была семейная жизнь Мартина и Кати? Очень *не* обычная.

Вы получите удовольствие, читая о том, с какой прямоотой Кати все высказывала мужу. Вспышки эмоций Мартина тоже были весьма живописны. Мартин и Кати выглядят такими живыми и современными... Порой кажется, что живут они где-то здесь, рядом, буквально по соседству. Сперва поражаешься: как этот брак вообще мог существовать? Но чем больше вы будете узнавать о них, тем понятнее будет, в чем заключается их секрет.

«В домашних делах я уступаю Кати. Во всем прочем меня ведет Святой Дух». Так в шутку говорил о своей жене Мартин Лютер. «На первом году брака приходится ко многому привыкать, — как-то заметил он. — Однажды просыпаешься и видишь на подушке две косы. А ведь их там раньше никогда не было». Для сорокаоднолетнего бывшего монаха и двадцатилетней бывшей

монахини в браке была и масса других вещей, к которым приходилось привыкать.

Лютер говорил, что не обменял бы Кати ни на Францию, ни на Венецию. Но однажды, когда Кати начала с ним спорить при собравшихся на обед гостях, он вздохнул и заметил: «Если я когда-нибудь буду жениться снова, я вырублю себе жену из камня». Кати была для Мартина садовником, поваром, сиделкой, скотницей, бухгалтером и пивоваром. Но, конечно же, не камнем. Один биограф называет Кати «сообразительной саксонкой, которая за словом в карман не лезла». Интересная пара для Лютера — спорщика, который воспламенялся за считанные секунды. Ее нельзя было назвать красавицей, с «ее удлинённой головой, высоким лбом, длинным носом и мощным подбородком». Она привлекала людей своим умом и силой своего характера.

По словам одного историка, «она управляла как домашним хозяйством, так и своим мужем. Сей последний с таким положением вещей смирялся, поскольку не был способен заниматься даже элементарнейшими вещами, связанными с хозяйством. Она внесла в его жизнь порядок, и не всегда к его радости». Такую оценку Мартин, вероятно, перефразировал бы следующим образом: «Она управляла тем, что я ей вверил». В первые годы их брака в нем не было абсолютно никакой романтики. Мартин Лютер, вступая в брак, руководствовался скорее чувством долга, нежели любовью, а Кати просто вовремя воспользовалась его слабостью. Но, несомненно, впоследствии между ними возникло глубокое и горячее чувство. Удивительно, но их брак стал образцовым протестантским браком. За несколько лет до свадьбы вряд ли кто мог подумать, что Мартин женится, а Кати выйдет замуж. И даже если бы кто-то предположил, что он или она вступят в брак, можно ли было подумать, что такой брак будет счастливым?

Мартин родился 10 ноября 1485 года в семье шахтера в городе Айслебен, на краю Тюрингского лесного массива. Его воспитание, как домашнее, так и школьное, было очень строгим, что для того времени было характерно. О строгости своих родителей он впоследствии отзывался так: «Вообще-то они хотели мне добра». В связи с дисциплинарными мерами, применявшимися к нему учителями, он говорил так: «Да кто когда любил школьных наставников?» Но, воспитывая своих детей, он заботился о том, чтобы под рукой всегда были сладости, а не только розга.

Всю свою жизнь Лютер боролся против неоправданной жестокости власти. Но в то же время он хотел быть и любимым. Иногда он бывал застенчив, а иногда наслаждался своей популярностью. Иногда земной и очень жестокий, Мартин умел быть нежным и преданным. От своего отца он унаследовал замечательное чувство юмора, а от матери — любовь к музыке. Часто он бывал мрачен и даже впадал в депрессию. Неутомимый труженик, он редко вспоминал о своем здоровье. Да, Мартин Лютер был непростым человеком.

Первый серьезный поворот в его жизни произошел, когда ему был двадцать один год. Он только что получил магистерскую степень в Эрфуртском университете и собирался стать юристом, как того хотел его отец. Мартин хотел угодить отцу, но существовала и высшая Власть, которой, как ему казалось, было почти невозможно покориться в совершенстве. Он ощущал, что Божий гнев вот-вот разразится над его головой. *Можно ли стать настолько праведным, чтобы угодить святому Богу?*— спрашивал он себя. Однажды ночью Мартин возвращался в юридическую школу из родительского дома. Разразилась страшная гроза. Молнии рубили небо. Молодой правовед молил Бога защитить его и дал обет, что пойдет в монастырь, если это будет Ему угодно. И через две недели Мартин ужаснул своих родителей, шокировал друзей,

словом — так и сделал. Обеты, которые он принес, — послушание, бедность, безбрачие, — конечно же, исключали женитьбу. Оставляя мир, он отдавался исключительно молитве. Но ответы, которые он получал на свой вопрос, никогда не удовлетворяли его.

Через несколько лет Мартина перевели в монастырь в Виттенберге, где он стал преподавать Писание во вновь открытом университете. Когда он начал читать лекции по Слову Божьему, — особенно по Посланиям к Римлянам и к Галатам, — он сделал новое открытие. Праведность достигается не трудами. Она даруется нам через веру. Даруется не благодаря тому, что мы делаем, а благодаря тому, что Христос уже сделал ради нас. Он называл это «новым чудесным определением праведности». Мартин Лютер постиг смысл изречения Павла: «Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою».

В 1517 году, когда ему было тридцать три года, Мартин Лютер приколотил свои девяносто пять тезисов на двери виттенбергского собора. Он хотел, чтобы они повлекли за собой академическую дискуссию. А они спровоцировали Великую Реформацию. Четыре года спустя его вызвали на собор в Вормсе, где собрались император Карл V, эрцгерцог Фердинанд, шесть курфюрстов, герцоги, архиепископы, папские нунции, послы — всего более двухсот представителей знати. И хотя Мартин Лютер прекрасно понимал, чем ему это грозило, он все же отказался отречься от того, что написал ранее. Для него авторитетом были не церковь и не папа, а сама Библия, Слово Божье: «На том стою, и не могу иначе. И да поможет мне Бог».

Несколькими днями позже Вормским эдиктом Лютер и его учение были преданы анафеме. Всех граждан просили оказать содействие в его аресте. Если бы кто-то пожелал того, то имел право убить Лютера на месте. Однако Лютер покинул Вормс до подписания эдикта. И по дороге в Виттенберг друзья перехватили его и спрятали в

замке в Вартбурге. Там Мартин скрывался восемь месяцев, переводя Библию на немецкий язык. Тогда ему было тридцать семь лет, и он все еще считал, что не может нарушить данные за шестнадцать лет до того обеты. Позже он говорил: «Если бы на соборе в Вормсе кто-нибудь сказал мне: „Через несколько лет ты будешь жить с женой в собственном доме,“ — я ни за что бы не поверил».

До Вормса Лютер был народным героем. Им восхищались все, кто был недоволен своим положением в обществе. Когда он находился в Вартбурге, Реформация стала принимать такие формы, которые смущали самого Лютера. Монахи и священники начали отрекаться отданных ими обетов и вступать в брак. Лютеру пришлось пересмотреть многое в своем отношении к обету безбрачия. Первой реакцией Лютера были слова: «Святые небеса! Да они никогда не позволят мне жениться».

Вновь отправившись в Виттенберг, Лютер начал наводить порядок в бурном движении, которому сам же и дал первоначальный толчок. Ему приходилось трудно из-за того, что, с одной стороны, в Реформации было много религиозных фанатиков, а с другой — много политических экстремистов. В отсутствие Лютера они (по их собственным словам) руководствовались своими собственными видениями, а не Словом Божиим. Многие верные ученики виггенбергского реформатора были увлечены этим движением, которое готово было свернуть вовсе не туда, куда звал Лютер. Кроме того, на борьбу с феодалами поднимались и крестьяне. Они так же стремились увидеть в Лютере своего вождя. Но когда Лютеру стали ясны их мотивы, он перестал быть героем для всех этих людей. Многие даже называли его предателем.

В Саксонии Лютер чувствовал себя в относительной безопасности, поскольку правитель Саксонии, Фридрих Мудрый, обещал реформатору поддержку и защиту. Но вне Саксонии Лютера поджидали опасности. В 1525 году, через восемь лет после обнародования своих девяноста

пяти тезисов в Виттенберге и через четыре года после смелого выступления на соборе в Вормсе, Лютер оказался в ситуации, когда папа откровенно охотился за ним, крестьяне его ненавидели, а религиозные фанатики считали предателем. Когда ему исполнился сорок один год, у него были основания полагать, что прекрасная роза Реформации уже отцвела. И это был тот самый год, когда Лютер женился. Его невестой стала Катарина фон Бора.

Катарину, которая была моложе Мартина на шестнадцать лет, отправили в монастырь в девятилетнем или десятилетнем возрасте. Ее отец женился вторично, а дерзкий характер и острый язык Кати вовсе не способствовали установлению добрых отношений между ней и ее мачехой. Ее попросту взяли и отослали в монастырь. Через шесть лет она приняла монашеские обеты.

В начале 1520-х годов, непонятно каким образом, в монастырь, где была Кати, стали проникать трактаты Лютера. Затем начали поговаривать о том, что иные монахи и монахини покидают свои обители и становятся последователями этого человека, учившего, что спасение есть дар Бога, а не результат исполнения религиозных обрядов. И вот Кати и одиннадцать других монахинь тайно отправили Лютеру в Виттенберг письмо, в котором писали, что хотят оставить монашество. Они просили его о помощи.

Осуществить их желание было очень трудно, поскольку монастырь находился на территории, подвластной герцогу Георгу, заклятому врагу Лютера. Георг однажды уже жестоко покарал человека, который помог нескольким монахиням бежать из монастыря. Но Лютер разработал простой и надежный план. В городе Торгау, располагавшемся неподалеку, жил уважаемый гражданин, член городского совета, бывший сборщик податей по имени Леонард Копп. У него был заключен контракт на поставку копченой сельди в монастырь

Нимбшен, в котором и находились двенадцать несчастных монахинь. Сельдь поставлялась в бочках. Каким образом Коппу удалось все осуществить, в точности неизвестно. Однако когда он въезжал в монастырь, он вез в своей крытой брезентом повозке двенадцать бочек с сельдью, а когда выезжал оттуда, то, вроде бы, вывозил обратно под тем же брезентом двенадцать пустых бочек. Но бочки пустыми не были.

Через два дня девять монахинь (три других отправились к родителям) стояли у порога Мартина Лютера, и теперь ему предстояло каким-то образом устроить их работать или же выдать замуж. Найти им работу было сложно. Монахини не разбирались в домашнем хозяйстве. Один историк писал: «Все, что они умели — это молиться и петь». Найти им мужей было не легче. В Германии девушки выходили замуж в пятнадцать-шестнадцать лет, а большинство из этих девяти монахинь были значительно старше. Тем не менее Мартин Лютер чувствовал, что просто обязан помочь им. «Мне так жаль эту отчаявшуюся маленькую стайку», — писал он другу.

Кто-то выразил такое мнение, что Лютер мог бы частично решить эту проблему, сам женившись на одной из этих монахинь. Мартин ответил, что об этом не может быть и речи. И не потому, что он был бесполом существом из камня или выступал против брака. Просто за это его могли бы вскоре убить как еретика. Хотя к этому времени он уже не считал себя связанным обетом безбрачия. Постепенно Лютеру удалось найти мужей нескольким монахиням, но одна из них была главной его проблемой. Это была Кати фон Бора, нашедшая временную поденную работу в доме Лукаса Кранаха, соседа Лютера. У Кранаха было большое хозяйство, и он нуждался во множестве помощников.

Не то чтобы никто не проявлял интереса к этой женщине. Ее живой характер привлек внимание молодого человека из знатной нюрнбергской семьи, и они

полюбили друг друга. Но когда юноша сообщил родителям о том, что собирается жениться на беглой монахине, они наотрез отказались благословить этот брак. Кати очень тяжело переживала эту происшедшее. Ее сердце было разбито. Но сваха Лютер не оставлял попыток устроить ее жизнь. Твердо решив найти Кати мужа, он вскоре подобрал другую подходящую кандидатуру. Но, к сожалению, этот человек совершенно не понравился Кати, хотя Лютер и полагал, что в ее положении вряд ли стоило быть уж очень привередливой.

Кати написала Лютеру, что она вовсе не против замужества, но за предложенного им человека ни за что не пойдет. Чтобы подчеркнуть, насколько она стремится вступить в брак, Кати даже решила назвать пару кандидатов себе в мужья, хотя всем, кто был знаком с обстоятельствами этого дела, было совершенно очевидно, что она все еще любила того юношу из Нюрнберга. В качестве возможного своего будущего супруга она назвала Амсдорфа, бывшего, как и Лютер, профессором в Виттенберге. Вторым же кандидатом Кати назвала самого Мартина. И Амсдорфу, и Лютеру было тогда за сорок.

Это письмо Кати попало к Лютеру в очень благоприятный момент. По Европе уже ходили слухи, что в его доме живут девять монахинь. Враги Лютера — а имя им было легион — уже потирали руки, думая, что Мартин погряз в мерзости. Шуточки по поводу гарема Лютера стали обычным делом. На самом же деле на его попечении оставалась одна только Кати, но разговоры на эту тему становились все многочисленнее и несноснее. Монахиня была одна, а слухов — вдесятеро больше. В апреле 1525 года, вскоре после получения письма, Мартин поехал навестить своих пожилых родителей. Его отец, который всегда был против того, чтобы Мартин стал монахом, был рад тому, что сын ушел из монастыря. Теперь, чтобы окончательно порвать с прошлым, тому оставалось сделать

только одно — жениться, вырастить детей и оставить им свое имя.

В течение многих лет Лютер говорил, что брак — это божественное установление. Считать, что безбрачие более возвышенно, — значит противоречить Библии, утверждал он. И вот настало время ему самому осуществить на практике то, о чем он говорил. Для монаха, которому исполнился сорок один год, это был непростой шаг. Он не советовался ни с кем кроме своих родителей. Даже его близкие друзья ничего не знали о его внутренней борьбе. Это было время, когда многие друзья оставили его. Общенациональная известность Лютера поблекла, его духовное влияние слабело. Он понимал, что настало время начинать все с начала. Может быть, когда тебе сорок один, начать с нуля еще не поздно.

Что могло быть лучше брака? Мартин полагал, что свадьба «доставила бы удовольствие отцу, взбесила бы папу, заставила бы ангелов смеяться, а чертей рыдать и скрепила бы печатью его свидетельство». Он также надеялся и на то, что это заставит сплетников умолкнуть. А ведь Кати фактически сделала ему предложение! Чем-то вроде ответа на него стал разговор с нею Лютера, когда он сказал, что его могут сжечь как еретика и что если она выйдет за него замуж, то же самое может ожидать и ее. Но Кати не страшилась гибели. Ухаживания романтическими назвать было никак нельзя. «Я не влюблен до безумия, но я нежен с нею», — говорил Лютер. 10 июня 1525 года Лютер писал: «Дары Божьи нужно брать не раздумывая».

Приняв решение, он даром времени не терял. Свадьба состоялась 13 июня. Свидетелями были Лукас Кранх и его жена. Поспешность, с которой все происходило, породила еще больше слухов, и даже такие близкие друзья, как Филипп Меланхтон, заподозрили, что дело было нечисто. Но сам Лютер говорил: «Если бы я не женился быстро и втайне, открывшись лишь немногим, все бы приложили усилия к тому, чтобы сбить меня с толку; ибо все мои

друзья говорили бы: „Да не на этой женись, вон на той“». Многие из них полагали, что Лютеру следовало вступить в брак с более утонченной женщиной, чем Кати. Лютер и сам, пожалуй, подумывал, не ущипнуть ли себя, чтобы убедиться в том, что все это не сон. «Я сам едва в это верю, — шутил он, — но свидетели утверждают, что это случилось». А когда он приглашал на свадьбу Леонарда Коппа, торговца сельдью, то написал ему: «Богу нравится творить чудеса и дурачить этот мир. Вам нужно приехать на эту свадьбу».

Для обоих супругов первый год их совместной жизни был полон испытаний. Мартин писал: «Пока я не женился, никто не прибирал мою постель целый год. От моего пота солома в матрасе начала гнить. За день я так выматывался, что падал на кровать, ни о чем не думая». И вот этому пришел конец. Кати даже дала ему подушку. Если кто-то прожил в одиночестве так долго, как Мартин, то ему, конечно же, очень трудно принимать в расчет чужое мнение. Но Кати со своим характером решительно вмешалась в процесс принятия решений. К примеру, он как-то собрался на свадьбу к другу. Когда Кати узнала, где состоится свадьба, то устроила скандал. В той местности орудовали шайки мародерствующих крестьян, и они жаждали крови Лютера за кое-какие из его писаний. Кати считала, что ехать туда — безумие. И Лютер смирился. Не поехал.

Но величайшим испытанием для Мартина стало решение финансовых вопросов. Он никогда не умел обращаться с деньгами. Однажды он сказал: «Бог разделил человеческую ладонь на пальцы для того, чтобы между ними могли проваливаться монеты». Он говорил, что «с неохотой брал то, в чем не было острой необходимости, и мог отдать все что угодно, если это не было ему остро необходимо». Когда Кати взялась за финансы, расходы стали жестко контролироваться. Как пишет один из биографов, бережливость фрау Лютер позволила их семье

«накопить значительное состояние, вопреки беспримерной щедрости и гостеприимству ее мужа». Иногда она просто прятала деньги, чтобы Мартин не раздал их. Мартин любил приглашать в дом студентов, но Кати настояла на том, чтобы те платили за стол и за жилье, если собирались остаться надолго.

Многое говорит о том, что в первые годы брака Лютер очень беспокоился о благосостоянии семьи. Он даже установил дома токарный станок, надеясь зарабатывать на жизнь ремеслом, если ему откажут в государственном содержании. Никаких свидетельств того, что Мартин хотя бы раз в жизни поработал за тем станком, нет. Как бы там ни было, его философией было: «Господь обеспечит нас всем необходимым». Лучшее из того, что Лютер сделал, было сделано не за станком, а за письменным столом. Ему приходилось привыкать работать на людях. В монастыре он привык к уединению, но Кати это очень не нравилось. Рассказывают, будто он как-то заперся на три дня в своем кабинете, пока Кати, наконец, не выломала дверь. Мартин невинными глазами посмотрел на жену, стоящую в осиротевшем дверном проеме, и сказал: «Зачем ты это сделала? Я ведь ничем плохим не занимался».

Даже после того, как у них родились дети, — а их было у Мартина и Кати шестеро, — Лютер, уже привыкший, казалось бы, работать среди шума, часто пытался замкнуться хотя бы в своих мыслях. А Кати именно в это время начинала испытывать жажду общения. Биограф Роланд Бэйнтон пишет: «Ритм чередования работы и отдыха не совпадал у Лютера и его жены. Проведя день с детьми, прислугой и домашними животными, она хотела поговорить с кем-то о своих проблемах всерьез. А он, после четырех проповедей, лекций и разговоров со студентами, мечтал упасть в кресло и углубиться в чтение». Но Кати как раз хотела порасспросить его о прусском короле, о предопределении,

или о том, почему Давид в псалмах так похвывается своей праведностью, которой у него и в помине не было.

Лютер говорил: «Вся моя жизнь — терпение», — хотя и признавал, что терпение не было главной его добродетелью. «Мне надо быть терпеливым с папой; мне надо быть терпеливым с еретиками: мне надо быть терпеливым с моей семьей; мне даже надо быть терпеливым с Кати». Но Кати приходилось проявлять гораздо большее терпение по отношению к своему гениальному мужу. У него был очень неустойчивый темперамент. Плохое здоровье часто наводило на него меланхолию. «Думаю, что мои болезни — это не что-то естественное. Это результат колдовства», — сказал он однажды. В другой раз он сказал: «Я так болен, а никто мне не верит». У него был целый букет недугов, состоящий из подагры, бессонницы, катара, геморроя, запора, камней в почках, головокружения и звона в ушах. Кати терпеливо лечила его диетой, травами, припарками и массажем. Но однажды, когда она дала ему какое-то лекарство, он изрек: «Лучший рецепт для меня записан в третьей главе Евангелия от Иоанна: „Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную“».

Кати была для Мартина гораздо большим, чем просто швец, жнец и на дуде игрец. Она исключительно хорошо справлялась с вечно растущим домашним хозяйством Лютера. Августинский монастырь, в котором Лютер жил, когда был монахом, был передан властями Мартину и Кати в совместное владение. На первом этаже здания было сорок комнат. На втором располагались кельи, переоборудованные в спальни. И временами каждая из этих комнат была кем-нибудь занята. Кроме шестерых детей Лютера там жило еще полдюжины его племянников и племянниц, которых он забрал к себе по доброте душевной. Потом у одного из друзей от чумы умерла жена, и Лютер привез к себе четверых его детей. Чтобы как-то

справляться с растущим хозяйством, Кати пригласила помогать ей кое-кого из своих родственников, в том числе тетю Магдалену, которая стала «нянюшкой» для детей Лютера. Все называли ее «мама Лена».

Кроме детей там было еще множество преподавателей и студентов и, конечно же, из-за возросшей славы Лютера, гостей, неожиданно наезжавших из Англии, Венгрии и вообще ото всюду. Один князь хотел остановиться в монастыре на несколько дней, но передумал. Он получил письмо, в котором ему описали, что это за место: «Странная смесь молодежи, студентов, молодых вдов, старух и детей постоянно шумит в доме доктора. Там очень беспокойно». А общительный Лютер расцветал в этой суматохе все больше и больше.

Студенты, слушавшие лекции Лютера в дневное время, за ужином, в неформальной обстановке, засыпали его вопросами. Так возникли знаменитые «Застольные беседы». Кати сидела на другом конце стола в окружении детей, а студенты делали записи, внимая учителю. Вне всякого сомнения, она очень ревновала мужа к его студентам, которые за ужином имели возможность быть гораздо ближе к доктору Лютеру, чем она сама. Но она понимала, что муж нуждается в их внимании. Когда она узнала, что студенты собираются опубликовать сделанные ими записи, Кати хотела сделать право на такие записи платным. Мартин был против этого. Позже в различных версиях «Застольных бесед» эти студенты опубликовали шесть тысяч пятьсот девяносто шесть изречений Лютера. Если бы Кати добилась своего, то она получила бы по гульдену за каждое.

Иногда во время таких неформальных бесед речь Лютера становилась довольно резкой и даже грубой. Тогда Кати обрывала его: «Ну-ну, перестань. Это уже слишком». И такое случалось довольно часто, поскольку изысканностью речи Лютер не славился. Еще чаще весь ужин занимали разговоры, а не еда. И когда Кати, никогда

на колкостях не экономившая, говорила мужу: «Почему бы вам, доктор, не умолкнуть и не начать есть?» — он отвечал примерно так: «Женщинам, каждый раз прежде чем открыть рот, нужно мысленно повторить „Отче наш“». На людях Кати называла его «доктор». А Мартин называл ее как угодно. Иногда, намекая на Еву, он называл ее своим ребром. Чаще, намекая на то, как прекрасно она управлялась с огромным хозяйством, он называл ее «господин мой». Иногда он называл ее «моя цепь», то есть по-немецки *Kethe*.

Днем дети часто играли в кабинете Лютера. Однажды он сказал о своем сыне Гансе: «Когда я работаю, он поет мне песни, и если он делает это слишком громко, я браню его. Но он все равно не перестает».

Кати оказалась не только прекрасной матерью и домохозяйкой. Она блестяще управляла фермами, садами и скотом, которые Лютеры со временем приобрели благодаря ее бережливости и расчетливости. Также она занималась и небольшой семейной пивоварней, и Лютер часто хвалил жену за ее замечательное пиво. Кати перестроила монастырь, сделала ванную и три больших погреба. Она ставила перед собой задачу добиться того, чтобы их огромное хозяйство содержало себя само, и поэтому выращивала бобы, горох, репу, дыни и салат на огороде и еще восемь разных видов фруктов в саду. (Как-то Лютер великодушно согласился поухаживать за садом в течение года.) Некоторое время поколебавшись, Мартин дал согласие на покупку еще одного сада. Решающим доводом стало то, что через этот сад протекал ручей. Теперь Кати ловила там рыбу на ужин. В хозяйстве также было восемь свиней, пять коров, девять телят. Кроме того, куры, голуби, гуси и пес по имени Тольпель, с которым Лютер надеялся встретиться на небесах. И все это было на Кати. Она даже освоила ветеринарию.

В письме к другу Мартин как-то писал: «Мой господин Кати шлет тебе привет. Она засекает наши поля,

пасет наши стада, занимается торговлей и так далее. В перерывах начала читать Библию.

Я пообещал дать ей пятьдесят гульденов, если успеет дочитать до Пасхи. Она старается, и уже добралась до конца Пятикнижия Моисеева». Странно было бы, если б она нашла время прочесть «Послание Иуды», не говоря уж обо всей Библии. Но Мартин все подгонял ее, пока она, наконец, не сказала ему: «Бог свидетель, я всегда жила в соответствии с нею!»

Прожив с Кати двадцать лет, Мартин еще больше *стал* ценить брак. Брак — это школа характеров, и оба они в ней многому научились. Они учились как друг у друга, так и у своих детей. Однажды Лютер сказал, что отец учится жизни даже когда вывешивает пеленки на глазах смеющихся соседей. «Пусть их смеются, — заключает он. — Бог и ангелы улыбаются на небесах». Он считал, что чудо в Кане, описанное во второй главе Евангелия от Иоанна, — это притча о браке. Он говорил: «Первая любовь опьяняет. А когда проходит похмелье, приходит истинная любовь в браке». Лучшее вино подается позже. Временами может казаться, что вино вытекает. «Я не стремлюсь избегать неприятностей в браке. Иногда я их даже провоцирую. Но все всегда оканчивается к лучшему, и это знают только те, кто попробовал это вино».

Так как и Мартин, и Кати — оба были остры на язык, ссоры случались в их доме нередко. «Но подумайте, — говорил Мартин, — сколько раз ссорились Адам и Ева за свои девятьсот лет жизни. Она ему: „Ты съел яблоко“. А он в ответ: „Да ты же сама мне его дала!“» Несмотря на перебранки, их брак был счастливым. «Иметь в браке мир и любовь — это дар, сравнимый с постижением Евангелия», — сказал однажды Мартин. И никто не станет отрицать, что Лютеры обладали этим даром.

До брака Лютер часто отзывался о женитьбе как о требовании плоти. А после того как женился, подчеркивал его духовную сторону. Он обличал тех мужчин, которые

женились только из плотских побуждений, оскорбляли жен и понятия не имели о том, что такое любовь. Он говорил, что брак — это не шутка, он требует трудов и молитв. «Жениться легко. Но вот относиться к жене с любовью гораздо труднее... поскольку единения плоти здесь недостаточно. В браке необходимо единство вкусов и характеров. И это единство не достигается за одну ночь». Он говорил также: «Многие браки заключаются из похоти. Но похоть чувствуют даже вши и блохи. Любовь начинается тогда, когда мы начинаем служить другому... Конечно же, христианин должен любить свою жену. Он должен любить и ближнего, а ведь ближе жены никого нет, и ее он должен любить больше всего. Но жена должна быть и самым близким другом».

Лютер очень часто говорил о своей жене. И очевидно, что их действительно объединяла верная дружба. Когда он говорил о «Послании к Галатам», то называл его «моя Катарина фон Бора». А ведь читая это послание, он пережил духовное возрождение. Это была его самая любимая книга в Библии. Однажды, когда он говорил о том, как важно все доверять Христу, даже в ежедневных своих заботах, то признался: «Я так доверяю Кати, что жду от нее большего, чем от Христа». Возможно, это свидетельствует скорее о его отношении к жене, чем о недостатке преданности Иисусу Христу. «Ничего нет прекраснее согласия в браке, и ничего печальнее раздоров», — говорил Лютер. И несомненно, что в его браке было как первое, так и второе. «Печальнее только потеря ребенка. Я знаю, какая это боль».

Лютеры потеряли своего второго ребенка, девочку, когда той не исполнилось еще и года. Также и третьего, дочь Магдалену, которой было тринадцать. «Как странно, — сказал Лютер после ее смерти, — она теперь счастлива, а я так печален». Но дети приносили им много радости. Он говорил о детях: «Бог послал мне в них больше даров, чем любому епископу за тысячу лет». А дети у Лютера были

нормальными, суматошными, энергичными ребятишками. Одному из них он как-то выдал такую тираду: «Дитя! Что ты сделало такого, что я тебя так люблю? Напачкало во всех углах и орешь по всему дому?» В 1531 году, видя, как Кати ласкает их младшего сына, Мартина, он сказал: «Как бы я хотел, чтобы Бог говорил со мной еще нежнее, чем Кати с малышом Мартином».

Их дочь Магдалена умерла, когда Мартину было пятьдесят девять. Для Лютера это был очень тяжелый удар. В то время у него было множество и других тяжких испытаний. Его здоровье ухудшалось, и он оказался втянутым в многочисленные церковные споры. Вне дома он становился все более сварливым и раздражительным. Один из его друзей сказал, что он может разрушить все, что создал за предыдущие десятилетия. Но дом был его убежищем. И нет никаких свидетельств того, что внешние проблемы отражались на семейной жизни Лютеров. На смертном одре Лютер сказал: «Если это воля Божья, прими ее». Кати ответила: «Мой дорогой доктор, если на то воля Божья, то я больше буду радоваться, если ты будешь с Господом, а не здесь, с нами. Не беспокойся о нас. Господь о нас позаботится». В 1546 году, в возрасте шестидесяти двух лет, Мартин умер. Кати умерла четырьмя годами позже. Ее последними словами были: «Я проникну ко Христу, словно иголка, которую втыкают в пальто».

Мартин Лютер, конечно, был главной фигурой протестантской Реформации. А вот Мартин и Кати вместе — разрушили господствовавшие тогда представления о браке. Мартин любил повторять: «Пусть жена сделает так, чтобы муж радовался, приходя домой. А муж пусть сделает так, чтобы она грустила, видя как он уходит». Успех любого брака зависит от двоих людей, которые не боятся изменяться со временем. Такими были Мартин и Кати.

Библиография

Bainton, Roland. *Here I Stand*. Nashville: Abingdon, 1950.

D'Aubigne, J. H. Merle. *The Life and Times of Martin Luther*. Chicago: Moody, 1950. Friedenthal, Richard. *Luther: His Life and Times*. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1967.

Luther, Martin. *Table Talk*. New Canaan, Conn.: Keats, 1979.

Schwiebert, E. G. *Luther and His Times*. St. Louis: Concordia, 1950.

Совершенно разные

Кэлвин и Гарриет Бичер-Стоу

«Кто такой Кэлвин Стоу?» — спросите вы. Он был мужем Гарриет Бичер-Стоу, известной писательницы, автора «Хижины дяди Тома». Она происходила из известной семьи Бичер в Новой Англии. Авраам Линкольн говорил, что именно Гарриет способствовала началу Гражданской войны в Соединенных Штатах. Это она читала лекции, как в Англии, так и в Америке, и написала множество статей и книг.

Но вы снова спрашиваете: «А Кэлвин-то кто такой?» Что ж, мне будет приятно вам его представить. Жениться в девятнадцатом веке на женщине, сделавшей фантастическую карьеру, — мужчине это кое-чего стоит. Но чего именно? Каким клеем склеили этих двух людей, которые все время критиковали друг друга и при этом оставались вместе?

«Мой дорогой муж, я много думала о тех испытаниях, которые выпали на твою долю. И я очень жалею тебя — ну что у тебя за жена! Я, по-моему, всегда была тебе помехой, а не поддержкой. И я каждый день молю Бога о том, чтобы Он поправил мое здоровье, чтобы я могла хоть что-нибудь сделать для тебя и для семьи. Если бы только я была дома, я бы, по крайней мере, вытирала пыль и мыла полы. И чистила бы картошку».

Однако очень сомнительно, чтобы Гэтти Стоу, оказавшись она дома, навывтирала бы много пыли, не говоря уже о полах и картошке. В своих поздних книгах Гарриет Бичер-Стоу писала о «ежедневном служении святыми трудами» и о том, что «тяжелый труд нельзя воспринимать как нечто грубое и сугубо земное». Но сама она не

слишком часто соответствовала идеалам, которые декларировала. Однажды, когда муж куда-то уехал, она написала ему: «Я чувствую себя дома как в тюрьме. Мне все это надоело». А годом позже, когда Кэлвин Стоу отправился на конференцию пасторов, она написала: «Мне опротивел запах скисшего молока, скисшей еды.

Такое впечатление, будто все в доме скисло. Одежда не сохнет, все мокрое, все пропахло плесенью. По-моему, я уже никогда не смогу ничего есть». Все это больше напоминает жалобы той самой Федоры, от которой сбежала вся посуда, чем речи женщины, призывавшей не воспринимать тяжелый труд как нечто грубое.

Кэлвин Стоу, в общем-то, тоже не был мастером на все руки. Неуклюжий и неэнергичный, он часто пребывал во власти дурного настроения. Он был типичным ипохондриком, часто впадавшим в депрессию. Нередко у него опускались руки, и он, мрачный, запирался в своей комнате и не выходил оттуда часами. Слава Гэтти как величайшей американской писательницы девятнадцатого века затмила незаурядные способности Кэлвина как профессора семинарии. Ею восхищались и литераторы, и политики по обе стороны Атлантики: от Диккенса до Твена и от королевы Виктории до Линкольна. Линкольн даже считал, что это именно она начала Гражданскую войну. А Кэлвин? Временами можно было видеть, как он уныло следует за ней по лекциям и банкетам.

Кэлвин был знающим в своей области ученым, исключительно эрудированным человеком, и Гэтти гордилась им, но таким его почти никто не знал. По правде говоря, даже большинство биографов Гэтти писали о нем как о «прожорливом, застенчивом и ленивом неврастенике, который никогда ничего не мог предпринять в трудной ситуации, да и вообще не был способен довести до конца хоть что-нибудь». Может, так оно и было на самом деле. Но брак Стоу был на удивление прочным. Эти люди

любили друг друга и отличались редкостным чувством юмора.

«Хижина дяди Тома» стала исключительно популярна. За полгода было раскуплено 100 000 экземпляров этой книги. Проснувшись однажды утром, Гэтти обнаружила, что возглавляет движение аболиционистов³ в Америке. Вообще-то она никогда не имела крайне радикальных взглядов. Она всегда была утонченным и любезным человеком, и в политическом отношении весьма умеренным, как и ее отец, Лаймен.

Лаймен Бичер, пастор церкви конгрегационалистов в Личфилде (Коннектикут), выступал против дуэлей, пьянства и унитаризма. Он полагал, что лучшим решением проблемы рабства будет духовное возрождение, а не аболиционизм. У него было свое особое мнение относительно всего, включая и рождение в 1811 году его шестого ребенка. Он всем говорил, что хочет мальчика. А родилась Гарриет. Но она была талантливым ребенком, и это утешило отца. Когда ей исполнилось шесть лет, он называл ее гением. В доме Бичеров обсуждались очень серьезные вопросы, и это оказывало на Гарриет огромное влияние. Ее отец пришел в восторг, когда она в двенадцатилетнем возрасте написала эссе «Доказывает ли свет природы бессмертие души?» Гэтти очень любила читать. Лорд Байрон был для нее полубогом, и его стихи во всем ее круге чтения были единственным, что можно было счесть не соответствующим твердым нравственным устоям. Характер у нее был странный: иногда она была хмурой и замкнутой, а иногда остроумной и беззаботной. Она была хорошим слушателем и умела глубоко сочувствовать людям.

В семье Бичер были сплошь индивидуалисты. Старшая сестра Гэтти, Кэтрин, открыла школу для девочек в Хартфорде. В тринадцать лет Гэтти в течение года

³ Аболиционизм — в США в конце XVII — нач. XIX вв. — движение за отмену рабства негров. — *Примеч. ред.*

посещала эту школу, а в следующем году уже преподавала там латынь. И этот год стал очень значительным в ее жизни. Во-первых, умер лорд Байрон. Это повергло ее в отчаяние. Чтобы оправиться от этого удара, она следующим летом поехала домой, послушать проповеди своего отца. Во всей Новой Англии Лаймен Бичер считался просто исключительным проповедником. Но на Гэтти его ораторский талант не производил особого впечатления, да и сам он относился к своей популярности очень трезво. Он даже как-то заметил: «Чем эмоциональнее я говорю, тем меньше у меня есть что сказать». А Гэтти говорила: «Большинство проповедей отца были для меня так же невразумительны, как если бы он произнес их на языке чоктау».

Но однажды в воскресенье все оказалось иначе. Может быть, потому что Лаймен не смог разобрать нацарапанного на скомканной бумажке заранее подготовленного текста и говорил экспромтом. Темой были слова Христа: «Я уже не называю вас рабами... но Я назвал вас друзьями». Гэтти внимательно слушала: «Его голос был как-то по-особому патетически серьезен». И сердце Гэтти откликнулось. В этот день она упала на колени в кабинете отца и выговорила сквозь слезы: «Отец, я отдала свою жизнь Иисусу. И Он принял меня».

Сестре Кэтрин, которой подобное решение далось ценой мучительных исканий, обращение Гэтти показалось слишком уж быстрым и легким. Она говорила, что ей удивительно то, как «овечка попала в овчарню еще до того, как пастырь погонял ее как следует по пастбищу». Но внутренние борения были у Гэтти еще впереди. Она считала себя ни на что не годной. Это чувство мучило ее до тех пор, пока она не написала «Хижину дяди Тома». В пятнадцатилетнем возрасте она писала Кэтрин: «Не представляю, чем бы я могла заняться в жизни. Думаю, мне лучше умереть в молодости, и пусть память обо мне и моих заблуждениях уйдет со мною в могилу, чем жить и быть

для всех помехой. Ты не представляешь, какой жалкой я себя чувствую, никому не нужной, слабой, лишенной даже намека на инициативу. Мама часто говорит мне, что я странное, непоследовательное существо».

Она и впрямь была странной и непоследовательной. Когда ей исполнился двадцать один год, она была «красивой молодой женщиной среднего роста и обладала изящной, стройной фигурой». Но поклонников у нее не было. Она слишком много времени проводила за учебой, чтением или просто в мечтах. В семье ее называли совой, проводившей ночи над книгами. Ее и саму очень беспокоило отсутствие друзей. Как-то она спросила старшего брата: «Как ты думаешь, можно ли так глубоко ощущать и переживать присутствие Бога, чтобы не нуждаться в земных друзьях?» В двадцать один год она приняла решение порвать с прежней своей замкнутостью. «Я не собираюсь больше сидеть в углу. Я сама приобрету столько знакомств, сколько найдется людей, которые захотят со мной познакомиться». Она выбрала благоприятное время для такого решения. Ее отца, Лаймена Бичера, как раз пригласили стать президентом Богословской семинарии Лэйна в Цинциннати (Огайо). Осенью вся семья отправилась на запад, разбрасывая тексты проповедей из окон дилижанса.

Кэтрин тоже поехала и через несколько месяцев открыла новую школу для девушек в Цинциннати, которую назвала Западной женской семинарией. Кэтрин не хватало хорошего учебника по географии, и она попросила Гэтти написать для нее такой учебник. За несколько месяцев Гэтти написала первую часть, но сроки сдачи всей работы были очень жесткими, и она снова впала в депрессию. «Моя беда в том, что я слишком много размышляю, слишком много переживаю... Мой разум истощен, он просто мертвеет... Размышления и переживания несут мне только боль». Но вскоре у нее появились новые друзья. В августе 1833 года в

Цинциннати приехал Кэлвин Стоу, недавно назначенный преподавателем библейской литературы в семинарии. Кэлвин приехал вместе со своей женой Элизой, с которой Гэтти очень близко подружилась. Все трое вступили в литературное объединение под названием «Клуб точки с запятой». Гэтти робко представила на суд публики несколько своих рассказов, и ее поразил энтузиазм, с которым они были приняты.

Год спустя Элиза Стоу умерла от холеры. Гэтти сильно переживала, почти так же сильно, как овдовевший Кэлвин Стоу. Они находили друг в друге поддержку и утешение.

Как и Гэтти, Кэлвин был родом из Новой Англии. Его отец умер, когда Кэлвину было всего шесть месяцев. Кэлвина вырастили «нервная, капризная мать и две суровые тетки — старые девы». Психологические последствия этого воспитания сказывались на Кэлвине всю оставшуюся жизнь. Каким-то образом он сумел накопить денег на колледж, который четыре года спустя с блеском окончил. Его авторитет как специалиста по классическому ивриту быстро рос, и, хотя ему не было еще и тридцати лет, его пригласили преподавать в семинарию в Цинциннати, которой руководил Лаймен Бичер.

Прекрасным принцем для Гэтти мог бы стать человек, представлявший собою нечто среднее между мятущимся литератором лордом Байроном и таким блестящим проповедником, как ее отец. На первый взгляд Кэлвин не имел ничего общего ни с тем, ни с другим. Но он интересовался литературой, произносил интересные проповеди и был прекрасным преподавателем. Однако большинство биографов утверждают, что это был «пухлый и неопрятный, толстый и лысый, круглолицый и бестолковый, коротенький, низенький, застенчивый, ленивый, ни на что не годный вертопрах». Много позже Сьюзи Клеменс, дочь Марка Твена, увидела его на улице и бросилась домой с криком: «Папа, там Санта-Клаус!» Даже

Гэтти порой посмеивалась над ним. Как-то она в шутку написала подруге: «Кэлвин точно ведет свой род от гоблинов. Возможно, в стародавние времена он бродил по лесам Германии. А то, что он родился в Америке, — это огромная ошибка».

К счастью, Кэлвин тоже не был лишен чувства юмора. Сначала он был так привязан к Гэтти потому, что она охотно говорила с ним о его умершей жене. Он был очень привязан и к дому Бичеров; не очень изысканный, этот дом отличался хорошим вкусом и был полон юмора, разговоров о вере и уюта. Гэтти, конечно, льстило, что талантливый молодой преподаватель, старше ее на восемь лет, проявлял к ней интерес. Кажется, одно происшествие весьма упрочило их отношения. Однажды, спустя несколько месяцев после смерти Элизы, Лаймэн Бичер, Гэтти и Кэлвин Стоу отправились на пасторское собрание в дом одного священника, жившего на берегу реки Огайо неподалеку от Цинциннати. Они заметили, что с наступлением темноты священник зажег фонарь и повесил его на окно. Когда его спросили, зачем он это сделал, тот объяснил, что любой раб, живший за рекой, в Кентукки, знал, что фонарь в окне — это знак, что в этом доме он найдет еду и одежду, если решится бежать. Затем священник рассказал несколько историй о рабах, которым он помог. Он рассказал и о молодой темнокожей матери, которая бросилась на другую сторону реки Огайо, когда лед уже начал таять. Ребенка она привязала к груди. Бежать по мартовскому льду было очень опасно, на реке чернели большие полыньи. Поверхность льда покрывал тонкий слой воды, и каждый шаг мог стать последним. Она скользила, падала, бежала дальше, чтобы падать снова и снова. Но она добралась до противоположного берега, вскарабкалась по крутому спуску и постучалась в дверь дома священника. Эту историю ни Кэлвин, ни Гэтти не забудут никогда.

Укреплению их отношений способствовали и проповеди, которые читал Кэлвин. Гэтти давала отчет об этих проповедях в газету. Чтобы убедиться в том, что основные моменты отмечены верно, она встречалась с Кэлвином перед его выступлением и сразу же после него. Примерно через год после смерти Элизы Кэлвин сделал Гэтти предложение. Спустя несколько месяцев — в январе 1836 года — они поженились. Ей было двадцать четыре, а ему — тридцать два года. В день свадьбы она написала подруге в Новую Англию: «Что ж, через полчаса твой старый друг, товарищ, однокашник и т. д. перестанет быть Гэтти Бичер и станет неизвестно кем... Я все мучилась и мучилась какими-то страхами, не спала целую неделю, все думала — как я смогу пережить этот жуткий кризис. Но вот этот день настал. И я совершенно ничего не чувствую». Три недели спустя она продолжила свой репортаж о браке: «Дорогая, я сама себе удивляюсь: я совершенно счастлива и спокойна».

Конечно, ей было трудно привыкнуть к Кэлвину. Поскольку он не умел ни пилить, ни забивать гвозди, кое-чему Гэтти пришлось учиться самой. Но недостаток сноровки Кэлвина вовсе не разочаровывал ее. Ей было очевидно, что она вышла замуж за талантливого ученого, который делает блестящую академическую карьеру. Их свадебным путешествием стала поездка на конференцию, где он выступал с докладом о системе образования в Пруссии. Пять месяцев спустя он уже был в Европе, благодаря полученному им от правительства штата Огайо гранту (на что Кэлвина сподвиг Уильям Генри Гаррисон), и изучал европейские методики образования. Еще до его возвращения Гэтти, все чаще называвшая себя Гарриет, родила близнецов: Элизу Тайлер Стоу (названную так в честь первой жены Кэлвина) и Гарриет Бичер Стоу. Третий ребенок, Генри Эллис, родился годом позже.

Таким образом, за два года брака она стала матерью троих детей. Свой день рождения она описывала так: «С

утра я вскакиваю. Тут же просыпается и малыш. „Ну-ну, мой маленький, будь умницей и дай маме одеться. Она так торопится“. Я еще не успела надеть на себя платье, а он уже скатился с подушки, кричит и воет с простыней. Прodeв руку в один рукав и не успев разобраться со вторым, я спешу к нему на помощь. Усадив его попрочнее, я ношусь туда и сюда по комнате босиком, в поисках подушек и одеял, с помощью которых мне нужно устроить его поудобнее. Затем я надеваю до конца свое платье и бегу вниз, чтобы убедиться в том, что завтрак готов. Потом — обратно в детскую, помня, что сегодня день стирки и впереди еще полно работы. И начинаю подметать и приводить все в порядок. Ведь у меня в доме три несчастья, которые способны все перевернуть вверх дном».

Трое бeдовыx детей и один рассеянный муж доставляли Гарриет довольно хлопот, но надвигались и другие проблемы. В семинарии становилось все хуже с финансами, а столкновения на почве вопроса о рабовладении будоражили город. Кэлвин нервничал. А Гарриет, казалось, и не думала о внешних проблемах: «Меня не занимает ничто, кроме поденной работы с детьми и по хозяйству». Чем дольше они жили вместе, тем острее ощущали, какие они разные. Кэлвин говорил об этом так: «По природе я очень нервный. Вплоть до того, что тяжело переживаю неприятности, которые еще не случились. Ты же так оптимистична, что будущее тебя не интересует.

Ты живешь только сегодняшним днем». Кэлвин беспрерывно хандрил, а Гарриет была вечно беззаботна.

Мать Кэлвина приехала к ним, чтобы помочь ухаживать за детьми, но укреплению брака она не помогла ни в малейшей мере. Она непрерывно критиковала Гарриет за то, как та тратила деньги, и за то, что та вечно опаздывала. Гарриет говорила, что ее свекровь «постоянно жаловалась», и из-за этого Кэлвин начал видеть все, что бы ни делала его жена, только «в превратном свете». Поскольку зарплата Кэлвина все сокращалась и

сокращалась, Гарриет решила написать несколько статей и попробовать опубликовать их на Востоке. Она осуществила эту затею с блеском. «Написав несколько вещей, я смогла убедить всех в доме, что на это требуется время. Теперь домашними делами занимается толстая немка, а Анна может быть теперь с детьми постоянно. Так что два-три часа в день я могу писать. И если то там, то тут в печати появляется мое имя, то знай — я делаю это ради денег».

Стиль Гарриет был очень близок к естественной разговорной речи. У нее не было времени оттачивать стиль, поэтому она писала так, как говорила. И это всем очень понравилось. И Кэлвину тоже. Он был благодарен ей за чеки, которые пришли от издателей журналов на Востоке. И он радовался тому, что у его жены есть возможность раскрыть свои таланты. Однажды, когда она уехала в Нью-Йорк на переговоры с издателями, он написал ей: «Моя дорогая, тебе нужно писать. Так записано в книге судеб». Доходы Кэлвина сократились вдвое из-за бедственного положения семинарии. Он писал тогда: «Мой разум очень страдает от депрессии. Я кое-чего добился со времени моей болезни зимой, но сейчас у меня такое угнетенное состояние, что я не могу ничего ни планировать, ни осуществлять... Если человек не имеет сил ни думать, ни помнить о чем-либо, тогда что он может осуществить?»

Но случилось так, что брата Гарриет, Джорджа, который был всего на год ее старше, нашли со смертельным огнестрельным ранением во дворе его дома в Рочестере, штат Нью-Йорк. И все словно бы сломалось в душе Гарриет. Она очень сильно переживала и совершенно перестала писать. Почти единственным, что могло ее заставить рассмеяться, было то, как муж пытался заботиться о семье. «Кэлвин просто потрясюще переквалифицировался в домохозяйку и няню. Невозможно не смеяться, когда он сурово выступает в своих очках во

главе маленького отряда в пижамах, препровождая его по постелям. Он сам говорит, что ухаживает за ними, как утка за утятами».

Когда ее здоровье начало сдавать из-за психологических перегрузок, Гарриет поехала в санаторий в Вермонт лечиться водами. Но Кэлвину, пожалуй, было еще тяжелее. В письмах они часто писали о своей любви друг к другу. Он говорил, что любит ее настолько, насколько вообще способен любить себе подобного. Но письма также свидетельствуют и о неуверенности Кэлвина в себе. Он задумывался о том, чтобы оставить служение. И задумывался об этом не из-за финансового положения семинарии, а из-за своего духовного состояния. Он писал ей: «Я пытаюсь быть более духовным. И обнаруживаю в себе огромное стремление ко всем видам чувственного удовлетворения». Гарриет отвечала: «Любовь моя, ведь ты знаешь, как покоряет и изменяет человека служение Иисусу. А ты же жаждешь знания. Тебе нужно так же страстно искать Христа. И ты тогда познаешь Его. Если бы ты изучал Христа хотя бы с половиной энергии, с какой изучаешь Лютера, если бы ты общался с Ним с таким же удовольствием, с каким ты ежедневно прочитываешь газету, — тогда надежда на спасение, предчувствие славы возникли бы в тебе сами собой... Ты не можешь сосредоточить на этом достаточно внимания, усилий и талантов, которыми я так восхищаюсь в тебе. Но когда ты начинаешь беспокоиться, нервничать и страшиться нищеты, ты все заботы забираешь из рук Христа и взваливаешь на себя».

Но такие увещания шли не только от нее к нему. Когда она сама становилась мрачной, он писал ей: «Неужели твое духовное состояние, дающее ощущение счастья и уверенности, ушло в никуда? Ведь моя главная надежда — в бессилии и тьме моего разума — это то, что ты всегда будешь моим проповедником и опорой моим неуверенным шагам по этой жизни». Когда Гарриет писала

Кэлвину, что в духовном отношении ее жизнь «стала много более полной», он обретал «великое успокоение среди всех несчастий». Безусловно, ее большой заслугой было то, что она духовно поддерживала мужа.

В 1850 году Кэлвин и Гарриет покинули Цинциннати. Кэлвину представилась возможность преподавать в своей «альма-матер», колледже Бодуэн, штат Мэн. Той зимой у Гарриет вновь появилось свободное время для того, чтобы писать. Но о чем писать? Ее сестра Кэтрин советовала написать какую-нибудь историю о рабах: «Гэтти, если бы я так же владела словом, как ты, я бы написала нечто такое, что заставило бы всю нацию содрогнуться от осознания, какая это ужасная вещь — рабство». Гарриет спросила совета и у своего брата, Генри Уорда Бичера. Тот ответил: «Сделай это, Гэтти. Напиши что-нибудь, и я первый же заброшу этим всю страну, как сеятель». Гэтти не чувствовала вдохновения. Но, решив, о чем писать, она набросала несколько страниц. Кэлвин взял их, медленно прочел и сказал ей со слезами на глазах: «Гэтти, вот оно. Начинай историю с самого начала. Разработай ее. Это и есть твоя книга». Она погрузилась в работу, и вскоре «Хижина дяди Тома» была написана. Сначала подзаголовок был таким: «Человек, который был вещью». Но потом Гэтти изменила его на «Жизнь среди несчастных».

Роман первоначально издавался небольшими частями в журнале «Эра нации», и Гэтти едва успевала сдавать рукописи в срок. Она часто уходила из дома в колледж, где работал Кэлвин. В его кабинете она могла работать спокойно, без помех. Хотя роман пользовался несомненным успехом, книгоиздатель колебался. Он не был уверен в том, что вкладывать деньги в это издание имеет какой-нибудь смысл. И обратился к Кэлвину Стоу с предложением взять на себя половину расходов по изданию книги. Но необходимых для этого денег у Кэлвина не было. Впоследствии издатель согласился

выплатить Стоу в качестве гонорара десять процентов от прибыли, которая будет выручена от продажи романа, и напечатал пять тысяч экземпляров книги. Этот тираж раскупили за два дня. Издатель выпустил дополнительный тираж, и через три месяца распродал еще двадцать тысяч экземпляров книги. Тогда он взялся за подготовку следующего тиража.

Гарриет проснулась знаменитой. Издатель еще не выписал ей чек, но сообщил, что речь идет о тысячах долларов. Долгие годы Кэлвин зарабатывал одну тысячу долларов в год. Она отправилась в Нью-Йорк, где ее встретили как знаменитость. Гэтти написала домой мужу: «Ни слава, ни похвалы не доставляют мне радости. Как никогда мне важно сейчас быть любимой. Я так хочу услышать твои слова о любви ко мне». Когда кто-то заметил, что такая внезапная популярность делает человека заносчивым и тщеславным, она ответила: «В моем случае не стоит опасаться этого. Дело в том, что книгу написала не я».

— Что вы имеете в виду? — спросили ее.

— Я была лишь инструментом. Книгу эту написал Господь.

Вскоре «Хижину Дяди Тома» издали в Англии, Франции, Германии, Италии и Португалии. Слава Гарриет стала международной. Через год ее и Кэлвина пригласили в Англию, оплатив все расходы на эту поездку. В разговоре с одним английским писателем Гарриет с присущим ей чувством юмора охарактеризовала себя как «этакую крохотную женщину слегка за сорок, сухую и тонкую, как фитиль. Даже в лучшие дни тут и взглянуть было не на что, а сейчас — просто мятая старая газета». А ее муж? Гарриет отзывалась о нем так: «В его сокровищнице — греческий и иврит, латинский и арабский. Но иных богатств у него и в помине нет».

Поездка в Англию была приятной для Гарриет, но не для Кэлвина. Друзьям в Штаты он писал: «Жена все это

переносит замечательно. Она скромна, благочестива, нежна и любвеобильна, как всегда. Что до меня, то я до смерти устал от такой жизни. Все, от самых знатных аристократов и до последнего крестьянина, осаждают мою жену, и меня тоже, — с расспросами о ней. И это беспрерывно. У нас нет ни минуты покоя». Все, буквально все — от Чарлза Диккенса и до архиепископа Кентерберийского — мечтали о том, чтобы пожать руку Гарриет Бичер-Стоу. Кэлвин едва мог поверить в это.

Возвратившись в Америку, Гарриет осознала себя лидером движения за отмену рабства. Ее возмутило то обстоятельство, что на Севере Штатов даже среди священников не было единодушия в осуждении рабства. С помощью своего брата Эдварда и мужа она написала петицию об отмене рабства, получила подписи трех тысяч священников и отправилась в Вашингтон, чтобы представить эту петицию Конгрессу. Через несколько лет Линкольн пригласил Гарриет в Белый Дом. Президент протянул ей свою огромную ладонь и сказал: «Так это та самая маленькая леди, которая начала великую войну?»

1 января она спокойно сидела в ложе бостонского концертного зала и наслаждалась музыкой, когда в город пришла телеграмма, в которой сообщалось, что Авраам Линкольн подписал Декларацию об отмене рабства. По всему залу прокатились радостные возгласы.

В воздух полетели шляпы. Люди обнимали и целовали друг друга. Затем кто-то заметил Гарриет и закричал: «Миссис Стоу! Миссис Стоу!» Вскоре весь концертный зал скандировал: «Миссис Стоу! Миссис Стоу!» Она была маленькой леди, которая сделала больше всех для того, чтобы освободить Север от рабства. Возможно, само принятие Декларации есть факт, которым Америка обязана Гарриет не меньше, чем Линкольну.

Но жизнь дома с Кэлвином была гораздо более обыденной по сравнению с овациями, которыми ее встречали толпы народа. Время от времени он жаловался

ей на ее недостатки. Он говорил, что жить с ней не так-то уж легко: «Я по природе своей очень упорядоченный человек. Все, что находится не на своем месте, меня страшно угнетает. А тебе это чувство вообще неведомо. Ты не имеешь ни малейшего представления ни о времени, ни о пространстве. Постоянство — моя отрада. Ты же вся живешь лишь переменами». Но это было еще не все. Кэлвин продолжает: «По природе своей я человек, который придает огромное значение мелочам, а ты принципиально небрежна. Иногда ты причиняешь мне невыносимые страдания, даже не подозревая об этом. Ты способна довести человека до истерики. Ты берешь мои газеты и, вместо того чтобы нормально сложить их и вернуть на место, либо разбрасываешь их по полу, либо комкаешь в одну лохматую грудку и преподносишь мне на рабочий стол, который после этого приобретает такой же вид идеального порядка, как растоптанные кишки дохлой курицы». А вот еще одна из его жалоб: «Я по природе своей человек очень раздражительный. И очень обидчивый. Но едва я выскажу свою обиду, как она тут же проходит. Ты — человек гораздо более терпеливый. Тебя не так-то просто задеть. Но если ты обижена, то молчишь и держишь это в себе».

Все это Кэлвин написал ей, когда Гарриет путешествовала. Но через пять дней он решил, что погорячился. Он извинился за то, что с такой резкостью написал о различиях их характеров. Но тут же последовали и новые упреки: «Ты редко колеблешься, обещая что-либо, и при этом для тебя неважно — есть у тебя возможность сдержать обещание, или такой возможности нет. То же самое свойственно и твоему отцу, и Кейт, — но все же не в такой степени, как тебе, — и данные с такой легкостью обещания нарушаются с той же самой легкостью, что и даются».

Ответ Гарриет — смесь извинений и возражений. Вот что ей не нравилось больше всего в Кэлвине: «Если бы ты

действительно, наговорив несправедливых обвинений необдуманно, брал свои слова обратно, когда твое раздражение проходит. Но нет. Ты никогда не делаешь этого. Ты оставляешь отравленную стрелу в ране». Но потом, немного успокоившись, Гарриет пишет: «При наличии такого стремления к взаимному уважению и таких чувств, как у нас, — ведь мы так любим друг друга — хорошо, что мы можем менять друг в друге то, что нам тяжело переносить. Я могу помочь тебе стать добрее и сдержаннее. А ты мне — обязательнее и аккуратнее». Кэлвин всегда был пессимистом. Она же всегда смотрела в будущее оптимистично. Он экономил на каждой мелочи и был уверен, что каждая большая трата — шаг к дому призрения. А она была мечтателем и всегда стремилась заменить все, что устарело или обветшало, на нечто новое.

В 1863 году Кэлвин, которому тогда исполнилось шестьдесят, вышел на пенсию. И Гарриет, которая была на восемь лет его моложе, стала мечтать о прекрасном доме, где они могли бы жить вместе. Кэлвин, само собой, не очень-то помогал ей. Это касалось как мечтаний, так и строительства. На этот раз он был убежден в том, что в конце концов сможет сказать ей: «Ну я же говорил», — и будет при этом прав. Но она радостно писала ему: «Мой дом с восемью фонтанами растет, словно в сказке. Я каждый день хожу взглянуть на него. Я вся в заботах о дренаже, канализации, сточных трубах, земляных работах. Но больше всего — о навозе. Ты и представить себе не можешь, с каким удовольствием я люблюсь навозными кучами. Человек с воображением может увидеть в них и виноград делаваров, и ангулемский горох, а также множество букетов роз».

Когда они въехали в новый дом, Гарриет, хотя и с большой неохотой, но все же признала, что на этот раз Кэлвин, пожалуй, оказался прав. Однажды он решил вздремнуть после обеда в своей спальне. И именно в это время прорвало проходившую под потолочными

перекрытиями водопроводную трубу. Кэлвин в считанные секунды промок до нитки. Один из биографов перечисляет возникавшие сложности: «Трубы постоянно прорывало, окна заклинивало, подвалы затапливало. Словом, случалось все, что только можно было придумать. Когда счета за ремонт присоединились к расходам, и без того чрезмерным, которых требовало содержание дома, теплицы и большой лужайки, то общая сумма получилась впечатляющей». Говорят, что именно в это время Гарриет молилась следующим образом: «Господь, не забирай меня раньше, чем заберешь к Себе моего дорогого мужа, поскольку больше никто на свете не сделает для него столько, сколько делаю я». Одной из вещей, которые она для него сделала, стала публикация его книги. Много лет он писал богословский труд о происхождении книг Библии. Хотя он и был одним из самых выдающихся богословов своего времени, психологически ему было очень трудно напечатать свою рукопись. Гарриет поторапливала его с окончанием работы, но без особого успеха. Наконец она поговорила без ведома мужа с книгоиздателем: «Поскольку дело касается мистера Стоу, вам, пожалуй, не стоит отталкивать его, заявляя, что, прежде чем начать печатать книгу, вам нужна окончательная рукопись. Возьмите те три четверти работы, которые он вам принесет, и по крайней мере сделайте вид, будто начали печатать. Он сразу же энергично возьмется за работу и быстро ее закончит. В противном случае, по причине занятости, да и природной лени, он неизбежно отложит все на потом. Я хочу, чтобы вы поставили его в такое положение, когда ему деваться будет некуда и очевидно, что сейчас нужно заниматься именно этим, отложив все остальное». План Гарриет сработал. К величайшему удивлению издателя, да и самого Кэлвина, но только не его оптимистичной жены. Книга очень хорошо продавалась и даже заставила Кэлвина забыть о доме призрения. На время.

У Стоу было семеро детей: сестры-близнецы Элиза и Гарриет, которые так и не вышли замуж, Генри Эллис, Фредерик Уильям, Джорджана Мэй, Самьюэл Чарлз, умерший в детстве от холеры, и Чарлз Эдвард, родившийся, когда его матери было тридцать девять лет.

Генри утонул в реке Коннектикут, недалеко от летнего лагеря Дартмутского колледжа, где он учился. Кэлвин и Гарриет были убиты горем. Но Гарриет быстрее оправилась от этого несчастья. Много недель Кэлвин по несколько раз в день ходил на могилу сына. «Я подчинился, но не могу смириться с этим», — говорил он. Гарриет, убедив его в том, что он нуждается в отпуске, уговорила отправиться на несколько недель всей семьей в Мэн.

Но самым трудным их ребенком был Фрэд, который вернулся с Гражданской войны капитаном. Он был ранен под Геттисбергом.

Но его проблема заключалась в том, что он пил. Долгое время Гарриет не могла поверить в то, что у ее сына серьезные проблемы. Кэлвин был озабочен этим в гораздо большей степени. Она же много писала, вдохновлялась новыми проектами — такими, например, как постройка дома, — и не очень-то думала о Фрэде. Между 1863 и 1870 годами она написала десять книг, сборник рассказов, сборник духовной поэзии и несколько десятков статей. Но настало время, когда игнорировать алкоголизм Фрэда стало просто невозможно. И она решила занять сына каким-нибудь делом.

Это был грандиозный замысел. Гарриет арендовала хлопковую плантацию неподалеку от Джексонвилла (Флорида), и назначила Фрэда ее управляющим, хотя тот и не имел ни малейшего представления ни о хлопке, ни о том, как этим хлопком торговать. Она была уверена, что работа на свежем воздухе повлияет на него благотворно. Для осуществления этого проекта были наняты сто бывших рабов. Но Фрэд продолжал пить. После двух лет

безуспешных попыток Фрэда освободиться от алкогольной зависимости и заняться, наконец, хлопком, мать перевела его управляющим на апельсиновую плантацию площадью в двести акров. Но и из этого ничего хорошего не вышло. Через несколько лет Фрэд Стоу исчез. Последний раз его видели в Сан-Франциско, но затем его следы затерялись.

Потеряв этого ребенка, для которого она так старалась сделать все, что можно, Гэтти состарилась. За очень короткое время она полностью поседела.

В течение долгих лет она продолжала писать и даже читала лекции, но после смерти Кэлвина в 1886 году общественная жизнь Гарриет остановилась. Она прожила еще десять лет и была похоронена рядом с мужем в Андовере (Массачусетс).

Это был очень необычный брак, особенно для девятнадцатого века. Хотя известность Кэлвина как исследователя и преподавателя была неизмеримо меньшей, чем слава его жены-писательницы, он, похоже, был искренне рад ее успехам. В одной из своих книг она пишет о библейских персонажах. Ее описание Авраама и Сарры, возможно, дает ключ к пониманию ее взаимоотношений с Кэлвином: «Хотя Сарра и называла Авраама „господин“, из некоторых небольших, но драматичных сцен нам становится ясно — она имела в виду то, что он будет использовать свою власть для осуществления ее желаний».

Занимаясь каждый своей карьерой, Кэлвин и Гарриет провели много времени порознь. Хотя они часто критиковали друг друга, их взаимная горячая любовь очевидна. Именно Кэлвин убедил ее стать писательницей. И Кэлвин был ее литературным агентом, как в Америке, так и в Англии, в самом начале ее карьеры. Кэлвин был подвержен приступам неуверенности и страха. Это объясняется теми фактами, которые нам известны о его детстве. Но когда это случалось, сильный характер Гарриет не позволял всем в семье впасть в апатию. Когда Кэлвин становился мрачен и у него опускались руки, Гарриет

делала все, чтобы вселить в него надежду. Когда ему становилось тоскливо, как царю Саулу, ей приходилось становиться царем Давидом и, играя на арфе, гнать прочь его дурное настроение.

Как и многие современные браки, союз Кэлвина и Гарриет Бичер-Стоу не был подарком. Но каждый из них придавал другому силы. И, вероятно, ни ему, ни ей не удалось бы добиться известности без этой взаимной поддержки.

Библиография

Bradford, Gamaliel, ed. *Portraits of American Women*. Boston: Houghton Mifflin, 1919. Gerson, Noel B. *Harriet Beecher Stowe: A Biography*. New York: Praeger, 1976. Johnston, Johanna. *Runaway to Heaven*. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1963.

Stowe, Charles Edward. *The Life of Harriet Beecher Stowe*. Boston: Houghton Mifflin, 1889.

Wilson, Robert F. *Crusader in Crinoline: The Life of Harriet Beecher Stowe*. Philadelphia: J. B. Lippincott, n.d.

По дружбе и по расчету

К.С. и Джой Льюис

Ради чего такая симпатичная еврейская девушка, как Джой Дейвидмэн, вышла замуж за оксфордского профессора К.С. Льюиса? Почему убежденный холостяк, которому было уже далеко за пятьдесят, женился на разведенной женщине, хотя так страстно выступал против разводов? Может быть, он попросту попался? Если сосчитать те месяцы, которые они прожили вместе как муж и жена, то это действительно был недолгий брак. Но он был на удивление счастливым. Они испытали боль и страдания, пережили чудеса и были исполнены радости. Это позволило им обоим увидеть, каким должен быть счастливый брак, и оба они были изумлены этим. Да, можно сказать, что оба они были «настигнуты радостью»⁴.

Однако первые известия о их браке вам вряд ли покажутся романтическими. «Вскоре (но не говорите никому об этом, я еще не уверен, что это случится) я, вероятно, очень быстро стану сперва женихом, а затем вдовцом. Судя по всему, это будет брак на смертном одре». Вот с этого и начинался брак Джека и Джой Льюис.

В 1925 году Хелен Джой Дейвидмэн (друзья называли ее Джой) была десятилетней еврейской девочкой, посещавшей школу в Бронксе. В 1925 году Клайв Стэйплз Льюис (друзья называли его Джек) был молодым преподавателем английской литературы в Оксфорде. Он был «убежденным атеистом». К 1937 году Джой Дейвидмэн окончила колледж, стала членом коммунистической партии и отправилась в Голливуд

⁴ Здесь игра слов: Joy — радость (англ.). — *Примеч. пер.*

писать сценарии для киностудии MGM. К 1937 году Джек Льюис стал христианином, признанным ученым и подумывал о написании книги о дьяволе под названием «Письма Баламута». К 1943 году Джой Дейвидмэн, помощник редактора коммунистической газеты «Новые массы» и «убежденный атеист», — выходит замуж за товарища по партии, писателя и алкоголика. К 1943 году Джек Льюис делает на радио Би-би-си серию передач под названием «Просто христианство». Джек Льюис, уважаемый оксфордский преподаватель, и Джой Дейвидмэн, еврейка, коммунистка из Бронкса, были, казалось, дальше друг от друга, чем когда-либо. История о том, как они стали близки друг другу, — об их коротком, но очень необычном браке, — так же неправдоподобна, как и любая из фантастических историй, написанных К.С. Льюисом.

К.С. Льюис был многогранным человеком. Он очень многого добился как ученый. Во всем мире дети (и их родители) с огромным удовольствием читают его «Хроники Нарнии». Большая читательская аудитория и у его фантастических романов и повестей. Его апологетические работы («Просто христианство», «Возвращение пилигрима», «Чудеса») обратили к Христу множество людей (в том числе и Чарлза Колсона). Другие его книги («Письма Баламута», «Проблема боли», «Великий развод») стали христианской классикой. Многие считают, что это величайший христианский писатель двадцатого века.

Но кто такая Джой Дейвидмэн? Для почитателей творчества К.С. Льюиса (а в пятидесятые годы их становилось все больше с каждым днем) это был человек, который неожиданно ворвался в его жизнь, и едва о ней что-то узнали, как смерть разлучила ее с Джеком. Но Джой Дейвидмэн не была тенью, загадочной женщиной в черном, пятном на светлом экране жизни К.С. Льюиса. Она публиковала свои стихи в престижной серии «Молодые

поэты Йеля», когда ей было двадцать три года. Она была писателем, и ее первую книгу «Аня» «Нью-Йорк Таймс» и «Субботнее литературное обозрение» назвали творением молодого таланта. Тогда ей было двадцать пять.

Она родилась в 1915 году. Ее родители, учителя нью-йоркских школ, воспитали ее в атеистическом духе. Позже она писала: «Мы впитали атеизм с молоком матери». В восьмилетнем возрасте она порадовала отца заявлением о том, что не верит в Бога, как и он. К двадцати годам она защитила степень в Колумбийском университете. Примерно в том же возрасте она становится активисткой коммунистического движения. «Мотивов у меня было много, и они были довольно бессвязными. Юношеское бунтарство, юношеское честолюбие, юношеское презрение к тупым людям, все это общество казалось нам обреченным. Всего было понемногу».

Вступив в партию, она стала сотрудником полуофициального партийного журнала «Новые массы». Ее работа в качестве голливудского сценариста была недолгой. На MGM ее сценарии никому не нравились, и она называла боссов от кинематографа компанией шутов гороховых. Вернувшись в Нью-Йорк, она с головой ушла в деятельность коммунистической партии. «Она всеми силами старалась завлечь в это движение всех своих друзей», — вспоминает один из ее приятелей. В качестве помощника редактора «Новых масс» она в основном писала рецензии на книги и фильмы, а также помогала издаваться молодым поэтам. Один из ее знакомых писал о ней: «Внешне она не была привлекательной. Не особенно уродливая, не особенно красивая, она была довольно коренастой, и хотя женское начало было в ней отчетливым, она не была женственной. Ее манера поведения была типичной для радикально настроенной молодежи тридцатых годов. Она была агрессивной, нетерпеливой и нетерпимой».

Когда ей было двадцать семь лет, она полюбила коммуниста Билла Грэшема, певца и писателя, который участвовал в гражданской войне в Испании. Он прежде был женат, но брак развалился из-за его пристрастия к алкоголю и неспособности содержать семью. Он был бродягой. Джой не придавала всему этому никакого значения и летом 1942 года вышла за него замуж. За последующие три года у Джой и Билла родилось двое сыновей. Они держали много кошек и трижды меняли жилье — из Манхэттена переехали в Куинс, а затем в Оссининч. Джой надеялась, что смена квартиры поможет ей решить проблемы в семье. Но из этого ничего не выходило. Билл продолжал пить, у него были связи с другими женщинами, и он никогда не мог обеспечить семье приличный доход. Джой, всегда гордившаяся тем, что может держать себя в руках, на этот раз просто не знала, что ей делать. Предел наступил, когда «однажды он позвонил домой... и сказал, что у него нервный срыв. Ему казалось, что у него что-то не в порядке с психикой. Он говорил, что не может оставаться там, где он сейчас находится, но заставить себя пойти домой он тоже не мог. В панике она начала обзванивать все места, где он мог бы быть, но безуспешно. «Ничего больше не оставалось, — рассказывала она, — я просто сидела и ждала его появления — живого или мертвого. Я уложила детей спать и стала ждать. Впервые в жизни я почувствовала себя совершенно беспомощной...

Моя гордость сдалась, и я вынуждена была признать, что вовсе не была „хозяином своей судьбы“ и „единственным распорядителем своей души“. Вся моя оборона — стены высокомерия, самоуверенности и самовлюбленности, за которыми я пряталась от Бога, — исчезла в один момент». К своему изумлению она обнаружила, что стоит на коленях и молится. «Должна сказать, что тогда я была самым удивленным атеистом в мире».

Когда Джой поднялась с колен, в ее голове еще не сложилось никакой богословской системы, но с тех пор она не сомневалась в существовании живого Бога. Она начала читать и воспринимать книги с совершенно иных позиций. Она расплакалась, прочтя стихотворение Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес» («Я гнался за Ним через ночь, я гнался за Ним через дни; Я гнался за Ним через арки лет».) Книги К.С. Льюиса она читала запоем («Я не могла оторваться от тех вещей, к которым прежде относилась с презрением»). Но прежде всего она начала читать Библию. И там встретила Спасителя. «Когда я прочла Новый Завет, я узнала Его. Это был Иисус».

Когда Билл вернулся домой, то настолько поразился происшедшим в жене изменениям, что начал вместе с ней ходить в церковь. Вскоре он также признал Христа как Спасителя. Джой стала такой же ревностной христианкой, какой прежде была коммунисткой. Один из ее друзей писал, что она «всегда была уверена в правоте того, во что верила, и любила переубеждать людей в спорах. Ее аргументы всегда были продуманными, и она с презрением отзывалась о тех, кто, по ее мнению, мыслил поверхностно».

А одним из христианских писателей, который, по ее мнению, мыслил превосходно, был К.С. Льюис. И поскольку она восхищалась им как мыслителем, то в начале 1950 года написала ему письмо. Она была несогласна с некоторыми рассуждениями, изложенными в одной из его книг. Льюис сразу же ответил ей и не оставил от ее аргументов камня на камне. Она была поражена. «Господи, да он просто разнес мои построения. С безошибочной точностью он указал на все слабые места рассуждения... Сразиться с таким мастером в дискуссии в открытом и честном бою — что может доставить большее удовольствие?.. Я испытываю наслаждение художника, увидевшего произведение, много более совершенное, чем его собственное».

Хотя ее муж и стал христианином, он вскоре начал посещать собрания каких-то сект. А вскоре он снова запил. Вот что пишет о нем Лайл Дорсетт в книге «И вошел Бог»: «Самым тяжелым в этом браке была непрекращающаяся супружеская неверность Билла Грэшема... Сильно пьющий писатель, пытавшийся заполнить внутреннюю пустоту алкоголем, искал удовлетворения в связях с женщинами — недолговечных романах и встречах на одну ночь. Билл никогда не скрывал от жены этих своих походов и не понимал, почему Джой так болезненно все это воспринимала».

В начале 1952 года в дом Грэшэмов приехала Рене Пирс, двоюродная сестра Джой. Рене развелась, и ей негде было жить с ее двумя детьми. Пока она подыскивала себе жилье, Джой получила в дом замечательную хозяйку. Сама Джой обожала писать и выращивать цветы, а с уборкой у нее дела обстояли значительно хуже, что сразу же замечали все, кто приходил к ней домой. В первой половине 1952 года Джой все больше сомневалась в том, стоит ли ей продолжать совместную жизнь с Биллом. Как христианка, она хотела сохранить семью, но не могла больше уважать своего мужа. Сохранять и дальше этот брак казалось делом безнадежным. Из-за его непрерывных измен она больше не хотела быть его женой. И все же она его жалела. Он был психически неустойчив и беспомощен. Он не знал, что с собой делать, куда податься. Наконец Джой решила, что ей нужно уехать, «сбежать от него в физическом смысле», чтобы иметь возможность спокойно все обдумать. Ей нужно было с кем-то поговорить, с кем-то, кого она уважала. И она решила обратиться к тому, кого считала «одним из ярчайших мыслителей нашего времени», — к К.С. Льюису.

У Джой были и другие причины для поездки в Англию. Поскольку в университете она занималась английской литературой, такая поездка была бы весьма ей полезна в плане образования. Кроме того, незадолго до

этого она переболела желтухой, и ей было необходимо восстановить силы. Еще она собиралась закончить недописанную книгу. Но главной ее целью была все же встреча с человеком, которого она боготворила, — встреча с К.С. Льюисом. Возможно, он был способен дать ей некое духовное наставление по поводу ее запутавшегося брака.

В начале сентября 1952 года Джой оставила детей на попечение своей кузины Рене и отплыла в Англию, навстречу убежденному холостяку К.С. Льюису.

Он родился в ноябре 1898 года недалеко от Белфаста, Ирландия. Как он сам говорил, он вырос «с хорошими родителями, хорошей едой и с садом, в котором мог играть». Его единственный брат Уоррен («Уорни») был его «самым верным сообщником». Няня К.С. Льюиса рассказывала ему сказки о чудовищах и кладях, а родители окружали его книгами. Однако когда ему еще не исполнилось и десяти лет, его мать умерла от рака. Отец переживал ее смерть очень тяжело и сильно страдал от депрессий. Его поведение временами становилось крайне резким. «Все, что было в моей жизни спокойного и доверительного, исчезло», — писал К.С. Льюис. Уоррен и Джек еще больше сблизились, «два перепуганных мальчугана, посреди неприветливого мира», как пишет Льюис в книге «Измученный Радостью». В течение последующих восьми лет Уоррена и Джека отсылали в различные учебные заведения (Джек за восемь лет сменил пять школ). Затем началась Первая мировая война.

В 1917 году он пошел в армию, и к концу года был отправлен воевать во Францию. Он отправил отцу телеграмму с просьбой приехать проводить его на фронт. Отец ответил: «Не понимаю телеграмму. Пожалуйста, напиши». Джек Льюис отправил еще одну телеграмму. Но отец не приехал. В апреле 1918 года немцы начали новое наступление. Это время Льюис уже никогда не забудет: «Голод, страх... чудовищно изможденные люди, которые едва движутся, словно полураздавленные жуки; стоящие и

сидящие тела повсюду, и голая земля — ни единого островка зелени. Ботинки прирастают к ногам — их не снимаешь ни днем, ни ночью». 15 апреля Джек получил ранение шрапнелью в грудь. Месяцем позже он пишет: «Это хуже, чем ранение в мышцу, теперь у меня в груди засел кусок металла».

В биографии Джека Льюиса после его возвращения с войны в Оксфордский университет довольно-таки обширное белое пятно. В автобиографической книге «Измученный Радостью» он пишет: «Один большой и очень сложный эпизод здесь опущен. Я ничего не могу с этим поделать. Все, что я могу сказать, это только то, что моя прежняя враждебность к выражению эмоций была разнообразно и жестко наказана». Грин и Хупер в книге «К.С. Льюис: Биография» предполагают, что именно тогда в его жизни произошел «тот самый „ошеломляющий любовный роман“ его молодости». Видимо, все началось тогда, когда Джек лечился водном из лондонских госпиталей. Он умолял отца приехать к нему из Ирландии: «Навести меня. Я так скучаю по дому», — писал он. Отец не ответил. Позже Джек переехал в оздоровительный центр в Бристоле. Неподалеку жил его армейский товарищ и однокашник Пэдди Мур. Раньше Джек приезжал к нему и очень любил у него гостить. И вот Джек, лишенный матери с десяти лет, а теперь лишившийся и отца, перенес свои сыновние чувства на мать Пэдди, Дженни Мур.

Пэдди просил Джека помогать его матери, если он не вернется из Франции. Примерно в то время, когда Джек приехал в Бристоль, Дженни Мур получила официальное уведомление о том, что ее сын погиб. Развитие отношений между Джеком Льюисом и Дженни Мур очень трудно описать подробно, поскольку Джек ни с кем не хотел это обсуждать. Очевидно, что Дженни была для него гораздо больше, чем приемная мать. Дженни была привязана к нему не только потому, что, как сама она пишет, «он так глубоко чувствовал и страдал». На следующий год, когда

Джек восстановился в Оксфорде, его отец начал проявлять определенное беспокойство по тому поводу, что его сын проводит каникулы в Бристоле, с Дженни Мур, а не с ним в Белфасте. Уоррену он писал: «Признаюсь, просто не знаю, что поделать с романом Джека. Это очень меня печалит и беспокоит. Все, что я знаю об этой леди, так это только то, что она годится ему в матери, и то, что она бедна». Он также переживал из-за того, что Джек был «пылким, добросердечным созданием, которое жаждет приглубить любая женщина, имеющая жизненный опыт».

В 1920 году Дженни Мур и ее дочь Морин переехали из Бристоля в Оксфорд, арендовав там маленький дом. Джек помогал им деньгами, хотя сам все еще нуждался в финансовой поддержке отца. Через несколько месяцев Джек нашел более просторное жилье, арендовал его и пригласил Дженни и Морин жить вместе с ним. Он был тогда студентом последнего курса. Ему только что исполнилось двадцать два года. Дженни Мур было сорок восемь. Он писал одному из своих друзей: «Я сочетаю жизнь оксфордского студента с существованием квартиросъемщика в сельской местности — такое, как я понимаю, мало кому удавалось». Его отцу все это крайне не нравилось. Он говорил, что сын ему стал чужим. Даже Уоррен не понимал, что происходит. Он писал: «Случилось так, что между Джеком и миссис Мур установились определенные отношения. В результате он оказался привязанным к этой женщине на тридцать лет, вплоть до ее смерти в январе 1951 года. Как все это случилось, никто никогда не узнает, поскольку это, пожалуй, единственная тема, которую Джек никогда не затрагивал в разговорах со мной. Когда же я как-то раз попробовал заговорить с ним об этом, он с такой резкостью оборвал меня, что я понял — возвращаться к этому разговору более не стоит».

Между 1930 и 1950 годами Уоррен жил вместе с Джеком и Дженни Мур. Все это время она относилась к Джеку как властная и эгоистичная мать. «Думаю, Джеку ни

разу не удалось провести за письменным столом более получаса, чтобы миссис Мур не позвала его. Джек кричал: „Иду!“, — клал ручку на стол и исчезал, иногда на пять минут, иногда на полчаса. Затем возвращался и дописывал прерванное на середине предложение». Джек и Дженни Мур не жили друг с другом как супруги. Это были отношения сына и матери. Но эту связь окружали тайна и подозрения. Джек, конечно, поклялся Пэдди Муру, что будет заботиться о его матери, но это не обязывало его жить с ней. Явно, что здесь имела место сильнейшая психологическая зависимость. Позже Джек, говоря о ней, называл ее «мать», и именно такими и были их отношения после того, как Пэдди пал на поле битвы во Франции.

Джек Льюис впоследствии стал оксфордским преподавателем. В те времена он был убежденным атеистом. Дженни Мур, исполненная горечи по поводу своих бед, вне всякого сомнения, этот атеизм в нем поддерживала и развивала. Мало что казалось ему привлекательным в христианстве. В книге «Измученный Радостью» Льюис пишет: «В моем сознании христианство ассоциировалось по большей части с уродливой архитектурой, скверной музыкой и отвратительной поэзией». Но больше всего в нем протестовало глубоко укоренившееся чувство ненависти ко всякой власти. Никакие другие слова не вызывали у него такого отвращения, как слова «вмешательство в частную жизнь». А «центром в христианстве был Тот, Кто казался мне вмешивающимся во все на трансцендентном уровне».

Постепенно атеизм Джека начал ослабевать вопреки желанию Дженни Мур, которая осталась атеисткой до конца своих дней. Сначала Джек начал осознавать, что атеистическая позиция не верна с философской точки зрения. Он полагал, что в состоянии принять некий всеобщий абсолют, безличный, абстрактный принцип.

«Об Абсолюте можно было говорить и в религиозных терминах. Не было никакой опасности, что Он как-то на

нас повлияет... Бояться было нечего. И, самое приятное, — подчиняться тоже было некому». И все же это был шаг к истине. «Итак, — пишет Льюис, — великий Рыболов уже играл со Своей рыбкой. А я и не подозревал, что нахожусь на крючке». Читая Джорджа Герберта, Джорджа Макдональда, Г. К. Честертона, Льюис ощутил некоторую растерянность. Они были искренними христианами и при этом хорошими писателями. Их вера не мешала им быть в высшей степени здравомыслящими людьми. Льюис говорил: «Молодому атеисту трудно придерживаться своих убеждений. Опасности подстерегают его повсюду».

Льюису нравилось вести философские дискуссии о том, может ли Бесконечное быть личностью. Но вскоре он начал задумываться над тем, что будет, если он проиграет сам себе и ему придется поверить в Бога как в Личность. «Мне больше не было позволено играть философскими понятиями... Мой Оппонент... не желал спорить. Он просто сказал: „Я Господь“». Позже он говорил, что его обращение не было результатом богоискательства. Для него это были «поиски кота, затеянные мышью». Затем он говорит о той ночи в Оксфорде в 1929 году, когда он сдался и признал, что Бог — это Бог, встал на колени и молился. «Возможно, в ту ночь я был самым удрученным из вынужденных обращенных во всей Англии». Джек писал о себе, что он был «блудным сыном, которого тащат домой, а он брыкается, вырывается. Он обижен и только и делает, что ищет возможность удрать». Но, «придя домой», он написал книги, которые привели в Царство Божье множество других «брыкающихся и обиженных» чад.

Как ученый, Льюис занимался английской литературой Средних веков и эпохи Возрождения. Но, как христианин, он вскоре расширил сферу своих интересов вплоть до фантастики. В 1938 году он пишет «Прочь с молчаливой планеты», разнообразные теологические и апологетические работы («Великий развод», «Письма Баламута», «Проблема боли», «Чудеса») и книги для детей

(серия романов о Нарнии). Пожалуй, самой известной и наиболее часто цитируемой из его книг стали «Письма Баламута». Это вымышленная переписка между опытным демоном, занимающим высокий пост в Адской Государственной Службе, и его младшим коллегой, к тому же еще и его племянником, который был послан на землю с заданием обеспечить вечное проклятие некоего молодого человека, жившего с одинокой и весьма раздражительной матерью. (Многие считают, что «весьма раздражительная мать» имеет много общих черт с Дженни Мур). Во время Второй мировой войны радио Би-би-си обратилось к нему с просьбой изложить христианское учение на доступном современном языке. Впоследствии тексты этих бесед были сведены в книгу «Просто христианство». Излагая доктрину христианства, Льюис отстаивал ценности христианского брака. «Христианин стоит перед выбором: либо брак с полным доверием супругу или супруге, либо полное воздержание». Брак между христианами ведет к жизни, учил он.

В 1948 году Дженни Мур, у которой были парализованы ноги и которая начинала терять рассудок, была помещена в клинику. Джек навещал ее каждый день. Когда в 1951 году она умерла, тяжкий груз, казалось, упал с плеч Джека. Он никогда не считал, что склонен к эпистолярному жанру, но начиная с 1950 года его корреспонденция становится более объемной. Первое письмо в «Письмах к американской леди» (мы не знаем, кто именно эта женщина) написано незадолго до смерти Дженни. Примерно в то же время начинается и его переписка с Джой Дейвидмэн. У него не было возможности отвечать на все письма, но письма Джой «выделялись из общей кучи», поскольку были «забавны и хорошо написаны».

Через два года Джой Дейвидмэн приехала в Англию. Она посетила Оксфорд вместе со своим другом из Лондона и пригласила Джека Льюиса к ним на ланч. Любопытно,

что, когда в его жизни появилась Джой, он работал над своей автобиографией, озаглавленной «Изумленный радостью». Джеку, которому было тогда пятьдесят четыре года, всегда робевшему в присутствии женщин, ланч явно понравился, поскольку вскоре он пригласил Джой с ее другом и еще одного из своих коллег на ланч к себе домой. Несколько недель спустя на другой ланч Джек пригласил и своего брата Уоррена. В своем дневнике Уоррен описывает Джой таким образом: «Среднего роста, хорошая фигура, очки в роговой оправе, держится очень непринужденно».

Будучи в Англии, Джой закончила свою книгу о десяти заповедях («Дым на горе») и посвятила ее К.С. Льюису. Он согласился написать предисловие в этой книге. Вот что мы читаем в этом предисловии: «Джой Дейвидмэн — уже второе поколение неверующих. Ее родители — евреи по крови и рационалисты по убеждениям. Ее подход весьма интересен для отступников моего поколения. Смелые парадоксы эпохи нашей юности для нее — давно выцветшие общие места». Джой очень понравилось в Англии. Во время этой поездки она написала: «Нигде я не чувствую себя до такой степени дома, как в Лондоне или в Оксфорде».

Но в Штатах ее ждали новые неприятности. Вместо того чтобы разрешиться, ее семейные проблемы за время ее отсутствия и умножились, и усложнились. Незадолго до Рождества, за несколько дней до того как она собиралась отправиться обратно в Америку, Джой получила письмо от Билла. «Не хотел портить тебе праздники, — писал он, — но мы с Рене любим друг друга». Но также он писал, что ценит все то, что она сделала для того, чтобы вернуться домой и восстановить семью, но считает, что те огромные усилия, которые она совершала ради этого, были напрасны. В его письме на четырех страницах говорилось, что лучшим решением для нее «будет выйти замуж за какого-нибудь действительно классного парня, а нам с Рене пожениться. И обеим семьям жить неподалеку друг от

друга, так чтобы у детей была возможность быть рядом и с мамой, и с папой». Билл Грэшем явно все продумал.

Джой рассказала об этом письме Джеку Льюису. Джек сказал, что считает развод делом недопустимым, но не видит никакой возможности спасти этот брак. Джой не знала, к чему ей готовиться, когда приехала в Штаты. Но как только она добралась до Нью-Йорка, ей все стало ясно. «Билл встретил меня побоями. Он едва ли не задушил меня». Он снова пил. Джой давно смирилась с мыслью о предстоящем неизбежном разводе. Одной из своих подруг она писала: «Я всегда полагала, что разведусь только в самом крайнем случае, и думала, что ради детей мне нужно вытерпеть все, что только можно вытерпеть. И я надеялась на то, что, вероятно, Билл когда-нибудь да излечится от своих многочисленных неврозов и перестанет быть до такой степени безответственным, перестанет изменять мне, и т. д. Я также надеялась на то, что, став христианином, он изменится к лучшему». Но обращение Била было им давно забыто и отброшено. И Джой приходила в отчаяние, видя, что она не в состоянии что-либо изменить. Когда Билл отправился вслед за Рене во Флориду, она не стала препятствовать этому. Во Флориде тот подал на развод на основании того, что они с Джой не жили вместе и были психологически несовместимыми людьми.

Джой не раздумывала долго о том, что ей делать. В Америке ее больше ничто не удерживало. И в ноябре 1953 года она вновь была в Англии. Со времени ее последнего визита прошло всего одиннадцать месяцев. На этот раз она приехала со своими двумя сыновьями. Дейвиду было девять лет, а Дугласу — восемь. У нее было мало денег, но много веры в то, что она поступает в соответствии с волей Бога. Она арендовала двухкомнатную квартиру в том районе Лондона, где жило много других писателей. Изредка приходившие алименты и редкие гонорары помогали ей оплачивать жилье. Тем не менее она относилась к этим испытаниям спокойно: «Господь

воистину пастырь мой», — писала она в Штаты. Иногда вместе с мальчиками она ездила в гости к Джеку Льюису. Уоррен и Джек учили детей играть в шахматы, они часто гуляли вместе по лесам.

Первые восемнадцать месяцев жизни в Англии были очень трудными для Джой. И дело было не только в деньгах. Ее задиристый характер мешал ей приобретать новых друзей. Лайл Дорсетт пишет: «Агрессивная манера держаться, свойственная Джой, ее мимика, ее острый язык и ее любовь к спорам ради споров... воспринимались как проявление вульгарности и неотесанности... Кроме того, к Джой относились хуже, чем она того заслуживала, из-за ее развода... А ее блестящая способность рассуждать, ее начитанность и почти фотографическая память смущали тех, кто полагал, что не обладает такими качествами».

Единственным другом, на которого она могла положиться, был Джек Льюис, хотя она и не хотела злоупотреблять его благорасположением. Она не позволяла себе слишком часто навещать в Оксфорд, поскольку понимала, что двое ее сыновей — это слишком много шума для двух профессоров-холостяков. А когда Льюис узнал о ее финансовых затруднениях, он сам вызвался оказать ей поддержку. В частности, он оплатил обучение обоих ее сыновей. В 1955 году Джой переехала в Оксфорд в двухквартирный дом, располагавшийся примерно в миле оттого места, где жили братья Льюис. Переезд Джой был инициативой Джека. Он сам нашел для нее это жилье.

Поначалу Джек был безусловно пассивной стороной в этих отношениях. В биографии Хупера и Грина даже говорится, что он прятался, когда замечал, что Джой направляется к нему в гости. Это было во многом объяснимо: он был застенчив; ему не хотелось, чтобы о нем говорили, будто он связан с разведенной женщиной; он стремился сохранить свою независимость. Однако через некоторое время ситуация изменилась. Хотя Джек говорил, что не сможет жениться на разведенной (англиканская

церковь считала, что второй брак является прелюбодеянием), вскоре он стал ежедневно навещать ее. А Джой писала, что «самым огромным наслаждением было гулять с ним по вересковым пустошам, держась за руки». Уоррен писал в своем дневнике, что Джек и Джой «начали встречаться ежедневно. Совершенно очевидно, чем все это закончится». Вначале у Джой это было чем-то вроде преклонения перед великим человеком, но вскоре она почувствовала к Джеку искреннюю любовь. Для Джека общение с Джой было скорее интеллектуальным удовольствием, которое затем переросло в дружбу. Любовь расцвела в нем лишь после вступления в брак.

Все произошло тогда, когда Джой отказали в продлении визы на ее пребывание в Англии. Ведь всего за десять лет до этого она была активисткой коммунистического движения. Для Льюиса, который отнюдь не питал нежных чувств по отношению к Соединенным Штатам, мысль о том, что Джой придется ехать «в это отвратительное место», была непереносимой. Единственной возможностью для Джой остаться в Англии был брак. И Джек понимал это. Но церковь запрещала жениться на разведенных женщинах, а Джек подчинялся церковным установлениям. Чтобы обойти эту проблему, Джек решил жениться на Джой, оформив брак в учреждениях светской власти, и не обращаться за разрешением на венчание в англиканской церкви. Кроме того, он не хотел, чтобы после того они жили как муж и жена. Джек говорил Уоррену, что это, по сути, ничего не меняло, Джой продолжала бы жить с сыновьями в своем доме, а они с Уорреном — в своем. «Брак, — говорил он брату, — просто формальность, благодаря которой Джой сможет продолжать жить в Англии».

Тот факт, что Джой пошла на такое соглашение, еще более удивителен, чем то, что Джек его предложил. Более того, оба они согласились держать свой гражданский брак в тайне так долго, как это только будет возможно. Своему

биографу Роджеру Грину Джек сказал, что все это было сделано «по дружбе и по расчету». Но через несколько месяцев ситуация осложнилась. Джой начала жаловаться на боли, особенно в левом бедре. Первоначальным диагнозом был острый ревматизм. Но все оказалось гораздо хуже. Тем временем Джеку было все неудобнее придерживаться прежних договоренностей. Каждый вечер он навещал Джой, и с каждым его визитом его любовь к ней становилась сильнее. Затем Льюис все же решился обратиться за разрешением на венчание. Он предполагал, что церковь могла дать такое разрешение, поскольку первый муж Джой развелся с ней до того, как он на ней женился. Джек считал, что таким образом ее первый брак был уже недействителен и она могла вновь выйти замуж. Но церковные власти не разделяли его мнения.

В октябре Джой была доставлена в больницу «с невыносимой болью». Теперь выяснилось, что это был рак в запущенной стадии. Левое бедро было значительно повреждено. Надежды на выздоровление почти не было. В ноябре Джой перенесла три операции, но они, казалось, лишь отсрочивали неизбежное. Теперь Джеку было психологически трудно мириться с тем, что он скрывает свой гражданский брак с Джой. В декабре, когда Джой еще была в больнице, он забрал мальчиков в свой дом и попросил Джой написать своим друзьям в Америку о своем браке. В канун Рождества Джек поместил в «Таймс», самой престижной лондонской газете, следующее объявление: «Состоялся брак между профессором К.С. Льюисом... и миссис Джой Грэшем, которая в настоящий момент находится в больнице Черч Хилл, Оксфорд. Просьба не присылать писем».

Состояние Джой казалось критическим. Ей оставалось жить несколько недель, возможно, несколько месяцев. Но она удивительно спокойно переносила это. Уоррен писал: «Ее мужество и отсутствие уныния — выше всяких похвал». Она говорила, что ее физическая агония —

это состояние необыкновенного духовного подъема. «Я думаю, что понимаю теперь, что ощущали мученики. Эти испытания невероятно укрепили мою веру и приблизили меня к Богу». Но боли продолжались. Шли дни, и Джой начала падать духом. Развязка не наступала, и никакого улучшения тоже не было. Лучевая терапия, казалось, лишь продлевала ее страдания. Она признавалась в одном из писем: «Я всеми силами стараюсь держаться за веру, но мне это дается все труднее. Все это так бессмысленно и жестоко». Однако через неделю она пишет несколько спокойнее: «Теперь я чувствую, что в состоянии перенести без особых терзаний все, что бы со мной ни случилось».

Она молилась о даровании ей «благодати принять свою участь». В это время многие молились о ее выздоровлении. Ее муж молился о том, чтобы Бог позволил ему страдать от боли вместо нее, чтобы она могла почувствовать хоть некоторое облегчение. В марте Джек пригласил священника, чтобы тот молился о ней. Прежде этот человек, молясь с возложением рук на больного, добивался исцеления. Когда священник пришел, то обнаружил, что Джой очень плоха, гораздо хуже, чем он ожидал увидеть, но все же возложил на нее руки и начал молиться. Совершенно неожиданно он согласился обвенчать их, чтобы засвидетельствовать в церкви союз Джека и Джой. По словам Уоррена, это был «замечательный акт милосердия» со стороны англиканского священнослужителя. После венчания Джой выписали из больницы и на машине скорой помощи доставили в дом, где жили Джек и Уоррен. Они ожидали ее скорой кончины. Врачи говорили, что счет идет на дни.

Но она не умерла. Напротив, она почувствовала себя лучше. Постепенно исчезли боли в бедре. Ее здоровье начало восстанавливаться. Чэд Уэлш писал: «Будучи специалистом по чудесам (К.С. Льюис посвятил этому одну из своих книг), он неожиданно стал свидетелем одного из них». Почти такой же неожиданностью стали для

Джека боли в его собственных костях. Он просил Господа позволить ему взять на себя боль Джой. Казалось, что так и произошло. У Джой шло восстановление кальция в костях, а Джек кальций терял. В сентябре Льюис писал: «Состояние жены улучшилось, и если это не чудо (хотя как знать?), по крайней мере это потрясаяще». В октябре Джой писала: «Я снова потихоньку начинаю учиться ходить». В следующем месяце она начала водить машину и даже смогла ходить по лестницам. В январе врачи официально признали: процесс развития рака остановлен.

Через пол года Джой все еще не могла привыкнуть к этому: «Мы с Джеком поразительно счастливы, учитывая все те обстоятельства, благодаря которым мы вместе. Ты бы подумала, что это медовый месяц двух юных созданий». Как только Джой почувствовала, что у нее достаточно сил, она занялась ремонтом в доме Джека. Последний раз его ремонтировали за тридцать лет до этого. «Обои и ковры — в дырах, — писала Джой, — ковры вообще превратились в лохмотья». Она шутила, что ей страшно двигать книжные шкафы. Вдруг стены упадут? Она также взялась за финансы Джека. Он всегда распоряжался деньгами хуже некуда. У него даже не было своего счета. В августе они отправились в Ирландию. Джек назвал эту поездку «запоздалым медовым месяцем». За четыре месяца до этого, когда они с Джой остановились вместе в отеле, он писал: «Я такой убежденный старый холостяк, что мне, в общем-то, очень неловко, что я остановился в отеле с женщиной. Я чувствую себя газетным персонажем».

Это был радостный год. «Я никогда бы не подумал, что на седьмом десятке лет обрету то счастье, которого был лишен, когда мне было двадцать», — сказал он одному из своих друзей. Джой снова начала работать. Она помогала в работе с рукописями как Джеку, так и Уоррену. В свободное время они разгадывали кроссворды и играли в тихие семейные игры. Джой любила гулять, хотя теперь

одна нога у нее была на три дюйма короче другой и ее вес увеличился, поскольку она возобновила курс лучевой терапии. Джек прекрасно осознавал, что Дамоклов меч рака все еще нависает над ними. В октябре 1959 года вновь появились плохие новости. Джек писал: «Мы отступаем. Начался отлив. Судя по всему, улучшение здоровья Джой в 1957 году было лишь отсрочкой, но не избавлением». Но теперь они относились ко всему совершенно иначе. На Рождество 1959 года он писал: «Мы хромаем, но ходим просто здорово. К стыду своему признаю — не я помогаю Джой ходить, а она мне». В марте Джой написала: «У меня столько раковых опухолей, что скоро они, кажется, решат зарегистрировать собственную организацию».

У Джой была одна мечта. Она всегда хотела съездить в Грецию. Джек, хоть и был филологом-классиком, тоже никогда не бывал там. Он вообще ни разу не покидал Британских островов со времен Первой мировой войны. Он опасался ехать в Грецию, боясь разочароваться в ней, увидев ее воочию. Образы, связанные с Грецией, сложившиеся за десятилетия в его сознании, могли рассыпаться в один миг. Но он все же решил ехать, ради Джой. Это было рискованное мероприятие, поскольку у Джой снова начались боли. Она настаивала на своем. «Я хочу отойти с шиком, а не с хныканьем, — говорила Джой, — и это было бы особенно здорово на ступенях Парфенона». И они поехали. Джой собрала все свои силы и поднялась на самую вершину Акрополя, прошла через Львиные ворота в Микенах. «Вообще-то говоря, это было безумием, — писал Джек месяцем позже, — но мы нисколько не жалели об этом». Еще он писал: «Джой знала, что умирает. Я знал, что она умирает. И она знала, что я знаю, что она умирает. Но когда мы слушали, как пастухи на холмах играют на свирелях, нам было все равно».

Вскоре после их возвращения в Англию Джой снова легла в больницу. На этот раз улучшения не было. В июле она поняла, что стоит на пороге смерти. «Не покупай мне

роскошный гроб, — попросила она мужа, — роскошные гробы — это нелепость». — «Даже не верится, сколько счастья и радости у нас было уже после того, как умерла всякая надежда, — писал Джек. — Как долго, спокойно и интересно мы беседовали в ее последнюю ночь». Она сказала две последние фразы: «Я была счастлива с тобой» и «Я в мире с Богом». Хотя уход Джой был очень тихим, Джек страшно переживал эту утрату. Два года его брака были самыми счастливыми и спокойными годами его жизни. А теперь он чувствовал себя опустошенным. Он писал книги о боли, о страданиях и утратах, но теперь жертвой был он сам.

Книга Льюиса «Наблюдая горе» возникла в период отчаяния. Он разбирает в ней сомнения и депрессию, в которые оказался погруженным после смерти Джой. Он пишет об «агониях, о минутах ночного безумия». Он жалуется: «У меня нет ни одной ее хорошей фотографии. Я даже не могу представить себе отчетливо ее лицо». Бог кажется ему таким далеким. Он просит о покое, но все, что получает, — это «захлопнутую перед лицом дверь. Затем звук поворачиваемого ключа. Снова тот же звук, а затем — тишина». Он не понимал, что Бог делает с ним. Бог казался ему жестоким. Могли Бог быть при этом добрым? Может быть, Бог был просто космическим садистом? Он писал то, что чувствовал. Он ничего не скрывал.

Затем Льюис начал относиться к своему горю иначе. «Разве любящий человек может думать только о себе? Ведь я совершенно не забочусь о ней. Безумный крик „Вернись!“ просто эгоистичен. Я даже ни разу не спросил себя — что бы дало ей такое возвращение, будь оно возможным... Мог ли я желать ей чего-либо, что было бы хуже этого? Однажды пройдя через смерть — вернуться и через какое-то время умереть снова? Говорят, что Стефан был первым мучеником. А разве Лазарю пришлось не гораздо горше?» Но вот, после долгой борьбы с депрессией, он пишет: «Случилось нечто неожиданное.

Это произошло сегодня рано утром. По разным причинам, которые не так уж и загадочны сами по себе, на душе у меня стало гораздо легче, чем в течение последних недель. Мне кажется, я начинаю физически оправляться от истощения».

Но Джек Льюис так и не смог окончательно оправиться от перенесенного горя. Он погрузился в работу, но теперь уже не в Оксфорде, а в Кембридже. Вскоре он начал сильно сдавать физически. Он страдал несколькими заболеваниями. При этом продолжал писать. Заканчивал книгу о молитве, «Письма к Малькольму». За несколько дней до своей смерти он опубликовал статью. Джек писал Уоррену: «Я завершил все, что хотел, и готов уйти». 22 ноября 1963 года, в день убийства Джона Ф. Кеннеди, К.С. Льюис умер. До его шестьдесят пятого дня рождения оставалось несколько дней. Хотя его брак с Джой не был уж очень продолжительной частью этих шестидесяти пяти лет его жизни, это был исключительно важный ее период.

За время, прошедшее между оформлением гражданского брака и венчанием, К.С. Льюис написал книгу, которую позже озаглавил «Четыре любви». В книге идет речь о четырех греческих словах, которые означают «любовь». Он переводит их как «привязанность», «дружба», «эрос» и «милосердие». В книге «Наблюдая горе» Льюис говорит, что они с Джой «торжествовали в любви, во всех ее разновидностях — торжественной и веселой, романтической и реалистичной, иногда драматичной, как буря, иногда удобной и мягкой, как домашние шлепанцы. Ни одна частичка души или тела не осталась неудовлетворенной». Он говорил о ней: «Она — моя дочь, моя мать, мой ученик и мой господин... мой верный товарищ, друг, однополчанин, сослуживец. Моя любовница и в то же время все, чем никогда не был для меня ни один мужчина». Джек плохо представлял себе женщин до своего брака с Джой. Ведь его мать умерла, когда он был еще совсем ребенком. С десятилетнего

возраста и до двадцати двух лет он общался практически только с мужчинами. Дженни Мур была первой женщиной, которая посочувствовала ему. Но ее любовь была чрезмерно деспотичной. Очевидно, чувство это было психологически не вполне здоровым. В своих ранних книгах Льюис рассуждал о «законности сексуальной любви», но в книге «Четыре любви» он не лишает эроса его прав в случае, если ему не дается «неограниченная власть над человеком, если тот слепо ему (эросу) не подчиняется».

Несмотря на совершенно различный опыт, который и Джек, и Джой — оба принесли в их брак, и несмотря на огромные различия, существовавшие между их личностями (что само по себе могло бы вырыть между ними пропасть), их брак сделал то, что должен сделать каждый хороший брак. Он сделал их более сильными, более совершенными человеческими существами. Возможно, поначалу их отношения были дружбой, но впоследствии они открыли для себя все «четыре любви». Для профессора Льюиса теория стала реальностью, а бывшая коммунистка Джой Дейвидмэн нашла настоящего товарища по оружию.

Библиография

- Dorsett, Lile. *And God Came In*. New York: Macmillan, 1983.
- Green, Roger Lancelyn, and Walter Hooper. *C. S. Lewis: A Biography*. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1974.
- Kilby, Clyde S., ed. *Letters to an American Lady*. Grand Rapids: Eerdmans, 1961. Kilby, Clyde S., and Marjorie Lamp Mead, eds. *Brothers and Friends*. San Francisco: Harper and Row, 1982.
- Lewis, C. S. *A Grief Observed*. New York: Seabury, 1961.
- Lewis, C. S. *Letters*. New York: Harcourt, Brace, 1966.
- Lewis, C. S. *Surprised by Joy*. New York: Harcourt, Brace, 1956.
- Soper, David Wesley, ed. *These Found the Way*. Philadelphia: Westminster, 1951. Vanauken, Sheldon. *A Severe Mercy*. San Francisco: Harper and Row, 1977.

Сердце явно одержало победу над головой

Джон и Марджори Нокс

Кто действительно был нужен легендарному шотландскому реформатору Джону Ноксу, так это хороший агент по связям с прессой. Каким образом мог этот старый грубиян завоевать девушку, романтическую, как королева Мария Шотландская? Почему в их медовый месяц теща Джона отправилась вместе с ним? Как он мог так критиковать власть женщин, когда вот-вот готово было начаться правление королевы Елизаветы? Да, Джону Ноксу понадобился бы хороший агент по связям с прессой даже и в наши дни.

А что его жена, Марджори Боуз? Неужели она была лишь игрушкой для Джона, который только и ждал возможности поговорить с ее матерью? И был ли брак Джона Нокса и Марджори Боуз настоящим браком? Да и был ли Джон Нокс таким женоненавистником, каким его обычно изображают? Совершенно точно, что Джон был гораздо более похож на Говарда Козелла, чем на Уолтера Кронкайта. Вокруг Джона Нокса все время что-то происходило. Это был светоч, вне всякого сомнения. Но он также был и той искрой, которая зажгла пламя шотландской революции. Но все-таки, каким был его брак?

В Шотландии, среди вересковых пустошей и на берегах рек, все полно памяти о Роберте Бернсе, Вальтере Скотте и Джоне Ноксе. Бернса и Скотта любят больше. Но именно Нокс сделал Шотландию такой, какой мы ее знаем. Его влияние на эту страну было гораздо большим, нежели влияние Лютера на Германию или Кальвина на

Швейцарию. Именно Джон Нокс поднял соотечественников на борьбу за свободу против несправедливости правителей. Этим он заложил основы современной демократии. Нынешнее пресвитерианство обязано ему своим существованием не меньше, чем Жану Кальвину. Однако мало кого в истории бичевали и обличали — если не брать в расчет Нерона и Аттилу — больше, чем Джона Нокса. А его теща? Историк Уилл Дюрант пишет: «Едва ли когда-либо еще существовала другая столь любящая и любимая теща». Он утверждает, что Джон Нокс женился на Марджори Боуз, «потому что он любил ее мать». Давайте присмотримся повнимательнее к Джону и Марджори Нокс, необычайной паре, жившей в необычное время.

Во-первых, нужно учитывать, что Джон Нокс, судя по всему, плохо ориентировался во времени. Много лет он искал человека, который мог бы стать ему близким другом. Наконец, когда ему был тридцать один год, он избрал в друзья Джорджа Уишарта. Через два года после этого Уишарта задушили и сожгли как еретика. Много лет Нокс был пастором без прихода, священником без прихожан. Наконец в возрасте тридцати трех лет он произнес свою первую проповедь. Через три месяца его родной город захватили французы, его самого взяли в плен, и он стал галерным рабом. В возрасте тридцати восьми лет он сделал предложение молодой, прекрасной женщине. Она была согласна выйти за него замуж, ее мать была согласна, ее отец, нехотя, но все-таки и тот дал свое согласие. Через семь месяцев в Англии к власти пришла «кровавая Мэри», и Джон ушел в бега, оставив свою невесту. Плохое чувство времени? Может быть. Но это была не единственная проблема в отношениях между Джоном Ноксом и Марджори Боуз.

Представьте себе их первую встречу. Джону было тридцать пять лет. И какими они были, эти тридцать пять! Деятнадцать месяцев он пробыл рабом на галере. Долгое

время он был капелланом шайки разбойников. Его лучшего друга сожгли. Марджори было всего четырнадцать, и она была дочерью дворянина, получившей довольно утонченное воспитание в замке Норхэм. Джон был шотландцем, и его родной город регулярно разорялся англичанами. Один из его современников писал: «Он был незнатен». Она же принадлежала к одной из самых влиятельных семей в Северной Англии — местности, в которой шотландцы никогда не переставали бунтовать. Марджори было лестно, что Джон Нокс проявляет к ней интерес. Но у ее отца это вызывало вполне понятное раздражение. Разница в возрасте для него не представляла проблемы. Тогда такие браки были обычным делом. Но ни одна из его дочерей (а дочерей у него с женой Элизабет было десять) просто не могла выйти замуж за незнатного англичанина. Незнатный же шотландец — это в сто раз хуже. А незнатный шотландский священник-повстанец — это и вообще нечто совершенно немыслимое. Священникам незачем даже думать о браке! Вот как смотрел на их отношения Ричард Боуз. Его жена, Элизабет, смотрела на дело иначе. Она вообще на многие вещи смотрела иначе.

Когда Генрих VIII в 1534 году отверг власть папы, семья Боуз, одна из самых влиятельных в Северной Англии, как все того ожидали, должна была поддержать короля. Для Ричарда это было непростым решением, но он все же сделал это, хотя в душе своей остался католиком. А Элизабет отнеслась к этим изменениям совершенно всерьез. Она начала читать Библию и задавать вопросы о том, что прочитала. «Ну почему ты задаешь так много вопросов?» — должно быть, не однажды восклицал Ричард Боуз. Ему было совершенно ясно, что чем меньше задаешь вопросов, тем дольше носишь на плечах свою голову. Но женщины вечно задавали вопросы. И это, в общем-то, было для них характерно. Поэтому, когда в 1549 году Элизабет встретила с Джоном Ноксом, вопросы ее попросту

переполняли. И впервые в жизни кто-то воспринял эти ее вопросы всерьез.

Теперь, когда вы познакомились с главными действующими лицами, давайте-ка приглядимся попристальнее к загадке, известной под именем Джон Нокс.

Джон Нокс родился в Хаддингтоне, Шотландия, недалеко от Эдинбурга, около 1514 года, через двадцать два года после того, как Колумб открыл Америку, и за четыре года до того, как Лютер приколотил свои знаменитые тезисы на дверях церкви в Виттенберге, Германия. В те времена Шотландия была самой отдаленной окраиной цивилизованного мира. Один из современников Нокса сказал, что она находится «почти за пределами мира людей». Другой его современник говорил, что Шотландия не является частью человеческого сообщества. В Европе считали, что там живет дьявол. Англичане считали, что эта страна населена варварами. Когда англичане приходили в Шотландию с войной, они проходили через Хаддингтон, убивая мужчин, женщин и детей. А когда англичане не приходили туда, кланы начинали истреблять друг друга сами, без постороннего участия. Когда Джону Ноксу было шесть лет, на улицах Эдинбурга произошло столкновение представителей семьи Гамильтон с кланом Дугласов. Результатом этой вспышки кровной мести стали восемьдесят семь трупов. В течение ста лет ни один из шотландских монархов не умер своей смертью. И ни один из них не прожил более сорока двух лет.

Общество было ввергнуто в пучину насилия, а церковь, которой принадлежала половина богатств страны, погрязла в коррупции. Лорды, которым принадлежали шотландские земли, ни перед кем не отчитывались, и король их опасался. Тяжелее всего было простому народу. А семья Нокс принадлежала как раз к тем, кому было тяжелее всего. Мать Джона, скорее всего, умерла, когда он

был еще совсем маленьким. Возможно, она даже умерла при родах. Но отец сумел дать ему образование. Джон был способным учеником. И отец решил, что его наследник будет учиться на священника. Для ребенка из бедной семьи это была единственная возможность хоть чего-то добиться в жизни. В те времена священников было гораздо больше, чем церквей. И Джон, окончив университет святого Андрея и будучи рукоположен, стал юристом и учителем грамматики в родном Хаддингтоне.

Учась в университете, Джон читал Библию, но, только вернувшись в Хаддингтон, он открыл для себя удивительную силу слов из семнадцатой главы Евангелия от Иоанна. Он называл ее своим «якорем». Она стала основой его богословия. Слова «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» не только придали ему уверенности в личном спасении (в чем он прежде мучительно сомневался) — они изменили всю его дальнейшую жизнь. Джон открыл для себя протестантизм. Но действовать начал лишь после встречи с Джорджем Уишартом. Уишарт — молодой, высокий и имевший «странную» привычку мыться по вечерам, — брал Шотландию штурмом. Но в местности, где жил Нокс, пришельцев было мало. Их недолюбливали и обычно попросту швыряли в пруд, если в голову не приходило учинить что-нибудь покруче. Поэтому Уишарту требовался телохранитель. И лорд, на чьей службе в качестве преподавателя состоял Джон, предложил кандидатуру Нокса. Теперь Джон, будучи по-прежнему священником, сопровождал Уишарта, имея при себе двуручный меч.

Джон вовсе не был сторонником насилия. Преподавание состоятельным ученикам гарантировало ему спокойное и обеспеченное существование. Менять же свой образ жизни он вовсе не собирался. Он, конечно, носил меч, но только для того, чтобы при необходимости защитить Уишарта, и не очень-то спешил пускать оружие в

ход. Вот как пишет об этом биограф У. Стэнфорд Рид: «Ему нравилась незаметность существования на службе у лендлорда: у него было время на изучение и толкование Библии, он преподавал грамматику, умственно развивал двух-трех одаренных подростков, и ему дела не было до творившейся в окружающем мире кутерьмы». Когда пятинедельный визит Уишарта подошел к концу, Нокс пришел в замешательство. Перед Уишартом он преклонялся. Этот человек стал его близким другом. Но он хотел продолжать свою преподавательскую работу. «Возвращайся к своим ученикам», — сказал ему Уишарт. И пророчески заметил: «Для жертвоприношения довольно и одного меня». Через несколько часов его арестовали по обвинению в протестантской ереси. Спустя несколько недель он был казнен.

Нокс был потрясен. Теперь опасность грозила и ему. Он был священником и, несмотря на это, стал телохранителем, и не кого-нибудь, а еретика-протестанта. Рано или поздно возьмутся и за него. Рано или поздно с ним сделают то, что сделали с Уишартом. Он раздумывал о том, не уехать ли ему в лютеранскую Германию, где он мог бы спокойно продолжать заниматься исследованиями. Но сперва он решил посоветоваться со знатными людьми, чьих детей он учил. Но те не хотели терять способного преподавателя и предложили Джону вместе с их сыновьями отправиться в твердыню протестантизма — университет святого Андрея, где Джон получил образование. Но университет святого Андрея вряд ли можно было принять за тихое пристанище. Совсем незадолго до того там был убит римско-католический архиепископ Шотландии. И убийцы скрывались в замке святого Андрея. Словом, для учителя, стремившегося держаться подальше от неприятностей, место было не самым подходящим.

Поначалу он преподавал. Но когда люди слышали, как он учит, его попросили стать капелланом крепости. Он

отказался: «Я не пойду туда, куда меня не призывал Бог». Тогда было созвано общее собрание, и его единогласно избрали. Джон разрыдался. Пути назад не было. Он оказался в гуще событий и больше не мог оставаться в тени. Через неделю он произнес свою первую проповедь. Его паства состояла из убийц и святых, профессоров и крестьян. В проповеди он говорил о том, как необходимо основываться только на Священном Писании, и о важности концепции оправдания верой. Он критиковал католицизм, но и призывал к покаянию своих прихожан-протестантов. Он обличал их образ жизни и говорил, что если они не покаются, Бог пошлет французов им на погибель. Толпа зашумела: «Наши стены защитят нас!» «Ваши стены — яичные скорлупки!» — ответил Джон.

Меньше чем через три месяца французы взяли крепость. Джона, среди прочих захваченных в плен, отправили на галеры до конца своих дней махать веслами во славу французского короля. Могло быть и хуже. Если бы его передали шотландским властям, он взошел бы на костер, как и Уишарт. Закованный в цепи, он провел в море девятнадцать месяцев. Много раз он был на волосок от смерти. Затем в начале 1549 года Джон был освобожден, благодаря усилиям британского правительства. О возвращении в Шотландию не могло быть и речи. Он отправился в протестантскую Англию, где ему дали приход в Бервике, на севере, недалеко от шотландской границы. У. Стэнфорд Рид пишет: «Это был типичный бандитский приграничный город». Паства была там ничуть не лучше, чем в замке святого Андрея. Она состояла из британских солдат, которые ненавидели шотландцев и шотландских беженцев, которые ненавидели британцев. На галерах Джон получил осложнения на почки и язву желудка. Бервик был, вобщем-то, не самым лучшим местом для поправки здоровья. За исключением, пожалуй, замка Норхэм.

Норхэм был далек от бурь, бушевавших в приходе Джона. Кроме того, там Джон впервые встретил женщин, которые не боялись мыслить. Это было и неожиданно, и удивительно. Элизабет Боуз очень много значила для Джона Нокса. Ее влияние на Джона было двояким. Рид пишет: «Элизабет была человеком твердых принципов, и временами, когда его охватывало отчаяние, она укрепляла его дух... С другой стороны, иногда ее саму охватывали страхи и сомнения относительно собственного духовного состояния: была ли она в числе избранных, обладала ли она истинной верой и не допустила ли непростительного греха». Иногда Джон говорил, что ее бесконечные вопросы — это «его крест». Но ему нравилось учить ее. Ее вопросы заставляли его углубляться в Писание в поисках ответов. Элизабет, которая была человеком очень заботливым и практичным, делала для Джона не меньше, чем он для нее.

Когда она сказала ему, что дьявол так искушал ее, что она сомневается в том, может ли вообще быть христианкой, он ответил: «Дьявол есть лев рыкающий, ищущий кого поглотить. Но тех, кого он уже поглотил, он более не ищет». То, что Сатана тревожил ее, было добрым знаком, а вовсе не дурным. Когда ей показалось, что она совершила непростительный грех, он написал ей: «Не отчаивайтесь, матушка, ваши грехи (даже если бы вы совершили их в тысячу раз больше) все могут быть прощены... Я столь же уверен в вашем избрании, сколь я уверен в том, что Христос есть Спаситель». Именно по ее настоятельной просьбе Джон написал замечательную книгу о молитве. Он определил молитву как «серьезный и дружеский разговор с Богом», Которому мы рассказываем о наших бедах, у Которого просим помощи, Которому мы возносим хвалу.

Поскольку в его письмах к Элизабет рассматривались библейские вопросы и вопросы вероучения, решено было предать их гласности и оставить для потомков. А вот его письма к Марджори, по всей видимости, носили гораздо

более личный характер, и в них не шла речь о столь серьезных вещах. Но какими бы ни были причины, результат таков, что мы располагаем множеством писем к Элизабет и всего одним письмом, адресованным Марджори. Одно из писем к Элизабет вызвало множество споров. Джон пишет: «Вспомните, что я делал в шкафу в Олнвике. Тогда мне казалось, что никто на земле не был искушаем более, чем я. Но когда я услышал от вас те же самые слова, которыми он меня тревожил, я поразился. И не захотел ничего иного, кроме того, чтобы изгнать из моего сердца эту горькую тревогу, зная, что это лишь причинит мне боль. И посему не думайте, что я лщу вам или что-либо от вас скрываю. Напротив, ведь будь это так, я не был бы столь откровенен в других случаях».

Биограф Джаспер Ридли пишет: «Интересно было бы узнать, что Нокс делал в шкафу в Олнсвике». Наш разум сразу же видит в подобном письме сексуальный подтекст. Но Ридли продолжает: «Чем больше читаешь письма Нокса к миссис Боуз, тем очевиднее становится, что в их отношениях не было ничего плотского или сексуального. Более того, в этих отношениях не было ничего странного или ненормального». Джон открывал перед Элизабет самые потаенные уголки своей души. Иногда для того, чтобы показать, что был не менее искушаем, чем она сама. «Внешне я не допускаю никакого идолопоклонства. Но мое испорченное сердце любит только себя. И его невозможно удержать от бессмысленных фантазий... Мои руки не обогреты ничьей кровью. Но я не помогаю нуждающемуся брату столь открыто, как мог бы и должен бы». И далее: «Есть гордость духовного порядка. И ее не так легко усмирить... Говорю вам это по своему собственному опыту». Спустя годы Нокс говорил, что у миссис Боуз была «очень тревожная совесть... которая никогда не давала ей успокоения». Он говорил также и то, что «ее искушения были не плотскими... а духовными. Сатана все время мучил ее... Я видел, как она, обливаясь слезами...

возносила Богу горестные жалобы. И это случалось с ней гораздо чаще, чем с любой другой женщиной либо другим мужчиной, которых я знал в своей жизни. Ее общество было мне приятно (да, почетно и полезно, ведь она была мне матерью); и все же это был мой крест. Ибо... разум мой редко оставался в покое, и мне приходилось делать что-либо для того, чтобы успокоить терзавшую ее совесть». Другими словами, хотя Джон очень ценил ее и даже восхищался ею, иногда он все же с большим трудом переносил общество миссис Боуз.

Еще до помолвки с Марджори Джон нуждался в ее помощи, чтобы поддерживать эмоциональное равновесие ее матери. Однажды он написал ей: «Дух Божий научит ваше сердце, как принести покой в тревожную душу вашей матушки». Похоже, одной из самых главных духовных проблем Марджори была несовместимость христианской жизни с положением дочери коменданта крепости Норхэм. В Послании Иакова она прочитала, что христианин не должен отдавать почетного места богатому, указывая бедному место в углу. Она же постоянно наблюдала, как в замке Норхэм гостей рассаживали в соответствии с их рангом. Джон ответил ей, что в Иисусе Христе все, кто исповедуют Его, равны перед Ним, и что богатства и мирские почести для Него ничто. «Истинные христиане, — писал он Марджори, — должны больше почтения отдавать дарам духовным», которые Бог дает своим слугителям.

Тем временем мать Марджори засыпала его вопросами, ответы на которые могли бы составить энциклопедию. Некоторые из ее вопросов были философскими («Почему некоторые философы учат, что мир всегда существовал?»), некоторые касались Библии («Справедливо ли поступили сыновья Иакова, когда убили Сихема и его соотечественников, после того как те совершили обряд обрезания?»).

Но гораздо чаще ее вопросы касались ее сомнений и ощущения собственной греховности («Мне кажется, я совершила все грехи Содомы и Гоморры»).

За те два года, что Джон Нокс был священником в Бервике, его имущественное состояние значительно увеличилось, и Ричард Боуз начал понемногу склоняться к мнению, что этот шотландец — не такой уж плохой жених для его дочери. К осени 1551 года его называли самым известным проповедником Северной Англии. Слух о нем дошел и до Вестминстера, и до Кентербери. В 1552 году Джон произнес проповедь в присутствии короля Англии и был назначен одним из королевских капелланов. Джон не был высок. Он был несколько ниже обычного среднего роста, но был очень широкоплеч, а его черные волосы и борода делали его внешность очень величественной. Его глубоко посаженные серо-голубые глаза, казалось, заглядывали всем прямо в душу. Ричард Боуз не был чрезмерно рад видеть Джона Нокса своим будущим зятем, но все же в декабре 1552 года он наконец дал согласие на составление брачного контракта между его дочерью и шотландцем. Марджори было около семнадцати, Джону — около тридцати восьми.

Джон только что вернулся из Лондона, где проповедовал королю, и ходили слухи о том, что он, возможно, будет новым архиепископом рочестерским. Как свекор мог отказать ему? Но через пару месяцев Ричард Боуз получил из Лондона весточку от своего брата, который писал, что здоровье короля становится все хуже и что, вероятнее всего, следующим правителем Англии станет католичка Мария Тюдор. Узнав об этом, Ричард Боуз подумал, что, пожалуй, поторопился с согласием на помолвку. Возможно, он просто позволил своей жене уговорить себя. Нужно было найти какой-нибудь повод для расторжения помолвки, а пока лучше всего было откладывать свадьбу до бесконечности. В июле следующего года король умер, Мария Тюдор взошла на

трон, а за Джоном Ноксом теперь охотилась вся страна. Его друзей, одного за другим, заточали в лондонский Тауэр. Большинство из них были впоследствии сожжены. Все изменилось в одно мгновение. Теперь не только Ричард Боуз стоял насмерть, чтобы не допустить этого брака, сам Джон не был уверен, что ему следует этого добиваться. С Марией Тюдор на троне — какое будущее мог предложить протестантский проповедник семнадцатилетней невесте?

Но Элизабет Боуз не сдавалась. Муж мог переходить из религии в религию со сменой монарха, но сама она твердо верила в то, во что верила. И ничто не могло разубедить ее. Среди прочего она была убеждена и в том, что Джон Нокс должен стать мужем ее дочери, и в этом ее тоже ничто не могло разубедить. Она посоветовала Джону попробовать убедить ее шурина, Роберта Боуза, в Лондоне. Если бы это удалось, тогда, возможно, удалось бы убедить и Ричарда. Эта мысль отнюдь не была удачной. И все же Джон попробовал. Роберт был настроен гораздо негативнее, чем сам Ричард. Он вообще считал, что все проблемы семьи Боуз — из-за отношений Элизабет с Джоном. Он сказал, что они пытаются устроить свадьбу в обход Ричарда. И был прав. «Когда приходится отстаивать собственные интересы, теряешь красноречие», — писал Джон Элизабет.

Джон был в тяжелом эмоциональном состоянии. Он всегда с трудом сносил оскорбления. Он писал: «Жизнь мне не в радость». Джон уже не верил в то, что его брак когда-либо состоится. Более того, после разговора с Робертом Боузом он уже не верил и в то, что сумеет остаться в живых. Роберт Боуз скорее сдал бы его властям, чем позволил жениться на своей племяннице Марджори. О браке теперь нечего было и думать. Его жизнь также была в опасности. Но если бы он женился на Марджори, он подверг бы опасности две другие жизни: Марджори и Элизабет. Джон понимал, что брак должен быть отложен.

Но была и другая проблема. Ричард Боуз уже думал о других женихах для Марджори. Брачный контракт можно было легко расторгнуть. Ведь Джон был католическим священником, разве не так? А при Марии Тюдор священнику невозможно было жениться.

Вскоре самые красивые и знатные женихи Северной Англии начали поочередно навещать замок Норхэм, и Джон ничего не мог с этим поделать. Разве можно было ожидать, что в таких обстоятельствах семнадцатилетняя девушка будет хранить ему верность? Джон колебался. Остаться ли ему в Англии и принять мученическую смерть? Или бежать в Европу? Бежать казалось более разумным. Но это означало бросить Марджори. Тогда он получает от Элизабет еще одно письмо. Она предлагала ему самому явиться в замок Норхэм и поговорить с ее мужем лично. Она считала, что это их последняя надежда. Джон не сомневался в том, что результат такого визита будет такой же, что и от встречи с братом Ричарда.

С другой стороны, ему хотелось повидаться с Марджори. И он все-таки решился на это.

Джон предварительно написал Элизабет, что скоро собирается быть в замке. «Если я избежну болезни и тюремного заключения, то вскоре вы увидите меня. И все же, матушка, вам нельзя слишком от меня зависеть, ибо что я, если не обычный грешник? Что бы ни случилось со мною, помните, матушка, что дары Бога не связаны ни с кем из людей». Джону было откровенно страшно. Ехать в Бервик было опасно, его там слишком хорошо знали. Ричарду Боузу Джон тоже не мог доверять, он мог сделать все что угодно. В соседнем городке он остановился у друзей-протестантов. Они упрашивали его не ездить в Бервик и замок Норхэм. «Отчасти увещеваниями, отчасти слезами они добились своего. Я подчинился, хотя отчасти и против собственной воли». Не увидевшись ни с Марджори, ни с ее матерью, Джон повернул обратно. Ему оставалось одно — скрываться где-нибудь в Англии, но

такая перспектива ему также не нравилась. «Меня спросят, почему я бежал, а я не смогу сказать точно почему. Но я уверен в одном: страх смерти не был моим главным мотивом». Вскоре он пересек Ла-Манш и отправился во Францию. В Дьеппе Джон сидел в маленькой комнате и думал. Он бросил протестантов в Англии. Он сбежал от невесты. Оставил будущую тещу, которую сам же и учил быть сильной и смелой. Он спрашивал себя — был ли он сам силен. В его сердце был «водоворот горечи», как он сам говорил. Он рассуждал так: «В начале битвы я был слабым и никчемным солдатом. Но я молюсь о том, чтобы вновь вернуться на поле боя». Он также молился о том, чтобы вернуться к Марджори.

В течение следующих восемнадцати месяцев Нокс ездил из Дьеппа (откуда удобно было держать связь как с Англией, так и с Шотландией) во Франкфурт (издательский центр тогдашней Европы и убежище для многих протестантских беженцев) и далее — в Женеву (город, который Жан Кальвин активно трансформировал в то, что Джон Нокс позже назовет «Самой совершенной школой Христа»). За эти месяцы новости из Англии не становились лучше. Мария Тюдор уже успела заработать себе прозвище «Кровавая Мэри». Новости из замка Норхэм говорили о том, что и там тоже были свои проблемы. Джон писал Элизабет Боуз: «Пусть вас не колеблют никакие ветра. Твердо держитесь Иисуса Христа». Он признавался в своей неуверенности в том, что они когда-либо встретятся на земле.

Самые близкие друзья Элизабет возвращались в католицизм. Ричард, разумеется, сделал это одним из первых и теперь требовал, чтобы Элизабет и Марджори последовали его примеру. Его давление на Элизабет и Марджори становилось все сильнее с каждой неделей. В своих письмах Элизабет давала подробный отчет обо всем происходившем. Вместе с новостями к Джону приходили от нее и тонкие (а иногда и не очень тонкие) намеки на то,

что он был нужен как Англии, так и Шотландии. Джон был нужен Англии, нужен Шотландии, но прежде всего он был нужен Марджори. Джон относился ко всему этому с осторожностью. Все прочие источники говорили о том, что возвращаться в Англию было решительно опасно. Люди бежали не туда, а оттуда. Английские протестанты собирались во Франкфурте, где рассказывали жуткие истории о том, что творила Мария Тюдор. В Шотландии дела обстояли ничуть не лучше. Джон не встречался с шотландцами уже восемь лет, и перспектива вернуться на родину, чтобы быть немедленно арестованным, совершенно его не вдохновляла. Но Элизабет продолжала писать все о том же. Биограф Джеддис Макгрегор пишет: «Сердце явно одержало победу над головой». Похоже, что победу одержала Элизабет. В конце концов Нокс решил ненадолго съездить в Шотландию. Он преследовал две цели: жениться на Марджори и выяснить духовное состояние своей родной страны. Позже он признавался, что если бы не Элизабет, то он ни за что бы не поехал.

И вот в сентябре 1555 года Джон Нокс тайно проникает в Шотландию. Прежде всех других дел он женится на Марджори, хотя историки до сих пор не могут точно выяснить, где и когда это произошло. Некоторые утверждают, что он перешел английскую границу, достиг замка Норхэм и женился там. Но это маловероятно. Ричард Боуз был весьма и весьма стеснен (взбешен, если сказать точнее) присутствием в его доме двух упорных протестантов. Отказываясь посещать мессу, они ставили себя под угрозу ареста. А если бы жена и дочь такого человека, как Ричард Боуз, были бы арестованы, то это стало бы для него политическим крахом. Два года он пытался найти какой-нибудь религиозный компромисс, но он знал, каким упорным человеком была его жена. Теперь он убедился в том, что и его дочь была не менее упорна. Они отказались отречься от своих протестантских убеждений, но что гораздо больше выводило из себя

Ричарда, так это то, что они отказались отречься от этого ненормального шотландца-проповедника. В конце концов Ричард Боуз поставил ультиматум. Им нужно было выбирать: посещать мессу или... Это «или..». означало «убираться вон». То есть оставить замок Норхэм и все свои права и привилегии. И они сделали свой выбор. Они уехали.

Должно быть, этим двум женщинам, одной из которых было двадцать лет, а другой около пятидесяти, было очень нелегко оставить обеспеченную жизнь в британском замке, тайно пересечь шотландскую границу и ждать приезда Джона Нокса, которому, для того чтобы туда прибыть, пришлось подвергнуть себя не меньшему риску. Но он приехал. Возможно, именно там, в Шотландии, в Эдинбурге, он наконец и женился на Марджори, спустя тридцать месяцев после их помолвки. Теперь, когда он оказался в Шотландии, Джону необходимо было лично составить представление о духовном и политическом состоянии общества. Многое казалось сходным с ситуацией в Англии, но многое и отличалось. Как и в Англии, Шотландией правила королева по имени Мария. Как и английская Мария Тюдор, Мария де Гиз в Шотландии подвергла протестантов репрессиям. Но ей было гораздо труднее, чем Марии Тюдор в Англии, отслеживать и травить еретиков среди скал и расселин, среди разбросанных здесь и там поселений, в этой стране, где общество оставалось ярко клановым. Богослужения проводились здесь тайно, в частных домах. Во время своего визита Джон Нокс посетил множество таких собраний. И где бы он ни появлялся — всюду его встречали с восторгом. Он писал о «духовной жажде братьев, день и ночь стонущих и рыдающих о хлебе жизни». Своей теще, которая ожидала его в Эдинбурге, он писал: «Если бы я не видел этого своими собственными глазами в своей собственной стране, я бы никогда не поверил в это». Его поездка затянулась на несколько более

продолжительный срок, чем он планировал. Он просил прощения у Элизабет и Марджори за свою задержку и просил их терпеливо ожидать, поскольку не мог уехать, «прежде чем Бог не утолит хоть немного их жажду».

Следующей весной власти, встревоженные тем, что Джон Нокс проповедует, переходя из города в город, по всей стране, решили положить этому конец. Когда его вызвали в суд, Джон понял, что пора всерьез подумать об отъезде. Он отправил Элизабет и свою жену Марджори в Дьепп, во Францию, а сам остался улаживать свои дела и задержался еще на несколько месяцев. Джон учил шотландцев проводить богослужение и настаивал, чтобы они ежедневно читали Библию, даже если такое чтение начинало им казаться однообразным. «Ведь хлеб вы же едите каждый день?» — спрашивал он. Едва Джон Нокс покинул страну, как тут же вышло постановление об его аресте. Всюду были развешены его портреты. И вновь он едва-едва избежал смертельной опасности.

Жену и тещу Нокс переправил в Женеву. Там он был призван на пасторское служение в быстро увеличивавшейся общине английских беженцев-протестантов. Этот период в жизни Джона и Марджори был единственным, хотя бы отчасти похожим на медовый месяц. Джон говорил шутя, что его женевское служение было «удобной берлогой». Наверное, так оно и было на самом деле, если задуматься о том, что происходило в это время в других странах. Для Джона, которому уже исполнилось сорок два года, было непросто начать вести размеренную семейную жизнь. В одном из своих писем он просит молиться о нем, поскольку он «погружен во множество хлопот». Внимания и трудов требовал от него не только приход, но и семья. И значительную часть этих хлопот, несомненно, составляли новые и новые вопросы его тещи. Кроме того, он ощущал большую пасторскую ответственность за протестантов, оставшихся в Англии и Шотландии.

В мае следующего года из Шотландии в Женеву прибыла делегация, просившая Нокса вновь отправиться туда на проповедь. Делегаты говорили, что ситуация для этого сложилась самая благоприятная. Джон не был в этом уверен. Кроме того, у него были и другие мотивы не уезжать из Женевы. Во-первых, Марджори была беременна, и он не хотел оставлять ее. Во-вторых, он начал осознавать, что его присутствие в Шотландии гораздо больше будет способствовать политической революции, чем религиозной реформации. В-третьих, его община в Женеве только-только начала проявлять признаки духовного роста. Он ответил посланцам, что прибудет через некоторое время, дав понять, что это случится не раньше, чем он сам сочтет это необходимым. Пять месяцев спустя Джон простился со своими прихожанами, со своей семьей и отправился за четыреста миль на север, во Францию, в Дьепп, откуда намеревался перебраться в Шотландию. Но вскоре после прибытия в Дьепп он получил письмо, в котором говорилось, что время для визита было неблагоприятным. Джон был раздражен и не скрывал своих чувств. «Возможно, кому-то кажется, что бросить свой дом и семью, предоставив их одному Богу, оставить паству на попечение другого человека — простое и легкое дело». Два месяца он прождал в Дьеппе, ведя тем временем переписку с братьями из Шотландии и составляя религиозные трактаты. Но эти месяцы не были радостными. Ради чего Бог направил его сюда из Женевы? В конце концов он так и не поехал в Шотландию, а вернулся к семье, и был всем этим сильно раздражен.

Следующий год жизни Джона в Женеве был полон трудов. Он писал многочисленные письма и трактаты. Марджори помогала ему в работе с корреспонденцией и переписывала его рукописи, поскольку обладала красивым и разборчивым почерком. Джаспер Ридли отмечает: «Немногие замужние женщины обладали достаточным образованием и начитанностью для подобного

сотрудничества». Письмо, написанное Джону Фоксу (автору «Книги мучеников Фокса»), свидетельствует об изяществе стиля, которое Марджори приобрела, учась в замке Норхэм. В этом письме Марджори благодарит Фокса за подарки, присланные им для нее и ее матери. Джон называл Марджори своей «левой рукой». Ее помощь действительно была очень значительной. Джон не выражал открыто своих чувств к ней, для шотландца того времени это было не так-то просто. Но он говорил: «Из земных созданий она мне дороже всех». Жан Кальвин говорил о Марджори как о самой прекрасной из жен и называл ее «suavissima»⁵. Джеддз Макгрегор добавляет: «Только такой мягкий и нежный характер мог быть достаточно сильным, чтобы сдерживать такую бурную и неукротимую личность, как Джон Нокс». И, несомненно, следующие несколько лет показали всю мощь его неукротимости.

За те два месяца, которые Нокс провел в Дьеппе, в раздражении на своих соотечественников, он написал свою самую знаменитую книгу — «Первый трубный глас против чудовищного правления женщины». Джон Нокс, мягко говоря, был против того, чтобы власть оказывалась в женских руках. Куда ни бросал Джон свой взгляд, всюду он видел народы, управлявшиеся женщинами. В его родной Шотландии у власти была королева-регент Мария де Гиз. Джон не был обижен на то, что она приказала развесить его портреты по всей стране, но он злился на то, что одну из его книг она расценила как шутку. В Шотландии все более осязаемым становилось французское влияние. И, если бы Мария добилась своего, Шотландия последовала бы примеру Франции и в вопросах вероисповедания. Джон боялся этого.

Во Франции тем временем правила Екатерина Медичи. Именно она несколько позже приказала устроить резню протестантам-гугенотам, известную как «Варфоломеевская ночь». А в Англии Мария Тюдор

⁵ Suavissima — сладчайшая (лат). — *Примеч. пер.*

(«Кровавая Мэри») сожгла на костре многих друзей Джона Нокса, а других гноила в лондонском Тауэре. В те времена видеть монархом женщину было и в самом деле удивительно. Ведь у женщин гражданских прав было тогда совсем немного. Они не могли занимать никаких государственных должностей (помимо трона), они не имели никакой законной власти даже над своими собственными детьми. По мнению Джона, все это очень плохо согласовывалось между собой. В отличие от многих своих современников (как католиков, так и протестантов) Джон не был женоненавистником. Напротив. Более половины его писем из тех, что дошли до нас, адресованы женщинам. Когда он говорит о женщинах, то всегда говорит о них с достоинством и с почтением. Настолько, насколько можно быть близкими в дружбе, самыми близкими его друзьями были женщины. Речь идет не только о его жене и теще. Это и Энн Локк, миссис Хикмен, и Дженнет Адамсон. Он советовался с такими мужчинами, как Жан Кальвин, но душу изливал Элизабет Боуз.

Тем не менее, видя, что женщины правят самыми могущественными нациями в мире, он полагал, что это совершенно неестественно и противоречит Божьему плану. Иезавель была первым примером этого. Джон признавал, что некоторые из женщин (как, например, Девора из «Книги судей») были исключением. Но исключения лишь подтверждают правило. Резкая критика Джона была направлена против королевы Англии Марии Тюдор и жестокости и тирании, которыми характеризовалось ее правление. Более того (и именно это всех насторожило и заинтриговало), Джон утверждал, что на дворянстве и духовенстве лежит ответственность за то, чтобы «лишать почестей и карать смертью, как то заповедал сам Бог». Это был призыв к государственной измене. Сам Кальвин был возмущен этой книгой (он запретил ее распространение в Женеве) и был очень опечален, что подобное произведение могло быть напечатано в любимом им городе. Другие

реформаторы также были в шоке. Ни один протестантский лидер никогда не заходил так далеко, как Джон Нокс. Раньше протестанты твердо придерживались принципа: «Нужно подчиняться королям, хороши они или плохи». Джон Нокс заявил, что мириться с несправедливыми правителями — значит навлекать на себя Божий гнев. Это означало, что народ, который слишком слаб для того, чтобы свергнуть проклятую власть, достоин наказания.

И снова чувство времени подвело Джона. Менее чем через полгода после выхода книги Мария Тюдор умерла и на трон взошла королева Елизавета, протестантка. А поскольку Джон проклинал всех женщин-правительниц (хотя, конечно, Марию Тюдор в особенности), Елизавета так и не смогла ему этого простить. Дорога в Англию для Джона закрылась навсегда. Но, к счастью, вернуться его призывала не английская, а шотландская церковь. Ему было направлено послание об этом. Другое послание получил Жан Кальвин, которого просили убедить Джона Нокса вернуться в Шотландию. И снова Джон колебался. Марджори ожидала второго ребенка, и Джон не хотел уезжать до тех пор, пока не удостоверится, что роды прошли благополучно. Поэтому еще несколько месяцев он провел в Женеве. Но потом он покинул Марджори, двоих своих сыновей, Натаниела и Элеазара, и тещу, Элизабет Боуз. Джон попросил одного из своих друзей позаботиться о них до тех пор, пока не появится возможность забрать их в Шотландию. Но когда это станет возможным, было неясно.

Джон Нокс вновь ступил на шотландскую землю в мае 1559 года. Ему было сорок пять лет. И тут же он почувствовал себя «как дома». Через пять дней его объявили вне закона. Было назначено вознаграждение за его поимку или убийство. Повсюду рыскали желающие заработать на его голове (в одном из своих первых писем, написанных в Шотландии, он просит денег на покупку лошади порезвее). Но остановить Джона было уже

невозможно. Он поднимал людей повсюду. У него почти не было времени писать письма. Он жаловался: «Из двадцати четырех часов у меня и четырех нет на отдых для этого брэнного вместилища». Но растущее протестантское движение, казалось, не имело никакой реальной силы. «Мы просто ходим вокруг стен Иерихона и трубим в трубы, пока Бог дает нам для этого сил. Мы надеемся на победу только Его мощью».

Спустя месяц Джон просит Марджори приехать в Шотландию, несмотря на все происходящее. Он ждал (писал буквально: «Жажду!») ее приезда к нему. И вот Марджори и двое их сыновей вместе с Кристофером Гудмэном, другом и коллегой Джона, покидают Женеву, едут в Париж и обращаются за разрешением проехать через Англию. В отличие от Джона, которому королева Елизавета отказала лично, Марджори и миссис Боуз получили необходимые документы без малейших затруднений. И остановились они не где-нибудь, а в замке Норхэм. Там уже все было иначе. Муж Элизабет, Ричард, умер за девять месяцев до их приезда, всего за несколько месяцев до смерти Марии Тюдор. Как раз тогда «Первый трубный глас» Нокса и начал расходиться по Англии. Ричард не упомянул в своем завещании ни Элизабет, ни Марджори. Он разделил свое состояние между другими своими детьми, в том числе между четырьмя незамужними дочерьми. Но они должны были получить свою долю лишь в том случае, если их браки будут одобрены родственниками. Марджори вышла замуж за Джона против воли отца, и это лишало ее каких-либо наследственных прав. А Элизабет? Мог ли он оставить ей хоть что-нибудь? Ей, связанной с человеком, призывавшим свергнуть королеву?

На некоторое время миссис Боуз осталась у родственников в Англии, дожидаясь когда успокоятся бури в Шотландии. А бесстрашная Марджори с Натаниелом, которому было тогда два года, и Элеазаром, которому было

десять месяцев, отправилась к мужу в самое опасное время. Они встретились с Джоном в Данди, на севере Шотландии. Должно быть, Марджори очень беспокоило то, что Джон и не думал себя беречь. Он непрерывно работал, хотя за месяц до ее приезда сильно болел. Марджори сразу же взялась помогать ему. Кроме ухода за детьми она взяла на себя обязанности по работе с корреспонденцией. Нокс писал: «Моя жена так мало отдыхает, что наутро едва помнит, что же она писала ночью».

Это были самые значительные дни шотландской истории. Примерно через месяц после прибытия Марджори с детьми в Шотландию королева-регент Мария де Гиз была отстранена от власти. Но война между французами, союзниками Марии, и разношерстной армией шотландских протестантов продолжалась еще восемь месяцев. Джон был лишь вдохновителем этой армии. Но каким вдохновителем! Английский посол докладывал, что голос Нокса «звучал как пятьсот труб». Пока шли военные действия, Джон и Марджори жили в замке святого Андрея, где Джон был капелланом двенадцатью годами раньше. Затем, в середине апреля 1560 года, Ноксы переехали в Эдинбург, где Джон стал пастором церкви Св. Гилза. Через два месяца Мария де Гиз умерла, и в июле был подписан договор, положивший конец гражданской войне.

В Эдинбурге Джон и Марджори жили в западной части Транк Клоуз, на Хай-стрит. Возле дома был сад и еще один небольшой земельный участок. Власти Эдинбурга оплачивали арендную плату, а также меблировку. Они также оплатили и покупку замка на дверь. Явно не все в Эдинбурге любили Джона. Наконец-то они с Марджори смогли вести оседлую жизнь. Женева была прекрасна, но там они были беженцами. В Эдинбурге они чувствовали себя дома. Джон смог вернуться к обязанностям приходского священника и отца семейства. Но спустя полгода после их переезда в Эдинбург Марджори внезапно скончалась. Ей было всего двадцать

пять лет. Причина ее смерти неизвестна. Предполагают, что она истратила много сил за предыдущий год, и ее ослабленный организм не смог устоять перед одной из эпидемий, периодически разражавшихся в Эдинбурге. Не исключено, что она умерла при родах. Мы не знаем этого.

Мы знаем лишь, что Джон крайне тяжело переживал ее смерть. Хотя они были знакомы в течение десяти или одиннадцати лет, женаты они были всего пять лет, и в течение этого срока Джон иногда оставлял ее на целые месяцы.

Спустя годы, составляя свое завещание, Джон Нокс все еще пишет о Марджори как о «дражайшей супруге». Его друг Гудмэн писал о том, каким ударом для Нокса оказалась эта потеря. В своей «Истории Реформации в Шотландии» Джон не пишет ни о чем личном и тем более не дает никаких эмоциональных оценок прошлому. Но в связи со смертью Марджори он пишет, что был «в глубоком горе из-за кончины дорогой жены». Жан Кальвин написал ему из Женевы: «Поскольку Вы знаете, где искать утешения в несчастье, я уверен, что Вы перенесете все с надлежащим долготерпением». Джон, которому было тогда сорок шесть лет, оказался ответственным за двоих сыновей, старшему из которых еще не исполнилось и четырех лет, а также за новую национальную церковь и за все, что происходило в новом национальном правительстве.

Элизабет Боуз приехала к Джону, чтобы помочь в воспитании сыновей. Но тогда ей было уже около шестидесяти, и ей приходилось очень нелегко с юными озорниками. Два года спустя Джон Нокс женился вторично, на Маргарет Стюарт. Мало кто удивился тому, что Джон, которому было уже пятьдесят, женился на семнадцатилетней девушке. Однако многих в Эдинбурге шокировало то, что простолюдин Джон породнился со Стюартами — семьей, в жилах которой текла королевская кровь. Одним из предков Маргарет был Иаков II. Она была

дочерью лорда Окилтри, одного из сильнейших союзников Джона в протестантском движении. Джаспер Ридли пишет: «Здесь дело либо в протестантстве лорда Окилтри, либо в любви Маргарет к Ноксу». Возможно, здесь дело было также и в том, что двум детям Нокса нужна была мать. Этот брак также был счастливым. У Джона и Маргарет родилось трое детей.

У Джона не было проблем ни с его женами, ни с его первой тещей, ни со вторым тестем, лордом Окилтри. Но у него все время были проблемы с королевами — Марией Тюдор и Елизаветой в Англии, Марией де Гиз и, наконец, с Марией Шотландской. Мария Шотландская стала последней женщиной-монархом, мучившей Джона. Хотя кто кого мучил — вопрос сложный. Она была прекрасна, молода, обворожительна, умна и великолепно вела интриги. Также она была католичкой и до смерти боялась Джона Нокса. Джон слишком долго сражался за протестантизм в Шотландии, чтобы позволить молодой королеве разрушить результаты своих усилий. То, как она действовала, слишком напоминало ему Марию Тюдор. И Ноксу было не до покоя. Английский посол писал в Лондон о визите Марии Шотландской в Эдинбург: «Мария нравится всем. Всем, кроме Джона Нокса, который мечет с кафедры громы и молнии... Он способен все испортить. Он правит чернью. Все боятся его».

Шесть лет продолжалась борьба между молодой красавицей-королевой и человеком, «который мечет с кафедры громы и молнии». Хотя политически он не был уже столь активен, но как проповедник Джон был в силе как никогда прежде. Впрочем, и семья стала для него значить гораздо больше. Макгрегор пишет: «В течение многих лет у него не было возможности наслаждаться покоем в частной жизни. Он слишком мало виделся со своими детьми. У него почти не было друзей... А теперь, со своей молодой женой, он мог воздать должное всему тому, чего он так долго был лишен. Он, боровшийся с

королевскими домами, мог по достоинству оценить ее искренность. Ее радостным смехом смягчалась его мрачность. Ее простая, почти детская серьезность в ежедневных семейных молитвах исполняла радостью сердце этого человека, так жаждавшего праведности». После того как Джон Нокс женился на Маргарет, Элизабет Боуз вернулась в Англию. Любопытно, что через несколько лет оба сына были отправлены в Англию на учебу и провели с бабушкой довольно длительное время. Джон ездил навестить их туда как минимум дважды.

Когда в 1567 году Марию Шотландскую вынудили отречься от престола, Джон Нокс читал проповедь на коронации ее сына Иакова. Для Джона это было большой победой. Но самым большим триумфом в его жизни было признание в декабре шотландской протестантской церкви в качестве официальной национальной церкви. Спустя пять лет, в пятидесятилетнем возрасте, Джон Нокс умер. Перед смертью он попросил свою молодую жену прочесть ему пятнадцатую главу Первого послания к Коринфянам (главу о воскресении). Ближе к вечеру он попросил Маргарет прочесть ему еще один отрывок из Писания. «Там, где я впервые бросил якорь», — сказал он. Маргарет хорошо знала это место. Она открыла Евангелие от Иоанна и прочла семнадцатую главу, которая сыграла огромную роль в его обращении. Вскоре после этого он скончался.

В течение последних четырехсот лет биографы и психологи ломают голову, размышляя о личности Джона Нокса и о его отношении к женщинам. Вопросов в их исследованиях всегда больше, чем ответов. Но во многом мы можем быть совершенно уверены. То, что могло стать для Джона мучительным треугольником, то есть Марджори и ее мать Элизабет, принесло замечательные плоды. У каждого были свои сильные стороны и свои слабости. Со временем Джон и Марджори полюбили друг друга, и Элизабет не просто уважала эту любовь, она старалась сделать ее еще крепче. Джон ценил силу

характера Элизабет, ее чувствительную душу и любознательный разум. Она стремилась к знанию, а Джону очень нравилось в женщинах это качество. Но наибольшее восхищение у Джона вызвала ее твердая вера, она не отказывалась от нее, даже если это угрожало ей потерей имущества и друзей. В молодости Джон испытывал угрызения совести от того, что всегда стремился избегать конфликтных ситуаций, Элизабет же смело отстаивала свои убеждения.

Конечно, жизнь с Элизабет была, по словам Джона, его крестом. «Разум мой редко мог оставаться в покое, — писал он, — ибо мне всегда приходилось делать что-нибудь для того, чтобы успокоить терзавшую ее совесть». Марджори, несмотря на ее молодость, вносила в семью элемент стабильности. Она не позволяла матери погрузиться в мир внутренних сомнений и страхов, а для Джона она стала «левой рукой». Ее настойчивость, постоянство и любовь были тем, в чем Джон нуждался больше всего.

Библиография

McCrie, Thomas. *The Life of John Knox*. London: Thomas Nelson, 1847.

Ridley, Jasper. *John Knox*. New York: Oxford University Press, 1968.

MacGregor, Geddes. *The Thundering Scot*. Philadelphia: Westminster, 1957.

Reid, W. Stanford. *Trumpeter of God*. New York: Scribner's, 1974.

Brown, Hume. *John Knox*. London: A. And C. Black, 1895.

Perry, Eustace. *John Knox*. London: Hodder and Stoughton, 1937.

Она была матерью его сиротам

Джордж и Мэри Мюллер

Я уверен, что вы помните Джорджа. Это тот самый человек, который основал сиротские приюты в Бристоле. За полтора года до того, как Чарлз Диккенс в своем романе «Оливер Твист» поведал миру о тяжелой жизни сирот, Джордж Мюллер уже активно занимался этой проблемой. Он начал организовывать приюты, а потом просто встал на колени и попросил Бога накормить его сирот.

Возможно, вы помните историю о том, как однажды сироты сели в столовой за длинный стол, но на столе ничего не было, кроме пустых тарелок. Еды не было, и не было денег, чтобы купить хоть что-нибудь. Тогда Джордж попросил Бога благословить еду, которой на самом деле не было: «Дорогой Отец, мы благодарим Тебя за то, что Ты даешь нам ныне на завтрак». Молитва Джорджа была прервана стуком в дверь. Это был булочник. Он сказал: «Мистер Мюллер, я не спал всю ночь. Я понял, что у вас нет хлеба к завтраку. И Господь захотел, чтобы я принес вам поесть. Я поднялся в два часа ночи и испек вам немного». Джордж поблагодарил его и отнес хлеб в столовую. Но едва дети притронулись к хлебу, как в дверь снова постучали. На этот раз стучал молочник. Он извинился за то, что побеспокоил мистера Мюллера. Дело было в том, что прямо напротив приюта его тележка сломалась. Починка требовала времени, а молоко могло скиснуть за это время. Поэтому молочник попросил оказать ему услугу — взять бидоны с молоком для сирот.

Теперь вы вспомнили Джорджа Мюллера?

А кто же такая Мэри Мюллер? Что же делала она, когда Джордж молился? Что значило быть замужем за

эмигрантом из Пруссии? Каково это — оказаться родителями двух тысяч детей, и при этом без средств к существованию? Как и большинство молодых людей, они и понятия не имели, на что шли, когда женились.

Когда Джордж впервые ступил на британскую землю, ему было двадцать три года. Он прибыл проповедовать лондонским евреям,

и в связи с этим у него были две небольшие проблемы: он не знал иврита, а по-английски говорил с таким сильным немецким акцентом, что его едва можно было понять. Он стал заниматься по двенадцать часов в день, чтобы решить эти две проблемы. Вскоре после своего приезда он услышал об одном дантисте из Девоншира, который оставил свою практику ради того, чтобы отправиться миссионером в Персию. Но что самое удивительное, этот дантист утверждал, что у него нет никакой финансовой поддержки, только надежда на Бога. Джордж был поражен. Он никогда не забывал об этом человеке. Никогда не забывал он и его имени — Энтони Норрис Гроувз. Двенадцать часов занятий в день были вещью непосильной для Джорджа, и потому он вскоре заболел. Врачи посоветовали ему уехать из Лондона.

Куда было отправиться прусскому эмигранту на поправку? А почему бы и не в Девоншир? Возможно, ему даже удалось бы встретиться с Энтони Гроувзом. К сожалению, Гроувз еще раньше уехал в Багдад. Но Джордж встретился там с шотландцем по имени Генри Крэйк, которому, как и Джорджу, было двадцать три года, и он тоже стал христианином, учась в университете. Но еще более интересен для Джорджа был тот факт, что Генри давал частные уроки в доме Гроувза совсем незадолго до их встречи с Джорджем. Джордж близко сошелся с группой христиан, молившихся за Гроувза. Хотя позже они стали известны как Плимутские братья, тогда у них не было никакого особого наименования. Некоторые из них принадлежали к англиканской церкви, многие были

баптистами или методистами. Проведя три месяца в Девоншире, Джордж вернулся в Лондон для того, чтобы продолжить свои занятия, но теперь ему не терпелось начать миссионерскую работу. Руководство миссии хотело, чтобы он завершил свое образование и изучил получше как иврит, так и английский. Но Джордж считал, что продолжение занятий означало бы для него потерю времени и здоровья.

Джордж обычно предпочитал руководить, а не подчиняться. Так случилось и на этот раз. Миссия постановила, что «он не пожелал прислушаться к духовному водительству в том, что касается миссионерской деятельности». А Джордж был уверен, что «служитель Христа в своем миссионерском призвании должен быть водим Духом Святым, а не людьми». Поэтому он бросил учебу, оставил Лондон и отправился в Девоншир. Хотя денег у него было мало и он говорил на плохом английском, ему удалось прожить, проповедуя различным группам Плимутских братьев. Одна из общин, состоявшая из восемнадцати человек, попросила его стать их пастором. Однако это желание вовсе не было единодушным. Джордж вспоминал: «Многие ушли, да так и не вернулись».

Проповедуя в этой маленькой общине, он нашел себе ночлег в небольшой школе, располагавшейся по соседству. Вскоре выяснилось, что эта школа и была домом дантиста Энтони Гроувза. А сестра Энтони, Мэри, все еще жила в этом доме, помогая семейной паре, управлявшей школьными делами. Конечно же, Джордж очень хотел поговорить с Мэри. Так он и сделал. Более того, он пришел снова и поговорил с нею еще. Сначала он, казалось, больше интересовался ее братом. Но затем его гораздо больше заинтересовала сама Мэри.

Джордж намеревался оставаться холостым. Он считал, что брак помешал бы его служению. Как он сам говорил, ему хотелось «оставаться свободным для

странствий и служения Евангелию». Затем, спустя несколько месяцев пасторского служения, он изменил свое мнение: «Во многих отношениях молодому священнику лучше быть женатым. Остается один вопрос: „На ком?“». И каждый раз, когда он спрашивал себя об этом, перед его взором возникало лицо Мэри Гроувз. Долгими часами он молился об этом. И все указывало на то, что его женой должна стать Мэри. Почему Бог обратил его внимание на брата Мэри почти сразу по его приезду в Лондон? Почему Генри Крэйк, живший с Гроувзами, стал первым человеком, с которым он встретился, приехав в Девоншир на лечение? Почему он встретился с самой Мэри? И почему ему так нравится говорить с ней?

Джорджу казалось, что он знает ответ на эти вопросы. Бог желал, чтобы Мэри стала постоянной частью его жизни. Он восхищался ее братом. Он восхищался Генри Крэйком. И чем больше он говорил с Мэри Гроувз, тем больше восхищался ею. Да, она была на семь лет его старше и пока не говорила по-немецки. Но у нее, казалось, были все прочие мыслимые достоинства. Она знала французский, латинский и даже иврит. Кроме того, она была человеком артистичным, интеллектуальным, была при этом и прекрасной домохозяйкой. Но самым важным для Джорджа было то, что она была верной и дисциплинированной христианкой. Вне всякого сомнения, семья Гроувз была исключительной семьей. Отец Мэри и Энтони был преуспевающим бизнесменом. Дядя — известным лондонским дантистом. Их двоюродный брат был хирургом. После десяти лет зубоврачебной практики Энтони отправился в Дублин, в Тринити-колледж, чтобы изучить богословие перед тем, как стать миссионером. Но вскоре он уехал оттуда, заявив, что для миссионерского служения не нужны ни диплом, ни рукоположение. У Энтони Гроувз были твердые убеждения относительно того, что такое служение. Он говорил: «Каждый должен все отдать Христу. Без ограничений. И добровольно». Эти

его взгляды были подкреплены нерушимой верой. Он вверял себя Богу во всем. Вскоре вместе с семьей он отправился в Персию и стал там миссионером.

Живя с братом и его женой, Мэри переняла очень многое из их взглядов. Ей очень нравился их образ жизни. Но теперь они уехали, и она чувствовала себя одинокой. И вот появился этот высокий, стройный молодой человек из Пруссии. Он был энергичным, нетерпеливым и очень одухотворенным. Вокруг Джорджа собирались люди. Она знала, что он не был искусным оратором. Она знала, что он еще не закончил свое богословское образование. Но она также хорошо знала и то, что, когда Джордж начинал проповедовать, многое менялось. Рядом с ним невозможно было представить что-либо скучное и занудное. И в этом он очень походил на ее брата и на Генри Крэйка.

Джордж побаивался романтических отношений. В Германии у него был роман с одной девушкой, и он позволил ей сбить себя с пути, предначертанного ему Богом. Поэтому Джордж не хотел, чтобы его отношения с Мэри были омрачены романтикой. Но поскольку он выяснил, что она суждена ему Богом, он не видел оснований тянуть с предложением. Чтобы быть абсолютно уверенным, что в этом не было никакой романтики, а также в том, что он выражается правильно (в таких вещах, как предложение вступить в брак, он все еще не очень доверял своему разговорному английскому), Джордж сделал ей предложение письменно. Он написал также, что зайдет к ней так скоро, как только сможет, чтобы услышать ее ответ. И через несколько дней он действительно зашел. Мэри уже знала, что она ответит. Она была согласна. «Первое, что мы сделали — это встали на колени и попросили Бога благословить наш предполагаемый союз». Мэри, познакомившейся с Джорджем всего за несколько недель до этого, предстояло узнать, что когда Джордж брался за дело, то все происходило очень быстро.

В его жизни все всегда происходило быстро.

Он родился в 1805 году, в Пруссии, в семье сборщика налогов, который хранил деньги в местах, слишком доступных для любопытного мальчишки. Джорджу не было еще и десяти, когда он начал воровать. Вскоре это стало его привычкой. Когда отец однажды поймал Джорджа, то сурово наказал его, но тот решил, что все это игра. Главное было в том, чтобы не попадаться. Он стал умным, осторожным и артистичным вором. Ему было всего четырнадцать, когда его мать умерла. В то время как она лежала на смертном одре, Джордж кутил в таверне. Даже ее смерть не стала для него серьезным ударом. «Эта утрата не оставила почти никакого следа в моей душе. Я становился все хуже и хуже». Но и в следующем году он явно не начал свою жизнь с чистого листа. За несколько дней до конфирмации Джордж признавался, что жил аморально. А в день конфирмации обманом выманил деньги у приходского священника. Он катился по наклонной плоскости.

Когда ему исполнилось шестнадцать, Джордж украл у отца деньги для того, чтобы погулять с подружкой в другом городе. Он останавливался в дорогих отелях, оставлял огромные счета и скрывался, не заплатив. Вскоре его задержали и отправили в тюрьму. Через три недели его отец внес за него залог, и Джордж оказался на свободе. Один из его биографов пишет: «Шестнадцатилетний мальчишка уже был лгуном и вором, мошенником и пьяницей». Как-то за один вечер Джордж ухитрился выпить десять пинт пива. Биограф Роджер Стиер говорит о нем немного добрее: «Его самым большим несчастьем была неспособность распоряжаться деньгами. Он делал долги, которые просто не в состоянии был возвратить». Но у Джорджа были и другие проблемы. Он говорил, что прежде жил, как распутник. «Мне не было никакого дела до Бога. И я жил, скрывая ото всех множество своих грехов».

Когда ему исполнилось девятнадцать, Джордж поступил в знаменитый университет в Гале и решил изменить свою жизнь к лучшему. Он подумал, что ему следует заняться богословием и стать священником. Это понравилось его отцу, который был доволен тем, что, став клириком, Джордж будет всем обеспечен. Но, став студентом богословского факультета, Джордж мало изменился. Как-то раз он решил организовать для однокашников поездку в Швейцарию. Им нужно было получить паспорта, и Джордж научил их подделывать документы. Потом студенты заложили свои книги для того, чтобы собрать деньги на поездку. Джордж был казначеем группы. Он быстро сообразил, как ему использовать деньги товарищей в своих интересах. «Я сделал так, что поездка стоила мне на треть дешевле, чем она обошлась каждому из моих друзей». Не слишком благородный характер! Но Джордж и сам не был в восторге от того, чем он занимался. На втором курсе его пригласили в группу по изучению Библии. Эти занятия очень его взволновали. Возвращаясь домой, он сказал одному из своих товарищей: «Все, что мы видели в Швейцарии, и все наши удовольствия — ничто по сравнению с одним этим вечером». Позже Джордж написал: «Тот вечер стал поворотным моментом в моей жизни... У меня нет ни малейшего сомнения в том, что Бог начал менять меня с помощью Своей благодати именно в тот вечер».

Вскоре Джордж начал задумываться о миссионерской деятельности. По крайней мере, он задумывался о ней до тех пор, пока не влюбился в девушку, с которой познакомился в группе по изучению Библии. Оба они хотели стать миссионерами, но когда ее родители отнеслись к этой идее без одобрения, Джордж решил, что ему также не стоит с этим связываться. Он продолжал бы учиться, стал бы священником, а о миссионерской работе нечего было и думать. Но, оставив мысль о миссионерстве, он почувствовал, что его духовная жизнь внезапно

оскудела. Молитва превратилась в рутинную обязанность. Джордж почувствовал, что, подобно Исаву, он по дешевке отдал право первородства. Исав сделал это за миску похлебки, а он — из-за девушки. И Джордж расстался с той, которую любил, для того чтобы стать миссионером.

Первоначально Джордж планировал отправиться в Бухарест, но разразилась русско-турецкая война, и его планы рухнули. Затем он решил отправиться в Польшу и проповедовать варшавским евреям. Но в конце концов решил поехать в Лондон для того, чтобы сотрудничать с Лондонским обществом по распространению христианства среди евреев. Через год он окончил университет и пересек Ла-Манш, направляясь в Англию. И всего через полтора года они с Мэри поженились. Ему было двадцать пять лет, а ей — тридцать два. После краткой церковной церемонии они отметили день свадьбы очень скромно. «Днем, — вспоминал Джордж, — мы встретились с несколькими нашими друзьями-христианами... и вспоминали о смерти нашего Господа. Затем мы с моей возлюбленной невестой проехали в экипаже, а на следующий день мы уже трудились ради Господа». Спустя годы он писал: «Я никогда не жалел ни о том, что женился, ни о моем выборе».

В то время богословские воззрения Джорджа еще только формировались. Он не мог определиться в своей деноминационной принадлежности. Самое большое влияние на него оказал человек, с которым он никогда не встречался, — его шурин, Энтони Норрис Гроувз. Взгляды Гроувза утвердил в нем не только друг Джорджа Генри Крэйк, но также и его жена Мэри. Как и Гроувз, Джордж начал праздновать Вечерю Господню каждое воскресенье. Когда к нему обратились с вопросом о том, что говорит Писание о крещении, Джордж принял учение баптистов о крещении погружением. Размышляя о таинствах, он также задумывался и о вопросах денежного содержания. Джорджу было неловко, что его доход как священника

составляла арендная плата за скамеечки в церкви. Поскольку скамеечки лучшего качества стоили дороже, он полагал, что такая практика дискриминирует малоимущих. Он перестал взимать плату за скамеечки, и все сидячие места в церкви стали бесплатными. Но в результате он лишил себя доходов. Через три недели после свадьбы, заручившись поддержкой Мэри, Джордж объявил своему приходу, что более у него не будет никакого фиксированного содержания. Это был шаг, основанный на вере. И Джордж в этом последовал примеру Энтони Норриса Гроувза. Для всех, кто пожелал бы материально поддержать священника и его жену, он установил в церкви ящик для сбора добровольных пожертвований. Более того, — и это было гораздо более важное решение, — они с Мэри решили никогда более никого, кроме Бога, не просить о деньгах.

Когда он был подростком и жил в Германии, любовь к деньгам стала для Джорджа источником многих зол. Он крал их у отца и выманивал у друзей с помощью мошенничества. Теперь они с Мэри со своими финансовыми нуждами не хотели идти ни к кому, кроме Бога. Для Мэри, брат которой часто говорил о необходимости подобного шага, это решение не было трудным. Но это вовсе не означает, что все складывалось очень легко и просто. Через несколько недель у них с Мэри осталась всего пара шиллингов. На утренней молитве Джордж вверил эту проблему Богу. Через четыре часа к нему подошла какая-то женщина и сказала: «Господь велел мне дать вам немного денег». Джордж вел дневник, в котором описывал рост своей веры. Он записал: «6, 7 и 8 января 1831 года я просил Господа дать нам денег, но мы ничего не получили». Он признается, что начал сомневаться. «Я начал говорить себе, что, возможно, зашел слишком далеко и что жить таким образом невозможно». Несколько минут спустя к ним в дом постучала женщина и дала два фунта четыре шиллинга. «Господь

восторжествовал, — пишет Джордж, — и наша вера укрепилась».

Одной из проблем, с которой столкнулись Джордж и Мэри, стало извлечение пожертвований в пользу пастора из ящика, установленного в церкви. Было решено, что один раз в неделю ящик будут открывать и передавать его содержимое Мюллерам. Но иногда люди, назначенные ответственными за выемку денег, забывали это сделать. Случалось, они забывали это сделать в течение трех-четырех недель. Джордж считал, что напоминать им об их ответственности означало бы отступить от своих принципов. «Однажды, — писал он в своем дневнике, — я настойчиво просил Господа послать нам денег... Но день прошел, а их не было. У нас оставалось девять пенсов. В то утро мы надеялись на Господа и ждали избавления. На завтрак у нас оставался только небольшой кусочек масла, которого было достаточно, чтобы накормить брата И. и одного жившего с нами родственника, которым мы не говорили о наших затруднениях, чтобы не тревожить их». Джордж, безусловно, помнил, что ящик в церкви снова забыли открыть. Поэтому он молился о том, чтобы «Господь повлиял на брата У., и тот вспомнил бы о том, что ящик нужно открыть». И вот что случилось. Брат У. пришел к ним и принес деньги. Он сказал, что он и его жена не спали всю ночь, думая о том, что семье священника были нужны деньги. Прожив пятнадцать месяцев, наполненных жизненной практикой, основанной на вере, Джордж и Мэри были изумлены результатами. «Мы ничуть не проигрывали, полагаясь единственно на волю Господа, — писал он. — Если бы я получал регулярное денежное содержание, я вряд ли получил бы столько же».

Жизнь верой стала для Джорджа настолько захватывающей, что он забывал даже о том, что вот-вот станет отцом. Правда заключалась в том, что он просто не хотел об этом думать. Беременность Мэри тревожила его.

Как ранее он опасался, что брак отвлечет его от служения, так теперь он думал, что ребенок станет ему помехой в деле Божьем. Ребенок родился мертвым, и сразу же после родов Мэри серьезно заболела. Джордж почувствовал, что в этом виноват он лично, поскольку так боялся стать отцом. Несколько дней не было никакой уверенности в том, что Мэри выживет. «Жизнь моей дорогой жены висела на волоске. И я понял, что это — наказание, которого я заслуживал».

Когда этот тяжелейший кризис миновал, Джордж стал задумываться о новом служении. Проведя два года священником в маленькой церкви в городке Тейнмаут и доведя количество прихожан с пятнадцати до пятидесяти человек, Джордж написал в своем дневнике: «Сегодня я осознал, что мое место — не в Тейнмауте и что мне нужно уехать отсюда». Неделью спустя он поехал на проповедь в Бристоль вместе со своим другом Генри Крэйком. Там они собрали до тысячи человек. Люди шли и шли послушать необычную пару проповедников — шотландца и немца. Крэйк со своим необычным шотландским произношением был лучшим оратором и богословом, но «сильный акцент и интонация» Джорджа привлекали множество людей, приходивших попросту поглазеть на диковинку. Джордж так никогда и не выучился говорить по-английски без акцента. Это на всю жизнь стало его яркой отличительной чертой. Когда он говорил, будь то в частной беседе или с кафедры, он «говорил медленно и тщательно артикулируя слова».

Вскоре Джордж, которому исполнилось двадцать шесть лет, и Мэри, которой было тридцать три, перевезли все свое скромное имущество в Бристоль, ставший основным их местом жительства до конца дней. Мэри снова была беременна. И на этот раз не было никаких сомнений в том, что Джордж очень переживал за нее. Не только потому, что ее первые роды оказались такими тяжелыми, но и потому, что в Бристолье разразилась

эпидемия холеры. Ведь Мэри была так слаба. Генри Крэйк писал в своем дневнике: «Похоронный колокол звонит непрерывно. Это — жуткое время». Люди толпами шли в церковь. Даже на молитвенные собрания в 6 часов утра люди шли и молились о прекращении эпидемии. Джордж и Генри посещали больных. Днем и ночью они принимали приходивших к ним людей. Непрерывно находясь в контакте с носителями инфекции, Джордж решил, что неизбежно заболеет и сам. «В Твои руки, Господи, вверяю себя», — написал он как-то ночью. В другой раз он сказал: «Если этой ночью меня сразит холера, моей единственной надеждой и оплотом остается кровь Иисуса Христа, пролитая за мои грехи». Когда у Мэри начались роды, Джордж провел в молитве всю ночь. Он молился не только за Мэри, но и за ребенка, который должен был родиться. На следующий день на свет появилась маленькая Лидия Мюллер. Это был единственный выживший ребенок Мюллеров.

Через восемнадцать месяцев у них родился мальчик Илия. Но он прожил совсем недолго и вскоре умер от пневмонии. В те часы, когда маленький Илия боролся за свою жизнь, Джордж больше молился за Мэри: «Господь, укрепи мою жену в этом тяжком испытании». За день до смерти Илии он написал в своем дневнике: «Да свершится воля Господа над моим малышом». Многие задумывались над тем, почему Джордж, человек столь огромной веры, не молился за жизнь своего сына более горячо. Но он проводил четкое различие между тем, что он называл даром веры, и благодатью веры. Биограф Стиер отмечает: «Дар веры — это уверенность в том, что тяжело больной человек выздоровеет, ибо (в Слове Божьем) нет обещания, что так и будет. Благодать веры заключается в уверенности, что Господь не оставит нас в наших нуждах... и это обещано нам в 6-й главе Евангелия от Матфея». Именно благодать веры была тем краеугольным камнем, на котором Джордж строил свою жизнь. И в своем дневнике

он отмечал как ответы на молитвы о малых вещах, так и ответы на молитвы о вещах очень важных. «Это уже четвертая шляпа, — писал он в 1835 году, — которую посылает мне Господь, и даже прежде, чем моя старая шляпа совсем износилась. Как добр ко мне Господь!»

Но были у Джорджа и более серьезные проблемы. Он часто болел, и особенно тяжелыми были осложнения с желудком. Джордж также страдал и от нервных расстройств. Временами он слишком переживал от того, что казался себе чрезмерно нетерпимым. Один из биографов назвал это «природной раздражительностью» и добавил, что Джордж «не всегда переносил дураков с радостной улыбкой на лице». В своем дневнике Джордж иногда касается этой темы: «Последние три дня я слишком мало общался с Богом, а потому духовно был очень слаб и многократно чувствовал раздражение и гнев».

Другой важной проблемой для Джорджа и Мэри было определиться — отправляться им в другую страну в качестве миссионеров или нет. Начиная со дней своего обращения, Джордж всегда хотел стать миссионером. А Мэри вовсе не была против этого. Она в отличие от той девушки, в которую Джордж был влюблен в Германии, стремилась всей своей душой за моря с проповедью. Однажды пришло письмо от ее брата Энтони, в котором тот звал их с Джорджем присоединиться к его миссии в Багдаде. Энтони был настолько уверен в том, что это необходимо, что отложил двести британских фунтов для их переезда в Персию. Он потерял жену и сына и действительно очень нуждался в Мэри и Джордже. А они были очень и очень взволнованы его письмом. Оба они преклонялись перед Энтони. Тот оказал огромное влияние на формирование их библейских и богословских взглядов. Именно благодаря ему их практическая жизнь была основана на вере. Как было отказать ему, когда он нуждался в их помощи? Они горячо молились об этом вместе. Джордж написал в дневнике: «Я не знаю, какова

воля Господа относительно этого путешествия». Джордж поделился своими сомнениями с Генри Крэйком, и оба они молились об этом две недели. Но время, казалось, было совсем неподходящим для поездки. Мэри с большим трудом оправлялась от тяжело протекавшей беременности. Малышке Лидии было всего несколько месяцев. Кроме того, Бог делал их служение в Бристоле очень успешным. За два года работы они обратили к вере во Христа двести человек, и гораздо большие благословения казались такими близкими и ощутимыми. Но насколько близкими — тогда Джордж и Мэри еще и не подозревали.

Примерно в это время Джордж начал читать биографию немецкого профессора богословия Августа Х. Франке. Он слышал о Франке и прежде, ведь он учился в Галле, где Франке основал школы для детей из бедных семей и сиротские приюты. Когда Джордж был студентом, он даже как-то прожил два месяца в одном из этих приютов. Но Джордж никогда прежде не слышал историю жизни Франке. Читая об этом человеке, он поражался все больше и больше.

«Господь, даруй мне благодать идти по его стопам», — молился он. Необходимость подобного служения в Бристоле была очевидна. Джордж писал: «Большинство людей Божьих, которых мы знаем в Бристоле, бедны. И если Господь дарует нам более долгую жизнь, чем этому дорогому благословенному человеку (Франке), мы, возможно, получим для наших бедных братьев и сестер гораздо больше из запасов Отца нашего небесного».

Джордж и Мэри всегда глубоко сострадали бедным. Каждое утро они раздавали хлеб беднякам, которых набиралось от шестидесяти до восьмидесяти человек. У их порога собирались как взрослые, так и дети. Джордж даже начал у дверей своего дома говорить о Библии собиравшимся там мальчикам и девочкам, а днем он беседовал и со взрослыми. Соседям очень не нравилось, что Джордж и Мэри привлекают в общину подобных

людей. Многие протестовали против этого. Мюллеры, скрепя сердце, перестали оказывать нищим такую помощь, но это решение тревожило их совесть.

Впервые оказавшись в Бристоле, Джордж и Мэри были поражены множеством нищенствующих на улицах детей. И они никак не могли забыть об этом. Джордж писал в своем дневнике о маленьком нищем сироте, который посещал некоторое время одну из школ Мюллеров, но позже его забрали в работный дом. Джордж молился: «Пусть этот случай подвигнет меня сделать что-либо для нужд бедных детей». В 1830-е годы в Англии сирот очень часто отправляли в работные дома вместе с сумасшедшими, умственно отсталыми и стариками. Частных сиротских приютов было очень немного, хотя один или два были основаны. Для «детей, происходивших от уважаемых родителей». Но в Бристоле «от уважаемых родителей» происходили очень немногие.

Хотя соседи и сорвали план Джорджа, касавшийся обучения и материальной помощи сиротам, они с Генри Крэйком задумали осуществить другой проект. Думая о духовных и материальных нуждах бедняков, они основали организацию, ставшую известной как «Общество познания Писаний дома и за рубежом». За первые семь месяцев своего существования этот институт организовал воскресную школу на сто двадцать детей, классы для взрослых, где занимались сорок мужчин и женщин, и четыре общеобразовательные школы, где училось двести детей. Также было распространено более тысячи экземпляров Библии и Нового Завета. Кроме того, в помощь зарубежным миссиям были направлены большие суммы денег.

Многим из бедствующих детей это помогло духовно, но не поддержало материально. А Джордж не оставлял своих размышлений о том, что удалось сделать Франке в обеих сферах: духовной и материальной. Поначалу он чувствовал отчаяние. В его дневнике есть такая запись:

«Сегодня мне исполнилось тридцать лет. И я вижу, что мое служение бесполезно». Он чувствовал, что должен совершить в своей жизни нечто значительное, дабы прославить Бога. Вскоре после своего дня рождения он пишет: «Сегодня я ощутил необходимость не просто размышлять об основании приюта для детей-сирот, а активно браться за практическое осуществление этого замысла». Примерно в это же время он открыл для себя 11-й стих псалма 80: «Открой уста свои, и Я наполню их». Джордж понял это, как обещание Богом, что, если он откроет приют, то Господь даст пищу голодным ртам.

Будучи человеком очень организованным, Джордж записал цели открытия приюта: «1) забота отелах нищенствующих детей, лишенных обоих родителей; 2) силой Господа воспитывать бедных сирот в страхе Божьем; 3) главная цель — прославить Бога тем фактом, что сироты, попечение о которых я беру на себя, будут обеспечены всем необходимым только силою молитвы и веры, без обращения к кому-либо за помощью ни с моей стороны, ни со стороны моих сотрудников». Примерно через пять месяцев первый сиротский приют был открыт. Начиная с 1830 года, когда они поженились, Джордж и Мэри жили одной только верой, не имея денежного содержания и не прося ни у кого денег. Бог обеспечивал их необходимым. Иногда их вера подвергалась серьезным испытаниям, но Господь не оставлял их и давал им то, в чем они нуждались. Но содержать верой целый приют — это было шагом, далеко превосходившим решение содержать верой маленькую семью. Если бы из этого ничего не вышло, если бы детям пришлось голодать, то Джордж навлек бы на себя гнев каждого достойного гражданина в Бристоле. Но пять лет жизни, основанной на вере, убедили Джорджа и Мэри, что на Бога можно положиться и в деле обеспечения всем необходимым детей-сирот.

Джордж никогда не просил денег. Но он никогда ничего не делал без уведомления общественности о своих действиях. Он был превосходным организатором и продумывал все до мельчайших подробностей. Разработав ту или иную программу, он собирал людей на особое совещание, где план утверждался и принималось решение о его воплощении в жизнь. В городской газете размещалось соответствующее уведомление, распространялись также и информационные листки. Все в округе знали о том, что Джордж Мюллер открывает сиротский приют. Но, широко освещая свою деятельность, Джордж никогда не обращался за финансовой поддержкой ни к общественности, ни к отдельным людям. Но деньги, продовольствие и добровольцы начали стягиваться в Бристоль, и 11 апреля 1836 года первый приют был открыт. Для Джорджа Мюллера это стало началом новой эпохи в его жизни.

Следующий приют открылся в октябре. Вскоре был открыт третий, а затем еще и еще один. В итоге на попечении Джорджа и Мэри Мюллер оказалось более двух тысяч детей. «Эти две тысячи сирот нужно не только кормить, но и одевать... Каждый год поступает несколько сот детей. И каждого из вновь прибывших нужно снабдить всем необходимым». Через год после открытия первого приюта Джордж написал свою первую книгу «Повести о некоторых деяниях Господа, свершенных Им с Джорджем Мюллером», которая сделала имя Мюллера известным христианам по всему миру. К этой «Повести» он написал еще четыре и начал публиковать ежегодные отчеты о деятельности приютов.

Джордж Мюллер был человеком веры. Но он был также и предприимчивым пруссаком. Он полагался на Бога во всем, что касалось самого существования приютов, но считал своим долгом организовывать их работу с максимальной коммерческой изобретательностью. Однажды Джордж сказал о себе следующее: «Я не

фанатик. Я не энтузиаст. Все, кто знают меня, прекрасно понимают, что я холодный, невозмутимый, расчетливый бизнесмен». Этот расчетливый бизнесмен, по словам одного из биографов, обладал «некоей трудноопределимой властью и величием», но в то же время «такой почти детской простотой, что сами дети чувствовали себя в его обществе легко и естественно». Он, безусловно, обладал всеми качествами, необходимыми для управления приютами. Люди, жившие далеко, говорили об этих учреждениях как о приютах Джорджа Мюллера. Но все бристольтцы отлично знали, что эти приюты — результат совместных усилий великолепно сплоченной команды.

Мэри исполняла множество обязанностей. Она была агентом по закупкам, управляющей делами, интендантом и ревизором. Пирсон пишет: «Каждый месяц она изучала бухгалтерию, сотни счетов, поступавших от экономок, управлявших приютами, и глаз эксперта сразу же выявлял малейший финансовый промах». Она также занималась кухнями и столовыми. Управляла всем, что было связано с общими спальнями, палатами для больных и школами при приютах. Она прекрасно шила и разбиралась в тканях для пошива одежды, постельного белья и т. д. В ее обязанности входило заказывать и оценивать качество сотен тысяч ярдов самых различных тканей».

Их ежедневный рабочий график состоял из работы в разных приютах. Джордж обычно спал семь часов и поднимался в пять утра. (Он утверждал, что мужчинам достаточно семи часов сна, в то время как женщинам необходимо восемь.) Он быстро одевался, окунал голову в холодную воду, чтобы стряхнуть с себя сон, и начинал читать Библию. Прежде он начинал свой день с молитвы, но после десяти лет подобной практики пришел к выводу, что самым важным и необходимым для него является чтение Слова Божьего. «Ибо именно Слово порождает во мне единение с Богом», — говорил он. В хорошую погоду он брал с собой на улицу Новый Завет, отпечатанный

крупным шрифтом, бродил по полям, читал несколько стихов, обдумывал их и беседовал о них с Господом. Иногда, прочитав и обдумав какой-нибудь стих, он молился о прочитанном. Проведя таким образом около часа на прогулке, он обычно возвращался домой к шести часам, чтобы позавтракать вместе с Мэри. За завтраком Мюллеры молились и прочитывали отрывок из Библии.

В это время собирались вместе все, кто жил в их доме: Мэри, Лидия, гости. Одно время у них останавливался брат Мэри, подорвавший в Азии свое здоровье и вынужденный возвратиться в Англию после нескольких лет миссионерского служения. Так в их доме Библия прочитывалась стих за стихом. Полностью весь текст они проходили примерно за четырнадцать месяцев. После семейной молитвы Джордж и Мэри оставались вдвоем «на краткую совместную молитву, на которой Богу приносились все нужды, касавшиеся данного конкретного дня». Джордж пишет в своем дневнике, что Мэри охотно присоединялась к его молитве о помощи. «Мы вместе просили этой помощи у Бога, и помощь приходила. И мы вместе радовались этому, и часто вместе плакали от счастья». Около восьми часов утра Джордж начинал работать с корреспонденцией, а в десять часов к нему приходили девять помощников с докладами о состоянии дел, за которые они были ответственны, и за инструкциями на предстоящий день.

Но самым надежным помощником Джорджа была Мэри. Он редко был в курсе, где она находилась в течение дня, но они часто неожиданно сталкивались — либо на улицах Бристоля, либо в одном из приютов. Джордж всегда приходил в восторг от этих неожиданных встреч. «С каждым годом мы сталкиваемся все более счастливыми. Где бы и в какое бы время мы ни встретились, она всегда так рада мне! Встречая ее в приютах, я испытываю такую же радость». Ужинали они обычно вместе, где-нибудь в одном из приютов. Затем шли домой, в ее комнату, и

садились вместе на кушетку. «Я знал, что ее активному уму и трудолюбивым рукам нужен был отдых. И знал, что ее муж в эту минуту должен быть рядом с ней. Да и мне самому необходимо было отдохнуть после ужина, ведь у меня очень слабое пищеварение. И в это время я всегда бываю с моей дорогой женой. Мы так и сидим рядом, держа друг друга за руки... иногда обмениваясь словами, а иногда — молча, но всегда испытывая огромное счастье в Господе и друг в друге, за разговором или в молчании».

Но день на этом не заканчивался. Нужно было многое еще проверить и проконтролировать. И пунктуальный Джордж любил лично удостовериться в том, что все идет своим чередом. Последний перед отбоем час в приютах посвящался молитве. «Тогда моя возлюбленная жена приходит ко мне в комнату, и наши молитвы исполняются ходатайств и благодарений». Иногда эти молитвы продолжались в течение целого часа. «Во время этих молений мы упоминали, пожалуй, более пятидесяти различных фактов, людей или обстоятельств, прося о них Бога». То, что им нужно было молиться о пятидесяти различных обстоятельствах, вещь вполне понятная. Ведь они кормили и одевали до двух тысяч сирот и платили жалование управляющим, поварам и рабочим. Первые два года, когда служение росло, с финансами почти не было проблем, но вскоре объем пожертвований сократился. Последующие восемь месяцев Мюллеры едва сводили концы с концами. Вот что мы читаем в дневнике Джорджа:

«18 августа 1838. У меня нет ни пенни для моих сирот. Я полагаюсь на одного только Господа.

1 сентября. Наступил самый трудный момент за все время работы... И все же я прекрасно понимаю, что должен славить Господа за все то, что Он для нас делает.

5 сентября. Час испытаний пробил. Господь по великой милости Своей дает нам необходимое на каждый день, но теперь Он дает нам в тот самый день, а иногда и час, когда далее обходиться без этого невозможно.

8 сентября. Господь пока не посылает помощь. Вчера и сегодня я нашел одиннадцать причин, по которым Господь милостиво мог бы помочь нам сейчас.

17 сентября. Испытания продолжаютсЯ. С каждым днем искушение все сильнее, оно угрожает даже вере. Но нам необходимо ждать, и Бог поможет нам».

В этот период Бог отвечал на молитвы Джорджа и Мэри — но только о нуждах на данный день. Удивительно, но сами сироты даже и не догадывались о каких-либо финансовых затруднениях. Джордж писал: «Малыши ничего не знают. У них на столе все то же самое, что было, когда у нас в банке лежало восемьсот фунтов. И они ни в чем не нуждаются». В ноябре этого года Джордж писал: «Хуже дела никогда не обстояли. Возможно, они никогда даже не были так плохи, как сейчас». В двух или трех приютах не хватало молока и хлеба. На завтрак их уже точно не было бы. Джордж вспоминал: «Казалось, нас объяла тьма». Он, Мэри и все сотрудники собрались для совместной молитвы. Когда они молились, в дверь постучали. Мэри пошла открывать дверь, а Джордж и остальные продолжали молиться. Когда время молитвы окончилось, Джордж поднялся с колен со словами: «Бог, безусловно, поможет нам». Тут он увидел адресованное ему письмо, которое принесла Мэри. В письмо был вложен чек на десять фунтов. И это было более чем достаточно для покупки молока и хлеба на завтрак.

Но финансовые проблемы не были единственными из тех, с которыми сталкивались Мюллеры в это время. Джордж все чаще и все тяжелее болел. Врачи говорили, что у него плохо функционирует печень. У Джорджа также были сложности с пищеварением. Кроме того, его мучили головные боли. В своем дневнике он жаловался, что его голова «слабеет». Врачи рекомендовали ему оставить работу в приютах и уехать в отпуск. Джордж колебался. На отпуск у него не было денег, а приюты требовали ежедневных трудов и внимания. Но когда Джордж получил

пожертвование с особой пометкой, что оно предназначено ему лично, то он решил, что это Божий знак и что ему следует отправиться в отпуск. Так он и сделал. Но отдых на море не улучшил существенно состояния его здоровья. Головные боли усилились. Джордж опасался, что сходит с ума, но врачи заверили его в том, что это лишь результат нервного перенапряжения. Выздоровление не было быстрым. В течение нескольких недель Джордж чувствовал себя так плохо, что начал опасаться скорой смерти. Он написал отцу в Германию, и в письме говорил, что, возможно, он уже никогда больше не сможет ему написать.

Постепенно Джордж пошел на поправку и наконец вернулся к своим обязанностям в Бристоле. Возможно, несколько преждевременно. Груз забот, касавшихся церкви и приютов, был чересчур велик, и временами Джорджу было стыдно за то, что он плохо справляется с делом. В своем дневнике он писал: «Этим утром я обесчестил Господа своей раздражительностью по отношению к моей дорогой жене. И это едва поднявшись с колен после молитвы, в которой я славил Бога за то, что Он даровал мне такую супругу!»

Через четыре месяца после проведенного ранее лечения врачи Посоветовали ему вновь отправиться в отпуск. На этот раз Джордж покинул Бристоль на пять месяцев. Некоторое время Мэри сопровождала его. Затем вместе с дочерью Лидией она вернулась обратно, чтобы приглядывать за всем, что происходило в приютах. Мэри снова была беременна. Поскольку все ее предыдущие беременности проходили очень трудно, они оба решили, что лучше всего ей оставаться дома. Тем временем Джордж из Траубриджа отправился в Оксфорд, а затем в Лимингтон, в поисках исцеления от мучивших его болей. В Лимингтоне его здоровье пошло на поправку, но морально ему было очень трудно без Мэри. Кроме того, без Мэри он ощущал внутренние соблазны, которые его смущали. В

дневнике он пишет: «Благодать преодолевает скверные мысли, которые возникают у меня в сердце... Это время стало для меня временем испытаний». Он молился о том, чтобы Мэри приехала к нему в Лимингтон. «Я чувствую, что из-за моего одиночества, моих проблем со здоровьем и из-за того, что мой разум сейчас ничем не занят, сатана одерживает надо мной верх». Господь ответил на его молитву на следующий же день. Мэри приехала. Вместе они много гуляли по пригородам. Но, прежде чем вернуться в Бристоль, Джордж отправился на родину. Мэри из-за беременности не смогла поехать вместе с ним. Когда Джордж возвратился в Бристоль, ему было тридцать два года. И с этих пор его здоровье начало укрепляться. Два года спустя он писал: «Я считаю, что это благословение Божье, свершившееся благодаря ранним подъемам и холодному душу». Много лет спустя он говорил, что на восьмом десятке лет он чувствовал себя много лучше, чем когда ему было тридцать.

Теперь Джорджа более заботило здоровье Мэри, которой было уже сорок и которая перенесла несколько тяжело протекавших беременностей. Роды начались в девять часов вечера, и через десять часов она родила мертвого ребенка. Джордж написал в дневнике: «Всю ночь я провел в молитве, насколько у меня хватало сил». Выживет ли Мэри, было неясно. На следующий день Джордж писал: «Моя дорогая жена жива, но за каждую минуту ее жизни я молюсь и полагаюсь на Бога». Тремя неделями позже он написал: «Похоже, что она идет на поправку». Постепенно Мэри вернулась к своим ежедневным трудам. С возрастом у нее из-за ревматизма стали сильно болеть руки. Джордж говорил, что это из-за того, что она слишком много работала. «Моя дорогая жена работала так тяжело и так много... над открытием нового сиротского приюта, что ее здоровье сильно ухудшилось, а силы стали покидать ее. Я просил ее поберечь себя, но тщетно. Она всегда любила труд и не могла переносить

безделье». Теплые морские ванны облегчали ее боли, и Джордж отправил ее на лечение, молясь о ее скорейшем выздоровлении.

Ее отсутствие стало даже большей проблемой для приютов, чем предыдущее отсутствие Джорджа, отправлявшегося на лечение. Без Мэри дела шли уже не так гладко, как прежде. Джордж и Мэри любили океан. Пожалуй, самым счастливым для них был отпуск, который они провели вместе с Лидией, карабкаясь по утесам на берегу океана. Биограф А. Т. Пирсон рассказывает, как однажды во время такой прогулки Джордж зашел несколько вперед, присел, дождался Мэри с Лидией и, когда они тоже собрались сесть, поднялся и невозмутимо произнес: «Ну, что ж, вот и отдохнули, пора в путь». Так Джордж пытался шутить. Когда Лидии исполнилось одиннадцать лет, ее отправили в школу, и Мэри представилась возможность путешествовать вместе с Джорджем. Они дважды съездили к нему на родину, в Германию. Мэри, которая была очень способна к языкам, добавила немецкий к списку иностранных языков, на которых она свободно говорила.

Со временем их брак стал прекрасным союзом. Сначала Джордж почти не замечал ее присутствия и относился к ней почти как к неизбежной обузе. Но их любовь росла по мере их совместных трудов и молитв. Джордж неоднократно говорил, что они с Мэри подходят друг другу. Однажды он сказал Мэри: «Дорогая моя, сам Бог предназначил мне тебя. Ты самая замечательная жена. О лучшей я и мечтать не мог». Мэри была очень практичным человеком. Она знала множество полезных вещей. Джордж писал: «Она никогда не отвлекала меня от путей Божьих, но всегда стремилась укрепить меня в Господе». Были ли они счастливы в браке? Вот ответ самого Джорджа: «Воистину так. С каждым годом мы становились все более счастливыми».

В чем же секрет их семейного счастья? У Джорджа был ответ и на этот вопрос. Мэри была истинно верующим человеком, и они «очень подходили друг другу», но «этого было бы недостаточно для постоянного семейного счастья... если бы не кое-что еще». Как ему было свойственно, Джордж упорядочил свои соображения и изложил их по пунктам:

«1. Оба мы, Божьей благодатью, имели одну цель в жизни, и только одну — жить во Христе.

2. Мы имели благословение обильного труда... Божьей благодатью мы оба отдали себя этому труду, и обилие труда весьма способствовало нашему счастью... Наши утра никогда не омрачались неуверенностью относительно того, как нам провести день и что нам делать.

3. Хотя мы всегда были очень заняты, мы никогда не позволяли этой занятости мешать нам заботиться о наших душах. Прежде чем взяться за дело, мы всегда молились и читали Священное Писание.

4. И наконец (и это самое главное), в течение многих лет, наверное двадцати или даже тридцати, помимо наших молитв каждого в отдельности и семейных молитв, мы регулярно молились вдвоем».

Очевидно, в начале их супружеской жизни Мюллеры не молились вдвоем. И такие молитвы стали тем фактором, который в наибольшей степени укрепил их семью. «По моему мнению, это секрет не только долгого семейного счастья, но и взаимной любви, которая становилась все более живой и теплой, гораздо в большей степени крепкой, чем в прежние годы нашего брака, хотя и тогда мы были друг к другу очень нежны».

Брачные узы, начинавшиеся с того, что они «были очень нежны», становились с годами все крепче. Когда Мэри было уже за шестьдесят, ее здоровье оставалось очень крепким во всем, за исключением ревматизма. В течение десяти лет она ни разу серьезно не заболела. Но в

начале 1870 года Мэри, которой тогда было семьдесят два, сильно простудилась. Пятое и последнее здание приюта только что приняло сирот. И, как всегда, Мэри чрезмерно переутомилась, работая над подготовкой этого события. Она постаралась не замечать болезни и продолжала хлопотать по делам приюта. Прошло несколько недель, но болезнь не проходила. Тогда вызвали врача. Тот определил, что у Мэри — ревматический жар, и прописал постельный режим. Через несколько дней врачи сказали Джорджу, что надежды на выздоровление Мэри нет. 6 февраля 1870 года, на сороковом году их брака, Мэри умерла.

Джордж произнес проповедь на ее похоронах. Перед началом службы Джордж отошел в сторону и долго стонал: «О, Мэри, моя Мэри!» На похороны пришли тысячи людей. Среди них было тысяча двести сирот и сотни верующих, прибывших издалека. Для Джорджа эта проповедь стала одной из самых трудных. Но когда началось богослужение, он попросил Господа дать ему сил проповедовать на текст 68 стиха псалма 119: «Благ и благодетелен ты». И Господь дал ему силы, в которых он так нуждался. Джордж говорил: «Бог вознес меня на небывалые высоты. С каждым днем мне не хватает ее все больше и больше. В своем сердце я ощущаю пустоту». Она была так нужна ему, но «возлюбленной уже не было рядом, и не с кем было разделить печали и радости». В течение нескольких месяцев Джордж тяжело переживал эту утрату. Он писал в дневнике: «Все мои земные радости покинули меня». Особенно Джон тосковал о ней вечерами. Ведь именно в это время они всегда оставались вдвоем.

Спустя два года Джордж снова женился. Этот брак также был счастливым. Сюзанна, его вторая жена, очень любила путешествовать. А поскольку Джордж стал всемирно известной фигурой и получал приглашения со всего мира, многие годы их совместной жизни они провели в путешествиях. Вместе они проехали более двухсот тысяч

милль. Джордж умер в 1898 году, преодолев девяностолетний возраст. Вторая его жена умерла четырьмя годами раньше. Они прожили в браке около двадцати шести лет. В молодости Джордж считал, что брак не для него. Он опасался, что это помешает ему трудиться на ниве Господа. Как мог такой человек вдруг оказаться связанным узами брака? Ведь семья требовала не меньшего внимания, чем служение. Но он обнаружил, что Мэри не только не препятствует его трудам, она разделяет их. И вся его жизнь стала много полнее. На склоне лет Джордж очень любил давать советы относительно брака и считал, что брак — это огромная радость. Он знал, что немногие браки были такими же счастливыми, как его собственный. Он предостерегал: «Брак зависит не только от молитвы. Наше счастье, полезность, жизнь в Боге во многом зависят и от нашего выбора».

Как же сделать правильный выбор? Джордж считал, что «ни красота, ни возраст, ни деньги, ни умственные способности не должны оказывать решающего влияния на наш выбор». И он приводит список того, что, по его мнению, в выборе наиболее важно: «1) твердая надежда на Бога; 2) искреннее стремление следовать Его воле; 3) истинная вера без тени сомнения... должна быть первостепенным критерием; и 4) совместимость. Образованному мужчине не следует жениться на необразованной женщине. И наоборот». Джордж был уверен в том, что эти критерии правильны — ведь они оказались правильными в его случае. Следуя этим принципам, он женился на женщине, которая стала для него «самой замечательной женой».

Библиография

Harding, William Henry. *The Life of George Muller*. Glasgow: Pickering and Inglis, 1914.

Muller, George. *The life of Trust*. Boston: Gould and Lincoln, 1873.

Pierson, A. T. *George Muller of Bristol*. London: Pickering and Inglis, 1899.

Steer, Roger. *George Muller: Delighted in God*. Wheaton, 111.: Harold Shaw, 1981.

Что же не сложилось?

У добрых христиан не бывает плохих браков...

Неужели?

Конечно же, бывают плохие браки и у них.

А как насчет христианских лидеров? У них тоже случаются неудачные браки? А как насчет великих христиан? Тех христиан, которые изменили ход церковной истории? Тех христиан, которых Бог использовал для изменения жизненных устоев тысяч других людей, которые оказали огромное влияние на последовавшие за ними поколения? У них тоже случались неудачные браки?

Да. К несчастью, это так.

Но почему? Если они были столь праведны, столь исполнены Духом, если Бог столь мощно влиял через них на мир, как могло случиться так, что их семейную жизнь постигла неудача?

Возможно, о некоторых причинах вы догадаетесь, а другие поймете, читая этот раздел. Мы познакомимся с четырьмя выдающимися мужчинами и женщинами, чьи

браки были крайне трудными. В других разделах есть истории и о парах, которые боролись с возникшими сложностями. Ливингстон, Маршаллы и Стоу — три пары, преодолевшие очень трудные времена, и их жизнь годится для раздела «Можно ли спасти этот брак?» в «Женском домашнем журнале».

Но браки Уэсли, Смитов, Кэри и Химс кажутся просто безнадежными. Ханна Уайтэлл Смит, автор книги «Христианский секрет счастливой жизни», явно не была счастлива, когда писала: «Я с большим трудом могу поверить в то, что хоть одна пара действительно счастлива вместе».

Конечно, они жили в те времена, когда консультантов по вопросам брака и семейных психологов еще не существовало, а полки христианских книжных магазинов не ломились от множества изданий, посвященных бесчисленным аспектом семейной жизни.

Можно ли было бы спасти брак, если бы и муж, и жена раньше осознали, что в семье существуют проблемы? Какие ошибки становятся роковыми? Что предвещает начало конфликтов? Есть ли что-то схожее в проблемах этих людей со сложностями, которые возникают в семьях сегодня?

Христиане, безусловно, не избавлены от сложностей в браке. Иногда их браки держатся только авторитетом церкви и нежеланием делить имущество. А иногда их нацеленность на исполнение высшей миссии разрывает все их земные привязанности.

Читая об этих трудных браках, вы узнаете о многих проблемах. Ведь вы боролись с ними и в вашем собственном браке. А распознав их, вы, возможно, найдете те решения, которые эти великие христиане прошлого найти так и не смогли.

Любовь — это вздор

Джон и Молли Уэсли

Большинству из вас не нужно представлять Джона Уэсли, отца методистского движения. Вы поете гимны, написанные Джоном и его братом Чарлзом. Вы знаете о его обращении на улице Олдерсгейт. Всеми признан вклад Джона в дело евангелизации и его особое внимание к проблеме личной святости. Но вы вряд ли что-нибудь слышали о Молли Голдхок Вазейль-Уэсли, жене Джона. Возможно, что после того, как я вас познакомлю с ней, вы решите, что вам лучше было бы никогда не встречаться с нею. Но я гарантирую, что, когда вы познакомитесь поближе с Джоном и Молли, у вас появится много поводов к размышлению.

Почему их брак был таким несчастливym? Мог ли он быть иным? Что вы можете почерпнуть для себя во всей этой истории, чтобы избежать проблем в вашем собственном браке?

Один из ранних биографов Уэсли утверждал, что, наряду с Ксантиппой и женой Иова, миссис Джон Уэсли можно причислить к самым худшим женам в истории человечества. Позже другой историк возразил, что если это так, то Джона Уэсли следует считать одним из худших мужей в истории. Оба эти утверждения — крайность. Но как же нам отнестись к истории о том, как Молли Уэсли таскала мужа за волосы по всей комнате? А как насчет переписки Джона Уэсли с его восторженными поклонницами, которую он отказывался прекратить, несмотря на негодование жены?

Джон Уэсли широко известен как неустрашимый проповедник методизма, проехавший на лошади четверть

миллиона миль, который утверждал, что его приход — весь мир, который вставал на молитву в четыре часа утра. Но у него дома была просто бойня. Через четыре года семейной жизни он написал своему брату Чарлзу: «Любовь — это вздор». За пятьдесят три года своего служения он произнес сорок две тысячи проповедей, часто по четыре-пять в день. Послушать его собиралось до тридцати тысяч человек. Когда в восьмидесятивосьмилетнем возрасте он умер, в мире было сто пятьдесят три тысячи методистов. Это движение распространилось в Америке, Голландии, Ирландии и Шотландии. Это был исключительный человек, и Господь являл через него Свою мощь. Но его брак был просто провалом.

Джон не женился до сорокасемилетнего возраста. Возможно, он ждал слишком долго. (А кому-то покажется, что недостаточно долго.) Он влюблялся, когда ему было двадцать пять, тридцать пять и сорок пять лет. И в самую последнюю минуту он принимал решение остаться холостым. Возможно, женись он раньше на любой из этих трех женщин, его брак был бы гораздо более счастливым, чем его жизнь с Молли. Но если бы брак Уэсли оказался счастливее, мы не увидели бы такого размаха замечательного методистского движения.

Чтобы понять Уэсли и его проблемы с женой, вам стоит заглянуть в тот необычный дом, где он вырос. Джон Уэсли был пятнадцатым из девятнадцати детей, родившихся у Самьюэла и Сюзанны Уэсли. Самьюэл был суровым англиканским священником, проводившим большую часть жизни в удаленном от больших городов приходе, пытаясь хотя бы отчасти урезонить толпу необразованных головорезов. Похоже, самым большим удовольствием в его жизни были поездки на пасторские советы в Лондон, когда он имел возможность выбраться из Эпворта. Для него участие в этих собраниях было большой честью. Он получал удовольствие от возможности подискутировать там с известными богословами. Дома же

он дискутировал со своей женой Сюзанной, очень образованной и очень плодотворной женщиной, которая всегда заботилась о благе своего мужа и своих детей и которая всегда точно знала, что и с какой целью она делает.

И Сюзанна, и Самьюэл были людьми упрямыми. Кроме того, Самьюэл был очень вспыльчив. Однажды во время семейной молитвы, после того как он, как и положено, помолился о здравии правящего английского монарха, короля Вильгельма Оранского, он заметил, что жена не произнесла своего обычного «аминь». Задумавшись об этом, Самьюэл вспомнил, что «аминь» она не говорит уже много дней. Причина была очевидна. Сюзанне не нравился король Вильгельм Оранский, она считала его узурпатором. Она была приверженцем семьи Стюарт. И вот, по словам Сюзанны, ее муж «встал на колени и призвал вечное проклятие и гнев Божий на свою голову и на все свое потомство, если прикоснется хоть раз к своей жене или ляжет с ней в постель, прежде чем она попросит прощения у Господа и у него самого». Вскоре после того Самьюэл отправился на очередной пасторский совет в Лондон. И в это время король Вильгельм умер, что стало ответом на молитвы Сюзанны и, возможно, не менее упрямого Самьюэла, поскольку после смерти Вильгельма на трон взошла королева Анна — из семьи Стюарт. Теперь Сюзанна могла с чистой совестью произносить «аминь», когда ее муж молился за царствующего монарха. История эта весьма характерна для их брака. Вот несколько цитат из записей Сюзанны: «Раз уж я столь терпеливо позволяю ему наслаждаться своей правотой, ему бы следовало оставлять мне хоть немного простора для свободы совести». «Мне кажется, наша совместная жизнь не слишком счастливая». И далее: «Главное несчастье в нашей семье — это то, что наши мнения никогда не совпадают».

Вскоре после коронации королевы Анны родился Джон Уэсли, пятнадцатый из девятнадцати детей,

родившихся в семье Уэсли. Девятеро из них умерли при родах или в детстве, и, таким образом, десятерых нужно было вырастить на скромный доход приходского священника в Эпворте. Когда Джону (или «Джеки», как называла его мать) было всего два года, его отца на три месяца посадили в тюрьму за то, что он не смог выплатить долг в тридцать фунтов. В тюрьме Самьюэл очень переживал за семью, но писал: «Жена переносит все с надлежащим мужеством, как я того и ожидал от нее». Позже, когда Самьюэл снова надолго уехал на пасторский совет в Лондон, в его церкви проповедовал другой священник. С кафедры он непрерывно метал громы и молнии относительно хронических долгов Самьюэла и прочих его многочисленных недостатков, которые и в самом деле имели место. Людей в церкви становилось все меньше и меньше. Тогда Сюзанна начала проводить вечерние богослужения у себя на кухне. Вскоре у нее по вечерам стало собираться больше народа, чем по утрам в Эпвордской церкви. Священнику это не понравилось. Он написал Самьюэлу в Лондон, побуждая того прекратить это безобразие. Но Сюзанна тоже написала мужу и объяснила мотивы своего поступка. Она говорила, что необходимо было что-нибудь предпринять, а ни у кого в приходе не было такого сильного голоса, как у нее. Кроме того, никто не мог так бегло читать молитвенник и никто больше не смог бы должным образом прочесть проповедь. Она писала, что уверена в том, что Бог одобряет ее действия, но что она, безусловно, подчинится мужу, если тот твердо запретит ей продолжать проводить богослужения. Но мужу следовало четко и внятно сформулировать свой запрет. Затем она задавала вопрос: запрещает он ей продолжать вести службы или нет. Вот как она написала об этом: «Не говори мне, что ты против. Этого будет недостаточно для того, чтобы успокоить мою совесть. Но пришли мне твердый и четкий запрет, написанный в таких внятных выражениях, которые

освободили бы меня от ответственности и от будущего наказания за небрежение к совершению добра, когда мы явимся на страшный и великий суд нашего Господа Иисуса Христа».

Самьюэл Уэсли решил, что раз уж проблема исчезнет, как только он вернется домой через несколько недель, то и никаких срочных мер принимать просто не стоит. У Уэсли и без того хватало проблем, но однажды ночью в 1709 году их дом загорелся. Пожар уничтожил практически все имущество, но дети, к счастью, успели убежать в сад. Все, кроме одного. Пятилетнего Джона среди них не оказалось. Отец попытался пробраться в дом, но пламя и дым бушевали повсюду, и эта попытка не удалась. Принесли лестницу и подняли ее к окну в комнате Джона. Мальчика спасли. Почти тотчас крыша рухнула внутрь пылавшего дома. Сюзанна говорила, что спасение это произошло лишь благодаря чудесному вмешательству, и называла Джона «головней, исторгнутой из огня»⁶. После того случая, заботясь о духовности своих детей, особое внимание она уделяла Джону. Она приняла решение «быть особенно внимательной к душе этого ребенка, которого Господь так милостиво сохранил для них».

Сюзанна воспитывала детей в строгости. В годовалом возрасте каждому ребенку внушалось, что если он хочет плакать, то делать это нужно тихо. Она занималась образованием детей с их самого раннего возраста, и дочери ее учились так же, как и мальчики. Она строго организовывала свою духовную практику и требовала от детей того же. Сюзанна выделяла по дню в неделю для того, чтобы дать духовные наставления и организовать чтение Писания каждого из детей. Джону посвящался четверг. Джон рос вместе с семьей сестрами. Позже у большинства из них, как и у Джона, браки оказались очень неудачными. Трудно сказать, что было тому виной. Многие винили в этом отца, который стремился разрушить

⁶ Книга Пророка Захарии 2:3. — *Примеч. пер.*

отношения дочерей с молодыми людьми, если видел, что у них складываются многообещающие хорошие отношения. В итоге дочери сбежали из дома, выйдя замуж за первого встречного. Одна из них открыто говорила о «необъяснимой страсти» ее отца к раздорам. Его забота была чрезмерно строгой и авторитарной.

Самьюэл Уэсли никогда не мог разобраться в обстоятельствах своей жизни. Его приход был маленьким и захолустным. Кроме того, особым уважением он не пользовался. Дома он испытывал постоянную неудовлетворенность из-за неспособности наладить хорошие отношения с Сюзанной и детьми. И иногда эта неудовлетворенность прорывалась во вспышках гнева и странных поступках. Да и сама Сюзанна была человеком очень властным, что наложило отпечаток на личности всех ее детей и в особенности на Джона. Она была духовником Джона до самой ее смерти, когда Джону исполнилось уже тридцать девять лет. Один из биографов пишет: «Именно ее голос стал решающим в вопросе о миссионерской поездке в Джорджию двоих ее сыновей, которая обернулась неудачей. Именно в ее непоколебимости Джон искал опоры по возвращении в Англию, когда вера его была поколеблена, а будущее его было в опасности. Как только у него появился свой собственный дом, она практически всем управляла и там. Он сам признавался, что с юности отринул мысли о браке, полагая, что никогда не встретит равную ей женщину».

Джон Уэсли был столь же логически мыслящим человеком, как и его мать. Его брат Чарлз унаследовал отцовский вкус ко всему поэтическому. Но Джон также был и искусным спорщиком, обожавшим остроумные шутки. Его остроумие привлекало к нему много молодежи. Одна из его сестер говорила, что, если Джон был рядом, грустить было невозможно. В семнадцать лет Джон отправился в Оксфордский университет, где изучал классическую филологию и где впервые всерьез влюбился.

Одной из ранних записей в его дневнике, который он вел более шестидесяти лет, стала следующая: «Неужели я способен любить женщину или общество друзей больше, чем Бога?» Этот вопрос мучил его долгие годы. Среди друзей, с которыми общался Джон, было четыре девушки, и к каждой из них Джон чувствовал влечение. Он писал матери о Бэтти Керкхэм как о «друге в вере», но из его дневника становится очевидным, что для него она была весьма особым «другом в вере». Однако прождав несколько лет, когда чувства Джорджа воплотятся в предложение руки и сердца, Бетти Керкхэм приняла предложение другого юноши. Дневник Джона свидетельствует о том, что он задумывался о браке, но что-то его удерживало. Они продолжали поддерживать отношения с Бетти, хотя ее муж очень ревновал ее к Уэсли. Джон в то же время начал ухаживать за другой девушкой из того же круга. Но когда единственным возможным развитием отношений в дальнейшем стал брак, Джон вновь отступил.

Джону было тогда двадцать пять лет. Он защитил в Оксфорде ученую степень, стал преподавателем и вместе с братом Чарлзом основал «Клуб святости» — группу, которая из-за методичного подхода к духовным вопросам стала впоследствии известна как движение методистов. Отец Джона, которому было уже семьдесят лет, хотел, чтобы Джон унаследовал его приход в Эпворте, но Джон отказался. Он хотел оставаться в Оксфорде, где активно занимался своей духовной жизнью. Он сказал отцу, что только там, где он сам мог совершенствоваться в святости, он мог бы подвигать к святости и других. Тогда же Джон предпочел преподавание профессорству. Он хотел руководить духовной жизнью людей, искренне стремившихся к спасению. Но у него было две проблемы: 1) он не был уверен в своем собственном спасении и 2) он был очень наивен в оценке тех людей, которые говорили, что стремятся к духовности, в особенности если это были

женщины. Кроме того, Джон явно не осознавал, насколько он был для женщин привлекателен.

Это стало очевидным в 1735 году, когда его назначили капелланом в миссию во вновь основанную колонию в штате Джорджия в Америке. В обязанности Джона входило служение обращенным колонистам — евреям, немцам и прочим, в том числе и бежавшим от своих долгов в Европе, а также проповедовать индейцам, которых Джон считал «малыми детьми, смиренными и стремящимися к учению». Но главным мотивом Джона, побудившим его поехать в Америку, было «стремление прежде всего к спасению собственной души». Кроме того, он был уверен, что в Джорджии он будет избавлен от плотских соблазнов и вообще не увидит женщин, «разве только совершенно чужих и далеких». Он и не подозревал, до какой степени ошибался. На корабле Джон был «в опасности каждый час», как он сам писал в своем дневнике. Джон даже собирался просить брата Чарлза молиться за него — столько молодых женщин было на борту корабля. И многие из них делали вид, будто проявляют огромный интерес к духовным вопросам. Джон думал, что ему необходимо, чтобы о нем кто-нибудь молился, поскольку не желал «ни одну из них познать по плоти».

Когда на Атлантике поднялся шторм, Джона постигло еще одно духовное потрясение. Немцы из моравских братьев были единственными пассажирами на корабле, которые оставались совершенно спокойными среди бушующей стихии. Когда Джон спросил их, отчего они так спокойны, те, в свою очередь, задали ему несколько вопросов: «Знаешь ли ты Иисуса Христа?» «Знаешь ли ты о том, что ты — чадо Божие?» «Знаешь ли ты, что спасен?» Джон был потрясен. Он был священником и сыном священника. Более того, он был миссионером и стремился к строгой святости, каким бы трудным это ни казалось, и готов был ехать ради этого на край света. И он

обнаружил, что не обладает такой непоколебимой уверенностью в личном спасении, как моравские братья.

После того как Джон оказался на твердой земле в Америке, дела не пошли лучше. Хотя он и тщательно выполнял все, что требовалось, — поднимался в четыре утра, в пять начинал богослужение и т. д., — он, как священник, не оказывал ни малейшего влияния на колонистов, а как проповедник — ни малейшего влияния на индейцев. Но он оказал большое влияние на Софи Хопки, восемнадцатилетнюю племянницу мирового судьи города Саванна. Джону, которому было тогда тридцать три года, казалось, что Софи воплощает собою идеал женщины. Она была «тиха и полна внимания», когда он читал ей сборники проповедей. Она быстро схватывала материал, когда он начал учить ее французской грамматике. А поскольку дома с дядей и тетей жилось ей несладко, то ей очень хотелось выйти поскорее замуж. Джон не знал, что ему делать. Рядом с ней его охватывало «недостойное желание», как он признавался. Он намекнул ей, что хотел бы провести с ней остаток жизни. Похоже, добрая половина колонии убеждала его жениться, но Джон и на этот раз вырвался из пламени. «Я полагаю, мисс Софи, что не в моих силах сгорать в этом пожаре. Я возвращаюсь на пути Божьи».

Но расставание с Софи не решило проблемы. Поэтому для того, чтобы точно выяснить, следует ему жениться или нет, он решил тянуть жребий. На одном листочке он написал: «Жениться». На другом: «Не в этом году». А на третьем написал: «Выбросить из головы эти мысли». И вытащил последний. Хотя это и было очень трудно, Джон порвал отношения с Софи и к концу того года вернулся в Англию. О своем разрыве с Софи он писал в дневнике как о бегстве. И в этот раз он снова стал «головней, исторгнутой из огня». На обратном пути у него было достаточно времени поразмыслить о своей миссионерской работе в Америке. Она продолжалась два

года. И у Джона хватало здравого смысла, чтобы понять, что результаты его работы были нулевыми.

Но через полгода в жизни Джона начался новый этап. Тогда, погруженный в депрессию, он пошел на собрание неподалеку от улицы Олдерсгейт, где читали «Комментарий на Послание к Римлянам» Лютера. Уэсли ощутил «необычное тепло» у себя в сердце. Так состоялось его обращение. Он открыл для себя «спасение одной только верой». Теперь он также знал Иисуса Христа, как моравские братья. Годом позже, в 1739-м, Уэсли начал свои проповеди на открытом воздухе. На них собирались огромные толпы народа. На некоторые службы, по оценке Уэсли, приходило до двадцати тысяч человек. Началось и практическое служение. В Кингсвуде была открыта школа для детей из малоимущих семей. В Бристоле было построено новое здание для молитвенных собраний. Недалеко от Мурфилдса старый цех по литью артиллерийских орудий был перестроен в часовню на полторы тысячи человек. В течение последующих пятидесяти лет Джон объездил на лошади всю Англию. Скакал по пыльным сельским дорогам, проповедуя Евангелие девять месяцев в году, и открывал отделения общества методистов по всем Британским островам. Уэсли стал одной из самых значимых фигур восемнадцатого века.

В самом начале своего нового служения он встретился с Грэйс Мюррей. Это был самый серьезный его роман. Грэйс Мюррей было чуть меньше тридцати, и она была вдовой моряка. Проповедь Уэсли произвела на нее огромное впечатление, и вскоре она стала самой известной активисткой методистского движения, проповедь которой была обращена именно к женщинам. В 1745 году Уэсли серьезно заболел. Ему было тогда сорок два года. Ухаживала за ним «любезная, благочестивая и умелая» миссис Мюррей. Джон не сделал ей предложения, но его буквальными словами были: «Если я когда-нибудь женюсь,

то думаю, что на вас». Вдова Мюррей была польщена его вниманием.

Когда Уэсли почувствовал себя достаточно здоровым для того, чтобы продолжать проповедническую работу, он предложил ей присоединиться к его группе. Через несколько месяцев Джон отправился с проповедью в Ирландию. Грэйс отправилась с ним и на этот раз. Они даже ездили вместе на одной лошади. Уэсли писал о ней: «Она узнавала все о женщинах в небольших городках, и вообще обо всех верующих повсюду. Она организовывала женские собрания, посещала больных и молилась с теми, кто носил траур». Говорили, что она была единственным человеком, с которым Джон смог проработать вместе в течение такого долгого времени. Джон был горячо влюблен в Грэйс и взвешивал все «за» и «против» вступления в брак. Как это было ему свойственно, он сделал это письменно. По всем семи пунктам, по которым он оценивал женщин (домохозяйка, няня, товарищ, друг, сотрудник в деле Евангелия Христова, духовные дары и духовные плоды ее трудов), он оценил Грэйс на «отлично». Из этого он заключил: «Итак, все семь аргументов, которые могли бы удержать меня от вступления в брак, в данном случае недействительны. Многое говорит в пользу того, что мне следует жениться, и не на ком-нибудь, а именно на Г. М". „Г. М". означало, конечно же, Грэйс Мюррей.

Джон осознал, что это могло повлечь и определенные проблемы. В частности, как им следовало поступить с детьми? Он считал, что детей следовало поместить в методистскую школу в Кингсвуде, пока он с женой будет продолжать организовывать евангелизационные кампании. Один из исследователей замечает: «Он не был способен представить себя ведущим полноценную семейную жизнь. Ему нужен был хороший заместитель, а не жена». Но у этого предполагаемого брака были и другие препятствия. Прежде всего, Джон всегда

был до крайности нерешителен в этих вопросах. Кроме того, в «Клубе святости» он торжественно обещал не жениться без разрешения клуба. Это означало, что среди прочего ему требуется получить еще и одобрение его брата Чарлза. Грэйс не была в восторге от медлительности Джона. Один из его сотрудников, Джон Беннет, был также влюблен в Грэйс и готов был перейти к активным действиям при первом же проявлении холодности со стороны Уэсли. Он считался женихом Грэйс до ее знакомства с Уэсли. Но хотя Беннет и оказался в стороне, он, безусловно, оставался заинтересованной фигурой. Многие методистские лидеры считали, что Уэсли не стоило жениться на Грэйс Мюррей. Тогда создалось бы впечатление, будто все эти годы она была его любовницей. Другие полагали, что Джону ни в коем случае нельзя было жениться на женщине низкого социального происхождения. Это могло бы внести раскол в методистское движение.

И тут вмешался Чарлз Уэсли. Правильнее было бы сказать, что он ворвался в это дело. Он был уверен в том, что в случае женитьбы Джона все достижения методизма пойдут прахом. Любой другой методистский священник мог жениться, но Джон был «особым случаем». Кроме того, если бы Джон женился на Грэйс, то половина лидеров просто вышла бы из движения. Джон формулирует в своем дневнике мнение своего брата следующим образом: «Мысль о браке вообще и в особенности с женщиной низкого происхождения кажется ему просто дикой». Чарлз не мог терять ни минуты. Он вскочил на лошадь и бросился к Грэйс. Он сумел убедить ее в том, что если она выйдет замуж за Джона, то «разрушит и его самого, и все дело Божье». Через два часа он отвез Грэйс к Беннету, убедил их обоих, что ради спасения методизма им необходимо жениться, и буквально через несколько дней они вступили в брак. Один из биографов сомневается в том, что Уэсли женился бы на Грэйс Мюррей: «Нет

никакого сомнения в том, что Джон Уэсли думал о Грэйс Мюррей как о жене, предназначенной ему самим Богом. Но, учитывая его предыдущие любовные истории, встает вопрос о том, воплотилось ли бы это предназначение в свадьбе, даже если бы Чарлз и не вмешался в это дело». И все же спустя пятнадцать месяцев, Джон Уэсли женился. И на этот раз он твердо решил, что никто не ускользнет вместе с его невестой.

Одним из немногих методистских священников, вставших на сторону Джона в его конфликте с братом, оказался Винсент Перронет. Перронет был убежден, что Джону следует жениться. Более того, он всячески подталкивал Джона к этому шагу. Перронет посоветовался с банкиром Эбеназером Блэкуэллом и предложил подходящую кандидатуру — Молли Вазейль, вдову лондонского торговца, который оставил ей в наследство десять тысяч фунтов. В случае с Грэйс Джон Уэсли письменно проанализировал достоинства своей предполагаемой супруги. С Молли он ничего не анализировал. По поводу Грэйс он посоветовался со своим братом, и выяснилось, что его выбор был ошибочным. По поводу Молли Джон не советовался с братом, но все равно выяснилось, что выбор его оказался ошибочным. Он не советовался с Чарлзом, просто сказал, что собирается жениться и не сказал на ком. Чарлз написал в своем дневнике: «Я был словно громом поражен». А через несколько дней, когда Чарлз узнал, кто невеста, он «впал в глубокий траур». Он «весь день стонал, равно как и все последующие дни». Он «не мог ни есть, ни проповедовать, ни отдыхать ни ночью, ни днем».

Несмотря на свое возмущение, на этот раз Чарлз не стал вмешиваться. Джон не собирался вносить ухищрения в свой рабочий график и продолжал непрерывно проповедовать вплоть до одного злополучного происшествия. Проходя по Лондонскому мосту в середине 1751 года, он поскользнулся и сильно потянул лодыжку.

Несмотря на боль, он произнес запланированную проповедь, а затем прихрамал к дому вдовы Вазейль. Его невеста Молли ухаживала за ним в течение недели. У нее дома он проводил время «частично в молитве, за чтением или разговором, частично за написанием „Грамматики иврита“ и „Уроков для детей“». В разговорах с Молли они, вероятнее всего, обсуждали их будущий брак. Уэсли стремился уверить Молли в том, что он не прикоснется ни к единственному пенни из завещанных ей денег. Один из ее сыновей был против этого брака, и, скорее всего, Джон хотел, чтобы не оставалось и тени подозрения о том, что он женится ради денег. Вне всякого сомнения, он рассказал ей о своей проповеднической работе, которая требовала его отсутствия в доме три четверти всего времени. Молли предстояло либо сопровождать его в евангелизационных кампаниях, либо оставаться дома, со своими детьми. Вероятно, Джон сказал ей, как он говорил это и другим, что проповедник не должен ставить в зависимость от своего семейного положения выбор: ехать или не ехать, проповедовать или нет. Означало это только то, что Джон не собирался менять свой образ жизни. Приспосабливаться следовало Молли.

В следующий понедельник, хотя лодыжка у Джона продолжала болеть, они поженились. Днем раньше, в воскресенье, он проповедовал, стоя на коленях, поскольку не мог встать на ногу. Во вторник он уже снова проповедовал, и снова на коленях. Между проповедями он и женился. И, судя по всему, также стоя на коленях. Точно узнать об этом мы не можем, поскольку Джон не удосужился упомянуть об этом событии в своем дневнике.

Ухаживания длились недолго, всего около шестнадцати дней. И, без сомнения, брак этот был поспешен и заключен был практически без размышлений. Джон все еще тосковал по отнятой у него Грэйс. К сорока семи годам ему просто необходимо было жениться. Ему всегда нравилось общаться с женщинами, а будучи

человеком привлекательным, он легко находил их общество. Но по мере роста методистского движения он оказывался все более и более одиноким. Даже его брат Чарлз стал далек от него, далек в своем счастливом браке с Салли Гвинне, далек из-за своего резкого вмешательства в роман Джона с Грэйс. И хотя Джон встречался каждый год с тысячами людей и с сотней человек поддерживал дружеские отношения, временами он остро ощущал одиночество, а в болезни или в несчастье он чувствовал себя всеми брошенным. Именно тогда, когда он заболел, Джон и полюбил Грэйс. А теперь он с растянутой лодыжкой оказался в доме Молли Вазейль, на улице Трэнидл в Лондоне. Ему доставляло огромное удовольствие беседовать с Молли. По его словам, она обеспечила ему «самую сильную поддержку, какую только могут дать слова, выражающие нежность и трепет».

Молли Голдхок Вазейль-Уэсли, которой был тогда сорок один год, до того как вышла замуж за лондонского торговца, была прислужгой. Муж всячески «баловал ее и потакал ее капризам». Она привыкла к достатку и удобствам. У нее было четверо детей, младшему из которых еще не исполнилось и пяти лет. Джон говорил, что она — человек «очень средних умственных способностей». По словам одного из биографов, она была «религиозна лишь настолько, насколько того требовали светские приличия». Ранние биографы Уэсли всячески очерняли ее и превозносили Джона, так что к их свидетельствам следует относиться с осторожностью. Многие из этих первых биографов полагают, что, выйдя замуж за Джона, Молли сумела подняться выше по социальной лестнице и что она втянула его в брак чуть ли не обманом. То есть осуществила то, что оказалось не по силам ни Грэйс Мюррей, ни Софи Хопки. Но это предположение — явно грубое преувеличение. Джона Уэсли представили ей двое друзей ее покойного мужа. И его внимание было ей столь

же лесг-но, как и ее внимание самому Уэсли. И оба они стремились к вступлению в брак в равной степени.

Этот брак, не слишком хорошо начавшись, становился все хуже и хуже. В ближайшее после свадьбы воскресенье Джон решил, что ему нужно объяснить другим лидерам методистского движения, почему он так внезапно женился и предварительно не посоветовался с ними. Это объяснение смутило тех, для кого оно было предназначено, а Молли просто привело в ярость. Джон сказал, что этот брак — «крест, который он на себя принял» ради движения, и что он женился для того, чтобы «разрушить сложившиеся о нем и о мире предрассудки». Молли была потрясена. И за этого человека она вышла замуж? Через неделю Джон уехал на конференцию, затем вернулся на неделю домой, затем вновь надолго уехал с проповедями на север страны. В первый день этой поездки он написал в дневнике: «В том, что касается поездок, методистский проповедник, у которого есть жена, должен действовать так, словно жены у него нет». Но вечером он пишет Молли теплое письмо: «Ты безусловно имеешь право на все то, чем я могу подтвердить мою любовь к тебе, и на всю ту небольшую помощь, которую я в состоянии оказать. Ибо ты отдала мне самое себя. Как нам достойно прославить Бога, благодаря Которому мы встретились?!» Джон даже написал своему другу, банкиру Блэкуэллу, и попросил того позаботиться о Молли в его отсутствие: «У нее много забот, но ровно столько, сколько Бог дает ей ради ее же пользы».

И одной из самых главных ее забот был сам Джон. Молли уже разговаривала с Блэкуэллом о том, что муж ее относится к ней слишком невнимательно. Затем она встретилась с Чарлзом Уэсли, всего через четыре месяца после свадьбы. От нее этот визит потребовал большой силы духа, поскольку она знала о том, что Чарлз был резко против их с Джоном брака. Чарлз согласился побеседовать с братом с глазу на глаз о его проблемах с женой, и затем

встретиться еще раз — уже всем втроем — и постараться все уладить. Но эта встреча не имела почти никаких положительных последствий. Молли перечислила все накопившиеся у нее претензии, причем не только к Джону, но и к Чарлзу, а Джон упорно стоял на том, что не станет приносить служения, данного ему Богом, в жертву капризам Молли. В итоге Чарлз решил разрядить обстановку чтением латинских поэтов. Чарлз так никогда и не смог наладить с Молли хороших отношений. «Мне необходимо либо молиться, либо поддаться духу мщения», — как-то сказал он после очередного скандала, который Молли ему устроила. Отрицательное отношение к ней Чарлза очень скоро распространилось и среди других лидеров методистского движения. Очень скоро Молли почувствовала себя затравленной. Она была женой самого главного методиста, но все методистское движение было настроено против нее.

Молли сперва предпочла оставаться дома, пока Джон ездил по делам своего движения, но установлению добрых отношений в семье это не способствовало. Затем она попробовала вторую из предложенных ей альтернатив. Возможно, если бы она стала сопровождать мужа в его поездках, думала она, их брачные узы укрепились бы, и то раздражение, которое она испытывала по отношению к Джону, постепенно сошло бы на нет. Но из этого также ничего не вышло. Грэйс Мюррей была прекрасным спутником в путешествиях, чего никак нельзя было сказать о Молли. Джон не хотел даже и сравнивать их, но ничего не мог с собой поделать. По английским дорогам было не так-то легко путешествовать, особенно пользуясь теми средствами передвижения, которыми пользовался Джон Уэсли. Молли вообще была склонна стенать и жаловаться. И теперь поводов для этого у нее было более чем когда-либо.

Помимо трудностей, связанных с непрерывными и многочисленными передвижениями по стране, Молли

пришлось страдать от проливных дождей, ледяного ветра, зимней стужи, камней, которые швыряли в них разгневанные толпы, и едких насмешек идейных противников. Однажды, когда они приехали на место заранее назначенной встречи, их с Джоном встретила стайка восторженных женщин, которые были «нарочито принаряжены». В тот момент Молли осознавала только две вещи: во-первых, проскакав на лошади пятьдесят миль, выглядела она хуже некуда, и, во-вторых, всем этим собравшимся вокруг ее мужа женщинам не было до нее никакого дела. Их интересовал исключительно Джон. После собрания Джон с воодушевлением говорил о духовных дарах, а она стонала по поводу жестких постелей, не очень чистых и не подходящих по размеру пододеяльников и мерзких маленьких насекомых, сновавших повсюду.

Несомненно, история с тасканием за волосы произошла тогда, когда все эти впечатления были куда как свежи, если она вообще имела место. Вот что рассказывает один из методистских священников: «Однажды, будучи в Северной Ирландии, я зашел к ним домой и застал миссис Уэсли ревущей от ярости. Ее муж лежал на полу, а она таскала его за волосы. Она все еще сжимала в руках клочья его почтенных волос, вырванных с корнем». Это произошло приблизительно через полтора года после их свадьбы. Поздние биографы не вполне доверяют этому рассказу, хотя и не берутся утверждать, что история эта вымышлена. Вспышки гнева Молли вошли в поговорку, и в приступе ярости она была способна на самые невероятные поступки. Джон как-то написал, не упоминая жену напрямую: «Какая жалость, что мне приходится иметь дело с такими неуравновешенными людьми».

Случались у них и примирения. Первые письма Джона свидетельствуют о любви и привязанности. Он ценил ее помощь в финансовых вопросах. Он даже наивно позволил ей (и это было его собственной инициативой)

вскрывать любые письма, адресованные ему и приходившие в его отсутствие. А когда Молли вскрыла кое-какие из адресованных Джону писем, то это вызвало новую вспышку ее гнева. Беда была в том, что беседы о духовности, которые Джон вел с женщинами, не прекратились и после его вступления в брак. Он оставался таким же мягким и отзывчивым человеком. А поскольку Джон и Молли пришли к заключению, что ее участие в поездках мужа не играет решающей роли в судьбах методистского движения, она теперь оставалась дома, читала почту Джона, и в ее воображении рисовались картины, одна другой ужаснее.

Джон назначил управляющей школой в Кингсвуде некую Сару Райен, которой было тридцать три года и которая была недавно обращена. Она трижды выходила замуж, но ни разу не разводилась. Далеко не все были в восторге от этого назначения. Уэсли духовно руководил ею и, кроме того, в своих письмах к ней он рассказывал о своих трудностях с Молли, при этом выражения, в которых он писал о духовной общности, можно было истолковать и неверно. Что и произошло. Сара в свою очередь писала Джону: «Не знаю, как мне быть. Я колеблюсь — мне трудно определить, слишком малое или, напротив, слишком большое значение я придаю нашему духовному общению». Когда Молли прочла одно из таких писем, она решила, что это и в самом деле уж слишком. То, что Джон рассматривал как *агапе*⁷, Молли сочла подозрительно смахивающим на *егос*⁸. Она потребовала, чтобы Джон прекратил эту переписку. Джон писал: «Она пришла в такую ярость, в какой я не видел ее много лет». Молли ушла от него и поклялась, что никогда больше его не увидит. Эта сцена и действительно состоявшийся отъезд Молли не заставили Джона прекратить переписку с Сарой. По прошествии месяца, на собрании, где было более

⁷ Агапе — братская любовь (греч.). — *Примеч. пер.*

⁸ Егос — половая любовь (греч.). — *Примеч. пер.*

шестидесяти священников-методистов и где председательствовала Сара Райен, произошло следующее: Молли ворвалась в помещение и, указывая на Сару пальцем, выкрикнула: «У этой шлюхи трое живых мужей!»

Вскоре после этого Молли вернулась к Джону, но, как вы можете себе представить, их совместная жизнь счастливее не стала. Временами эта жизнь походила на вооруженное столкновение. Молли была стороной, воплощавшей насилие. Джон считал, что он прав. Она обвиняла его в том, что он соблазнил жену своего родного брата. Он обвинял ее в том, что она клеветает на него его соратникам. В одном из писем к Молли Джон перечисляет ей десять своих основных к ней претензий. В частности: Молли воровала бумаги из его бюро; ему было невозможно пригласить друзей на чай; она заставляла его чувствовать себя заключенным в его собственном доме; ему приходилось докладывать Молли, где он был; Молли показывала другим людям его частные бумаги и письма без его разрешения; она разговаривала с прислугой, как базарная торговка; она непрерывно порочила его.

Он клялся, что готов делать все, чтобы ее настроение было хорошим, если только это не требовало поступков, наносящих вред его или ее душе и не мешало делу Божьему. Написание душевных писем Саре Райен и другим женщинам было, конечно же, составной частью «дела Божьего». Джону было психологически трудно появляться на людях с Молли, поскольку он никогда не знал, что она может сказать. Он писал: «Она, не задумываясь, могла бы забросать меня петардами». Молли говорила с ним так, как «ни одна жена не решится заговорить с мужем». Она знала, что ее манера выражаться была очень язвительной. Но не одна она была виновата в том, что брак их оказался несчастливym, и Молли хотела, чтобы мир знал об этом. Ее обижал пасторский тон писем, которые она получала от мужа. Создавалось впечатление, что она ему вовсе не настолько близка и дорога, как Сара Райен. Джон писал ей:

«Как можешь ты созерцать все совершенные тобою грехи?» Или: «Если бы ты сейчас умерла или если бы ты вообще не появлялась на свет, то разве это было бы потерей для дела Божьего?» Такие проповеди ее в восторг отнюдь не приводили.

Кроме того, у нее было слабое здоровье. Она страдала от подагры и тяжело проходила через климактерический период. Основательная часть ее наследства так или иначе перешла к другим лицам, а дети доставляли ей массу хлопот и переживаний. Один из них умер, другой был очень болезненным, а другие двое сыновей были очень «трудными» молодыми людьми. Обо всех этих тяготах Джон писал, что они, вероятно, посланы Богом для того, чтобы «усмирить и смягчить черствость» ее сердца. Она и сама понимала, что, возможно, так оно и было, но ей не хотелось, чтобы муж непрерывно напоминал ей об этом. Джон Уэсли умолял ее, читал ей нотации, а когда это не помогало, он просто переставал ее замечать. Джон был способен переубедить практически любую женщину. Но оказать хоть какое-то влияние на Молли он был не в состоянии. Однажды он сказал: «Это все равно что перевоспитывать северный ветер».

Более двадцати лет «семейная жизнь Уэсли следовала этим тернистым путем, — пишет Стэнли Эйтлинг. — Это был брак по существу формальный и почти несуществующий; разрывы были частыми, но до 1776 года они не становились окончательными. Супруги непрерывно злились друг на друга». Иногда у них случались периоды примирения, как, например, в 1766 году, когда Уэсли, которому было тогда шестьдесят три года, писал: «Моя жена меня просто изумляет. Чудеса еще не прекратились на этой земле. Никаких вспышек гнева. Мы только начинаем жить». Но через три года, почти в двадцатилетнюю годовщину свадьбы, Молли снова ушла от него. Уэсли так пишет об этом в своем дневнике: «23 января. Не знаю, что произошло. Но моя жена уехала в

Ньюкэсл и не собирается возвращаться. „Non eam reliqui; non dimisi; non revocabo“ („Не я оставил ее; не я отослал ее; и я не буду просить ее вернуться“)». Но через год она вернулась. И не просто вернулась, а отправилась с ним вместе в одно из его проповеднических путешествий. Ей тогда было шестьдесят два года. Во время этой поездки она столкнулась с резко неприязненным отношением к ней со стороны лидеров методистского движения. Ей казалось, что Джона они возносят на пьедестал, а ее низвергают в сточную канаву. В 1774 году она написала мужу: «Ради Бога, ради тебя самого, останови изливаемые на меня потоки грязи». Но потоки не иссякали. В 1776 году, когда ему было семьдесят три, а ей шестьдесят семь лет, они расстались в последний раз. «Вода разлита, — писал Джон, — и собрать ее невозможно».

Два года спустя Джон Уэсли написал свое последнее письмо к Молли. Письмо это было горьким. «Если бы ты прожила и тысячу лет, ты не смогла бы исправить того, что натворила». В 1781 году, в возрасте семидесяти двух лет, Молли Вазейль-Уэсли умерла. Она не завещала Джону ничего, кроме обручального кольца. В соответствии с завещанием, кольцо она оставила Джону в знак того, что умирает «в любви и дружбе с ним».

Джон Уэсли продолжал свои титанические труды. Он пересек Ирландское море сорок два раза. В восьмидесятилетнем возрасте он отправился на проповедь в Голландию. С годами его горечь по отношению к Молли смягчилась, и к бурным годам своего брака он стал относиться следующим образом: «Если бы миссис Уэсли была лучшей женой», то он, возможно, не был бы так уверен в той миссии, которую возложил на него Бог. Джон Уэсли был женат на своих трудах и считал непростительным грехом нарушение верности этому чудесному браку. Но иногда служители Божьи не могут провести границу между любовью к Богу и любовью к делу Божьему.

Библиография

Ayling, Stanley. *John Wesley*. Cleveland: Collins-World, 1979.

Brailsford, Mabel. *A Tale of Two Brothers*. New York: Oxford University Press, 1954. Flint, Charles. *Charles Wesley and His Colleagues*. Washington, D. C.: Public Affairs Press, 1957.

Lee, Umphrey. *The Lord's Horseman, John Wesley the Man*. Nashville: Abingdon, 1954. Wesley, John. *The Heart of Wesley's Journal*. New Canaan, Conn.: Keats, 1979.

Ты — старая сухая ветвь

Ханна Уайтэлл и Роберт Пирсэлл Смит

Одной из самых популярных книг за последние сто двадцать пять лет стала книга «Христианский секрет счастливой жизни». Ее написала в 1874 году сорокатрехлетняя домохозяйка Ханна Уайтэлл Смит. Эта книга была опубликована в тот год, когда мужу Ханны, Роберту, пришлось оставить свое служение из-за скандала, связанного с историей, происшедшей в спальне одной из поклонниц Роберта. Ханна также написала книгу о воспитании детей. Она была опубликована в 1894 году. Именно в этом году младшая дочь Ханны вышла замуж за известного атеиста Бертрана Расселла. А за три года до этого ее старшая дочь бросила своего мужа и двоих детей, шокировав общество своим побегом с учителем рисования.

За последние сто лет миллионы людей извлекли массу полезного из чтения «Христианского секрета счастливой жизни» Ханны. В этом нет никакого сомнения. Но нет также никаких сомнений и в том, что сама Ханна не обладала секретом счастья в семейной жизни. Построить прочную и счастливую семью с таким человеком, как Роберт, было крайне трудно. Отчаявшись наладить отношения с мужем, Ханна пришла к заключению, что брак в принципе не может быть удачным. Когда ей было уже за семьдесят, она написала: «Я с большим трудом могу поверить в то, что хоть одна пара действительно счастлива вместе». Возможно, вы спросите: в какой именно момент стало ясно, что брак Ханны неудачен? Можно ли было сделать что-то, чтобы изменить ситуацию? И, как пишет ее биограф, не была ли сама Ханна частью этой проблемы?

Это случилось в 1850 году, в Филадельфии, Городе Братской Любви, основанном известным квакером Уильямом Пенном. Юноша и девушка, оба из квакерских семей, только что познакомились. Восемнадцатилетняя Ханна Уайтэлл была дочерью состоятельного производителя стекла. Родители двадцатичетырехлетнего Роберта Пирсэлла Смита были очень образованными людьми, а сам он начинал собственное издательское дело. Всем казалось, что они очень подходят друг другу. Так думали и родители Ханны.

Хотя Ханна всегда внешне соответствовала нормам квакерской этики, иногда она бывала амбициозна, демонстрировала материалистический взгляд на вещи и слишком любила забавы. Она ценила красивую одежду и очень берегла подаренные ей отцом золотые часы. Она хотела стать проповедником и в своем дневнике писала об этом так: «Я стала бы столь величественно красноречивой, столь дивно возвышенной. А потом я отправилась бы в Англию, где все, даже королева, собрались бы послушать одаренную квакерскую девушку». Затем она планировала поездку в Париж и даже мечтала отправиться «с проповедью на луну». А иногда этот непредсказуемый подросток жаловался: «Во мне так мало смирения. Я почти перестала молиться... мой разум признает, что я ни на что не годна».

И когда Роберт Пирсэлл Смит начал ухаживать за Ханной в соответствии с устоявшимися квакерскими традициями, ее родители были довольны, что столь благополучный и состоятельный молодой человек проявляет интерес к их дочери. Ведь Роберт был потомком Джеймса Логана, секретаря Уильяма Пенна, и его родословное древо просто цвело библиотекарями, издателями и владельцами типографий. Роберт был благочестивым, красивым и одаренным юношей. Чего же больше было желать родителям Ханны? Кроме того, он был очень романтичен. Для самой Ханны сам набор этих

качеств казался просто совершенным. Его ухаживания длились пять месяцев, и тогда в пригороде Филадельфии он арендовал коттедж, который, как предполагалось, станет их домом после свадьбы. В саду, который примыкал к коттеджу, Роберт нарвал цветов и отправил их Ханне, приложив к ним записку (в традиционном квакерском стиле): «Да насладишься ты в сем месте множеством прекрасных цветов и счастливых часов, в качестве моей невесты, друга, верного спутника и (могу ли я сказать об этом?) горячо любимой жены».

В Роберте уживались духовность и романтизм. Однажды он сказал Ханне, что не может прожить и пяти минут, не задумываясь о том, верно ли он поступает. Свои формальные «свидания» под присмотром они проводили в обсуждении духовных вопросов. Через два месяца после того, как Роберт отправил Ханне цветы, он написал ей: «Продвинувшись так далеко вперед на нашем пути, не будем терять уверенности, мой драгоценный друг, но будем и дальше стремиться к совершенству в нашем призвании во Христе».

И впрямь — весьма одухотворенный молодой человек.

В ноябре 1851 года, через год ухаживаний, Ханна Уайтэлл стала Ханной Уайтэлл Смит и переехала в Джермантаун, в коттедж, арендованный Робертом. Первые шесть лет брака казались вполне нормальными. В семье родилось трое детей. Роберт очень много работал, развивая свой издательский бизнес. Но на самом деле все шло не так гладко. Между ними происходила духовная борьба. Вот что пишет об этом Ханна в своем дневнике: «Я чувствовала, что полностью отпала от Бога. Я чувствовала себя тонущим кораблем... Я больше не верила в Бога». Она не понимала, как Бог мог допустить существование зла в Своем мире. Роберт не очень-то поддерживал ее во время этого духовного кризиса. Не поддерживали ее и собрания

квакеров, которые они с Робертом регулярно посещали. Ее разум требовал ответов; дух ее был в смятении.

Ханна хотела поступить в колледж и поговорила об этом с Робертом. Тому идея понравилась, и он нанял ей репетитора, так чтобы к двадцати пяти годам она смогла подготовиться к сдаче вступительных экзаменов. Вначале Ханна чувствовала себя окрыленной, но вскоре передумала поступать в колледж, так как опасалась, что учеба отнимет у нее то время, которое она уделяла детям. Но то, что произошло за последующие два года, научило ее стольким вещам, скольким она не научилась бы ни в одном колледже.

В то Рождество их пятилетняя дочь Нелли заболела тяжелой формой бронхита. У нее был сильный жар, и через пять дней она умерла. Ханна написала в дневнике: «Мое сердце вот-вот разорвется». Прежде она никогда не сталкивалась со смертью так близко. Страдание захлестнуло ее. Бродя по Филадельфии, она зашла на дневное молитвенное собрание в одну из церквей. Там она испытала глубокое духовное потрясение. «Бог явил мне Себя... Моя душа с плачем бросилась к Нему». Следующим летом, после смерти Нелли и того случая на молитвенном собрании, она взяла с собой Библию в отпуск, который они проводили в Атлантик-Сити, и приняла решение читать ее до тех пор, пока не найдет что-либо, успокаивающее ее душу. Когда она прочла восьмой стих пятой главы Послания к Римлянам, где говорится: «Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками», она поняла, что нашла то, что искала.

«Теперь я поняла, что не нужно пытаться достичь чего-то невозможного, чтобы угодить Богу. Христос на кресте все это уже сделал за меня. Его жертва — это все, в чем я нуждаюсь в моих отношениях с Богом».

Ханна была воодушевлена и делилась своим открытием со всеми, с кем общалась, в том числе и со своим мужем. Вскоре Роберт разделил ее воодушевление.

Они стали посещать и другие церкви, к великому сожалению родителей Ханны. Хотя вначале на Ханну оказывали большое духовное влияние христиане, связанные с движением Плимутских братьев, спустя примерно год она была крещена немецким священником-реформатором в одной из баптистских церквей и часто изучала Библию вместе с методистами. Эту межденоминационность Смитов дополнил Роберт, который стал членом пресвитерианской церкви.

Выход Ханны из «Сообщества друзей» шокировал ее семью, и спустя несколько лет Уайтэллы порвали отношения с ней и с Робертом. Для Ханны это было ударом, но в одиночестве они не остались. Роберт приглашал к ним домой множество самых разных религиозных деятелей, а Ханна всегда была рада возможности пообщаться. В эти годы Ханна была увлечена изучением работ универсалистов, которые говорили, что Бог спасет в конечном итоге все человечество и в ад не попадет никто. И взглядам этим она осталась верна до конца дней своих, несмотря на то, что часто сталкивалась с резким несогласием.

Не все проблемы того периода их жизни были духовного порядка. Были и сложности материального плана. В 1861 году Роберт обанкротился. Ханна считала, что Роберт часто поддавался эмоциям и принимал импульсивные решения, что и привело его к разорению. По ее мнению, ему следовало советоваться с ней либо с таким опытным бизнесменом, как ее отец, и тогда он, возможно, смог бы избежать финансовой катастрофы. Но, в общем и целом, она считала, что они с Робертом — хорошая пара. Ей нравилось, что во всем, кроме коммерции, Роберт делился с ней своими мыслями и переживаниями. Он не был похож на большинство мужей, которых она знала. Но иногда Роберт все же не был откровенен с Ханной. Он действовал, полагаясь на интуицию. Ханна же была более рациональным человеком. Она относилась с недоверием к

принципам, на основании которых он принимал решения. А он опасался, что если начнет во всем советоваться с ней, то попадет под ее жесткий контроль.

Бизнес Роберта не был единственным предприятием, испытывавшим сложности в эти годы. Но особенно тяжело приходилось книгоиздателям. Национальная экономика после финансового краха 1857 года и под угрозой гражданской войны, которая могла расколоть единство нации, была крайне неустойчивой. А вот отец Ханны преодолел этот период сравнительно неплохо. Успешность его бизнеса и банкротство Роберта помирили и заново сплотили эти две семьи. Роберт искренне стремился расплатиться с кредиторами, но реальной возможности сделать это у него не было. Он не хотел обращаться к отцу жены за помощью, но содержать семью самостоятельно он теперь был не в состоянии. Под давлением обстоятельств его психологическое состояние становилось все более нестабильным. Ханна считала, что его проблемы были вызваны падением с лошади. Более вероятно, что Роберт страдал от маниакальных депрессий, которые усугублялись неудачами и ощущением собственной несостоятельности.

Во время Гражданской войны Роберт пошел добровольцем в госпиталь в Харрисбурге, Пенсильвания, и там он вроде бы восстановил свое душевное равновесие. По его возвращении домой тесть назначил его управляющим семейными стекольными заводами в Милвилле (Нью-Джерси), в сорока милях к югу от Филадельфии. И снова Ханна была сильно обеспокоена тем, что осталась в стороне от принятия решений, связанных с семьей. Она сказала мужу: «Вы с отцом выработали отличный план, но я и двух слов не могла вставить в ваш разговор, касавшийся моего будущего ничуть не в меньшей степени, чем твоего. Из всех мужей, которых я знаю, ты — единственный, относящийся к жене, как к равной. И вот происходит такая вещь. Я очень огорчена». Ханну тревожило не только то, что с ней не

посоветовались. Ей совершенно не хотелось переезжать в Милвилл. Роберт извинился перед ней, но в Милвилл они все же отправились. Там в их жизни наступила новая фаза.

После десятилетнего перерыва Ханна снова начала рожать. В течение следующих четырех лет в Милвилле у них родилось четверо детей: два мальчика и две девочки. Ханне приходилось заботиться о пятерых детях, двух голубях, двух попугаях, двух кошках и двух обезьянках. «Когда они все начинают проявлять свои чувства ко мне, сцена получается очень оживленной», — писала она. Но это не все, чем занималась Ханна в Милвилле. Хотя город ей и не нравился, постепенно она стала приобретать новые знакомства, особенно после того, как портниха пригласила ее на воскресные собрания методистов. Ханна отправилась туда, «исполненная чувства собственного превосходства», зная, что большинство людей, которые придут на собрание, будут рабочими с завода. И действительно, собрание вела женщина, работавшая на фабрике... Но постепенно, вслушиваясь в то, что она говорила, Ханна изменила свое отношение. «При упоминании Иисуса, Спасителя, мое „великое Я“ обратилось в ничто».

Учение методистов о святости произвело на нее огромное впечатление. Следующим летом она убедила Роберта поехать с ней в лагерь методистов, стремясь получить «вторичное благословение» или «крещение духом». С Ханной там не произошло ничего необычного. Другое дело — Роберт. «Внезапно Роберт содрогнулся весь с головы до ног, словно пронзенный магнетизмом небесного наслаждения. Казалось, сквозь него струились потоки славы». Она была весьма огорчена, что сама не пережила ничего подобного, и добивалась благословения еще в течение года. Но так и не добилась никаких результатов. Сначала она почувствовала сильное разочарование, но постепенно пришла к выводу, что, как пишет биограф Мари Генри, «то, что называют

„благословением" — просто эмоциональная реакция эмоциональных людей, подобных Роберту».

Хотя она и не достигла «духовных высот», к которым стремилась, Ханну отличала поразительная способность избегать духовных падений. Однажды она написала: «Что же до моих взлетов и падений, то разве Вы не знаете, что у меня не случается ни тех, ни других? Похоже, мой жизненный путь проходит по некоторому среднему уровню, который весьма удобен, но бесславен». Эмоциональному Роберту, который был человеком интуиции, было очень нелегко жить с человеком, державшим под контролем любую ситуацию, никогда не терявшим душевного равновесия. Но события последующих нескольких лет выбили бы из равновесия кого угодно.

Осенью 1872 года их старший сын Фрэнк, учившийся на втором курсе Принстонского университета, заболел тифом. За предыдущие три года, когда ее муж почти все зимы проводил в поездках, а с четырьмя младшими детьми, ни одному из которых не исполнилось еще и восьми лет, управляться было очень трудно, Ханна очень высоко оценила зрелость, в том числе и духовную, своего старшего сына. В школе тот был не только духовным лидером, но также отличником и спортсменом. Он обладал всеми качествами, которыми только могут гордиться родители в сыне. И вот Господь забрал его к Себе. Ханна непрерывно говорила себе, что на небе Фрэнк гораздо счастливее, чем здесь, на земле, и что она также должна радоваться его счастью. Но где-то в глубине души она ощущала затаившееся горе, которое нет-нет да и давало о себе знать. «Я не осмеливаюсь проникать в глубину этого горя, — писала она одной своей знакомой. — Я смогу говорить об этом лишь несколько позже».

Но это было лишь самым началом ее испытаний. Вскоре у Роберта снова произошел нервный срыв. Он уже не был управляющим на заводах в Милвилле. Дела там у

него шли не очень успешно. Возможно, причиной срыва были непрерывные разъезды и скорбь об умершем сыне. Также, вероятно, он страдал от осознания собственной неадекватности и несостоятельности. Но каковы бы ни были причины, той осенью Роберт вместе с Ханной и четырьмя детьми отправился в Клифтон Спрингз (Нью-Йорк), чтобы пройти курс лечения в санатории. У главного врача санатория были свои оригинальные взгляды на лечение эмоциональных и психических нарушений. Иногда это приносило свои плоды. Иногда — нет. Как бы там ни было, Ханне в этом санатории приходилось очень нелегко. Рядом с ней не было ни родителей, ни близких друзей, а четверо детей, один из которых непрерывно болел, отнимали массу сил. Чтобы сберечь свое собственное психическое здоровье, Ханна стала искать уединения. Пока дети были в школе, она писала книгу о жизни своего «благоверного и славного» сына Фрэнка. Она каким-то образом сумела дописать эту объемистую рукопись за месяц и отослала ее издателю. В следующем году книгу опубликовали с заглавием «Записки о счастливой жизни».

Написание книги заняло месяц, а вот поправка здоровья Роберта шла далеко не так быстро. Через два месяца, проведенных в санатории, ему, казалось, стало еще хуже. В одном из писем она так описывала его: «Он мертвенно бледен, глаза вытаращены... Он мечется взад и вперед по комнате, как зверь в клетке». Ее спокойствие выводило его из себя. Он становился еще более раздражительным, набрасывался на нее, виня ее во всех своих бедах. Он обвинял ее в том, что в сексуальном плане она была холодна к нему. Она якобы была совершенно бесчувственна. «Я нуждаюсь в любви моей жены. Мне нужно ее тепло, ее прикосновения, ее нежность. А ты — как старая сухая ветвь... Я смогу поправиться только в том случае, если ты сможешь оживить свои умершие эмоции». — «Хочу я того или нет, — отвечала она, — но я такова, какая я есть. Постарайся принять меня в этом качестве». С

точки зрения Роберта проблема заключалась в том, что, всегда относясь к проблемам трезво, спокойно и рационально, Ханна, казалось, контролировала все происходящее. Хотя она и относилась к нему с подобающим уважением, иногда в ее тоне проскальзывала снисходительность.

Главный врач санатория рекомендовал Роберту постараться избавиться от чувства вины и стыда в сексуальной сфере. Доктор говорил, что половое влечение дано от Бога. Однако это было не единственным, в чем заключалась терапия. Как и последователи многих культов девятнадцатого века, доктор утверждал, что повышенная сексуальность есть признак присутствия Святого Духа. Он говорил, что крещение Духом Святым — физический процесс, заключающийся в «наслаждении, дрожью проходящем по всему телу до кончиков пальцев». Роберт, который был сильно обескуражен холодностью своей жены и, кроме того, жадно впитывал любую информацию о Святом Духе, горячо проникся этим учением.

Когда Роберт поделился своими новыми воззрениями с Ханной, та была шокирована и изумлена. Главный врач был, безусловно, благочестивым человеком, искавшим истины, но то, что происходило с Робертом, ее сильно встревожило. «Вещи, которые он прежде воспринимал как сугубо плотские, он теперь считает относящимися к сфере духовного». По мнению врача, Роберт остро нуждался в полном покое — вдали от семьи и вдали от бизнеса своего тестя. (Отцу Ханны следовало подыскать другого работника.) Доктор предписал ему отправиться в санаторий в швейцарских Альпах. Туда он и поехал в марте 1873 года. Свое путешествие он начал, сев на пароход, направлявшийся через Атлантику в Европу. Но, прибыв в Англию, Роберт забыл о цели своего путешествия. Там он встретил толкователя Библии по имени Уильям Э. Бордмэн, который много говорил о «Высшей Жизни» и чья концепция святости очень

походила на взгляды самого Роберта. Бордмэн попросил Роберта выступить на библейском собрании. Энтузиазм Роберта, его умение убеждать людей и знание Писания обеспечили ему огромный успех. Спустя пару недель его пригласили на расширенное собрание, а затем и на национальную конференцию. Бордмэн полагал, что Роберт нуждался в отдыхе в Швейцарии гораздо меньше, чем в активном участии в деле Божьем.

Внешне казалось, так оно и было. Он рассуждал так: возможно, дело было не в том, что Роберт слишком много работал, а в том, что работал не там, где было нужно. Но для Ханны это был просто шок, когда он, наконец, написал ей и объяснил, где находится и чем занимается. Как такое вообще было возможно? Когда она попрощалась с ним в марте, Роберт вовсе не выглядел здоровым человеком, а тут оказывается, что он чуть ли не ежедневно проповедует в Англии. Более того, он клялся, что никогда более не станет заниматься бизнесом. И практичная Ханна просто не представляла, как они смогут прожить на доходы странствующего проповедника.

Ханна была просто потрясена, но поделать ничего не могла. Мало того, что ее муж находился на другом берегу океана, у нее на руках было четверо детей в возрасте девяти, семи, шести и четырех лет. И она снова была беременна, а ведь ей был уже сорок один год. Это была ее седьмая беременность. Замечания Роберта в ее адрес не облегчали ей жизни. Хотя он и переживал духовный «взлет», он продолжал обвинять Ханну в том, что она не любит его. Наконец она не выдержала. На шестом месяце беременности она написала ему: «Ты говоришь, что мои чувства — это всего лишь дружба... Но я не понимаю, о чем идет речь... Я не имею понятия о какой-либо иной любви, которая отличалась бы от той, которую я чувствую к тебе, и не думаю, что хотела бы открыть таковую для себя... Дорогой, если это и всего лишь дружба, то, по крайней мере, она истинна и чиста... и находит счастье в

том, что ты счастлив. Я допускаю, что я прагматичный человек, не способный достигать высот и глубин любви. Что ж, дорогой, не я сама сотворила себя такой. И я полагаю, что если ты очень постарайся, то сможешь принять меня такой, какая я есть, в течение тех немногих лет, которые нам осталось прожить».

На тот момент они состояли в браке уже двадцать два года.

То лето было трудным для Ханны. И оно стало для нее еще тяжелее, когда она потеряла ребенка. «Я так любила его и так ждала его рождения, как никогда прежде», — писала она. Она ощущала себя человеком, чья жизнь не сложилась. Она не удовлетворяла своего мужа. Она не смогла выносить своего ребенка. Она не подходила ни под церковные, ни под социальные стандарты женщины девятнадцатого века. Она писала подруге: «Жизнь с ее горестями невыносимо давит на меня, и меня охватывает невыразимая тоска». И это пишет такая оптимистичная Ханна. Но в это время начинается взлет ее писательской карьеры. Она с удивлением обнаружила, что ее книга о сыне Фрэнке стала бестселлером и что эту книгу перевели на несколько языков. Ее стали часто приглашать выступить на библейские темы. У нее появилась репутация человека, «прекрасно владеющего словом, обладающего прекрасным чувством юмора и очень простого в общении».

В конце концов после годичного отсутствия Роберт написал ей, что хочет, чтобы она с детьми переехала к нему в Англию. Она не стала долго раздумывать. Как только она приехала, то сразу же оказалась в центре всеобщего внимания. В каком-то смысле она выглядела несколько старомодно, употребляя традиционные для квакеров архаичные формы английского языка, одеваясь во все черное и с сеткой на прическе. Но многое в ней и шокировало викторианскую Англию. Ее взгляды, касавшиеся всеобщего спасения, были определенно

неортодоксальными, а ее прямота во многих других вопросах заставляла аудиторию слушать ее, разинув рот.

На зиму 1874 года вся семья вернулась в Соединенные Штаты, но следующей весной Роберт вновь упаковал чемоданы и отправился в Англию, оставив Ханну и четверых детей. Из Англии Роберт отправился в Германию, в Берлин, и там с помощью переводчика проповедовал тысячным толпам. Вот что писали об этом газеты: «На собрания приходит огромное количество людей. Знать занимает места на трибуне. Императрица Августа удостоила мистера Смита частной аудиенции». Роберт был счастлив. Он восклицал: «Вся Европа у моих ног». Как только учебный год закончился, Ханна с детьми собралась присоединиться к Роберту. Ее приглашали выступить вместе с мужем на многочисленных летних собраниях и конференциях. Ей, возможно, даже позволили бы выступить на заседании Брайтонского совета. Роберт писал ей, что это уважаемое собрание рассматривало данный вопрос. Но к тому времени, когда комитет дал свое согласие, Ханна уже не была уверена в том, что ей следует отдаться деятельности, связанной с переездами и выступлениями в разнообразных собраниях. «Мне кажется, я становлюсь чем-то вроде ипподрома „Барнум“ (речь идет о цирке), где „женщина-проповедник“ выступает вместо канатоходца».

Несмотря на сомнения, Ханна собрала детей, и они сели на пароход, направляясь в свое второе путешествие через Атлантику. Между приступами морской болезни она закончила последнюю главу рукописи, предназначавшейся для ее мужа. Она называлась «Христианский секрет счастливой жизни». Двумя годами раньше, когда Роберт оправлялся от нервного срыва в нью-йоркском санатории, он задумал учредить газету под названием «Христианский путь к силе». Ханна с самого начала отнеслась к этой идее отрицательно. Он слишком плохо себя чувствовал. Это усугубило бы его нагрузку на нервную систему. Кроме

того, дело вновь наверняка окончилось бы провалом, поскольку уже существовало множество других христианских изданий. Она поклялась, что если он возьмется за осуществление этой затеи, то она никогда не напишет ни строчки для этой газеты. Но Роберт все же открыл это издание, несмотря на протесты жены.

Однако, приехав в Англию, Роберт начал проповедовать практически ежевечерне, и это не давало ему возможности писать. Он нуждался в помощи Ханны. Но ей совсем не хотелось писать, она считала, что Роберт должен учитывать то обстоятельство, что четверо детей, в воспитании которых отец не принимает никакого участия, требуют и времени, и сил. Жесткие сроки подготовки материалов ее совершенно не устраивали, и ей было не до статей о христианской жизни. Но еще одного нервного срыва на почве перегрузок для своего мужа она тоже не хотела. Поэтому она согласилась написать статью с условием, что Роберт перестанет ежедневно выпивать по стакану вина. Ханна испытывала все больший интерес к движению за трезвость, и ее все больше беспокоило, что Роберт выпивает. Стакан вина в день был предписан ему врачом, но Ханна не доверяла врачу Роберта. Когда Роберт согласился на ее условие, Ханна взялась за написание статьи, но, как она сама пишет, ее «вынудили сделать это, приставив штык к горлу», и она писала, «испытывая отвращение к работе».

К удивлению Ханны и Роберта, эта статья вызвала больше позитивных откликов, чем любая другая публикация в газете Роберта.

Тогда он попросил жену написать для него еще одну статью, а затем еще одну. Так продолжалось около двух лет. Наконец один из книгоиздателей обратил внимание на эту серию статей и предложил Ханне опубликовать их отдельной книгой. В путешествии по Атлантическому океану к берегам Англии ей оставалось написать последнюю статью из этой серии. Хотя она и говорила, что

«не чувствует при этом ни малейшего вдохновения», она все же сделала это. Позже она вспоминала: «Тогда я сильно страдала от морской болезни и была настолько близка к тому, чтобы начать сквернословить, насколько к этому может быть близок человек, испытавший „благословение святости“».

Последняя глава — двадцатая глава ее книги — называется «Окрыленная жизнь». В ней Ханна рассказывает о том, как три разных христианки преодолевают возникшую перед ними духовную гору. «Одна из них ценою огромных трудов начала прокладывать через гору тоннель. Вторая пошла в обход, толком не зная ни то, с какой стороны удобнее обойти гору, ни вообще — как эту затею осуществить, но, поскольку стремилась она к правильным вещам, она все же достигла своей цели. А третья... просто взмахнула крыльями и перелетела через гору». Именно так обычно и поступала Ханна. Просто взмах крыльев — и она перелетела через все проблемы. Но все же это удавалось ей не всегда. Несомненно, испытания, через которые она прошла за последующие несколько месяцев, были самой суровой проверкой ее способности расправить крылья и взлететь.

Первым ее испытанием в Англии стали выступления перед аудиториями в две-три тысячи человек. Тогда микрофонов не существовало, и она стала, как сама пишет, «хриплой, как ворона». Поскольку между первым ее выступлением и последующими собраниями образовался перерыв, Ханна решила ненадолго отправиться в Швейцарию, взглянуть на Альпы. Роберт продолжал проповедовать, и планировалось, что Ханна присоединится к нему на конференции в Кесвике. К тому времени ее голос должен был восстановиться. Но вскоре после того, как Ханна уехала, Роберт попал в историю, которая подмочила его репутацию на всю оставшуюся жизнь.

Некая молодая женщина изъявила желание побеседовать с ним после собрания. Ее дух был в смятении, как сказала она, и ей нужно было поговорить об этом. Она пригласила Роберта в свою комнату. Роберт вспоминал: «Тогда мне показалось, что это не вполне уместно, но она выглядела такой подавленной, что я согласился». Женщина была в истерике и непрерывно всхлипывала. Роберт присел с ней на кровать. «Она была такой потерянной, такой грустной и одинокой. Я обнял ее за плечи, чтобы немного утешить и успокоить ее». Возможно, Роберт полагал, что беседует с ней как пастор и дает ей отеческие наставления. Возможно, так оно и было. Он вспомнил наставления главного врача санатория и поделился ими с нею. «Когда мы с ней вместе сидели на постели, я изложил ей это учение. Я сказал ей, что Христос хочет, чтобы наши тела содрогались». По версии Роберта на том все и закончилось. А по версии той женщины — Роберт попытался заняться с ней любовью. Она сказала, что Роберт говорил с ней о трепете, который испытывают мужчина и женщина, когда прижимаются друг к другу и при этом молятся. Руководитель конференции начал действовать немедленно. Следующим утром он вызвал Роберта в свой кабинет и объявил ему, что все его встречи в Англии отменяются. Роберту Пирсэllu Смиту пришел конец. Местная газета вышла со следующим заголовком: «Известного проповедника застали в постели с восторженной поклонницей».

Роберт убежал из Англии и бросился к Ханне. Но добраться сумел только до Парижа. Там он остановился в отеле «Лувр», где нервное истощение свалило его с ног. Вскоре Ханна получила телеграмму: «Мистер Смит болен в Париже в отеле „Лувр“». Когда Ханна приехала к нему, то увидела все тот же безумный, полный страдания взгляд, что и за тридцать месяцев до этого в нью-йоркском санатории. В одном из писем она писала: «Роберт просто раздавлен. Он уже потерял в весе на двадцать фунтов. Его

почти непрерывно рвет». Как только он смог держаться на ногах, Ханна отправилась с ним вместе обратно в Америку. Стал ли Роберт жертвой собственной наивности? Ханна была уверена, что так оно и было. По крайней мере, она была уверена в этом в течение некоторого времени. И комитет Брайтонской конференции разделял ее мнение. В официальном отчете значилось, что «действия Роберта не были продиктованы дурными намерениями». Гораздо в большей степени комитет заботило то, что «иногда в частных беседах мистер Смит пропагандировал небиблейские и даже опасные учения». Из этого следует, что были и другие случаи, когда Роберт проповедовал, будто наполнение Духом сопровождается «физическим трепетом».

По возвращении в Филадельфию Роберт, которому было теперь сорок девять лет, вновь стал работать на заводе своего тестя. Менеджером по продажам. Но, как замечает биограф Мари Генри, «он выглядел совершенно опустошенным». Ханна, спустя год после его нервного срыва в Париже, описывала его состояние так: «Его жизнь растоптана... Никогда на свете не жил человек более добросердечный, чувствительный и щедрый, чем Роберт. Эти ужасные события просто сразили его». Ханна писала, что теперь он совершенно не в состоянии доверять кому бы то ни было. Хотя Роберта вновь пригласили выступить с проповедью следующим летом и хотя всегда оптимистичная Ханна считала, что муж проповедовал тогда лучше, чем когда-либо прежде, Роберт не хотел никуда ехать. «Никаких больше собраний. Мне конец». С этого времени в жизни Роберта начался период, когда он покатился по наклонной плоскости, и выкарабкаться из этого состояния он так и не смог.

В это время Ханна пыталась осмыслить все происшедшее. Двадцать восьмой стих восьмой главы Послания к Римлянам («Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу»),

казалось, противоречил тому, что случилось с Робертом. Почему Бог допустил все это? Временами ей казалось, что она утрачивает свою веру. Она не хотела этого, но опасалась, что любая мелочь может стать той последней каплей, которая заставит ее отпасть от Бога. Она писала: «Я сижу на очень рискованном месте — на вершине скользкого шеста, и малейший толчок способен низвергнуть меня». Из-за работы Роберт почти не бывал дома. Ханна очень тревожилась за него и просила, чтобы в поездках он как можно больше времени проводил с христианами. «Мне кажется, для тебя наступило время испытаний. И если ты хочешь вернуться к прежнему, тебе необходимо находиться под благим влиянием».

Роберт явно не собирался «возвращаться к прежнему». Но для себя Ханна добивалась этого. И примерно через три года она нашла место, где ее душа обрела покой. В одном из писем она писала: «Я подобна маленькому, несчастному, заблудившемуся ребенку. Я прошу на руки к моему дорогому Отцу, поскольку не понимаю, куда Он хочет, чтобы я пошла. Он все творит ко благу, и я хочу оставаться с Ним». Но если Ханна полагала тогда, что самое худшее уже позади, то, вне всякого сомнения, она ошибалась. Их серебряная свадьба осенью 1867 года была омрачена сомнениями и неразберихой в чувствах, но затем несчастья посыпались одно за другим.

В 1877 году умер отец Ханны. Хотя она и приняла его смерть как нечто естественное и должное, как смерть любого пожилого человека, все же утрата этого сильного и мужественного человека стала для нее ударом. Спустя три года, в январе 1880-го, умерла и ее мать. А всего через месяц после этого ее младшая дочь, Рэй (сокращенное имя от Рэйчел), заболела скарлатиной и тоже умерла. Ей было всего одиннадцать лет. Умер уже четвертый из ее детей. В дневнике, который Ханна вела в течение тридцати двух лет, появляется такая запись: «От этой утраты я никогда не смогу оправиться. Просто на то была воля Божья». Ханна,

переживавшая в то время климактерический период, чувствовала себя очень одинокой. Ей было сорок восемь лет, муж дома почти не появлялся, родители, которые всегда прежде жили по соседству, умерли, а трое оставшихся в живых детей были в школе. Ханна, утратившая свой прежний оптимизм, писала своей сестре: «Мне незачем более жить».

Роберт в то время был погружен в свои проблемы. Ханна очень много для него значила. Он был менеджером по продажам, а она его менеджером. Он обладал даром красноречия, а его энтузиазм обеспечивал ему успех, как в проповеди, так и в торговле. Но уравновешенная Ханна всегда точно знала, что следует предпринять, и последнее слово всегда оставалось за ней. Их внук написал о них позднее: «Он женился на молодой красивой женщине, и только позже осознал, каким гигантом она была. Он никогда не мог дотянуться до ее уровня».

Но когда Роберт отправлялся в очередную поездку, все было иначе. Там он принадлежал сам себе. Он мог совершать свои собственные ошибки, иметь свое собственное мнение, заводить своих собственных друзей, как мужчин, так и женщин. Что он и делал. Не то чтобы Ханна и дети были ему безразличны. Он очень был к ним привязан. В противном случае он не вернулся бы из своего длительного вояжа по Калифорнии, не отправился бы с ними на время отпуска в Мэйн, Адирондэкс, а затем в Йеллоустоун. Однажды он даже взял свою семью с собой в Калифорнию. Там он хотел познакомить Ханну со своими друзьями, но она не захотела вторгаться в эту часть его жизни. Это тревожило Роберта. Но гораздо больше его тревожило то, что Ханна не проявляла к нему нежности и внимания больше, чем прежде. Она часто говорила ему, что ему «следует склонить свою голову под ярмом, которое налагает на него Господь, и не рассуждать о том, что зависит только от Бога». Но почему она так много говорила о покорности воле Божьей и так мало о покорности

собственному мужу? Когда Роберт встречался с женщиной, которая была хоть немного нежна с ним или которая попала в затруднительное положение, он немедленно откликнулся. А Ханна никогда не попадала в затруднительное положение. Она была слишком совершенна. Она могла прекрасно обойтись и без Роберта.

В этом и было все дело. Ее всеохватывающая компетентность угнетала его больше всего. Газету организовал он сам, но бестселлером стали статьи Ханны. Он создал себе в Европе имидж успешного проповедника, но плоды этого пожинала Ханна. Ханна и Роберт все больше отдалялись друг от друга. Биограф Мари Генри считает, что однажды Ханна нашла любовную записку, адресованную Роберту одной из его поклонниц. Произошло это в действительности или нет, но Ханна постепенно осознала, что постоянные жалобы мужа на то, что она «старая сухая ветвь», заставляют его искать женского общества на стороне.

Но едва ли Ханну можно было назвать «старой сухой веткой», когда она занималась детьми. Несмотря на ревматизм и сильную нелюбовь к выездам на природу, каждое лето она с детьми отправлялась за город (а часто брала с собой и племянника с племянницей). Иногда, но не слишком часто, Роберт отправлялся с ними вместе. Несмотря на то что дети очень ее любили, они все же разделяли растущий скептицизм отца в отношении религии. Мэри, старшая дочь, доставляла родителям много беспокойства. В девятнадцатилетнем возрасте она заявила, что отказывается верить в Бога как личность, и вышла замуж за адвоката-ирландца, несмотря на протест и Ханны, и Роберта. Но очень быстро она разочаровалась в этом браке. Очарованная своим преподавателем рисования, оставив мужа и двоих детей, Мэри отправилась в поездку по Европе и в конечном счете обосновалась во Флоренции. Впоследствии, когда ее муж умер, она вышла замуж за

преподавателя, но и в этом браке она многократно нарушала супружескую верность.

Когда у них появился внук, Ханна с Робертом стали часто бывать в Англии и затем остались жить в Лондоне, по соседству с дочерью и ее первым мужем. Элис, младшая дочь, полюбила известного британского философа и атеиста Бертрана Расселла и вскоре вышла за него замуж. По слова Мари Генри, «вера Элис не продержалась и месяца после свадьбы». Брак продержался дольше, чем ее вера, но ненадолго. Через несколько лет они сперва разъехались, а потом и развелись. Их средний ребенок, сын Логан, утверждал, что утратил веру в одиннадцатилетнем возрасте, сидя на вишневом дереве. Он всю жизнь оставался холостяком. «Увы мне, — как-то написала Ханна, — как тяжело бремя материнства». Но все же самым тяжким испытанием были ее отношения с Робертом. В Англии он почти не скрывал своей аморальности. Он регулярно исчезал из дома, чтобы «встретиться с другом». Но Ханна и дети прекрасно понимали, о чем идет речь. Хотя Ханна и Роберт продолжали жить в одном доме, у каждого из них была своя собственная спальня и своя собственная жизнь. Смерть Роберта в 1898 году, когда ему было семьдесят два года, принесла Ханне облегчение. «Время тьмы, в которой он пребывал, подошло к концу, и наконец Господь излил на него Свой свет».

Ханне было уже за шестьдесят, и она снова начала писать. Когда она жила в Англии, были написаны два ее самых известных произведения. Книгу «Повседневная религия» она написала, когда ей был шестьдесят один год, а «Бог всякого утешения» — когда ей было семьдесят четыре. На склоне лет Ханна сумела наполнить свою жизнь радостью. Теперь этому не мешали ни заботы о воспитании детей, ни проблемы с мужем. Доходы от стекольных фабрик и издания ее книг гарантировали ей обеспеченное существование. Однако Ханна весьма заботилась о своих внуках. Один из них позднее писал, что она изучала

искусство быть бабушкой «с такой же тщательностью, как и вопрос о трезвой жизни, и с такой же настойчивостью отстаивала свои принципы». По поводу внуков она говорила: «Для стариков нет на свете большей радости». А о себе сказала, что она «просто-таки сумасшедшая бабка».

В 1910 году она написала письмо одному из своих внуков, в котором говорила о том, что следует предпринять после ее смерти. «Я запрещаю вам носить по мне траур. Никаких слез, никакой печали. Я буду часто навещать вас, приходя вместе с каплями дождя».

Незадолго перед смертью Ханны к ней в комнату зашла ее дочь Элис. Ханна увидела ее заплаканное лицо и поняла, что врачи той что-то сказали. И Ханна спросила, что именно сказали врачи. Элис ответила: «Они говорят, что ты теряешь связь с жизнью, мама». «Как хорошо», — ответила Ханна. Вскоре после этого она умерла.

Ханна как-то изложила свою концепцию брака жениху одной из своих дочерей. «Идеальным браком я считаю равноправное партнерство, когда никто не подчиняет себе другого... Любой другой брак, по моему мнению, является тиранией с одной стороны и рабством — с другой... Я считаю, что в браке должно быть равноправие на любую собственность и все доходы, полученные после свадьбы, и каждый из супругов должен иметь равное право распоряжаться ими». Всего за год до своей смерти она написала одной из своих дочерей: «Я с трудом могу поверить в то, что есть хоть одна пара, которая действительно счастлива». Пятью годами раньше она написала: «Мой жизненный опыт научил меня относиться к причудам мужской половины рода человеческого как к обвалам или землетрясениям — их нельзя ни остановить, ни утихомирить. Их нужно просто пережить с наименьшими потерями для собственного удобства. И подобно тому, как люди предпочитают всегда знать заранее, когда случится обвал или землетрясение, я всегда

предпочитаю знать, что думают обо мне мужчины и чего они хотят, чтобы вовремя убраться с дороги».

Кто-то однажды сказал о Ханне: «Ей нравились мужчины, но не нравились мужья». Возможно, по поводу мужей Ханна высказывалась несколько излишне резко. Но это было единственным, что огорчало ее в жизни. А учитывая те испытания, которые выпали на ее долю, это не столь уж и непростительно.

В своей книге «Повседневная религия» Ханна писала: «Горе и печаль — это не наше проклятие, это одно из самых ценных наших прав. Мы подобны скульптурам, которые могут обрести прекрасную форму лишь под ударами резца. И эти удары, безусловно, есть нечто, на что статуи имеют право. Почему мы считаем себя такими беспросветно несчастными, думая, что мы безразличны Богу?» Она написала эти строки, когда ее семидесятилетний муж скрывался из дому для того, чтобы встретиться с любовницей, одна дочь сбежала с учителем рисования в Италию, а другой назначал свидания атеист Бертран Расселл. Ханна была выдающейся женщиной.

Библиография

Henry, Marie. *The Secret Life of Hannah Whitall Smith*. Grand Rapids: Chosen, 1984. Smith, Hannah Whitall. *Christian's Secret of a Happy Life*. Waco, Tex.: Word, 1985. Smith, Hannah Whitall. *The Common Sense Teaching of the Bible*. Old Tappan, N. J.: Fleming H. Revell, 1985.

Smith, Hannah Whitall. *Philadelphia Quaker: The Letters of Hannah Whitall Smith*.

New York: Harcourt Brace, 1950.

Smith, Hannah Whitall. *The Record of a Happy Life*. New York: Fleming H. Revell, 1873.

Smith, Hannah Whitall. *Religious Fanaticism*. London: Faber and Gwynn, 1928. Smith, Hannah Whitall. *The Unselfishness of God and How I Discovered It*. New York: Fleming H. Revell, 1903.

Он бывал невыносим

Грэйс Ливингстон Хилл и двое ее мужей

Миллионы людей по всему миру читали повести Грэйс Ливингстон Хилл, но мало кто знает что-либо о ее личной жизни. Мало кто знает ее первого мужа — Фрэнка, или знает о том, что он был женат на Грэйс.

Все ее повести (а она написала больше восьмидесяти) оканчиваются счастливо. Большая их часть — любовные истории, где в последней главе девушка выходит замуж за юношу. Но читатели никогда не интересовались, каким, собственно, был брак самой Грэйс Ливингстон Хилл. Окончился ли он счастливо? Грэйс не любила писать о неприятных вещах. «Я считаю, что в мире и так довольно горя и страдания. Поэтому мои книги я стараюсь завершить самым счастливым финалом из всех возможных», — сказала однажды она. И именно по этой причине она не любила говорить о своем втором муже, учителе музыки по имени Флавий Джозеф Луц. Не многие американские писатели, религиозные или светские, продали больше книг, чем Грэйс Ливингстон Хилл. Ее книги переиздавались гораздо чаще, чем книги Диккенса, Скотта и даже Зэйна Грея. И тем не менее о ее браке, ее семье и вообще о ее жизни люди практически ничего не знают.

Какой она была на самом деле? Что это была за женщина, чьи книги продолжают раскупаться сотнями тысяч экземпляров, хотя сама она давно уже умерла? И кто такой Фрэнк Хилл? Если бы не смерть Фрэнка Хилла, возможно, Грэйс не написала бы ни одной из своих книг. Вероятнее всего, она стала бы жить размеренной жизнью жены пастора. Ведь таких типажей в ее романах

множество. Но долгой и счастливой совместной жизни у них не получилось. Фрэнк внезапно умер в возрасте тридцати четырех лет, оставив Грэйс с двумя маленькими детьми. И тогда Грэйс нашла в себе силы начать все с начала, собрав буквально по кускам обломки прежней жизни. Катастрофа, приведшая ее на грань нервного срыва, стала для нее началом новой жизни.

В начале 1899 года преподобному Фрэнку Хиллу и его жене жизнь казалась полной радости и благополучия. Предыдущие шесть лет их служения были связаны с пресвитерианской церковью Уэйкфилд в районе Джермантаун в Филадельфии. Фрэнк блестяще учился и быстро стал замечательным проповедником. Грэйс очень успешно занималась развитием разнообразных образовательных программ церкви. Уэйксфилдская церковь не просуществовала на тот момент еще и двадцати пяти лет, а воскресную школу при ней посетило уже более шестисот человек. Молодежная организация при церкви насчитывала около сотни юношей и девушек, а прекрасные проповеди Фрэнка привлекали людей как на утренние, так и на вечерние богослужения.

Было очевидно, что их двое детей унаследовали как интеллектуальные качества, так и энергию своих родителей. Именно о такой жизни Грэйс Ливингстон Хилл и мечтала. Хотя она и писала изредка для изданий молодежного движения, но свое призвание она видела в том, чтобы быть женой священнослужителя, а не писательницей. Ничего удивительного в этом нет. Ведь среди ее ближайших родственников было семь пасторов. Грэйс считала, что для женщины нет призвания более высокого, чем быть женой пастора.

Но незадолго до Дня благодарения, прожив в браке с Грэйс семь лет, Фрэнк Хилл умер от острого аппендицита. Некоторое время друзья думали, что Грэйс никогда не сможет оправиться от этого удара.

Грэйс родилась в 1865 году, через два дня после убийства Авраама Линкольна. Она умерла в 1947-м, через два года после трагедии в Хиросиме. За эти восемьдесят с лишним лет она стала свидетелем многих несчастий. Ее отец, Чарлз Ливингстон, пресвитерианский священник из известной нью-йоркской семьи, был человеком суровым, твердым и часто упрямым. Но он был прекрасным отцом, мудрым советчиком и вообще прекрасным семьянином. Для Ливингстонов семья всегда была главным в жизни. В романах Грэйс Чарлз часто виден в образах пожилых священников или отцов семейств. В книге «Прах и красота» Грэйс пишет о главной героине: «Глории казалось, что ее отец — самый мудрый человек на свете». Именно так сама Грэйс относилась к собственному отцу. Он никогда не отступал от своих принципов. Кое-кто из прихожан называл его твердолобым. Несгибаемая твердость его убеждений часто вызывала внутрицерковные конфликты. Ливингстоны вообще редко задерживались слишком надолго в одном приходе. Маленькая Грэйс, единственный ребенок в семье, мечтала о доме, из которого уже не придется уезжать. Это был бы большой каменный дом с просторным садом. Жан Карр в биографии Грэйс пишет: «В семье Ливингстон было не принято стенать и жаловаться на свою долю, а потому она спокойно воплощала в жизнь детские мечты и получала все, что ей было необходимо для удовлетворительного существования».

За шестнадцать лет между 1876 и 1892 годами Грэйс жила с родителями в девяти разных домах в шести разных штатах: Нью-Йорк, Огайо, Флорида, Нью-Джерси, Мэриленд и Пенсильвания. Эти непрерывные переезды не создавали в семье ощущения нестабильности. Наоборот, Ливингстоны становились еще сплоченнее. Грэйс приняла Христа под огромным влиянием родителей. «Я слушала, как они беседуют с Богом, и так я сама становилась близка Господу Иисусу... Мои родители жили той верой, которую

проповедовали. Я видела Иисуса Христа в их повседневной жизни». Грэйс часто сопровождала отца в его поездках на проповедь в маленькие сельские церкви. Ей нравилось помогать ему. Она играла на органе, вела уроки в детской воскресной школе, а иногда пела. Когда она стала старше, с отцом у нее, пожалуй, были более близкие отношения, чем с матерью. Она научилась играть в теннис на корте, который устроил на заднем дворе одного из домов ее отец. Она ездила с ним на лошади и, более того, она даже иногда выигрывала у него в шахматы. Проезжая в кабриолете или на лошади по полям Огайо и Нью-Йорка, отец часто беседовал с ней о политике и богословии, что было ей очень лестно. Позже она говорила: «Мой отец научил меня думать».

Но ее литературные интересы развивались под влиянием матери. Ее мать писала романтические любовные истории об эпохе Гражданской войны. В 1860—70-е годы она также писала статьи для различных христианских журналов. Мать была не только самым суровым критиком Грэйс — она всегда обращала внимание на ошибки дочери в произношении, грамматике и орфографии. Кроме того, мать была и проводником Грэйс в мир красоты и воображения. Однако самое сильное влияние на ее художественный вкус оказала ее тетушка Изабелла, которую она называла тетей Беллой. Тетю Беллу сотни тысяч маленьких читателей знали как Пэнси, автора очень популярных в то время повестей для юношества. В пору расцвета своей популярности она с мужем некоторое время жила в доме родителей Грэйс. Молодая, энергичная и одаренная, тетя Белла была для Грэйс «чем-то вроде богومатери, героини и святой». «Я считала ее самым прекрасным, мудрым и замечательным человеком (помимо родителей, конечно). Я с трепетом ловила ее улыбку, стремилась усвоить ее манеры и, как замороженная, слушала все, что она говорила... Я оценивала людей, исходя из ее критериев, и всегда считала, что ее мнение —

это истина в последней инстанции... Я даже делала замечания моим возлюбленным родителям, когда они говорили что-либо, что не согласовывалось с ее взглядами». Тетя Белла не только была женой пастора и писала одну за другой свои повести, она еще и издавала журнал для детей, который тоже назывался «Пэнси», и отвечала на обширную корреспонденцию, приходившую от юных членов читательского клуба «Пэнси». Грэйс все это просто завораживало.

В семье Ливингстон было принято ежевечерне собираться всем вместе и читать вслух. Они читали романы Джорджа Макдональда, Уильяма Дина Хауэллза, Чарлза Диккенса и Вальтера Скотта. Но когда тетя Белла заканчивала очередную повесть — это был особый случай. Диккенс и Скотт откладывались в сторону, и все слушали о последних приключениях, только что сочиненных Пэнси. Иногда тетя Белла разрешала Грэйс сесть за ее печатную машинку и писать свои собственные истории. А как-то на Рождество она подарила Грэйс пачку бумаги на тысячу листов с пожеланием превратить их «в такое же количество долларов». Через несколько недель Грэйс закончила свою первую книгу, в которой было девять глав и четыре тысячи слов. Называлась она «Эсселстайны; или Альфонсо и Маргарита». Сюжет ее был таков: двоих брошенных детей (Альфонсо и Маргариту) усыновляет бездетная семья (Эсселстайны). Тете Белле повесть так понравилась, что она даже уговорила издателя выпустить ее в свет ограниченным тиражом. Для ее двенадцатилетней племянницы это стало первым шагом в большую литературу.

Грэйс всегда писала истории гораздо лучше, чем школьные сочинения. Образованием ее занималась мать, и училась она дома. А когда ее отправили в школу, она так затосковала по дому, что вскоре ее оттуда забрали. Она также очень неплохо рисовала. Тетя Белла часто брала ее с собой в свои поездки, где она выступала с лекциями.

И когда тетушка Грэйс рассказывала одну из своих историй, сама Грэйс рисовала к ней иллюстрации мелом на доске. Родители убедили ее поступить в художественную школу. Сперва она училась в Школе искусств в Цинциннати, а затем в Колледже Эльмира в Нью-Йорке. Но, несмотря на ее способности к искусствам, она стала инструктором по физическому воспитанию в Колледже Роллинз во Флориде. Тогда ее отец нес службу в Уинтер-Парке.

В следующем году, когда Грэйс исполнилось двадцать шесть лет, она опять отправилась вместе с семьей на новое место — на этот раз в Хайтсвилл (штат Мэриленд). Приход там едва насчитывал сотню человек. Хотя Грэйс к тому времени и написала несколько рассказов и повесть для двух христианских изданий, она вовсе и не думала о карьере писательницы. Во Флориде, когда она не была занята в Колледже Роллинз, она помогала отцу в его миссионерском служении. Но Грэйс осознавала, что это было его призванием, а не ее. Ей было двадцать шесть лет, но она все еще сильно зависела от родителей и не нашла своего собственного места в жизни. Тем летом после одного из пасторских собраний, когда она уже собиралась пойти поиграть в теннис, она встретила человека своей мечты. Он будто бы сошел со страниц романа. В свои романы Грэйс часто включала реальные события из своей собственной жизни. Поэтому не исключено, что ее первая встреча с Фрэнком Хиллом описана в романе «Пепел и красота»:

«Она услышала, как кто-то насвистывает... Прежде она никогда не слышала, чтобы кто-либо делал это так искусно. Насвистывал, словно птица ранним утром. Мотивы были такими свежими и необычными, но изредка она улавливала и знакомые мелодии... Было очевидно, что насвистывавший человек прекрасно разбирался в музыке. Он то выводил какой-нибудь шотландский мотив, то

мелодию церковного гимна. И с таким безупречным ритмом, что, казалось, вот-вот станут слышны и слова».

Затем она подняла глаза и увидела «красивого молодого человека, который направлялся к ней, держа в руках теннисную ракетку». А в реальной жизни это был преподобный Томас Гатри Фрэнклин Хилл, высокий, стройный и прекрасный. К тому времени, когда он встретился с Грэйс, Фрэнк закончил колледж Вашингтона и Джефферсона на юге Питтсбурга, получил степень в Западной богословской семинарии и провел серьезное исследование по теме своего диплома в Эдинбурге, в Шотландии. Как и Грэйс, он вырос в семье пастора пресвитерианской церкви. Его первые два имени были даны ему в честь шотландского священника, который основал «школы оборванцев», задуманные как исправительные учреждения для подростков-преступников. Он, казалось, был идеальной парой для Грэйс. Хотя сама она никогда не занималась серьезными исследованиями, она восхищалась людьми, которые, подобно ее отцу (и Фрэнку) страстно погружались в книги. Любовь к спорту, внимание к проблемам малообеспеченных молодых людей, чувство юмора — все эти черты были свойственны и Грэйс. Но основой его личности была его глубокая духовная жизнь.

За несколько дней до Рождества 1892 года они поженились в маленькой церкви ее отца в Хайэтсвилле. Им обоим было по двадцать семь лет. Церемонию провел Чарлз Ливингстон. В то время Фрэнк был священником в маленькой церкви в Пенсильвании, но вскоре после свадьбы он получил приглашение от пресвитерианской церкви Уэйкфилд, в районе Джермантаун, в Филадельфии.

Само здание церкви было новым и просторным, но вот прихожан там было мало (не более двухсот). В воскресной школе было записано около четырехсот человек. И Фрэнк, и Грэйс были рады тому, что теперь представится возможность заниматься с таким

количеством мальчиков и девочек. Прибыв на место, они незамедлительно взялись за реорганизацию. Фрэнк организовал мужской клуб под названием «Уэйкфилдский викарий». Первым делом была обустроена бейсбольная площадка и теннисный корт для подростков (и для молодых людей возраста Фрэнка и Грэйс). Название «Уэйкфилдский викарий» было заимствовано из романа Голдсмита, написанного в восемнадцатом веке. Однако многим пресвитерианам оно не нравилось, поскольку слово «викарий» ассоциировалось скорее с епископальной церковью. Через год Фрэнк согласился изменить это название. Теперь это был просто «Уэйкфилдский мужской клуб». Члены клуба интересовались не только спортом. Обсуждались также и политические, и многие богословские проблемы. Фрэнк даже предложил ввести бесплатный курс латинского языка, но мы не знаем, записался ли к нему хотя бы один человек. Фрэнк открыл также и подростковый клуб и вскоре перенес время вечернего богослужения, чтобы на воскресные собрания молодежной организации приходило побольше юношей и девушек.

Но самой сильной стороной служения Фрэнка были его проповеди. Вскоре все в окрестностях заговорили о молодом священнике из Уэйкфилда. За первый год их служения количество прихожан увеличилось с двухсот до двухсот шестидесяти шести человек, а количество учеников воскресной школы выросло примерно до шестисот человек. На собрания молодежной организации приходило множество народа. И в последующие годы людей приходило все больше и больше. Хотя Грэйс и принимала участие в деятельности воскресной школы и не оставалась в стороне от деятельности молодежной организации, все же главной ее заботой в тот период оставались их дети. Ее первая дочь, Маргарет, родилась в конце 1893 года, а вторая, Руфь, в 1898-м. Как только у Грэйс появлялась свободная минута, она садилась за

печатную машинку и сочиняла какой-нибудь рассказ для еженедельного издания молодежной организации церкви. Она немного писала картины маслом.

Наступил ноябрь 1899 года. Вечером в четверг Фрэнк и Грэйс пошли на собрание в церковь. Фрэнк вернулся домой раньше обычного, поскольку жаловался на боль в животе. Ночью боль усилилась, и его отвезли в больницу. На следующий день ему сделали аппендэктомию. Операция, казалось, прошла успешно. Но вскоре начался воспалительный процесс. Антибиотиков тогда еще не было, и борьба, которую вел Фрэнк за свою жизнь, была обречена на поражение. Через три дня он умер.

Конечно же, Грэйс искала в те дни утешения в Писании, но смерть мужа оказалась для нее очень тяжелым испытанием. Друзья и родственники собрались вместе, чтобы поддержать ее. Но вернуть Фрэнка было невозможно. Для всей семьи это было время, полное отчаяния. «Я помню множество слез», — говорила о тех днях младшая из дочерей, Руфь. А еще она помнила, что испугалась темноты, заплакала и стала звать мать. Грэйс пришла к ней в комнату, взяла на руки и стала рассказывать ей о Пастыре Иисусе, который держит ее на руках, словно маленькую овечку. «Я никогда не забуду этого», — говорила Руфь. В те тяжкие дни испытаний Грэйс сама всеми силами старалась не забывать о Добром Пастыре.

Грэйс приходилось теперь думать и о будущем. Фрэнк оставил ей и дочерям пять тысяч долларов, но Грэйс понимала, что долго им на эти деньги не прожить. Как только в приход прибудет новый священник, им придется освободить дом. Первое, что пришло ей в голову, — это вернуться на время в родительский дом. Это дало бы ей время обдумать другие варианты. И вот новый шок: умирает ее отец. В течение пары месяцев ушли из жизни двое мужчин, перед которыми она преклонялась и от которых зависела. В ее жизни не было ничего более

важного, чем семья. И вот Бог решил разрушить как ту семью, в которой она выросла, так и семью, которую начинал создавать Фрэнк. Что ей оставалось делать? Ей нужно было теперь заботиться не только о своих дочерях, но и об овдовевшей матери. Она была в шоке из-за этих двух утрат, но не могла позволить себе бездействовать. Нужно было что-то предпринимать. По совету дяди и церковного старосты она переехала в небольшой университетский городок Свортмор. Пожалуй, основным мотивом этого выбора было то, что она стремилась дать дочерям самое лучшее образование и думала об этом уже в то время. Когда дочери достигнут возраста, в котором поступают в колледж, им не придется покидать родительский дом.

Поначалу они арендовали небольшой дом, но на будущее у Грэйс имелся другой план. В детстве она всегда мечтала о собственном доме. Подрастая, она вместе с родителями переезжала из одного дома в другой, и ни один из них не был их семейной собственностью. Выйдя замуж за Фрэнка, она снова поселилась в доме, который принадлежал церковной общине и предоставлялся безвозмездно приходскому священнику. Она же мечтала о просторном каменном доме с большой лужайкой, старыми деревьями, мощными воротами и винтовой лестницей. Она мечтала именно о каменном доме, поскольку камень для нее воплощал постоянство и стабильность. Но если бы она истратила деньги Фрэнка на постройку дома, то ей не на что было бы жить. Ей требовались дополнительные доходы.

Конечно же, она продолжала писать для изданий молодежных организаций. Она даже стала писать еженедельные уроки для воскресных школ, которые публиковались в многочисленных мелких изданиях в пригороде. Но все это доходов почти не приносило. Она рассуждала так: либо Господь даст ей второго мужа, либо какое-то иное средство для улучшения благосостояния ее

семьи. Дочери ее были еще совсем маленькими. Устроиться куда-либо на работу Грэйс не могла. Она также понимала и то, что заработать на жизнь живописью ей вряд ли удастся. Но она также хорошо помнила и то, что тетя Белла добилась больших успехов, сидя дома и сочиняя романы. И она решила попробовать написать книгу. Возможно, это принесло бы семье какие-то деньги.

Она села за печатную машинку и написала роман, который назвала «История одного каприза». Действие романа происходило в одном из колледжей во Флориде. Грэйс хорошо представляла себе эту обстановку, ведь она сама училась во Флориде, в колледже Роллинз. По сюжету, среди апельсиновых плантаций открывается новая церковь. Это уже больше похоже на миссионерскую работу, которой так много занимался ее отец за пятнадцать лет до этого. Но вдохновлялась Грэйс другой картиной. Ее книга начиналась с описания большого каменного дома на холме. Грэйс надеялась на то, что результатом продажи этой книги станет именно такой дом — для ее собственной семьи.

«История одного каприза» не стала бестселлером, но принесла достаточный доход, чтобы помочь Грэйс преодолеть отчаяние и продолжать строить планы на жизнь в собственном каменном доме. Кроме того, публикация книги дала возможность Грэйс понять, в чем заключается ее истинное призвание. С самого начала работы над рукописью духовные мотивы стали значить для нее не меньше, чем мотивы материальные. Позже она говорила: «С самого детства я стремилась вызвать у людей те чувства, которые я сама испытываю к Богу. Думаю, Он знал об этом и предоставил мне такую возможность». Двое мужчин, которыми Грэйс восхищалась больше всего на свете, проповедовали. И вот Господь сделал так, что и она сама теперь проповедовала — через свои книги. В 1903 году, вскоре после публикации «Истории одного каприза», когда книгоиздатели всюю способствовали постройке ее

собственного каменного дома, она познакомилась с Флавием Джозефом Луцем.

Грэйс было тогда тридцать восемь лет. Флавий был намного ее моложе. Как и Грэйс, он перебрался в Свортмор совсем недавно. Как и Грэйс, он приехал туда из Филадельфии и так же, как и она, посещал свортмортскую церковь. Флавий, как и Грэйс, очень ценил искусство — в особенности музыку, но также литературу и живопись. Он был учителем музыки и играл на органе в церкви. Мужчины — ее отец и ее муж, — которые многое значили для нее, были учеными, а не музыкантами и не художниками. Флавий же был совсем другим. При этом он был очень обаятелен. Хотя матери Грэйс и всем ее родственникам он совершенно не нравился, сама Грэйс просто потеряла голову. Кроме того, ей очень льстило, что такой молодой человек проявляет к ней столько внимания. Грэйс была ранимым человеком, ей очень хотелось быть рядом с кем-то, с кем она могла бы поговорить, а Флавий был незаурядным собеседником. Не исключено, что финансовые затруднения Грэйс также способствовали их скорому браку.

Родственники говорили ей, чтобы она поостереглась связывать свою жизнь с Флавием. Они были уверены в том, что этот брак окажется трагической ошибкой. Но сама она, конечно же, была убеждена в том, что ее родственники попросту не знают Флавия так хорошо, как знает его она сама. В 1904 году Грэйс вышла за него замуж. Флавий привык, чтобы ему уступали во всем. Он вырос в семье, где все его баловали, возможно, по причине его музыкальной одаренности, а в семье Грэйс эмоциональные всплески всегда считались ребячеством. Люди добивались уважения к своей точке зрения, используя логические аргументы, а не истерики. Он попытался навести в доме свои порядки, используя силу своего голоса. Но его тирады не производили на Грэйс ни малейшего впечатления. Он

добился только того, что она попросту перестала его уважать.

А дети подрастали и все больше стеснялись приводить своих друзей в дом, поскольку их отчим был совершенно непредсказуем и порой до невозможности груб. Он хотел командовать в доме, но не знал, как этого добиться. Для Грэйс ее семья была чем-то жизненно необходимым, первостепенно важным и незаменимым, а для Флавия семья, казалось, была чем-то вроде тягостного приложения. Обнаружив, что он женился не только на Грэйс, но также и на ее семье, Флавий был шокирован таким поворотом дела и не знал, что ему с этим делать. Очень быстро Грэйс поняла, что ее брак неудачен. Но она и представления не имела о том, что можно было бы предпринять. Она всегда была противницей разводов, и это не могло стать для нее выходом. Тем временем ситуация в доме становилась все тяжелее и тяжелее.

Некоторое время Грэйс и ее мать занимались образованием девочек дома. Но, когда Маргарет была готова к поступлению в шестой класс, а Руфь — во второй, их отправили в школу. Теперь у Грэйс появилось больше свободного времени, и родственники убеждали ее написать еще один роман. Нет никакого сомнения в том, что они видели необходимость хотя бы немного отвлечь ее от проблем столь трудного брака. Книгоиздатель порекомендовал ей попробовать себя в историческом жанре. Грэйс не была уверена в том, что ей нужно писать именно в этом жанре. Она никогда не любила корпеть над книгами, а без этого написать исторический роман не представлялось возможным. И тут она получила неожиданную поддержку. Ее двоюродная бабушка, которой было уже около ста лет, рассказала ей о том, как в 1830-е годы одна из женщин в семье Ливингстон стала подставной невестой. Когда Грэйс услышала эту фантастическую историю, происшедшую в действительности, она поняла, что это — прекрасный

сюжет для ее новой книги. Один из ее двоюродных братьев был искусствоведом и специализировался на изобразительном искусстве 1830-х годов. Он подробно рассказал Грэйс о нравах, традициях и костюмах того времени. Этого было достаточно для того, чтобы приниматься за дело. Так родилась первая книга Грэйс, снискавшая ей популярность, — «Марсия Шулер».

Она была опубликована в 1908 году. Но критики отнеслись к этой книге без энтузиазма. Один из них писал: «В писательской манере слишком мало нового, блестящего и утонченного». Годом позже она опубликовала продолжение под заглавием «Феб Дин». В «Нью-Йорк Таймс» отзыв был следующим: «Милая, но очень надуманная история, хотя и душещипательная». Пожалуй, самый неблагоприятный отзыв был опубликован в «Субботнем литературном обзоре»: «Последний роман миссис Хилл — сочинение благочестивое и очень сентиментальное. Написано неуклюже, сюжет пустой и лишен какой бы то ни было логичности. Честно говоря, книга просто ужасна». Но читатели были другого мнения. Они полюбили ее «неуклюжую» манеру. Грэйс и сама не питала никаких иллюзий на счет своего писательского таланта. Она как-то пошутила, что станет известной благодаря количеству, а не качеству своих книг. И, начав писать, она уже не хотела останавливаться. Книгоиздатель тоже торопил ее, поскольку по всей стране читатели, приходя в книжные магазины, спрашивали что-нибудь еще из романов Грэйс Ливингстон Хилл.

Флавия Луца это просто добило. Почему его жену все знали как Грэйс Ливингстон Хилл? Почему не Грэйс Ливингстон Луц? Грэйс говорила, что она начала публиковаться как Грэйс Ливингстон Хилл, и читатели запомнили именно это имя. Флавий же говорил, что, поскольку она миссис Луц, то ей нечего стыдиться ставить это имя на обложках своих книг. Наконец Грэйс уступила своему мужу. Прожив в браке с ним восемь лет и выпустив

уже множество романов, она стала подписываться Грэйс Ливингстон Хилл Луц. Фамилия Луц фигурирует в большинстве ее книг, изданных между 1913 и 1918 годами. Грэйс пыталась смягчить напряженную атмосферу дома, но ей не всегда это удавалось. Когда Флавий не являлся на воскресные богослужения, ей приходилось посылать свою дочь Маргарет, чтобы та нашла другого органиста. Грэйс уже не знала, чего и ждать от мужа. И как-то однажды он вышел из их каменного дома, да так и не вернулся. Грэйс никогда не прилагала слишком больших усилий для того, чтобы разыскать его.

Растить двух дочерей было гораздо спокойнее, когда его не было рядом. «Мама тщательно следила за тем, с кем мы общаемся, — вспоминала ее дочь Руфь. — Тогда меня это возмущало, но теперь я очень ей за это благодарна». Вскоре Грэйс устроила на заднем дворе своего дома теннисный корт, и там начала собираться почти вся молодежь церкви. Грэйс любила молодежь, а молодежь любила ее. В течение многих лет она принимала активное участие в делах христианского молодежного движения. Она шила своим детям одежду, занималась домашним хозяйством, работала с молодежью в церкви, преподавала в воскресной школе. А уложив дочерей спать, поднималась в свою комнату и начинала писать — до трех-четырёх часов утра. «Она всегда ложилась спать ближе к рассвету», — вспоминала одна из ее соседок. Грэйс написала о тете Белле несколько строк, которые прекрасно характеризуют и саму Грэйс: «У нее было столько дел — а она еще и писала книги... Возможно, она писала так много и хорошо именно потому, что очень много делала и в других сферах жизни: в обществе, в церкви, в семье, дома».

Грэйс была активным человеком. Когда она поняла, что уровень библейского образования в ее церкви невысок, она арендовала на свои средства зал и пригласила в Свортмор известных преподавателей. Так были основаны библейские курсы для общины местной церкви, которые

Грэйс финансировала в течение пятнадцати лет. На окраине Свортмора был старый каменный карьер, где селились иммигранты из Италии, и судьба этих людей была для Грэйс небезразлична. В ее романе «Свидетель» главный герой восстанавливает старую заброшенную церковь. Именно так поступила сама Грэйс, основав воскресную школу для итальянских иммигрантов и восстановив пресвитерианскую церковь, которая была заброшена и полуразрушена.

«У нее было столько дел — а она еще и писала книги». Написав несколько исторических романов и детективов, она поняла, что романтический жанр ей более всего по душе, и, начиная с шестидесятипятилетнего возраста и до восьмидесяти лет, она написала сорок три романа — примерно по три книги в год. В некоторых из ее ранних работ чувствуется сильная озабоченность судьбой людей, оказавшихся за чертой бедности, и всех тех, чьи права ущемлены. И во всех без исключения ее книгах мы отчетливо видим, что они написаны верующим христианином. Однажды ее издатель, Дж. Б. Липпшкотт, Филадельфия, попросил ее устранить несколько пассажей, касавшихся веры. Ему казалось, что эти строки могут задеть самолюбие многих читателей. Грэйс решительно отказалась. Она поступила в этой ситуации так, как поступил бы ее отец: она отказалась от услуг этого издательского дома и стала подыскивать другой. В издательстве «Харпер энд Бразерс» с радостью приняли все ее условия. Вскоре Липпшкотт стал просить ее вернуться. Она согласилась, и Дж. Б. Липпшкотт впредь никогда не пытался редактировать ее рукописи.

«Я пишу не просто ради того, чтобы писать. Я стараюсь передать через мои книги то, что передал мне Бог. И я использую для этого те способности, которые мне даны... Все, что мне удалось сделать, — сделано Богом». Ее писательский стиль был неординарен. В статье в журнале «Писатель» она поясняла: «Меня часто забавляют

просьбы моих юных читателей раскрыть секрет моего метода работы. Но дело в том, что я никогда сознательно не готовилась к писательской карьере, а потому никакого метода у меня нет... Я просто сажусь за печатную машинку и начинаю книгу. Иногда мне приходит в голову какое-нибудь предложение, и с него-то все и начинается... Пока я не закончу роман, мне очень трудно сказать, каким, собственно, образом он формируется. Я почти никогда не переписываю своих рукописей». В другой раз она сказала: «Мои рабочие часы? Я работаю тогда, когда у меня есть на это время... Я не запираюсь у себя в комнате. Моя дверь всегда открыта. Звонит телефон — я отвечаю, а потом снова берусь за работу, заходят друзья, в соседней комнате члены моей семьи обсуждают свои проблемы. Если что-то меня отвлекает, я просто отключаюсь от этого и продолжаю писать».

Грэйс отвергала свойственный современным ей писателям реализм, и ее критиковали за это. Но она никогда не замыкалась в воображаемом мире. «Я никогда не рассматривала свою писательскую карьеру в отрыве от моей повседневной жизни», — говорила она. Преподавание в воскресной школе для итальянских иммигрантов было для нее не менее важным занятием, чем подготовка очередной рукописи для издателя. Первым ее настоящим успехом стал роман «Марсия Шулер», который она написала, когда ей было сорок три года. Она умерла, когда ей было восемьдесят два, и на ее рабочем столе осталась незавершенная рукопись. При ее жизни было продано четыре миллиона экземпляров ее книг. Со времени ее смерти в 1947 году было продано еще четыре миллиона экземпляров. Ее критиковали за идеализм. Но сама она пережила два брака, каждый из которых окончился трагедией. Она считала семью главной ценностью в своей жизни, а ей приходилось поддерживать и укреплять семейные связи без мужчины в доме.

Могли второй брак Грэйс стать счастливым? Все дело в том, что Флавий Луц был не в состоянии смириться с сильным характером Грэйс. Он сам был слишком слаб. И чем больше он стремился подавить ее, тем сильнее она становилась. Она потеряла мужа, но у нее были дочери. Обе они выросли, удачно вышли замуж, и обе принимали активное участие в христианском служении. Что было бы, если бы Фрэнк Хилл прожил долгую жизнь? И что было бы, если бы Флавий Луц не бросил ее? Стала бы тогда Грэйс известной писательницей? Стали бы ее впоследствии называть «самым любимым автором в Америке»? Вероятнее всего — нет. Трагическая утрата первого мужа и разочарование во втором браке сделали из нее писательницу, которая стала известна как романтик и идеалист, писательницу, которая сориентировала миллионы сердец на идеалы крепкой семьи и прочных христианских ценностей.

Библиография

Kart, Jean. *Grace Livingston Hill*. New York: Greenburg, 1948.

Бедная миссис Кэри была словно жена Лота

Уильям и Дороти Кэри

Когда Уильям Кэри отплыл в 1793 году в Индию, он положил начало современному миссионерскому движению. Его примеру последовали Дейвид Ливингстон, Хадсон Тэйлор, Адонирам Джадсон и тысячи других миссионеров. Они несли Благую весть тем, кто прежде никогда не слышал о Евангелии. Уильям Кэри был самым первым среди миссионеров, а также библейским переводчиком по преимуществу. Вам, безусловно, захочется познакомиться с Уильямом Кэри. Это был незаурядный человек.

Но не забывайте и Дороти Кэри. Возможно, она где-то рядом, занимается детьми или хлопочет по хозяйству. Но я должен сказать вам откровенно: у Дороти были эмоциональные проблемы. Уильям и Дороти жили еще до того, как психологи и различного рода консультанты стали активно помогать людям в их трудностях. И у них не было под рукой того множества посвященных актуальной для них проблематике книг, которым располагаем мы с вами.

Вам не хотелось бы попробовать себя в качестве психолога? Что бы вы посоветовали Уильяму и Дороти, что, по вашему мнению, помогло бы им понять друг друга и самих себя? Что могло бы помочь Дороти стать истинным служителем Бога? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, вы найдете и то, что поможет вам сохранить психологическое здоровье в вашей собственной семье.

Что стало причиной психического расстройства Дороти Кэри? Если Уильяма Кэри по справедливости называют отцом современного миссионерского движения, то как мы назвали бы Дороти? Если Уильям создал сам себя, то не была ли Дороти человеком, который сам себя разрушил? Или оба они стали тем, чем они являлись в действительности, благодаря сочетанию их характеров?

Как вы можете догадаться, брак Уильяма и Дороти не был сплошной идиллией. В течение более чем сорока лет Уильям Кэри трудился — корпел, как он сам бы сказал, в качестве миссионера в Индии. Дороти продержалась четырнадцать лет — с огромной неохотой. И ее искренне жаль. История Уильяма Кэри, сапожника, ставшего блестящим филологом и миссионером, — это одна из тех историй, которые повествуют о том, как Бог ставит руководителем огромного количества людей человека, о котором никто бы и не подумал, что он на это годен. Но какова история бедной Дороти?

Давайте начнем с Уильяма. Место рождения: Полерспьюри, глухая деревушка примерно в восьмидесяти милях к северу от Лондона. Год рождения: 1762-й, за пятнадцать лет до американской революции. Отец: Эдмунд Кэри, ткач, продававший по деревням изготовленные им на дому шерстяные ткани. Доход семьи: около десяти шиллингов в неделю. Члены семьи: в доме, помимо Эдмунда и его довольно-таки большого ткацкого станка, размещались жена, Элизабет, их пятеро детей и мать Эдмунда. Уильям был старшим ребенком. Когда Уильяму было шесть лет, его отец был назначен псаломщиком в приходе и учителем в школе. В селениях, подобных Полерспьюри, иногда имелись школы для бедных, где дети в возрасте от семи до двенадцати лет учились основам грамматики и религии, если на это хватало способностей учителя. А способностей частенько и не хватало.

Уильям не только получил привилегию учиться целых два года, благодаря назначению своего отца, он получил еще и доступ к книгам — и читал запоем. «Робинзон Крузо» и «Путешествия Гулливера» были изданы за пятнадцать лет до этого. Уильям читал об увлекательных путешествиях и предавался мечтам. Когда ему исполнилось двенадцать лет, учеба закончилась и он отправился работать на поля. Но двумя годами позже выяснилось, что на солнце у него на коже появляется сыпь, и Уильяму пришлось сменить род своих занятий. Один сапожник взял его к себе учеником. Незаметно для себя Уильям оказался в дурной компании. Позже он вспоминал, что у него вошло в привычку «сквернословить, лгать и обсуждать скабрёзные истории». Он оказался во власти «скверных привычек, свойственных нижним слоям общества в глухих селениях». Но ему всегда нравились споры. Уильям говорил, что в том возрасте он был «непоседой». «Мне чего-то хотелось, — писал он позже, — но я и представления тогда не имел, что, лишь полностью изменив свое сердце, смогу чего-либо добиться».

Однажды на Рождество, разнося заказы, он получил несколько монет на чай. Среди полученных им денег был фальшивый шиллинг. Он решил сказать боссу, что этот шиллинг он получил в счет уплаты за доставленный заказ. Таким образом, у хозяина оказался поддельный шиллинг, а Уильям получил настоящий шиллинг в качестве чаевых. Но хозяин каким-то образом выяснил, что фальшивую монету Уильям намеренно обменял на настоящую за его счет. Уильяму было очень стыдно и страшно. Кража была довольно-таки значительной, а британский закон карал воров крайне сурово. Кража суммы, превышающей шиллинг, считалась очень серьезной кражей, и проступок Уильяма был, безусловно, очень тяжелым. Уильяма мучил стыд, и он даже на время перестал ходить в церковь. Но он продолжал спорить на религиозные темы с другим подмастерьем, работавшим у того же сапожника и

посещавшим церковь диссентеров. Через некоторое время Уильям согласился пойти туда вместе с ним. Под впечатлением проповеди на Послание к Евреям 13:13 («Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание»), Кэри, которому было тогда семнадцать лет, вышел на покаяние. Тогда же он перестал посещать официальную англиканскую церковь, куда ходили его отец и мать, и присоединился к церкви конгрегационалистов.

Когда хозяин сапожной лавки, где работал Кэри, умер, Уильяма нанял другой сапожник. И через два года он женился на золовке своего нового работодателя, Дороти (Долли) Плэккетт. О том, как складывались их взаимоотношения до свадьбы, нам неизвестно. Кэри было девятнадцать лет, ей — двадцать пять. Он был невысоким, хрупким юношей, работал подмастерьем у сапожника и зарабатывал пять-шесть шиллингов в неделю. Она была дочерью руководителя церкви конгрегационалистов в Пиддингтоне, которую теперь посещал Кэри. Кроме того, она не умела ни читать, ни писать. Бесплатной школы в Пиддингтоне не было. Но даже если бы и была, Дороти вряд ли стала бы ее посещать. Во-первых, ее родители были диссентерами, а во-вторых, она была девочкой. Поэтому во время брачной церемонии она поставила в церковной книге «большой, корявый крест».

Они были очень бедны, но, казалось, не замечали этого. Через год в семье появился еще один рот — дочь Энн. За хибаркой, которую Уильям называл своим домом, он устроил небольшой огород. Когда Уильям не был занят в сапожной лавке или на огороде, то он читал или изучал древнегреческий. Или проповедовал. Церковь, в которой он регулярно проповедовал, находилась в восьми милях от его дома. А приход, состоявший из бедняков, «платил так мало, что этого не хватало даже и на одежду, изношенную на богослужениях». Раз в месяц Уильям также проповедовал и в церкви диссентеров, у себя в Полерспьюри, что приводило в замешательство его отца,

занимавшего пост в англиканской церкви. Его сестра вспоминала: «Мы предпочитали, чтобы он проповедовал вне дома и не пытался проповедовать дома». Она также вспоминала и о его увлеченности: «Казалось, он намеревался сокрушить все алтари Ваала за одну ночь, как Геденон». Ее также немного обижало то, что в Уильяме чувствовалась определенная сосредоточенность на собственном стремлении к праведности. «Только моя любовь к брату удерживала меня от того, чтобы дать ему понять, что я обижена на него».

Да, первый год брака был для Уильяма очень содержательным. С рождением дочери брак наполнился смыслом и для Дороти. Но совершенно очевидно, что ходить в церковь, в которой проповедовал Уильям, она не могла. А ходить вместе с ребенком в церковь, которую посещали ее родители, ей также было неудобно. И, конечно же, она не могла разделить интерес Уильяма к древнегреческому языку. Для нее было немалым испытанием освоить и свой родной, английский алфавит. А вот второй год брака дался им труднее. Энн умерла, и Дороти очень тяжело переживала эту потерю. Вскоре заболел Уильям. Он не мог содержать семью, и они с Дороти оказались перед угрозой голода. Под тяжестью этих ударов Дороти стала терять связь с реальностью. Все, к чему она была привязана, у нее отняли, и она чувствовала себя совершенно беспомощной перед свалившимися на нее испытаниями. Когда мать Уильяма навестила их, то пришла в ужас от увиденного. Брат Уильяма, еще подросток, отдал ему практически все, что у него было, чтобы хоть как-то поддержать его. Община Полерспьюри собрала деньги, чтобы Уильям и Дороти могли купить себе небольшой дом в Пиддингтоне. Когда Уильям оправился от мучившей его болезни, ему был уже двадцать один год. Смерть дочери серьезно повлияла на Дороти: она стала всего бояться, ее состояние все время было подавленным.

В плане доходов следующие несколько лет были не более успешными. Уильям стал баптистом, приняв крещение погружением в реке Нин. Запись Джона Райлэнда, который крестил его, гласит: «Сегодня крещен бедный сапожник». Через два месяца, когда работодатель Уильяма умер, «бедный сапожник» стал хозяином дела. Он также взял на себя заботу о вдове прежнего хозяина и ее четверых детях. К несчастью, те годы в Великобритании были неблагоприятными для развития собственного дела. Страна залечивала раны после унижительного поражения в войне в Америке. Многие клиенты сократили объем заказов, другие и вовсе отказались от услуг Уильяма. Кроме того, ему отказывались платить за обувь, которая уже была заказана и изготовлена.

Для Уильяма стало спасительным приглашение, которое он получил от баптистской церкви, располагавшейся неподалеку от Маултона. Ему было тогда двадцать три года. В Маултоне уже десять лет не было пастора, а жалование составляло примерно столько же, сколько он зарабатывал своим ремеслом — около пятнадцати фунтов в год. Но ему, по крайней мере, не приходилось теперь переживать по поводу отмены заказов, и он мог заниматься любимым делом. Он никогда не считал себя хорошим сапожником. Чтобы получить некоторую прибавку к жалованью, Уильям стал преподавать в школе. Но в этом он так же, как и в сапожном ремесле, не преуспел, поскольку не мог добиться дисциплины среди своих учеников. «Когда я управлял школой, — чистосердечно признавался он, — мальчишки вертели мной, как хотели». Иногда приходилось вспоминать и о ремесле сапожника — нужно было как-то сводить концы с концами. Существование Уильяма, Дороти и их новорожденного сына Феликса оставалось все таким же жалким. Один из исследователей пишет: «В их семье в течение очень длительного периода вообще никто не ел мяса, а другие продукты появлялись в очень

небольших количествах». Но чем Уильям неизменно продолжал запасаться, так это подержанными книгами. Для него книги были важнее еды. Дороти вряд ли думала так же.

После четырех лет проповеднической работы Кэри решил, что для него настало время принять рукоположение. Но ему отказали. Его критиковали за то, что проповеди его были невыразительны. Уильяму предложили обратиться с новым запросом через пару лет. Однако он оставался пастором маултонской церкви, так как никто больше не претендовал на этот приход. В свободное время Уильям изучал языки: древнегреческий, латинский, иврит, французский, голландский и итальянский. Все они давались ему сравнительно легко. Тем временем Дороти продолжала свою борьбу с английским. Не меньше чем языки его увлекала география. Пастор, живший по соседству, который иногда навещал Кэри, когда тот снова взялся сапожничать, вспоминает: «Входя в комнату, я видел, как он занимается ремеслом. Он склонялся над работой, а на стене висела огромная карта, склеенная из множества маленьких листков, на которой он отметил места обитания для каждого народа. Он обращался к этой карте, когда сталкивался во время чтения с названием той или иной нации. Он интересовался данными о населении, вероисповедании и тому подобных вещах. Эти исследования, к которым он имел естественную склонность, безусловно, мешали его работе... и в то же время он испытывал сильные материальные затруднения».

Никто лучше Дороти не знал, что это были за трудности. Семья росла. С 1785 по 1790 год у них родилось еще четверо детей, а в уходе за ними от Уильяма проку было мало. Биограф Мэри Дрюэри пишет: «Дороти в то время, должно быть, приходилось тяжелее, чем когда-либо прежде. Ее молодой муж был полностью поглощен проповедями и исследованиями, а неграмотная женщина просто не могла разделить его интересы. Вероятно,

временами она чувствовала себя весьма одинокой. Кэри не тратил напрасно ни минуты: он дисциплинировал свой разум знаниями». Вроде бы Уильям научил свою жену читать и писать, но, судя по всему, она пользовалась этими навыками только в случае крайней необходимости.

Дороти была очень беспокойным человеком, ее мучили различные страхи. Но помимо всего прочего, она еще была и очень упрямой. У нее обо всем было свое собственное мнение. А Уильям явно был так занят дисциплиной своего ума, что совершенно забыл о том, что дети без дисциплины со временем становятся просто неуправляемыми. В 1787 году Дороти решила принять крещение погружением. Сам Уильям был крещен в 1783-м, а с 1785-го был баптистским священником. Но Дороти приняла крещение лишь спустя два года. Должно быть, Уильяму доставило огромную радость провести этот обряд. Вполне возможно, она считала, что ее муж уделяет ей мало внимания или даже и вовсе не думает о ней. Он, казалось, все время был занят чем-то очень важным. Родители Уильяма также беспокоились: их удивляло то, что живя всего в пятнадцати милях от них, Уильям практически никогда их не навещал и они не получали о нем никаких известий. В ответ на раздражение отца Уильям продиктовал ему свое недельное расписание и сказал: «Видишь, на частые письма особо рассчитывать не стоит».

Уильям жил в своих мечтах о несбыточном; Дороти, в свою очередь, все больше и больше теряла связь с реальностью. Мир Уильяма становился все более огромным, мир Дороти — узким и тесным. Кэри расширял свои горизонты не только с помощью большой самодельной карты, но также и за счет регулярных пасторских собраний, а также на встречах Философского института, которые происходили в Лейчестере и где высказывались довольно-таки радикальные взгляды. Кэри происходил из самых низких социальных слоев, а потому

поддерживал как американскую, так и французскую революции, а будучи диссентером, молился о том, чтобы революция произошла и в Англии.

После того как Кэри был рукоположен, он непрерывно говорил со своими коллегами-священниками о необходимости миссионерской работы за рубежом. Сначала пасторы воспринимали его как необразованного молодого выскочку и подшучивали над ним. Наконец один из пожилых священнослужителей поставил его на место, назвав его «замечтавшимся энтузиастом» и объяснив ему, что, если Бог хочет спасти язычников, Он, как верховный владыка, сделает это так, как Ему Самому угодно, «без моей или вашей помощи, молодой человек», — добавил он.

Кэри отправился домой, взглянул на свою огромную карту и решил, что должен изложить письменно свои соображения о том, почему следует начать миссионерскую работу в дальних странах. Но этот документ произвел не больший эффект, чем его устные аргументы. Священники считали, что «он вбил себе в голову дикий и неосуществимый план, и отказались поддерживать его». Но Кэри не сдавался. Тогда можно было бы легко отступить без каких-либо потерь, но он не сделал этого. Возможно, он не был прирожденным лидером, зато корпеть он умел. Возможно, он потерпел неудачу в сапожном ремесле, в учительстве и даже в браке, но он не собирался отказываться от своего стремления стать миссионером.

Примерно пятью годами позже Кэри опубликовал свой трактат, на этот раз в немного более отшлифованной форме, с заглавием, которое состояло из сорока одного слова и начиналось так: «Исследование об обязательствах христиан...». Это был шедевр, в котором все аргументы «против» были неоспоримо опровергнуты один за другим. Через три недели после выхода в свет этой работы Кэри пригласили выступить на пасторском собрании. Его коллеги знали, о чем он будет говорить. Ему теперь был

тридцать один год. Он стал гораздо более зрелым человеком, но оставался непреклонен. На собрании он проповедовал на стихи из книги пророка Исаии: «Распространи место шатра твоего» (глава 54, стихи 2, 3), а его девизом, который он смело провозглашал, были слова: «Ожидай великих свершений от Бога; стремись к великим свершениям ради Бога».

Несмотря на эмоциональное выступление Кэри, священники не откликнулись на призыв к организации миссионерского общества. Большинство из них представляло такие же бедные приходы, как приход самого Кэри. Почти в самом конце заседания Уильям Кэри обратился к председателю собрания с такими словами: «Что же, ничего *так и не будет предпринято* ?» Эта фраза послужила толчком к действию. На следующем собрании было официально учреждено «Частное баптистское общество распространения Евангелия среди язычников» — первая британская миссионерская организация. Кэри предполагал, что лучше всего было бы начать с Таити или с Африки. Но врач Джон Томас убедил его начать с Индии. Томас, незадолго до того работавший в Ист-Индской Компании в Калькутте, хотел вновь поехать туда, уже в качестве миссионера. А Кэри был рад отправиться в Индию вместе с ним.

Кэри столько лет ждал поддержки своих коллег, и вот события стали разворачиваться с невероятной быстротой. Кэри едва-едва успевал реагировать на них. Однако, вне всякого сомнения, он был готов гораздо лучше, чем Дороти. Кэри был тридцать один год, а Дороти — тридцать семь. У них родилось трое мальчиков: Феликс, которому было теперь восемь лет, Уильям — ему было пять, и трехлетний Питер. Самая младшая, Люси, умерла за год до этого, когда Уильям работал над своим «Исследованием об обязательствах». Дороти не могла относиться к большой уродливой карте, испещренной каракулями, иначе, как с презрением. Она не понимала, зачем Уильям куда-то

рвется и почему ему не сидится дома. После смерти Люси Дороти снова впала в депрессию. А теперь, в феврале 1793 года, она была на пятом месяце беременности, и весной должна была рожать. Более чем когда-либо она нуждалась в ласке и внимании.

Но Уильяма остановить было уже невозможно. На январском собрании один из пасторов сказал: «В Индии — золотая жила до самого центра земли». Рассказывают, что Уильям ответил ему: «Я спущусь и туда. Но помните: канат обязаны держать вы». Да, Уильяма Кэри было уже не остановить. Он зашел слишком далеко. Поэтому слова Дороти «я не поеду», сказанные самым грубым тоном, стали для него настоящим ударом. Но он продолжал надеяться на то, что до даты их предполагаемого отъезда она передумает. Дороти была не единственным человеком, не понимавшим и не принимавшим желания Уильяма ехать в Индию. В церкви не хотели отпускать его. Этому приходу и так пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы найти пастора. Кроме того, к нему там привыкли и прониклись симпатией.

Конечно же, отец Уильяма также не понимал его. «Он что, с ума сошел?» — вопрошал он, вспоминая паренька, который двадцатью годами раньше оставил работу в поле из-за того, что не переносил яркого солнца. И вот теперь Уильям собрался ехать не куда-нибудь, а в Индию. Но Уильям твердо решил ехать именно туда. Он писал своему отцу: «Мне многое нужно принести в жертву. Я должен уехать, взяв с собой мою возлюбленную семью и несколько самых близких друзей. Никогда прежде я не наблюдал большей печали в церкви, чем в последнее воскресенье. Но я уже положил этому начало — и не отступлю». Уильям знал, что ему придется оставить свою церковь, и знал, что ему придется оставить своего отца, с которым, возможно, он никогда уже больше не увидится. Но он надеялся на то, что ему не придется оставить свою

жену. Кэри чувствовал, что обязан исполнить то, на что призвал его Господь.

Несомненно, многих решение Дороти шокировало. Тогда считалось, что жена обязана следовать за мужем, куда бы он ни отправился. Отказ Дороти ехать был делом неслыханным. Но подумайте о Дороти. Она была «неграмотна, лишена воображения», как пишет о ней Мэри Дрюэри. И от нее требовалось «ехать на другой край света, в чужую страну, к чужим людям, говорящим на чужом языке, в страну с другим климатом и другими обычаями, не имея даже дома, в котором там можно было бы устроиться».

Дороти нуждалась в спокойствии. Ей нужно было «устроиться». Возможно, у нее были серьезные основания ставить под сомнение авторитет ее мужа в этом вопросе. Они были женаты уже двенадцать лет, неоднократно переезжали с места на место, и ни один из этих переездов не облегчил ее доли. Они жили в Хэkelтоне, в Пиддингтоне, Маултоне и Лейчестере; Уильям пробовал себя в качестве подмастерья, управляющего и хозяина; дважды он пытался преподавать в школе, был пастором в трех церквях. Понятно, что Дороти не обрела бы спокойствия, последовав за мужем в Индию. Дети, должно быть, также доставляли ей массу тревог. Двое из них уже умерли у нее на руках. И вот теперь муж, зная, что она на пятом месяце беременности, хотел, чтобы она ехала с ним, а это означало, что ей (а ведь ей было уже тридцать семь лет) придется перенести роды на корабле, еще до их прибытия в Индию. На борту будет множество мужчин, в основном — грубых матросов, и всего лишь одна женщина кроме нее самой.

Да, Дороти было чего бояться. Несомненно, Дороти слышала о том, что Франция объявила войну Англии, и теперь все британские суда, находившиеся в открытом море, были под угрозой нападения. Подобные путешествия и в мирное время были откровенно опасны. Теперь же,

когда разразилась война, затея эта выглядела чистейшим безумством. Но Уильям, наконец, смирился с решением Дороти. Договорились они следующим образом: восьмилетний Феликс поедет с ним, а Дороти и двое младших мальчиков отправятся в Пиддингтон и будут там жить с ее сестрой Китти. Через три года, когда он сможет подготовить подходящее жилье для семьи в Индии, Уильям вернется за ней в Англию.

И вот в апреле 1793 года доктор Томас с женой и дочерью и Уильям с сыном Феликсом отплыли в Индию. Они проплыли вниз по Темзе к Ла-Маншу, обогнули южное побережье Англии и прибыли к острову Уайт, но там и застряли. Встречные ветры и опасности войны заставили капитана судна отложить путешествие. Эта задержка стала как радостной, так и скверной новостью для Кэри. Радовался он потому, что, отложив плавание, капитан тем самым давал возможность Дороти передумать и присоединиться к мужу. Плохие новости касались доктора Томаса, врача миссии. Помимо желания стать миссионером у Томаса были и другие причины отправиться в Индию. У него была скверная привычка не оплачивать свои счета. Соответственно, ему было необходимо срочно убраться из страны. По словам Кэри, «кредиторы выслеживали Томаса, как куропатку». Томас залезал в долги все глубже и глубже.

Пока Томас искал возможность достать билеты на другой корабль в Индию, Кэри написал Дороти письмо. Вскоре он узнал, что его жена родила ему четвертого сына. Уильям немедленно ответил: «Это в самом деле очень хорошие новости. Несомненно, во все дни моей жизни меня сопровождает милость, но теперь я вижу, что это воистину милость Божья». Далее он пишет: «Если бы мне принадлежал целый мир, я с радостью отдал бы его за то, чтобы вы были со мной. Но зов долга очень силен, гораздо сильнее всех прочих соображений. Я не смог бы повернуть назад без тяжелейших мук совести... Ты хочешь узнать, что

по этому поводу думает миссис Томас и как она переносит путешествие? Она с большей радостью осталась бы в Англии, чем ехать в Индию, но считает, что должна быть с мужем». Уильям явно надеялся на то, что Дороти поймет его намек. Далее в письме говорится: «Скажи детям, что я очень сильно их люблю и постоянно молюсь за них. Феликс передает им привет... Положитесь на Бога. Привет Китти, братьям, сестрам и всем прочим. Помни, что я нежно люблю тебя. Дай знать, как назовешь мальчика». В постскриптуме Уильям добавил: «Никогда мое состояние здоровья не было лучше. Думаю, в море мы нагуляем с Феликсом волчий аппетит. Прощайте».

Это нежное и теплое письмо не тронуло Дороти. Она твердо решила оставаться в Пиддингтоне. Дрюэри пишет: «Одно из двух: либо она была женщиной, отличавшейся исключительным упрямством, либо Кэри был в гораздо большей степени мягок и добр с ней, чем это было тогда принято, поскольку женщины той эпохи находились в полном подчинении у своих мужей». Уильям присоединился к Томасу в Лондоне, где тот искал другой корабль, отправлявшийся в Индию. Когда они наконец нашли датское судно, которое должно было отплыть через пять дней, Уильям решил попробовать переубедить Дороти еще раз. Уильям с Феликсом и доктором Томасом в ночь отправились в Пиддингтон, чтобы прибыть туда к завтраку. Дороти была очень рада увидеть мужа, но его аргументы ее не трогали. Новорожденному было всего несколько недель. «Уж лучше я побуду здесь, с Китти», — сказала она. Обескураженные, они отправились в штаб-квартиру миссии, которая располагалась неподалеку. Затем доктор Томас предложил вернуться в Пиддингтон и попробовать еще раз. Кэри сказал, что это пустая трата времени. Но они все же поехали, и на этот раз говорил больше Томас. Он сказал Дороти, что если она не поедет с ними, «то будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь». С огромной неохотой она сдалась, с условием, что ее сестре Китти тоже

будет позволено поехать с ними. Уильям с радостью согласился.

Благодаря доброте капитана корабля, семья Кэри получила в свое распоряжение самую лучшую каюту, несмотря на то что за переезд они заплатили половину стоимости. Путешествие было довольно спокойным и бедным событиями, но длилось пять месяцев. По пути судно не зашло ни в один порт. Из пассажиров Дороти больше всех страдала от морской болезни. Но ее мучения этим не ограничивались. «Бедная миссис Кэри! — писал Томас в Англию, — она и без того натерпелась, а теперь оглядывается назад, словно жена Лота. Но после того, как мы минули мыс Доброй Надежды, оглядываться назад, на Пиддингтон, было бесполезно, и она обратила все свои надежды на благополучное прибытие в Бенгал».

Пять месяцев на борту корабля с новорожденным младенцем и с тремя малолетними детьми стали бы тяжким испытанием для любой матери, но для Дороти эти месяцы были особенно ужасными. Кэри называл своих детей «настоящими моряками», но, поскольку он проводил немалую часть времени с Томасом за изучением языка бенгали, он, вероятно, не заметил, что у его детей серьезные проблемы с поведением. Дороти, должно быть, думала, что уже никогда больше не увидит ни берегов Англии, ни своих близких. Она отдавала себе отчет в том, что в Индии жизни европейцев грозит множество опасностей. Не разделяя стремления мужа к миссионерской работе, она, наверное, думала, что плывет навстречу медленной смерти. И первый год, проведенный семьей Кэри в Индии, не принес с собой ничего, что убедительно доказало бы, что эти страхи напрасны. Если Дороти беспокоили частые переезды Уильяма в Англию, то можно себе представить ее состояние в Калькутте.

Первым местом их жительства в ноябре 1793 года стала Калькутта. Сразу же по прибытии семья Кэри остановилась в большом доме, который занимали Томасы.

Расходы на этот большой дом, казалось, совершенно не тревожили самого Томаса, но очень беспокоили Кэри, который писал, что его «разум полон тревоги и озабоченности». Стил жизни европейской общины, в которой они оказались, был основан на стремлении к наслаждениям и граничил с распутством. Кэри чувствовали себя здесь чужими.

Второе место их жительства — Бандель (декабрь 1793 года). И Кэри, и Томасы переезжают в маленькую деревню в тридцати милях к северу от Калькутты. Финансовые проблемы не становятся менее острыми. Кредиторы из Калькутты охотятся за Томасом, и Кэри, уже сильно разочаровавшийся в своем спутнике, пишет: «Он очень хороший человек, но лучше бы ему жить где-нибудь в море». Кэри надеялся на то, что обе семьи смогут прокормить себя за счет фермерства, но чем больше становилось долгов, тем иллюзорнее была эта перспектива. Томас решает отправиться назад, в Калькутту, и заняться там медицинской практикой. Когда Кэри узнает о вакансии в ботаническом саду Калькутты, он также решает туда отправиться.

Третье место жительства — Калькутта (январь 1794 года). К тому времени как Кэри добрался до Калькутты, место в ботаническом саду уже было занято. Не имея возможности позволить себе нечто лучшее, Кэри поселились в болотистом малярийном районе, где жили нищие и уголовники. Теперь они питались только кэрри и рисом — далеко не так хорошо, как питались люди в европейском квартале, и, похоже, далеко не так хорошо, как питались Томасы. Уильям писал в своем дневнике: «Моя жена и ее сестра, которые не видят всей важности миссионерской работы, тоже непрерывно порицают меня. Что касается мистера Т., то они считают, что это и в самом деле очень несправедливо, что он живет в городе, причем довольно богато, а они вынуждены находиться в этом ужасном месте и нуждаться в самых простых вещах — у

нас даже нет хлеба». Упреки Дороти и Китти он переносил все тяжелее.

Вскоре Дороти и двое старших сыновей заболели дизентерией. Уильям, тяжело переживавший из-за этого, а также и из-за того, что был не в состоянии развить маломальски значимую миссионерскую деятельность, впал в депрессию. Как он мог изучать бенгали, когда его терзало такое количество проблем? «Если бы моя семья относилась хоть немного с большим пониманием к моей работе! — писал он. — Но они так высокомерны, что остаются несчастными в одной из самых прекрасных стран мира и одинокими среди сотен тысяч людей». Да, Индия и в самом деле прекрасная страна, но Кэри жили в малярийных трущобах. И хотя в Калькутте жили сотни тысяч людей, все они говорили на бенгали, который Дороти не смогла бы выучить никогда в жизни.

Четвертое место жительства — Дебхатта, расположенная в сорока милях к востоку от Калькутты (февраль 1794 года). Уильяму предложили небольшой земельный надел без арендной платы, при условии, что он возделает его и построит там дом. Все, в чем он нуждался, это небольшое количество инструментов, некоторое количество денег на переезд и семена для земельного участка. Он обратился к Томасу. Безусловно, у него должны были еще оставаться деньги, предназначенные для целей миссии. Но их у Томаса не оказалось, и, конечно же, было достаточно собственных финансовых проблем. Кэри редко приходил в отчаяние, но это был исключительный случай. «Я в чужой стране, — писал он, — один, рядом — ни одного друга-христианина, со мной — большая семья, и мне совершенно нечем ее кормить». Отчаяние Уильяма не улучшало и психологического состояния Дороти. Ее депрессия переросла в невроз. Кэри писал, что она «снова впала в протрацию, и теперь ее состояние гораздо хуже, чем прежде». Это говорит о том, что такие рецидивы случались с Дороти регулярно. Ее сестра, естественно, во

всем винила Уильяма. А Уильям не знал, кого винить ему самому. Иногда он винил Томаса. А иногда самого себя. Он писал: «Томас виноват в том, что с самого начала втянул меня в такие расходы, а я виноват в том, что поддался ему».

Он чувствовал себя как Иов: «Мои временные затруднения не находят никакого разрешения. Мне есть куда перебраться, но я не могу этого сделать из-за отсутствия денег. У меня нет друзей, кроме Единственного. Я радуюсь тому, что у Него всего для меня в избытке и в Его власти удовлетворить все мои нужды, как эти временные, так и духовные. Но почему моя душа в таком смятении? Ведь Богу все известно». Иногда его слог напоминал псалмы Давида. Он жаловался, что не чувствовал себя настолько близким к Богу, насколько должен был чувствовать. Он писал о себе, что «духовно бесплоден», «полон растерянности» и «страшно далек от Бога». «Как стыдно, — писал он, — что иногда я не доволен тем, что Он дает мне».

Наконец Кэри получил необходимые ему деньги, но не от Томаса, а от ростовщика-индийца и под огромные проценты. Кэри не стал ждать возможности переправить семью в Дебхатту по реке. Они добрались туда пешком за три дня «через местность, полную тигров, леопардов, носорогов, ланей и буйволов. Никто не решается проходить туда по суше». Ни Дороти, ни Китти не верили в то, что в Дебхатте им будет лучше, чем в Калькутте. Но оказалось, что неподалеку от их нового предполагаемого жилья жил гостеприимный англичанин. Это был ответ на их молитвы. И пока Кэри расчищал земельный участок и строил дом для своей семьи, Дороти, Китти и дети жили у этого человека. Китти не переехала в новый дом Кэри. Она полюбила приютившего их человека и осталась в Дебхатте. В семье Кэри стало на одного меньше. Но о Дороти Кэри писал: «Она все еще так больна».

Пятое место жительства — Малда, в 250 милях к северу (март 1794 года). Кэри еще не достроил дом в Дебхатте, когда получил от Томаса известие о том, что в Малде фактории индиго требовался управляющий на три месяца в году. Эта работа хорошо оплачивалась, и остаток года Кэри смог бы посвящать миссионерской работе. Казалось, это было новым ответом на молитвы, или, как писал об этом сам Кэри, «значительным явлением чудесной заботы о нашем существовании». Дороти с большой радостью осталась бы в Дебхатте, рядом с Китти. Вероятно, их расставание было очень эмоциональным. На этот раз Кэри провели в плавании по реке три недели, добираясь до места назначения. Это было самое жаркое время года. Всюду было много mosquitos, и Дороти «была очень слаба». Кэри сам вел небольшое судно, и, вероятно, именно потому 250 миль они смогли преодолеть только за три недели. «Путешествуя, — писал Кэри, — я всегда чувствовал затруднения в духовном развитии моей души. Но, путешествуя вместе с моей семьей, я ощутил это гораздо острее».

Шестое место жительства — Динаджпур (июль 1794 года). Пребывание в Малде не было долгим. Там он кое-что узнал об индиго. Жалование, должно быть, составляло около двадцати пяти фунтов в месяц, и теперь они жили в большом двухэтажном доме. Томас устроился управляющим на факторию неподалеку от Малды, а Кэри перебралась в округ Динаджпур, в тридцати двух милях к северу оттуда. Кэри переезжали шесть раз за первые девять месяцев их жизни в Индии. Теперь наконец Кэри мог начать и проповедь Евангелия.

В сентябре Уильям заболел малярией, в то время как Дороти и старший сын Феликс продолжали страдать от дизентерии. Затем дизентерией заболел и пятилетний Питер. Он умер буквально через несколько дней. Уильям и Дороти пытались найти кого-либо, кто согласился бы вырыть для Питера могилу. Но жившие в окрестностях

индусы отказались. Наконец они договорились с четырьмя мусульманами, которые согласились вырыть могилу, но не желали отнести к ней тело мальчика. Уильям и Дороти были очень слабы, но решились все же сделать это сами. В последний момент двое слуг решились помочь им. Это был уже третий ребенок, которого потеряла Дороти, и ей казалось, что она потеряла все в своей жизни. Китти осталась далеко-далеко, и, похоже, они уже больше никогда не увидят друг друга. Дороти опять впала в глубокую депрессию. Начиная с этого времени, Уильям практически не упоминает о ней в своих записях. Он говорит лишь о своих «домашних горестях».

Восемью месяцами позже Кэри написал в своем дневнике: «Я претерпел очень тяжкие испытания в моей семье, начиная с периода, о котором не упоминаю. Я нуждаюсь в вере и терпении больше, чем когда-либо прежде». Несомненно, он имел в виду письмо, которое Дороти тайно от него написала доктору Томасу, где говорила о том, что Уильям издевается над ней. Зная о тяжелом психическом состоянии Дороти, Томас не поверил ни единому ее слову. Он написал Уильяму: «Это болезнь, и тебе нужно смириться... Будь я на твоём месте, я не выдержал бы, но да будет благословен Господь, который соразмеряет наши испытания с нашими силами. Думай об Иове; думай об Иисусе». Иногда у Дороти наступали периоды просветления. В 1796 году, когда ей было сорок, у нее родился мальчик Джонатан. Это был их пятый сын, помимо двух дочерей, умерших во младенчестве. После рождения Джонатана Уильям писал в Англию: «Мы все здоровы, кроме моей бедной жены, которая в очень тяжелом состоянии. Это не маниакальность. Но ее рассудок расстроен... Это нечто вроде „идеалистического безумия“. Судя по всему, после невротических депрессий Дороти переживала периоды ярких фантазий. Сердцем она оставалась в Пиддингтоне. Возможно, туда же стремилось и ее расстроенное воображение.

Годом позже Кэри писал в Англию о требованиях к будущим миссионерам. Одним из требований было следующее: «Совершенно необходимо, чтобы их жены столь же горячо стремились к служению». Раньше Уильям не осознавал всю важность этого требования. В конце концов, на Восток отправлялись и торговцы вместе со своими женами, и никто не интересовался тем, какие чувства их жены испытывают к торговле каучуком, какао или чаем. Но Кэри понял, что в случае с миссионерами дело обстоит совершенно иначе.

В то время как Дороти погружалась в изоляцию по причине своего безумия, Кэри приобретал все больше связей и завоевывал определенную социальную значимость. В Англии он был сапожником и деревенским проповедником. В Индии он стал дружен с представителями торгового и правящего сословия. В то время его миссионерские усилия не остались напрасными. И хотя ни один из индусов не принял Иисуса Христа как Спасителя и Господа, Кэри обратил нескольких европейцев.

Новая эпоха миссионерской деятельности в Индии началась в 1799 году, когда в Серампуре, что в четырнадцать милях от Калькутты, прибыла новая группа из восьми миссионеров. Они хотели присоединиться к Кэри, но им было в этом отказано. Поэтому сам Кэри, которому тогда было тридцать восемь лет, вместе с Дороти, которой было сорок четыре, отправился к ним. Индиговый бизнес, за счет которого жил Кэри, пришлось оставить, но он понимал, что работать в команде миссионеров гораздо лучше и эффективнее. Кроме того, один из вновь прибывших миссионеров был печатником, а другой — школьным учителем. Всем вместе было бы гораздо проще заботиться и о детях, и о бедной Дороти.

Когда Кэри прибыли в новую штаб-квартиру миссии в Серампуре, «Дороти была в таком состоянии, что едва ли могла выполнять какие бы то ни было обязанности по

дому». Ханна Маршман, одна из вновь прибывших сотрудниц, взяла мальчишек Кэри под свою опеку, и сделала это как нельзя более кстати. Дороти была уже не в состоянии заниматься детьми, а Уильям, даже в пору своей работы в школе, никогда не мог добиться от детей дисциплины. Миссис Маршман писала в Англию о сложившейся ситуации так: «Из-за того, что у брата Кэри такие домашние горести (речь идет о Дороти), и из-за того, что он так занят сейчас (возможно, имеется в виду работа на огороде или перевод Библии, над которым трудился Кэри), а во многом и из-за мягкости характера, зачастую неуместной, его два старших сына стали совершенно неуправляемыми; их разум отравлен упрямством и самоволием». Феликсу было тогда пятнадцать, а его брату Уильяму двенадцать. Сложнее всего было с Феликсом. Кэри был совершенно не в состоянии сладить с ним. «Этот добросердечный человек видел зло и страдал от этого. Но он был слишком мягок для того, чтобы провести эффективные предупредительные меры, — писала миссис Маршман, — а последствия могут быть очень тяжелыми... Полагаю, что оставить все так, как есть, просто преступно». И Ханна Маршман взялась за сорванцов как следует.

Ханна Маршман занялась дисциплиной, а вот новый печатник миссии, Уильям Уорд, стал для Феликса чем-то вроде старшего брата, а заодно и отца. Уорду было тридцать лет, и по возрасту и по темпераменту он был гораздо ближе Феликсу, чем его родной отец. Изменение, происшедшее со старшим сыном Кэри, было просто поразительным: «Он был тигром, а стал агнцем». Через год Феликс произнес свою первую проповедь. Вскоре в команде миссионеров его стали весьма высоко ценить. Со временем трое из четверых сыновей Кэри стали миссионерами. Четвертый, Джонатан, стал поверенным в верховном суде Калькутты и по совместительству казначеем миссии в Серампуре. Судя по всему, миссис

Маршман и мистер Уорд появились в их жизни именно тогда, когда это было необходимо. Во многом благодаря свидетельству юного Феликса Кэри был обращен первый индеец. После семи лет проповеди Кэри-старшего Уильям был счастлив: «Вчера я с неимоверной радостью лишил Ганг языческого ореола святости, крестив в нем первого индийца и моего сына Феликса».

А Дороти становилось все хуже. В 1801 году Кэри писал: «Миссис Кэри приходится постоянно изолировать от других. Ее состояние ухудшается. Страх за мою и за ее собственную жизнь, а также требование местной полиции вынудили меня согласиться на ее изоляцию». У нее случались приступы агрессии, и поэтому ее пришлось просто запереть в комнате. В 1804 году Кэри писал в Англию: «Бедной миссис К. гораздо хуже. Это очень тяжело. Это огромное испытание для меня. Только бы я смог вынести его, как христианин, и да будет мне это во благо». Позже Кэри писал, что «ее мучают мании».

Но, несмотря на все огорчения, эти годы в Серампуре принесли с собою целую череду успехов. Новый Завет был переведен на бенгали. Была сформирована церковь, а Кэри был назначен преподавателем, а затем и профессором восточных языков во вновь основанный колледж, Форт Уильям в Калькутте. Кэри едва мог в это поверить. Он окончил всего шесть классов, и ему пришлось писать в Англию, чтобы выяснить, как, собственно, проводятся занятия в колледже. Его потрясло то, что его, диссентера, лично назначил на должность генерал-губернатор. Из восточных языков Кэри знал не только бегали, но и санскрит, и язык марати. За десять лет своего пребывания в Индии он изучил их в совершенстве.

В 1807 году, в возрасте пятидесяти одного года, Дороти Кэри скончалась. Она прожила в Индии четырнадцать лет, и в течение двенадцати из них страдала от психического расстройства. Джон Маршман писал, что его изумляет, как Уильяму Кэри удалось добиться столь

многого в его «филологических и библейских исследованиях... в то время как его сумасшедшая жена, которая зачастую пребывала в самом возбужденном и агрессивном состоянии, находилась у него за стеной, буквально в соседней комнате». Что стало причиной психического расстройства Дороти? Возможно, это была наследственная болезнь. Или же причиной стали какие-то стрессы, пережитые ею в раннем детстве, в доме ее родителей в Пиддингтоне. Но несомненно то, что тяжелые условия жизни, как в Англии, так и в Индии, ускорили процесс. Не исключено, что определенную роль сыграло и плохое питание. Хотя Уильям и был тружеником, упорно работавшим над собой, в семье он действовал неуверенно и легко шел на поводу. Он не обеспечил стабильности, в которой так нуждалась Дороти. Поэтому она потеряла к нему доверие и ее страхи полностью поработили ее. Она нуждалась как в материальной, так и в психологической стабильности, в чем Уильям явно не преуспел. Однако, несмотря на внешнюю слабость Уильяма в роли мужа, он вырастил своих сыновей — и хотя вначале они были совершенно недисциплинированными, впоследствии они любили и уважали его и пошли по его стопам.

Через шесть месяцев после смерти Дороти Уильям женился вторично. Его невестой стала датская графиня Шарлотта Румор. Она была инвалидом и приехала в Калькутту на лечение. В эмоциональном, культурном и интеллектуальном плане она была полной противоположностью Дороти. Кэри обратил ее к Иисусу Христу. Генерал-губернатор говорил, что их брак — это союз образованного и благочестивого человека и датской графини, «которую он сделал из христианки баптисткой, буквально погрузив ее глубоко под воду при церемонии крещения». Трудно сказать, существовала ли нежность между Дороти и Уильямом в ранние годы их брака. Но никаких сомнений относительно чувств Шарлоты к Уильяму нет. «Возлюбленный мой, — писала ему

Шарлотта, — я так тоскую по тебе, мне так тяжело от того, что ты далеко от меня... Я ничего не могу поделать с этой тоской».

Шарлотта стала идеальной женой миссионера. После ее смерти в 1821 году Кэри писал одному из своих друзей: «Мы были в браке тринадцать лет и три недели, и наше семейное счастье было столь огромно, что едва ли нечто подобное было даровано кому-либо еще из смертных... Ее утрата невозполнима». Помимо всего прочего, этот брак показал, что Кэри был способен создать прочную, счастливую семью. Кэри настолько тяжело ощущал себя вне семьи, что женился в третий раз. И этот брак также стал счастливым и закончился лишь со смертью самого Кэри, одиннадцатью годами позже, в 1834 году.

Кэри перевел Библию на сорок четыре языка и диалекта, открыл отделение миссии в Индии, Бирме и Бутане, основал множество школ и стал исключительным специалистом по сельскому хозяйству и садоводству Индии. Не так уж плохо для простого работяги. Да, он умел «корпеть». Ближе к закату жизни он говорил, что, если кто-нибудь напишет историю его жизни, этому человеку стоит «рассказать, что я был простым работягой... Пусть меня опишут таким, каков я есть. Я умею корпеть... И этому я обязан всем в моей жизни». Возможно, он мог оценивать себя как неудачника в качестве коммерсанта, учителя, священника, отца и мужа, но он преуспел, потому что продолжал корпеть... и, возможно, благодаря своему девизу: «Ожидай великих свершений от Бога; стремись к великим свершениям ради Бога».

Трудно дать какую-либо оценку Дороти. Никто точно не знает, что происходило в ее душе в течение этих двадцати шести трудных лет, когда она была замужем за Уильямом Кэри. Вероятно, она не способна была оценить ни того, что делал ее муж, ни его выдающихся способностей. Вероятно, гораздо больше ее волновали частые переезды — как минимум четыре за тринадцать лет

их жизни в Англии и семь — за тринадцать лет их жизни в Индии, не считая года, который они, в общей сложности, провели на разнообразных кораблях и суденышках. Несомненно и то, что в Пиддингтоне она была намного счастливее. Там она родилась, там жили ее родители, которые о ней заботились. Ее собственное здоровье и здоровье ее детей были постоянным источником тревог для нее, что можно сказать и о постоянной нехватке продуктов питания. Она тяжело переносила растительную диету, на которую их вынуждала бедность в Англии, и в Индии ей очень не нравились рис и кэрри, а там долгое время исключительно только ими и приходилось питаться.

Возможно, одним из немногих ключей к пониманию Дороти служат имена двоих ее сыновей. Большинство из семерых родившихся в их семье детей были названы по именам родственников Уильяма. Но двое носили необычные библейские имена. Одно из них точно было дано по настоянию Дороти. Возможно, это справедливо и в отношении второго имени. Феликс родился в 1785 году. **Феликс** означает «счастливый», и, несмотря на то что во многом в своей жизни Дороти не была уверена, она совершенно определенно была рада тому, что у нее родился сын. Энн, первый ребенок, умерла двумя годами раньше, а рождение Феликса стало для Дороти счастьем. Библейский Феликс (Деян.26) был нерешительным человеком. Павел пытался обратить его к Христу, но нежелание Феликса противостоять иудеям задержало его ответ на два года. Дороти также приходилось принимать решение, когда Феликс появился на свет. Последовать ли ей за мужем и стать баптисткой, отделившись от традиций ее родителей? Она прождала два года, прежде чем позволила мужу крестить себя.

Второй ребенок, имя которому дала, вероятно, также Дороти, был назван Иавис. Он родился тогда, когда Уильям с доктором Томасом отплыли в Индию. Дороти мучительно решала — ехать ли ей с мужем, поступить ли

так, как должна поступить жена, чего она не могла и не хотела, или же поступить иначе. Согласно Первой книге Паралипоменон (4:9) мать Иависа дала ему это имя, потому что родила его с болезнью. То же можно сказать и о Дороти. В следующем стихе уже взрослый Иавис молится Богу: «О, если бы Ты благословил меня Твоим благословением, распространил пределы мои, и рука Твоя была со мною, охраняя меня от зла». Для Дороти молиться молитвой Иависа означало бы то, что она также хочет, чтобы Бог «распространил ее пределы». Но ее внутренние проблемы были слишком велики, и она не справилась с ними.

Библиография

- Drewery, Mary. *William Carey*. Grand Rapids: Zondervan, 1979.
Marshman, John. *Life and Labours of Carey, Marshman, and Ward*. London: Ward Publishers, 1867.
Smith, George. *The Life of William Carey*. London: J. N. Dent and Sons, 1885. Stevenson, P. M. Grand Rapids: Zondervan, 1953.

В разлуке сердца становятся нежнее?

Иногда.

А иногда разлука рождает отчуждение.

В период ухаживания юноша и его возлюбленная часто договариваются не видеться некоторое время для того, чтобы выяснить, насколько сильны и истинны их чувства. Теоретически такое испытание чувств до брака помогает определиться людям в их отношениях. Но в браке долгие разлуки часто становятся тяжелым и даже невыносимым испытанием. В прежние времена муж обычно уезжал из дома на недели, а иногда и на месяцы. Теперь как мужья, так и жены могут уезжать по делам или навестить друзей. В наши дни и мужчины, и женщины могут отправиться на другой край земли и вернуться через неделю. А сто лет назад такое путешествие означало бы долгие месяцы разлуки. Но сейчас, как и прежде, разлуки порождают в семье проблемы. Три пары, о которых идет речь в этом разделе, надолго расставались. И результаты были разными.

Однако, изучив с полдюжины семейных историй, описанных в этой книге, вы найдете примеры мужей и жен, надолго разлучавшихся друг с другом. Ньютоны лишь больше любили друг друга. Лютеры начинали выше

оценивать многие качества друг друга. Стоу начинали понимать, как они нужны друг другу. Уэсли были разделены ревностью и несовместимостью характеров. У Смитов также были проблемы. Но в браке Ливингстон, также как Грэм и Беньянов, разлуки стали особенно показательными. Как Руфь Грэм смогла пережить то, что ее муж-проповедник почти все время проводил в поездках по Европе, Африке и Азии? Почему Мэри Ливингстон отказалась от своего мужа, который трудился в Африке? А Элизабет Беньян, воспитавшая четырех приемных детей, кроме своего собственного ребенка, при том что ее муж находился в тюремном заключении столь продолжительное время? Как ей удалось остаться сильной и верной и стать надежной опорой мужу, когда тот наконец вышел из тюрьмы?

Почему все так по-разному реагируют на разлуки? И что делали мужья для того, чтобы поддержать своих жен в эти периоды расставаний? Вы узнаете об этом из следующих трех глав.

В разлуке сердца становятся нежнее?

Иногда.

Но обычно это становится испытанием для брака. И одни браки становятся крепче, а другие не выдерживают проверки на крепость уз.

Лишенная семейной ласки

Дейвид и Мэри Ливингстон

Для кого угодно было бы тяжело оказаться женой Ливингстона. Он был целеустремленным одиночкой и с трудом работал в команде. Многие его биографы даже говорят, что ему вообще не стоило жениться. К счастью, с Мэри ужиться было несложно — по крайней мере, поначалу. Сам Дейвид говорил о ней, что это «милый и уравновешенный человек». Он также говорил, что она была «прагматичной леди, невысокой, полной, темноволосой девушкой, твердой и умеющей добиваться своего».

Трудно было бы назвать их брак романтическим. Но они, несомненно, любили друг друга. Это был брак, полный несбывшихся ожиданий. В особенности для Мэри. Это также был брак, давший повод множеству пересудов, подозрений и порицаний, в том числе со стороны родителей, как Мэри, так и Дейвида.

Критики хотели получить ответы на множество вопросов. Зачем Дейвид брал с собой Мэри и детей в опасные экспедиции по Африке? Почему Мэри начала пить? Можно ли быть несчастной, будучи замужем за самым известным человеком в мире? Какие трудные вопросы! Можно сказать лишь то, что они стали жертвами любовного треугольника, и третьим здесь была Африка.

Дейвид Ливингстон был убежденным холостяком, когда впервые отправился на миссионерское служение. На простой вопрос в анкете «Состоите ли вы в браке?» он ответил: «Не женат, не помолвлен, никогда не делал предложения и никогда ни с одной женщиной не вел себя

таким образом, чтобы дать ей повод подумать, что у меня есть хоть малейшие намерения, ведущие к браку». Но в течение следующих двух лет ему часто говорили, что он горько пожалеет, если вскоре не женится. Все утверждали, что жить одному миссионеру весьма нелегко.

Одиному миссионеру и впрямь приходится трудно. Но Ливингстон опасался ошибиться, избрав человека, который совершенно не подошел бы для миссионерской работы. Проведя три года в одиночестве во время своего миссионерского служения в Африке, он с неохотой признал, что, возможно, брак — это именно то, что ему нужно. В то время он умолял родителей и друзей писать ему почаще, но, поскольку письма находили адресата не раньше, чем через полгода после отправки, поддерживать мало-мальски осмысленный диалог было просто невозможно. Он страдал от одиночества, и ему нужна была спутница.

Но где же найти жену посреди Бечуаналэнда в 40-е годы девятнадцатого столетия? Единственными подходящими кандидатками были дочери миссионеров или чиновников, о которых Ливингстон, всегда резко и прямо выражавший свое мнение, говорил: «Дочери миссионеров на редкость узколобы; колониальные леди — это и вовсе ужас». Перспективы были не блестящи. Но вот как-то после схватки со львом он проходил курс лечения в миссии Куруман, где уже много лет несли служение Роберт и Мэри Моффат. Бродя под развесистым чубушником с Мэри, старшей дочерью Моффатов, Дейвид ощутил-таки те эмоции, которые считал в себе глубоко и безнадежно похороненными. «Влюблен! — писал он одному из своих друзей-холостяков в Лондон. — Слов, а тем более мыслей не хватает, чтобы описать это, оставляю тебе все вообразить самому».

Ей было двадцать три года, а ему — тридцать. Один из биографов пишет: «Это была первая женщина, на которую он обратил внимание с тех пор, как покинул

Англию». Спустя три месяца они были помолвлены. Ливингстон писал другу: «После почти четырех лет холостяцкой жизни в Африке я-таки собрался с духом и сделал этот шаг». С его точки зрения, она должна была стать для него идеальной женой. Дочь одного из первых миссионеров, Мэри выросла в глиняной лачуге, в шестистах милях от Кейптауна вглубь африканской территории. Она умела самостоятельно сшить себе платье, приготовить еду, свечи и мыло. Она была вынослива, знала все трудности миссионерской работы и была «человеком уравновешенным». Красавицей ее трудно было бы назвать, но Дейвида это совершенно не волновало.

Ее родители были людьми суровыми и волевыми. Ее мать — благочестивая и часто авторитарная женщина — родила десятерых детей и, кроме того, вырастила троих приемных детей из местного населения. Ее отец прошел путь от нищенского квартала в Шотландии до фактического контроля над всей миссионерской деятельностью в Южной Африке. Один исследователь заметил, что «у его коллег при нем отнимался язык». Такой же эффект он производил и на всех членов своей семьи, за исключением жены, которая была чем-то вроде «серого кардинала». Дети выросли с некоторым комплексом подавленности — в особенности Мэри, которая не обладала ни внешней привлекательностью, ни блестящими умственными способностями.

Требования, предъявлявшиеся в доме Моффатов, были очень жесткими, и все, кто не выполнял их, подвергались острой критике. Миссионеры помоложе чувствовали себя здесь детьми, которым не давали возможности стать старше. Так же чувствовала себя и Мэри. Но Дейвид повел себя с ее отцом совершенно иначе. Хотя он приехал недавно и был на двадцать лет его моложе, он говорил с ним как с равным.

Мэри увидела в Ливингстоне человека, обладавшего таким же сильным характером, как и у ее отца, но также и

человека, который, в отличие от ее отца, обладал превосходным чувством юмора, был скромен и ставил порядочность превыше всего.

В воспитании и происхождении Мэри и Дейвида было очень много несходного. Мэри росла в глиняной лачуге в Африке, а Дейвид в это время жил в однокомнатной квартирке в маленьком рабочем городе неподалеку от Глазго, в Шотландии. Родители Ливингстона и их пятеро детей были втиснуты в комнату десять на четырнадцать футов, которая служила им и кухней, и спальней, и гостиной. Биограф Тим Джил пишет: «Ночью из-под кровати родителей выкатывались кровати детей, и они занимали все пространство комнаты. Готовили, ели, читали, стирали и штопали в одном и том же помещении». В десятилетнем возрасте Дейвид пошел работать на фабрику, которой подчинялась вся жизнь в городке Блэнстайр. Он стал «вязальщиком», то есть связывал нити на прядильных станках. Как и все, он работал шесть дней в неделю с восьми утра до восьми вечера, с получасовым перерывом на завтрак и с часовым перерывом на ланч. Каким-то образом Дейвид сумел заставить себя с восьми до десяти вечера ходить в школу. Там ему не просто удалось вы сидеть с открытыми глазами, но еще и получить образование. Часто, возвращаясь домой, он читал до полуночи, и тогда мать просто гасила свечу. Его сестра вспоминала, что «он был твердо намерен учиться».

Отец Дейвида ненавидел алкоголь и «дрянные романчики», то есть все книги не религиозного содержания. Но Дейвид отказался читать религиозные книги, предложенные ему матерью. Он любил научную литературу и книги о путешествиях. «Это стало с моей стороны открытым бунтом, — вспоминал Дейвид позднее, — и последний раз отец меня высек именно за то, что я отказался штудировать „Практическое христианство“

Уилберворса». Дейвид говорил, что ненавидит «сухие, догматичные книги».

Индепендентская церковь в Гамильтоне, членом которой хотел стать Дейвид, усомнилась в том, что он соответствует требованиям, предъявляемым к членам церкви, и ему был предложен план работы над собой, рассчитанный на пять месяцев. В следующем году Дейвид прочитал книгу миссионера, работавшего в Китае, который призывал врачей на миссионерское служение. Так у Дейвида появилась цель в жизни. А когда у Дейвида появлялась цель, остановить его было уже невозможно. Спустя два года он ушел с фабрики, на которой проработал двенадцать лет, и поступил в медицинскую школу в Глазго. Затем он обратился в Лондонское миссионерское общество с просьбой отправить его на работу в Китай. В обществе его оценки не произвели огромного впечатления, но его согласились взять на испытательный срок. Учитывая, что он «едва ли был готов» к поступлению в богословский колледж, ему предоставили частного учителя. В директорате общества довольно негативно отнеслись как к его провинциальности (его считали «шотландской деревенщиной»), так и к его манерам (считалось, что он слишком много о себе возомнил).

Для начала ему было предложено стать проповедником в одной из церквей, но эта затея с треском провалилась. Встав за кафедру, он понял, что голова его совершенно пуста. Он прочел что-то по бумажке, медленно повторил прочитанное, громко проглотил слюну и сказал: «Друзья, я забыл то, что хотел сказать вам», после чего удалился из церкви с огромной поспешностью. Другой проблемой было то, как Дейвид молился. Когда он вел молитвенные собрания, он то и дело останавливался, раздумывая, о чем помолиться еще. Но все же Дейвида не отсеяли. Его испытательный срок был продлен, а еще через два месяца его кандидатура была одобрена. В этом

директорат убедило здравомыслие Дейвида и его несуетливая энергичность.

Ожидая решения своей судьбы, Дейвид начал ухаживать за девушкой из довольно обеспеченной семьи. Судя по всему, это было первое его серьезное увлечение. В ее присутствии он чувствовал себя весьма неловким и как-то признался ей: «Я, в общем-то, понятия не имею о том, что чувствуют те, кто всю жизнь были леди». Ему было тогда двадцать шесть лет, но Дейвид Ливингстон никак не мог считаться подходящей парой для той девушки. Один из его друзей говорил: «Признаться, симпатичным он никогда не был. На его лице всегда лежала печать волевого характера, готового к преодолению трудностей». Другой его знакомый заметил, что «его лицо никоим образом нельзя было назвать привлекательным», и тем не менее «он обладал совершенно непередаваемым обаянием». Когда первая любовь отреклась от него, Дейвид сказал не без горечи, что она слишком уж леди для того, чтобы стать женой миссионера.

В 1839 году между Англией и Китаем разразилась опиумная война, и Лондонское миссионерское общество отказалось от мысли посылать в Китай новых миссионеров. Директорат предложил Ливингстону подумать о Вест-Индии. Но Дейвиду эта идея не понравилась. Вест-Индия была слишком цивилизованной страной. Темный африканский континент выглядел заманчивее. И тут он случайно встретился с Робертом Моффатом, который вернулся в Англию после очень долгого периода жизни в Африке. Моффат тогда сказал Дейвиду: «На закате я выглядываю на улицу и вижу дымы тысяч деревень, в которых никогда не слышали о Евангелии». С тех пор Дейвид только и мечтал об Африке, что бы там не думал директорат. Другие кандидаты на миссионерское служение любили Дейвида. Он был «довольно резок и прям в обращении», в нем ощущалась «решимость оставаться верным своим убеждениям во что бы то ни стало», а также

и «огромная доброта». Решимость Дейвида оставаться верным своим убеждениям часто становилась для него источником неприятностей. С директором общества он спорил практически непрерывно. Ему не нравилось, когда ему приказывали. Незадолго до своего отъезда в Африку Ливингстон окончил медицинский факультет в Глазго, но ему едва не пришлось подделывать свой диплом, поскольку он рассорился там со всеми: Дейвид считал, что стетоскоп вовсе не такая полезная вещь, как его в том убеждали.

На борту корабля, направлявшегося в Африку, Ливингстон был одним из немногих пассажиров, не страдавших от морской болезни, и оказывал медицинскую помощь тем, кто не отличался такой завидной стойкостью организма. По прибытии в Африку он должен был начать работу в миссии Куруман, в шестистах милях вглубь страны от Кейптауна. Моффаты все еще были в отпуске, и миссии был нужен врач. Дейvidу предложили основать новую миссию, продвинувшись еще дальше вглубь африканской территории, но любые действия он мог предпринимать только по возвращении Моффата. Дейвид сразу же активно взялся за дело. Хотя Куруман и был самой далекой от центров цивилизации миссией, он казался ему все еще слишком цивилизованным. Он стал писать в Лондон, в директорат, убеждая начальство в том, что об основании новой миссии следовало не просто думать, а реально осуществлять этот план.

Дейвид прожил в Африке всего пять месяцев, но у него уже сложилось впечатление, что миссионерская стратегия там была либо слишком консервативна, либо вообще ложна. Он исследовал внутренние территории, что было необходимо для дальнейшей работы. По возвращении в Куруман он написал: «Я приехал в Африку не для того, чтобы ходить, придерживаясь за чью-то полу. Для меня имеет огромное значение тот факт, что души гибнут, а я не

властен привести их ко Кресту. Мне нечего делать в Курумане».

Он забрался в такие места, в которых до него не бывал ни один белый человек, хотя он пробыл в Африке меньше года и все еще не научился даже приблизительно понимать ни одного из разговорных диалектов. Когда в 1843 году Роджер Эдвардс и его жена покинули Куруман для того, чтобы основать новую миссию, Дейвид с радостью отправился вместе с ними. Поселение, к которому они направлялись, называлось Маботса. Оно располагалось примерно в двухстах двадцати милях от Курумана. Дейвид писал: «Такого прекрасного места вы никогда не видели».

Именно там Дейвид почувствовал себя невыносимо одиноким. Именно в Маботсе Дейвид вступил в схватку со львом. Львы разоряли загоны для скота, а местные жители боялись хоть что-нибудь предпринять. Дейвид сказал им, что если бы они убили хотя бы одного льва, то остальные поняли бы, что их здесь не ждут с распростертыми объятиями, и убрались бы из этой местности. Но африканцы не были уверены в том, что пришелец знает, с чем имеет дело. И Дейвид пошел загонять львов вместе с африканцами.

Они выследили нескольких животных. Дейвид прицелился и выстрелил из обоих стволов, после чего остановился для того, чтобы перезарядить оружие. «Тут боковым зрением я увидел, что один из львов в прыжке стремительно летит ко мне... Лапой он зацепил меня за плечо, и мы вместе кубарем покатались по земле. Его чудовищное рычание оглушило меня, он встряхнул меня, как терьер полудохлую крысу». Один из африканцев, пришедших Дейvidу на помощь, выстрелил в льва. Он промахнулся, но зверь оставил Дейвида и сосредоточился на новой опасности. Другой африканец тут же поразил Льва копьем, и тот, поскольку еще прежде был ранен Дейвидом, грохнул замертво. Когти льва оставили на плече

Дейвида несколько глубоких ран; кость была расщеплена. После этого случая Дейвид никогда не мог поднять свою левую руку выше уровня плеча. Позже его спрашивали, о чем он думал, когда на него бросился лев. Дейвид отвечал: «Я гадал, какую часть моего тела он сожрет в первую очередь».

В течение нескольких недель Дейвид был очень плох, но когда он немного поправился, его переправили в Куруман — в миссии он мог получить более квалифицированную медицинскую помощь. Моффаты как раз только что вернулись туда после четырех лет отпуска в Англии. Именно Мэри Моффат стала ухаживать за ним. Вскоре она стала его невестой. Когда Дейвид оправился от ран и получил согласие Мэри стать его женой, он отправился обратно в Маботсу, чтобы построить там дом. По дороге он сделал остановку для того, чтобы написать Мэри письмо. Он напоминал ей о том, чтобы она получила письменное разрешение на брак и заказала все необходимое для их нового дома в Маботсе. Его письмо заканчивалось так: «Пусть твои чувства к Нему будут гораздо более сильными, чем ко мне».

Его письмо, направленное руководству в Лондон, звучит так, словно он принял холодное деловое решение: «Различные соображения, связанные с новой сферой служения, которые нет нужды излагать здесь детально, привели меня к выводу, что вступление в брак является моим долгом. В январе 1845 года я предпринял все необходимое для заключения брачного союза с Мэри, старшей дочерью мистера Моффата... И если мои мотивы не являются заблуждением, то до определенной степени я руководствовался желанием стать еще более полезным в деле прославления имени Божьего». Все его письма к начальству написаны именно таким казенным языком. Только в его письмах к нескольким близким друзьям и к Мэри чувствуется тепло; он шутит и позволяет себе отбросить формальности.

Дом, который он построил для Мэри в Маботсе, был двадцать на двадцать два фута, а его стены были в фут толщиной: «Работа не из легких, — писал он Мэри, — это способно выбить любовь из чьей угодно головы. Но любовь у меня в сердце, и не покинет его, если ты сама ее не погасишь». Пару строк он написал и для матери Мэри, у которой обо всем было свое особое мнение и которая редко стеснялась его выразить. По-видимому, она сказала Ливингстону (которого она всегда называла только по фамилии), чтобы он не делал в доме слишком много окон. Дейвид написал Мэри, что если ее мать «думает, что окон слишком много, пусть даст мне знать об этом, и я их все замурую за два дня — пусть свет, если ей так этого хочется, проникает в дом через дымовую трубу».

Дейвид стремился создать в Маботсе миссию, сходную с миссией, основанной родителями Мэри в Курумане. В то же время он хотел использовать и новые идеи — в частности, привлекать к работе африканских проповедников и открыть семинарию для пасторов-африканцев. Но на пути осуществления этого плана лежало серьезное препятствие: Дейвид почувствовал себя первооткрывателем и уже не мог жить без этого. Теперь он стремился начать работу в Маботсе только для того, «чтобы лучи божественного света могли распространиться шире и дальше». Когда он не был занят строительством дома, он работал над открытием школы для африканских детей. Дело это было довольно безнадежным — если в один день приходило пятнадцать учеников, то на следующий день их могло оказаться не больше пяти.

Свадьба состоялась 2 января 1845 года в Курумане, под строгими взглядами Роберта и Мэри Моффат. Дейвид и Мэри провели медовый месяц в Маботсе. По случайному совпадению это название переводится «свадебный пир». И если Дейвид полагал, что теперь для них с Мэри наступила безоблачная пора, то он глубоко заблуждался. Проблема заключалась в его коллеге Роджере Эдвардсе. Дейвид

говорил: «Когда я отправился на свадьбу, между нами, казалось, установился мир. Но когда я вернулся — разразилась такая буря, какой я прежде никогда не видывал». Дейвид называл Роджера «престарелым забиякой». В представлении Эдвардса Ливингстон был энергичным и удачливым дельцом, и старшему по возрасту миссионеру было очень трудно с этим смириться. Эдвардс считал, что первые десять лет своего миссионерского служения он был «лакеем» у Моффата, и вот теперь ему представился шанс сделать нечто самостоятельное, без контроля «великого патриарха». Но в Маботсу он отправился вместе с Ливингстоном, и именно Ливингстон привнес свежие идеи и заставил всех признать за этими идеями право на существование. Младший партнер во всем выходил на первые роли, а Эдвардсу было очень трудно признать себя «придатком этого юноши». К тому же Ливингстон женился на дочери Моффата. Эдвардс, должно быть, почувствовал, что даже в Маботсе, в двухстах двадцати милях от Курумана, он еще не мог избавиться от контроля семьи Моффат.

Эдвардс был не единственным миссионером, с которым конфликтовал Ливингстон. Дейвид был нетерпелив и агрессивен, а миссионеров старшего возраста возмущало, что этот зеленый новичок учит их жизни. Дейвид считал, что ему не стоит обсуждать с Мэри эти конфликты. Он писал одному из своих друзей: «Хотя у меня есть жена, своими печальми я делюсь с тобой». Это говорит о том, что он не считал для себя возможным делиться с Мэри своими переживаниями. Возможно, как считают многие биографы, он полагал, что она недостаточно умна для этого. Гораздо более вероятно то, что Мэри был чужд философский взгляд на вещи. Ее восприятие было более поэтичным, нежели восприятие Дейвида-исследователя. Конфликт между семьей Эдвардс и семьей Ливингстон становился все более острым. Миссис Эдвардс называла Дейвида «низким, невоспитанным

человеком, чуждым христианства», а сам Эдвардс называл его «непорядочным, бесчестным и злобным».

Маботса была явно тесна для этих двух семей. Не прошло и года, как Дейвид и Мэри Ливингстон упаковали чемоданы, бросили дом, в котором провели свой медовый месяц, и отправились дальше на север, вглубь африканской территории. Дейвид остановился в месте, которое называл «белым пятном на карте». Своим друзьям он писал, что теперь он «забрался так далеко, как ни один другой миссионер в Южной Африке». Это «белое пятно на карте» называлось Чинуоне. Еще до прибытия Дейвида и Мэри там началась сильная засуха, и в течение двадцати месяцев, которые они там провели, и они сами, и местные жители страдали от голода. За эти месяцы Мэри родила двоих детей, а в свободное время пыталась организовать школу для африканских ребятишек.

Со временем Дейвид понял, что если Мэри и дети не будут нормально питаться, то это может обернуться для них весьма скверными последствиями. Поэтому он отослал их к Моффатам, в Курумман. Когда Мэри прибыла туда, местные африканцы едва ее узнали, настолько она потеряла в весе. А когда через несколько дней приехал и Дейвид, они подняли его на смех: «Смотри, какая она тощая! Ты что, ее там голодом морил?» Дейвид решил, что необходимо искать новое место для миссионерской базы. Поэтому, вскоре после того, как они вернулись в Чинуоне, он вместе с большинством африканцев — жителей деревни отправился на поиски более гостеприимной местности. Мэри осталась с детьми в поселке, который превратился в город теней. Она отправила Дейвиду записку, в которой писала, что жизнь среди развалин Чинуоне в дневное время была очень тоскливой, а ночью — страшной. Львы уже чувствовали себя там как дома.

Месяцем позже Дейвид наконец вернулся, чтобы забрать ее вместе с детьми в их новый дом в Колобенге. Новый дом не был так хорош, как прежний. Это была

хижина из жердей и тростника, со страшными сквозняками. Днем в ней было нестерпимо жарко и очень много мух, а ночью почему-то невыносимо холодно. Колобенг стал домом для Дейвида и Мэри на четыре следующих года. Это оказалось самым долгим за всю их жизнь периодом проживания в одном и том же месте. И, несмотря на все проблемы и хлопоты, это, возможно, стало самым счастливым временем в жизни Мэри. Дейвид описывает свой обычный рабочий день: «Такова ежедневная рутина; встаем вместе с солнцем, молимся всей семьей, потом завтрак, школа, а затем необходимый физический труд — пашем, сеем, занимаемся кузнечным делом и тому подобное. Все утро Мэри занята приготовлением пищи; после обеда — двухчасовой отдых; затем она идет в школу, которую посещают от шестидесяти до восьмидесяти детей. Затем — снова физический труд; уроки в городе и беседы с теми, кто расположен слушать; потом доим коров и идем на общее собрание; затем — молитвенное собрание в доме Сечеле (деревенского старейшины). Домой мы приходим около половины девятого, слишком усталыми для любых усилий. Я перечисляю все это не для того, чтобы рассказать, как много мы делаем, а для того, чтобы объяснить, почему мне так грустно — ведь я так мало времени уделяю настоящей миссионерской работе».

Мэри приходилось самой делать свечи, мыло и масло. Она сама молола муку и пекла хлеб в термитнике, покрытом раскаленными углями. Когда не хватало мяса, они питались гусеницами и жареной саранчой. Дейвид не любил жареную саранчу, но, говорил он, «поджаривать ее гораздо приятнее, нежели вылавливать из бульона», а затем добавлял: «Хотя я бы предпочел по возможности избегать и того, и другого». Ливингстон испытывал некоторое разочарование в миссионерской работе, поскольку ее результаты нельзя было назвать значительными. Только один африканец был обращен в христианство за шесть лет,

которые Дейвид провел в Африке. Но, наблюдая за работой других миссионеров, Дейвид видел, что им тоже нечем особенно похвалиться. Даже его тесть с тещей за тридцать лет служения не добились особенных успехов.

Однажды он написал: «У Бога был единственный Сын, и Он был миссионером и врачом. Какое жалкое Его подобие я собой представляю, или даже только пытаюсь представлять». Сомневаясь в своих миссионерских способностях, Дейвид начал осознавать, что, возможно, больше всего пользы для дела Евангелия он принес бы, открывая труднодоступные и удаленные местности, где могли бы работать другие миссионеры.

Через три месяца после того как Мэри родила их третьего ребенка, Дейвид отвез ее к родителям в Куруман, а сам отправился на четыре месяца в шестисотмильное путешествие — на поиски легендарного озера Нгами, о котором африканцы столько ему рассказывали. Прежде многие европейцы пытались разыскать его, но ни одному из них это так и не удалось. Дейвид Ливингстон нашел его. Но гораздо больше, чем само озеро, его интересовали земли, которые были расположены дальше. В следующем году он снова отправляется в путь, на этот раз уже на ту сторону озера и на этот раз уже вместе с семьей. То, что он взял с собой жену и детей, подняло бурю возмущения среди африканских миссионеров. Дейвид решил взять семью в крайне опасное путешествие. Их путь лежал через пустыню, затем по реке, полной крокодилов, среди болот, от которых поднимались ядовитые испарения, и меж африканских племен, действия которых совершенно не поддавались никаким предсказаниям. Мэри была на шестом месяце беременности, и с ней было трое маленьких детей. Но выбор у Мэри был очень прост: либо остаться дома и снова жить с матерью, либо отправляться вместе с Дейвидом. Она предпочла последнее.

На место они прибыли как нельзя более вовремя, неделю спустя Мэри родила своего четвертого ребенка. Но

прожил он всего несколько недель и умер от какой-то инфекции. Мэри тоже заболела. В течение многих недель она страдала от паралича. Дейвид писал: «Правая сторона лица у нее неподвижна; постоянно болит правый бок и правая нога». Чтобы дать ей время оправиться от болезни, Дейвид отвез ее в Куруман, где они прожили с Моффатами три месяца. Физически это было для Мэри временем отдыха, но в эмоциональном плане это была пора очень трудно давшегося перемирия. Биограф Тим Джил пишет: «Это было время раздоров и большого эмоционального напряжения». Вскоре стало известно, что Дейвид планирует новое путешествие к озеру Нгами и дальше. Никто не хотел говорить и даже думать о немыслимом — о том, что Дейвид, возможно, захочет взять Мэри и детей с собой. Миссис Моффат сдерживалась, но это давалось ей крайне нелегко — обычно она всегда давала волю словам. Но через три месяца ее терпение кончилось. Ливингстоны вернулись в их дом в Колобонге. Мэри снова ждала ребенка. Это были хорошие новости. Плохие новости заключались в том, что Дейвид не изменил своего намерения взять ее с собой в следующую экспедицию.

Миссис Моффат написала письмо своему зятю, как только узнала эти новости. Письмо начиналось словами: «Мой дорогой Ливингстон», а любое письмо, начинающееся в подобном духе, не предвещает ничего хорошего. Она заявила, что ей следовало бы набраться храбрости и поговорить с ним еще в Курумане. Затем она прямо приступила к вопросу, который ее волновал: «Мэри все время говорила мне, что, будь она беременна, ты не взял бы ее с собой». И вообще Мэри нечего было делать с Дейвидом в этих экспедициях — ей следовало оставаться с ней в Курумане и спокойно рожать детей. Далее Миссис Моффат пишет: «Но в ее письме я с ужасом прочитала: „Я снова должна отправляться вглубь африканской территории"... Ливингстон, о чем ты думаешь? Тебе что, недостаточно того, что ты потерял одного ребенка, едва

спас другого, а твоя жена прибыла домой с угрозой паралича?.. Беременная женщина с тремя детьми, отправляющаяся в мужской компании через африканские дебри, полные дикарей и хищников... это просто неслыханно!»

Миссис Моффат была не просто властной матерью. Она родила в Африке десятерых детей и прекрасно знала, что такое жизнь среди опасностей без самого необходимого. Она знала, что Бог позаботится о ее детях, если они исполняют Его волю. Но она опасалась, что они шли против воли Бога, отправляясь на открытие новых территорий, вместо того чтобы проповедовать. Но, по мнению Дейвида, он мог открыть целый континент для сотен новых миссионеров. Кроме того, ему никогда не нравилось, если ему начинали указывать как жить — и в особенности, если это делала его теща. Один исследователь сказал о нем, что «он не был агрессивен, но был чудовищно упрям». Миссис Моффат не понимала, что Мэри согласна с Дейвидом. Поначалу она полагала, что может оставаться в Колобенге, пока Дейвид путешествует. Но в Колобенге была засуха, кроме того, там было беспокойно из-за буров, и семье было небезопасно там оставаться.

Вернуться в Куруман и снова жить с родителями? Ни Мэри, ни Дейвиду такая перспектива не нравилась. Биограф Джордж Сивер пишет: «Мэри больше не могла быть счастлива в родительском доме. Там ей приходилось зависеть от их капризов. Кроме того, там к ней относились так же, как относились с самого детства — как к ребенку. Но она уже не была ребенком. Она была женой и матерью. А ее муж был человеком, наделенным чувством юмора, таким же свободолюбивым смертным, как и она сама. И она любила его».

Дейвид тоже любил Мэри, хотя не всегда умел выражать свои чувства открыто. Он прекрасно себя чувствовал в ее обществе. В путешествиях она была

замечательным спутником. И если ее не было рядом, он скучал о ней. Если бы она осталась в Курумане, это породило бы и другие проблемы. Там она была бы вынуждена непрерывно слышать шушуканье за своей спиной: «Почему это он ее бросил? Они что, не уживаются вместе? Должно быть, с их браком что-то не в порядке». У Мэри было множество причин, по которым ей стоило уехать из Курумана. Кроме того, Дейвид был врачом. Где еще было быть беременной женщине, как не рядом со своим мужем-доктором? Сивер так пишет об этом периоде жизни Ливингстонов: «Это путешествие стало поворотным моментом в его карьере. Оно заставило его осознать, что цели, которые он ставил перед собой как миссионер, были несовместимы с его долгом мужа. Чем-то одним неизбежно пришлось бы пожертвовать».

Но почему он не отложил свою экспедицию на год или на два, по крайней мере до того времени, когда Мэри почувствовала бы себя лучше и восстановила бы утраченные силы? Ливингстон был убежден, что если работорговцы достигнут внутренних регионов Африки раньше, чем миссионеры, то африканцы никогда не откликнутся на евангельскую весть. Они станут бояться всего, что связано с белым человеком. Но если миссионер придет к ним с женой и детьми, они признают его как человека, который пришел с миром. А Дейвид хотел прийти к ним, и прийти только с миром.

И вскоре Дейвид, Мэри и дети маленьким караваном отправились на открытие неизведанного. Они провели в совершенно диких районах Африки следующие семь месяцев. Их самым значительным открытием стало верхнее течение реки Замбези. Если бы выяснилось, что по ней можно доплыть до Индийского океана, то она стала бы тем путем, по которому миссионеры могли бы добраться до Центральной Африки.

На обратном пути они остановились лагерем на восемь дней на берегу реки Чобе. Там Мэри родила своего

пятого ребенка. На этот раз малыш выжил. Но Мэри снова разбил паралич, и в гораздо более тяжелой форме, чем прежде. Это очень испугало Дейвида, но также определило решение трудной проблемы, которая стояла перед ним в то время. У Дейвида было множество неоконченных дел в Африке. Ему необходимо было найти удобный путь, по которому миссионеры могли бы проникать вглубь Африки, иначе он не мог быть уверен, что его путешествия стали хоть сколько-нибудь важными для дела Христа. Он писал: «Я считаю, что там, где оканчиваются подвиги географов, начинается миссионерское служение». Но пока он не пересек Африку от побережья до побережья, он не мог написать «*конец*» поперек всех подвигов географов.

Такое путешествие заняло бы два года. А поскольку Мэри снова страдала от паралича, то было очевидно, что она не сможет сопровождать его. Кроме того, их старшему сыну, Роберту, скоро исполнилось шесть лет, и Дейвид хотел, чтобы он получил хорошее образование. В руководство миссии Дейвид направил длинное письмо, в котором излагал свои планы. Все, в чем он нуждался, это «в двух годах, свободных от семейных забот... Поскольку скоро нам все равно придется отсылать детей в Англию, представляется возможным отправить их вместе с матерью уже теперь, и это не повлечет слишком крупных дополнительных расходов. Такое решение дало бы мне возможность в течение двух, а может быть, трех лет исследовать этот новый регион». Расстаться с женой и детьми было бы нелегко, и он это прекрасно понимал. Он говорил, что чувствует себя человеком, который «делает сиротами» собственных детей. Он говорил также, что это настолько же болезненно, как вырвать из себя часть своих внутреннихностей.

В другой раз он писал: «Некоторые братья без колебания говорят местному населению, что моя цель — добиться мирской славы. Это очень огорчает меня, и порой я сам начинаю задумываться, в чем же все-таки состоит

моя цель». Эти сомнения не были единственной его проблемой. У него не было денег, на которые его семья могла бы жить в Англии. Не дожидаясь одобрения его плана исследования Замбези со стороны руководства миссии и подтверждения с их стороны желания материально поддерживать в это время Мэри и детей, он решил отправиться в путь. «Я убежден, что на то есть воля Господа, и отправлюсь туда, несмотря на любые препятствия... Я открою путь во внутренние области Африки или погибну».

Их прощание в Кейптауне было очень тяжелым. Дейвид сказал детям, что с этих пор им следует считать своим отцом Иисуса, а не его. «Я предал вас Ему, и теперь вы у Него на попечении». Он не был уверен в том, что руководство миссии станет их поддерживать, но был уверен в Иисусе. Дейвид задержался в Кейптауне на несколько недель, чтобы запастись продовольствием. Он писал Мэри почти каждый день. Вот одно из его писем: «Моя дорогая Мэри! Я так тоскую по тебе и по детям. Мое сердце стремится к тебе. В моей голове роится множество воспоминаний. Мне кажется, теперь я должен относиться к тебе нежнее и заботливее, чем когда-либо прежде... Ты стала самым большим моим благословением. Ты столько сделала для меня. Благослови тебя Бог за твою доброту. Теперь я не вижу ни одного лица, сравнимого с твоим, всегда обращавшим ко мне свой добрый взор. Выполним наш долг перед Спасителем и, я надеюсь, встретимся вновь. Как бы мне хотелось, чтобы это случилось уже сейчас».

Сделав необходимые запасы продовольствия, Дейвид отправился в экспедицию. В эмоциональном плане это было для него очень трудное время, и он изливал свою печаль в дневнике: «28 сентября 1852 года. Неужели я видел мою жену и детей в последний раз?... О, Господи, используй меня ради славы Твоей! Пока я ничего для Тебя не сделал, а мне так хотелось бы этого».

Пока Дейвид боролся с одиночеством, болезнями, засухой, дикими животными и враждебными племенами, у Мэри в Англии были свои сложности. В своей собственной стране она оказалась чужой, а на руках у нее было четверо детей. Ее домом была Африка, а не Англия.

Ее первым местом жительства в Великобритании стал шотландский дом родителей Дейвида. Дом этот был слишком мал, и там жили две незамужние сестры Дейвида, но основная проблема была не в этом. Родители Дейвида были людьми чопорными, строгими и привержены строгим правилам. Образ жизни Мэри и ее привычки слишком отличались от тех, к которым они привыкли. Джил пишет: «Нетрудно представить себе эффект, произведенный незнакомой невесткой с четырьмя детьми в возрасте до семи лет в набожной и расписанной до мелочей жизни шотландской семьи».

Когда Мэри приехала в Англию, ее физическое здоровье было серьезно подорвано, а вскоре выяснилось, что у нее серьезные проблемы и со здоровьем психическим. Она прожила в доме Ливингстонов меньше полугода, но и для них, и для нее это время, должно быть, показалось вечностью. Она ушла резко и неожиданно, заявив родителям мужа, что не хочет их больше видеть, не хочет, чтобы они распоряжались ее жизнью, и не хочет, чтобы они учили ее, как ей воспитывать ее детей. После этого она скиталась по Англии, ведя «кочевую жизнь», как это называет Джил. Она останавливалась то во временно арендуемых комнатах, то у старых друзей Дейвида, которых знала лишь по рассказам мужа. Для нее такое существование было унижительным, и далеко не всегда радостным для друзей Дейвида, которым она совершенно неожиданно стучалась в дверь.

Родители мужа потеряли с ней связь и не знали, стоит ли им пытаться разыскать ее. Отец Дейвида писал в директорат миссии: «Миссис Л. не пишет нам, а мы считаем, что она обязана это делать, и мы не хотим, чтобы

она знала, что мы пытаемся навести о ней справки. Все же мы очень любим детей... Их мать сочла нужным трижды запретить нам видаться с ними... Учитывая ее странное поведение, которое мы наблюдаем с самого ее приезда, мы приняли решение не поддерживать с ней отношений до тех пор, пока не станет очевидным, что она полностью изменилась». Мэри так с ними и не примирилась, а через год она решила, что делать ей в Англии больше нечего, остается только вернуться в Африку. Предполагалось, что Дейвид должен вскоре вернуться, и она хотела встретить его в Кейптауне. Но руководство миссии отказалось выделить деньги на поездку, а сама она была не в состоянии взять на себя такие расходы.

В жизни Мэри все обернулось против нее. Она снова тяжело болела, но на хорошее лечение у нее не было средств. Непонимание руководством миссии ее проблем ожесточило ее, и она стала распространять о миссии скандальные слухи. Она написала Дейвиду, умоляя его срочно вернуться, но не могла быть уверенной в том, что он получил ее послание. Мэри начала пить. И ее просьбы к миссии о материальной поддержке стали еще более отчаянными: «Будьте снисходительны. Я не пытаюсь обелить себя. Возможно, прежде я не была бережлива, расходуя деньги». Время тянулось. Предполагалось, что Дейвид вернется в Англию после двухгодичной экспедиции, но прошло два года, затем три... четыре. Первоначально он планировал пройти от центра Африки на запад к Атлантическому океану, но когда это ему удалось, он решил пойти на восток, вплоть до Индийского океана, следуя течению реки Замбези. Мэри все больше погружалась в отчаяние, а ее мужа заочно уже приветствовали как национального героя. Королевское географическое общество назвало его путешествие «величайшим триумфом географических исследований нашего времени». И когда наконец он в середине декабря 1856 года вернулся в Англию, ему устроили великолепный

прием. Последний раз они с Мэри виделись за четыре с половиной года до этого. Когда Мэри получила официальное уведомление о том, что ее муж прибудет через несколько недель, тучи в ее душе развеялись и от депрессии не осталось и следа.

Следующие шесть месяцев Дейвид и Мэри провели в Лондоне. Несмотря на то что большую часть времени Дейвид писал свою книгу «Миссионерские путешествия», Мэри начала вновь обретать психологическое равновесие. Это были счастливые времена для семьи Ливингстон. Дейвид писал, дети вертелись около него, мешая ему спокойно работать. Но по выходным они вместе с Мэри и сыновьями отправлялись на долгие прогулки по лесам.

«Миссионерские путешествия» были опубликованы той же осенью и сразу же стали бестселлером. Это утвердило за Ливингстоном статус общенациональной знаменитости. Вскоре за ним, помимо репутации ученого и путешественника, закрепилась еще и репутация святого. Он получил почетные научные степени в Оксфорде; ему было предложено стать членом Королевского общества. В Лондоне его непрерывно приглашали на банкеты, устраиваемые в его честь. Мэри обычно сопровождала его.

Иногда почести выпадали и на долю Мэри. Лорд Шефтсбери (который, несомненно, почти ничего о ней не знал) даже сказал, что она отличалась «редкой духовностью и мудростью» и что она дожидалась мужа в Англии «с кротостью и смирением». Мало кто знал, что пережила Мэри за все эти годы. Теперь она казалась идеальной женой, а Дейвид — идеальным мужем. Некий господин, у которого они гостили некоторое время, писал: «Доктор очень спортивен и любит шутки, а миссис Ливингстон поддерживает его в этом. Доктор и миссис Ливингстон очень привязаны друг к другу, и между ними царит полное взаимопонимание. В обществе они всегда сдержанны и спокойны. Ни он, ни она не пекутся о славе. Для доктора Ливингстона было большим испытанием

принять приглашение на торжественный банкет в его честь».

Дейвид говорил, что в роли светского льва он чувствует себя дискомфортно, и они с Мэри строили планы о возвращении в Африку. В официальных речах Дейвид всегда благодарил свою жену за то, что она простила его — ведь он пробыл в Африке четыре с половиной года вместо двух, как обещал. Он также говорил о том, насколько он будет нуждаться в ее помощи в следующей экспедиции. «Она знает несколько африканских языков, очень работоспособна, крайне вынослива... Я буду счастлив, если рядом со мной будет мой ангел-хранитель». Мэри тоже была счастлива поехать с ним. Во время этого визита в Англию Дейвид ужесточил свои официальные отношения с миссией. Директорат был склонен рассматривать его открытия скорее как светские, а отнюдь не миссионерские. Сам же Дейвид был уверен, что подобные экспедиции — единственная возможность открыть путь миссионерам вглубь Африки. Поэтому он принял от британского правительства полномочия консула и возглавил новую экспедицию в Центральную Африку, в район бассейна реки Замбези.

Дейвид сам подбирал себе команду, и, безусловно, предполагалось, что Мэри в нее войдет. После пятнадцати триумфальных месяцев в Англии он стал готовиться к отплытию обратно в Африку. Когда в феврале 1858 года они взошли на борт корабля, трое их детей остались на берегу, им нужно было учиться. Вместе с ними отправился только самый младший, которому не исполнилось еще и семи лет. Казалось, в жизни Дейвида и Мэри наступил медовый месяц, который они так долго откладывали. Но в море у Мэри началась морская болезнь. По крайней мере, так думал Дейвид. Вскоре они поняли, что дело было вовсе не в этом. Мэри снова была беременна. Худшего Мэри и представить себе не могла. Это означало, что им с Дейвидом снова предстояло расстаться. Это означало

возврат к ее прежним мучениям в Англии. Как только они прибыли в Африку, Мэри отправили в Курумун, где она должна была оставаться с родителями до рождения ребенка. Затем ей предстояло снова ехать в Англию, так как Мэри не могла и не хотела жить с матерью.

Дейвид писал: «Расставание было невыносимым. Мне словно вырывали сердце. Я совершенно не был готов к этому». В другой раз он написал, что, если бы его спросили, чего он хочет больше всего на свете, он бы ответил: «Остаться с женой наедине». Но он был наедине с Африкой, своей второй женой. Девочка, Анна Мэри, родилась в ноябре. Вскоре после этого Мэри вернулась в Англию к остальным детям. Ее отъезд из Курумана был значительно ускорен слухами, распространившимися среди миссионеров. «Муж просто не хочет с ней жить, вот в чем все дело». Все это очень способствовало возврату недавно пережитого тяжелейшего психического состояния. Эта разлука не стала легче предыдущей. Старшие дети были уже подростками, и Мэри было очень трудно с ними сладить. Она хотела, чтобы они уехали и присоединились к Дейvidу в экспедиции. Но это было невозможно. Она снова чувствовала себя в западне. У. Гарден Блэйки пишет: «Ее письма к мужу свидетельствовали о мраке, который царил в ее разуме». Она снова сильно запыла, и ее психическое состояние было крайне угнетенным и нестабильным.

Наконец в 1861 году от Дейвида пришло письмо, в котором он просил ее приехать к нему в Африку. Уговоров не потребовалось.

Младшую девочку она оставила у сестер Дейвида, старшие сыновья были в школе. Один из современников Мэри писал, что к этому времени она стала «крайне грубой и вульгарной женщиной», сильно страдавшей от избыточного веса. Ей было тогда сорок лет. Без Дейвида она была никем, с ним же она становилась королевой. Но у Дейвида были свои серьезные проблемы. Как

первооткрыватель-одиночка он добился огромных успехов, но лидерство в команде стало для него провалом. Члены экспедиции практически открыто взбунтовались против него. По прошествии четырех лет стало ясно, что его экспедиция в Замбези обернулась долгосрочным фиаско. Стало очевидно, что как лидер он полностью несостоятелен.

Ливингстон возлагал большие надежды на приезд Мэри. Пробираясь к устью Замбези, чтобы встретить корабль, на котором должна была прибыть Мэри, он столкнулся с целой чередой роковых случайностей, которые надолго задержали его в пути. «Все время опаздываю», — с грустью писал он в своем дневнике. Так же, должно быть, думала и Мэри, когда приехала к месту встречи, но Дейвида там не нашла. В ее тяжелейшем эмоциональном состоянии это стало для нее страшным ударом. Не найдя Ливингстона, капитан корабля решил направиться в Мозамбик, чтобы вернуться к устью Замбези неделей позже. Но корабль попал в шторм и вернулся только через три недели. К этому времени и Мэри, и Дейвид находились в состоянии сильного стресса. Наконец 1 февраля 1862 года капитан заметил маленькое судно, стоявшее на якоре недалеко от устья Замбези.

Несмотря на радость встречи после нескольких лет разлуки, между ними сразу же возникли проблемы. Мэри уже была не той женщиной, которую Дейвид знал прежде. Поначалу казалось, что все остается по-старому. Она все так же шутила и подбадривала его, когда у него опускались руки. Как-то раз после того, как они задорно обменялись остротами, Дейвид даже счел нужным заметить: «Нам, старикам, надо бы быть посдержаннее и не резвиться так»; он опасался, что со стороны такое поведение может выглядеть слишком уж странным. Но в поведении Мэри Дейвид различил нечто такое, что глубоко встревожило его. Она стала гораздо язвительней. Ее вера была надломлена. Прежде Мэри была очень приветливой, а

стала крайне неуживчивой. Дейвида беспокоили и другие вещи. Из-за опозданий им пришлось провести малярийный сезон в нижнем течении Замбези, районе, печально известном из-за этого заболевания. Мэри снова впала в депрессию. Дейвид пытался шутить, но ничто не помогало. Она оставалась все такой же мрачной. Через неделю у нее начался жар.

Один из членов экспедиции вспоминал: «Ее психическое состояние делало ее уязвимой для любого заболевания, а ее недавнее злоупотребление алкоголем и несдержанность в еде значительно подорвали ее здоровье». По словам Дейвида, она просто потеряла волю к жизни. Он делал все что мог для того, чтобы сбить температуру. Но даже большие дозы хинина не давали положительного результата. В ее разуме все смешалось, она бредила о детях. Дейвид сидел у нее в изголовье. Один из его друзей описывал его так: «Человек, видевший множество смертей и презиравший любые опасности, теперь был просто сломлен и плакал, как ребенок». Мэри дышала с большим трудом. Ее дыхание вскоре стало прерывистым. Он взял ее на руки. «Нашла ли ты покой в Иисусе?» — спросил он ее, отдавая себе отчет в том, что она, возможно, не понимала того, что он говорит. Через несколько часов она скончалась.

Несмотря на сильную слабость, Дейвид счел необходимым поискать ответа в ее личных вещах. Он хотел обнаружить что-нибудь, что дало бы ему повод перестать тревожиться о ее душе. В последнее время он слышал от нее лишь язвительные замечания и слова, свидетельствовавшие о безнадежности, которая ее переполняла. Когда она преодолевала депрессии, она шутила и смеялась. Но со времени ее прибытия в Африку он не наблюдал ничего, что говорило бы о ее духовной жизни. Тогда он обнаружил записанную ею молитву: «Прими меня, Господь, такой, как я есть. И сделай меня такой, как Ты хочешь». В одном из ее писем он

натолкнулся на такую фразу: «Пусть другие выпрашивают пенсии. Я несу свое служение в мире не ради этого. Я хочу вести себя так, как мне вздумается, и не променяю этой свободы и на сотню пенсий».

Мэри Моффат Ливингстон была похоронена в Шупанге, под огромным баобабом. Ей был всего сорок один год.

Дейвид очень тяжело переживал ее смерть. Вот что он писал в своем дневнике: «Это первый тяжелый удар в моей жизни... Я любил ее, когда женился на ней, и с годами любил все больше. О Мэри, Мэри. Как долго мы мечтали о тихом доме... Господь, конечно же, успокоил тебя, забрав в еще лучший дом». Двумя неделями позже он писал: «Впервые в жизни я хочу умереть». Он написал тестю с тещей и детям в Англию. «Она была прямым и откровенным человеком. Она никогда не искала интриг и, когда того требовали обстоятельства, она умела действовать энергично и решительно». — «Любые другие испытания, — писал он в другом письме, — я находил в себе силы преодолеть. Но теперь я чувствую себя поверженным и обессиленным. Я пытаюсь справиться с этим, как с несчастьем, определенным мне Господом... но есть вещи, о которых я буду сожалеть до самой моей смерти. Если бы только я поступал тогда иначе, а не так, как было в реальности!»

Миссис Моффат написала Дейвиду письмо, проникнутое сочувствием и пониманием. Она писала, что дочь ее нельзя было назвать «исполненной благочестием» (что звучало как весьма сдержанная формулировка), но далее она говорила, что «Господь знал, что в ее сердце не было скверны. И, хотя ее жизнь была очень трудной и бурной, Бог не позволил ей потерпеть крушение». Позже Дейвид высказался о ней несколько более объективно, как об «искренней, хотя и несколько разочаровавшейся христианке».

Дейвид не женился вновь. В течение еще одиннадцати лет он путешествовал по Африке, в основном в одиночку, в сопровождении лишь местных жителей. Но, как и жизнь Мэри, его жизнь была полна разочарований. Биограф Сивер пишет: «У всех создалось впечатление, будто все, на что он положил столько сил, обернулось провалом. Все это можно было сформулировать одним словом: разочарование. Ни в чем он не добился успеха. Он был плохим мужем. Он был плохим отцом. Он был плохим миссионером. Он потерпел неудачу как географ. Самую большую неудачу он потерпел как освободитель. Он был повинен в том, что его жена умерла так рано. Из-за него его дети остались сиротами». И в самом деле, ему не удалось положить конец работорговле, и он не смог основать в Африке постоянно действующие миссии. И он с горечью осознавал, что не смог добиться того, к чему стремился всю свою жизнь.

Все это так. И все же именно благодаря его усилиям Африка стала центром внимания миссионеров. И именно во многом благодаря ему сейчас Африка южнее Сахары обращается к христианству. Только теперь становится очевидным, что его усилия не были бесплодными.

Дейвид был очень целеустремленным человеком, способным на титанические усилия. В своей решимости он шел на все, не заботясь о том, что об этом подумают другие. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10:37). Ливингстон принимал эти слова всерьез. Мэри также могла добиваться очень многого, но только тогда, когда ее кто-то поддерживал. Ей нужно было чье-то одобрение. Ей нужно было место, где она могла бы быть самой собой, место, где она могла бы спокойно трудиться и быть полезной, не страдая от пересудов. Атак она чувствовала себя только рядом с Дейвидом.

Библиография

Blaikie, W. Garden. *The Personal Life of David Livingstone*. New York: Fleming H. Revell, 1890.

Campbell, R. J. *Livingstone*. New York: Dodd, Mead, 1930.

Jeal, Tim. *Livingstone*. New York: Putman's, 1973.

Northcott, Cecil. *Livingstone's Missionary Correspondence, 1841-1856*. Berkeley: University of California Press, 1961.

Schapera, I., ed. *David Livingstone: His Life and Letters*. New York: Harper and Row, 1957.

Союз двух людей, которые умеют прощать

Билли и Руфь Грэм

Все мы знаем Билли Грэма, не так ли? Об этом всемирно известном проповеднике написано столько, что, куда бы он ни приехал, его сразу узнают. Но каков Билли Грэм дома?

А Руфь Грэм? Что значит быть замужем за такой знаменитостью?

Вы знаете, что никакой брак нельзя назвать типичным. Будьте уверены, брака Билли Грэма это также касается в полной мере. Читая о нем, вы найдете много такого, что станет полезным для вашей собственной семьи.

Она выросла в миссии в Китае. Ее отец был пресвитерианцем, по профессии врачом. На ночь в ее семье было принято читать классику и вместе играть в разные игры.

Он вырос на молочной ферме в Северной Каролине. Его родители не очень-то много говорили о религии. Бейсбол его интересовал гораздо больше, чем уроки. И он, вероятно, был уверен в том, что Достоевский играет за команду «Краснокожих» из Цинциннати.

В ее семье женщины всегда открыто выражали свое мнение, а у него дома говорили мужчины, последнее слово всегда было за ними. Подростком она мечтала стать миссионером в каком-нибудь уединенном месте в Тибете. Он мечтал стоять на первом месте в старшей лиге, с порцией жевательного табака за щекой.

Девушка: Руфь Маккью Белл.

Юноша: Билли Фрэнк Грэм.

Билли и Руфь Грэм стали легендой. В течение трех десятилетий он был самым знаменитым человеком в Америке. Один из популярных журналов назвал доктора Грэма самым известным человеком в мире. Он проповедовал ста миллионам людей лично и гораздо большей аудитории по радио и телевидению. Он посещал президентов, премьер-министров, королей, не говоря уже о руководителях корпораций и финансовых магнатах. Все, что он пишет, с гарантией является бестселлером. Возможно, более двух миллионов человек обратились ко Христу в результате его личных усилий. Таков Билли Грэм.

Но, как заметил один обозреватель, «половина Билли — это Руфь». На что та ответила: «Ерунда!» И она опять сказала: «Ерунда», когда Билли заметил: «Небо — это нечто подобное браку с Руфь». Билли бывает весьма величественным. Руфь — гораздо практичнее его. Однажды, когда Билли прочитал проповедь о христианской семье, он (по своему обыкновению) спросил свою жену, что та об этом думает. Она ответила: «Это была хорошая проповедь во всем, кроме одного».

— И в чем же дело?

— В минутах.

— В чем?

— В минутах. Ты потратил одиннадцать минут на обязанности жены по отношению к мужу, и только семь на обязанности мужа по отношению к жене.

Такова Руфь. Она мыслит самостоятельно и независимо. Несмотря на баптистские убеждения Билли, она осталась убежденной пресвитерианкой. «В начале нашего брака, — вспоминает Руфь, — один очень мудрый человек сказал мне, что если двое людей во всем согласны, то один из них лишний».

Билли и Руфь Грэм не во всем были согласны. Она признает: «Жизнь в доме Билли Грэма — вовсе не непрерывное наслаждение». Руфь Грэм приходится не так-то уж и легко — ведь ее муж-проповедник уезжает из

дома иногда на несколько месяцев. Но сама она относится к этому так: «Хотя у нас и необычная семейная жизнь, но она очень интересная и наполненная событиями». Ключом к пониманию их счастья является любимая поговорка Руфь: «Счастливый брак — это союз двух людей, которые умеют прощать». Другой ключ — это чувство юмора, которым, безусловно, обладают и Билли, и Руфь. «Если вы не принимаете все слишком уж всерьез, — говорит Руфь, — споры могут стать источником веселья».

Билли и Руфь — очень непохожие люди. Билли вырос на ферме, а Руфь — в уединенной миссии в Китае, но она гораздо более хозяйственный человек, чем ее муж. То, что они всегда ценили сильные стороны друг в друге, а не выискивали слабости, за которые можно было бы покритиковать друг друга, стало залогом дружной и крепкой семьи. Но в первые годы брака им пришлось пойти на множество компромиссов.

Они познакомились, будучи студентами колледжа Уитон (Иллинойс), в 1940 году. Она училась на втором курсе, ей было тогда двадцать лет. Он только что поступил туда, но был почти на два года ее старше. С того времени когда он жил на ферме в Северной Каролине, он успел пройти уже немалый путь. В школе он обожал автогонки и девушек. В первом из этих увлечений он был просто одержим, а вот с девушками — скорее застенчив. Но когда ему исполнилось шестнадцать лет, на Билли сильное впечатление произвело личное обращение к нему одного из проповедников. «Я помню, что мне было очень тяжело осознавать, что я грешен перед Богом, и меня очень пугали ад и страшный суд». Вскоре он покался и предал свою жизнь Иисусу Христу. В те годы, что ему оставалось учиться в школе, он, по словам его тренера, «был интересной смесью святого и дьявола, с преобладанием святого». После окончания школы он записался в фундаменталистский колледж Боба Джонса. Там он продержался всего семестр. На ферме он привык к свободе,

а жесткое учебное расписание в колледже сильно угнетало его. Ему было трудно смириться с ограничениями, которые навязывала учеба в колледже. Кроме того, у него произошло несколько конфликтов с администрацией из-за того, что он нарушил распорядок. Тогда он записался в другое неаккредитованное учреждение, Библейский институт во Флориде. Именно там он начал проповедовать. Там начал формироваться и его характер. К концу первого года, проведенного им во Флориде, он был практически помолвлен. Но спустя четыре месяца его подруга заявила ему, что разрывает их отношения, поскольку она намерена выйти замуж за другого студента. Это был тяжелый удар. В письме он писал одному из своих друзей: «Все звезды упали с моего неба. Жить больше незачем. Мы расстались». Вскоре после этого он принял два важных решения. Во-первых, он решил быть в будущем поосторожнее с девушками и, во-вторых, понял, что не хочет заниматься светской карьерой. Он написал родителям: «Дорогие мама и папа. Я чувствую, что Бог призвал меня стать проповедником».

Когда ему исполнилось двадцать два, он отправился на север, в колледж Уитон, для того, чтобы пройти подготовку, необходимую для служения. Это был уже третий колледж, в котором он учился. Но его все равно заново зачислили только на первый курс. Жители Среднего Запада с трудом понимали северокаролинекий говор Билли, а сам он с огромным трудом адаптировался в тамошней сырой погоде. Иллинойс казался ему заграницей. Он даже подумывал бросить и этот колледж. Но прежде чем он успел задуматься об этом всерьез, он встретил брюнетку с карими глазами, приехавшую из Китая. Хотя он и показался Руфь немного странным, похоже, она полюбила его после первой же встречи. Даже то, как он взбегал вверх по ступенькам, приводило ее в восторг. Похоже, он всегда знал, куда ему нужно, и стремился попасть туда как можно быстрее.

Билли также был без ума от нее, несмотря на свою недавнюю решимость никогда не торопить события с девушками. После первого свидания он написал матери письмо, в котором говорил, что «невозможно представить себе более прекрасного и милого человека». А Руфь тем временем поднялась в свою комнату и «сказала Господу, что если бы для нее было можно провести остаток жизни, служа Ему вместе с Биллом, то это было бы самым большим для нее счастьем». Руфь Маккью Белл прожила к тому времени двадцать один год, и ее жизнь была полна событиями. Ее отец и мать поженились в Уэйнсборо, Вирджиния (всего в паре сотен миль от дома Билли Грэма), но доктор Нельсон Белл в 1916 году уехал вместе с женой, чтобы служить Богу в Северном Китае. Через четыре года там и родилась Руфь. Она была второй из трех дочерей в семье Белл.

В Китае тогда было очень беспокойно. Руфь вспоминает: «Не припоминаю ни одного случая, чтобы, ложась спать, мы не слышали выстрелов недалеко от нашего дома». Детям запрещалось выходить из миссии без сопровождения взрослых. В этом районе Китая похищения детей, грабежи и убийства были обычным явлением. Но несмотря на все это Руфь не была пугливой. «Думаю, главной заслугой матери было то, что мы, дети, никогда не замечали в ней страха, а потому и сами ничего не боялись». Это был дом образованных миссионеров, полный самых разнообразных книг, — от детективов до классики, — и в нем велись очень интересные библейские дискуссии. То, что изучение Библии может быть очень интересным, стало девизом Руфь.

Свое чувство юмора она, вероятно, унаследовала от отца. «Он мог найти повод для шутки в любой ситуации», — говорила Руфь. Она не помнит того времени, когда не любила бы Господа. «Мои самые ранние воспоминания связаны с чувством огромной благодарности Богу за то, что Он принес в жертву Своего Сына, который умер за

меня». Несмотря на такое воспитание, Руфь все время дралась со своей старшей сестрой, Розой. «Мы вступали в стычки на словах, а затем в ход шли и руки, и ноги. Когда родители уходили в клинику, прислуга собиралась вокруг нас, и все пытались угадать, кто на этот раз одержит верх». По вечерам у них в доме читали классику (Руфь больше всего любила Диккенса и Скотта), играли в слова или во флинтч. По воскресеньям родители устраивали викторины по Библии, и дети стремились как можно лучше знать Писание.

Мать Руфь всегда очень заботилась о том, чтобы дети выглядели хорошо. Частью философии матери было следующее утверждение: «Не заботиться о своей внешности — значит сопротивляться женской природе». Когда Руфь стала подростком, ее мать написала: «Руфь быстро растет, и она довольно-таки ветрена». Возможно, она и была ветреной. Но она также была и очень религиозной. Она говорила своей сестре, что хочет, «чтобы ее захватили бандиты и отрубили ей голову, чтобы она могла пострадать ради Иисуса». Когда она осмелилась молиться об этом, Роза отказалась сказать «аминь». Вместо этого она произнесла такую молитву: «Господь, не слушай ее». Когда Руфь узнала, какие беды обрушились на Тибет, она очень заинтересовалась этой экзотической страной и решила, что «призвана» стать миссионером в Тибете и не должна выходить замуж.

Начальное образование Руфь, Роза и еще трое детей получили дома. Родители наняли частного репетитора, мисс Люси Флетчер. Программу старших классов Руфь проходила в миссионерской школе в Корее, где «она блестяще сдавала все предметы, связанные с Библией, но в остальном никаких особенных успехов не добилась». Уехать из родительского дома было для нее тяжелым испытанием. Нелегко это было и для ее родителей. Ее отец говорил: «Для миссионера очень тяжело отсылать детей из дома, когда хочешь быть с ними рядом». Но в

восемнадцатилетнем возрасте Руфь отправилась в Соединенные Штаты, в колледж Уитон, где основной ее специальностью должны были стать библейские исследования, а дополнительной — искусство. Библия всегда была очень важна для Руфь. (Ее муж и сейчас считает, что она знает Библию лучше его.)

Руфь Уитон не показался достаточно духовным учебным заведением, и она хотела перевестись в Библейский институт Прэйри, в Канаде. Но отец строго ответил на ее просьбу: «Пока я оплачиваю счета за твою учебу, поезжай учиться туда, куда я тебя посылаю». И она осталась.

Билл (она никогда не называла его Билли) показался ей излишне серьезным. Ей нравилось, что он знает, чего хочет. Но Руфь казалось, что то, чего он добивается, не приносит ему никакой радости. «Каждое из наших свиданий происходило после какой-нибудь проповеди. У него не было времени ходить на бейсбол». Когда она впервые услышала, как он проповедует, то это не произвело на нее никакого впечатления. Руфь смущали его резкие жесты. Кроме того, у него был очень громкий голос. «Неужели я смогу высидеть всю проповедь до конца?» — спрашивала она себя.

Когда они были вместе, Билли вел себя сдержанно. Ведь совсем недавно во Флориде он пережил большое разочарование. Руфь восприняла его сдержанность как холодность и даже как безразличие. Кроме того, она знала, что однажды Билли уже был помолвлен и что он прежде назначал свидания многим другим девушкам. Она считала, что их встречи продлятся не более одного-двух месяцев. Как-то, наудачу открыв Библию, она попала на Книгу Притчей и прочла стих, который усугубил ее опасения. Стих звучал так: «Не имей дела с теми, кто переменчив». Но Руфь все же продолжала «иметь с ним дело». Самой большой угрозой их отношениям стало ее желание ехать миссионером в Тибет. Она поговорила об этом с Розой,

которая тоже училась в Уитоне. Но та ответила ей: «Ты думаешь, что Господь хочет привести тебя в Тибет, но возможно, что Он хотел привести тебя сюда, для того чтобы ты встретилась с Билли».

Но Руфь все еще не была в этом уверена. Она продолжала сомневаться даже после помолвки, которая состоялась летом 1941 года. Она пыталась уговорить Билли ехать вместе с ней в Тибет. Он обещал помолиться об этом и позже сказал, что «ничто не говорит ему о том, что это необходимо». Наконец Билли сформулировал так свое отношение к этим ее планам: «Если ты веришь, что нам с тобой помог встретиться Бог, и если ты веришь, что муж — глава своей жены, то просто следуй за мной». Но когда Руфь наконец убедилась в том, что Билли прав, у него самого начались сомнения. Отец Руфь был миссионером Южной пресвитерианской церкви, а Билли считал эту деноминацию либеральной. Как мог доктор Белл пребывать в воле Божьей и оставаться в подобной церкви? Руфь очень обидело то, что Билли ставит под сомнение духовный опыт ее отца. Помолвка снова оказалась на грани разрыва. (Спустя много лет Билли признавал, что именно благодаря Руфь и ее отцу его служение стало настолько сориентированным на церковь.) Руфь продолжали одолевать сомнения, но она все же дала согласие стать женой Билли. Он вспоминает: «Она сказала, что все еще не уверена, но чувствует, что на то есть воля Божья».

Билли и Руфь поженились в Монтрите, в пресвитерианском центре, расположенном в гористом районе Северной Каролины, в августе 1943 года, через два месяца после того, как Билли окончил колледж. Биограф Джон Поллок так отзывается о влиянии, которое Руфь оказала на Билли: «Руфь больше чем кто-либо другой расширила его кругозор. Ей не приходилось работать над его манерами, как жене Д. Л. Моуди, но она была человеком образованным, много путешествовала, любила литературу и искусство. Она не дала перерасти его

серьезности в театральную торжественность и не дала угаснуть в нем задорной юношеской искорке. Кроме того, Руфь и ее семья, где все были убежденными пресвитерианами, показали Билли Грэму, что вера, основанная на Писании, несколько по-разному толкуется в разных деноминациях и что истина лежит где-то посередине».

Другой биограф, Стэнли Хай, говорит: «Ее здравомыслие и хозяйственность не позволяют ему погружаться в меланхолию; ее искренность уберегла его от раздражительности, чрезмерной величавости и, что самое важное, от греха гордыни». Им обоим было нелегко привыкать к совместной жизни. Много лет спустя Билли говорил в интервью одному из журналов: «Это было трудное время, нам приходилось приспосабливаться к новому образу жизни и друг к другу». Руфь было нелегко после жизни в университетском городке, где она занималась литературой, искусством и исследованием Библии, начать жизнь, полную домашних забот. Она не очень хорошо готовила. Это не касалось, пожалуй, только китайских блюд, которые «готовятся с большим количеством чеснока, но Билли не любит чеснок». Кроме того, нужно было еще и мыть посуду. «Я не люблю мыть посуду. В этом занятии нет ничего творческого, не ощущается никакой перспективы», — говорит Руфь. Еще когда она училась в школе, кто-то подарил ей декоративную тарелку с надписью: «Славь Бога, молись и упорно трудись». Она повесила ее над раковиной, где эта тарелка висит и по сей день.

Конечно же, были и другие сложности. Она не могла привыкнуть к тому, что у Билли на столе все время царит беспорядок. Ей было сложно смириться сего привычкой вытереть руки, вешать полотенце на дверь. Но такие маленькие сложности есть в любом браке. Билли признается: «Наши семьи были такими разными, и вот оказалось, что мы в одной семье — нашей собственной.

Это было нелегко, и не только из-за разницы в характерах». Руфь, вспоминая о первых годах брака, говорит: «Счастливые браки никогда не получаются сами собой. Они всегда — результат упорного труда». И временами им приходилось весьма упорно трудиться. После медового месяца они вернулись в Уэстерн Спрингс (штат Иллинойс), западнее Чикаго, где Билли получил приглашение стать пастором местной баптистской церкви. Это стало большой проблемой. Во-первых, у Руфь не спросили ее мнения, а во-вторых, она была пресвитерианкой. Руфь очень не нравилось то, что Билли с ней даже и не посоветовался.

Поначалу Билли было трудно заставить себя советоваться с женой. Но позже, когда он сумел оценить трезвость ее суждений, это стало происходить как-то само собой. По прошествии пяти лет брака Билли не принимал ни одного значительного решения, не посоветовавшись с Руфь. Именно она предложила название для его радиопередачи: «Час решения». Именно она убедила его полностью отдаться делу проповеди. Именно она провела большую часть подготовительной работы для его книги «Мир с Богом», первой его книги, которая стала бестселлером. А когда была создана ассоциация проповедников Билли Грэма, Билли предложил ей стать одним из пяти членов совета директоров (и она приняла это предложение).

Но тот факт, что жена нового пастора была пресвитерианкой и отказывалась стать баптисткой, превратился в Уэстерн Спрингс в большую проблему. Не то чтобы она относилась к учению баптистов с неуважением. Она изучила Писание, но не нашла там подтверждения той мысли, что ей требуется принять крещение погружением. Положение исправилось, когда лидеры решили изменить название церкви. Теперь она называлась «Сельской церковью» и ее евангельская стратегия была направлена на более широкие слои населения. Помимо прочих преимуществ, это еще и

избавило Руфь от необходимости переходить в другую деноминацию.

В первые годы брака у Билли появилось множество новых друзей. Как раз тогда была основана организация «Молодежь за Христа», и Билли активно включился в работу этого движения. Из церкви Билли транслировалась новая радиопрограмма под названием «Песни в ночи», в которой выступал известный певец Джордж Беверли Ши. Руфь помогала писать сценарий для этой передачи. Билли всегда был полон множества новых идей и часто обсуждал эти идеи с другими служителями. Во время этих горячих дискуссий Руфь оставалась одна у себя в комнате. В первые годы их брака это также часто превращалось в проблему. Руфь очень не нравилось такое к ней отношение, о чем она и сказала мужу. Члены организации «Молодежь за Христа» начали активно работать по всей округе, вместе с тем распространялось и служение Билли. Он всегда любил путешествовать и никогда не упускал возможности рассказать людям о Христе. Но это означало, что он проводил три четверти всего времени вне дома. Для Руфь жизнь в городе-сателлите Чикаго вдали от семьи, в разлуке с мужем стала суровым испытанием.

Руфь Понимала, что ее мужу дан талант проповедника и что этот талант требует от него частых и долгих отлучек. Понимала она и то, что Билли было очень трудно отказаться, когда его приглашали куда-нибудь выступить с проповедью. И она ничего не могла с этим поделать. Не имея возможности повлиять на развитие событий в жизни Билли, она решила начать с себя самой. Она просто упаковала свои чемоданы и переехала в Северную Каролину, где жили ее родители, к тому времени уже вернувшиеся из Китая. «Я поняла, что так все и будет продолжаться, — объясняет она, — и что дома он уже практически не появится. Я думаю, что в случае, подобном нашему, семья — это дело Господа, но муж должен жить со своей женой там, где он знает, что она будет счастлива».

Живя с родителями, Руфь переживала свои личные сложности значительно легче. Человеку, который мечтал о жизни в далеком Тибете, одиночество казалось частью божественного плана.

Билли говорит: «И моей жене, и мне приходилось многим жертвовать, но у Руфь к этому особый дар». Она просто сжимает зубы и не замечает никакой боли — ни физической, ни душевной. Она так говорит о частых разлуках с Билли: «К этому привыкаешь. Стараешься быть занятым. В такой ситуации самое лучшее для обоих — стараться все время быть занятым». О своем желании отправиться миссионером в Тибет Руфь писала в «Женском домашнем журнале»: «Я полагаю, что Господь дал мне такое сильное стремление для того, чтобы я могла лучше понимать всю важность работы Билли. С самого начала я понимала, что в его жизни я не буду занимать самого важного места. На первом месте для него всегда будет Христос. Поняв и приняв это, я разрешила множество сложнейших проблем. Теперь, видя как он уходит, я не испытываю сожаления, а встречая его, я всегда испытываю радость». Но в те периоды, когда Билли и Руфь жили вместе, они очень много делали друг для друга и очень друг друга ценили.

С рождением детей (Вирджинии в 1945 году, Энн в 1948 году, Руфь, которую чаще называют Банни, в 1950 году, Уильяма Фрэнклина в 1952 году и Нельсона Эдмона в 1958 году) Руфь стало трудно часто сопровождать мужа в его поездках, даже тогда, когда, благодаря размаху его служения, они смогли позволить себе путешествовать всей семьей. Дедушка с бабушкой помогали в воспитании детей, и все же Руфь по многим причинам сожалела, что Билли нет рядом. Ей было нелегко добиться от детей послушания («я играла на них, как на ксилофоне», — вспоминает она). Кроме того, заботы, в которые она погрузилась, не давали пищи ее активному живому уму. «В вытирании мокрых носов, мытье грязных ботинок и уборке нет ничего, что

можно было бы назвать наслаждением для интеллекта. Но каждая мать просто обязана осознать, что на это место ее поставил Господь».

Занимаясь хозяйством в Монтрите (Северная Каролина), она управляла семейными финансами, плотничала (хотя и настаивает на том, что ее муж в состоянии забивать гвозди, если сам того вдруг возжелает) и даже распоряжалась постройкой их нового дома, когда прежний стал привлекать внимание слишком большого количества туристов. Дома Руфь всегда держит открытой Библию на особом рабочем столе. «Когда Билла нет дома, я всегда открываю Писание на Книге Притчей. Она оказывает гораздо больше реальной помощи, чем десятки книг по психологии». Вот несколько взятых из притчей принципов, на которых она строит дом и семью: «Забиться о счастье в доме прежде, нежели о благоустройстве... В дисциплине будь тверд и терпелив... Благочестие заключается и в поведении, а не только в вере».

В письмах Билли часто говорит: «Если бы ты была здесь, то я мог бы обсудить с тобой эту проповедь». Он всегда знал, что Руфь в состоянии дать его работе точную и справедливую оценку, и ему очень не хватало ее.

Во время долгих поездок Руфь старалась сопровождать мужа хотя бы в течение недели. Но она никогда не оставляла надолго своих детей. «Мать, подобно самому Господу, должна лично оказывать помощь тогда, когда в этом есть острая необходимость». Но Руфь все же поехала вместе с Билли, когда тот в 1945 году отправился в Великобританию. Это была вторая поездка Билли в эту страну, и он отказался от яркой униформы организации «Молодежь за Христа», которая отличалась яркими носками и галстуками. Опираясь на опыт предыдущей поездки, он попросил Руфь не пользоваться губной помадой, поскольку большинство верующих в Лондоне не красили губы. Руфь такая просьба не понравилась. В своем дневнике Руфь написала об этом так: «Билл перестал быть

служителем Божиим и решил стать мужем-занудой. Он приказал мне стереть с губ помаду. Мы сильно поспорили из-за этого, но в конце концов я подчинилась. Собирая чемоданы, он был очень занят, так что мне удалось незаметно накраситься заново». Позднее Руфь объяснила свой поступок так: «Мне не кажется, что стать бледной молю — значит сделать что-то важное для Христа».

Поездки по Великобритании 1954 и 1955 годов оказались исключительно успешным. В Уэмбли послушать американского проповедника собирались толпы народа от пятидесяти до восьмидесяти тысяч человек. И это — несмотря на непрерывно шедший тогда дождь. Но самым большим испытанием стали визиты к членам королевской семьи. Руфь написала домой: «Приходится выслушивать все их титулы и рассматривать все их драгоценности. А сама я при этом — в кофточке, сшитой собственными руками, у которой плохо работает молния».

После визита к королеве-матери Руфь описала все подробности: «В 11:45 наш потертый форд подъехал к воротам резиденции... В ожидании приема мы поговорили немного о гольфе и о последнем бое Марчано с Кокреллом. И вдруг неожиданно открылась дверь: „Ее величество королева-мать принимает доктора и миссис Грэм“... Королева-мать направилась в нашу сторону, протягивая мне руку. Я не знала, сделать ли мне реверанс, а потом пожать ее, или наоборот. Не помню, что я предпочла. Билл — беспощадное создание — говорит, что мой реверанс выглядел так, словно я споткнулась, зацепившись за складку на ковре».

Во время этого британского путешествия Руфь писала: «Я совершенно не годна для обращения душ». Но каждый вечер она беседовала с теми, кто приходил к ней с надеждой на спасение. Одним из тех, кому она свидетельствовала, был популярный киноактер Джон Уинмилл, который позднее вспоминал: «Я не знал тогда, что это Руфь Грэм. Но первое, что пришло мне в голову,

это то, что люди, подобные мне, уже давно обратились бы к христианству, если бы встретились с такими привлекательными христианами». Тем временем в Северной Каролине друзья собирали средства на постройку нового дома для семьи Грэм. Туристы переполняли двор их дома на Эссембли Драйв. Как-то Руфь была больна и лежала в постели. И тут она увидела, как чье-то лицо прижалось к окну ее спальни. Тогда Руфь занялась решением вопроса об их новом жилище. Биограф Джон Поллок пишет: «Она объездила все окрестности, скупая доски старых сараев и кирпич с заброшенных зданий для того, чтобы построить именно то, о чем она мечтала.

Дом выглядел так, будто был построен сотню лет назад. И даже ограда специально была подобрана так, чтобы соответствовать общему виду».

С 1955 года этот дом в горах служил Билли тихим пристанищем. Руфь называла это место «орлиным гнездом». Там им все время помогали верующие, доброжелательные люди — как по дому, так и с детьми. Каждый из них был дорог Грэмам, и каждый из них многое сделал для воспитания их детей. В доме было пятеро детей и множество домашних животных, поэтому Руфь называла дом «Ноевым ковчегом счастливого столпотворения». Но когда Бил уезжал, тот факт, что Руфь с детьми жили в удаленном гористом районе, отнюдь не облегчал ей жизнь. В молодости она часто отправлялась спать «с его старой заношенной спортивной курткой», так она по нему скучала. Помимо родителей, у нее не было почти никого, с кем она могла бы поделиться своими тревогами, и это усложняло ситуацию. Ее дочь Банни говорит: «Не знаю, можно ли сказать, что у мамы есть близкие друзья. Она не так-то полагается на друзей. Лучший ее друг — Господь».

Когда Билли Грэм стал национальной знаменитостью, президенты часто искали его благорасположения, его совета, а зачастую учитывали и его влияние на избирателей. Руфь всегда была против того, чтобы ее муж

вмешивался в политику. В 1964 году президент Линдон Джонсон пригласил их в Белый Дом. Во время обеда он спросил Билли, кто, по его мнению, мог бы стать хорошим вице-президентом на предстоящей избирательной кампании. Руфь под столом наступила мужу на ногу, напоминая тому, что о политике заговаривать не следует. Билли, который нередко не без удовольствия подшучивал над женой, спросил ее: «Зачем это ты наступила мне на ногу?» Руфь за словом в карман не полезла: «Тебе стоит давать советы только по духовным вопросам». Тема на некоторое время была снята. Но как только Руфь вместе с леди Бэрд вышла из зала, президент снова спросил Билла: «Ну, теперь, когда она ушла, скажите мне — что вы думаете по этому поводу».

Но вдали от огней рампы, визитов к президентам и королевским особам Билли и Руфь очень заботились о воспитании своих детей. Билли понимал, что у его детей создаются психологические проблемы из-за того, что он почти никогда не бывает дома. Но и при общении детям трудно было душевно сблизиться с ним из-за некоторой замкнутости его характера. Руфь молилась об этом, а затем попросила Билла доверить ей вопросы дисциплины, чтобы не откладывать решение серьезных проблем до его возвращения. Иначе со временем дети стали бы со страхом ждать возвращения отца. Постепенно ей удалось наладить в семье дружеские и теплые отношения.

Больше всего проблем было с их старшим сыном — четвертым ребенком в семье. «Он ввязывался во все мыслимые и немыслимые неприятности», — вспоминает Билли. Его образ жизни очень беспокоил родителей, но они старались не допускать разрыва отношений с ним. И со временем сын вернулся к Господу и стал принимать участие в христианском служении. Но, вспоминая тяжелые дни, Билли говорит: «Тогда мы обязательно обнимали друг друга при каждой встрече. Любовь нужно сохранять любой ценой. Потому что, пройдя через трудный период, наши

дети сохраняют ее в своих сердцах. Когда Фрэнклин сумел преодолеть свои сложности, нам не пришлось заново выстраивать наши отношения: они оставались неизменными».

Союз Билли и Руфь становился все более прочным с каждым годом. Их дочь Банни говорит, что ни разу не слышала, чтобы кто-то из них произнес резкое слово в адрес другого. Руфь замечает: «За все эти годы у нас просто не было возможности по-настоящему устать друг от друга. Думаю, что в этом все дело». Шутки и поддразнивания — часть их стиля общения, но в стиль общения также входит и обсуждение серьезных вопросов. Теперь, когда дети выросли, у Руфь появилось гораздо больше времени для чтения, рисования и шитья — всего того, что доставляет ей истинное наслаждение. Она прочитала книги Достоевского и Толстого, а также их биографии. Эти писатели — самые ее любимые. Они дают много пищи для размышлений. Кроме того, прочтя эти книги, Руфь стала во многом иначе относиться к истории.

Билли очень рад тому, что его жена — столь любознательный человек. Примеры, которые он приводит в своих проповедях, нередко берутся им из книг, которые прочитала его жена. «Вы знаете, Руфь — очень начитанный человек, — сказал он однажды, — кажется, она знает все обо всем». Немногие из мужей столь лестно отзываются о своих женах. Билли — человек очень вежливый и сдержанный, даже с Руфь, со временем стал несколько более раскрепощенным в плане выражения своих эмоций. «По какой-то причине, — говорит сестра Билли, — с возрастом он стал гораздо более открытым человеком». Это отмечают и другие члены его семьи. Один из них говорит: «Прежде, встречаясь со мной или с кем-нибудь другим из семьи, он просто протягивал руку. Но теперь он при встрече крепко обнимает каждого из нас». С возрастом Билли и Руфь стали относиться к здоровью друг друга с очень большим вниманием. Однажды,

возвратившись из поездки, Билли обнаружил, что Руфь устроила на заднем дворе маленький оздоровительный бассейн. Билли это показалось слишком экстравагантным. А Руфь просто сказала: «Это дешевле, чем похороны».

Оба они остаются очень активными людьми. В своей книге «Особые люди» Джули Никсон Айзенхауэр с изумлением вопрошает: «Много ли бабушек, которым уже шестой десяток лет, занимаются дельтапланеризмом?» Да, Руфь летает на дельтаплане, хотя она очень сильно ударилась при падении, когда в первый раз оттолкнулась от обрыва. В другой раз она взобралась на дерево для того, чтобы повесить качели для внуков, и, упав оттуда, получила такие тяжелые повреждения, что пришла в сознание лишь недель позже. Джули продолжает: «Многие ли бабушки берут черную кожаную куртку своего сына и разъезжают по окрестностям на грохочущем „Харли-Дейвидсон“?» Когда Руфь спрашивают об этом, она улыбается и говорит: «Нет хуже дурака, чем старый дурак».

Очевидно, что Руфь — не стандартная жена проповедника. В ее концепции брака жена не находится в непосредственном подчинении у мужа, это скорее треугольник, вершина которого — Бог, а муж и жена находятся у его основания. «У мужа, — говорит она, — есть право высшего авторитета, на нем лежат и особые обязанности. Но брак характеризуется скорее взаимным подчинением, чем подчинением жены мужу». Взгляды Билли на этот вопрос не вполне совпадают с точкой зрения Руфь. Цитируя Книгу Бытие: «...и он будет господствовать над тобою», — Билли говорит, что «ничего с тех пор не изменилось... Жене следует приспособливаться к тому миру, который создает ее муж». В семье Грэм просматриваются обе концепции. Руфь, несомненно, приспособлялась к миру, который создал ее муж, а не сопротивлялась. Но у Руфь такой характер, с которым не

считаться невозможно, поэтому в доме частенько имеет место взаимное подчинение.

Они пришли из двух разных миров. Они живут в двух разных мирах. Но вместе они создали нечто такое, что несет благословение тому миру, в котором живем мы все. Активная жизнь Билли выражается в работе с большими массами людей. Руфь говорит: «Мне не нравятся сцены». Она предпочитает книги, и часто у нее под рукой их четыре: «Одна, чтобы поддерживать меня. Одна, чтобы расслабиться. Одна для информации. А еще одна — для беседы». Руфь добавляет: «И я очень люблю природу. Я люблю пение птиц. Но больше всего я люблю слушать тишину». Однажды Руфь попросили поговорить с молодой женщиной о том, следует ли вступать в брак. Руфь сказала ей: «Не жди от мужа того, на что способен только Иисус. Не жди от него той заботы, радости, мира и любви, которую может дать тебе только Сам Бог».

Библиография

Eisenhower, Julie Nixon. *Special People*. New York: Simon and Schuster, 1979.

High, Stanley. *Billy Graham*. New York: McGraw-Hill, 1956.

Pollock, John. *Billy Graham*. New York: McGraw-Hill, 1966.

Pollock, John. *A Foreign Devil in China*. Grand Rapids: Zondervan, 1971.

С Богом я должен решиться на все

Джон Беньян и его две жены

Джон Беньян, английский баптист семнадцатого века, известен в основном благодаря своей классической аллегории «Путешествие пилигрима». Эта книга разошлась в таком количестве экземпляров, в каком не выходила ни одна из христианских книг за исключением Библии. «Путешествие пилигрима» было переведено на огромное количество языков. К сожалению, продолжение этой истории, повествующее о странствиях жены пилигрима, практически неизвестно широкой аудитории. Впрочем, этого и следовало ожидать. Ведь почти никто ничего не знает и о Элизабет Беньян. Жаль. Она оказала огромное влияние на автора «Пилигрима». А история их брака — увлекательнее любой из книг, написанных Беньяном.

В семейной жизни Джон Беньян был пилигримом. Странствий на его долю выпало немало. Его семейная жизнь — а он был женат дважды — не была похожа на небесный Иерусалим. Она началась в Болоте Отчаяния и временами скатывалась в Долину Унижения. Джон был одним из тех мужей, которых никогда нет дома. За первые тринадцать лет брака с Элизабет (его второй женой) он пробыл дома меньше двух лет. Большую часть времени он провел в тюрьме, а это не самое лучшее место для укрепления семейных уз. И все же этот брак был счастливым. Во всяком случае, гораздо более удачным, чем первый.

Неудивительно, что его первый брак был неудачен, поскольку в детстве ничто не говорило о том, что Джон чего-нибудь достигнет в жизни. Его отец был

лудильщиком и толкал свою грохочущую тележку по пыльным дорогам Бедфордшира, стуча в котелок у дверей состоятельных клиентов. Он был неграмотен и непрерывно сквернословил. Джон называл дом своего отца «самым нищим и презираемым во всей округе», что, возможно, было некоторым преувеличением. Это был небольшой домик с соломенной крышей в Элстоу, в миле к югу от Бедфорда. По-видимому, в школу в Бедфорде его отправила мать. Там он научился «читать и писать настолько, насколько это умели дети бедняков». Но вскоре отец велел ему учиться ремеслу лудильщика и помогать кормить семью. Джон говорил, что очень скоро он позабыл практически все, чему научился в школе.

Джон был очень активным ребенком, чем-то вроде Гека Финна. Он обожал физические упражнения и живо интересовался всем, что связано с природой. Его любознательность доставляла матери огромную радость. Но она умерла, когда Джону исполнилось пятнадцать лет. Ей было всего сорок. Для тонкого, чувствительного подростка это стало очень тяжелой утратой. Месяцем позже, вероятно от той же самой болезни, умерла и его сестра Маргарет. Всего на год младше Джона, она была его ближайшим другом и лучшим товарищем по играм. Не прошло и месяца, как его отец снова женился. У Джона, потрясенного смертью матери и сестры, это вызвало весьма негативную реакцию. Он старался не подавать виду, сквернословил, чтобы скрыть ото всех, что едва сдерживает слезы. И через три месяца, когда ему исполнилось шестнадцать, он пошел в армию.

Это было время гражданской войны в Англии, время армии парламента и ее восходящей звезды — Оливера Кромвеля. Джон Беньян никогда не говорил, на чьей стороне он воевал, и его биографы немало поспорили на эту тему. Но вероятнее всего, он был в армии парламента, поскольку Бедфордшир был настроен крайне антироялистски. (Двумя годами раньше они направили

королю петицию: «Велики несчастья, которые претерпевают Ваши подданные, но наши страхи еще более велики, чем наши несчастья».) Джон, несомненно, принял участие в нескольких перестрелках, хотя на всю жизнь запомнил именно ту, в которой не участвовал: «Я уже совсем собрался было выйти, как один из солдат изъявил желание подменить меня... Он отправился часовым на мое место и был убит пулей в голову». Позже Джон проникся убеждением, что его уберегло Божье провидение.

В 1647 году, после тридцати двух месяцев военной службы, он вернулся в Элстоу и стал учеником лудильщика. Жизнь в доме с мачехой казалась ему невыносимой, и он хотел выбраться оттуда. И самым лучшим выходом было жениться. О его первой жене известно очень немного. Она была не из местных жителей. Возможно, Джон познакомился с ней, еще будучи в армии, но еще более вероятно то, что они встретились, когда он странствовал из города в город, предлагая услуги лудильщика. Поскольку их старшая дочь была названа Мэри, биографы предполагают, что так же звали и ее мать. О Мэри мы твердо знаем только три вещи: она была так же бедна, как и Джон, если еще не беднее; ее отец был очень религиозен, и от него ей в наследство достались две религиозные книги; она была невероятно ворчлива. «Мы стали жить вместе, — вспоминал Джон, — будучи настолько бедными, насколько это вообще было мыслимо. У нас не было даже ложек и тарелок».

Незадолго до этого умер ее отец, перед которым она преклонялась. Должно быть, Джон искренне сочувствовал Мэри. Он знал, что такое горечь утраты. Возможно, именно это их и сблизило. Она нуждалась как в сострадании, так и в мужчине, на которого она могла бы опереться в жизни. В Джоне она нашла как то, так и другое. Джон, в свою очередь, нуждалась в ком-то, кого он мог бы жалеть, в птице с перебитым крылом, которая бы смотрела на него с надеждой. Женившись в девятнадцать

лет, он отчасти был маленьким мальчиком, отчасти подростком-бунтарем, а отчасти — взрослым мужчиной. Но очень скоро Мэри осознала, что ее покойный отец и Джон — очень разные люди. «Она часто говорила мне, сколь благочестив был ее отец и как он исправлял порок, как в своем доме, так и среди соседей; какой суровой и святой жизнью он жил и на словах, и на деле». Джон старался быть столь же благочестивым. Он прочел ей вслух — сама она читать не умела — те две религиозные книги, которые ей остались от отца: «Путь простого человека на небо» и «Практика благочестия». Стал Джон также и дисциплинированным прихожанином. «Я охотно принимал религиозные традиции того времени, то есть ходил в церковь дважды в день... и там пел и повторял молитвы вместе со всеми. И хорошо осознавал, что моя жизнь — греховна».

Его греховность состояла в сквернословии и в участии в спортивных состязаниях по воскресеньям. Ни то, ни другое его не беспокоило до тех пор, пока он не прочел в одной из книг своей жены, что сквернословие — «яркое выражение распутства», и пока священник не прочел в церкви проповедь о недопустимости развлечений в субботний день. В тот же день Джон отправился на игру в типкэт (одна из ранних разновидностей бейсбола). И когда до него дошла очередь выйти на поле с битой, «с неба в мою душу спустился глас, который говорил: „Оставишь ли ты свои грехи и взойдешь на небо, или вместе со своими грехами отправишься в ад?“» Джон остановился, взглянул на небо и увидел Иисуса, который строго смотрел на него. Сперва он был просто ошеломлен. Но затем решил, что менять свои пути уже слишком поздно, взял биту и отправился на поле. «Я решил не оставлять своих грехов... Я был бы проклят за малое количество грехов точно так же, как и за большое». Джон решил «оставаться в грехе, чтобы узнать, что есть грех и почувствовать всю его сладость».

Самой тяжелой греховной привычкой Джона было сквернословие, которое он перенял у своего отца. «Однажды я стоял у дома моего соседа и сквернословил самым жутким образом... За окном, внутри дома, сидела женщина. И хотя это была очень скверная и нечестивая женщина, услышав мою брань, она стала протестовать, поскольку не могла слушать все это». Джон вспоминал, что тогда он «повесил голову, захотел стать маленьким ребенком» и научиться говорить без скверных слов. Джон попытался изменить себя. Ему был тогда двадцать один год, и он только что стал отцом. Маленькая Мэри родилась незрячей. Джон сильно переживал из-за этого. Он снова стал относиться к жизни серьезно. Ему удалось очистить свою речь от брани. Он даже ощутил, что в нем произошли серьезные изменения. Это произвело большое впечатление на его соседей. «Мне нравилось, что обо мне говорят как о благочестивом человеке, — вспоминал Джон, — но я был всего лишь жалким лицемером».

Однажды, везя по улице тележку со своими лудильными принадлежностями, он увидел «трех или четырех бедных женщин, которые сидели и беседовали о Боге». Джон, гордившийся своим новым, благочестивым имиджем, решил поболтать с ними о своем новом хобби — религии. Но когда они стали говорить о новом рождении и о тех изменениях, которые совершил в их душах Господь, Джон просто не понял, о чем идет речь. Но он увидел в этих женщинах такое смирение, которым сам никогда не обладал. После этого он стал посещать собрания баптистов, куда ходили и его случайные собеседницы. «Я не мог оставаться в стороне, но чем больше я ходил туда, тем больше я ставил под сомнение свои достижения». Джон терзался. Он чувствовал, что перед ним — некое препятствие, которое он не может преодолеть. Он гадал, настал ли день благодати и для него, или же он не был среди избранных. Он не мог себе представить, что Бог любит его. Его греховность управляла всем его существом.

«Я сам себе казался гаже любой жабы... Я впал в глубокое отчаяние».

Пастор церкви, Джон Джиффорд, попытался ему помочь, но Джон был в очень тяжелом духовном состоянии. Временами он осознавал, что милость Бога огромна, но затем вновь впадал в депрессию. Как-то в воскресенье Джиффорд прочел проповедь на тему из книги Песни Песней: «Ты... любовь моя». Наутро Джон вспомнил стих о воронах на вспаханной земле. Затем у него снова разыгралась депрессия. «Я вновь утратил едва обретенное утешение. На меня навалилась тьма, в мою душу хлынули потоки проклятий, направленных против Бога, Христа и Писания. Я был в смятении». Джон думал, что он одержим дьяволом или безумием. Каждый раз, когда он начинал думать о Боге, ему на ум приходили богохульства. Пастор Джиффорд предложил ему прочесть комментарий Мартина Лютера к Посланию к Галатам. Начав чтение, Джон был просто поражен. Казалось, Лютер написал этот комментарий специально для него. «Это произвело чудесные изменения», — говорил Джон. Лютер также пережил огромные соблазны и боролся с богохульством.

Это стало поворотным пунктом в жизни Беньяна.

Он все еще колебался, но Писание, комментарий Лютера и терпеливое участие пастора Джиффорда стали приносить добрые плоды. «Наставления мистера Джиффорда весьма способствовали моему душевному равновесию», — писал Джон. Когда он бродил по улицам, занимаясь своим ремеслом, ему в голову приходили стихи из Библии. Иногда это были разрозненные строки, и, приходя домой, он не мог отыскать их в тексте. Но они давали ему пищу для размышлений. «Моей благодати да будет довольно для тебя... Я не брошу и не оставлю тебя... Приходящего ко мне Я не извергну вон».

Хотя его жена хорошо знала Библию, она не могла быть ему опорой в его духовной брани. Официальной

англиканской церкви было довольно для ее отца. Почему Джону этого недостаточно?

«Путешествие пилигрима» не случайно начинается с того, как Христианин говорит о проблемах в своей семье. В ответ его жена и родственники советуют ему лечь поспать, уверяя, что к утру его сомнения развеются. Скорее всего, то же самое происходило и в доме самого Беньяна. В «Путешествии пилигрима», когда Христианин продолжает говорить с семьей о своей духовной борьбе, «иногда они смеются над ним, иногда ворчат, а иногда просто не обращают внимания на него. Тогда он уединяется в своей комнате, чтобы молиться, сожалеть о них и чтобы переживать о своих собственных бедах. Он также часто уходит в одиночестве на прогулки по полям, иногда читает, иногда молится и так проводит свое время». Возможно, в этом также есть черты автобиографии.

Несомненно, Джон и Мэри не были безразличны друг другу. Но когда Джон проходил период духовных потрясений, что-то изменилось в их отношениях. Мэри просто не понимала, с какой стати Джону так терзаться. Кроме того, у нее хватало и собственных забот. Ее вторая беременность протекала очень тяжело, а дочь Мэри, родившаяся слепой, стала еще и хромать. Все это делало обстановку в доме очень нервной. Джон, которому было тогда двадцать четыре года, в течение двух лет остро переживал свою греховность. Каждое воскресенье он посещал баптистскую церковь в Бедфорде, тогда как его жена и дочь ходили в англиканскую церковь в Элстоу. Но вскоре проблемы Мэри стали так велики, что он больше не мог оставаться в стороне. Ее мучили сильные боли. Он даже опасался за ее жизнь. В книге «Изобильное милосердие» Джон пишет об этом так: «Приступы были очень сильными... словно она должна была вот-вот родить».

В то время Джон задавал себе вопрос, существует ли Бог, и если да, то не безразлично ли Ему то, через что

приходится проходить его семье? Его жена стонала от боли, и он произнес такую молитву: «Господь, если Ты захочешь избавить мою жену от этих страданий и дать ей успокоение на эту ночь, тогда я буду знать, что Тебе известны все тайны моего сердца». Как только слова этой молитвы пришли ему на ум, боли у Мэри прекратились и она крепко заснула. И вновь Джон убедился в том, что Бог существует и что сам он не безразличен Ему. «Тогда же, — пишет Джон, — я понял смысл выражения „наследники Бога“, понял настолько, насколько это вообще возможно, живя на этой земле». Постепенно он обретал душевное равновесие. К 1654 году, когда родилась их вторая дочь, Элизабет, Джон принял крещение в баптистской церкви в Бедфорде. Позже они всей семьей переехали в Бедфорд.

Почему в 1655 году Беньяны переехали из Элстоу в Бедфорд, в маленький дом на улице святого Кутберта, сказать трудно. Ремесло Джона приносило хороший доход, несмотря на то что в его душе происходили такие бури. В Бедфорде, безусловно, возможностей для заработка было гораздо больше, чем в Элстоу. Но переезд Джона был скорее обусловлен его духовными запросами. Несомненно, он надеялся, что если Мэри и Элизабет будут жить в Бедфорде, то проповеди Джиффорда окажут на них большое влияние. Кроме того, он сам проводил все больше времени в беседах с пастором Джиффордом, у которого было чему поучиться. Переезд сделал их встречи более регулярными. И наконец, к недоумению Джона, в церкви хотели, чтобы он принимал более активное участие в жизни прихода, в том числе — по возможности и проповедовал. Услышать проповедь лудильщика было людям в диковинку, и на эти собрания приходило множество народа.

Хотя Джон и был теперь проповедником, его по-прежнему одолевали искушения. Иногда посреди проповеди ему хотелось произнести какое-нибудь богохульство. Но, помимо духовных забот, у него было и

множество других. В те годы у него родилось двое сыновей — Джон и Томас. И, должно быть вскоре после рождения Томаса, его жена заболела и умерла. Ни точная дата, ни причина ее смерти нам неизвестны. Но поскольку мы знаем, что беременности она переносила очень тяжело, можно предположить, что причиной ее кончины стала инфекция, с которой не смог справиться ее ослабленный организм. Со смертью Мэри Джон оказался с четырьмя детьми на руках, начиная со слепой Мэри, которой было тогда восемь лет, и заканчивая почти новорожденным Томасом.

В приходе сделали все возможное, чтобы поддержать Джона в этой беде. Ему, несомненно, говорили о том, что он должен найти себе жену, не откладывая этого слишком надолго. Джон говорил, что он стеснителен с женщинами и что ему трудно даже «прикоснуться к женской руке». Джон никогда не скрывал своих грехов, но дерзкое отношение к противоположному полу не было одним из них. Одной из молодых прихожанок, помогавших Джону ухаживать за детьми, была Элизабет, сама еще подросток. Джона многое в ней привлекало: она была верующей, она хорошо ладила с его детьми и, несмотря на свой юный возраст, с удовольствием беседовала с ним о духовных вопросах.

Когда Джон женился на Элизабет, ей было всего шестнадцать или семнадцать лет. Самому Джону был тогда тридцать один год. Они поженились ближе к осени 1659 года.

Это был год великого потрясения: теперь все англичане были обязаны посещать англиканскую церковь. Не посещающие англиканскую церковь объявлялись вне закона. (Протестантов стали называть диссентерами, или нонконформистами.) Джон Беньян уже переживал бурные времена. В 1658 году умерла его жена, и в том же году умер Оливер Кромвель, лорд-протектор Англии. Кромвель сдерживал преследования нонконформистов, но его смерть означала конец духовной свободы для баптистов,

подобных Джону Беньяну. Итак, перспективы 1659 года не выглядели радужными. Англия готовилась к возвращению на престол короля из династии Стюартов, Карла II. А Стюарты относились к нонконформистам с особой нетерпимостью.

Но в 1659 году Элизабет стала самой большой отрадой для бедфордского лудильщика. Элизабет была молода, но не глупа. Она понимала, какие перспективы ждут жену лудильщика, становившегося все более известным в качестве баптистского проповедника. И она понимала, каков характер у человека, за которого она вышла замуж. Внешне он был вполне обычным человеком, зарабатывавшим на жизнь своими руками. Один из современников описывал его так: «Высокого роста, крепкий, не полный, глаза яркие, а лицо румяное. Усы носит так, как это было принято в Англии прежде. Волосы рыжеватые... нос прямой... рот не слишком большой». Но его никак нельзя было назвать обычным человеком, если говорить о его внутреннем мире. Временами Джон полностью уходил в себя. Он был очень чувствителен. Его разум мучили страхи и чувство вины. И он был проповедником, исповедовавшим религию, которая была объявлена вне закона.

Судя по всему, Элизабет прекрасно понимала, что ее мужа подолгу не будет в доме. В течение недели он ходил по окрестным селам и деревням с тяжелой наковальней на спине, собирая по домам горшки, миски и фонари, и при случае продавал подобные же вещи. Домой он приходил очень усталым. По выходным он проповедовал, хотя теперь было запрещено проповедовать собраниям, превышающим пять человек, если речь не шла о проповеди в англиканской церкви. Для Джона выходные были разгрузкой. Для Элизабет это означало оставаться дома с четырьмя приемными детьми в двухкомнатной лачуге, которую они называли своим домом.

Несмотря на все эти трудности, первый год их брака был очень счастливым. Джон был рад, что может разделить с женой свои духовные искания. Кроме того, она стала прекрасной матерью его детям. Но следующий год принес печали. Баптисты в Бедфорде потеряли своего священника и все имущество, которое теперь подлежало конфискации. Похоже, они потеряли бы гораздо больше, если бы судья Фрэнсис Уингэйт сумел бы этого добиться. (Похоже, судья Уингэйт потерял часть своего состояния во время правления Кромвелля, и теперь стремился мстить всем, кто симпатизировал Кромвеллю.) Джон отдавал себе отчет в том, что по воскресеньям за ним наблюдали. «Я знал, что это случится», — писал он.

12 ноября 1660 года Джона пригласили проповедовать в местечко Нижний Сэмселл, примерно в двенадцати милях от Бедфорда. Судья Уингэйт узнал об этом и послал людей арестовать Беньяна. «Я мог бы сбежать, — говорил Джон, — и уйти из его рук». Многие его друзья предлагали отложить собрание и хотели, чтобы Беньян скрылся до появления констебля. Для Джона такое решение оказалось очень непростым. Он убеждал собрания верующих быть стойкими даже во времена гонений. Если бы он сам сбежал, как трус, как повели бы себя другие христиане? Но Джон также понимал и то, что его заключение в тюрьму означало бы для Элизабет не только одиночество, но также и заботу о четверых детях и жизнь без средств к существованию. «Я был человеком, который обрушивает кровлю на голову своей жены и детей». Какое-то время он колебался, но потом сказал себе: «Я должен сделать это, я должен сделать это». И вот он вышел вперед перед маленькой общиной и начал молитвенное собрание. Но почти сразу же в помещение вошел констебль и арестовал его.

Джона отправили в тюрьму Бедфорда. Элизабет, которая была беременна, так потрясло происшедшее, что у нее случился выкидыш. Через год после свадьбы она

оказалась в положении вдовы с четырьмя приемными детьми. Тюремное заключение Джона должно было продлиться три месяца, после чего его должны были освободить, в том случае, если бы он дал согласие подчиниться закону, в противном случае к нему были бы применены более суровые меры. Джон боялся, что его повесят, но была возможна и депортация.

Элизабет приходила к нему с детьми каждый день. Рассказывают, что его слепая дочь каждый день приносила ему горшок супа. Джона мучили сомнения, он не знал, как ему поступить. Визиты Элизабет не делали принятие решения более легким. Каждый раз, когда за Элизабет запиралась тюремная дверь, Джон начинал терзаться с новой силой. Но как он мог перестать проповедовать?

Он писал: «Каждый раз, расставаясь со своей женой и несчастными детьми, я чувствовал себя так, будто с моих костей сдирают плоть... И все же с Богом я должен был решиться на все». По прошествии трех месяцев заключения Джон отказался прекратить проповедовать, и из тюрьмы его не выпустили. У него не было желания стать мучеником — семья слишком много для него значила, — но что ему оставалось делать? Он чувствовал, что призван проповедовать Слово Божье. Через несколько недель был коронован новый король, Карл II. Было объявлено, что в честь этого события на свободу выпустят сотни заключенных. Как только эти новости стали известны в Бедфорде, Элизабет решила отправиться в Лондон, просить за своего мужа лично. Она была еще совсем подростком и, вероятно, прежде не бывала в Лондоне. Но это ее не смущало. В Лондоне она подала прошение об освобождении своего мужа графу Бедфордскому. Тот поставил вопрос на рассмотрение в палате лордов, а та, в свою очередь, передала дело выездной сессии суда присяжных, которая должна была собраться в Бедфорде летом.

Должно быть, Элизабет с большим нетерпением ожидала возможности обратиться к суду. Она понятия не имела о порядке разбирательства, но слышала, что один из судей, Мэтью Хэйл, был известен своим терпимым отношением к нонконформистам. Поэтому она обратилась к нему. Тот ответил, что, по-видимому, не сможет ей помочь, но постарается что-нибудь предпринять. На следующий день она решила действовать иначе и подала свое прошение другому судье. Его ответ был холоден и прям: Джон Беньян был осужден за преступление и не может быть освобожден до тех пор, пока он упорствует в своем желании проповедовать. Каждая неудача усиливала отчаяние Элизабет. Она уже готова была сдаться, когда шериф уговорил ее попробовать еще раз. Судьи должны были собраться вновь, теперь уже вместе с представителями правосудия Бедфорда и лидерами местного дворянства. Это был последний шанс Элизабет.

Она вошла в собрание «с трепещущим сердцем», как сама позднее вспоминала. Сперва она обратилась к судье Хэйлу, который, как ей казалось, должен был отнестись к ней благосклонно. «Милорд, я дерзаю вновь обратиться к Вашей светлости, чтобы узнать, что может быть предпринято в отношении моего мужа». Хэйл ответил, что ничего не может сделать для Джона Беньяна. Она попыталась убедить его в том, что ее муж был осужден незаконно. Но необразованной домохозяйке нечего было и пытаться объяснять судьям, что законно, а что — нет. Элизабет рассказала о том, как ездила в Лондон и подала прошение члену палаты лордов и что он обещал ей, что ее просьба будет рассмотрена. Она умоляла судей заняться рассмотрением дела. Те поняли, что отделаться от нее будет не так-то просто. Один из судей спросил: «Прекратит ли ваш муж проповедовать, если будет освобожден?» Элизабет была замужем совсем недолгое время, но твердо знала, каким был бы ответ Джона. «Нет, — сказала она. — Нет, до тех пор, пока он обладает даром речи».

— Это означает, что он нарушитель спокойствия.

— О, нет. Он очень мирный человек, — тут же ответила она. — Он просто делает то, к чему он призван, чтобы кормить семью, — она помолчала некоторое время и начала говорить о своей семье. — Милорд, у меня четверо маленьких детей, и они беспомощны. Один из них, маленькая девочка, слепа. Нам не на что жить, кроме подаяния добрых людей.

— У вас четверо детей? — недоверчиво спросил один из судей. — Вы слишком молоды для того, чтобы иметь четверых детей.

Она объяснила судьям, что была детям приемной матерью. Затем она добавила: «Когда мой муж был арестован, я носила ребенка... Но ужасная новость так потрясла меня, что у меня начались роды, которые продолжались восемь дней. Но ребенок родился мертвым».

Это произвело на судей впечатление, и они стали снисходительными. Другие же начали говорить, что она пытается оказать давление на суд, говоря о своей бедности. Было высказано мнение, что Беньян зарабатывал больше как проповедник, нежели как лудильщик. Когда Элизабет услышала, что кто-то назвал профессию ее мужа, то сразу же использовала это. «Его презирают и ему отказывают в правосудии именно потому, что он бедный лудильщик». На это ей ничего не возразили. Судья снова подчеркнул, что если Джона освободят, то он снова сразу же начнет проповедовать. «Но он же проповедует Слово Божье», — ответила Элизабет. «Слово Божье?» — прогремел один из судей и взглянул на нее так, словно вот-вот ударит ее. Элизабет отступила шаг назад и сказала, что судьям следовало бы вызвать на заседание ее мужа, чтобы он мог ответить за себя сам. «Он лучше вам все расскажет. Возможно, я многое забыла».

Все это время Элизабет очень хорошо держалась, но в конце концов расплакалась. Она говорила: «Я плакала вовсе не потому, что они были так жестоки ко мне и к

моему мужу, а от грусти. Ведь всем этим людям придется ответить перед Господом за все, что они сделали». Она медленно вышла из зала заседаний. Все ее усилия оказались бесплодными. Но для ее мужа они имели огромное значение, и впоследствии он никогда не забывал того, что она для него сделала.

Последующие двенадцать лет Джон практически полностью провел в тюрьме. Биограф Ола Уинслоу пишет: «Самым жестоким в этом приговоре было то, что семья Джона Беньяна осталась без средств к существованию. Баптистская община Бедфорда содержала семью Беньяна из чувства религиозного долга, но приход был бедным, а благотворительность — очень ненадежный источник доходов. Должно быть, для Элизабет это были очень тяжелые времена». В тюрьме Джон изготавливал шнуры для ботинок, чтобы хоть как-то поддержать семью, но доход это приносило ничтожный. Он также проповедовал заключенным и написал десять книг, включая автобиографию «Изобильное милосердие, изливающееся на главного грешника». Джон был освобожден в 1672 году после указа Карла II о веротерпимости, и стал пастором местной церкви. Ему было тогда сорок три года, а Элизабет около тридцати. Он снова занялся лудильным ремеслом «из-за временных материальных затруднений», но его все больше и больше ценили именно как проповедника. Его в шутку называли «епископом Беньяном», а его принципиальность сделала его национальным героем в Средней Англии.

Но через четыре года его проповеди снова стали для него источником неприятностей. Он был заключен под стражу еще на шесть месяцев. Но как много он успел сделать за это время! Он написал тогда большую часть «Путешествия пилигрима», книги, которая была опубликована через два года и прославила его теперь уже на всю страну. Две части этого удивительного произведения показывают, как высоко Беньян стал ценить

женщин и брачные узы. В своих ранних произведениях Джон почти не упоминал о своем браке и о своих детях, но позднее эти темы стали фигурировать в его творчестве значительно чаще.

Ранние работы Джона, в том числе первая часть «Путешествия пилигрима», сосредоточивают свое внимание на мужчинах. В первой части Христианин покидает свою жену и своих детей. Женщины, фигурирующие в повествовании, — лишь случайные персонажи. Хотя во многих местах ощущается прекрасное чувство юмора, первая часть «Путешествия» довольно-таки мрачна и полна таких мест, как Замок Сомнения, Великая Безнадежность, Долина Унижения и Аполлиона, Болото Отчаяния. Но во второй части в путешествии к Небесному Городу отправляется жена Христианина, в это «приветливое путешествие». Долину Тьмы героиня преодолевает в дневное время.

Теперь центром повествования становится Христиана, списанная с Элизабет. «Христиана — это не женщина из мечты, — пишет Моника Фэрлонг, — в нее веришь». Она сражается с чудовищными великанами. Она встречается с такими интересными персонажами, как миссис Моргунья, миссис Умница и мадам Пузырь. Часть первая — одинокое путешествие. Часть вторая — семейная прогулка. По сравнению с первой частью она может показаться банальной, но она изящна и написана с юмором. Часть первая повествует о духовных борениях самого Джона и отвечает на вопрос: «Что нужно сделать для того, чтобы спастись?» Часть вторая повествует о твердости характера Элизабет, о ее обаянии и нежности. В ней содержится ответ на вопрос: «Как я, христианин, должен вести себя?» Временами во второй части ощущается игривость, почти фривольность, хотя путешествие Христианы описано с той же серьезностью, что и путешествие ее мужа. Во второй части, когда Джон пишет о женщинах, текст несет отпечаток утонченности, словно в

сознании Джона женщины ассоциируются с утонченностью.

Возможно, в том, что Джон с симпатией относился к женщинам, нет ничего странного. Бедные женщины в Бедфорде, которые вовлекли его в разговор о духовности, сыграли большую роль в его обращении. А когда он нес пасторское служение, женщины играли большую роль в церковной общине. В юности в его жизни огромное место занимали мать и сестра, а во время тюремного заключения его поддерживала мысль об Элизабет. Джон учил, что «жена должна подчиняться мужу, но не должна быть его рабой. Она под одним ярмом с ним, она его плоть и кровь... Муж, если его жена верующая, должен так любить ее, чтобы их брак проповедовал о браке Христа с Его Церковью».

Брак Джона был очень удачным. Удачным было и его служение в неконформистской конгрегации. Как пастор бедфордской церкви, Джон проповедовал по всей Средней Англии (и даже в Лондоне) и стал свидетелем быстрого роста баптистских общин. Рассказывали, что когда он приезжал в Лондон, то, едва это становилось известным, послушать его собиралось огромное количество народа.

Но когда в 1685 году умер Карл II и на престол взошел его брат Иаков II, неконформисты пережили еще один период террора. Вновь всех неангликанцев хватали и сажали в тюрьмы, и баптисты очень заботились о том, чтобы места их собраний хранились в тайне. Собrania переносились на новое место каждые несколько недель. В округе выставлялись посты, которые предупреждали о приближающейся опасности. Гимны больше не пели, поскольку пение привлекало внимание соседей. Собrania проводились в основном в вечернее время. Тогда казалось, что Джону не избежать нового тюремного заключения. Поэтому Джон передал все права на собственность «своей возлюбленной жене Элизабет». Чтобы сбить с толку преследователей, во время путешествий Джон

переодевался кучером и ходил с хлыстом в руках. Однажды его остановил констебль и спросил, не знает ли он «этого черта Беньяна». Джон ответил: «Я-то? Да, вы бы назвали его чертом, если бы прежде знали его так, как я».

Но преследования при Иакове не были продолжительными. После 1688 года — года смерти Беньяна — новые правители, Вильгельм III и его супруга Мария II сделали все, что было в их силах, чтобы прекратить гонения. Если бы Джон прожил дольше, ему бы уже не пришлось бояться тюрьмы. Когда Джону было уже почти шестьдесят лет, один молодой человек попросил его помирить его с отцом. Эти люди жили в Рединге. Памятуя о своих собственных сложностях с отцом, Джон сел на лошадь и отправился на помощь молодому человеку. Но на обратном пути он попал в сильный ливень и простудился. У него начался жар, и через несколько дней он умер. Элизабет, унаследовавшая все имущество Джона (которое было оценено всего в сорок два фунта), умерла менее чем через три года. Ей было всего сорок шесть лет.

Трудно оценить то влияние, которое оказала на Джона Элизабет. Но несомненно, она сыграла значительную роль в формировании личности своего мужа. Когда Джону было двадцать лет, он не обладал сильным характером. Как пишет один биограф, Мэри (его первая жена) была гораздо более волевым человеком, потому что «Джон тогда еще не определился в жизни». Его «поведение в быту было под строгим надзором, и, к своему унижению, он обнаружил что то, чем восхищались в Элстоу, в глазах его жены оказалось дешевым и презренным». Апостол Павел говорит о законе как о «детоводителе», который приводит нас ко Христу. Мэри стала для Джона законом, но именно Элизабет помогла ему сформироваться как личности в благодати Божьей.

Писательский стиль Джона также серьезно менялся под влиянием Элизабет. Сначала он проповедовал «против грехов людей и их ужасного духовного состояния». Но со

времени женитьбы на Элизабет он изменил направленность своей проповеди, «поскольку Господь занял прочное место» в его душе и «дал ей успокоение через Христа», и он «открыл для себя благословение Его благодати». Незадолго до свадьбы он опубликовал сочинение, озаглавленное «Вздохи из ада, или проповедь проклятой души». А его первая после встречи с Элизабет проповедь была посвящена Рим.6:14: «...ибо вы не под законом, но под благодатию». Конечно же, Бог многое изменил в сердце Джона Беньяна и без помощи Элизабет, но она появилась в жизни Джона на удивление вовремя. Джон нашел в ней поддержку, которой ему так не хватало прежде.

Когда Джону было двадцать, в его внутреннем мире не было порядка. Безусловно, он был замкнут и очень чувствителен. Но к пятидесяти, шестидесяти годам он стал уравновешенным человеком, обаятельным и с прекрасным чувством юмора. И многие люди искали его совета. Об Элизабет известно слишком немного. Но несомненно одно: когда Джон ее встретил, в его жизни заиграла небесная музыка, и ничто уже не могло заставить смолкнуть ее, даже двенадцать лет тюрьмы.

Библиография

Bunyan, John. *Grace Abounding to the Chief of Sinners*. London: J. M. Dent, 1930. Many other editions in print.

Coats, R. H. *John Bunyan*. London: Student Christian Movement, 1927.

Day, Richard Ellsworth. *So Pilgrim Rang the Bells*. Grand Rapids: Zondervan, 1955. Froude, James Antony. *Bunyan*. New York: Harper and Brothers, 1880.

Furlong, Monica. *Puritan's Progress*. New York: Coward, McCann, and Geoghegan, 1975.

Harrison, G. B. *John Bunyan*. New York: Doubleday, Foran, 1928.

Loane, Marcus L. *Makers of Religious Freedom*. Grand Rapids: Eerdmans, 1961. Winslow, Ola E. *John Bunyan*. New York: Macmillan, 1961.

Похожие, но такие разные

— Ты любишь шоколадное печенье?

— Просто обожаю.

— И я тоже. А как насчет йогурта?

— Терпеть не могу.

— И я тоже.

Такие разговоры—обычное дело в пору ухаживаний, когда юноши и девушки стараются выяснить, совпадают ли их вкусы и как это отразится на их будущем браке. Иногда обсуждения бывают и более серьезными: «Тебе нравится классическая музыка?», «Ты любишь путешествовать?» И, наконец, главное: «Ты любишь детей?»

После такой разведки пары решают, стоит ли им продолжать отношения. Ведь если у людей нет ничего общего, то их брак, в лучшем случае, будет очень скучным, но, скорее всего, он будет полон раздоров. Очень часто молодые люди обнаруживают, что лишь немного из того, что их объединяло в период романтических ухаживаний, остается значимым для обоих и в дальнейшем. Интерес к «Битлз» или Элвису Пресли может объединять людей, когда они назначают друг другу свидания, но уже через пять лет, когда дети плачут и требуют внимания, «Битлз» не имеют никакого значения. Но как бы много общего ни было у двоих людей, всегда остается масса различий. Иногда эти различия придают браку изюминку, а иногда порождают проблемы.

Взгляните на Фрэнсиса и Эдит Шеффер, присмотритесь к двум музыкантам — Иоганну и Магдалене Бах, прочитайте главу о Джонатане и Саре Эдвардс, сравните упрямого Адонирама и независимую Энн Джадсон. Какие они разные! Поэтому-то их браки и стали такими удачными. Как различия могут стать источником вдохновения, а не причиной сложностей? Как они могут объединить людей, и при этом не лишить их самостоятельности, независимости и сохранить все сильные стороны и таланты? Четыре главы этого раздела помогут Вам понять это.

Содружество идущих вместе

Фрэнсис и Эдит Шеффер

Они родились на разных концах мира, но неожиданно их пути пересеклись, когда однажды в воскресенье он и она стали возражать молодому человеку, который произносил речь на тему: «Откуда я знаю, что Иисус не Сын Бога».

Фрэнсис и Эдит Шеффер были удивительной парой. В этом нет никаких сомнений. И каждый из них дополнял другого. Их жизнь была полна сюрпризов. Ни один из них не считал себя великим проповедником, но по всему миру они привели к Христу множество людей. Фрэнсис никогда не мог похвалиться своими успехами в учебе, но сегодня его называют одним из величайших умов двадцатого века. Ни один из них не считал себя великим писателем, но те тридцать книг, которые они написали, были распроданы миллионными тиражами. Несомненно, Шефферы оставили заметный след в истории второй половины двадцатого столетия. Большую часть сознательной жизни они провели в маленьком швейцарском селении, которое вы не найдете на большинстве карт. Но Лябри стал известен христианам всего мира, и туда приезжают молодые люди самого различного происхождения, имеющие самое разное образование.

До пятидесятилетнего возраста Шефферы были известны только христианам своего маленького прихода. Но с 1964 года по 1984 год (в этом году Фрэнсис умер от рака) Шефферы стали оказывать самое серьезное влияние на евангельских христиан всего мира.

Эти двое замечательных людей во многом отличались друг от друга. Фрэнсис был из рабочей семьи, жившей в Филадельфии. Книги были в их доме редкостью, и Фрэнсис намеревался зарабатывать на жизнь тяжелым трудом, как и его отец. Эдит родилась в Китае, в семье миссионеров. Ее отец был выпускником семинарии и находил удовольствие в исследованиях по древнееврейскому и древнегреческому языкам, равно как и в премудростях китайского. Но во многом они были и похожи. Оба они не боялись открыто высказывать свои мнения и спорить. Такое сходство характеров разрушило множество браков.

Почему же брак Шефферов стал счастливым? Как получилось, что этот союз сделал полнее и богаче и их собственные жизни, и окружающий мир?

Эдит Севиль было семнадцать лет, она только что окончила школу, и ее уже интересовали юноши. Когда она узнала, что один очень симпатичный молодой человек посещает христианские молодежные собрания по воскресным вечерам, она тоже решила туда ходить. Позже она выяснила, что молодой человек и не думал там появляться, что произошла ошибка, но к тому времени у нее появились друзья и она уже привыкла к этим встречам. Эдит нуждалась в друзьях. Ее семья переехала в Филадельфию из Торонто всего за несколько месяцев до этого, а в старших классах школы она чувствовала себя аутсайдером. У нее были определенные психологические проблемы. Она с трудом воспринимала окружающую действительность. «Я чувствовала, что все мои слова и поступки невероятно искусственны, — вспоминала она, — будто бы я участвовала в какой-нибудь пьесе, а не была самой собой».

Фрэнсис Шеффер как раз только что окончил первый курс колледжа. Ему было тогда двадцать лет. Он начал посещать церковь уже много лет назад, но только потому, что при ней была организована группа бойскаутов, а вовсе не из-за большой тяги к Евангелию. Фрэнсис стал

христианином в возрасте восемнадцати лет, но церковь не сыграла в этом заметной роли. И в то воскресенье на молодежном собрании он решил, что в зале не было ни одного возрожденного христианина, кроме него. Выступал перед собравшимися бывший член церкви, ныне унитарист. Тема была такая: «Откуда я знаю, что Иисус не Сын Бога, и откуда я знаю, что Библия не Слово Божье».

Когда он закончил свое выступление, Эдит первой вызвалась ответить ему, решив, что, она одна из всех присутствующих могла встать на защиту христианства. Не успела она заговорить, как услышала голос юноши, которого прежде никогда не видела. Эдит села и шепотом спросила сидевшую рядом девушку: «Кто это такой?» Та хорошо знала всех в церкви и сразу же ответила: «Да это же Фрэн Шеффер». Когда Фрэн закончил свою речь, Эдит снова встала и выступила в защиту Библии. Теперь уже Фрэн шептал на ухо своему соседу: «А это что еще за девчонка?»

После собрания Фрэн не стал терять времени даром и решил познакомиться с ней поближе. «Могу я проводить вас домой?» — спросил он ее. «Извините, — ответила она, — но сегодня у меня уже назначено свидание». «Отмените его», — просто сказал Фрэн. Она так и сделала. Так началась история их любви.

Двое молодых верующих получили совершенно разное воспитание. Эдит родилась в 1914 году в семье китайских миссионеров. Через пять лет семья Севиль прибыла в Америку в отпуск, но вернуться им так и не разрешили из-за их слабого здоровья. Отец Эдит, Жорж Севиль, стал пастором, а затем помощником редактора журнала Китайской внутренней миссии. К тому времени, когда Эдит в 1931 году приехала в Филадельфию, чтобы закончить последний класс школы, она пять лет прожила в Китае, два года в Калифорнии, год в Пенсильвании, семь лет в Нью-Йорке и два года в Канаде. Она и в самом деле много путешествовала и многое повидала. Но кроме того,

Эдит была очень начитанна и тверда в христианской вере. Она никогда не боялась спорить со своими учителями, хотя прекрасно сознавала, что ее духовность существует гораздо более на словах, чем на деле.

Фрэн родился в 1912 году. Он был единственным ребенком в семье Фрэнка и Бесси Шеффер, рабочих, которые мало интересовались книгами, религией и жизнью вне Филадельфии. Фрэн собирался идти по стопам отца, и потому в школе проходил такие спецкурсы, как черчение и работа на фрезерном станке. После уроков он вместе с отцом насыпал гравием дорожки, клал кирпичи, чинил водосточные трубы, месил цемент, забивал гвозди и прокладывал электрические кабели. По выходным и в летние каникулы он подрабатывал то продажей рыбы, то на мясном рынке, или чинил паровые котлы. Трудно было себе представить, что в будущем этот человек станет интеллектуалом или что он станет мужем Эдит Севиль. Поскольку его родителям было все равно, в какую церковь он ходит, Фрэн выбрал ту, в которой была группа бойскаутов. Однако поворотный момент в жизни Фрэна наступил не тогда, когда он начал ходить в церковь, а когда его попросили (Фрэну было тогда девятнадцать лет) помочь одному русскому графу выучить английский язык. Чтобы подобрать какую-нибудь книгу для чтения, которую было бы легко освоить начинающему, Фрэн отправился в книжный магазин. Но по ошибке ему дали книгу по греческой философии. Обнаружив ошибку, он не пошел сдавать книгу сразу, а начал ее читать. И это чтение весьма его увлекло. Фрэн начал задавать себе вопросы о смысле жизни. Размышляя на эти серьезнейшие темы, он стал подумывать о том, чтобы покинуть церковь, поскольку «не находил там ответов». Но прежде чем осуществить это свое намерение, Фрэн решил прочесть также и Библию, наряду с трудами греческих философов. Читая Библию, он удивился тому, что находил в ней ответы на многие из

своих вопросов. «Книга Бытие прогремела в моем сознании, подобно колоколу», — вспоминал он позднее.

Несколькими неделями позже Фрэн «принял Христа как своего Спасителя, придя к этому под непосредственным влиянием Слова Божьего». Однажды, в один из вечеров следующего лета, после окончания школы, он отправился на молитвенное собрание. В тот вечер он написал в своем дневнике: «Решил посвятить всю свою жизнь без остатка Иисусу Христу». Поначалу это вовсе не означало для него перспективы стать священником или проповедником. Он намеревался, как того хотели и его родители, поступать в Институт Дрекслея и изучать инженерное дело. Но когда ему исполнилось девятнадцать, Фрэн бросил технические спецкурсы в школе и стал готовиться к тому, чтобы стать пастором. Родителям такая перемена его намерений пришлась не по душе. Отец, всю жизнь занимавшийся тяжелым физическим трудом, считал, что все священники — лодыри. В дневнике Фрэна читаем: «Мама и папа все еще относятся к моему плану неодобрительно». И на следующий день: «Очень тревожусь, что мои родители меня не поддержат в том, чему я хочу посвятить всю мою жизнь».

Но все же, несмотря на протесты родителей, той осенью он уехал в колледж Хэмпден-Сидни в Вирджинии. Утром, перед его отъездом, отец сказал Фрэнгу: «Мне не нужен сын-священник». Фрэн, единственный ребенок в семье, был очень привязан к обоим родителям. Он сомневался, стоит ли ему упорствовать в своем решении. Фрэн попросил отца дать ему несколько минут на размышление, спустился в подвал и еще раз помолился об этом. После молитвы он подбросил монетку. Медленно поднимаясь по ступеням, он с трудом подбирая слова для разговора с отцом. Он просто сказал ему: «Папа, мне нужно ехать».

В июне следующего года, в самом начале летних каникул, он встретился с Эдит. Все лето Фрэн занимался

продажей шелковых чулок, но больше всего он, конечно же, был занят своими отношениями с этой девушкой. Лето было горячим. Дневник Фрэна говорит о прогулках в Атлантик-Сити, посещениях концертов и художественных музеев. Там упоминается даже о том, как он играл в теннис с ее отцом.

Когда Фрэн отправился обратно в Вирджинию, Эдит поступила в колледж Бивер неподалеку от Филадельфии. Она мечтала об учебе в Париже, но реально ее семья могла оплатить лишь колледж, который располагался всего в нескольких милях от их дома. В колледже Фрэн не только занимался подготовкой к служению, вел уроки в воскресной школе и тренировался в команде бегунов с препятствиями, но и писал письма в Филадельфию.

Сначала они с Эдит писали друг другу один раз в неделю, но вскоре стали писать ежедневно. После Рождества Фрэна начали мучить сомнения. Он не был уверен в том, что поступает правильно. Эдит вспоминает: «Он решил, что слишком сильно влюблен в меня». Фрэн думал, что, возможно, Бог призовет его туда, куда женщина не сможет за ним последовать.

В канун Нового года они расстались, пообещав молиться друг за друга. Однако их разлука продлилась всего два часа. Затем Фрэн позвонил Эдит и сказал: «Как только мы расстались, я почувствовал себя несчастным». В тот же вечер она пообещала ему, что будет ждать его два с половиной года, пока он не окончит колледж. После этого они смогут пожениться.

Их переписка возобновилась. В письмах она обычно обращалась к нему «Франц», а подписывалась «Эд». Иногда она начинала свои письма так: «Ну, как там у тебя дела, старина?» А он писал ей: «Моя драгоценная, прекрасная возлюбленная». Их письма были романтическими, но часто они обсуждали также и духовные вопросы. Эдит, например, писала ему: «Дорогой, я люблю тебя. Я посещаю занятия в библейской группе и только что

участвовала в интересном споре о творении». А Фрэн писал ей в ответ: «Только сильный, но в то же время душевно тонкий христианин способен жить истинно христианской жизнью». И далее: «Только добросердечие, но также и твердая решимость стоять на принципах веры может привести человека к Христу».

Через два с половиной года они поженились. Церемонию провел отец Эдит. До последней минуты было неизвестно, приедет ли на свадьбу хотя бы мать Фрэнсиса. Она была категорически против этого брака. Медовый месяц молодые провели в мансарде, отправившись на библейскую конференцию в Мичиган.

В этой комнатке «было две койки, уже которых никогда прежде мы не видели», и два тоненьких матраса. Новобрачные постелили два матраса на одну койку, «чтобы она была хоть немного мягче». Эдит вспоминала, что спали они ужасно, «приходилось одной рукой опираться об пол, чтобы не свалиться».

На обратном пути в Филадельфию, где Фрэн должен был поступать в семинарию, Эдит вела машину и врезалась в другой автомобиль. У Фрэна сдали нервы, и он отчитал жену за то, что она садится за руль, не имея понятия о вождении. «Раз ты так считаешь, — ответила Эдит, — то я никогда больше за руль не сяду». И она ни разу в жизни не изменила своего решения и никогда больше не водила автомобиль. Так, едва выйдя замуж, Эдит поняла, что Фрэн довольно-таки вспыльчив. А Фрэн понял, что Эдит — человек очень принципиальный и волевой.

Следующие три года, с 1935-го по 1938-й, Фрэн учился в семинарии. Эдит купила швейную машинку, шила платья и изготавливала на продажу красивые кожаные пояса и пуговицы. Человеком она была весьма бережливым и составляла такое меню, которое обходилось им не больше пяти долларов в неделю. С огромным трудом она училась угадывать, хочет ли Фрэн, чтобы она с ним поговорила, или же, наоборот, — ему нужно было, чтобы

она помолчала. В семинарии древнееврейский стал для Фрэна таким тяжким испытанием, что Эдит порой казалось, будто она превратилась в древнееврейскую словарную карточку. «Не разговаривай, — часто довольно резко говорил ей Фрэн, — разве ты не видишь, что я занят древнееврейским? Когда я закончу семинарию, у нас будет масса времени для разговоров».

Это время было очень трудным для Эдит; она была человеком творческим и нуждалась в общении гораздо в большей степени, чем Фрэн. Но, несмотря на его древнееврейские словарные карточки, они находили время и для разговоров. А поговорить им было о чем. Оба они боролись каждый со своими проблемами. Так, например, Эдит тяжело переносила критику в свой адрес за то, как она молилась. Ей часто говорили: «Бог знает о твоих проблемах гораздо больше, чем ты думаешь». А Фрэна беспокоили раздоры среди христиан, которые спорили по самым незначительным аспектам учения. В результате пропадала любовь и братское отношение друг к другу. Из-за всех этих сложностей они и решили переехать в другую семинарию. Степень Фрэн получил в Богословской семинарии «Вера», а затем остановился в городе Уилмингтон, штат Делавэр.

Фрэна пригласили в церковь Гроув-Сити, Пенсильвания. И хотя там было всего-навсего семнадцать прихожан, молодые супруги, у которых уже была маленькая дочь, приняли это приглашение с радостью.

Как жена пастора, Эдит научилась молиться за мужа, когда тот проповедовал. Она сохранила эту традицию на всю свою жизнь, — «даже если между нами перед этим происходили стычки», — вспоминала она. Эдит научилась «забывать все личное» и «слушать то, о чем идет речь», и радоваться, что и сам Фрэн слышит это точно так же, как и она сама. В Гроув-Сити Фрэн и Эдит много работали с детьми. Хотя при церкви и не было школы, а на богослужение приходило всего восемнадцать человек,

семьдесят девять мальчиков и девочек пришли в их библейскую школу, которая была открыта в летнее время. Через три года церковь начали посещать уже сто десять человек, и для прихода выделили новое здание. Открылась воскресная школа, началось активное молодежное служение.

После трех лет в Гроув-Сити и двух лет в Честере, где Фрэн нес служение в качестве одного из пасторов большой церкви, он получил приглашение из Сент-Луиса. Все эти переезды Эдит переносила гораздо более тяжело, чем ее муж. Как пастор, он видел блестящие перспективы. Как молодая мать, она страдала из-за того, что едва она успевала познакомиться с людьми поближе, как они с мужем вновь перебирались на новое жительство. Начиная с пятилетнего возраста, когда ее родители покинули Китай, жизнь Эдит превратилась в один сплошной переезд. Она мечтала о месте, где можно было бы прочно обосноваться. Она также волновалась и за детей. Когда из Сент-Луиса пришло новое приглашение, Сюзан было всего полтора года, а Присцилле — пять лет. Фрэн считал, что ехать в Сент-Луис — его долг, а вот Эдит вовсе не была в этом уверена. В своей книге «Гобелен» Эдит рассказывает о том, как она «вставала на колени около старого кресла и зарывала лицо в подушку, на которой потом оставались мокрые следы слез. «Господи, я даже не знаю, как молиться... но как нам узнать, что мы не ошибаемся? И что будет со всеми этими людьми?» Но наконец, в больничной палате, куда она попала после того как прямо у нее перед лицом взорвался паровой утюг, Эдит признала, что причиной нежелания ехать в Сент-Луис было просто ее упрямство. На Эдит этот случай произвел неизгладимое впечатление. «Общение между Небесным Отцом и Его детьми имеет разные формы... Далеко не всегда это положительный ответ на молитву, которому другие могут только лишь позавидовать».

В Сент-Луисе Шефферы снова очень много работали с детьми. Эта работа включала в себя библейские курсы на дому, курсы со свободным графиком, летнюю библейскую школу, а также летние лагеря. (Кроме преподавания, Эдит также занималась изготовлением плакатов и других рекламных материалов, в которых освещалось служение ее мужа.) Эта работа позднее вылилась в движение «Дети за Христа». Впоследствии эта программа стала известна среди всех пресвитерианских деноминаций и даже в Американском совете церквей. Вскоре Фрэн стал членом большого количества комитетов, что требовало от него частых поездок. Несмотря на их огромную деятельность, которая порой становилась прямо-таки лихорадочной (за целый месяц у Фрэна бывал свободным лишь один-единственный вечер), они почувствовали, что им очень важно хотя бы изредка оставаться наедине. В своей книге «Гобелен» Эдит пишет об этом так:

«Наши вечера вдвоем начинались в полночь, а иногда и в час ночи, смотря по тому, когда он приходил домой. Я готовила какие-нибудь особые бутерброды и молочные коктейли; летом мы сидели на открытом воздухе, во дворике, засаженном кустами, а зимой — дома, у камина. Эти ужины были в нашей жизни тем отрезком времени, который имел самое большое значение, ведь именно тогда у нас была возможность поговорить о том, что нас волновало больше всего. Для укрепления взаимоотношений это имеет огромное значение; непременно нужно уделять такому общению какое-то определенное время».

Эдит говорила, что если у них и есть какой-то особый секрет счастливой жизни, то он заключается именно в этом.

В Сент-Луисе выходным днем Фрэна был понедельник, и они с Эдит брали детей и шли в художественный музей или в парк, на пикник. Шефферы старались сделать для своих детей эти выходные

особенными днями. Но Фрэн и Эдит еще и не подозревали, что их ждет в будущем. Фрэнгу казалось, что Господь хочет, чтобы он продолжал свое богословское образование, и был намерен отправиться в Эдинбург (Шотландия), для того чтобы получить докторскую степень. Другой перспективой была миссионерская работа. У себя в спальне Шефферы сделали на стене коллаж, который составили фотографии из Азии. И поперек него Эдит написала: «Идите до самого края земли». Они надеялись на руководство Бога.

В 1947 году Независимый совет зарубежных пресвитерианских миссий обратился к тридцатипятилетнему Фрэнсису Шефферу с предложением произвести инспекцию евангелизационной деятельности в Европе. Его просили составить отчет о работе европейских церквей и выяснить, чем могли бы помочь в этом деле христиане Америки. Наибольшее внимание требовалось уделить молодежному и детскому служению, а в этом Шефферы разбирались прекрасно.

Тем летом Фрэн проехал через тридцать семь стран и провел около ста восьмидесяти встреч. Он был расстроен недостатком стремления к евангелизационной работе и не слишком большим доверием к Писанию, но все же было и небольшое количество церквей, в которых верующие высоко ставили авторитет Библии и стремились отстаивать истину. Это была очень тяжелая поездка. Вернулся он в Соединенные Штаты практически без сил.

Фрэн пребывал в тяжелом состоянии не только от перенесенной физической нагрузки. Он был измотан и эмоционально. В «Гобелене» Эдит пишет: «Эти девяносто дней просто сокрушили Фрэна. Ему было тогда очень тяжело... То, что мы физически оказались разлученными, и то, что мы в тот период не имели возможности регулярно общаться, стало для него очень тяжелым испытанием». Эдит считала, что руководство миссии, как и члены многих христианских организаций, «не принимают в расчет факта,

о котором в Библии сказано достаточно ясно: что интимные отношения, физическое единение являются важной частью человеческой жизни, не менее важной для здоровья и хорошего самочувствия, чем диета».

Фрэн был на грани нервного срыва. Прибыв в Сент-Луис, он отменил все встречи и даже отказался подходить к телефону. Он поклялся больше никогда не отправляться в дальние поездки. Когда руководство миссии пригласило его в Филадельфию для выступления с отчетом о его трехмесячной инспекции, Фрэн готов был сказать, что просто не в состоянии ехать. Но Эдит решила ехать с ним и заверила мужа, что обо всем позаботится сама.

Они отправились в Филадельфию вдвоем, и он выступил там с отчетом. После конференции руководство решило, что кого-то необходимо послать в Европу для работы на постоянной основе. Кто же был подходящей кандидатурой? «Принято единогласное решение, что единственными подходящими кандидатами являетесь Вы с Эдит». Фрэн был в очень тяжелом эмоциональном и физическом состоянии, а Эдит очень привыкла к Сент-Луису, поэтому принять это предложение им было весьма нелегко. Но они просили Господа о водительстве, а руководство миссии считало, что принять это назначение было просто необходимо. Преодолев свои колебания, они все же согласились ехать. (Позже Эдит писала: «Я поражаюсь тому, сколько в моей жизни было ситуаций, когда я просто полагалась на Господа и отправлялась в неизвестность».)

Кроме нескольких заранее спланированных встреч в Амстердаме, Фрэн и Эдит имели очень расплывчатые представления о том, куда они отправятся и чем станут заниматься. У Фрэна было несколько идей о том, как помочь пасторам научиться доверять Библии. У него были также возможности для проповеди. А вместе с Эдит они собирались организовать работу с детьми. Но было и еще кое-что: Фрэн намеревался писать пасторам письма, и ему

требовался секретарь, умеющий стенографировать и печатать на машинке и делающий эту работу безвозмездно. Этим требованиям отвечала только Эдит, поэтому она записалась в школу секретарей для того, чтобы овладеть стенографией. И вот в 1948 году Фрэн, Эдит и трое их детей переплыли Атлантику, остановились сначала в Амстердаме, где Фрэн организовал несколько совещаний Международного совета христианских церквей, а затем отправились в Лозанну (Швейцария), которую они избрали базой для своей дальнейшей деятельности.

Фрэн выглядел немного мрачным, но еще тяжелее приходилось Эдит. На ней лежала ответственность за счастье в двух маленьких комнатах. В детской, где стояло три кровати, совсем не было места для игр. А в комнате родителей была и спальня, и кабинет Фрэ-на, и воскресная школа, а по выходным дням и молитвенный дом. Церковь, в которой нес служение Фрэн, была столь мала, что его даже не слишком расстроило то, что в ней почти не было прихожан. Вначале богослужение посещали вообще исключительно только Эдит с детьми, и больше никого не было. Но Фрэн отнесся к своим обязанностям с большой ответственностью: он подготовил для своей семьи серию проповедей и произнес их так, словно перед ним сидело большое количество прихожан.

В ту зиму все три девочки заболели гриппом, а две из них еще и пневмонией. Учитель предложил на следующее лето отвезти их в швейцарские Альпы, чтобы там они могли поправить свое здоровье. И Фрэну, и Эдит идея эта очень понравилась. Они собирались провести в Альпах два месяца, но когда лето закончилось, девочки стали просить их остаться: «А почему бы нам не жить здесь?» И вся семья провела в швейцарских Альпах следующие тридцать два года. У них были далеко идущие планы. Но все, что они знали, так это только то, что Бог даровал им маленький домик в швейцарском стиле, в котором они могли спокойно жить. Фрэн продолжал путешествовать по

Европе, он устраивал встречи с пасторами и богословами и обсуждал с ними вопросы Международного совета христианских церквей. Часто его сопровождала и Эдит вместе с девочками. Она рассказывала об их особом служении — «Дети за Христа». Но швейцарский особнячок был домом, в который они неизменно возвращались.

Неподалеку от дома располагалась школа для девочек, и раз в неделю Шефферы открывали свои двери для ее учениц. Они пили чай и беседовали. Эдит открыла курсы кулинарии. И Фрэн, и Эдит очень нравилось общаться с молодежью. Фрэн обладал редкой способностью объединять множество фактов из самых разных отраслей знания и объяснить их с точки зрения Библии. Но, несмотря на развитие этого служения, Фрэнсис и Эдит были недовольны тем, как у них шли дела. Европейские церкви оставались мертвыми и холодными. Континент находился под влиянием секуляризма и экзистенциализма. Фрэн испытывал разочарование и от многого из того, что происходило в Международном совете христианских церквей. Разочарован он был и сам в себе. Однажды он сказал Эдит: «Я чувствую себя раздробленным... Мне не хватает связи с реальностью... Я разочарован в народе Божьем и в себе самом».

Единственное, что еще могло как-то помочь, — это кардинальный пересмотр всей христианской доктрины. «Неужели это так? Теперь мне снова необходимо вернуться к моему прежнему агностицизму и начать все с начала».

Именно так он и сделал. Фрэн отправился на сеновал; он ходил там взад и вперед и разговаривал сам с собой и с Богом, пытаясь нащупать дорогу к реальности. Эдит признавалась, что ее очень тревожило то, что происходило тогда с ее тридцатидевятилетним мужем. Она не знала, как ему можно помочь и стоило ли ей вообще вмешиваться. Это была его собственная духовная борьба, и любое вмешательство не принесло бы доброго плода.

Но постепенно Фрэн утвердился в вере и пришел к убеждению, что Библия истинна и что правда Божья отражается во всех аспектах человеческой жизни. Он уже больше не разговаривал с Богом про себя на своем сеновале, он пел песни славы. Он понимал, что истина была жизненно важна для христианства и что Слово Божье было основным источником этой истины. Но его удивляло, что те же самые христиане, которые просто отстаивают истинность Писания, не осознают важности молитвы и отделяют себя от Духа Святого. Он начинал тогда видеть: то, что открывает для себя сам христианин в своей духовной практике, не менее важно, чем объективные истины веры. Подобно многим великим христианским мыслителям прошлого, он осознал, что мысли и дела должны идти рука об руку в стремлении в святости.

В жизни Фрэнсиса Шеффера начинался новый период. Пока Фрэн размышлял у себя на сеновале, Эдит также сделала несколько духовных открытий. «Я не знала, как помочь мужу, и просто стала записывать мои молитвы так, как если бы кто-нибудь стал писать записки, чтобы привлечь внимание другого человека к некоему обстоятельству, не имея возможности объяснить все лично. Для меня это стало новым средством общения». В это критическое время молитвенная жизнь Эдит пошатнулась. Тогда она приняла решение верить и вести себя так, «будто это имело огромное значение для всей истории, словно она получила прямое указание молиться по любому поводу, при всякой возможности и всем сердцем». Она также решила не читать утром газет, пока не прочтет отрывок из Библии, не помолится и не напишет свое личное послание к Богу.

Эти события, которые свидетельствуют о серьезных духовных испытаниях, относятся к концу 1951 года и началу 1952-го. Они пока не видели, какими могут оказаться последствия их исканий для их служения. Но, спустя несколько недель, в феврале 1952 года, к ним в дом

стали приходить молодые люди, часть из которых были друзьями их дочерей, и беседовать на волновавшие их духовные темы. Это было пока скромное начало того огромного потока, который хлынул к ним позже, и это было началом служения нового типа. В том году Эдит родила своего четвертого ребенка (и первого мальчика), Фрэнсиса Аугуста Шеффера V. Двумя годами раньше у нее случился выкидыш, потому эта беременность стала предметом особенных забот.

Затем для Шефферов настало время вернуться в Соединенные Штаты, в отпуск. Фрэн согласился прочесть курс богословия в богословской семинарии «Вера» в Филадельфии. Такое назначение позволило ему определиться с жильем и быть относительно свободным для встреч и проповедей.

Фрэн много молился о том, где ему остановиться во время отпуска, а когда его дядя Гаррисон предоставил ему свою лодочную станцию в Филадельфии, Фрэн стал славить Бога за ответ на его молитвы. Однако когда они прибыли в Филадельфию и увидели это жилье, Эдит пришла в ужас. Она вспоминала: «Жить в таком маленьком помещении в течение шестнадцати месяцев с четырьмя детьми... это было невообразимо. Но как могла я жаловаться или хотя бы даже вздыхать по этому поводу? Ведь Фрэн считал, что этот дом — одно из самых ярких свидетельств в его жизни. Свидетельств того, что Бог отвечает на его молитвы». Фрэн благодарил Бога за Его поддержку, а Эдит молилась о долготерпении. «Нам не дано обетование, что молитва избавляет нас от всех трудностей земной жизни», — говорила Эдит.

Трудностей хватало и у Фрэна. Он был озабочен тем, что в его собственной деноминации было столь мало свидетельств присутствия Духа Святого, а теперь он столкнулся с резкой критикой со стороны тех, кого прежде считал близкими друзьями. Он видел стремление к библейской истине, но не видел стремления к братской

любви, и открыто говорил об этом. За восемнадцать месяцев, проведенных им в Америке, Фрэн выступил триста сорок шесть раз, и особенно настойчиво говорил об освящении. Позже его речи были собраны в отдельную книгу под заглавием «Истинная одухотворенность».

Деноминация была на грани раскола. Конфликт между Фрэном и лидерами деноминации приобретал все более серьезные формы. Многие обвиняли Фрэна в попытке пробиться в лидеры. Иногда Фрэн и Эдит даже задумывались о возвращении в Европу. Было похоже на то, что у них нет больше взаимопонимания не только с лидерами деноминации, но и с лидерами их миссии. Если бы они вернулись в Европу без их благословения — что бы им тогда оставалось делать?

С другой стороны, оставаться в Соединенных Штатах означало все глубже и глубже увязать в разгоравшемся конфликте. «Мы не знали, что будет с нашей работой, — писала Эдит позже, — но мы стали молиться, и поодиночке, и вместе... Мы жили, не зная, что ждет нас в будущем». Главным источником неуверенности были финансы. У них не было денег для того, чтобы вернуться в Европу. Фрэн экономил на всем, и семья молилась о том, чтобы они могли получить откуда-нибудь материальную поддержку. «Это станет хорошей возможностью узнать, чего хочет от нас Господь, — говорил Фрэн. — Если Он хочет, чтобы мы уехали, Он снабдит нас деньгами». Одна из их дочерей нарисовала градусник и прикрепила рисунок к холодильнику. Каждый раз, когда приходили деньги, она продлевала нарисованную ртуть на несколько градусов вверх. Незадолго до последнего срока отправки они получили последний чек, и температура повысилась до нужного предела. Они вернулись в Швейцарию.

Но ответ на их молитвы не решил всех проблем Шефферов. В течение последующих нескольких месяцев беды сыпались на них одна за другой: маленький Фрэнки

заболел полиомиелитом; руководство миссии стало активно призывать церкви не поддаваться влиянию Шефферов. Этот вал почти поглотил их. И в заключение швейцарское правительство приказало им покинуть страну, поскольку они «оказывали нежелательное религиозное воздействие на жителей селения Шампери». «Что же нам делать, — спрашивала Эдит, — почему это случилось с нами? Не следовали ли мы воле Божьей, когда возвращались в Швейцарию?»

Проблем становилось все больше и больше. Как только Господь давал им средство преодолеть одну трудность, так они оказывались перед лицом еще большей проблемы. «Раз за разом люди помогали нам, — вспоминает Эдит, — но за каждым обнадеживающим известием приходили безнадежные новости... И с каждой почтой приходили письма, в которых Фрэна приглашали пастором или преподавателем семинарии в Америке».

Возможно, Шефферы решили бы, что Бог желает их возвращения в Америку, если бы тогда не начал обретать свою форму проект «Лябри». Название было идеей Фрэна. На борту корабля, во время их возвращения в Европу, Фрэн предложил называть их швейцарский дом французским словом «Лябри», которое означает «убежище». Он хотел, чтобы их дом стал духовным убежищем для всех, кто приходил туда за помощью. Эдит очень понравилась эта идея. Она быстро набросала индийскими чернилами прелестный пейзаж. Там были сосны, швейцарские домики, холмы и несколько лыжников. Под рисунком она написала: «Лябри... Приходите утром на кофе или вечером на чай и задавайте вопросы». Тогда, на борту корабля, они и не думали, что «Лябри» станет их главным служением. Ведь во время их первой поездки Фрэн успешно работал с европейскими пасторами. Но это служение было резко и неожиданно прервано. Как только они приехали в Швейцарию, им сообщили, что из Соединенных Штатов присылались

письма, в которых просили местных священников не вступать в контакт с Шефферами.

Теперь дорога в европейские церкви была закрыта, а это означало и значительное сокращение молодежного служения. Казалось, Бог хотел, чтобы они служили Ему где-то в другом месте. И тут вышло постановление швейцарских властей о том, что их присутствие в кантоне, в котором они столь успешно работали, было крайне нежелательным. Поначалу ситуация казалась просто безнадежной. Но вскоре вышло новое постановление, гласившее, что если они найдут себе жилье в другом кантоне и получают на то одобрение местных властей, то смогут подать прошение о продлении срока их пребывания в стране. Найти новое место было практически невозможно, но за день до последнего срока, назначенного правительством, Эдит все уладила. Жилье было, но агент сказал ей, что особняк не сдается в аренду, его можно только приобрести. Денег на покупку у них не было. Казалось, их отъезд неизбежен. Но Эдит была убеждена в том, что Бог хотел, чтобы они остались. Придя домой, она не нашла в себе сил сказать мужу, что дом продается, а не сдается в аренду. «Я боялась, что Фрэн скажет, что нам незачем отправляться смотреть дом, который кто-то хочет продать», — вспоминала она. Когда она сказала Фрэну, что нашла жилье, тот согласился посмотреть его на следующий день, еще не зная, что дом этот придется покупать.

Той ночью она говорила об этом с Господом. Следующим утром по дороге на поезд они встретились с почтальоном, который на лыжах отправился к их дому для того, чтобы доставить почту. Он отдал им три письма. Шефферы вскрыли конверты лишь после того, как сели в поезд. В одном из конвертов был чек на тысячу долларов с припиской: «На приобретение дома, который всегда был бы открыт для молодых людей». Эдит тут же рассказала мужу о фактическом положении дел, и в течение нескольких часов они оформили все бумаги по

приобретению дома. Быстро отправились к юристу, в полицию и к нотариусу, после чего все документы были направлены к главе кантона. Официальное разрешение было получено как раз вовремя.

Но денег, которые они получили в то утро, хватило только на первый взнос, а через три месяца следовало уплатить еще восемь тысяч франков. И вновь Шефферы не стали обращаться за финансовой помощью, а просто поговорили об этом с Господом. За эти девяносто дней они из разных источников получили восемь тысяч одиннадцать франков. Но, что гораздо более важно, они получили разрешение остаться в Швейцарии. Так был основан «Лябри», и вся семья принимала участие в этом служении.

Все приходившие в их дом получали огромное удовольствие от бесед с ними. «У нас было единственное правило, — писала Эдит. — Обсуждения в нашей собственной семье и со всеми, кто к нам приходил, должны были касаться только идей, а не организаций и личностей, то есть они не должны были касаться конкретных людей». И они говорили об искусстве, музыке, книгах, науке, философии, медицине, праве, событиях в мире, о мировых религиях и о многом другом. Но о чем бы ни шла речь, все это рассматривалось в контексте Писания.

Постепенно Лябри разрастался. Было приобретено еще несколько домов, и к служению присоединились новые люди. Секрет успеха Лябри только отчасти заключался во Фрэнсисе Шеффере и его способности осветить любую тему в библейском ключе. Лябри был чем-то большим. Сюда люди приходили в христианскую семью — в очень большую и любящую семью. Члены этой семьи были не лишены человеческих слабостей: временами Фрэн бывал довольно вспыльчив; иногда и Эдит теряла самообладание. «Нет, — говорила она, — мы не расшаркивались друг перед другом и далеко не всегда произносили самые мудрые вещи в самом уравновешенном тоне». В книге «Что такое семья?» Эдит рассказывает о

вспышках раздражения Фрэна. Он как-то даже разбил стоявший на журнальном столике горшок, в котором рос плющ. Но Эдит отнеслась к этому очень спокойно. «Веник, совок, новый горшок из сарая, добавить немного новой земли к старой, щепотка удобрений, ведро воды с тряпкой — и комната так же чиста, как и прежде, а плющ снова посажен и растет на прежнем месте». Хотя этот плющ и стал в семье привычной шуткой (такие сцены случались не так-то уж и редко), «шутить на эту тему при папе, откровенно говоря, не стоило».

Эдит давала выход эмоциям совершенно иначе. «Когда у меня поднимается адреналин, я ставлю себе задачу за следующий час сделать больше, чем любое другое человеческое существо на этой земле». Жить в доме, двери которого были всегда открыты для приходивших туда молодых людей, было для Эдит серьезным испытанием. «Часто... я говорила детям: „Все, я больше никого сегодня не могу видеть, я хочу сбежать отсюда"». Но она никуда не убегала. «После того как я накрывала пятьдесят второй десерт за день, в нашу дверь снова стучали». Кто-то еще открыл для себя дом Шефферов. Хотя и может показаться, что уединение было просто заказано Шефферам, и Эдит, и Фрэн понимали, что им очень важно хотя бы иногда оставаться одним. «В браке у нас есть необходимость, ответственность и обязанность оставаться наедине, — писала Эдит, — нужно какое-то уединение, когда вокруг вас все время находятся другие люди, чтобы это не превращалось в побег от уз, объединяющих мужа и жену, детей и родителей». Именно поэтому Лябри никогда и не был коммуной; это был общий дом, и все, кто там жил, жил своей собственной жизнью. У каждого из детей также была своя собственная комната.

Фрэн и Эдит находили другие возможности побыть наедине. Когда обоим им было уже около шестидесяти, им подарили лыжи.

«Мы можем пройти множество миль по лесам и полям, мимо сараев, маленьких мостиков... Это возможность уйти ото всего на природу, это содружество идущих вместе». Молитвенной жизнью в Лябри обычно управляла Эдит. Она удостоверилась в том, что все аспекты жизни дома сопровождаются молитвой. На кухне она повесила график, где весь день был разделен на получасовые периоды. Любой желающий мог поставить свои инициалы напротив любого из этих отрывков времени и взять на себя молитву в течение этого периода. Эдит стремилась к тому, чтобы молитвенная жизнь обязательно отмечалась в этом графике. Она не могла и вообразить себе, что Лябри вообще мог бы существовать без молитвы и сотрудничества. А Фрэн не мыслил Лябри без истины и любви. Если сложить истину, любовь, молитву и сотрудничество вместе, то получится то, что и представлял собой Лябри.

Анализируя успех этого служения, Кристофер Катервуд пришел к выводу, что «основой... была любовь, и не как абстрактное понятие, а как живое чувство... Вот почему Шефферы настаивали на том, чтобы каждый человек рассматривался как индивидуальность. „Любовь, — говорили они, — означает встречать людей такими, какие они есть“». Но все приходившие к ним чувствовали не только их любовь к ним как к самостоятельным личностям, какими бы запутанными ни были чувства и жизни искавших у Шефферов совета. Все также ощущали и то уважение, с каким хозяева дома относились друг к другу и к своим детям. Некоторые из приезжавших оставались там надолго и становились учениками. Другие прибывали в пятницу вечером и оставались только на выходные. В субботу вечером ужинали обычно на свежем воздухе, а Эдит заботилась о том, чтобы во дворе в это время играла классическая музыка (особенно она любила Вивальди). Расстановку столов Эдит считала не меньшим

искусством, чем музыка, и все, что она делала, делалось для славы Божьей.

Катервуд пишет: «Иногда количество пришедших могло в считанные минуты возрасти от тридцати человек до ста тридцати, но Эдит Шеффер находила выход из такого положения». Находить выход из затруднительных ситуаций Эдит научил продолжительный и нелегкий опыт. После ужина Фрэн приглашал всех в дом, где пили чай или кофе, собравшись вокруг камина. Фрэн усаживался в кресло и открывал дискуссию. Вопросов всегда было невероятное множество. Молодежь поражалась эрудиции Фрэна, но еще больше поражала его способность точно и определенно оценивать все с точки зрения христианских ценностей. Один из побывавших в Лябри говорил: «Шеффер, похоже, обдумал эту жизнь во всех ее перспективах». Множество людей после этих бесед пришло к вере в Иисуса Христа. Но иногда Фрэн глубоко переживал, что его библейские занятия проводятся лишь с малым количеством людей. Эдит вспоминала, что как-то в субботу вечером Фрэн «ударил кулаком в деревянную стену так, что у него покраснели костяшки пальцев. „О, Эдит! Я знаю, что могу помочь людям... но никто не хочет меня слушать... никто, кроме горстки людей. И эта горстка начинает что-то понимать, а затем все это начисто забывает. Чем мы заняты? Что мы делаем?¹¹» Он страстно хотел распространить это служение гораздо дальше пределов самого Лябри.

Когда кто-то предложил опубликовать беседы Фрэна, тот отказался, поскольку присутствие стенографиста, по его мнению, могло все испортить. Когда из Штатов им прислали магнитофон, для того чтобы друзья в Америке тоже могли бы послушать беседы, проводившиеся в Лябри, Фрэн отказался его использовать. Он опасался, что при включенной аппаратуре разговор потеряет свою естественность. Магнитофон поставили на полку, где он и пылился в течение нескольких месяцев. Однажды один из

присутствующих, заручившись поддержкой Эдит, спрятал в цветочный горшок маленький микрофон, пока все были заняты приготовлением чая. Так в служении наступил новый этап. Вскоре записи библейских занятий, которые вел Фрэн, нашли дорогу в такие страны, как Гана, Гонконг, Финляндия и Сингапур, не говоря уже о Соединенных Штатах. И вскоре Фрэна засыпали предложениями выступить в ведущих колледжах и университетах Америки.

Поначалу Фрэн отказывался. Дом Шефферов был основной составляющей проекта «Лябри», и если бы Фрэн стал проводить много времени вне его стен, служение могло пошатнуться. Эдит, конечно, была очень рада тому, что муж был с ней, дома, но ей трудно было провести черту между эгоистическими желаниями и тем, чего хотел Господь для развития их служения. В конце 1954 года, когда Фрэн и Эдит прибыли в Швейцарию, они «готовы были заниматься всем чем угодно». Но спустя восемь лет Эдит признавалась в том, что ей стало не доставать чего-то, что было важно для нее лично. Очень важным для нее было семейное общение, и терять возможность хоть немного побыть вместе (а так оно и было бы, если б Фрэн стал много путешествовать) ей очень и очень не хотелось. Кроме того, в проекте «Лябри» они несли служение вместе, как муж и жена. Если бы Фрэну пришлось надолго покидать дом, ей пришлось бы вживаться в совершенно иную ситуацию.

Поворотный момент наступил после одной из встреч, которая состоялась в их цюрихской квартире. Вокруг Фрэна собрались врачи, адвокаты, бизнесмены, летчики и стюардессы. Они засыпали Фрэна вопросами, а тот спокойно отвечал на каждый из них. Вскоре скептицизм сменился живым интересом, а когда Эдит пригляделась к лицам, она увидела, что они невероятно посветлели, — Фрэн дал сияние истины запутанному сознанию этих людей. Тогда Эдит стала молиться: «Господь, прости мне мое эгоистичное желание уединиться... Если Ты хочешь,

чтобы Фрэн работал больше, если Ты хочешь, чтобы то, что случилось сегодня вечером в этой комнате, случалось все чаще по всему миру, если Ты хочешь, чтобы то, что сегодня услышали эти люди, услышало также множество других людей... я пойду на все испытания, с которыми будет связано такое служение Фрэна». Решение далось ей нелегко.

В 1965 году Фрэн выступил в Гарварде, в Массачусетском технологическом институте и в нескольких других университетах, и эти лекции легли в основу его первой книги «Бог, Который реально существует». В следующем году Эдит путешествовала вместе с Фрэном по городам Среднего и Дальнего Запада. В 1967 году Фрэн выступал в университетах Великобритании. Нагрузка становилась все более существенной. Тогда Эдит писала: «Это уже слишком... Дальше так продолжать невозможно». В течение последующих нескольких лет выступления стали основой для нескольких книг, записей и радиопередач. В Америке Фрэн и Эдит встретились с президентом и с ведущими конгрессменами. Вскоре вышла серия фильмов «Как нам жить?» и «Что происходит с человеческим родом?». За время съемок Фрэн потерял в весе двадцать пять фунтов. Поначалу он считал, что это результат сильной усталости. Ему было шестьдесят шесть лет, и он уже не был способен работать так, как прежде. Но вскоре выяснилось, что дело было гораздо серьезнее. Эдит вызвала врача из клиники Майо.

На следующий же день после прибытия Фрэна в клинику ему был поставлен диагноз: рак. Это была лимфома, тяжелое заболевание, которое лечилось только с помощью химиотерапии. Врачи говорили, что жить ему оставалось от шести недель до шести месяцев. Но Фрэнсис пережил несколько периодов ремиссии и прожил еще почти шесть лет. Это составило 11,4 процента от их совместной жизни, писала Эдит в книге «Вечная музыка».

Это был период необычайного творческого подъема. Фрэн как-то сказал: «Я чувствую, что в таком состоянии могу добиться гораздо большего, чем мог прежде». Собрания «Лябри» проводились в Рочестере (Миннесота), неподалеку от клиники. Фрэн написал еще две книги, ставшие бестселлерами: «Христианский манифест» и «Великое несчастье проповедника», и продолжал принимать предложения выступить с лекциями, покуда позволяли ему силы. За два месяца до своей смерти он объехал одиннадцать колледжей подряд, выступая в каждом из них.

Но это также было и время, когда он уделял огромное внимание семье. Ведь у Фрэна было четверо детей и четырнадцать внуков. Также это было и время «смирения и осознания временности любых связей». В конце апреля 1984 года, когда Эдит увидела, что рак стал очень быстро развиваться и что жизнь покидает Фрэна, она сказала врачам: «Я хочу забрать его домой». Она считала, что свои последние дни он должен провести, окруженный любовью, а не стерильными стенами больничной палаты. В их доме в Рочестере окна Фрэна выходили в прекрасный сад с геранями и петуниями. Эдит сделала так, чтобы в доме всегда тихо играла музыка — Бах, Шопен, Мендельсон и Гендель, больше всего он любил именно «Мессию» Генделя. На смертном одре он просил громко включить хор «Царь Царей, Господь Господ, Аллилуйя, Аллилуйя». После сорока восьми лет брака их разделила смерть. Фрэн умер 15 мая 1984 года.

Не все супруги становятся партнерами и сотрудниками, но, несомненно, именно так случилось с Шефферами. Фрэн часто говорил о необходимости равновесия в браке, но признавал, что добиться этого очень сложно, «поскольку мужчина является главой семьи, и все же женщина иногда проявляет больше лидерских качеств, чем ее супруг... Но в том порядке, который заложил в брак Господь, основное внимание должно уделяться

партнерству». Брак Фрэна и Эдит, несомненно, был таким партнерством.

Библиография

Catherwood, Christopher. *Five Evangelical Leaders*. Wheaton, 111.: Harold Shaw, 1985.

Parkhurst, Louis Gifford, Jr. *Francis Schaeffer: The Man and His Message*. Wheaton, 111.: Tyndale House, 1985.

Schaeffer, Edith. *Affliction*. Old Tappan, N. J.: Fleming H. Revell, 1978.

Schaeffer, Edith. *Forever Music*. Nashville: Thomas Nelson, 1986.

Schaeffer, Edith. *The Hidden Art of Homemaking*. Wheaton, 111.: Tyndale House, 1971. Schaeffer, Edith. *L'Abri*. Wheaton, 111.: Tyndale House, 1969.

Schaeffer, Edith. *The Tapestry*. Waco, Tex.: Word, 1981.

Schaeffer, Edith. *What Is a Family?* Old Tappan, N. J.: Fleming H. Revell, 1975. Schaeffer, Francis. *Letters of Francis A. Schaeffer*. Westchester, 111.: Crossway, 1985. Schaeffer, Francis, and Edith Schaeffer. *Everybody Can Know*. Wheaton, 111.: Tyndale House, 1973.

Семья и музыка шли рука об руку

Иоганн Себастьян Бах и его две жены

Себастьян Бах был не только композитором, но и руководителем церковного хора, и в этом качестве он сталкивался с большими сложностями в личном плане. Одни обвиняли его: «Он слишком громко играет на органе. Если он будет продолжать в том же духе, то либо разрушится орган, либо оглохнут все прихожане». — «В его музыке слишком много каденций и арпеджио, мы не знаем, когда нам вступать», — жаловался хор. «Ну почему он обзывает меня козлоголосым фаготом?» — стenal один из оркестрантов. «С какой стати он уходит в отпуск на три месяца и не считает нужным ставить нас об этом в известность?» — возмущались члены совета церкви.

Давайте разберемся. Человек, написавший «Иисус — блаженство, ожидаемое человеком» («Joy of man's desiring») и «Англы могут пастись спокойно», действительно был плохим руководителем хора местной церкви. В большинстве церквей, с которыми он сотрудничал, отношения у него складывались ужасно. Иоганн Себастьян Бах, которого называли «величайшим музыкантом от Бога со времен царя Давида», был известен своим взрывным темпераментом. Композитор, написавший «Страсти по Матфею» и «Мессу си-бемоль минор», по словам одного биографа, обладал характером «иногда просто-таки буйным». Он никогда не поступался своими убеждениями. И это, естественно, отражалось на его работе.

Но в доме его царили мир и спокойствие?

Ну, в общем-то, не совсем так.

Для Иоганна Себастьяна Баха мир и спокойствие наступали тогда, когда он, Анна Магдалена и их десятеро детей спускались в музыкальный салон, под который был отведен первый этаж их дома. Там дети садились за шесть клавишных инструментов или принимались настраивать еще десяток духовых и струнных. А Анна Магдалена покрывала своим мощным сопрано звучание всех этих инструментов. Для Себастьяна славить Бога таким образом вместе со своей семьей было высшим блаженством, которое только возможно на этой земле. Почему же вне дома его отношения с людьми были так сложны, а в семье он был счастлив?

Возможно, об этом стоило бы спросить Анну Магдалену, эту удивительную жену, любившую певчих птиц и гвоздики, которую не раздражала громкая музыка и которая ничего не имела против, когда к ним в дом на день-два наезжали странствующие музыканты. Анна Магдалена была не менее музыкальна, чем Иоганн Себастьян.

В семнадцатом и восемнадцатом веках имя Баха в восточной Германии было практически синонимом слова «музыкант». Городских музыкантов часто называли бахами, поскольку большинство из них действительно носило именно эту фамилию. Между 1600 и 1750 годами в восточной Германии жили сорок Иоганнов Бахов, и девяносто процентов из них были музыкантами. Но, конечно же, самым известным из Иоганнов Бахов был Себастьян, который спустя несколько веков ходил по тем же улицам Тюрингии, по которым ходил и Мартин Лютер. Прапрадед Себастьяна, булочник из Венгрии, эмигрировал в Германию, чтобы избежать преследований на религиозной почве. В Германии он мог открыто исповедовать свою веру. У него также было время поиграть на гитаре, покуда хлеб был в печи. С тех пор музыка стала основой семьи Бах, а семья Бах стала основой церковной музыки лютеранской Германии.

И поэтому, когда в семье музыканта из Айзенаха Иоганна Амброзиуса Баха и его жены Элизабет родился четвертый ребенок и его назвали Иоганн Себастьян, предполагалось, что он тоже станет музыкантом. (Трех его старших братьев звали Иоганн Кристоф, Иоганн Якоб и Иоганн Николас). Себастьян учился играть на струнных инструментах у отца, а на органе — у брата. А петь он учился у всего Айзенаха.

Айзенах, располагавшийся на северо-западной окраине тюрингского леса, был знаменит своим пением. В каждой церкви из местных мальчишек набирались хоры, которые пели под аккомпанемент скрипок. И пение это было на редкость профессиональным. Студенты пели на улицах для того, чтобы заработать себе на образование. Люди выходили из домов и давали им денег. Так поступал и Лютер, когда учился в айзенахской школе. Так поступал и Себастьян. Но музыка жизни Себастьяна впала в глубокий минор: вскоре после того, как ему исполнилось девять лет, его мать умерла. Через несколько месяцев его отец женился вторично, но вскоре умер и он.

Мачеха Себастьяна не знала, что ей предпринять. В отчаянии она написала письмо в городской совет. Возможно ли было устроить ее руководителем церковного хора? Ее музыкальные успехи были невелики, но она была Бах по мужу, и этого было достаточно. Но в городском совете к этой идее отнеслись скептически. Руководителем хора стал другой человек. Содержать приемных сыновей мачеха была не в состоянии, поэтому она вернулась в тот дом, где жила прежде, оставив детей на произвол судьбы. Себастьян и его старший брат переехали в дом самого старшего из них — Иоганна Кристофа, который только что женился. Но тот дом был слишком мал. В семье появлялись новые дети, и Себастьян понял, что вскоре места ему там уже не будет. Кроме того, Иоганн Кристоф был органистом, а органисты, как правило, не имели возможности прокормить большое количество ртов.

Когда ему было четырнадцать лет, он услышал об одной школе в Северной Германии — в двухстах милях от Айзенаха — музыкальной школе, куда принимали «детей бедняков, у которых были хорошие голоса». Себастьян собрал вещи и отправился на север. Его приняли в школу, потому что у него было хорошее сопрано, но вскоре голос его начал ломаться, и ему приходилось рассчитывать только на талант скрипача и органиста, чтобы удержаться в школе. Через три года, когда ему было семнадцать, Себастьян начал искать работу и устроился у себя на родине, в пяти или шести милях от того места, где он вырос. Как церковному органисту самой маленькой из трех церквей Арнштадта, городской совет вменил ему в обязанность «прививать прихожанам страх Божий, трезвость и миролюбие».

Сомнительно, чтобы он в Арнштадте сильно заботился о миролюбии, но вот любовь к Марии Барбаре Бах стала важной частью его жизни. Барбара жила с тетей и дядей в «Золотой короне», гостинице, в которой снимал комнату и сам Себастьян. У них было много общего. Она приходилась ему дальней родственницей и тоже была сиротой. Ее отец был органистом в церкви и умер в том же году, что и отец Себастьяна. Ей было тогда десять лет. У Себастьяна не было никаких сомнений в том, что эта девушка ему суждена. Они были так нужны друг другу. Оба они были так неустроены. Гуляя под прекрасными липами Арнштадта, они беседовали о музыке и о браке. Но они были еще слишком молоды. Кроме того, Себастьян опасался — и не без основания — за свое место в Арнштадте, и поэтому они решили немного подождать. Должно быть, Барбара удивлялась — когда же, наконец, у Себастьяна все наладится. Ведь месяцы проходили один за другим.

У Себастьяна были постоянные проблемы с хором. Управление хором не входило в его обязанности органиста, что он пытался (безуспешно) доказать городскому совету.

Он был органистом. Работать с хором его не учили. Кроме того, его церковь была самой маленькой в Арнштадте и ее хор состоял из подростков. В музыке они смыслили мало, и даже городской совет признавал, что их поведение «было порой просто оскорбительным». Два года он боролся с этой бандой шалопаев, но музыка их просто не интересовала. Но вот как-то вечером тот парень, которого Себастьян прозвал козлоголосым фаготом, встретил его на улице и обозвал грязным псом. Себастьян, который никогда не славился сдержанностью, выхватил шпагу и, прежде чем прохожие их разняли, успел сделать несколько дыр в одежде своего противника.

Городской совет вызвал Себастьяна «на ковер». Несколько недель спустя он решил, что ему пора уйти в отпуск. Он устал от непрерывного выяснения отношений с советом и от затянувшейся распри с собственным хором. Ему было неизвестно, что может произойти, если он снова встретится на улице с тем козлоголосым фаготом. Должно быть, совет решил, что для всех заинтересованных сторон четырехнедельный отпуск Себастьяна был просто необходим, потому-то предложение церковного органиста и было безоговорочно принято.

Себастьян использовал свой отпуск для того, чтобы посетить знаменитого органиста церкви Святой Марии в Любеке, в Северной Германии. Это путешествие он запомнил на всю оставшуюся жизнь. Прекрасен был не только органист; в церкви был также изумительный хор и оркестр на сорок инструментов. То была музыка, которая воистину прославляла Бога. Когда Себастьян сел за великолепный орган, своей игрой он произвел такое впечатление, что ему было предложено стать органистом этой церкви вместо прежнего музыканта, который должен был вскоре отойти от дел. Все, что для этого требовалось от Себастьяна, — это добиться разрешения на брак с дочерью своего предшественника.

Должно быть, вспоминая свой посредственный орган в Арнштадте и неуправляемых подростков, которые носили гордое название «хор», Себастьян готов был сделать этот шаг. Но затем он вспомнил о Барбаре, которая ждала его. Конечно же, он понимал, что в его время очень немногие женились по любви. Основным мотивом для вступления в брак было стремление выбиться в люди. И женитьба на дочери органиста была для него реальным шансом добиться успеха. Остаться ли ему в Любеке и вступить в брак? Вернуться ли ему в Арнштадт и жениться на бедной сироте? Хотя Барбара и не знала об этих обстоятельствах, она, должно быть, все равно спрашивала себя, вернется ли Себастьян. О том же раздумывал и городской совет. Четырехнедельное отсутствие обернулось пятью, шестью, а затем и семью неделями. Барбара сомневалась в том, что Себастьян сумеет удержаться на своем месте после возвращения, и не была уверена в том, что он вообще вернется. «Вполне возможно, — пишет биограф Карл Гейнингер, — что ее возлюбленный был так увлечен музыкой и открывшимися перед ним возможностями, что даже и не писал ей».

Но в конце концов спустя четыре месяца Себастьян вернулся в Арнштадт. И вернулся он с массой новых идей, ни одна из которых не пришлась по душе прихожанам маленькой церкви. «Его импровизации между стихами были просто бесконечными», а прихожане были «рассержены, оскорблены и были просто не в состоянии следовать таким сложным мелодическим построениям». Кроме того, Себастьян стал еще более упорен в своем нежелании управлять хором. Борьба с советом продолжалась. Когда Себастьяну сделали замечание относительно каденций между стихами гимнов, он отплатил тем, что стал играть до смешного коротенькие и примитивные прелюдии. Целый год власти упрашивали его, зывали к его разуму и даже запугивали.

Осенью его снова вызвали к начальству. На этот раз, помимо постоянных проблем с хором, фигурировало и новое обвинение. Официальные документы гласят, что Себастьян «приглашал постороннюю девушку на хоры и позволял ей там петь». Несомненно, этой «посторонней девушкой» была Барбара. Поскольку в то время женщинам запрещалось петь в церкви, даже просто допустить ее на хоры означало искать крупных неприятностей. Пела Барбара во время богослужения или же только тогда, когда Себастьян репетировал, неизвестно. Наиболее вероятно последнее.

Но, как бы там ни было, это стало последней каплей. Весь 1706 год стал сплошным конфликтом с городским советом. Себастьян превратился в мишень для огромного количества жалоб со стороны прихожан, а начальство поставило ему множество ультиматумов. Игра его стала совсем невеселой. Себастьян и Барбара решили, что им не стоит начинать семейную жизнь в Арнштадте. И вот в декабре, когда Барбара узнала от одного из своих родственников о том, что органист в церкви соседнего городка Мультхаузен умер, она попросила этого родственника устроить там ее жениху прослушивание. К следующей весне Себастьян уже работал на новом месте. В Арнштадте по нему не особенно убивались.

Осенью 1707 года Себастьян и Барбара венчались в маленькой церкви неподалеку от Мультхаузена. В семье Себастьян чувствовал себя просто прекрасно. Один из биографов замечает: «Если кто-либо из гениев и был предназначен для счастливой семейной жизни, так это Себастьян Бах». Многие великие музыканты были крайне несчастливы в браке, но к Себастьяну это и в самом деле не относилось. Они с Барбарой любили друг друга и, видимо, очень друг другу подходили. О Барбаре известно не так-то уж и много. Однако, как пишет один биограф, «мы можем не без основания предположить, что такой человек, вышедший из семьи потомственных выдающихся

музыкантов, как Барбара, которая, кроме того, стала матерью самых талантливых сыновей Себастьяна, в музыкальном отношении был способен разделить интересы супруга и поддержать его». Должно быть, она и в самом деле оказала на него значительное влияние, поскольку только после свадьбы Себастьян стал серьезно относиться к сочинительству. Через три месяца после того как Себастьян женился, он исполнил одну из самых первых своих кантат, «Бог — мой царь», в большой мультхаузенской церкви.

Но вскоре Себастьян снова оказался втянутым в конфликт, на этот раз конфликт касался богословских вопросов. Мультхаузенская община была пиетистской, а пиетисты большое значение придавали тому, как Христос обретает жизнь в душе верующего. Они считали, что формального признания лютеранского символа веры было недостаточно, что человек должен установить личные взаимоотношения с Богом. Себастьян нашел в пиетизме много такого, что было ему очень близко. Но когда пиетисты, считавшие очень важной простоту во всем, стали требовать в музыке такой же простоты, как в образе жизни, Себастьян решил, что это уже слишком. В лютеранстве, опиравшемся на учение лично Лютера, признавалось, что прекрасная музыка есть прекрасная возможность прославить Бога. Как мог Себастьян раскрыть данный ему Богом талант в атмосфере пиетизма?

Он написал начальству очень дипломатичное — насколько Себастьян вообще умел быть дипломатичным — письмо, в котором просил освободить его от должности. Он писал, что хотя они с Барбарой живут очень просто, но на такое жалование «просуществовать практически невозможно». На этом он не остановился и написал, что считает своим призванием «сделать музыку достойным средством прославления Бога» и что в Мультхаузене это оказалось «делом практически безнадежным».

И вот в двадцатитрехлетнем возрасте он стал придворным органистом герцога Веймарского, в сорока милях от Мюльхаузена. Его жалование увеличилось вдвое, но, хотя Себастьян и стремился всегда к материальной стабильности, не это стало причиной его отъезда в Веймар. О герцоге Веймарском говорили, что он очень религиозен. Вся его прислуга посещала церковь и по очереди читала герцогу вслух Писание. Себастьян был уверен в том, что наконец нашел то место, где ему не придется ни испытывать давления богословов, ни зависеть от городских советов и где он сможет «сделать музыку достойным средством прославления Бога».

При дворе Себастьян и Барбара приобрели много новых знакомых. Однако они предпочитали общаться со старыми друзьями. Когда они выбирали крестных для своих детей, это были, как правило, их давние знакомые. А родственники наезжали к ним в гости просто один за другим. Сестра Барбары переехала к ним на постоянное жительство, а племянники Себастьяна стали учиться у него мастерству игры на органе. Семейство получилось большое, но не настолько, как могло бы быть: Барбара родила семерых детей, но выжили из них только четверо. Однако забот Барбаре хватало и так. Себастьян тоже не бездельничал. Каждый месяц он писал новую кантату, а в перерывах «множество токкат, фантазий, прелюдий и фуг».

Из Веймара по всему континенту о нем стала распространяться слава великого органиста и композитора. Но Веймар не был раем. Вовсе нет. Очень быстро Себастьян снова попал в сложную ситуацию. Проблема заключалась в том, что после смерти молодого веймарского принца в 1715 году герцог, бывший на грани безумия, стал практически непредсказуем в своих действиях. В 1716 году, когда умер руководитель веймарского хора, Себастьян предполагал, что его назначат (или, по крайней мере, рассмотрят его кандидатуру) на этот пост. Но без всякого объяснения его попросту

проигнорировали. Многие другие поступки герцога также кажутся деспотичными и своевольными. Себастьян принял решение больше не писать в Веймаре музыки. Один из биографов отмечает: «Это было очень опасное для его положения решение. Он словно бы не только не искал возможности избежать неприятностей, а наоборот, сознательно провоцировал их». И последствия не заставили себя ждать.

Прожив в Веймаре девять лет, семейство Бахов стало готовиться к отъезду. Когда Себастьян получил приглашение на работу из маленького княжества Котен, то с радостью принял его. Но оказалось, что уехать ему было не так-то просто. Герцог не захотел отпустить Баха. Настолько сильно не захотел, что посадил музыканта в тюрьму за то, что тот решил его покинуть. Герцог, конечно же, не собирался продержать Себастьяна в тюрьме до конца жизни, он просто хотел заставить его передумать. Вопрос заключался в том, кто упрямее. Оказалось, что упрямее Себастьян. Через месяц герцог с неохотой отпустил его, и тот с Барбарой и детьми в спешке покинул город, опасаясь, как бы герцог не передумал.

При котенском дворе Себастьян был назначен капельмейстером. Быть капельмейстером придворного оркестра было большой честью. И, хотя котенский двор был невелик, все же это был княжеский двор. Этот пост дал музыканту множество новых преимуществ. Помимо щедрого жалования, Себастьян получил привилегию путешествовать по Европе вместе с принцем Леопольдом. Принц был большим ценителем искусств. Иногда он играл на альте в оркестре Себастьяна. Оркестр состоял из семнадцати человек, и, несмотря на то что он был столь невелик, в нем играли очень одаренные музыканты, многие из которых входили также и в оркестр короля Фридриха Вильгельма в Берлине.

Хотя Себастьяну и очень нравилось быть при дворе, еще больше ему нравилось у себя дома. Особенно когда

подросли его дети. Они, как и следовало ожидать, оказались очень способными к музыке, и Себастьяну доставляло огромное удовольствие учить их. Своего старшего сына, Вильгельма Фридеманна, он учил играть на клавире, старинной разновидности фортепиано, и написал специально для него учебник, который потом использовался и другими учениками. На титульном листе он написал: «Во славу Всевышнего и ради талантов моего ближнего».

Дети Баха учились многому и помимо музыки. Главной церковью в Котене была реформатская — кальвинистская церковь, а не лютеранская, тем не менее принц признавал за своими подданными «свободу совести». Это означало, что семья Бах могла продолжать посещать лютеранскую церковь и отдать своих детей в лютеранскую школу.

Большинство великих композиторов не любили преподавать. А вот Бах — любил. Ему нравилось учить даже начинающих. Однако, как отмечает Гейнингер, «терпелив он бывал только с одаренными учениками. Отсутствие таланта или усердия выводило его из себя. Он был прекрасным учителем для одаренной молодежи, но от посредственности не мог добиться никаких результатов». К счастью, его собственные дети посредственностями не были. Некоторые из них, — в частности, Карл Филипп Эммануэль и Иоганн Христиан — стали известными композиторами. Зимой 1718 года у Барбары родился ее седьмой ребенок. В честь принца его назвали Леопольдом Августом. При крещении в качестве крестных присутствовали три члена семьи принца: сам принц, придворный советник и жена придворного министра. Семья Бах начала занимать в обществе весомое положение.

Но примерно через год в жизни Себастьяна началась полоса неудач. В сентябре умер маленький Леопольд Август. А в июле, когда Себастьян путешествовал вместе с принцем, Барбара тяжело заболела. Все произошло так

быстро, что до Себастьяна не успели дойти печальные новости. Домой он вернулся очень веселым. Но когда он вошел в дом, ему сказали, что за время его отсутствия жена его умерла и была похоронена. Себастьян был раздавлен горем. Но его печалило и кое-что другое. Как бы ни был он счастлив в Котене, какими бы хорошими ни были его отношения с принцем, как бы свободен он ни был там, все же ему чего-то не хватало. Он чувствовал, что его жизненным предназначением было писать музыку, прославляющую Бога. Музыку, которая звучала бы в церкви, а не при княжеском дворе.

Конечно же, Себастьян понимал, что любая музыка может служить прославлению Имени Божьего. В Котене он написал множество светских сонат и концертов. Реформатская церковь в Котене не приветствовала создание какой-то особой церковной музыки, поэтому у Баха не было там мотивов работать в этом направлении. Возможно, Бог хотел, чтобы Бах отправился в такое место, где мог бы посвятить себя именно церковной музыке. Не было ли это его особым призванием? Через несколько месяцев после смерти Барбары он получил приглашение стать органистом церкви Святого Иакова в Гамбурге и с радостью согласился. После прослушивания городской совет Гамбурга одобрил его кандидатуру. Но была одна небольшая сложность. Было принято, чтобы вновь назначенный на эту должность делал значительное пожертвование в пользу церкви. Себастьян отказался это сделать из принципа. А гамбургские власти в ответ отклонили его кандидатуру, приняв человека, который согласился внести необходимую сумму.

Себастьян возвратился в Котен и вскоре получил еще одно печальное известие. Его старший брат, Иоганн Кристоф, умер. Ему было всего сорок девять лет. Возможно, это был самый мрачный период в жизни Себастьяна. Эти три смерти — сына, горячо любимой жены и старшего брата, который был ему вместо отца, —

просто сломили его. На ум приходили горькие мысли. Он думал, что когда умер его отец, его взял к себе Иоганн Кристоф. А что если умрет он (многие в семье Баха умерли, не дожив и до пятидесяти), кто позаботится о его детях? В те времена вдовцы обычно почти сразу же женились снова. Нормальным считалось жениться через шесть месяцев. Себастьян прождал восемнадцать. В те времена любовь редко была серьезной причиной для второго брака. Не очень-то большое значение она имела и при первом. В первый раз женились по экономическим соображениям; во второй — искали хорошую хозяйку и мать для осиротевших детей. Но при этом любовь, конечно же, была совсем не лишней.

И вот появляется Анна Магдалена Вилкен. Она была как раз тем человеком, который был способен вывести Себастьяна из состояния глубокого отчаяния. Младшая дочь «придворного и полевого трубача оркестра его высочества принца Сакс-Вайссенфельсского», она училась вокалу, а при дворе принца Леопольда была назначена «королевской певицей». Принц так высоко ценил ее сопрано, что назначил ей жалование в двести талеров, половину от того, что получал Себастьян. Вскоре он поднял ее жалование и до трехсот талеров.

В декабре 1721 года, когда Себастьяну было тридцать шесть, а Магдалене двадцать лет, они поженились. Его новая жена была чем-то большим, чем матерью для его детей. Она также была и помощником в его трудах. Она переписывала для него ноты, и он полностью доверял ей в этом тяжелом и кропотливом труде. По нескольким рукописям видно, что начисто переписывать начинала она, а заканчивал он, или наоборот. Каждый из них уважал в другом музыканта. Он даже начал обучать ее игре на клавире и, возможно, также и на органе. Затем, через несколько месяцев после их свадьбы, стало известно, что умер музыкальный руководитель церкви святого Томаса в Лейпциге. Лейпциг был известен как бастион

протестантизма. И если Себастьян хотел вернуться к написанию церковной музыки, то ему следовало хорошенько подумать об этой возможности.

Но он колебался. Во-первых, он не хотел вновь оказаться замешанным в делах церковной политики. В Котене он наслаждался спокойствием, которое ему не хотелось терять. Во-вторых, это означало бы, что его жалование резко сократится. Он мог бы относительно неплохо зарабатывать, только играя на похоронах и свадьбах. Причем достаточно часто. В-третьих, такая перемена означала бы шаг на ступеньку вниз по социальной лестнице. Быть придворным музыкантом считалось не в пример более почетным, нежели заниматься музыкой в любой из церквей Германии. Кроме того, стоило задуматься и о Магдалене. Ведь Котен был для нее домом. В Котене она была придворной певицей, и семейный бюджет существенно пополнялся за счет ее заработка. В Лейпциге ей пришлось бы пожертвовать своей карьерой. Конечно, она могла бы петь и дома, но в церковный хор дорога для нее была закрыта.

По многим причинам покидать Котен было крайне невыгодно. Но по многим другим это все же имело смысл. И главная причина заключалась в том, что Себастьян чувствовал: Бог хочет, чтобы он вернулся к написанию церковной музыки. Кроме того, он думал и о своих детях. В Котене лютеранская школа давала очень невысокий уровень образования. В Лейпциге же они могли бы не только получить превосходное начальное образование, но и поступить в университет. А подобный уровень давали весьма немногие немецкие университеты того времени. Выбрать было трудно. Шесть месяцев Себастьян и Магдалена взвешивали все «за» и «против». Затем Себастьян решил отправить в Лейпциг письменный запрос.

Но никто не собирался принести ему работу на серебряном блюде. Себастьян был известен как органист, но не как хороший организатор. Кроме того, в

Лейпциге отцы города считали, что в таком университетском центре музыкальный руководитель церкви должен иметь образование не ниже колледжа. У Себастьяна, увы, такого образования не было.

Себастьян был одним из шести кандидатов. Кроме того, он послал свой запрос с большим опозданием. Городской совет уже дважды принимал решение о назначении, но выбранные кандидаты по каким-то причинам не смогли приступить к исполнению своих обязанностей. Наконец должность была предложена Себастьяну. Один из членов совета пробормотал при этом: «Раз уж мы не можем позволить себе самых лучших, придется довольствоваться этой посредственностью».

В 1723 году «эта посредственность» вместе со своей женой Магдаленой перебралась из княжеского двора в свое новое жилище — школьное здание, построенное за сто семьдесят лет до этого. Вообще-то говоря, под жилье Бахам было отведено лишь левое крыло этого здания. В правом крыле располагалось общежитие церковной школы, и жили там только дети бедных, которые по большей части оказались жестокими и неуправляемыми подростками. Из них-то и состоял хор, с которым теперь нужно было работать Себастьяну. Жилище Бахов отделялось от общежития лишь тонкой перегородкой. Несомненно, что дети Баха сильно страдали от инфекций, проникавших оттуда. Семеро из тринадцати детей, которых родила Магдалена, умерли, не дожив и до шести лет.

Себастьян обладал поразительным умением сосредоточиться посреди бедлама. В течение нескольких последующих лет он написал огромное количество прекрасной церковной музыки, каждый месяц представляя по новой кантате. Ему мешал не только шум из общежития. Шума хватало и в самом семействе Бахов. Когда они переехали в Лейпциг, Магдалене было всего двадцать два года, а ее приемной дочери Катарине — пятнадцать. Мальчикам было тринадцать, девять и восемь

лет. У Магдалены на руках был ребенок, которому исполнилось всего несколько месяцев, а она уже вновь была беременна. Вскоре после того, как они перебрались на новое место, к ним приехал племянник (сын Кристофа, брата Себастьяна). Ему было шестнадцать лет. Но это еще не все. Часто к ним в гости наезжали музыканты. А уж если в гости прибывала родня, то эти визиты, как правило, длились неделями.

Хотя Себастьян и не всегда относился к Магдалене с подчеркнутым почтением, он гордился ею. Люди его положения редко заказывали портреты своих жен, а Себастьян обратился с этим к известному художнику. Картина, к сожалению, утрачена. Поэтому трудно сказать, заказал ли Себастьян этот портрет из-за красоты своей жены или же из-за того, что очень ценил ее. Вероятно, имела значение как первая, так и вторая причина. Он сделал для нее также и два сборника нот. Первый из них был простой продолговатой книгой в неброском переплете. В нем были пять его французских сюит и несколько вещей меньшего объема. Это был сборник для упражнений Магдалены на клавире. Второй сборник был зеленый, с золотым тиснением. На его обложке стояли инициалы АМБ и дата — 1725. Этот сборник стал чем-то вроде семейного альбома Бахов, куда вкладывали ноты и Себастьян, и Магдалена, и дети. Там были ноты как отпечатанные в типографии, так и скопированные от руки. Были там и священные гимны, и фливорные песенки.

В этом втором сборнике есть три разные обработки одного и того же гимна. Очевидно, Себастьян полагал, что Магдалене эта вещь особенно близка и дорога. Начинается гимн такими словами: «Не трепещи, душа моя, на Бога положишься». Там есть также несколько арий для сопрано, приспособленных, очевидно, для голоса Магдалены. В одной из них есть такие слова: «Почему ты так грустна, надломлена, печальна, несчастная душа?» Вероятно, эта вещь также была написана Бахом специально для

Магдалены. Одна из написанных Себастьяном любовных песен занесена в книгу рукой Магдалены. Но, судя по всему, она допустила в транскрипции несколько ошибок, которые порождали дисгармонию. Другим почерком эти ошибки устранены. Очевидно, это исправлял Себастьян, не желавший терпеть дисгармонию даже в книжке для черновиков. Дальше в сборнике записаны свадебные стихи. Они написаны много лет спустя после свадьбы Себастьяна, но чувствуется, что он по-прежнему любит Магдалену.

Любовь моя, пусть радость в этот день
Венком тебя украсит. О, невеста!
Ты так светла, что никакая тень,
Ни грусть, ни горечь не находят места
Вблизи тебя. С моих же пылких уст
Слетает песня, счастье прославляя.
Душа исполнена любви и нежных чувств,
Трепещет сердце, от томленья тая.

Но жизнь Магдалены была исполнена не только света и радости. Возможно, она предпочла бы остаться в Котене, при дворе. Но ее муж считал, что его призвание — писать церковную музыку, и ради этого она принесла в жертву карьеру певицы. К седьмой годовщине свадьбы, когда ей исполнилось двадцать семь лет, Магдалена родила уже шестерых детей. Примерно в это время Себастьян писал одному из своих друзей:

«Расскажу и о моей семье... Дети от моего второго брака все еще очень малы — старшему мальчику исполнилось шесть лет. Они все прирожденные музыканты, и должен тебе сказать, что я могу из членов моей семьи создать прекрасный ансамбль — как инструменталистов, так и вокалистов. У моей жены великолепное сопрано, неплохо поет и старшая дочь».

Магдалена все еще была способна петь, несмотря на то что пережила смерть стольких своих детей. Биографы Баха говорят о ней как о «трудолюбивой, добросердечной и очень музыкальной» женщине. Ее, по-видимому, гораздо больше, чем Себастьяна, интересовала оперная музыка, которая была ее профессией. Веселья в доме прибавлял

неунывающий Иоганн Элиас Бах, родственник Себастьяна, который жил в их доме. Он занимался образованием детей и выполнял обязанности секретаря главы семейства. Пригласил его Себастьян, который был очень бережлив, но не был скуп и всегда поддерживал родню. Элиас также учился и в семинарии. Себастьян подписал с ним контракт, и тот с воодушевлением принялся за свои обязанности. Особенно он оказался полезен, когда дети Баха готовились к конфирмации. Молодой студент-богослов подготовил их к этому должным образом. Когда ему предложили более выгодное место, он отказался, поскольку хотел продолжать учить детей Баха, которые, по его словам, «нуждались в серьезном и прочном духовном образовании».

Элиас был не только секретарем, но и агентом по печати, и семейным советником. Его письма полны восторженных отзывов о музыке Себастьяна, и, возможно, он считал своим долгом опубликовать наследие своего родственника. «Мой уважаемый кузен, — писал Элиас своему другу, — написал несколько новых вещей для клавира... Они просто изумительны и, надеюсь, выйдут из печати к Пасхе». В душе Элиас был хорошим пастором. Он видел, что Магдалена нередко страдала, но не хотела мешать Себастьяну создавать прекрасную музыку, а потому страдала молча. Элиас же всегда старался ободрить и поддержать ее. В то время когда Элиас переехал в дом Бахов, Себастьяну было пятьдесят три года, а Магдалене — тридцать семь. Она воспитала не только четверых приемных детей. Магдалена родила двенадцать собственных детей, а к тому времени, когда Элиас покинул их дом, у нее родился еще один ребенок. Старший из детей Баха от Магдалены был слабоумен, а семеро их детей умерли.

Несмотря на огромную занятость, Магдалена продолжала помогать мужу с транскрипцией музыкальных рукописей. По истечении определенного времени ее почерк стал настолько схож с почерком Себастьяна, что

исследователи в наши дни часто не могут с уверенностью сказать, кем выполнена копия: самим Бахом или его женой. Возможно, что писали они одинаково, но явно не потому, что много времени проводили вместе. Себастьян всегда любил путешествия. Чем больше его угнетали проблемы, с которыми он сталкивался в церкви, тем больше времени он проводил вне дома. Однажды, когда Себастьян был в Берлине и пытался попасть на аудиенцию к королю, Магдалена заболела. Но короля гораздо более, чем музыка, волновали войны, и Себастьян надолго задержался в Берлине. Элиас вернулся в Лейпциг и оттуда написал письмо Себастьяну. «Мама (так он всегда называл Магдалену) больна уже неделю. У нее сильно учащен пульс, и мы не знаем, каких последствий ожидать. Врачи говорят, что, возможно, у нее будут сильный жар и озноб». Себастьян ответил, что скоро вернется. Он все еще надеялся на то, что король его все же примет. Элиаса такой ответ не удовлетворил, и он написал еще одно письмо, в котором говорил, что Себастьяну необходимо не просто планировать возвращение на ближайшее время, а срочно ехать домой. «Мы рады тому, что вскоре увидим вас, но нас очень пугает, что мама становится все слабее. Она практически не спит и не в состоянии передвигаться по дому. Прошлой ночью ей было так плохо, что я не отходил от нее почти ни на минуту. Мы не можем не думать о том, что, вероятно, мы вскоре потеряем ее». Себастьян немедленно выехал домой.

Магдалена поправилась.

Жизнь в Лейпциге не была тусклой. Как и прежде, у Себастьяна было множество столкновений с городским советом. В речи, которую он произнес при вступлении в должность, он обратился к совету со словами: «Благородное и мудрейшее собрание». Вероятно, с тех пор они больше не слышали от него ничего лестного. Он непрерывно предъявлял им финансовые претензии. Похоже, совет всячески стремился уйти от принятых на

себя финансовых обязательств. Бах бушевал оттого, что ему приходится работать с посредственностями. Он также жаловался на пренебрежительное к нему отношение. Совет непрерывно пытался поставить его на место. Отцы города считали, что он недостаточно много работает; что он недостаточно покорен; кроме того, у Баха не было университетского образования. На работу он был принят не только в качестве музыкального руководителя в церкви, но и в качестве школьного учителя. В школе ему приходилось преподавать не только музыку, но и латынь. Это его искренне возмущало.

Бах все время искал возможность избавиться от своих школьных обязанностей — ему не хватало времени на церковную музыку. А вот городской совет был уверен в том, что по должности Бах обязан уделять меньше времени музыке и больше — преподаванию в школе. В 1730 году, прожив в Лейпциге семь лет, Бах был готов уехать оттуда. В письме к другу он писал о причинах, которые побуждали его оставить работу в Лейпциге. Основных проблем было четыре: «1) Эта работа на много менее доходна, чем мне говорили, 2) ранее обещанные мне гонорары не выплачиваются, 3) жить в городе очень дорого, 4) у власти здесь стоят очень странные люди, которые не любят музыку, так что я постоянно страдаю от их зависти и преследований».

Но из Лейпцига он так и не уехал. Члены городского совета продолжали пытаться унижить его, точно так же поступал и новый ректор школы, который свел к минимуму занятия музыкой, а к музыкантам относился с крайним пренебрежением. Когда он видел кого-нибудь из учеников играющим на скрипке, то злобно усмехался и говорил: «Что, мечтаешь о работе в пивной?» В ответ Себастьян практически перестал появляться в школе.

Несмотря на все это Себастьян написал там около трехсот кантат, а кроме того, и такие великие произведения, как «Страсти по Матфею» и «Мессу си-

бемоль минор», которую часто называли его «величайшим богословским наследием». Бах не только писал музыку, он прочел множество трудов по богословию. Он тщательно штудировал монументальный трехтомный перевод Библии Лютера, исправлял ошибки в тексте и комментариях, вводил необходимые для правильного понимания текста слова и делал собственные примечания, которые являются ярким свидетельством его духовной жизни. Один из писателей отметил, что Бах был «христианином, который жил с Библией».

Свои музыкальные композиции он часто предварял аббревиатурой «S. D. G". — Soli Deo Gloria — «Одному Богу слава». Иногда он также писал: «J. J". — Jesu juva — «Иисус, помоги». Да, Бах был христианином. Хотя он и был горячим человеком, гордыни в нем не было. Когда люди восхищались его игрой на органе, он отвечал: «В этом нет ничего сложного. Все, что требуется, это — нажимать нужные клавиши в нужное время, и тогда инструмент заиграет сам собой». Себастьян работал при свечах и сильно испортил себе зрение. В 1750 году в Лейпциг приехал английский окулист, который прежде оперировал Генделя. Он сделал Баху две операции, но ни одна из них не помогла ему до конца. Свой последний хорал он диктовал со смертного одра. Сначала он хотел назвать его «Господь, в нужде мы пребываем», но затем передумал и дал хоралу такое название: «К престолу Твоему иду».

Себастьян умер в возрасте шестидесяти пяти лет. Магдалена было тогда сорок девять, и она приняла решение не выходить замуж вторично. Но тогда она и представить себе не могла, чем это для нее обернется. Себастьян умер, не оставив завещания. Его состояние было разделено между членами его семьи. Магдалена получила треть, а две трети отошли к детям. Кроме того, городские власти выплатили ей половину годового жалования Себастьяна, вычтя из этих денег сумму, которая была

начислена Себастьяну и Магдалене сверх положенного двадцатью девятью годами раньше. Родные дети Магдалены были слишком молоды для того, чтобы поддерживать ее материально, а приемные, по неизвестным причинам, ничего не сделали для того, чтобы помочь ей. В течение нескольких последующих лет она продала все, в том числе и ноты произведений Себастьяна, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Рассказывали, что большое количество нот пошло просто на оберточную бумагу. Магдалена умерла через десять лет, в пятидесятидевятилетнем возрасте. Ее похоронили как нищую.

О Себастьяне говорили, что он был «умеренным, трудолюбивым, религиозным человеком, прекрасным семьянином, искренним, гостеприимным и радушным. В доме Бахов царили дисциплина и бережливость, но было в нем место и единству, веселью, любви и счастью». Почему этот бак стал счастливым? Почему в его доме царили мир и спокойствие, хотя, где бы ни появлялся Себастьян, всюду он приносил с собой бурю? Возможно, Бах добился таких успехов в своей семейной жизни благодаря тому, что и Барбара, и Магдалена испытывали к нему огромное уважение, а он отвечал им тем же. Городские советы и церковные власти атаковали его по всем фронтам, но дома как Барбара, так и Магдалена обеспечивали ему прочный тыл. Обе его жены были очень музыкальны. Его карьера была делом всей семьи. Его дети также стали прекрасными музыкантами. Усилиями отца их музыкальные произведения публиковались и выставлялись на продажу.

Конечно же, музыка в семье Бах была высшей ценностью, но не единственной. Их всех объединяло стремление поддерживать близких, интерес к богословию, и даже любовь к цветам и птицам. Порою казалось, что Себастьян так погружен в мир музыки, что забывает о семье. Но это никогда не продолжалось слишком долго.

Музыка и семья шли рука об руку, подобно самим Себастьяну и Магдалене.

Библиография

David, Hans T., and Arthur Mendel, eds. *The Bach Reader*. Rev. ed. New York: W. W. Norton, 1966.

Geiringer, Karl. *The Bach Family*. New York: Oxford University Press, 1967. Neumann, Werner. *Bach: A Pictorial Biography*. New York: Viking, 1961.

Schweitzer, Albert. *J. S. Bach*. New York: Dover, 1966.

Spiua, Philipp. *Johann Sebastian Bach*. New York: Dover, 1952.

Wohlfarth, Hannsdieter. *Johann Sebastian Bach*. Philadelphia: Fortress, 1985.

Неординарный союз

Джонатан и Сара Эдвардс

Вы можете вспомнить имя Джонатана Эдвардса по трем причинам: 1) он — автор проповеди «Грешники в руках разгневанного Бога», 2) он был главной фигурой Великого американского пробуждения и 3) он был блестящим философом-метафизиком. Все это сделало его популярным, но не способствовало тому, чтобы он стал хорошим мужем. Возможно, он и в самом деле не был исключительным супругом. Возможно, успех их брака следует считать заслугой его жены, Сары. Решайте сами. Но не забывайте, что в те дни, когда большинство браков были холодными и формальными, этот союз был полон тепла и дружбы. Так почему же этот брак был счастливым?

«В своей жизни я не видел пары нежнее», — написал английский проповедник Джордж Уайтфилд о Джонатане и Саре Эдвардс. Прожив в их доме в Массачусетсе несколько дней, Уайтфилд был настолько очарован этой семьей, что по возвращении в Англию решил жениться сам. Должно быть, вам это покажется странным. Ведь Джонатан Эдвардс гораздо больше известен своей грозной проповедью «Грешники в руках разгневанного Бога», в которой он говорит: «Бог держит тебя над бездной ада, как паука или как какое-нибудь иное отвратительное насекомое, а ты все еще дерзаешь гневить его». Писатель Самьюэл Хопкинс также гостил в доме Эдвардсов и восхищался «той совершенной гармонией и взаимной любовью и уважением, которые царили в этой семье».

Нам как-то трудно себе представить, что Джонатан Эдвардс мог являть собою неотъемлемую половину такого

идиллического брака. Он был не только богословом и общественным деятелем, но и одним из величайших философов Америки. Он был теоретиком, погруженным в мир абстракции и метафизики. Не очень-то верится, чтобы такой человек мог жить в гармонии, любви и уважении.

Исследования показали, что в числе тысячи четырехсот потомков Джонатана и Сары Эдвардс было тринадцать директоров колледжа, шестьдесят пять профессоров, сто адвокатов, тридцать судей, шестьдесят шесть врачей и восемь человек, занимавших высокие государственные посты, в том числе три сенатора, три губернатора и вице-президент Соединенных Штатов.

Многое, но ни в коем случае не все в этом браке является заслугой Сары Эдвардс. Элизабет Д. Доддс озаглавила свою книгу о Саре Эдвардс так: «Замужем за трудным человеком». Джонатан действительно был трудным человеком. Он жил где-то в глубине самого себя, был очень непрактичен и часто мрачен. Жить с ним, вне всякого сомнения, было очень непросто.

Сторонним людям казалось, что Сара все это переносит без малейших усилий. Она никогда не теряла самообладания, будучи всегда совершенно хладнокровной, за исключением тех случаев, когда принимала участие в акциях Духовного возрождения. Но Джонатан Эдвардс знал, что она вовсе не была стальной. Особенно хорошо он понял это, когда она оказалась на грани нервного срыва. Чтобы добиться счастья в браке, требуются усилия обоих супругов, и оба, как Джонатан, так и Сара, приложили немало усилий для создания прочной и счастливой семьи. И оба они были яркими индивидуальностями. Давайте приглядимся к ним попристальнее.

На первый взгляд, у Джонатана было много общего с Джоном Уэсли. Оба они родились в 1703 году. Оба были сыновьями священников. Оба выросли в глубокой провинции в окружении заботливых и любящих сестер. Хотя Эдвардс родился в Восточном Виндзоре

(Коннектикут), а не в Эпворде (Англия), и отец его был пастором-конгрегационалистом, а не англиканским священнослужителем. У Джонатана Эдвардса было десять сестер. Все они были очень высокими, как и сам Джонатан, и отец называл их «шестьюдесятью футами дочерей». Джонатан был болезненным ребенком, он любил природу и Бога. В возрасте тринадцати лет он написал очень необычное эссе о «летающих пауках». Еще раньше он вместе с друзьями построил шалаш, но не для игр, а для богослужений. «Я незаметно для других молился пять раз в день, — вспоминал он спустя много лет, — много времени я проводил и за разговорами о религии с моими сверстниками, и мы с ними часто молились вместе... Мы с одноклассниками построили в тайном месте шалаш, который стал нашим молитвенным домом. Но кроме этого, у меня было и мое собственное потайное место в лесу, куда я часто уединялся».

В тринадцатилетнем возрасте он поступил в Йельский университет, чтобы изучать философию. Йель не был тогда тем университетом, каким мы знаем его сегодня. Но и Эдвардс явно не был заурядным подростком. Писатель Джеймс Вуд говорит: «Джонатан Эдвардс был исключительно одарен и в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет мог свободно избрать карьеру ученого-теоретика, ученого-натуралиста или философа, поскольку во всех этих областях он ориентировался совершенно свободно. Возможно, он также мог бы стать прекрасным поэтом». Но он стал богословом. В семнадцатилетнем возрасте он открыто принял Христа. Огромное значение для всей его жизни имел один отрывок из Писания, а именно 1Тим.1:17: «Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь». Этот стих потряс Эдвардса. Он говорил, что после того, как он открыл его для себя, он «начал иначе воспринимать Самого Христа, а также даруемое Им славное спасение».

Когда ему исполнилось девятнадцать, у него уже был диплом священника, и он отправился в Нью-Йорк на пасторское служение в пресвитерианскую церковь. Затем, после непродолжительной практики, он снова возвратился в Йельский университет, но уже в качестве преподавателя. Для Йеля то были не лучшие времена. Школу раздирали споры, взаимные обвинения в ереси и расколы, а Эдвардсу зачастую приходилось заниматься решением непростых академических и хозяйственных вопросов. Но это задача была ему не по силам. Его мучили внутренние проблемы — «уныние, отчаяние, страхи и множество тяжких забот», — как он сам позже вспоминал. Его отрадой была тринадцатилетняя Сара Пьерпон, дочь влиятельного священника из Нью-Хэйвена, который играл значительную роль в основании Йельского университета. Сара была на семь лет младше Джонатана и совершенно не была на него похожа. Он был мрачен, а она весела. Он был застенчив, а она открыта. Он был неуклюж, а она очень грациозна. И она подчеркивала свою «неприступность».

Пьерпоны находились на одной из самых высоких ступеней социальной лестницы. Мать Сары была внучкой Томаса Хукера, знаменитого пуританина, одного из отцов-основателей Нью-Хэйвена. Хотя Саре и было всего тринадцать лет, женихи просто-таки выстраивались в очередь. Большинство из них были гораздо более изысканными и воспитанными, чем неуклюжий и долговязый Джонатан. А поскольку в те времена девушек выдавали замуж в шестнадцать, то быть свободной Саре оставалось совсем недолго. Но она все время думала о Джонатане. Она очень любила природу, как и он. Они гуляли по берегу и беседовали. Она также очень любила читать. Одна из ее книг о природе Завета оказала большое влияние на богословские воззрения Джонатана. Он уважал в ней ум, и ему нравилось обсуждать с ней серьезные, глубокие темы. Несмотря на суматоху и скандалы в университете, Джонатан обычно легко сосредоточивался

на богословии. Иногда все заслонял образ Сары. Ему пришлось дисциплинировать себя, чтобы не впасть в искушение. Он писал: «Когда меня сильно одолевают искушения... я концентрируюсь на своих занятиях и не позволяю своему разуму отвлекаться». Тогда он упорно занимался грамматикой древнегреческого языка.

Но, очевидно, это не всегда помогало. На титульном листе греческой грамматики им была написана такая ода Саре: «Говорят, в Нью-Хэйвене живет одна юная леди, которую очень любит то Великое Существо, Которое сотворило этот мир и правит им, и иногда наступают такие времена, когда это Великое Существо, до той или иной степени невидимое, приходит к ней и наполняет ее разум изумительным блаженством, и она едва может думать о чем-либо другом, кроме как о Нем... ее разум на редкость светел, а чувства чисты; во всем, что она делает, она руководствуется совестью и справедливостью; и ее невозможно заставить сделать что-либо скверное или греховное, даже предложив ей весь мир за это... Иногда она гуляет, нежно напевая, и кажется всегда такой светлой и радостной; но никто не знает почему. Она любит одиночество, и, когда она бродит по полям и рощам, кажется, что с ней беседует кто-то невидимый». После трех лет дружбы и ухаживаний Джон сделал ей предложение, добавив при этом: «Терпение обычно считают добродетелью, но в этом случае я готов признать, что терпение почти греховно». И Сара Пьерпон ответила согласием этому долговязому юноше. 20 июля 1727 года они поженились. Ему было тогда двадцать три года, а ей — семнадцать.

Они прожили в браке тридцать один год, пока в 1758 году их не разлучила смерть. И двадцать три года совместной жизни они провели в городе Нортхэмптон, в центральном Массачусетсе. Джонатан принял там служение в приходе с шестьюстами прихожанами. Его дед, Соломон Стоддард, который был там священником

прежде, решил уйти на покой — ему было уже восемьдесят три года. Это была самая большая и влиятельная церковь после Бостонской. Возможно, молодым более подошло бы именно служение в Бостоне. Джонатан был интеллектуалом, а не человеком, способным зажигать проповедью большие массы народа. Его предки были аристократами, что, конечно же, оказало огромное влияние на его вкусы и манеры. Но тем не менее молодожены считали, что в Нортхэмптон их призывает Сам Господь.

Джонатан всегда предпочитал писать, а не проповедовать, и свои проповеди он именно писал. Писал в стиле, который был характерен для духовной прозы того времени, то есть без яркого драматизма... Один из его биографов пишет: «Высокий и хрупкий, с высоким лбом, он был по-студенчески бледен и говорил очень спокойно и разборчиво. Лицо его при этом было довольно сурово, а поза — величественна. Он практически не жестикулировал. Эффектность его проповедей заключалась в его серьезности, в ясности изложения и в мастерском владении паузой». Его проповеди, которые впоследствии приобрели такую широкую известность, были написаны в большинстве случаев на клочках бумаги, на обороте счетов из магазина, на обороте упражнений в чистописании его детей и на обороте рекламных объявлений. Биограф Ола Уинслоу пишет: «Эдвардс берег частички бумаги точно так же, как он берег частички времени. И те, и другие он использовал для дела». В наши дни историкам интересны как сами проповеди Эдвардса, так и то, что сохранилось на обратной стороне этих листочков.

Эдвардс поднимался рано утром. В своем дневнике он отмечал: «Полагаю, что Христос всем нам заповедал рано вставать, восстав из гроба в весьма ранний утренний час». У него была фобия пустой траты времени. «Я давно принял решение никогда не терять ни минуты зря, но использовать все время с максимальной пользой, на какую я только способен». Но это вовсе не значило, что он только

и делал, что читал Библию и молился. Один час он ежедневно посвящал физическому труду. Зимой он с огромным удовольствием колол дрова. Иногда и больше, чем час в день. Но Сара следила не только за домом, но и за садом и за полем. Как-то Эдвардс спросил ее: «Не пора ли наколоть дров?» А Сара ответила: «В сарае ты запас дров уже на две недели вперед». Самьюэл Хопкинс писал: «Очень счастливым обстоятельством его жизни было то, что он все мог доверить заботам миссис Эдвардс, будучи полностью уверенным в том, что она все устроит наилучшим образом. Она была в высшей степени рассудительной и деловитой хозяйкой, при этом и хорошим экономистом. В хозяйстве она всем управляла твердо и незаметно для других. Она относилась к мужу с огромным почтением, искренне разделяла его интересы и склонности и во всем, что касалось дома, добивалась превосходных результатов».

Джонатан очень любил конные прогулки, но его огорчало то, что, катаясь на лошади, он теряет драгоценное время. Поэтому он и во время этих прогулок делал записи. А чтобы не потерять драгоценные мысли, он прикалывал записки к одежде. По его возвращении домой Сара снимала эти листочки и помогала ему привести в систему все им записанное. Часто он брал на эти прогулки и Сару, чтобы дать ей возможность немного отвлечься от хлопот с детьми. Это говорит вовсе не о том, что семья ее утомляла, а о том, что Джонатан любил бывать с нею. Обычно около четырех часов пополудни они вместе выезжали на прогулки. В это время они обсуждали самые разные вопросы, в том числе и дела прихода.

Поздно вечером, когда все в доме уже спали, они вместе молились в его кабинете. «Все в доме» — это их маленькая дочь, которая родилась спустя год после их брака. Список все увеличивался и завершился двадцатью двумя годами позже рождением их одиннадцатого ребенка. «Она прекрасно умела держать себя с детьми, — писал

Самьюэл Хопкинс, — она умела заставить их подчиняться весело, без сердитых слов и шлепков... Если требовалось наказать кого-либо из детей, то она никогда не делала этого в гневе... Воспитывая своих детей, она обращалась в первую очередь к их разуму, так что они не только знали, чего от них хотят, но и понимали, зачем это нужно... Она приучала их к дисциплине с очень раннего возраста и взяла за правило корректировать как самые первые вспышки неповиновения, так и все последующие... справедливо полагая, что если ребенка не научат подчиняться родителям, то его никогда уже не научить подчиняться Богу».

Джонатан также занимался детьми. Он уделял этому ежедневно час своего времени. Хопкинс писал, что этот внешне суровый проповедник праведности «с легкостью поддерживал разговор с детьми обо всем, что их заботило, их разговоры всегда были оживленными и очень веселыми... Затем он снова отправлялся в свой рабочий кабинет». В книгах и проповедях Эдвардса почти не говорится о проблемах семьи. Но там мы находим такие слова: «Все человечество живо и развивается только благодаря любви». «Каждая семья должна быть маленькой церковью, посвященной Христу, и полностью подчиняться Его законам. А семейное образование и порядок в доме — одни из самых главных путей благодати. Если в этом благодать не проявляется, то все другие ее пути — скорее воображаемые, чем действительные».

В 1734 году, после того как Эдвардс произнес серию сильных проповедей о любви, основанных на 13-й главе 1 Послания к Коринфянам, в нортхэмптонской церкви началось движение Великого пробуждения. «Едва ли хоть один человек в городе оставался безразличным к проблемам вечности», — говорил Эдвардс. Ему был тогда тридцать один год. Саре было двадцать четыре года, и у нее уже было четверо дочерей. Они почувствовали, что начатое ими движение набирает огромную силу и выходит

из-под их контроля. Город был захлестнут эмоциями. Даже всегда такая спокойная Сара поддалась всеобщему экстазу. Приход стал самым популярным местом во всей округе. Скептики, которые приезжали разобраться, в чем было дело, обращались к Христу. Эдвардс пытался сдерживать вспышки эмоций, но ему это далеко не всегда удавалось. Около трехсот человек, живших в маленьком массачусетском городке, утверждали, что все были обращены в течение полугода.

Но так же быстро, как и началось, это движение пошло на спад, а затем и вовсе сошло на нет. Многие из жителей города, которые утверждали, что пришли к духовным открытиям, снова вернулись к прежним грехам. Джонатан был сильно обескуражен этим. Но что его удивило еще больше, так это то, что происходило с Сарой. Прежде она была спокойным менеджером, а теперь стала раздражительной, мелочной и придирчивой. Позднее, вспоминая об этом периоде, Джонатан писал: «Ее состояние было крайне нестабильно, у нее было множество спадов и подъемов... она часто впадала в меланхолию». Более того, что прежде было для нее совершенно нехарактерно, «она стала порицать и сурово судить других». Конечно, посторонние люди, как например Самьюэл Хопкинс, поначалу ничего не заметили. «Она всегда говорила о людях только хорошее», — писал он и восхищался ее терпением, бодростью и чувством юмора. Но Джонатан видел, что все обстоит далеко не так замечательно.

В Нортхэмптоне возникла оппозиция Эдвардсу, и Сара не знала, как ей на это реагировать. К ней в городе всегда относились очень хорошо. У нее никогда не было никаких врагов, и она не знала, что ей делать, если таковые появятся. А вот у Джонатана недоброжелателей хватало. Даже многие из его двоюродных братьев отравляли ему жизнь. Часто он не замечал недоброжелателей вовремя. Ведь он все время проводил в своем кабинете. А Сара

часто бывала в магазинах, на улицах, встречалась с людьми. И она прекрасно понимала, что над Нортхэмптоном сгущаются тучи. Сара заранее чувствовала то, что Джонатан еще не разглядел. Она не хотела беспокоить мужа из-за мелких стычек в приходе и пыталась сохранить равновесие и относительное спокойствие. Но ей это давалось все труднее, в том числе и психологически.

Саре было всего тридцать лет, но в течение последних тринадцати она была одной из самых влиятельных фигур в городе. Наступил 1740 год. И за следующие два года в приходе произошло больше бурных событий, чем за предыдущие тринадцать. Сара только что родила своего седьмого ребенка (шестую из своих дочерей). Через четыре дня она получила известие о смерти своей старшей сестры. Той весной дети болели чаще, чем обычно, и Эдвардсы оказались в очень трудной финансовой ситуации. Джонатан (вне всякого сомнения, под влиянием Сары) обратился в городской совет с просьбой о повышении жалования. Осенью в город приехал двадцатилетний проповедник Джордж Уайтфилд. Он уже взбудоражил Филадельфию и Бостон. Нортхэмптон, переживший лихорадку пятью годами раньше, был готов к новой вспышке. То же самое относилось и к Саре. Она говорила, что ее сердце «было поглощено пламенем любви Христа, которое спускалось на нее, подобно мощному потоку прекрасного света».

Не менее взволнован был и сам Уайтфилд. На него произвели огромное впечатление дети Эдвардсов, сам Джонатан («Я не встречал человека, подобного ему, во всей Новой Англии»), но в особенности Сара. Он очень оценил ее способность «говорить о Боге прочувствованно и в то же время очень точно и уверенно». Его поразило то, насколько гармоничной парой они были с Джонатаном. Под влиянием Сары он стал молиться о том, чтобы встретиться с женщиной, которая стала бы его женой. В

следующем году он женился. Взволнованность 1735 года стала первой фазой Великого пробуждения. Искра, которую зажег в 1740 году Уайтфилд, стала второй фазой. В Новой Англии пламя поддерживал Джонатан Эдвардс. Хотя по натуре он не был человеком, стремившимся к работе с большими массами людей, его часто приглашали на богослужения в самые разные церкви Новой Англии. Именно в тот период была написана проповедь «Грешники в руках разгневанного Бога». Она сразу же приобрела огромную известность.

В жизни же Сары это означало новый период психологической нестабильности. Ей не нравилось, что ее муж так много времени проводит вне дома, но она понимала, что не может настаивать на том, чтобы он не уезжал из Нортхэмптона. Бог посылал его на служение в самые разные города. Но Джонатан принимал далеко не все приглашения. Многие он отклонял со словами: «Последнее время я слишком много времени провожу вдали от моей паствы». В середине января 1742 года, в одну из самых суровых зим восемнадцатого века, он снова отправился в путь, а Сара осталась дома с детьми. В каждый четный год их брака у них рождался ребенок. Но в 1742 году Сара не была беременна. «Я чувствовала себя такой несчастной, мне было очень тревожно... Думаю, я очень нуждалась тогда в помощи Бога... В течение некоторого времени я просто боролась с Богом».

Незадолго до своего отъезда Джонатан довольно резко сказал, что она, по его мнению, слишком негативно относилась к некоему «мистеру Уильямсу Хэдли», который проповедовал в Нортхэмптоне. Эта критика пришлась как раз на то время, когда Сара была чрезмерно ранимой. На нее это произвело слишком сильное впечатление. «Я лишилась сна и покоя из-за того, что мой муж высказал мне свое неудовольствие». Ее беспокоило не только то, что муж потерял к ней доверие, но и то, что она обидела Уильямса. В отсутствие Джонатана проповедовать в

церковь прибыл выпускник семинарии Самьюэл Буэлл. Сара была в очень подавленном состоянии. Безусловно, она хотела, чтобы проповедь молодого человека приблизила паству к Богу, но она опасалась, что тот окажется лучшим проповедником, чем ее муж, и это подорвет авторитет Джонатана в приходе.

Стремилась ли она к духовному возрождению в Нортхэмптоне, даже при том условии, что Бог явит Свою силу не через Джонатана? И в особенности если бы духовным лидером стал молодой человек, подобный Самьюэлу Буэллу? Саре трудно было ответить на этот вопрос. В ее душе происходила внутренняя борьба. Но затем она стала ходить на «проповеди Буэлла, которые были гораздо эмоциональнее, нежели проповеди мистера Эдвардса». И снова Сара была в состоянии, близком к экстатическому. «Ее душа стремилась ввысь, была в Боге и, казалось, почти отделялась от тела». В голову ей приходили песнопения, и она «едва сдерживалась, чтобы не вскочить со своего места, чувствуя себя исполненной счастья». На следующий день она потеряла сознание и «пролежала значительное время в обмороке счастья». В течение нескольких последующих дней она, по ее словам, «ощущала бесконечную красоту и доброту Христа и небесную сладость Его трансцендентной любви». Она претерпела сильное изменение личности. «Никогда я не ощущала так ясно пустоту и тщету самолюбия и любых корыстных интересов. Я поняла, что мир мог думать обо мне все, что угодно, это не имело ни малейшего значения». С того времени она начала ощущать «поразительную близость к Богу в молитве».

Хотя Сара и не прислушивалась к мнению мира, мнение ее мужа оставалось для нее очень значимым. И она очень боялась, что когда он вернется и узнает о том, что произошло, то подумает, что она уронила свое достоинство. Ведь Джонатан всегда стремился свести к минимуму эмоциональный накал в движении духовного

возрождения. Но Джонатан отнесся ко всему с пониманием. Его очень заинтересовал ее духовный опыт, и он попросил ее описать все, что она чувствовала, так точно, насколько только могла. Эдвардс, подобно психоаналитику, записывал поток ее сознания. Позже он опубликовал эти записи (не указав ее имени, чтобы не смущать ее) как аргумент в защиту духовного возрождения. Он не стремился ставить на жене эксперименты, как на морской свинке, или подвергать ее опыт научному анализу, но понимал, что это все же необходимо. Его разочаровали недолговечные результаты духовного всплеска 1735 года. Многие пережили действительное возрождение, но многие были просто охвачены эмоциями. Ему было очень важно знать, насколько долговечными будут результаты того, что пережила Сара.

Он вовсе не собирался пропагандировать религиозный экстаз, тем более что речь шла о его собственной жене. В каждом эмоциональном опыте «есть то, что заложено от природы, то, что продиктовано грехом, и то, что даровано Богом». Джонатан, наблюдавший эмоциональное состояние своей жены в течение последних нескольких лет, видел, как изменилась эта хладнокровная и собранная женщина. Он не мог не догадываться, что вскоре она должна была выйти из того состояния, в которое пришла под влиянием религиозных переживаний. Часть ее опыта была заложена природой, но часть, несомненно, была чем-то истинно духовным. Она уверовала в раннем детстве, и Джонатан знал об этом. Он знал, что дело было не в одних эмоциях. Речь шла и о явлениях, которые, безусловно, имели духовную природу. Сара всем своим существом стремилась к Иисусу Христу.

Годом позже Джонатан опубликовал результаты своего исследования. Теперь Сара обрела твердую уверенность в благих намерениях Бога, которой у нее не было прежде. Она успокоилась, и успокоилась в Боге.

Джонатан поражался, насколько она была «спокойна, безмятежна и ласкова». Что бы она ни делала, она делала теперь для славы Божьей, а не ради мирских похвал. По словам Эдвардса, она жила «с ежеминутным ощущением трудов и переживаний ради Господа». В его понимании такая сосредоточенность на Христе и была главной целью духовного возрождения. Вполне возможно, что без такого духовного опыта Сара не смогла бы справиться с теми проблемами, которые в скором времени возникли в Нортхэмптоне.

Самой главной проблемой были финансы. Нортхэмптон со все большим неодобрением относился к непрерывным просьбам Эдвардса о материальной поддержке. С одной стороны, Джонатан и Сара были очень бережливыми людьми. С другой стороны, Сара была воспитана в одном из богатейших домов Нью-Хэйвена, и это чувствовалось. Она хорошо одевалась и обставляла дом дорогой мебелью. Горожане, кроме того, не понимали, зачем Джонатану такое огромное количество книг. Почему Эдвардсу не хватало обычных библейских комментариев? Ведь он проповедовал по Библии, не так ли? Да и тот факт, что в доме Эдвардсов раз в два года появлялся новый ребенок, не вызывал в прихожанах особого сочувствия. В окрестностях у многих семей было гораздо больше детей, но люди вполне могли прокормить их и на деньги вдвое меньшие, чем жалование Эдвардса. Историки пишут о «волнениях в городе», вызванных тратами Эдвардсов. Дело кончилось тем, что от Сары потребовали детального отчета по всем расходам.

Горожане изумлялись: с какой стати человеку нужно два парика? Почему Джонатан потратил одиннадцать фунтов на покупку золотой цепочки и медальона для жены? Город был возмущен их тратами. Как Джонатан мог просить денег у бедных прихожан, которые ели из деревянных тарелок, тогда как в его доме все ели из оловянных? Джонатан мог позволить себе серебряные

пуговицы на ботинках, а большинство верующих ходило в обуви с обычными шнурками. Да и Сара носила дорогие наряды. Эта тема была одной из основных в городе в течение многих лет. В периоды духовного пробуждения она отступала на задний план, но затем ее вновь начинали муссировать.

Другая проблема заключалась в том, что Джонатан решил не допускать на богослужения «тех, кто не является практикующим христианином». Они обсудили это с Сарой и пришли к выводу, что именно так и нужно поступить. По словам Сары, муж сказал ей, что он «никогда не допустит в церковь человека, если не будет уверен, что тот истинно верующий. Он прекрасно понимал, что такое решение повлечет за собой множество проблем».

Почему Джонатан занял такую жесткую позицию? Ведь этим Он отвергал принципы своего деда. Эдвардс знал, что он может потерять все, и что семье, вероятно, будет угрожать бедность, но решил пройти по этому пути до конца.

Его пригласили директором в один из колледжей. Комитет колледжа хотел, чтобы Джонатан «постарался избежать возможных проблем». Но Эдвардс отказался.

Период с 1735 по 1740 год стал крайне тяжелым для Сары, а для Джонатана полными испытаний стали годы с 1745-го по 1750-й. В течение всей жизни Джонатан сильно страдал от головных болей, колита и приступов дурного настроения. Но теперь он раздражался из-за самых незначительных обстоятельств и потерял даже тех, кто прежде его горячо поддерживал. Несколькими годами позже Джонатан размышлял: «Бог не посылает нам раздражения и внутреннего давления, если на то нет каких-либо действительно значимых причин». Но вопрос об «истинности верующих» в церкви был очень значимой причиной. Когда события начали принимать серьезный оборот, Сару попросили поехать в Бостон, чтобы ухаживать там за одним из ее родственников, пережившим

удар. Она пробыла там несколько недель и получила от Джонатана нежное письмо, в котором он обращался к ней «моя дорогая супруга» и писал о том, что дети очень хорошо ведут себя в ее отсутствие. Он также просил ее привезти из Бостона сыра, а заканчивал письмо словами: «Без тебя мы уже так долго, что уже и не знаем, что нам делать». Он всегда подчеркивал, как ему хорошо с ней, и никогда не нуждался в ком-то другом.

В 1750 году обстоятельства сложились самые скверные. Сара только что родила одиннадцатого ребенка, а через два месяца после родов, ослабленная как физически, так и морально, она тяжело заболела. Горожане объявили семье Эдвардс бойкот и отказывались разговаривать с ними на улице. Церковь посещала лишь небольшая часть прихожан. Была составлена петиция об увольнении Эдвардса, и эту петицию подписали двести человек. К лету Джонатан потерял работу. Джонатан, сорока шести лет от роду, и Сара, которой было тогда сорок, прожили в Нортхэмптоне двадцать три года. Жители этого города, как пишет Пол Элмер Мор в «Кэмбриджской истории американской литературы», «изгнали величайшего богослова и философа из всех когда-либо живших в Соединенных Штатах».

Сколь бы странным это ни казалось, Эдвардсу было очень трудно найти другую церковь, в которой он мог бы нести служение. Он был охвачен отчаянием и не знал, что ему предпринять. «Теперь я выброшен в огромный океан мира и понятия не имею о том, что станет с моей женой и детьми». Он признавал, что не способен заниматься «ничем, кроме исследований».

У Нортхэмптонатоже появились проблемы. Там не могли найти священника, который мог бы стать достойным преемником Эдвардса. Некоторое время Джонатан оставался за кафедрой изгнавшей его церкви. Он проповедовал там без горечи и раздражения. Сара с дочерьми вышивала и расписывала веера. Все, что они

изготавливали, отправлялось в Бостон на продажу. Как для Джонатана, так и для Сары это были очень тяжелые времена. Затем Джонатан отправляется миссионером к индейским племенам на западной границе Массачусетса. Там была маленькая церковь. Приход состоял из нескольких белых семей и сорока двух индейцев. На службу все собирались по сигналу некоего индейца по имени Давид, который «трубил в раковину». Это вовсе не походило на роскошь Нью-Хэйвена и даже на Нортхэмптон, в котором приход был самым большим после бостонского. В Стокбридже (так называлось их новое место жительства) Джонатан проповедовал в небольшой комнате, а переводчик доводил его слова до индейцев, которые кутались в медвежьи шкуры.

Джонатан писал своему престарелому отцу в Виндзор: «Моя жена и дети всем здесь довольны. Место им понравилось гораздо больше, чем они того ожидали. Здесь наконец мы живем в мире. А ведь мы уже давным-давно отвыкли от этого. Индейцы очень симпатизируют нашей семье, в особенности моей жене».

Джонатан не переживал оттого, что живет вдали от центра цивилизации. Приход не требовал особых хлопот, и у него появилось время, которое он посвятил литературному труду. Его самый известный философский трактат «О свободе воли» был написан в Стокбридже. Но все же и Джонатан, и Сара чувствовали себя там не совсем уютно. Джонатану не нравилось то, что он проповедует через переводчика. Он пытался приблизить свои проповеди к уровню своих слушателей, но понимал, что их разделяли слишком значительные барьеры: языковой и, что важнее, культурный. Сара, которая в это время старалась выдать замуж дочерей, не интересовалась жизнью их нового прихода. Прежде, в Нортхэмптоне, она несла служение гостеприимства, дом Эдвардсов там практически превратился в отель. А вот в Стокбридж к ним почти никто не приезжал.

Все шло своим чередом, пока в 1754 году не разразилась война между французами и индейцами. Миссионерская работа Джонатана была приостановлена. В его приходе были могиране, мохоки, ирокезы и хосатоннуки. Некоторые из индейских племен встали на сторону французов, некоторые склонились на сторону англичан, другие вышли на тропу войны против тех и других. В окрестностях было убито множество европейцев, и постепенно дом Эдвардсов превратился в маленький форт. Три года они жили в осаде. Белое население покидало насиженные места для того, чтобы быть поближе к колонии Эдвардсов. У них в доме постоянно дежурили четверо солдат. Позже Сара представила правительству счет за восемьсот обедов и семь галлонов рома, которые употребили суровые вояки.

Эстер, одна из дочерей Эдвардса, вышла замуж за молодого ректора колледжа Аарона Бэра. Во время этой осады она приехала навестить своих родственников в Стокбридж и надолго осталась там, поскольку выбраться обратно уже не представлялось возможным. В это время она много беседовала с отцом о своих духовных исканиях. «Я рассказывала ему о своих проблемах, а он в ходе разговора устранял многие мои сомнения и страхи. Мы говорили о том, что значит быть христианином, и он дал мне несколько очень полезных советов о том, как оставаться близкой к Богу, соблюдая втайне ото всех некоторые важные правила. Говорили мы и на людях о серьезных вещах. Какое благословение иметь такого отца — такого прекрасного духовного попечителя». Едва ли многие могли отозваться столь лестно о Джонатане Эдвардсе.

Школе, которой руководил муж Эстер в Нью-Джерси, было суждено сыграть немаловажную роль в жизни Джонатана. Своего сына Эстер назвала Аарон, по имени мужа, и он впоследствии вошел в американскую историю.

Война французов и индейцев пошла на спад, и краснокожие воины стали постепенно возвращаться в Стокбридж. Джонатан и Сара были уже готовы возобновить миссионерскую работу, когда неожиданно получили известие о том, что их зять, Аарон Бэр, умер. Через пять дней в Стокбридж пришло еще одно известие: совет директоров приглашал Джонатана Эдвардса заменить его зятя на посту ректора этого учебного заведения. Джонатан считал, что ему не следует принимать это приглашение. В Стокбридже только-только что-то начинало налаживаться. Кроме того, он хотел завершить написание двух неоконченных рукописей. Физически и эмоционально он не был готов ехать.

Он писал: «Я часто страдаю как от физических недомоганий, так и от тяжелых приступов меланхолии. Часто я слаб, как ребенок. Моя внешность и речь унылы, и я недостаточно собранный человек для того, чтобы руководить колледжем». Затем выдвинул новые аргументы: он плохо знал алгебру и не ориентировался в древнегреческих классиках. Зная, что руководителю колледжа приходится произносить много речей, он отмечал: «Пишу я гораздо лучше, чем говорю». Но в Принстоне эти аргументы не сочли убедительными. Его ответ они истолковали скорее как «может быть», чем как твердое «нет». Церковным властям, в ведение которых входил Стокбридж, была направлена телеграмма, в которой говорилось, что Эдвардс был гораздо нужнее в Нью-Джерси, чем на диком Западе, в Массачусетсе. Эдвардса поразило, что совет церкви полностью согласился с этим мнением.

В январе 1758 года Джонатан покинул Стокбридж и отправился в Нью-Джерси, где через месяц приступил к исполнению своих обязанностей. Сара должна была вскоре к нему присоединиться, уладив семейные дела в Стокбридже. Но в марте, пробыв в своей должности несколько недель, Джонатан Эдвардс заболел оспой.

Умирая, он все время думал о жене и детях. Он сказал: «Передайте моей дорогой жене, что я очень люблю ее. Я уверен в том, что наш неординарный союз имеет духовную природу, а потому продолжится в вечности. Надеюсь, что она преодолееет это испытание и найдет в себе силы с радостью принять волю Господа. Что же касается детей, то они теперь останутся сиротами, и, надеюсь, от того будут еще сильнее стремиться к Отцу, Который никогда не оставит их». Перед смертью он сказал дочери, сидевшей у его постели: «Уповай на Бога и ничего не бойся». Сара была потрясена случившимся. Почему Господь призвал Джонатана в Принстон? Однако, как отмечал Хопкинс, «она была тверда в вере и переносила смерть мужа достойно».

Через две недели после смерти Джонатана Сара писала одной из своих дочерей: «Мое дорогое дитя! Что мне сказать? Благой Господь погрузил нас во тьму... Я благодарна Ему за ту доброту, которую он являл нам так долго, и я всем сердцем принадлежу Господу». Прожив в браке с Джонатаном тридцать один год, Сара осталась вдовой. Теперь ее любимый стих Писания обрел для нее еще больший смысл: «Кто отлучит нас от любви Божией?.. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь... ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». Спустя шесть месяцев, так же внезапно, как и ее муж, Сара заболела дизентерией и умерла. Ей было сорок девять лет.

Это был, как сказал Джонатан Эдвардс на своем смертном одре, «неординарный союз». Один из биографов назвал этот брак «редким и полным радости». Оба они уделяли друг другу много внимания, и их брак стал очень счастливым. Они наслаждались обществом друг друга и ценили таланты друг друга. Биографы считают, что успех этого брака — заслуга Сары. Возможно. Но Джонатан сделал ее частью своего служения, и она играла в обществе

более значимую роль, чем большинство женщин ее времени.

Это и в самом деле был неординарный союз.

Библиография

Dodds, Elisabeth D. *Marriage to a Difficult Man*. Philadelphia: Westminster, 1971.

Hirt, Russell T., ed. *Heroic Colonial Christian*. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1966.

Milner, Perry. *Jonathan Edwards*. 1949. Reprint. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1981.

Winslow, Ola Elizabeth. *Jonathan Edwards*. New York: Macmillan, 1947.

Wood, James Playstead. *Mr. Jonathan Edwards*. New York: Seabury, 1968.

Энергичные и независимые

Адонирам и Энн Джадсон

Американское миссионерское движение начинается с того дня, когда в 1812 году Адонирам и Энн Хэсселтайн Джадсон отплыли в Бирму. Это был их медовый месяц. Они поженились за неделю до этого. На корабле было множество кур, цыплят и свиней. Вероятно, существовали и лучшие места, в которых молодожены могли бы наслаждаться жизнью. Оба они были энергичными и независимыми. Казалось, столкновение неизбежно. Но все вышло иначе: они стали прекрасной парой. И вы спросите почему?

Почему у них все сложилось прекрасно, тогда как брак Кэри не удался? Безусловно, Адонирам не был идеальным мужем. Что же касается Энн, то другой муж пришел бы от нее в отчаяние. Так почему же их брак стал счастливым?

Когда Нэнси была еще подростком, она довольно часто попадала в неприятности, но выходила сухой из воды благодаря своему обаянию. Горожане считали, что ее испортил либерально настроенный отец. Так, например, она превратила целый этаж в доме в танцевальный зал. Этот зал стал центром молодежной жизни города, и Нэнси всегда была в гуще событий. Друзья говорили, что «рядом с ней невозможно было грустить». В начале девятнадцатого века большинство девушек получали довольно ограниченное образование, но родители Нэнси решили, что их дочь не должна останавливаться на общепринятом минимуме. Сама же Нэнси была слишком жива и подвижна для того, чтобы находить удовольствие в

сидении над книгой. Гораздо больше ее интересовало общение со сверстниками.

Нэнси была в семье младшим ребенком. Кроме того, ее старший брат погиб в море. Нетрудно понять, что такие обстоятельства сделали из нее всеобщего любимца и баловня. Один из биографов пишет: «Она была очень независима и самостоятельна... Ни выговоры, ни наказания не производили на нее ни малейшего впечатления, она лишь становилась еще упрямее». Иногда она уходила из дома и часами пропадала неизвестно где. Как-то ее мать сказала: «Надеюсь, однажды ты попадешь в переделку и поймешь, что тебе незачем шляться по окрестностям». Такова была Нэнси-бродяга, очаровательная, но испорченная.

И вот появляется Дон. Он был энергичен, остроумен, иногда немного мрачен и довольно-таки эксцентричен. Он ненавидел грязь и никогда не прощался. Это были его две основные фобии. Он был сыном священника из Новой Англии и научился читать в возрасте трех лет. Хотя он и был очень крепким и живым парнем, но всегда предпочитал книги шумным компаниям. Он, безусловно, восхищался своим отцом, хотя и бунтовал против его авторитета. Это превратилось в нечто вроде соревнования. Дерзкий, независимый и упрямый, — упрямство вообще было их семейной чертой, присущей отцу в не меньшей степени, чем сыну, — он окончил колледж и отправился в Нью-Йорк в поисках богатства и славы. Он мечтал о карьере актера или писателя. Он заявил отцу, что не верит в Бога как в личность, что его образование позволило ему отойти от таких примитивных воззрений. Молиться, конечно же, не имело никакого смысла. Примерно в то же время, когда Дон заявил, что он слишком образован для того, чтобы верить в личного Бога и в целесообразность молитвы, Нэнси заявляла: «Я уже достаточно взрослая для того, чтобы ходить на балы, и, конечно же, давно не такая маленькая, чтобы молиться».

Вы никогда бы не подумали, что Бог сможет сделать что-либо достойное из этих людей, и уж тем более что они когда-нибудь будут вместе трудиться на ниве Божьей. Но именно это и произошло.

Как вы уже догадались, Дон и Нэнси были их прозвищами. На самом деле их звали Адонирам Джадсон и Энн Хэсселтайн — бесстрашные миссионеры на бирманской земле. В отличие от супругов Кэри они составляли прочную миссионерскую команду.

Брак задорной, испорченной Энн и решительного, упрямого Адонирама не был сплошным праздником. Но они все же очень подходили друг другу. Они были в гораздо большей степени именно командой, а не влюбленной парой. И какой изумительной командой!

Первой христианской книгой, опубликованной в Бирме, стала «Дорога к небесам» Адонирама Джадсона: второй — «Катехизис миссис Джадсон», принадлежавший, понятно, перу Энн.

Подобно тому как Уильям Кэри известен в качестве отца британского миссионерского движения, Адонирам и Энн стали пионерами в деле создания американских миссий за рубежом. Энн вскоре стала образцом жены миссионера. Не обузой, которая неохотно тащится вслед за мужем, не пассивной и смиренной женой, исполняющей все приказы главы семьи, но миссионером, товарищем, неотъемлемой частью миссионерского служения. Но если бы вы вдруг оказались в 1806 году в пригороде Бостона, где выросли наши герои, вы ни за что бы не подумали, что кто-либо из них в принципе был способен стать образцом чего-либо. Тем более чего-либо связанного с христианством. Но вот однажды Энн была поражена фразой, которую встретила в книге британской писательницы Ханны Мур, связанной с реформатской церковью. Энн прочла: «Та, что живет удовольствиями, мертва, хотя и живет». Шестнадцатилетняя Энн терпеть не могла нотаций. Поэтому она отшвырнула книгу и взялась

за «Путешествие пилигрима» Беньяна. И через несколько месяцев, по ее собственным словам, Энн «перешла из смерти в жизнь».

А вот обращение Адонирама не было таким простым. Через два года после того, как с Энн произошли такие изменения, он приехал в Нью-Йорк для того, чтобы сделать там актерскую карьеру. Он присоединился к бродячей труппе, которая «вела бесприютную жизнь, останавливаясь там, где было можно найти крышу над головой, и нанимаясь там, где хоть немного платили. Короче говоря, как только приносили счета, все просто исчезали оттуда, где их требовалось оплатить».

Но двадцатилетний Адонирам не считал это правильным. Он не собирался вести такой образ жизни до конца дней своих. Он ощутил сильное разочарование и отправился обратно в родительский дом, в Плимут (Массачусетс). А на ночь остановился в придорожном отеле.

Той ночью Адонирам очень плохо спал, потому что в соседнем номере умирал человек, который непрерывно вскрикивал и стонал. Адонирам лежал в темноте и размышлял о грядущей собственной смерти. Он не был уверен в том, что готов встретить ее. Размышлял он и о том, не вернуться ли ему к христианским ценностям, которые исповедовал его отец, но тут же вспомнил своего приятеля по колледжу Джейкоба Имза и подумал, что бы он сказал на это.

Он ждал утра, которое прогнало бы прочь все страхи этой тяжелой ночи. Встав ранним утром, Адонирам отправился к хозяину отеля. «Этот несчастный старик из соседнего номера, как он?» — спросил Адонирам. «Он умер несколько часов назад. Но он не был стариком. Это был молодой человек примерно вашего возраста». Почему-то Адонирам спросил: «Как его звали?» Это был глупый вопрос, ведь в окрестностях он никого не знал. Хозяин отеля ответил: «Его звали Джейкоб Имз». Ошибки не было.

Речь шла о его близком приятеле по колледжу, чей скептицизм отвратил Адонирама от религии, которую исповедовал его отец.

Под впечатлением этого происшествия Адонирам вернулся в Массачусетс, к отцу. В его голове пульсировало: «Потерян». Но он еще три месяца переживал внутреннюю борьбу, пока не «обратился к Богу со всей торжественностью». Это случилось 2 декабря 1808 года. Запомните эту дату. С этого дня в жизни Адонирама начали происходить великие события. Его отец хотел, чтобы он стал священником и принял служение в Массачусетсе. Но у Адонирама были другие планы. Осенью он прочел о нуждах миссионеров в Индии, а затем и книгу о Бирме. Он был охвачен жадой миссионерства и не мог думать ни о чем другом. Ни здравый смысл, ни уговоры не могли развеять его энтузиазма. Он упрямо твердил, что хочет быть миссионером в Индии, а еще лучше — в Бирме.

Естественно, осуществить это намерение было не так-то просто. В Америке тогда попросту не существовало миссионерских обществ, занимающихся служением за рубежом, и ни один американец тогда еще не отправлялся в другую страну в качестве миссионера. Ближайшие миссии, которые могли бы помочь Адонираму в осуществлении его мечты, находились в Англии, но в Европе бушевала война 1812 года.

Но что значат препятствия для воодушевленного, энергичного человека двадцати двух лет? Адонирам собрал еще шестерых молодых людей, и они все вместе представили свой проект миссионерского служения руководству конгрегационалистской церкви Новой Англии. Именно тогда он и встретил Нэнси (или Энн, если вам так больше нравится) Хэсселтайн и до безумия влюбился в нее. Адонирам вообще не умел что-либо делать слегка, отчасти. Он во все бросался, будто в омут. Через месяц он попросил руки Нэнси у ее отца. Адонирам явно

торопился. В этом плане очень показательным его письмо к мистеру Хэсселтайну:

«Мне приходится просить у Вас ясного ответа: согласны ли Вы, чтобы ранней весной я уехал вместе с Вашей дочерью, и это будет означать, что Вы больше никогда не увидите ее в этом мире; согласны ли Вы на то, что Вашей дочери придется изведать все тяготы миссионерской жизни; согласны ли Вы на то, что она подвергнется опасностям далекого заокеанского плавания; опасностям, которым будет способствовать нездоровый климат Индии; всем печалям и скорбям; нищете, оскорблениям, преследованиям и, возможно, насильственной смерти».

Так в девятнадцатом веке «резали правду-матку» в глаза. Поразительно, но Хэсселтайн не сказал Адонираму «нет». Он предоставил право решать этот вопрос самой Нэнси. И не было ничего удивительного в том, что девушке, обратившейся всего за пару лет до этого, решение это далось ценой огромных душевных мук. В своем дневнике она спрашивала себя, сможет ли она «полностью отдать себя Богу и положиться на Него всем своим сердцем». Она говорила об Адонираме с сестрами, и далеко не всегда те отзывались о нем положительно. Они признавали, что он был человеком прямодушным и религиозным, но также «по натуре настырным, бескомпромиссным, амбициозным, свято верящим в свою правоту в любых обстоятельствах и совершенно безразличным к мнению старших».

Вопрос был поставлен ребром. Она не могла выйти замуж за Адонирама и при этом не поехать в Индию, Бирму или другое подобное место. Разделить эти две вещи не представлялось возможным. Но в октябре 1810 года Энн сдалась. Она писала тогда: «Иисус есть Истина, и нет ничего ценнее Его обещаний. Если бы не это, я просто впала бы в глубочайшее отчаяние. Ведь прежде ни одна американская женщина никогда не покидала берегов

Америки для того, чтобы жить среди язычников». Бродяга Нэнси приняла вызов.

Адонирам, которому к тому времени исполнилось двадцать два года, был беспредельно счастлив от того, что Нэнси ответила на его предложение своим согласием. Но он испытывал отчаяние от того, что конгрегационалисты Новой Англии очень неторопливо предпринимали шаги, необходимые для сбора средств на миссию. Поэтому в конце года он отправился в Лондон, надеясь, что сможет убедить Лондонское миссионерское общество выделить хоть какую-то сумму на задуманное им предприятие. Возможно, он также рассчитывал устыдить вялых американцев. Но в любом случае шаг этот был дерзким. Он писал Нэнси: «От всего сердца желаю тебе, любовь моя, счастливого Нового года... Пусть каждый миг этого года делает тебя все ближе к Богу и готовит тебя приветствовать вестника смерти, как освободителя и друга... Пусть это будет год, в который ты изменишь свою фамилию и навсегда попрощаешься с близкими и с родиной, в который ты пересечешь океан и отправишься на край света для того, чтобы проповедовать язычникам». Едва ли можно назвать это письмо типичным посланием влюбленного к своей невесте.

1811 год стал годом, в который Бог дал Адонираму урок терпения, и тому было очень нелегко этот урок усвоить. Британский корабль, на котором Адонирам отправился в Лондон, был атакован французским судном, и будущий миссионер был захвачен в плен. Он прекрасно владел древнееврейским и древнегреческим, но, к несчастью, не знал французского, поэтому просто не мог объяснить военным, что был американцем, а не англичанином. В конце концов ему все-таки удалось добраться до Лондона, но там он узнал, что Лондонское миссионерское общество не желало участвовать ни в каких совместных мероприятиях с американцами. Ему намекнули на то, что если бы они с Нэнси стали бы британскими

миссионерами, а не американскими, то могли бы рассчитывать на поддержку в Лондоне.

Вернувшись в Америку лишь к осени, Адонирам устроил скандал собственному начальству. «Если вы не отправите меня в Индию, — кричал он, — то я стану британским миссионером». Этот ультиматум, однако, не произвел ни на кого особого впечатления. Но в конце концов один из руководителей организованной миссии — в толпе всегда находится хотя бы один человек, стремящийся к миру, — сказал, что Адонирам был, безусловно, чрезмерно самоуверен, почему и напрашивался на неприятности, но это его качество как раз и было необходимо для того, чтобы успешно работать в качестве миссионера. И с поразительной быстротой необходимые для миссии деньги были собраны.

Февраль 1812 года стал часом торжества для Адонирама. Удивительно, как они с Нэнси умудрились собрать столько вещей за такой короткий срок.

Среда, 5 февраля, Бэдфорд, штат Массачусетс: Адонирам Джадсон, двадцать три года, и Энн Хэсселтайн, двадцать два года, венчаются в церкви преподобного Хэсселтайна.

Четверг, 6 февраля, Салем, штат Массачусетс: Адонирам и еще четверо миссионеров «публично получают благословение на служение Богу и Евангелию Его Сына среди язычников». Это было очень взволнованное собрание. На рукоположение пришло около двух тысяч человек. Во время рукоположения молодых людей Нэнси подошла к мужу и преклонила колени рядом с ним. Она тоже получала благословение на миссионерскую деятельность.

Понедельник, 10 февраля, порт Салем: после прощального богослужения накануне вечером Адонирам и Нэнси отправляются в Индию. «Это просто-таки ковчег», — сказала Нэнси, когда увидела на борту всех этих кур и свиней. Погода задержала отплытие на неделю, но в конце

концов корабль вышел в открытое море. Всю эту неделю — их медовый месяц — они провели в тревожном ожидании в доме одного из своих друзей в Салеме.

В течение этих февральских дней Нэнси узнала о фобиях своего мужа. В частности, о том, что он никогда не говорил «до свидания». Утром после свадьбы он убедил ее уехать еще до рассвета, так, чтобы не пришлось прощаться с родными. Вечером после величественного рукоположения он снова попытался быстро и незаметно исчезнуть, но на этот раз его вернули, и ему пришлось пожимать руки многочисленных провожающих. Когда наконец было сообщено о том, что корабль отправляется в плавание, в доме, где они жили, собралось множество друзей. «Не сказав никому ни единого слова, он спокойно выскользнул из дома, отправился на пристань и взшел на борт „Каравана“. Там он стал дожидаться прихода Нэнси», — так рассказывает о его отъезде биограф Кортин Андерсон, после чего добавляет: «Нэнси была очень расстроена»...

Вы можете представить себе душевное состояние Нэнси, когда корабль вышел из порта. После двух недель возбужденного ожидания она почувствовала невероятную слабость и упадок сил. На борту судна, как она признавалась, она «очень боялась смерти», ей вовсе не хотелось «утонуть в океане, и опасения были связаны не столько с моей судьбой после смерти, сколько с нежеланием погибнуть среди волн». Но вскоре путешествие начало ей нравиться. Чтобы не терять физической формы, Адонирам и Нэнси прыгали через канат и танцевали. Поскольку на палубе было оченьлюдно, прогуливаться было просто негде. И она стала привыкать к странному, дерзкому, блестящему молодому человеку, за которого она вышла замуж. В дневнике она писала, что Адонирам был «самым добрым, верным и нежным мужем на свете». Но вскоре возникли и проблемы.

Все началось с того, что Адонирам стал серьезно изучать Новый Завет по-древнегречески и заинтересовался происхождением греческого слова, означавшего «крещение». Как член конгрегационалистской церкви, он принял крещение в детстве, и при этом его окропили водой. Но теперь, изучив древнегреческий и все, что говорится в Библии о крещении, он пришел к заключению, что крещение должно осуществляться через погружение. Когда он поделился этим соображением с Нэнси, она очень встревожилась. И не зря. Они были конгрегационалистами, посланными на служение конгрегационалистской церковью. Руководство церкви приложило большие усилия к тому, чтобы профинансировать миссию Джадсонов. Менять убеждения именно теперь было безответственно и бездумно. В этом случае они лишились бы поддержки тех людей, на которых опирались. Коней на переправе не меняют, равно как и деноминации посреди огромного океана.

«Я пыталась отговорить его, — вспоминала Нэнси позднее, — и все время говорила ему о том, что если он станет баптистом, то пусть не ждет от меня того же». У Нэнси были свои убеждения, и она твердо придерживалась их. «Однако он считал, что должен детально изучить вопрос, который так глубоко взволновал его», и «был решительно настроен вчитываться в Писание со вниманием и молитвой, а добившись истинного понимания, придерживаться его во что бы то ни стало, какие бы чудовищные последствия это ни повлекло». Дискуссия о крещении не прекратилась и в Калькутте, и конгрегационалистские убеждения Нэнси не удержали Адонирама от того, чтобы поселиться в Индии в общине британских баптистов и сдружиться с Уильямом Кэри, пионером баптистского миссионерства.

Но Нэнси не была намерена сдаваться без борьбы. Чтобы отстоять свою позицию, она тщательно сверила все, что говорится на эту тему в Ветхом и Новом Заветах. «Я

намерена разобраться во всем этом, и надеюсь, что открою для себя истину, какой бы она ни была.

Для меня невероятно тяжело всерьез предположить, что я могу отречься от учения, которое привито мне с детства, и приму ту доктрину, к которой меня учили относиться с пренебрежением».

Адонирама психологические факторы не волновали. Для него независимость всегда была важнее всего. А вот Нэнси очень опасалась оказаться в изоляции, порвав связи с родными и близкими и прежде всего с коллегами-миссионерами, с которыми они прибыли в Индию. «Если он отречется от прежних убеждений, — писала она, — он оскорбит своих друзей у себя на родине, подвергнет риску свою репутацию и, помимо всего прочего, потеряет контакт с товарищами, вместе с которыми сюда приехал». Нэнси все это очень не нравилось.

Адонирам принял решение стать баптистом в начале августа. Нэнси колебалась дольше, однако к концу месяца она тоже поняла, что сила библейских аргументов была на стороне баптистов. В следующем месяце Адонирам и Нэнси приняли крещение погружением. Церемонию провел один из сотрудников Уильяма Кэри. Вот как Нэнси писала в своем дневнике о том, как ей далось это решение в психологическом плане: «Мы ощущали, что в мире мы одни, что у нас нет никаких друзей, кроме друг друга, и мы ни на кого не можем надеяться, кроме Бога».

Были у Джадсонов и другие проблемы. В частности, они не знали, как им перебраться из Индии в Бирму. Их идеалистические представления о Бирме были полностью подорваны. Источники, на которые они опирались, составляя себе представления об этой стране, оказались совершенно недостоверными. Британские миссионеры сказали им, что в Бирму пробраться практически невозможно, а жить там и вовсе нереально. Но еще более печальным был и тот факт, что британским властям в

Индии не нравились миссионеры, в особенности американские.

Джадсонов приговорили к депортации в Англию. Джадсоны решили, что такое развитие событий совершенно им не подходит, и сумели попасть на корабль, доставивший их на остров Маврикий, площадь которого составляет около двадцати пяти квадратных миль, лежащий в трех тысячах пятистах милях от континентального побережья в юго-западной части Индийского океана.

Но чем дольше они там оставались, тем яснее им становилось, что им, собственно говоря, делать нечего. И самым трудным во всей этой ситуации было то, что Нэнси забеременела. Адонирам, часто поддававшийся эмоциям, был в отчаянии. Они отплыли из Новой Англии в феврале 1812 года. Теперь же шел июнь 1813-го, а они все еще находились в четырех тысячах миль от Бирмы. Остров, на который они попали, лежал вдали от главных торговых магистралей, корабли там были редкостью, тем более корабли, идущие в Бирму. И, конечно же, услышав рассказы британских миссионеров, они начали думать, что все запланированное ими мероприятие было просто самонадеянной ошибкой. Адонираму приходилось совершать самонадеянные поступки и прежде.

Однажды в порт пришел корабль, направляющийся — куда бы вы думали? — в Рангун (Бирма). Но ведь Нэнси была на восьмом месяце беременности. Следовало ли им отказаться от этой возможности, и исполнить предписание британских властей об отправке в Англию? Многие советовали им отложить начало их миссионерского служения на несколько лет. «Потерять несколько лет — это все же лучше, чем потерять все ради того, чтобы добраться до этого ада — Бирмы».

Как и всегда, Адонирам обсудил это с Нэнси. Юношеский идеализм испарился. Речь шла об очень серьезных вещах. Но они по-прежнему были намерены

любой ценой добраться до Бирмы. Нэнси смотрела на вещи очень здраво: «Не стоит ожидать больших результатов. Ведь поле это совершенно не возделано. Но если нам удастся его хоть немного расчистить и подготовить почву для тех, кто придет после нас, то это будет нам достаточным вознаграждением за труды. Прежде я думала об этой стране как о чем-то совершенно ужасном. Но теперь я твердо намерена сделать ее своим домом до конца жизни». Адонирама очень тревожило самочувствие Нэнси, и он нанял белую женщину в качестве сиделки на время их путешествия в Рангун. Но как только сиделка ступила на борт корабля, она поскользнулась, упала и скончалась. Нэнси безуспешно пыталась спасти жизнь этой женщины, и происшедшее привело ее в состояние шока. Через несколько дней, уже в море, у Нэнси начались роды, но ребенок родился мертвым. На корабле не было ни врача, ни сиделки. Помочь Нэнси мог только сам Адонирам. Позже Нэнси говорила, что обязана своему мужу жизнью.

Когда они прибыли в Рангун, Нэнси была в тяжелейшем психологическом состоянии и крайне слаба физически. Ни о какой миссионерской работе не могло быть и речи. Их первые впечатления от Бирмы, о которой они так долго грезили, были такими: «Тьма, тоска и безнадежность». Несмотря на все эти тяжелые обстоятельства, Джадсоны сразу же взялись за изучение языка. Сначала индийский учитель, который занимался с Адонирамом, отказался заниматься с Нэнси, поскольку, по его словам, «учить женщину было выше его сил... Но когда он понял, что я был совершенно всерьез настроен заниматься вместе с женой, то отнесся к ней с несколько большим вниманием». Преодолев сопротивление индуса, они проводили за занятиями по двенадцать часов в день.

Через год Нэнси так описывала свой день: «Утром я занята тем, что даю указания прислуге, думаю о том, чем кормить семью, и тому подобным. У меня гораздо меньше времени для серьезных занятий, чем у мистера Джадсона,

поскольку все деловые вопросы являются моей компетенцией. Я взяла это на себя, чтобы дать мистеру Джадсону возможность лучше изучить язык, но вскоре обнаружила, что, приняв такое решение, я сама получила прекрасную возможность языковой практики. Я очень много говорю на местном диалекте в течение всего дня. Я много лучше понимаю и говорю по-бирмански, чем мистер Джадсон, хотя он гораздо лучше представляет себе структуру грамматики».

Помимо языка Нэнси переняла у местного населения множество местных обычаев, в том числе и одежду. Но она никогда не носила бирманских сандалий. Работа шла тяжело, а помощи ждать было не от кого. Там не было ни одной женщины ни из Америки, ни из Европы, и поддерживать отношения Нэнси было просто не с кем. Первые письма с родины нашли ее лишь спустя три года. Адонирам весьма успешно беседовал со своим учителем-индусом, но обращенных все еще не было.

Ребенок, который родился в 1815 году (его назвали Роджер Уильямс Джадсон), был единственной отрадой Нэнси и Адонирама. Но внезапно он начал страдать от приступов кашля и умер в возрасте восьми месяцев. Мальчика похоронили под манговыми деревьями во дворе дома. Нэнси пыталась отвлечься от постигшего ее горя. Она организовала школу для бирманских девочек, написала по-бирмански простой катехизис и начала переводить книгу Ионы, поскольку ей казалось, что она достаточно проста для перевода.

Прошло пять лет, но никто из местных жителей не стал христианином. Трактаты, катехизисы, чтение Писания. Еженедельные собрания и занятия. Но — ни одного обращенного. Адонирам был уверен в том, что, если хотя бы один индеец сделает первый шаг, за ним последуют и другие. Но где найти этого первого — вот в чем заключался вопрос. Возможно, следовало пригласить нескольких бирманцев-христиан, живущих у индийской

границы. Их пример мог бы иметь большое значение. Такая поездка заняла бы несколько недель, думал Адонирам. Всего несколько недель разлуки с Нэнси.

Но вскоре после того как Адонирам уехал, у Нэнси начались сложности. С самого начала вице-король Бирмы постановил, что все иностранцы-учителя должны быть изгнаны из страны. Затем началась эпидемия холеры, и распространился слух, что вскоре британцы оккупируют Бирму, что отнюдь не улучшило отношения между миссионерами и бирманскими властями.

Прежде к Джадсонам присоединился миссионер-печатник со своей женой, но теперь стало очевидным, что типографию следовало перенести в Индию. Адонирама не было уже семь месяцев, и Нэнси узнала, что корабль, на котором находился ее муж, задерживается в море. Может быть, ей стоило отправиться в Индию вместе с печатником и его женой? Что ждет ее в Бирме, если она останется здесь одна? И она решила отплыть в Индию следующим же кораблем. Но вскоре передумала. Если бы Адонирам вернулся и не застал ее в Бирме, что бы он подумал? Куда бы ни ехал печатник, Нэнси решила оставаться, ждать мужа, продолжать свои исследования и «предоставлять будущее Богу». И это было мудрое решение. Вскоре Адонирам возвратился домой. Радость по поводу его возвращения «затмила все печали и сомнения, которые возникли из-за его отсутствия. Теперь мне стыдно за то, что я сомневалась, не полагалась на Бога в достаточной степени и не подчинялась Его воле настолько, насколько подобает христианину. В моем безумии я полагала, что мои бедствия никогда не кончатся или что все это завершится каким-либо сильным несчастьем». Да, Нэнси была живым человеком со своими слабостями.

В 1818 году в Бирму прибыли еще две супружеские пары миссионеров. Одна из женщин стала говорить, что жить здесь невыносимо. Она имела в виду, что невыносимо жить здесь с Нэнси. «Вполне вероятно, — пишет один из

биографов, — что Адонирам и Нэнси распоряжались всем довольно властно и по своему усмотрению». Джадсоны прожили в Бирме пять лет и имели четкое представление о том, как должна функционировать миссия. Идеалистам-неофитам приходилось смириться с этим.

Возможно, Адонирам хотел форсировать события, или же его стимулировало появление новых молодых миссионеров, но когда в легендарной столице Бирмы, городе Ава, на престол взошел новый император, было решено, что настало время подать верховному правителю петицию и просить у него разрешения на проповедь христианства его подданным. Если бы это предприятие оказалось успешным, то это позволило бы широко развернуть работу как самому Джадсону, так и множеству других миссионеров. Если бы император ответил отказом, что ж, отплыв на родину, они, по крайней мере, оставили бы в Бирме свои сочинения.

Но в доме Джадсонов это спровоцировало конфликт. Адонирам считал, что в это историческое путешествие ему следует отправиться вместе с одним из миссионеров-мужчин. У Нэнси было другое мнение. Нэнси считала, что она не только говорит по-бирмански лучше всех прочих миссионеров, но и может многого добиться от властей личным обаянием. Возможно, Нэнси также думала и о предыдущей поездке Адонирама, которая должна была продлиться всего несколько недель, а затянулась на семь с лишним месяцев. Но Адонирам твердо отказал ей, и незадолго до дня тридцатилетия Нэнси он отправился к императору с молодым миссионером по фамилии Колмэн. Их путь лежал в Аву, к трону «Золотого присутствия», как называли этот город бирманцы. Возможно, что права была все-таки Нэнси. Через шесть недель Адонирам и Колмэн вернулись ни с чем. Одобрения императора они не получили. Адонирам был очень мрачен: «Я мог бы битый час говорить о потрясающем сходстве, просто невероятной идентичности наших душ, погрузившихся в отчаяние, с

этим песчаным бесплодным побережьем. Но что толку? Мне все безразлично, будь что будет. Завтра подвернется что-то более стоящее».

Так оно и случилось. Обращенных было теперь гораздо больше, и они не впадали в отчаяние, подобно Адонираму. Тот опасался, что они отпадут от веры. Напротив, их вера все крепла, и новые обращенные присоединились к прежним.

А вот у Нэнси все было не так-то уж и хорошо. У нее была больная печень, и ей становилось все хуже. Необходимое лечение она могла получить только в Америке. Теперь настала очередь Нэнси отправиться в путь, а Адонираму теперь нужно было терпеливо ее дожидаться. Он никогда не любил прощаться. Он пытался шутить, но его истинные чувства все же были совсем другими: «Говорят, что самые остроумные шутки рождаются среди ужасающей нищеты. Рассказывают о сборнике, составленном из юмористических афоризмов висельников... Я чувствую себя так, словно стою на эшафоте и напеваю, глядя на приготовленную мне петлю. Последнее время я занят тем, что готовлю себя к ампутации правой руки и удалению моего правого глаза... ради того, чтобы предотвратить омертвление всего тела, которое состоит из нас обоих».

Когда Нэнси уехала, он занялся переводом Нового Завета. Она вернулась через двадцать восемь месяцев. И он снова был безмерно счастлив. Ведь вернулась она «все той же прежней Энн Хэсселтайн». У них у обоих была масса новостей. Нэнси побывала в Лондоне, Бостоне, Балтиморе, Калькутте и множестве других городов; закончила рукопись книги «Отчет об американской баптистской миссии в Бирманской империи»; повидала множество старых друзей и родственников. Адонираму тоже было что порассказать. Он снова ездил к императору в Аву, и тот пригласил их жить в столицу. Несмотря на то что они очень привыкли к Рангуну, упускать такую возможность

было нельзя. Через два месяца они перебрались в маленький дом из трех комнат в Аву. Дом был построен так, чтобы в нем непрерывно происходила циркуляция воздуха, но все же жара в 180 градусов по Фаренгейту была невыносима. Однако жара была наименьшей из их трудностей. Едва они переехали, стало точно известно, что британские войска готовятся к вторжению в Бирму. А бирманцы, прежде никогда не видевшие белых людей, с трудом отличали американцев от англичан.

Через шесть месяцев после переезда в Аву Адонирам был заключен в тюрьму, где его приковали тремя цепями к гранитной глыбе. В тюрьме не было окон, и Адонирам просто задыхался там от страшной жары и ужасающего зловония. Его одежда превратилась в лохмотья, а лицо было покрыто слоем грязи. Это было в особенности тяжело для Адонирама, который был на редкость чистоплотен и ненавидел грязь. Понятно, что состояние его духа было подавленным. Биограф Кортни Андерсон так описывает размышления Адонирама в застенках: «Что принес он тем, о ком был обязан заботиться? Ничего, кроме смерти. Умер его единственный сын, теперь смерть угрожала ему самому и, возможно, Нэнси. И ради чего все это? За двенадцать лет, которые прошли с его отплытия из Салема, он обратил к Христу восемнадцать человек. Из них лишь немногие сохраняют веру, в том случае, конечно, если останутся живы. Девятнадцать душ за все эти годы, за все принесенные в жертву жизни. И Новый Завет на бирманском. Но большая часть рукописи даже не была напечатана и хранилась в маленьком деревянном доме на берегу реки. Вероятнее всего, манускрипт будет уничтожен или потерян».

Тем временем Нэнси предпринимала отчаянные попытки повлиять на развитие событий. Ее вызвали на допрос, но ничего не смогли от нее добиться. Уже на следующий день она смогла тайно передать мужу еду в тюрьму и начала кампанию по его освобождению: у нее была возможность связаться с сестрой императора. Кроме

того, она подала петицию императрице и пыталась добиться разрешения встретиться с мужем. Наконец она подкупила тюремного чиновника и добилась встречи. Но она почти раскаялась в этом. Англичанин, который находился в той же камере, описывал их встречу так: «Буквально за два дня самый утонченный из всех людей, которых она знала, превратился в осунувшееся небритое пугало; его накрахмаленный, безупречно белый воротничок превратился в омерзительную тряпку; его черный костюм стал мятой тряпкой, облепленной мусором. Она едва узнала его. Она долго смотрела на мужа, а затем спрятала лицо в ладонях».

Но Нэнси не впала в отчаяние. Ей нужны были силы и мудрость. Она не могла оставить все так, как оно было. Она знала, что вскоре у них дома будет обыск и что у них конфискуют все, что представляет хотя бы малейшую ценность, в том числе и переведенный Адонирамом на бирманский язык Новый Завет. Он работал над рукописью долгие годы, и допустить ее уничтожение было нельзя. Она вернулась домой и на заднем дворе вырыла два тайника: в одном она спрятала фамильное серебро, а в другом — бирманскую рукопись. Солдаты ворвались в дом буквально через несколько часов, но ушли ни с чем.

Следующей по значимости задачей Нэнси было вывести мужа из состояния депрессии. Он нуждался в поддержке и в чем-либо, что отвлекло бы его от размышлений о собственной участи и об участи его близких. Необходимо было наладить средства связи, о которых не знали бы тюремщики. Иногда она писала маленькие записки, которые прятала в куски хлеба, спрятанные, в свою очередь, в рисе. Ей также удавалось передавать мужу весточку в носике чайника, который она передавала через охрану. Адонирам никогда не знал, каким путем придет к нему очередное послание. Сам же он разработал систему связи, записывая несколько слов на

черепице. Если черепица была влажной, то надпись была не видна, но хорошо читалась на высохшей поверхности.

Понятно, что к Нэнси власти относились с крайней подозрительностью. Ее часто вызывали в суд. Допросы стали для нее серьезным испытанием. Но Бог поддерживал ее как с помощью ее врожденной сообразительности, так и мудростью, дарованной Духом.

Она понимала, что перевод Нового Завета, выполненный Адонирамом, не мог находиться в тайнике на заднем дворе слишком долго. Во-первых, муж сильно тревожился о судьбе рукописи. Во-вторых, влажность вскоре начала бы разрушать ее.

Невероятно, но Нэнси удалось передать объемистый манускрипт мужу в тюрьму. Адонирам попросил передать ему подушку, и тюремщики дали на это разрешение. Подушка, переданная Нэнси на следующий же день, была твердой, но Адонирам спал на ней спокойно. Он знал, что спрятано внутри.

Примерно тогда же Нэнси обнаружила, что вновь беременна. Ей было тогда тридцать четыре года. Ее энергичные действия перестали быть такими дерзкими, но ненамного. В январе 1825 года, через семь месяцев после ареста Адонирама, на свет появилась Мария Элизабет Джадсон. Десять лет назад Нэнси родила Роджера Уильямса, прожившего всего восемь месяцев. Ни время, ни место рождения девочки не способствовали ее здоровью.

Вскоре после рождения Марии Элизабет Нэнси снова начала ежедневно приходить в тюрьму (теперь уже с ребенком на руках) и передавать мужу записки. Возобновила она и свои прошения об освобождении Адонирама. Когда Адонирам провел в тюрьме одиннадцать месяцев, ему сказали, что скоро он будет переведен в другое место. Адонирам подумал, что его казнят, но его действительно просто перевели в другую тюрьму, в четырех милях от прежней. Во время марша некоторые из заключенных «скелетов, обтянутых кожей, покрытых

лохмотьями», умерли от истощения. Адонирам выжил, но по прибытии на место потерял сознание. И когда он пришел в себя, то услышал голос Нэнси. Она узнала о его переводе и добралась до тюрьмы вместе с маленькой Марией так быстро, как только могла. Едва придя в сознание, Адонирам прошептал: «Зачем ты пришла? Я надеялся, что ты останешься там. Ты не можешь жить в этом месте».

Но Нэнси осталась. Четыре месяца она с маленькой дочерью жила в маленькой комнатке неподалеку от тюрьмы, которая служила хозяевам дома зернохранилищем. Когда британские войска освободили Адонирама в ноябре 1825 года, Нэнси была в значительно худшем состоянии, чем ее муж. Она переболела оспой и тяжелой формой менингита. Ей обрили волосы на голове. Лицо и ноги у нее были покрыты волдырями. Бирманцы думали, что это труп, но она пришла в сознание. Генерал, командовавший войсками, захватившими эту провинцию Бирмы, почтил Джадсонов торжественным обедом, но вскоре после этого Нэнси слегла, и на этот раз уже не поправилась. Она умерла в возрасте тридцати шести лет.

Адонирам нес служение еще в течение двадцати четырех лет. Его перевод Писания был опубликован, и при его жизни в Бирме было открыто шестьдесят три церкви. Через восемь лет после смерти Нэнси он женился на Саре Бордмэн, вдове миссионера. Она была не такой, как Нэнси, «спокойнее, менее властной, в ней было меньше огня, но, возможно, больше света». Но, подобно Нэнси, она была умна и отважна. Она умерла, прожив в браке с Адонирамом одиннадцать лет. У них родилось восемь детей.

Третья жена Джадсона также была неординарной личностью. Эмили Чаббок, которая писала книги для детей под псевдонимом Фэнни Форстер, была университетским преподавателем, обладала прекрасным чувством юмора, была обаятельна и духовно богата. Когда Адонирам

познакомился с ней, ему было около шестидесяти, а ей не было и тридцати. Он и не собирался жениться на ней. Он встретился с ней для того, чтобы обсудить возможность написания биографии его второй жены, Сары. А кончилось дело свадьбой. Это вызвало бурю возмущения: как мог миссионер жениться на женщине, которая зарабатывала на жизнь статьями в светских журналах? Но Джадсона всегда мало интересовало чье-либо возмущение в свой адрес. Адонирам вместе с Эмили, она же Фэнни Фостер, вернулись в Бирму для того, чтобы продолжить служение. Через четыре года Адонирам прекратил свое земное странствие и отправился к Господу.

Все три жены Адонирама были сильными и решительными женщинами, такими же независимыми, как и он сам. Но Энн Хэсселтайн Джадсон была тем человеком, который вместе с мужем положил начало миссионерской деятельности в Бирме. Она была его коллегой, товарищем и соратником. Он уважал ее и мог на нее положиться. Возможно, в этом и заключался их секрет. Они уважали друг друга, несмотря на противоречия между ними. Они часто работали в команде, но у каждого из них была возможность развиваться и самостоятельно. Они были друг для друга самыми лучшими друзьями. У каждого из них были такие черты характера, которые могли бы способствовать разрушению их брака. Но они вместе трудились над тем, чтобы его укрепить.

Библиография

Anderson, Courtney. *To the Golden Shore*. Grand Rapids: Zondervan, 1977.

Hefley, James C. *How Great Christians Met Christ*. Chicago: Moody, 1973.

Miller, Basil. *Ann Judson: Heroine of Ava*. Grand Rapids: Zondervan, 1974.

Укрощение холостяка

Каждый мужчина является холостяком до тех пор, пока он не женится. Но холостяки, которым еще нет тридцати, — это совсем другая порода людей, нежели те, которые уже пересекли этот возрастной рубеж. Холостяк, которому уже минуло тридцать, относится к себе как к одинокому мужчине уже десяток или даже более лет. И естественно, что ему не приходится считаться с мнениями и желаниями других людей, если речь идет о его частной жизни. Он привык приходить и уходить тогда, когда ему заблагорассудится. Он привык к тому, что может путешествовать и никому не сообщать о том, что задерживается на день, на неделю, на месяц или даже на год. И при этом никто даже и не подумает назвать его безответственным человеком.

И вот он женится. Тут-то все и начинается. Привыкнуть к изменениям бывает не так-то просто.

Ко времени, когда они вступили в брак, семь героев этой книги подпадали под категорию «холостяков, которым за тридцать». К.С. Льюис, женившийся в возрасте пятидесяти девяти лет, думал, что никогда не женится, и, должно быть, его считали «убежденным холостяком». Джон Уэсли, который женился в сорок семь, никогда не имел намерения оставаться холостяком всю свою жизнь.

Он влюблялся несколько раз, пока наконец не женился на женщине, которая была ему практически безразлична. Следующий по старшинству — это Мартин Лютер, женившийся в сорок два. Хотя трудно было сказать заранее, что он станет хорошим мужем и отцом, именно так и случилось. А его жена, Кати, несомненно, получит награду на небесах за то, что сыграла такую большую роль в становлении характера своего мужа, который в браке стал значительно более мягким человеком. Джон Нокс, женившийся в сорок два, Питер Маршалл — в тридцать три, Жан Кальвин — в тридцать один (после долгих поисков невесты) и Дейвид Ливингстон — в тридцать, также не очень торопились произнести клятву верности.

Когда вы будете читать следующие две главы (и вспоминать предыдущие), вы поймете, что отношения внутри семьи за последние века не претерпели значительных изменений. Приглядитесь к этим бракам. Подумайте, на какие уступки пошли (или должны были бы пойти) эти бывшие холостяки. Задумайтесь и о том, что могли бы сделать как мужья, так и жены для того, чтобы браки были еще счастливее.

Я просто обязана с ним познакомиться

Питер и Кэтрин Маршалл

Восемнадцатилетняя студентка жить не может без холостого священника, которому тридцать один. Что это — щенячья любовь? Он отмечает ее внимание к себе. Он даже привязан к ней. Но что сказали бы прихожане его церкви, если бы узнали, что он ухаживает за девчонкой? Священником был Питер, шотландский эмигрант, фабричный рабочий, ставший проповедником и поэтом. Девушкой была Кэтрин, или Кэйт, как он ее часто называл, дочь священника из Западной Вирджинии, которой удавалось каким-то невероятным образом находить деньги на учебу в колледже.

Одно их объединяло безусловно: оба они знали, что такое бедность. И еще их объединяло то, что оба они обожали играть в сто пятьдесят девять видов игр — от монополии до китайских шашек. Питера даже прозвали «В. И". — «Великим Игроком». Он играл с невероятным усердием или, как говорила Кэтрин, «отдыхал, как не отдыхал ни за одним другим занятием». Что до Кэтрин, то однокашники прозвали ее «Катастрофой». Она была яростным спорщиком и ко всему относилась, как сама говорила, «с пламенным возмущением». Кэтрин не любила, когда с ней не считались. А вот Питер никак не хотел оценить ее по достоинству. Кэтрин стремилась влезть во все; для Питера ничего не было дороже его независимости. Кэтрин была не в ладах с аккуратностью; Питер же был на редкость пунктуален. Такие различия не дадут никакому браку стать слишком скучным.

Питер Маршалл стал капелланом сената Соединенных Штатов и священником самой престижной в Вашингтоне пресвитерианской церкви на Нью-Йорк авеню, где и нес служение до конца своей жизни. Он умер в сорок шесть лет. Кэтрин пересекла эту долину тени, и за три года, прошедшие после смерти мужа, она опубликовала два бестселлера: «Мистер Джонс, познакомьтесь с мастером» и «Человек, которого звали Питер» — биографию своего мужа, кроме того, сборник его проповедей. Впоследствии она опубликовала еще дюжину книг, и все они стали бестселлерами. На закате жизни (и ее второго брака) Кэтрин писала: «Мужья и жены в принципе несовместимы... Вот почему дом — это Его класс, в котором Он учит нас становиться зрелыми людьми». Ее брак с Питером Маршаллом показал, что это действительно так и есть.

Весной ее первого года в Агнес Скотт колледже в Атланте она впервые услышала о Питере Маршалле. Он был новым священником, только что занявшим кафедру Вестминстерской пресвитерианской церкви, которая находилась в часе езды от студенческого городка, но поездка того стоила. Питера действительно стоило послушать, а студенткам — и увидеть. Его проповеди были полны драматизма и поэзии, но говорил он с сильным шотландским акцентом. Кэтрин, изучавшая в колледже литературу, была очарована им. Кроме того, было очевидно, что у Питера с Господом очень близкие отношения и что он способен заставить почувствовать своих прихожан членами единой семьи, главой которой был Бог. Это произвело на Кэтрин огромное впечатление. Тогда она переживала сложный духовный период и говорила, что ее собственные отношения с Иисусом Христом были «скорее абстрактными».

Девушкам из Агнес Скотт Питер Маршалл показался на редкость привлекательным. Высокий, широкоплечий, с вьющимися волосами, мужественно-красивый и

неженатый — Питер, казалось, был воплощением мечты каждой студентки колледжа. Питер родился в Глазго, Шотландия. Он солгал относительно своего возраста, когда поступал служить в британский военно-морской флот. Ему было тогда всего четырнадцать лет, но шла Первая мировая война, и Питер рвался на фронт. Его карьера в качестве морского волка продлилась всего двадцать восемь часов — столько времени понадобилось для того, чтобы выяснить его настоящий возраст. Он был слишком горд, чтобы вернуться в школу и сносить усмешки одноклассников, поэтому он пошел в техническую школу и стал слесарем. Но Бог предназначил его для других целей.

Самое большое влияние на Питера оказали: 1) мать, которая была религиозна и говорила Питеру: «Я давным-давно предала тебя в руки Господа»; 2) Олимпийский медалист Эрик Лидделл (о котором снят фильм «Огненные колесницы»), вовлекший Питера в миссионерское служение; и 3) одно происшествие, которое Питер помнил всю свою жизнь. Это произошло как-то темной ночью, когда Питер прогуливался по вересковой пустоши. Был ветер, и ему показалось, будто его кто-то зовет. Питер остановился и прислушался. И тут же покачнулся, удерживая равновесие. Оказалось, что он стоял на самом краю заброшенного известкового карьера. Еще один шаг мог стоить ему жизни. Этот случай так потряс Питера, что он решил посвятить свою жизнь Господу. В 1927 году он эмигрировал в Америку для того, чтобы учиться на священника. Зарабатывал он в кочегарке и на нефтепроводе. Питер не окончил колледжа, но тем не менее его приняли в семинарию, и через три года он окончил ее magna cum lande⁹.

В возрасте тридцати одного года он принял приглашение от Вестминстерской пресвитерианской церкви в Атланте. На богослужение туда почти никто не приходил, но вскоре его проповеди привлекли в церковь

⁹ Magna cum lande — с отличием (лат.). — *Примеч. пер.*

буквально толпы народа. Дьяконы были вынуждены слушать проповеди с тротуара, через открытые окна. Студенты из Технологического института и колледжа Агнес Скотт приходили послушать Питера целыми факультетами. Как только он прибыл в Америку, свахи потеряли покой. Но многие молодые женщины обходились и без свах. Его почтовый ящик ломился от писем, содержащих в себе поэтические послания милых прихожанок.

А Кэтрин тем временем переживала трудный период. На втором курсе она писала: «Я духовно ленива. Я бы хотела узнать Бога реально. Пока мои отношения с Ним можно назвать скорее абстрактными. Но создается впечатление, будто я не собираюсь предпринять что-либо, что могло бы изменить такое положение вещей». Спустя несколько недель она писала: «У меня нет реального жизненного духовного опыта. Бог кажется мне нереальным. Я верю в Бога только благодаря таким людям, как Питер, для которых религия — нечто живое и жизненное».

Когда она была еще ребенком, на нее большое впечатление произвели проповеди Джипси Смита. Тогда она исповедала Христа как Спасителя. Но теперь этот опыт казался ей таким далеким. В книге «Человек, которого звали Питер» она пишет: «Тогда я... искала путь от унаследованных от родителей христианских воззрений к собственному духовному опыту». Она стала ходить в церковь, где каждое воскресенье проповедовал Питер. Они часто приветствовали друг друга рукопожатием, но ей ни разу еще не удалось поговорить с ним. Она писала в своем дневнике: «Я никогда прежде не встречала человека, с которым мне бы хотелось познакомиться так же сильно, как с мистером Маршаллом».

В своих письмах к родителям она часто упоминала молодого священника: «В жизни я не слышала таких молитв. Когда он начинает говорить, кажется, что между

тобой и Богом устанавливается прямая связь. Знаю, что это звучит глупо, но я просто обязана познакомиться с этим человеком».

Да, она знала, что это глупо. Но за следующее лето прочла все, что только смогла найти по шотландской истории, а это составило тридцать семь книг. Но когда занятия возобновились, она разобралась в своих чувствах и пришла к выводу, что сохнуть по человеку, который вряд ли удерживал в памяти сам факт ее существования, это просто смешно. И она решила познакомиться с каким-нибудь парнем своего возраста. Кроме того, она решила сосредоточиться на учебе. Кэтрин даже обрадовалась, когда прошел слух, будто Питер уже обручен. Это, подумала она, заставит ее выбросить его из головы.

Но юноши, назначавшие ей свидания, казались такими мелкими и ничтожными! Она только и думала, что о Питере. «Ну почему воплощение всех моих мечтаний старше меня на двенадцать лет и далеко от меня, как северный полюс?» И вот это случилось. Весной ее, как одну из лучших ораторов колледжа, попросили пойти на митинг и выступить — ну с кем бы вы думали? — с Питером Маршаллом. Она всегда выступала так эмоционально (за что и получила прозвище «Катастрофа») и на такое количество тем — от нацизма до спада в американской экономике, — что выступить по поводу сухого закона ей не составляло ни малейшего труда. По дороге на митинг Питер заверил ее в том, что вовсе не был обручен. «Не верьте всему, что вы слышите, дитя мое». А по дороге обратно он сказал, что хотел бы пригласить ее как-нибудь на боулинг. «Я давно хотел с вами познакомиться». Кэтрин даже и не могла мечтать о таком счастье. Она просто хотела познакомиться с ним поближе. А он фактически назначил ей свидание.

Но свидание не состоялось. Она встречала его в церкви. Он очень тепло с ней беседовал. Часто он подвозил ее обратно в школу. Однажды он снова сказал ей: «На

неделе я свяжусь с вами». Ничего подобного. А через несколько недель начались летние каникулы. Кэтрин отправилась домой в Западную Вирджинию, повергнутая человеком ее мечты в глубокое недоумение. Она спрашивала себя: «Почему он проявляет ко мне интерес, когда мы встречаемся, но никогда не звонит и не присылает записок?» Летом он написал ей пару писем, но они казались сухими и формальными, в стиле деловой переписки. Одно из писем он закончил так: «С уважением, Питер Маршалл». Не очень-то нежные слова для человека, который влюблен и стремится к развитию отношений. Тем летом Кэтрин снова решила выбросить из головы мысли о Питере Маршалле. Это было непросто, и воспоминания об их встречах то и дело приходили ей на ум. Но она приняла твердое решение: «Я должна забыть Питера Маршалла», кроме того, она думала, что не будет осенью ходить в его церковь.

Ее решимость продержалась шесть недель. Возвратившись в Вестминстер, она отправилась туда в первое же воскресенье. Он поздоровался с ней и заметил, что они видятся впервые в этом году. Она немного удивилась тому, что он обратил внимание на ее отсутствие. Затем он сказал, что свяжется с ней. В тот вечер она написала в своем дневнике: «Я не остановлюсь, пока не остановится он сам». При их встречах Питер продолжал выражать свою радость от общения с ней, но никогда не делал ничего, что могло бы повлечь за собой какое-то развитие отношений. Кэтрин просто не могла его понять. Но у Питера были веские основания для того, чтобы не афишировать их отношения. Ему было тридцать три года, и он был священником в быстро увеличивающемся приходе. Ему не хотелось слышать у себя за спиной разговоры о том, что он влюблен в студентку.

Перелом в их отношениях наступил ближе к концу последнего курса колледжа Кэтрин. Ее попросили выступить на собрании церкви перед вечерним

богослужением. Речь шла о молитве. Она выступила и призналась, что у нее нет истинного молитвенного опыта. Она говорила о том, что ее отношения с Богом поверхностны и что она хотела бы узнать Его лучше. Для Кэтрин эта беседа стала началом внутреннего очищения. Ведь она знала, что Питер слушает ее очень внимательно. В тот вечер Кэтрин опоздала на вечернее богослужение. Церковь была переполнена, и свободные места были только у самой кафедры. Во время службы Кэтрин почувствовала себя плохо. Сначала она подумала, что сможет дождаться окончания, но ей становилось все хуже. В конце концов ей пришлось встать и выйти из церкви. Когда Питер это увидел, в его душе что-то произошло. С тех пор он относился к Кэтрин совершенно иначе. В дневнике Кэтрин уже не чувствует мрачных ноток. По записям можно легко проследить развитие их отношений:

«Он невероятно заботлив...»

«Теперь, мне кажется, у него серьезные намерения...»

«Думаю, Питер влюблен в меня...»

«Он поцеловал меня...»

«Мы проговорили до трех часов утра...»

«Он сделал мне предложение...»

Она попросила несколько дней для того, чтобы помолиться о сделанном предложении. Казалось, тянуть с ответом было странным с ее стороны, но она хотела быть уверенной в том, что то, о чем она мечтала, согласовывалось с волей Бога, а не было просто девчоночьими фантазиями. Позже Кэтрин писала: «Я поняла, что это очень неправильно — добиваться того, чего хотим мы сами, а затем просить Бога благословить это». Но ко дню выпуска из колледжа она дала ответ. И она сказала «да».

То лето было совсем другим, нежели предыдущие два. Письма сновали туда и сюда, искрили юмором, пылали чувствами и были проникнуты духовностью. Теперь Питер писал: «Дорогая, я так счастлив! Я так тебя

люблю». Первоначально они планировали подождать со свадьбой в течение года, Кэтрин хотела преподавать в школе. Но Питер не хотел ждать и уговорил Кэтрин сочетаться браком осенью в церкви ее отца в Западной Вирджинии. Тем летом Питер приехал к Кэтрин в гости. Тогда-то он и получил прозвище «В. И». («Великий Игрок»). Кэтрин тоже обожала игры, но заметила по этому поводу: «Мне показалось, что это уже слишком, когда за тридцать минут до брачной церемонии он никак не хотел отпустить мою младшую сестру, так как не мог смириться с тем, что она обыгрывала его в китайские шашки».

Тем же вечером молодожены отправились в Вашингтон, округ Колумбия, и не случайно. Утром следующего дня у Питера была назначена встреча с руководством вашингтонской пресвитерианской церкви на Нью-Йорк авеню. Он извинился перед Кэтрин, что уходит с самого утра, и сказал: «Пожалуйста, оденься. Как только с тобой захотят побеседовать, я позвоню тебе». Кэтрин было всего двадцать два года, и ее очень пугала встреча с суровым комитетом, состоявшим из семи мужчин и одной женщины. В то утро она молилась: «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы я ничего не испортила». И, судя по всему, она ничего не испортила, поскольку Питера пригласили стать пастором вашингтонской церкви.

Принять правильное решение было нелегко. Питер говорил Кэтрин: «Я, честно говоря, не считаю, что им нужен именно я. Я недостаточно уравновешенный и уверенный в себе человек. Мне не хватает академической подготовки, и мои проповеди недостаточно изящны для того, чтобы звучать с такой кафедры». Кроме того, руководство церкви в Атланте только что построило балконы для того, чтобы огромное количество людей, приходивших послушать Питера, могло разместиться. Он не мог покинуть Атланту, прежде чем эти затраты окупятся. И он отказался. Новобрачные отправились обратно в Атланту. Но спустя год вашингтонская

пресвитерианская церковь на Нью-Йорк авеню пригласила Питера вновь, и на этот раз он ответил согласием.

Для шотландского эмигранта, который за десять лет до того был рабочим на фабрике, психологически это было не так-то просто. «Кэтрин, я до смерти боюсь, — признавался он, — а если они во мне разочаруются?» Кэтрин тоже было страшно. Всего восемнадцать месяцев назад она была одной из множества обитательниц студенческого городка и ничего еще не знала о жизни. А вот теперь она была женой священника, принявшего служение в церкви общенационального значения. Эту церковь называли президентской: среди ее прихожан было восемь президентов, в том числе Авраам Линкольн. Кэтрин лихорадочно заучивала все особенности вашингтонского протокола для того, чтобы ненароком не попасть впросак. В Атланте они жили в маленьком коттедже. В Вашингтоне в их распоряжение был предоставлен трехэтажный особняк из красного кирпича на десять комнат. В том числе — шесть спален.

Вскоре Питер все устроил в доме по своему вкусу. Кэтрин писала: «Дом превратился в морской музей. Питер всюду развесил пейзажи с океанскими видами». Питер был аккуратным и пунктуальным человеком, чего добивался и от Кэтрин. Каждый раз, когда она забывала завинтить крышку у тюбика с зубной пастой или оставляла незадвинутым ящик платяного шкафа, он неизменно напоминал ей об этом. Питер гордился тем, что его жена так быстро стала хорошей хозяйкой. После того как Кэтрин удачно приготовила индейку, он написал своей матери в Шотландию: «Кэтрин неплохо справляется по хозяйству. Мы все гордимся ею. Просто поразительно, что она разбирается во всем, что касается домашних дел, так, будто она в этом ветеран. Мне было так приятно сидеть за столом, который она накрыла и сервировала с таким вкусом, и смотреть на Кэтрин, которая сидела напротив, и резать индейку — веришь или нет, я сделал это сам».

У Питера был определенный взгляд на роль женщины в семье, и теоретически Кэтрин принимала концепцию мужа безоговорочно. Он был убежден в том, что место женщины, вне зависимости от ее талантов или образования, дома. В одной из своих проповедей он так высказался о браке: «Это слияние двух сердец, союз двух жизней. Это две реки, которые втекают друг в друга и дальше направляются по одному каналу, в одном направлении... и вместе несут обязательства и ответственность, налагаемые браком». Кэтрин кое в чем хотела поправить его еще до свадьбы, но он заверил ее: «Дорогая, я не собираюсь засовывать твою жизнь и твои дарования в пыльный сундук... Мы оба будем жить теперь иначе, и наши жизни, наши сердца и души объединятся в сиянии Бога». Кэтрин все это казалось весьма привлекательным — теоретически. Но на практике возникли проблемы.

С тех пор как Кэтрин начала задумываться о браке с Питером, ей приходило в голову, что ему будет очень нелегко с ней. Ведь он привык к независимой жизни холостяка. Она даже думала, что ему бы вообще не надо было жениться. «Пожалуй, он абсолютно самодостаточен, независим, потому и счастлив». Помимо того что Питер был очень независим, он был еще и трудоголиком. У него никогда не бывало выходных. Он работал целыми днями. По вечерам посещал заседания комитета, а чтобы немного развеяться, принимал приглашения выступить с проповедью где-нибудь в пригороде. Эти поездки, вне всякого сомнения, раздражали Кэтрин. Но еще тяжелее она воспринимала то, что он никогда не делился с ней тем, что его заботило. Возможно, это была чисто шотландская сдержанность; но гораздо более вероятно, что он просто привык к тому, что делиться размышлениями ему не с кем и незачем. План жить иначе вместе был хорош, но Питер продолжал жить так, как жил прежде, и помощи от Кэтрин не принимал.

Кэтрин горела желанием использовать свои таланты — писать, выступать с речами и с головой окунуться в служение своего мужа. Она хотела, чтобы Питер разделил с нею служение, но в первые годы брака он, судя по всему, был просто не в состоянии сделать это. У него было призвание. Служение было для него важнее всего на свете. Кэтрин писала: «Он полностью принадлежит тысячам людей», и, судя по всему, она была не в восторге от того, что эти тысячи людей были для Питера важнее, чем его собственная жена. Кэтрин пыталась смириться с тем, что ей не нравилось в ее браке. Но раздражение росло. Временами она задумывалась, на кого же ей все-таки обижаться: на прихожан, на Питера или на Бога. Поездки с проповедями за город стали последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. С его точки зрения, это был акт милосердия — ведь он получал огромное количество приглашений, а отвечал лишь на сравнительно небольшую их часть. Он считал, что она должна бы оценить тот факт, что на очень многие приглашения он отвечал отказом. Он даже считал, что отвечал отказом на слишком многие приглашения. Ему казалось, что Кэтрин слишком эгоистична и ревнует его к служению. А ей казалось, что он к ней безразличен.

Несмотря на это, Маршаллы жили дружно. «Мы с самого начала стремились сосредоточиться не на том, что нас разделяло, а на том, как преодолеть несогласия. В конечном счете, в каждом браке есть сложности. Две жизни не могут слиться в одну без компромиссов, которые часто болезненны». Обстановка разряжалась юмором и, что гораздо важнее, взаимной любовью и уважением. И самое главное — они всегда молились вместе. Хотя Кэтрин многое в Питере казалось труднопреодолимым, она была счастлива от того, что они были вместе. Ей нравилось то, как он смеется, как он поет (а пел он с огромным удовольствием). Ей даже нравилось то, что иногда он надевал национальную одежду и выступал на церковных

собраниях с шотландскими песнопениями. С ним всегда было очень весело. И, само собой, ей нравилось, что он обожает играть — во все, от монополии до бейсбола. Кэтрин писала: «Поразительно, как такой занятый священник находит столько времени для игры. Секрет прост: Питер очень мало спит».

Постепенно Питер стал предпринимать попытки разделить свое служение с Кэтрин. Поначалу утренние воскресные проповеди он накануне стал читать Кэтрин. Для него это оказалось прекрасной подготовкой, а для нее — огромной радостью.

Однажды в субботу вечером, когда Питер дошел до середины проповеди, Кэтрин перебила его. Она очень не любила перебивать его, но у нее были на это веские причины — у нее начались роды. И к утру на свет появился Питер Джон Маршалл. Питер приехал в больницу к рождению сына, а затем вернулся в церковь для того, чтобы провести урок в воскресной школе. Потом было богослужение, и Питер произнес проповедь, которую Кэтрин не успела дослушать до конца. Прихожане не узнали о том, какое событие произошло в семье Маршалл. Кто-то отметил, что Питер выглядит усталым, словно провел всю ночь на ногах. Он никак это не прокомментировал. Когда Питер уже прощался с прихожанами в конце службы, одна женщина спросила его о Кэтрин, которая, конечно же, не пришла в церковь в то утро. Тут уж Питеру пришлось объяснить причину отсутствия его жены. Одним из принципов Питера был следующий: никогда не упоминать о своей жене и о своем доме в проповедях. Но вскоре после рождения Питера Джона этот принцип был предан забвению. Питер Джон давал такой живой и яркий материал для всяческих забавных примеров, что молчать о том было просто невозможно.

Питер очень любил сына, в этом нет никаких сомнений. Он чувствовал себя виноватым перед ним, так

как работа в церкви не оставляла Питеру достаточно много времени для общения с семьей. Чтобы хоть как-то разрешить эту ситуацию, Маршаллы купили летний дом, который располагался достаточно далеко для того, чтобы Питер был вне досягаемости бесконечного потока приглашений и забот, которых в церкви всегда было предостаточно. Дом располагался в Кэйп Код, недалеко от моря, которое так любил Питер. И, конечно же, Питер сразу же перекрасил зеленые ставни в свой любимый синий цвет. Покупка дома дала Питеру возможность проводить больше времени с сыном, работать в саду — он изготавливал прекрасную мебель — и просто слушать шум океана. А Кэтрин в Кэйп Код больше всего нравилось уединение. Она была счастлива, что теперь они могут побыть вдвоем. Питер с сыном ходили за ягодами, а Кэтрин пекла черничные пироги. По вечерам Питер читал Питеру Джону вслух и укладывал его спать.

По натуре Питер не был ученым-исследователем. Он был поэтом, художником слова. Он сравнивал сомнения с паутиной, которая появляется в углах наших жилищ. Наша вера не в состоянии вымести ее оттуда, это может сделать только благодать. «Найти нужное слово — значит пользоваться не малярной кистью, а тонко отточенным карандашом», — говорил Питер. Группе семинаристов он сказал: «Когда вы пишете ваши проповеди, то должны видеть сжатые до боли кулаки, губы, стиснутые для того, чтобы удержать слезы, сердца, страдающие от того, что в них нет прощения, души, в которых нет радости из-за того, что в них нет любви. Вы должны видеть перед собой слезы, которые текут по лицам матерей, — проповедуйте им, вы должны спасти их». Питер находил темы для своих проповедей повсюду и тщательно подбирал новый сюжет. Поскольку церковный бюллетень выходил по четвергам, в среду он обсуждал очередную проповедь за ужином с Кэтрин. Хотя иногда он имел лишь смутное представление о том, какова будет структура проповеди, он придумывал

для нее название с верой в то, что где-то между четвергом и воскресеньем проповедь обретет свою форму. Питеру вообще редко удавалось написать проповедь меньше чем за три-четыре дня.

Нагрузка Питера становилась все больше и больше. Численность прихожан неуклонно увеличивалась, и Питер был вынужден иногда повторять проповеди, которые уже звучали с кафедры прежде. Но в церковь все равно приходило огромное количество людей. Многим просто не хватало места, настолько переполнено было помещение. Кэтрин оставалась за сценой, в роли жены, обеспечивающей прочный тыл. В книге «Человек, которого звали Питер» она писала, что от нее требовалось быть «изящной, очаровательной, уравновешенной и милой при любых обстоятельствах». И она вполне справлялась с этой ролью.

Когда Питеру Джону исполнилось три года, Кэтрин тяжело заболела. Она едва не потеряла сознание во время богослужения. Медицинское обследование показало, что у нее туберкулез.

Это была не открытая форма заболевания, поэтому Кэтрин позволили остаться дома, но велели соблюдать строгий постельный режим. Ей запретили любые нагрузки. Она лежала в самой большой из спален. Через пять окон в комнату проникали яркие солнечные лучи. Она устраивалась на постели полулежа, доставала блокнот и записывала в него свои размышления. Как-то она написала, что хотела бы стать «литератором, способным оказать реальное влияние на свое поколение и на мир в целом».

Первоначально предполагалось, что Кэтрин станет лучше через три-четыре месяца. Она писала: «Первые три месяца были самыми тяжелыми, каждый мускул моего тела протестовал против того, что со мной происходило». Но время шло, а рентгеновские снимки показывали все те же пятна на легких. Кэтрин стала впадать в депрессию. Не оценила она и слова мужа, которые показались ей

избитыми и банальными: «Кэтрин, ты же прекрасно знаешь, что отчаяние — от сатаны». Он также напомнил ей: «Однажды ты вспомнишь об этих тусклых днях как о самых богатых впечатлениях за всю твою жизнь». Позже она признала, что, хотя в то время она и пренебрегла словами мужа, эти «тусклые дни» впоследствии действительно оказались очень яркими. В тот период она открыла для себя такие грани взаимоотношений с Иисусом Христом, о которых прежде даже и не догадывалась. Впервые в жизни она стала интересоваться всерьез природой Святого Духа. Понятно, что тогда же она много размышляла и об исцелении. Она пыталась узнать, что на эту тему говорит Библия. Часто ее вера наталкивалась на препятствия и забредала в тупики. Но Кэтрин не останавливалась и продолжала искать.

Питер был очень мил и заботлив, но все же она тревожилась. Она боялась, что он потеряет интерес к жене-инвалиду. Ее пугало, что ее «место в сердце Питера может занять кто-то другой». Как мог такой человек, как Питер в конце концов не утомиться от присутствия в его жизни «бесполезной» жены?

Особенно она тревожилась, когда он отправлялся в поездки. Осенью 1944 года ситуация в семье Маршалл стала крайне напряженной. Кэтрин уже семнадцать месяцев была прикована к постели, и за это время у них сменилось четырнадцать разных сиделок. Шла Вторая мировая война, и в Вашингтоне было очень много вакантных высокооплачиваемых мест. Маршаллы были не в состоянии платить медсестрам столько, сколько платило государство. Поэтому и прислуга в доме не задерживалась надолго. На Питере Джоне это отражалось сильнее всего, не говоря уже о самом Питере, Кэтрин, разбитом фарфоре и испорченном белье. Единственным возможным выходом было отослать Питера Джона к родителям Кэтрин, самой Кэтрин перебраться в санаторий, а Питеру — в гостиницу,

и жить таким образом до тех пор, пока Кэтрин не выздоровеет, сколько бы времени это ни заняло.

Питер и Кэтрин горячо молились об этом. «Если Ты хочешь, чтобы мы оставались вместе, Господи, тогда мы просим Тебя: пошли нам кого-либо, кто мог бы позаботиться о домашнем хозяйстве». И они с трудом произносили слова: «Да свершится воля Твоя». Когда до предполагаемого отъезда Кэтрин оставался всего один день, к ним в дверь постучала молодая женщина из Канзаса, которая заявила: «Вообще-то работа мне не нужна, но все-таки я здесь». Она предложила помогать им по дому в течение нескольких месяцев, и они приняли ее предложение. Она осталась у них на четыре года. В статье в журнале «Пресвитерианская жизнь» Питер писал об этом случае: «Самые великие ответы на молитвы нашей семьи происходили тогда, когда наша вера была столь мала, что не приходилось ожидать вообще ничего. Но когда мы оставляли все попытки добиться какого-то результата и просто предоставляли Богу решить нашу проблему, Он не мог не помочь нам». Но самым главным уроком, который Кэтрин извлекла из своей болезни, стал урок смирения. И когда она начала делать в этом успехи, то почувствовала и улучшение в своем физическом состоянии.

Ее исцеление не произошло мгновенно, но она была уверена в том, что оно имело духовную природу. Исцеление это сопровождалось определенным мистическим опытом: Кэтрин ощутила присутствие Христа так живо, как никогда прежде. «Почему это случилось со мной, я не знаю». Годы болезни научили многому как саму Кэтрин, так и Питера. Он стал гораздо более открытым и общительным. А она, уже не имея возможности участвовать в его служении, научилась оказывать мужу ту поддержку, в которой он нуждался и которую готов был принять от нее. Они вместе работали над несколькими издательскими проектами. Они подготовили комментарий к Посланию к Ефесянам и несколько статей для журнала

«Сегодня». Они обнаружили, что с огромным удовольствием едят вместе. Питер стал гораздо больше сотрудничать с ней в написании проповедей. У Кэтрин было много времени, которое она могла посвятить чтению. Она делилась с мужем огромной массой свежих идей, приходивших ей в голову. Кэтрин часто проводила исследования на темы, наиболее важные для Питера, и называла такую работу «раскопками». Супруги часто подолгу обсуждали проповеди Питера, прежде чем он произносил их в церкви. Иногда он даже звонил ей из церкви и просил поддержать его. «Я не знаю, как мне изложить это», — говорил он, и Кэтрин нередко давала ему весьма ценные советы.

Питер говорил друзьям: «Мои лучшие проповеди написаны вместе с Кэтрин». Ее писательская карьера и естественное желание развиваться самостоятельно в творческом плане утратили свою актуальность. В книге «Жить снова» она писала: «Все мои идеи, всю энергию, все творчество я посвятила партнерству в браке, и не хотела предпринимать попыток для того, чтобы направить часть своих внутренних ресурсов в каком-то другом направлении». Она признавала, что убеждения Питера, касавшиеся брака, могли бы стать причиной конфликтов между ними, если бы она не захотела отказаться от собственных отдельных целей. Она свидетельствовала, что, растворив таким образом свою жизнь в его жизни, она «смогла реализовать все то женское, что заложено в каждой женщине изначально». Кэтрин также говорила и о том, что годы болезни научили ее быть спокойной и сдержанной.

Как-то воскресным утром весной 1946 года во время проповеди Питер почувствовал острую боль в груди. Он схватился за сердце, прервал проповедь и сказал: «Здесь есть врач? Мне нужна помощь». Он быстро произнес благословение, и ему помогли сойти с кафедры. Ему было сорок три года. Оказалось, что с ним случился сердечный

приступ, и его отвезли в госпиталь, где врачи сказали, что шансов выжить у Питера пятьдесят на пятьдесят. Когда он увидел Кэтрин у своей постели, то сказал: «Тебе не нужно было приходить. Ты еще недостаточно поправилась». Она и в самом деле была еще не вполне здорова. Но она была нужна мужу — и потому приехала к нему. Она позвонила нескольким близким друзьям, которые оповестили всех, что Питер нуждается в молитвенной поддержке. Вскоре о его выздоровлении молились тысячи человек по всей стране. Через несколько недель Питер постепенно начал поправляться. Десять недель он провел в больнице, две недели — дома, двенадцать недель — в Кэйп Код, а в сентябре уже снова был за кафедрой своей церкви.

Кэтрин считала, что ему следовало сократить нагрузки, и в течение нескольких месяцев он действительно был более осторожен со здоровьем, чем обычно. «Он вовсе не хотел заигрывать со смертью», — писала Кэтрин. Но он не умел жить размеренно. Кэтрин пыталась повлиять на него, привлекая к увещанию и друзей Питера. «Но результатов эти беседы не принесли... Это было все равно что обращаться к закрытой двери». Питер не хотел жить лишь отчасти. Он не мог ограничить самого себя. Больше всего Кэтрин хотела добиться, чтобы он выезжал с проповедью в другие города как можно реже. В течение первого года после приступа он прислушивался к ней. Но уже на следующий год он принял двадцать приглашений. «Ты бы знала, скольким я отказал», — говорил он. Но Кэтрин уже слышала это и прежде.

Через несколько месяцев, к огромному его удивлению, равно как и к удивлению Кэтрин, Питер был избран капелланом сената Соединенных Штатов, что прибавило новые обязанности к его прежним заботам в собственной церкви. Он стал пастором многих известных политических деятелей. Его молитвенный опыт стал известен по всей стране. Однажды он молился так: «Отец наш Небесный, помоги нам понять, что лучше потерпеть

неудачу в деле, которое в конечном счете станет успешным, чем преуспеть в деле, которое в конечном счете потерпит неудачу... Да свершится воля Твоя, да осуществится Твой план относительно каждой партии и каждой личности, вне зависимости от времени и обстоятельств, на благо Америки и мира во всем мире. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь».

Вскоре Питер стал занят еще больше, чем прежде. Но угрожающих симптомов не было — ни трудности с дыханием, ни головокружения, ноги не подкашивались. Поэтому он и не собирался беречь себя. Он вообще не понимал смысла выражения «притормози». Кэтрин боялась, что все это может кончиться весьма печально.

И вот в начале 1949 года он позвал Кэтрин посреди ночи и сказал: «У меня сильная боль в груди. Вызови врача». Она немедленно вызвала скорую помощь. Когда санитары выносили его из дома, он прошептал ей: «Дорогая, увидимся утром». Но следующим утром, в девять часов, Питер умер. Ему было сорок шесть лет. Он оставил вдову тридцати четырех лет и девятилетнего сына. На похороны собралось огромное количество народа. В «Тайм», «Лайф» и «Ньюсвик» были опубликованы некрологи.

В следующее воскресенье Кэтрин, как всегда, появилась в церкви. Внешне она была спокойна. Люди обратили внимание на то, как мужественно она справлялась со своим горем. Но внутренне она была надломлена. Она говорила себе, что обязана была лучше заботиться о здоровье Питера. Ведь она понимала, чем грозит ему такой образ жизни. Три годами раньше у него уже был сердечный приступ. Она не сделала того, что сделать была обязана. Обвиняя себя, она обвиняла в смерти мужа отчасти и церковь. Ведь именно эти люди, какими бы любящими они ни казались, постоянно осаждали его со своими нуждами. *До чего же эгоистичны люди*, поражалась она. А затем она стала винить и Бога. «Если у

Бога есть власть помогать нам, то почему же Он ничего не сделал для того, чтобы уберечь Питера?» Все это было шагами, которые ей необходимо было пройти, примиряясь с утратой мужа.

«Я стала вдовой, — писала Кэтрин в книге „Жить снова“, — но совершенно не была готова к этому». Она никогда не любила размышлять о смерти. Питер однажды сказал ей: «Кэтрин, ты ведешь себя так, будто если не думать о смерти, то ее можно избежать». Кэтрин не была готова ко многому, с чем ей пришлось столкнуться после смерти мужа. Питер принимал не только все стратегические решения в их семье. Он также заботился и о множестве мелочей. Когда Кэтрин стала вдовой, то обнаружила, что ей приходится принимать множество самых разнообразных решений, а она к этому не привыкла. «Мои представления о роли женщины в обществе — отчасти врожденные, отчасти сформировавшиеся под влияние юга Соединенных Штатов, где я выросла, отчасти под влиянием мужа — совершенно не были связаны с активной жизненной позицией... Обстоятельства, в которых я оказалась не по своей воле, заставили меня активно действовать. И мне это совершенно не нравилось».

Тогда же, в тот период, когда Кэтрин пыталась сориентироваться в жизни заново, ей написали три книгоиздателя с просьбой составить и подготовить к печати сборник проповедей и молитв Питера. Она не могла отказать. Кэтрин давно мечтала стать писательницей. Теперь, готовя к печати труды своего покойного мужа, она получила возможность попасть в тот мир, к которому стремилась с юности. Той же осенью из печати вышла книга «Мистер Джонс, познакомьтесь с мастером». Первый тираж в десять тысяч экземпляров был раскуплен за один день. Книга вошла в список бестселлеров и удержалась в нем также и в следующем году. Менее чем через два года из печати вышла биография Маршалла «Человек, которого звали Питер». Она попала в список бестселлеров за десять

дней продажи и удерживалась в нем в течение трех лет. Пожалуй, однажды утром Кэтрин проснулась общенациональной знаменитостью. В 1955 году кинокомпания «Двадцатый век Фокс» сняла фильм о жизни Питера. Фильм также был очень популярен.

За время что Кэтрин провела прикованной к постели, она приучилась писать лежа и, несмотря на неудобства, продолжала писать лежа и впоследствии. В книге «Жить снова» Кэтрин описывает себя следующим образом: «Женщина лежит на кровати и пишет. А вокруг нее, на одеяле и на полу, разбросаны листки бумаги и блокноты. Ее лицо и руки часто испачканы чернилами. Рядом с ней несет свою сонную вахту спаниель. Рядом с кроватью — картотека, в углу — пишущая машинка. Иногда женщина вскакивает для того, чтобы сбегать за печеньем или яблоком. А иногда начинает рыться в картотеке в поисках нужной ей статьи».

Но жизнь Кэтрин была вовсе не такой идиллической, как это может показаться, особенно после того, как Питер Джон уехал учиться в школу, а затем — в Йельский университет. Несмотря на то что ее книги становились бестселлерами, а сама она стала очень известной, Кэтрин была одинока.

После смерти Питера, когда Кэтрин писала его биографию, она была уверена в том, что никогда не выйдет замуж снова. Она говорила: «Это разрушило бы нечто очень ценное, что было только между мной и Питером». Кэтрин боролась с «жалостью к самой себе» и убеждала себя в том, что рано или поздно к ней придут «благословение одиночества» и «внутренняя умиротворенность». Но несколько месяцев спустя в ее душе возникли колебания, что отразилось в записях в ее дневнике. «Бог создал меня такой, какая я есть. Он создал меня для любви и счастья. Я не верю в то, что Он предназначил мне всю оставшуюся жизнь прожить в одиночестве». Недостатка в мужчинах вокруг нее не было.

Многие из них проявляли интерес к привлекательной вдове, которой не было еще и сорока. В течение года она отвергла три предложения руки и сердца. Ни в ком из этих людей она не видела человека, с которым хотела бы связать свою судьбу. В дневнике она написала: «Где-то ждет тот самый человек, в жизни которого недостает именно меня».

Одиночество угнетало ее все сильнее. «Я чувствую себя крайне угнетенной, — писала она. — Из моей повседневной жизни исчезла радость». «Особенно тяжело, — писала она в книге „Жить снова“, — что мне совершенно не с кем разделить то, что в мире принято называть „успех“». Книги сделали ее известной, и своими работами она за десять лет затронула столько жизней, сколько Питер — за двадцать лет проповеди с кафедры своей церкви. И все же она замечала: «Я женщина. И мои достижения не производят на меня сильного впечатления... Моя жизнь пуста». В 1957 году Кэтрин признавалась: «Мой личный ответ на вопрос о том, может ли карьера заменить женщине семью, таков: нет, никоим образом. Карьера еще больше подстегивает желание женщины быть в первую очередь женщиной».

В начале 1959 года издатель журнала «Гайдпост» Леонард Лесур пригласил ее на ланч для того, чтобы обсудить с ней одну из ее статей. Она была уверена в том, что это сугубо деловая встреча. Но через несколько месяцев, летом 1959 года, Лен пригласил ее на свидание. «Я просто заеду за вами на машине утром, и мы отправимся на берег, или в горы, или еще куда-нибудь». Кэтрин больше привлекали горы. Туда они и направились. «У нас был очень глубокий и честный разговор», — рассказывала Кэтрин. Так начали развиваться новые в ее жизни отношения, совершенно иного рода, нежели ее отношения с Питером. Когда она была с Питером, тот был лидером, человеком, принимавшим решения. У него также были и ответы на все духовные вопросы. С Леном все было

иначе. «Мы оба искали», — говорила Кэтрин. И на втором свидании Лен сделал ей предложение.

Кэтрин все тщательно взвесила и призналась: «Мне нравилось то, что я видела. Он был заботлив, нежен, с ним было легко, он был серьезным человеком. Он совершенно спокойно относился к жизненным сложностям и неудачам. Он был хорошим отцом». Но выйти замуж за Лена означало бы переехать в Нью-Йорк и заботиться о троих его детях: десятилетней дочери и двух сыновьях, одному из которых было шесть лет, а другому — три. Собственный сын Кэтрин уже учился в колледже, и она не знала, как он к этому отнесется. Ей предстояло сделать выбор: продолжать одинокое, неуверенное существование или постараться стать частью жизни Лена — что было бы очень нелегко — и постараться справиться с той ответственностью, которую налагает на нее воспитание еще совсем маленьких детей.

Кэтрин выбрала второе. В ноябре они с Леном поженились. Лен был аккуратным человеком. У него был блокнот для записи молитвенных нужд, которыми он делился с Богом, и ответов, которые он получал на свои молитвы. Одной из первых записей в этом блокноте после свадьбы стала такая: «Чтобы домашнее хозяйство велось таким образом, чтобы у Кэтрин оставалось время на написание ее романа „Кристи“». Ответ пришел. Вскоре нашелся человек, который взял на себя хозяйственные хлопоты, а Кэтрин вновь принялась за работу над книгой. Но прежде чем она закончила эту работу, прошло немало времени. «Кристи», ее первый роман, был опубликован в 1967 году. Читательская аудитория ждала публикации с напряжением: было продано двести пятьдесят тысяч экземпляров в твердом переплете и четыре миллиона экземпляров в мягкой обложке. В следующем году Кэтрин начала сотрудничать с известным издательством «Чузен букс».

Кэтрин умерла в 1983 году в возрасте шестидесяти восьми лет. За свою жизнь она написала около двадцати

книг, которые были раскуплены в количестве восемнадцати миллионов экземпляров. Она стала дорога читателям, поскольку писала просто, достойно и искренне. Конечно же, в возрасте сорока пяти лет, выходя замуж за Лена Лесура, Кэтрин была совсем другим человеком, чем в двадцать три года, когда она вступала в брак с Питером Маршаллом. В свои двадцать три она была еще студенткой, и Питер Маршалл просто завораживал ее. В сорок пять она была писательницей, широко известной как среди христиан, так и среди людей неверующих, благодаря своим книгам и фильму «Человек, которого звали Питер». Первый ее брак продлился одиннадцать лет, а затем их с Питером разлучила смерть. Ее второй брак продлился почти вдвое дольше, но теперь уже она сама была взята смертью у Лена.

Кэтрин Маршалл была сильной женщиной. Но она использовала свою силу таким образом, чтобы поддерживать тех мужчин, которые были с нею рядом. Оба ее брака оказались счастливыми именно поэтому.

Библиография

Marshall, Catherine. *Beyond Ourselves*. New York: McGraw-Hill, 1961
Marshall, Catherine. *A Man Called Peter*. New York: McGraw-Hill, 1951.
Marshall, Catherine. *Meeting God at Every Turn*. Lincoln, Va.: Chosen, 1980.
Marshall, Catherine. *To Live Again*. New York: McGraw-Hill, 1957.

Marshall, Peter. *Mr. Jones, Meet the Master*. New York: Fleming H. Revell, 1949.

Вовсе не такой безумный влюбленный

Жан и Иделетт Кальвин

Вы, конечно, знаете, кто такой Жан Кальвин. Но вы, вероятно, никогда не слышали о его жене Иделетт. Хотя богослов Жан Кальвин и был мозговым центром протестантской Реформации во Франции и в Швейцарии, ему пришлось узнать много нового и о браке, и о воспитании детей. Вообще говоря, он не был любителем проблем, а брак неизбежно нес с собою именно проблемы. Но брак принес ему также и множество замечательных благ. Тот Жан Кальвин, которого вы знаете, был упрям и мрачен. Но был и другой Жан Кальвин. Тот, которого знала Иделетт. Что же сделало более мягким этого блестящего мыслителя? Каким был брак между реформатором Жаном и анабаптисткой Иделетт?

Начитанный, замкнутый и упорный, Жан Кальвин к тридцати одному году все еще не был женат. Но он собирался изменить свое семейное положение. Его энциклопедический разум был устроен как картотека. Что бы туда ни попадало, это оставалось там навечно. Сам он считал себя ученым и писателем. Проблемы интеллектуального порядка он разрешал с легкостью, а вот проблемы, связанные с конкретными людьми, были для него всегда невероятно сложны. В 1540 году он жил в Германии — этот француз, прославившийся в Швейцарии как реформатор. Поэтому найти там жену было ему совсем не легко.

Он был убежденным сторонником учения о предопределении, но вовсе не был фаталистом в вопросах брака. Он понимал, что нужная ему женщина не появится сама собой у его порога; ее требовалось найти. Он знал, чего хотел, и объяснил это также и своим соратникам (которые стремились найти ему хорошую жену не меньше, чем он сам): «Всегда помните о том, что именно я стремлюсь найти в ней. Ибо я не такой безумный влюбленный, который перенимает грехи от той женщины, которая соблазнила его своей внешностью. Красота привлекает меня лишь при следующих качествах: если она добродетельна, не слишком шумна и горделива, если она экономна, терпелива, и если есть надежда на то, что она будет заботиться о моем здоровье».

«Комитет по поиску жены» трудился в течение полутора лет. Первой одобренной кандидатурой стала состоятельная немка из Страсбурга. Ее брат горячо поддерживал учение Кальвина и очень старался устроить этот брак. Он говорил, что если уж Кальвин хочет посвятить себя исследовательской работе, то брак с состоятельной женщиной придется ему весьма кстати. Как-никак, жить на доходы от продажи богословских книг совсем не легко. Эти доводы убедили соратников Кальвина, но не убедили его самого. Во-первых, она не знала ни слова по-французски. «Ну, это не проблема», — сказали доброжелатели и отправились в Страсбург для того, чтобы уговорить невесту выучить французский язык. Такая перспектива невесту не особенно вдохновила, но если уж без этого обойтись было нельзя, то она согласилась попытаться. Впрочем, Жана смущало еще кое-что. Он так говорил своему другу Уильяму Фарелю: «Понимаешь, Уильям, ведь у нее будет значительное приданое, а такому бедному священнику, как я, будет неловко пользоваться состоянием своей жены. Мне кажется, что и ей будет нелегко сделать шаг на ступеньку

вниз по социальной лестнице». Жан откровенно опасался, что впоследствии она пожалеет о совершенном ею шаге.

Фарель ответил, что у него в приходе была женщина, говорившая по-французски, которая и могла бы стать прекрасной парой для Кальвина. Ей было около сорока пяти (то есть она была старше Кальвина на пятнадцать лет), и она твердо придерживалась протестантских убеждений. Прежде она никогда не была замужем, и Фарель надеялся на то, что Кальвин не сочтет это за недостаток. Но Кальвин отказался продолжать обсуждение этой темы. Третья кандидатура была предложена «комитетом» и вроде бы заинтересовала Кальвина. Денег у нее не было, и его не обвинили бы в женитьбе на приданом. Она жила в другом городе, и Кальвин с ней никогда не встречался, но ее репутация говорила о том, что она обладала многими чертами, которые Кальвин хотел бы видеть в своей жене. Брат Кальвина, Антуан, говорил ему: «Все, кто ее знают, отзываются о ней превосходно». Кальвина это приободрило. Он был логиком и считал, что если эта женщина соответствует требованиям, которые он предъявлял к жене, то она станет ему прекрасным спутником в жизни. Он написал Фарелю, чтобы тот приготовил все необходимое для брачной церемонии к десятому марта, а Антуана послал за невестой.

Трудно сказать, что произошло при встрече. Кальвин не обнаружил в ней никаких недостатков. Но чем больше он с ней общался, тем меньше она ему нравилась. Он был готов отказаться от мысли о браке с ней, но теперь это было уже не так-то просто. Проблема заключалась в том, что эта женщина до безумия влюбилась в Жана. То, что было задумано как рациональная договоренность, начало превращаться в драму. Кальвин писал Фарелю: «Если я снова упущу такую возможность, то я буду просто глупцом». Но он упустил эту возможность. 10 марта прошло, а Жан Кальвин все еще оставался холостяком. Богослов, не любивший проблем, оказался в

психологическом тупике. Его предполагаемая невеста не только пыталась, как писал Кальвин, «ошеломить его напором своего добросердечия», но и упорно продолжала настаивать на браке. А Кальвин настолько же не хотел жениться на ней, насколько она стремилась стать его женой. Он не желал на ней жениться «даже в том случае, если бы Господь полностью лишил меня разума», — говорил Кальвин. Он молился: «Я горячо желаю найти выход из этого затруднения». Выход «из этого затруднения» было поручено найти брату Антуану, который и взялся все объяснить невесте. Сам Кальвин был не в состоянии сделать это лично.

Пережив три таких разочарования, Жан Кальвин не был уверен в том, что ему следует продолжать поиски жены. Возможно, Бог хотел, чтобы он оставался холостым. Он писал: «Пока я не нашел себе жену, и часто сомневаюсь, стоит ли мне продолжать поиски». Приблизительно в это же время «комитет» как-то сам собой расформировался отчасти из-за разочарования Жана, отчасти из-за неспособности подобрать новые кандидатуры.

И тогда Жан вспомнил о вдове из того маленького прихода, где он был пастором. Его разум был так энциклопедичен, почему же он не вспомнил о ней раньше? Иделетт де Бур Стордер была одного с ним возраста и примерно из того же социального слоя. Ее муж умер за несколько месяцев до этого, и пока он болел, она нежно заботилась о нем.

Их обоих Жан обратил в протестантизм за год до описываемого времени. Иделетт была очень умна и открыто высказывала свое мнение, хотя и поддерживала своего мужа всегда и во всем. Кроме того, внешне она была очень привлекательна. Для Кальвина это было прекрасным дополнением к ее душевным качествам.

Кальвин снова попросил Фареля подготовить брачную церемонию, и через два месяца Жан и Иделетт поженились.

Как и Лютер, Кальвин обладал многими чертами характера, которые выглядели со стороны несколько карикатурно. Но любое одностороннее описание необъективно. Кальвин был упрямым, вспыльчивым и довольно замкнутым, но также он был добрым, умел глубоко сочувствовать и был хорошим другом. Он был на редкость принципиален. Человек железной самодисциплины, он в гораздо большей степени, чем Лютер, стремился переубедить тех протестантов, чьи взгляды хоть ненамного, но отличались от его собственных.

Кальвин родился в 1509 году в Нойоне, в шестидесяти милях от Парижа. Его отцом был Жерар Ковен¹⁰, предприниматель и юрист, занимавшийся делами католической церкви. Мать Жана умерла, когда ему было три года. Сам он матери не помнил и знал о ней только по рассказам других. У него была мачеха, но Кальвин не любил о ней говорить.

Отец Жана, человек очень своевольный, приложил все усилия к тому, чтобы его сын получил самое лучшее образование, какое только позволяло положение Жерара. Сперва он устроил Жана в церковь. Строго говоря, это было незаконно, но ведь архиепископ рейнский стал служителем церкви в пятилетнем возрасте, а епископ майнский — когда ему едва исполнилось четыре года. Поэтому Жерару Кальвину было не так уж трудно устроить сына капелланом, когда тому исполнилось двенадцать, тем более, что церковные власти знали, что Жан готовится принять сан.

Через два года, продолжая получать жалование капеллана, Жан отправился в Париж учиться в коллеже. Три года он провел в колледже свободных искусств и год в

¹⁰ Cauvin — эта фамилия была потом латинизирована Кальвином, по обычаю ученых. — *Примеч. ред.*

богословской школе, которая была известна побоями, вшами и тухлыми яйцами. Но Кальвин выдержал все это и в восемнадцатилетнем возрасте получил степень магистра.

Шел 1527 год, и во Франции начали распространяться сочинения Лютера. За протестантские убеждения из Сорбонны изгнали Жака Лефевра. Протестантом стал и двоюродный брат Кальвина, Пьер Робер, по прозвищу Оливетан. Но сам Жан Кальвин не принял нового учения быстро и легко.

В это время у его отца произошел конфликт с архиепископом. Кальвин-старший был обвинен в злоупотреблениях, и от него потребовали детального финансового отчета. Но Жерар Кальвин отказался выполнить требования архиепископа, и в результате потерял работу. Он был сильно разгневан и написал сыну в Париж, чтобы тот прекратил изучение богословия и занялся правом. Кроме того, у Жерара пропало желание сделать из сына католического священника. Жан покорно исполнил волю отца.

Но через три года, когда отец умер, Жан снова изменил планы. Теперь он решил стать филологом-классиком. Через год он опубликовал комментарий на философские произведения Сенеки, написанный на прекрасном латинском языке.

Никто не купил этот труд, хотя многие отозвались о нем очень лестно. Кальвин попытался продать его самостоятельно, но сделать на этом коммерцию было практически невозможно.

Молодому ученому было трудно с этим смириться. В академическом мире он достиг успехов, но в реальной, практической жизни ориентировался далеко не столь блестяще. Он не знал, куда ему податься. Он все больше разочаровывался в римско-католической церкви, хотя и продолжал защищать ее. Светские профессии его не привлекали. Его филологические исследования не принесли тех плодов, на которые он рассчитывал.

Кальвин не понимал, что с ним происходит, об этом знал лишь Бог. Позднее Кальвин писал: «Бог завоевал мое сердце через внезапное обращение». Возможно, это случилось в 1533 году, когда Жану было двадцать четыре года и в его жизни произошел целый ряд важных событий.

Один из его близких друзей был назначен ректором Парижского университета, и в День всех святых ему предстояло выступить с традиционным обращением. Ректор, который получил медицинское образование, боялся, что подготовленная им речь покажется слабой его более старшим коллегам-профессорам, специализировавшимся в философии и праве.

В последние месяцы ректор находился под влиянием евангелических взглядов, и ему было что сказать старой Сорбонне. И все же ему требовалась помощь ученого, способного подкрепить изложение цитатами из античных авторов и отцов Церкви. Жан Кальвин, хотя и не вполне тогда разделявший протестантские настроения своего друга-ректора, с радостью согласился ему помочь.

Речь произвела большое впечатление, может быть даже слишком большое. Ректора изгнали из города, а на Жана Кальвина объявили настоящую охоту, когда стало известно, какую роль тот сыграл во всем этом деле. Когда в дом к нему явилась полиция, он скрылся через окно на задний двор, связав несколько простыней, чтобы спуститься. В поисках убежища он пришел в дом одного из своих товарищей по учебе. Вероятно, примерно в тот же период он и пережил обращение.

Кальвин рассказывал об этом так: «Когда я погружался в глубины моей души или возносил мой разум к Тебе, меня охватывал такой ужас, который ничто не могло заглушить. И чем тщательнее я себя изучал, тем острее становились муки моей совести, и я начал думать, что единственным выходом было обмануть самого себя и постараться забыть обо всем этом... Но в конце концов я осознал, что погряз в заблуждениях и что сам себя

оскверняя, что я стал невероятно грязен. Я преисполнился страха и трепета и разом отдался Твоей воле».

Поскольку в родной Франции оставаться ему было небезопасно, он бежал в Базель (Швейцария), где и подготовил первое издание своего самого знаменитого сочинения «Наставление в христианской вере». Он создал это произведение в возрасте двадцати шести лет, через год или два после своего обращения.

Наконец Кальвин обрел свое призвание, по крайней мере он сам так считал. Он решил стать протестантским ученым-богословом. Позже он так писал об этом: «Вершиной моих желаний было писать и чувствовать, что я занят достойным делом». На портретах Кальвина того периода мы видим щегольски одетого молодого человека с ухоженной бородкой и большим перстнем на левой руке. В руках у него вышитые перчатки. Словом, типичный француз, далеко не безразличный к своей внешности.

В 1534 году он написал: «Из опыта я заключаю, что человек не в состоянии узнать, что ждет его в будущем». За предшествующие восемь лет он менял планы относительно его будущего рода занятий четыре раза. И в 1536 году ему предстояло сделать это вновь.

Путешествуя, он остановился в Женеве (Швейцария), где его задержал Уильям Фарель, женеvский священник, который попросил Жана помочь ему реформировать тамошнюю церковь. Кальвин отнесся к просьбе очень прохладно. У Женевы была весьма скверная репутация, реформировать ее было подобно попытке реформировать Содом и Гоморру. Кальвин сказал Фарелю, что он обратился не к тому человеку. Жан был человеком, который действовал за сценой, он был ученым, а не пылким проповедником. Его домом была библиотека, а не кафедра.

Фарель не хотел смириться с отказом. Он возражал: «Ты используешь научную работу только в качестве предлога для отказа. Ты слишком эгоистичен. Если ты не

останешься в Женеве, Бог проклянет тебя, ведь ты ищешь собственной славы, а не славы Христа».

Хотите верьте, хотите нет, это положило начало их дружбе, которую они пронесли через всю свою жизнь. Кальвин остался в Женеве. Сам он объяснял это так: «Я почувствовал себя так, будто Бог с небес простер Свою руку и остановил меня, чтобы я больше не был таким, как прежде». В одном из своих комментариев он так написал о книжнике из Мф.8:19, возможно имея в виду и самого себя: «Он хочет сражаться в тени, не испытывая напряжения, он хочет избежать пыли и пота и не хочет, чтобы ему угрожало оружие». Фарель вывел Кальвина на передовую.

А это и в самом деле было сражение, особенно для людей, подобных Жану Кальвину, которых в периоды депрессии начинают мучать головные боли и боли в желудке. Городской совет отзывался о нем пренебрежительно, и большинство населения бойкотировали его лекции о посланиях апостола Павла.

А когда в совете его стали называть по имени, его называли также и протестантским папой. Жана это сильно задело. Посреди проповеди он назвал отцов города «советом дьявола», что не разрядило обстановку. Позже он признавался: «Я был очень нетерпелив. Я хотел добиться слишком многого за слишком короткий срок».

Вскоре после Пасхи 1538 года Фарелю и Кальвину дали три дня на то, чтобы они покинули город. Современник писал: «Было просто чудом, что они успели скрыться прежде, чем пролилась кровь».

Кальвин решил никогда больше не возвращаться в Женеву и никогда больше не вмешиваться в дела церкви. Он не любил проблемы. С этих пор, решил он, его дело — заниматься теоретическими исследованиями. Но едва он успел распаковать свои чемоданы в Базеле, как получил письмо из Страсбурга. Один пастор настоятельно просил его прибыть туда и помочь в организации церкви

французских беженцев. Кальвин, естественно, отказался. «Я больше не покину Базель», — писал он.

Но страсбургский церковный лидер Мартин Буцер еще раз написал Кальвину, в гораздо более решительных выражениях: «Господь настигнет непокорного раба, как Он настиг Иону, и пытаться укрыться от Него бесполезно». Это было очень похоже на то, что Кальвин прежде слышал от Фареля, и на этот раз ему было очень трудно отказать в просьбе приехать. Он быстро собрался и выехал в Страсбург.

Приход, состоявший из французских беженцев, был невелик, хотя и постоянно пополнялся. Поэтому Кальвин взял на себя обязанности профессора богословия в только что открытом страсбургском университете. Но ни первое место работы, ни второе не приносили значительного дохода.

Сначала Кальвин остановился в доме Буцера. Этот человек не только был счастлив в браке, но и считал своим призванием женить также и своих помощников. Однажды, когда Кальвин повел себя несколько резко, Буцер сказал ему: «Жан, вам нужна жена». Кальвин не очень понял, какая тут была связь, но сказал Буцеру, что подумает.

Кальвину нужно было на что-то жить, поэтому он продал часть своей библиотеки и арендовал большой дом, который превратил в общежитие для студентов. «Я настолько беден, — писал он Фарелю, — что у меня буквально нет ни единого су». К тому же вскоре он обнаружил, что, сдавая комнаты студентам, он начал сталкиваться с массой проблем, которые вызывали у него головную боль, равно как и боли в желудке. Поэтому он нанял экономку, которая была очень речиста и на редкость неряшлива. Он старался держаться от нее подальше, но, когда она начинала кричать на жильцов, в доме не было такого места, которое бы не начинало вибрировать. Кальвин в то время пытался работать над вторым изданием «Институтов» и просто не знал, куда деваться от экономки.

С другой стороны, он не знал, куда деваться и без нее. Возможно, если бы он женился, то его жена нашла бы какой-то выход из этих проблем.

Иделетт де Бур к тридцати одному году имела уже большой жизненный опыт. Она родилась в Гельдерланде (Голландия) и вышла замуж за Жана Стордера из Льежа, когда ей было шестнадцать или семнадцать лет. У них родилось двое детей — Жак и Жудит, — и вскоре Иделетт и Жан были обращены миссионерами-анабаптистами.

В то время быть приверженцем анабаптистского учения означало подвергаться гонениям. Иделетт беспокоилась не столько о своей собственной судьбе, сколько о судьбе своих детей. Если бы с ней и с ее мужем что-нибудь случилось, какая участь ждала бы Жака и Жудит?

В Бельгии и Нидерландах были убиты тысячи анабаптистов. Некоторые историки называют цифру в тридцать тысяч человек. Менно Симонс писал об этом: «Некоторых вешали, а других, после страшных издевательств, душили веревками, привязав к столбам. Многие были сожжены живыми. Некоторые из них продолжали проповедовать Слово Божье, держа в руках собственные внутренности. Одних обезглавили и бросили на растерзание хищным птицам. Других отдали на съедение рыбам. У многих были разрушены жилища. Многие были брошены в грязные болота... Им приходилось сниматься с места, забирать своих жен и детей и скитаться из города в город, всюду терпя оскорбления, преследования, унижения и избиения».

Не удивительно, что Иделетт переживала за своих детей.

Во всей Европе Страсбург был известен как город религиозной терпимости, куда отовсюду стекались беженцы. Многие из анабаптистов верили, что в Страсбурге Господь положит основание новому Иерусалиму. Возможно, Иделетт и Жан просто приехали в

такое место, где они могли бы спокойно растить своих детей. Вместе с другими беженцами они присоединились к церкви, в которой нес служение Жан Кальвин. Его проповеди были настолько фундаментально основаны на Библии, настолько ясны, настолько логичны, что вскоре они вместе со многими другими анабаптистами пришли к убеждению, что взгляды Кальвина на Писание очень здравы и убедительны.

В маленьком приходе, где все новые члены церкви проходили катехизацию, Кальвин, должно быть, обратил внимание на духовный прогресс этих новообращенных, четы Стордеров. И, должно быть, он очень огорчился, когда узнал, что Жан Стордер тяжело заболел.

Бог уберег Жана Стордера от мученической смерти в Голландии, но не от эпидемии в Страсбурге. И там, всего через год после приезда, он и был похоронен. Это были одни из первых похорон, которые Кальвин провел в Страсбурге. Он не мог не заметить привлекательную, изящную женщину, одетую в черное, казавшуюся слишком молодой, чтобы быть матерью двенадцатилетнего сына и шестилетней дочери, которые шли рядом с ней.

К этому времени Кальвин уже почти потерял надежду найти себе жену. Но все же считал, что добиться этого необходимо. Ведь три человека, которых он уважал больше всего — Фарель, Буцер и друг Лютера Филипп Меланхтон, — убеждали его всерьез задуматься об этом. Часто значительные перемены в жизни Кальвина происходили под влиянием друзей и членов его семьи. Отец убедил его оставить богословие и заняться правом. Фарель заставил его остаться в Женеве. Буцер вызвал его в Страсбург. А вот теперь Буцер, Фарель и Меланхтон вместе убеждали его жениться.

До приезда в Страсбург Кальвин мало видел примеров семейной жизни. Он почти ничего не знал о взаимоотношениях его отца и матери. В Женеве его ближайшим другом был Фарель, пятидесятилетний

холостяк. Поэтому христианский брак он имел возможность наблюдать лишь в Страсбурге, в доме Буцера. В этой семье супруги любили друг друга и во всем помогали друг другу. Элизабет Буцер была прекрасной матерью, гостеприимной хозяйкой и лучшим критиком своего мужа. Буцер был убежден, что это было самым ценным ее качеством. Те, кто, подобно Жану Кальвину, находили приют в их доме, отмечали, насколько она была дружелюбна с гостями. Один из таких посетителей писал: «В течение семнадцати дней я был окружен заботливым вниманием. В этом доме принимают тех, кто пострадал за дело Христа. В этой семье за все время я не отметил ни одного повода к обиде, но лишь к назиданию. Я ни разу не выходил из-за стола, не узнав чего-либо нового».

Старшим пресвитером в Страсбурге был Мэтью Целл, чья жена славилась своим характером. Ее муж был священником, и его сильно критиковали за то, что он вообще женился. Он отказывался вступать в дискуссии на эту тему, а вот она не стала колебаться и написала библейский трактат в защиту брака священнослужителей, где защищала и себя, женщину, которая взялась учить богословов: «Я не считаю себя Иоанном Крестителем, обличающим фарисеев, — писала она, — я лишь надеюсь стать Валаамовой ослицей, дающей урок своему хозяину». Как и Элизабет Буцер, она давала в своем доме приют беженцам из других стран. Как-то раз там разместилось восемьдесят человек.

Однажды она написала письмо Лютеру, в котором добивалась от него, чтобы тот пришел к согласию с другими протестантскими лидерами, а когда Жан Кальвин как-то сильно на кого-то разгневался в ее доме, именно Кэтрин сумела его успокоить. Возможно, браки Буцеров и Целлов оказали большое влияние на Кальвина.

Как раз в тот период, когда Жан стал размышлять о браке, он познакомился с Филиппом Меланхтоном, сподвижником Лютера. Они стали добрыми друзьями.

Меланхтон на тот момент состоял в браке уже девятнадцать лет и, несомненно, подтолкнул Кальвина к тому, чтобы энергичнее заняться поисками будущей жены. Госпожа Меланхтон обладала прекрасным чувством юмора и очень заботилась о Филиппе: как о его физическом состоянии, так и о его психологическом комфорте. Меланхтон жаловался на нее только по одному поводу: «Она считает, что я голоден, до тех пор, пока не набьет меня едой, как сосиску».

И вот, когда Кальвин встретил у себя в приходе привлекательную вдову, его представления о браке несколько отошли от схематичного списка требований к будущей жене, с которого он начал свои поиски.

Фарель, которого уже дважды беспокоили ложной тревогой, убедился, что на этот раз все было всерьез. И он с огромным удовольствием провел брачную церемонию.

Вскоре выяснилось, что было самой большой проблемой в этом браке: здоровье. Супруги часто болели. Едва Фарель объявил их мужем и женой, как оба они слегли. Неделей или двумя позже Кальвин послал Фарелю благодарственную записку (он писал ее, лежа в постели): «Чтобы наш брак не стал чересчур веселым, Господь несколько умерил нашу радость».

Едва они оправались от этой болезни, как несколько печальных событий вновь приковали их к постели. Все началось, когда ядовитая экономка Кальвина оскорбила его брата Антуана и тот покинул дом. Кроме того, он поклялся, что не вернется туда до тех пор, пока там остается эта экономка. Для Кальвина это стало последней каплей, и он готов был обрушиться на виновницу происшествия. А та, понимая, что ей совсем не выгодно ссориться с работодателем, приготовила ужин и ускользнула из дому. Кальвин старался держать себя в руках, но внутри у него все кипело. Позже он объяснял: «Обычно, когда я впадаю в раздраженное состояние или сильно волнуюсь, то слишком много ем... Именно так случилось и в тот раз». На

следующее утро у него начались сильные боли в желудке, но тем не менее в тот день он не отступил от своего ежедневного распорядка. Однако к вечеру у него начался жар, и он потерял сознание. Кальвин снова слег, заболела и Иделетт. «Я был все еще очень слаб, когда у моей жены начался жар. Восемь дней она провела в постели... У нее такая сильная слабость, что она едва может сесть».

Хотя в переписке Кальвина мы не находим таких подробных сведений о семейной жизни, как в переписке Лютера, все же из писем Жана мы видим, что Иделетт очень заботилась о его самочувствии, а также о здоровье детей. Часто Иделетт сопровождала Кальвина в поездках; он упоминает о том, как они принимали у себя гостей. Биографы Кальвина пишут о его жене как о «женщине яркой индивидуальности», а сам Жан говорил: «Она верный помощник в моем служении» и «прекрасный спутник в моей жизни».

Однако в первые десять месяцев их брака они провели вместе не так уж много времени, если не считать тех двух месяцев сразу после свадьбы, которые они провели тяжело болея и лежа в постели. Затем Кальвин отправился на важное богословское собрание в Вормсе (Германия). Он не очень хотел ехать туда по многим причинам, но в первую очередь из-за того, что не хотел оставлять Иделетт и был все еще слаб после болезни. Однако ехать было все-таки нужно.

Примерно за год до этого император Карл V, правитель Священной Римской империи, призвал католических и протестантских богословов на совместное заседание. Императора не слишком волновали вопросы богословия. Империи угрожали турки, а пока католики и протестанты разбирались между собой, у императора не было возможности сформировать единый фронт сопротивления турецкой агрессии. И вот он выступил с инициативой совместной конференции.

Большинство приехавших были немцами, и Кальвину, которому был тогда тридцать один год, было очень лестно, что его также пригласили. Но он искренне заметил: «Я ничего не жду от этого мероприятия». Он оказался прав. Еще до того как Кальвин женился, было проведено уже два подобных совещания. Ни одно из них не принесло ощутимых плодов. Третье было назначено на 1 ноября 1540 года в Вормсе.

Вскоре Кальвин засомневался, что поступил правильно, приехав туда. Герцог, который должен был вести заседания, появился только 1 декабря, а затем еще в течение шести недель решался вопрос о том, каким будет порядок выступлений и что будет включено в повестку дня. Сами дебаты продлились всего неделю. Все это время Иделетт была в Страсбурге одна, заботясь о детях и пансионе.

Жан вернулся в конце января 1541 года. Проведя дома всего месяц, он отправился в Восточную Германию на новое заседание. «У меня нет ни малейшего желания ехать в Ратисбон», — писал он, но все же отправился туда.

Он был в нескольких сотнях миль от дома, когда узнал, что в Страсбурге разразилась эпидемия. Кальвин не на шутку встревожился. «Днем и ночью я думал о жене», — писал он. В прошлый раз эпидемия унесла жизнь первого мужа Иделетт, а новая напасть могла легко забрать и саму Иделетт, которая была все еще слаба после перенесенной болезни. Он написал ей письмо, в котором советовал покинуть город. Но Иделетт уже самостоятельно приняла такое решение и вместе с детьми перебралась в дом ее брата.

Она провела за городом несколько недель, и все же по времени это было гораздо меньше, чем пребывание Кальвина на императорской конференции. Собрание, которое началось в марте, длилось четыре месяца, и в июне Жан Кальвин отправился домой, к Иделетт, не дожидаясь окончания прений. К концу июня Кальвин был женатым

человеком уже сорок пять недель, и тридцать две из них провел в поездках.

Но его разум занимали не только мысли об Иделетт. Тремя годами раньше его изгнали из Женевы, но теперь он начал получать письма, в которых его просили вернуться. Сперва послания приходили от частных лиц. «Все тоскуют по вам... Приезжайте, чтобы мы могли успокоиться в нашем Господе и Спасителе». Сам Жан, мягко говоря, вовсе не горел желанием снова туда ехать. «Я лучше сто раз умру, чем поеду туда», — писал он. Когда один лозаннский пастор стал уговаривать его отправиться в Женеву и в качестве аргумента упомянул о том, что женевский климат был бы полезен для здоровья Кальвина, тот ответил, что Женева — это камера пыток, и заботиться о его здоровье и уговаривать его поехать туда — совершенно несовместимые вещи.

Кальвин ни за что не хотел обустриваться в Женеве. Несомненно, в его позиции огромную роль играло и беспокойство за Иделетт. Она пережила уже достаточно тягот, возможно даже больше, чем он сам. Если бы его новый визит в Женеву обернулся такими же неприятностями, как и в первые два года, что он там провел, то проблемам не было бы конца. В Страсбурге все же было намного спокойнее, хотя, конечно, и там были проблемы. Но со сложностями в Страсбурге он успешно справлялся, и они как-то быстро забывались, чего никак нельзя было сказать о женевских проблемах. Размышляя о себе, Кальвин приходил к заключению, что Бог дал ему талант исследователя, а не характер бунтаря. В Женеве ему нечего было делать.

Но письма оттуда становились все многочисленнее и настойчивее. Теперь писал уже городской совет. Даже Уильям Фарель просил его вернуться. А вот это уже просто-таки обидело Кальвина.

Он ответил Уильяму: «Твоими громами и молниями ты привел меня в глубочайшее расстройство. Почему ты

заставляешь меня чувствовать себя виноватым, почему ты считаешь, что я так плох? Ты хочешь разрушить наши дружеские отношения?.. Если бы у меня был выбор, я ни за что не хотел бы допустить этого». Через два месяца после того как Кальвин женился, из Женевы в Страсбург прибыла официальная делегация, но Кальвин как раз только что выздоровел и отправился в Вормс. Делегация решила добиться своего во что бы то ни стало и отправилась в Вормс вслед за Кальвином.

Тот, прочитав официальное приглашение женевских властей, расплакался. «Мне даже мысль о Женеве причиняет невыносимые страдания». Весной 1541 года Кальвин принял окончательное решение. «Я не могу преодолеть мое душевное расположение и подчинить его необходимости, но я знаю, что не принадлежу сам себе. Я приношу свое сердце в жертву Господу». А в сентябре Кальвин выехал в Женеву. Многие исследователи считают, что Кальвин надеялся уладить там основные вопросы за несколько недель и затем снова вернуться домой. Но большинство все же уверено, что он доверился искренности приглашения городского совета. Но как бы там ни было, Иделетт оставалась в Страсбурге до тех пор, пока Кальвин не удостоверился, что в Женеве она будет в безопасности.

Городской совет сделал все, чтобы достойно встретить чету Кальвинов. Им было обещано высокое жалование (часть которого выделялась на прием знатных гостей). Совет также купил для Кальвинов дом и дал им гарантии безопасности. В дальнейшем в Страсбург был выслан эскорт для сопровождения до Женевы Иделетт и всей домашней утвари. Жан пришел к выводу, что «аборигены» могут быть довольно-таки дружелюбными.

В первое лето, которое Кальвины провели в Женеве, у Иделетт родился ребенок. Но роды были преждевременными, и через две недели он умер. И Жан, и Иделетт очень тяжело это переживали. Жан писал одному

пастору: «Господь, несомненно нанес глубокую рану нашим душам, забрав нашего маленького сына. Но Он Сам отец и знает, что лучше для Его детей». Через три года у Иделетт снова были роды, но девочка родилась мертвой. А еще через два года, когда и Жану и Иделетт было по тридцать девять лет, преждевременно родился еще один ребенок. Он также не выжил. Физическое состояние Иделетт значительно ухудшилось. У нее начался сильный кашель.

У Иделетт было двое детей от первого брака. Но ее сын остался в Страсбурге, чтобы окончить свое образование. Дочь, которая стала в подростковом возрасте довольно непослушной и вспыльчивой, переехала вместе с матерью в Женеву.

Их женевским адресом была улица Шануан, дом 11. Городской совет арендовал мебель, чтобы обставить этот дом. Наверху было три спальни, гостиная и кабинет, а внизу — кухня. На улице неподалеку от дома был фонтан, где Иделетт могла стирать и брать воду для домашних нужд.

Дом не был большим, но в третьей спальне всегда кто-то гостил. По большей части это были брат Жана Антуан со своей женой, которые очень помогали Иделетт по хозяйству. На заднем дворе дома был сад. Там росли цветы, а Жан очень любил показывать гостям небольшой огород, которым занималась Иделетт.

Жан очень много работал. В воскресенье он произносил две проповеди, каждую вторую неделю вел богослужения также и по будням, а по вторникам, четвергам и пятницам читал лекции по богословию. По четвергам он также проводил собрания пресвитеров, а по пятницам — библейские семинары с городскими проповедниками.

Когда Иделетт хорошо себя чувствовала, она сопровождала мужа в его визитах к больным и в тюрьмы. Она глубоко сострадала людям, которых постигло

несчастье. Когда у Жана появлялось свободное время, он писал письма. И писал он их в таких количествах, что дом часто был похож на почтовое отделение.

Удивительно, но, несмотря на слабое здоровье, Жан успешно справлялся с очень большими нагрузками. Он страдал от мигрени, язвы желудка, астмы и плеврита. То, что ему непрерывно приходилось решать проблемы, которые он так не любил, не улучшало его самочувствия.

Он был очень застенчив. Т. Макнелл писал: «Он был одним из тех людей, которых талант исследователя и замечательные душевные качества сделали лидером. Такие люди очень ответственно относятся к возложенным на них обязанностям и не позволяют себе даже малейшего намека на желание отойти от дел».

«Бог бросил меня в игру», — сказал Кальвин однажды, а игры Жану очень нравились. Дома он часто играл, когда у него появлялось время. Он любил играть в кольца и в шары (нечто вроде домашнего боулинга). Джон Нокс писал, что, зайдя к Кальвину как-то в воскресенье, застал его за игрой в шары.

Но игра, в которую бросил его Бог, вовсе не была забавой, несмотря на благожелательность городского совета. Врагов в Женеве у Кальвина было ничуть не меньше, чем друзей, и они всячески старались навредить ему. Стало модным давать собакам кличку «Кальвин». Но Жана гораздо сильнее задевали оскорбления, касавшиеся Иделетт. Из-за того, что она прежде была анабаптисткой, недоброжелатели называли ее первый брак незаконным.

Хотя у Иделетт и было слабое здоровье, она очень много делала для того, чтобы ее муж был более уравновешенным и спокойным человеком. Друзья отмечали, что Жан стал гораздо сдержаннее с тех пор, как женился, несмотря на непрерывные провокации.

Но Иделетт чувствовала себя все хуже и хуже. В августе 1548 года Кальвин писал: «Она очень больна, едва

держится на ногах». Судя по всему, у Иделетт был туберкулез.

Она не хотела, чтобы ее муж переживал из-за ее здоровья, у него в Женеве и так хватало проблем. Но в 1549 году она уже стояла на пороге смерти. Ей было всего сорок, а с Жаном они прожили в браке девять лет. Умирая, она просила Кальвина позаботиться о ее детях. Она очень расстраивалась, что возлагает на него еще и эти хлопоты. «Я предала их Господу, — прошептала она, — но хочу, чтобы ты пообещал мне, что не будешь относиться к ним с пренебрежением». Он пообещал ей это.

Спустя три дня Иделетт все еще цеплялась за жизнь, но Жан понимал, что смерть очень близка. Ее последними словами были: «О, славное воскресение!» Затем, когда она уже не могла говорить, Кальвин беседовал с ней о любви Христа, о вечной жизни и о благословениях тех девяти лет, что они прожили вместе. Через час Иделетт скончалась.

Горе Кальвина было огромным. Неделей позже он писал одному пастору: «Воистину, мое горе невероятно велико, подобное переживают немногие». А своему другу Фарелю он написал: «Я делаю все, что в моих силах, чтобы не впасть в отчаяние. Мои друзья также прилагают к этому массу усилий... Да поддержит меня Господь Иисус... в этом тяжелом горе, которое, без сомнения, сокрушило бы меня, если бы Тот, Который помогает подняться упавшему, дает силы слабому и укрепляет обессиленного, не протянул бы ко мне с неба Свою руку».

Еще через несколько недель один из его друзей писал ему: «Я знаю, друг, как ты хрупок внутренне. А посему я пишу тебе не письмо с соболезнованиями, а скорее письмо с поздравлениями... Я с радостью вижу в тебе работу Духа Божьего, Который являет себя как Утешитель. Я слишком хорошо знаю, насколько тебе тяжело, что с тобой произошло самое страшное, что только могло с тобой произойти. Как же ты должен чувствовать себя, ты, который прежде так сопереживал другим!»

Кальвину было тогда всего сорок лет, но он так и не женился вторично. Через год после смерти Иделетт он называл ее уникальной женщиной и решил впредь «вести одинокий образ жизни». Он прожил еще пятнадцать лет, попытался создать в Женеве христианскую общину в соответствии со своими идеалами, написал новую редакцию своего шедевра «Институты» и произнес проповеди на тридцать книг Библии, стих за стихом.

Его общественное служение было очень активным, но в частной жизни он оставался одинок.

Жаль, что о браке Жана и Иделетт известно не так уж много. Этот недолгий брак — всего девять лет — омрачало слабое здоровье супругов, но оба они были счастливы в этом браке. Иделетт увидела в жизни новые цели, и ее существование вновь наполнилось смыслом. Кроме того, она нашла отца для своих осиротевших детей. А Жану, который, помимо того что страдал от физических недугов, был еще и ипохондриком, Бог дал человека, который любил его и заботился о нем. Жан долго искал такого человека, но Бог предусмотрел и другое: Он послал ему человека, о котором Жану самому нужно было заботиться.

В браке Жан раскрыл те черты своего характера, которые прежде не были видны миру. Жан Кальвин-богослов был известен своей оценкой Бога Отца как Властителя мира, а с появлением в его жизни Иделетт Жан оценил также и Святого Духа, Утешителя, творившего мир в их доме.

Библиография

Bainton, Roland. *Women of the Reformation*. Minneapolis: Augsburg, 1971.

Hyma, Albert. *The Life of John Calvin*. Grand Rapids: Eerdmans, 1943.

Johnson, E. M. *Man of Geneva*. Carlisle, Penn.: Banner of Truth, 1977.

Martin-Taylor, Duncan. *God's Man*. Grand Rapids: Baker, 1979.

McNeil, John T. *The History and Character of Calvinism*. Fair Lawn, N. J.: Oxford University Press, 1954.

Parker T. H. L. *Portrait of Calvin*. Philadelphia: Westminster, 1954.

Van Halsema, Thea. *This Was John Calvin*. Grand Rapids: Zondervan, 1959.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

ЛЮБОВЬ И НЕОГРАНЕННЫЕ АЛМАЗЫ

1. Мой рассудительный советник. *Джон и Полли Ньютон*

2. Превосходившая меня во всем. *Дуайт и Эмма Моуди*

3. Она называла его «Тиршата». *Чарлз и Сьюзи Сперджен*

ВМЕСТЕ ЖИТЬ, ПРЕОДОЛЕВАТЬ НЕВЗГОДЫ, РАБОТАТЬ

4. Не следует утверждать, будто все люди одинаковы. *Уильям и Кэтрин Бут*

5. Он зависел от нее. *Билли и Нелл Санди*

6. Я не променяла бы тебя ни на что на свете. *Уильям и Мэри Брайен*

7. Она незаметно совершенствовала его. *Хадсон и Мария Тэйлор*

ЧТО ТАМ - ЗА ПОДАРОЧНОЙ ОБЕРТКОЙ?

8. В браке приходится ко многому привыкать. *Мартин и Кати Лютер*

9. Совершенно разные. *Кэлвин и Гарриет Бичер-Стоу*

10. По дружбе и по расчету. *К.С. и Джой Льюис*

11. Сердце явно одержало победу над головой. *Джон и Марджори Нокс*

12. Она была матерью его сиротам. *Джордж и Мэри Мюллер*

ЧТО ЖЕ НЕ СЛОЖИЛОСЬ?

13. Любовь — это вздор. *Джон и Молли Уэсли*

14. Ты — старая сухая ветвь. *Ханна Уайтэлл и Роберт Пирсэлл Смит*

15. Он бывал невыносим. *Грэйс Ливингстон Хилл и двое ее мужей*

16. Бедная миссис Кэри была словно жена Лота. *Уильям и Дороти Кэри.*

В РАЗЛУКЕ СЕРДЦА СТАНОВЯТСЯ НЕЖНЕЕ?.

17. Лишенная семейной ласки. *Дейвид и Мэри Ливингстон*

18. Союз двух людей, которые умеют прощать. *Билли и Руфь Грэм*

19. С Богом я должен решиться на все. *Джон Беньян и две его жены*

ПОХОЖИЕ, НО ТАКИЕ РАЗНЫЕ

20. Содружество идущих вместе. *Фрэнсис и Эдит Шеффер*

21. Семья и музыка шли рука об руку. *Иоганн Себастьян Бах и его две жены*

22. Неординарный союз. *Джонатан и Сара Эдвардс*

23. Энергичные и независимые. *Адонирам и Энн Джадсон*

УКРОЩЕНИЕ ХОЛОСТЯКА

24. Я просто обязана с ним познакомиться. *Питер и Кэтрин Маршалл*

25. Вовсе не такой безумный влюбленный. *Жан и Иделетт Кальвин*

Искусный рассказчик Уильям Петерсен приглашает вас в мир семьи тех людей, жизнь и деятельность которых оказала огромное влияние на современное христианство.

Эта увлекательная книга показывает, что браки многих христианских лидеров были отнюдь не идеальными. Энергия этих ярких религиозных деятелей, а также трудные обстоятельства, связанные с их служением, и жертвы, на которые им приходилось идти ради великого дела, — все это порождало множество неожиданных проблем в семейной жизни.

Уильям Петерсен описывает силу духа Полли Ньютон, Эммы Моуди и Сьюзи Сперджен, женщин, которые многое сделали для того, чтобы сформировать характер своих мужей. Он рассказывает о замечательной истории любви Уильяма и Брайен, о взаимном уважении, которое царило между Билли и Нелл Санди, но также проливает свет и на браки, которые зачастую складывались очень непросто. Но самое главное — во всех этих историях есть множество уроков, касающихся таких извечных семейных проблем, как финансовые затруднения, разлуки и несходство характеров.

Если вы стремитесь к разрешению проблем в вашей собственной семье, то вы непременно найдете богатый материал для размышлений в книге «25 удивительных браков».